

**MENSHIKOV MEMORIAL READINGS
2016**

The scientific almanac

Volume 7 (17)

St. Petersburg
Publishing house «XVIII century»
2016

МЕНШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2016

Научный альманах

Выпуск 7 (17)

Санкт-Петербург
Издательство «XVIII век»
2016

Издаётся с 2003 года

Создан по решению Редакционного совета
Березовского межрегионального некоммерческого
благотворительного фонда памяти
светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78–00658 от 09 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Д.А. Гранин, председатель Редакционной коллегии

О.А. Александрова	И.Е. Прозоров
В.А. Артамонов	Д.А. Редин
А.В. Бакланов	Д.А. Сидоров
А.А. Брынза	Ю.Н. Смирнов
М.С. Ветошкина	В.Д. Соловьев
Г.В. Губенкова	А.А. Солодов
С.А. Козлов	А.С. Филиппов
П.А. Кротов	С.В. Филиппов

Главный редактор-администратор В.Д. Соловьев

Главный научный редактор П.А. Кротов

Редактор и переводчик Д.А. Сидоров

Технический редактор И.Е. Прозоров

Художник А.А. Брынза

УДК 94(47)»17»

ББК 63.3(2)511

М 509 Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. —
СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — 283 с. : ил. — (Библиотека
Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Альманах включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ, НЭБ)
и Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых
публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание учёных
степеней доктора и кандидата наук; размещается на портале Президентской
библиотеки им. Б.Н. Ельцина

Фонд, авторы и издательство выражают благодарность
ЗАО «ТюменьМодульСтрой» и лично генеральному директору ЗАО А.С. Филиппову
и частному инвестору М.С. Ветошкиной

© Коллектив авторов, 2016

© А.А. Брынза, оформление обложки, 2010

© Г.В. Губенкова, макет, 2016

© Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, 2016

© Изд-во «XVIII век», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

От главного научного редактора	9
--------------------------------------	---

I. Научные статьи

<i>М.О. Акишин</i>	
Военно-судебная реформа Петра Великого	11
<i>В.А. Артамонов</i>	
Державное противостояние Крымского ханства и Княжества (Царства) Всея Руси в XV–XVI в.	33
<i>И.Г. Дуров</i>	
Пенсионное обеспечение отставных военных и статских чинов, служивших в центральных, губернских и уездных учреждениях Российской империи в XVIII в.	42
<i>А.В. Иванов</i>	
Первое мемориальное судно Москвы – галера «Струг москворецкий»	103
<i>П.А. Кротов</i>	
Борьба России за свободное судоходство на Балтийском море в XIII – первой четверти XVIII в.	129
<i>А.В. Морохин</i>	
Эпизод из истории «брачной дипломатии» Петра I эпохи Северной войны	141
<i>Ю.М. Попов</i>	
Возвращение к петровским нормам службы дворян в начале правления Елизаветы Петровны	152
<i>Д.А. Сидоров</i>	
Шведская Ладожская флотилия 1701 – 1703 гг.	163

II. Публикации источников

<i>А.А. Андреев</i>	
Два письма о происхождении бухарского посла Кули-бека тупчи-баши	218

СОДЕРЖАНИЕ

III. Статьи по экономической истории России

С.А. Козлов

Русские пленные и полоняничные деньги (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.)	225
--	-----

IV. Статьи по истории искусства

Е.А. Андреева

Производство «голландской» плитки в России в Петровское время: легенды и факты	237
---	-----

Р.В. Реброва

Путешествия печи и голландской плитки из Дома Петра I в Нарве	247
---	-----

V. Рецензии

В.А. Артамонов

«Конец историческому долготерпению»: рецензия на труд В.Е. Возгрина «История крымских татар». (СПб. : Нестор ; История, 2013. Т. 1–4)	255
---	-----

Список сокращений	270
-------------------------	-----

Сведения об авторах	272
---------------------------	-----

Рефераты	274
----------------	-----

CONTENTS

From the editor-in-chief	8
--------------------------------	---

I. Articles

<i>M.O. Akishin</i>	
Military legal reform of Peter the Great	11
<i>V.A. Artamonov</i>	
Sovereign standoff between Crimean khanate and Russian Principality in XV – XVI centuries	33
<i>I.G. Durov</i>	
Pension coverage of retired military and civilians whom saw services in central, guberniya and uyezd institutions of the Russian Empire of XVIII century	42
<i>A.V. Ivanov</i>	
The first memorial vessel of Moscow – galley «Strug Moskvoretskiy»	103
<i>P.A. Krotov</i>	
The struggle of Russia for unconfined shipping in the Baltic Sea in XIII – first quarter of XVIII centuries	129
<i>A.V. Morokhin</i>	
The episode from the history of the «marriage diplomacy» of Peter I during the Great Northern War	141
<i>Y.M. Popov</i>	
Reversion to the norms of Peter the Great of noblemen services during the early reign of Elizabeth of Russia	152
<i>D.A. Sidorov</i>	
Swedish Ladoga Flotilla 1701 – 1703	163

II. Publications of Sources

<i>A.A. Andreev</i>	
Two letters on the ancestry of Bukhara ambassador Quli-beq Tupchi-boshi	218

CONTENTS

III. Articles on economic history of Russia

S.A. Kozlov

Russian Prisoners and Polonyanichnye Dengi (second half of XVI – the 20s of XVIII)	225
---	-----

IV. Article on the History of Art

E.A. Andreeva

Manufacturing of Dutch tiles in Russia during the times of Peter the Great: facts and myths	237
--	-----

R.V. Rebrova

The travel of a stove and Dutch tiles from the House of Peter I in Narva	246
---	-----

V. Reviews

V.A. Artamonov

The end of historical long-sufferance: review of V.E. Vozgrin's book «The History of Crimean Tatars»	254
---	-----

List of abbreviations	270
-----------------------------	-----

About authors	272
---------------------	-----

Abstracts	274
-----------------	-----

ОТ ГЛАВНОГО НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Очередной, седьмой (семнадцатый) выпуск научного альманаха собрал в одном переплёте материалы исследователей не только из Санкт-Петербурга, но и Москвы, Воронежа, Нижнего Новгорода, Нового Уренгоя и Новосибирска. Публикуются статьи, источники, рецензия. Труды всех авторов, помещённые в настоящем сборнике, носят выраженный аналитический характер, и при этом многие публикации насыщены новыми сведениями из российских и зарубежных архивов, впервые использующимися в печатном издании, которые позволяют пролить новый свет на обстоятельства бурной эпохи Петра Великого.

Открывается альманах статьёй учёного из Новосибирска М.О. Акишина, посвящённой военно-судебной реформе Петра Великого. Вопреки распространённому среди историков-либералов утверждению, что в итоге Петровских реформ произошло рождение «монстра деспотии в европейских одеждах» (Е.В. Анисимов), автор статьи, показав созданный в годы преобразований богатый пласт военного законодательства и его конкретное применение, пришёл к заключению, что в русской армии тогда «следовали принципам и нормам права войны», а сам монарх «пресекал правонарушения... совершаемые даже высшим командным составом армии», — это действия, не свойственные деспотам. Известный московский историк В.А. Артамонов сосредоточился на исследовании особо злободневной ныне проблематики, связанной с Крымом. Изучено военное противостояние и сотрудничество России и Крымского ханства в XV–XVI столетиях. Показано, что постепенно оба государства подошли к состоянию неуклонного противоборства в регионе Восточной Европы, но деятельность Московского государства, «изначально нацеленная на поглощение присоединяемых земель, обещала лучшие перспективы, чем "набеговая" специализация Крымского ханства», что позволило создать предпосылки для торжества Москвы над Бахчисараем. Острый полемический характер носит и публикуемая в заключительном разделе альманаха рецензия того же автора «Конец историческому долготерпению» на 4-томный труд В.Е. Возгрина «История крымских татар» (2013), которая тоже, думается, не останется без внимания читателей.

И.Г. Дуров вводит в своей статье большой новый материал из архивов по развитию отечественной системы пенсионного обеспечения отставных военных и статских чинов в Российской империи XVIII столетия. Это поныне малоизученное поле для исследовательской работы, итоги которой всегда будут полезны как опыт истории.

Не только исторический, но и практический интерес представляет статья А.В. Иванова с публикацией в приложении к ней архивных документов. Автор впервые установил размеры и реконструировал облик первого мемориального судна Москвы — галеры «Струг москворецкий». Именно на нём в 1722 г. Пётр Великий совершил плавание по Волге. Галера, переоборудованная из традиционного речного струга корабельным подмастерьем Ф.П. Пальчиковым, участвовала в Персидском походе 1722 г. Позднее судно было установлено в Москве под Даниловым монастырём как мемориальное. После 1748 г. оно было разобрано. Возможно, общественность или власти заинтересуются мыслью воссоздать и установить на историческом месте галеру Петра

Великого «Струг москворецкий»? Морскую тему продолжает статья П.А. Кротова. Проследив на протяжении половины тысячелетия борьбу России за возможность свободно развивать торговое мореплавание на Балтийском море, автор делает вывод, что, как показал исторический опыт, добиться этого страна смогла только после того, когда при Петре Великом сумела создать сильный военно-морской флот – это весьма поучительный для страны урок истории.

В хитросплетения европейской дипломатии в связи с состоявшимся в 1711 г. браком царевича Алексея Петровича, наследника российского престола, и принцессы Шарлотты Христины Софии, родной сестры супруги австрийского императора Карла VI Елизаветы Христины (1691–1750), погружает статья А.В. Морохина. Российские дипломаты пытались использовать состоявшийся брачный союз для вовлечения Австрии в военно-политический альянс с Россией, с тем чтобы помочь в прочном утверждении страны на берегах Балтики и заключении выгодного мирного договора со Швецией. Однако фактор установившейся династической связи двух монархий не пересилил влияния соображений реальной политики – такой союз двух держав при жизни супруги Алексея Петровича установить не удалось.

В статье Ю.М. Попова показывается, что «сама жизнь, а именно начавшаяся война со Швецией (1741 – 1743)», заставила руководство страны вернуться ко многим из норм, определявшим основы военной службы дворянского сословия при Петре Великом.

Д.А. Сидоров на основании сопоставления, изучения в первую очередь русских и шведских архивных материалов и литературы дал наиболее подробный на настоящее время обзор деятельности шведской Ладожской флотилии в 1701–1703 годах. Ранее этот сюжет не привлекал большого внимания отечественных исследователей Северной войны 1700–1721 годов. Теперь же этот фрагмент грандиозной мозаики военного противостояния России и Швеции в самом начале XVIII в., пожалуй, можно сказать, что является одной из наиболее подробно разработанных тематических ниш.

А.А. Андреев вводит читателей в область взаимосвязей России со странами Средней Азии. Публикуемые им материалы о происхождении бухарского посла в Россию Кули-бека тупчи-баши обогатят фактическую основу для исследований в этом направлении.

В настоящем альманахе статьёй С.А. Козлова открывается новый раздел по истории экономики России. Автор обратился к малоизученному вопросу о выкупе русских пленных из плена во второй половине XVI – 20-х годах XVIII в.

Е.А. Андреева и Р.В. Реброва, продолжая исследования по истории искусства первой половины XVIII столетия, в своих статьях подняли вопросы, связанные с производством «голландской» плитки в России и происхождением плитки из Дома Петра I в Нарве.

Масштабные преобразования Петра Великого в общем контексте истории Отечества – это явление, осмыслить которое пытаются многие поколения исследователей. С появлением каждого нового труда открываются новые грани, обстоятельства той Великой эпохи. Настоящий альманах, как надеются авторы, – это очередной шаг в направлении дальнейшего последовательного постижения времени Петра Великого и российской истории вообще.

Директор НИЦ «Меншиковский институт»
член редакционной коллегии
издательской программы «Библиотека Фонда
памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова»
доктор исторических наук
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета
академик Академии военно-исторических наук

П.А. Кротов

М.О. А к и ш и н

ВОЕННО-СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО*

Введение

Относительно роли насилия при проведении реформ Петра Великого сложились две позиции. Истоки первой из них основываются на представлениях европейцев XVI – начала XVIII в. о «московитах» как о «варварах», «грубой и бессовестной нации»¹. Обретение Россией статуса великой державы в результате победы в Северной войне привело только к её корректировке. Так, Вольтер утверждал, что Пётр «имя Великого заслужил... не столько победами», сколько тем, что превратил «варварскую» страну в «новую нацию» Европы. Но при этом он заявлял, что Петру I недоставало человечности: «Управляя народом, он оставался человеком диким. Он выносил приговоры и сам выступал в роли палача, а при застольных оргиях выказывал своё умение рубить головы»².

Эта позиция до сих пор имеет сторонников. Один из отцов-основателей американской «советологии» XX в. — немецкий ученый Л. Дехийо, переехавший после разгрома фашизма в США, использовал ярлык «тоталитаризм» по отношению к России начала XVIII в. Он писал: «Пётр был поклонником западной культуры... С помощью царства террора он навязал своему народу европейскую технику и технологию всякого рода... Однако он не мог и не хотел пускать в Россию либеральный дух их режимов, их человеческие свободы: такие вещи подействовали бы как яд на внутриколониальную империю, которой он деспотически правил»³. В том же ключе высказывался в передовой статье тематического номера журнала «Родина» Е.В. Анисимов: в России благодаря Петру произошло рождение «монстра деспотии в европейских одеждах»⁴.

Вторая позиция была заложена Петром I. В написанной при участии царя «Истории Свейской войны» указывалось на опасность «неправо сплетённых», «злодейственных врак» — трактатов и пасквилей, «ругательных ко особе Его Царского Величества, також и народу российского»⁵. В конце XIX–XX в. эта позиция получила научное обоснование в трудах классических русских историков М.М. Богословского, Ю.В. Готье, Б.Б. Кафенгауза и др. Они показали, что обвинения Петра I в «тирании» не соответствуют принципу

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда. Грант № 14-28-00045.

историзма, так как абсолютная монархия была господствующей формой правления в Европе XVII–XVIII в. Учёные обратили внимание на влияние доктрин раннего европейского Просвещения на российские реформы начала XVIII в. Ю.В. Готье писал о Петре I, что он «в последние десять лет своей деятельности... напоминает лучших европейских представителей просвещённого абсолютизма»⁶.

Тезис о применении Петром I политики государственного террора также не нашёл подтверждения в научных исследованиях. В.А. Линовским, К.Д. Кавелиным, Ф.М. Дмитриевым и М.М. Михайловым в ходе проведения судебной реформы 1864 г. были исследованы история уголовного и гражданского судопроизводства. Правоведы сформулировали концепцию, согласно которой русское право формировалось в общем русле развития европейского права, сохраняя при этом национальную самобытность⁷. М.П. Розенгейм, П.О. Бобровский и А.З. Мышлаевский пришли к тому же выводу, исследовав военное право Петра I⁸.

Новый этап исследований военного законодательства Петра I был связан с Великой Отечественной войной. После её окончания появились труды П.П. Епифанова, П.С. Ромашкина, Ю.П. Титова и др. Важным достижением историографии этого периода стал вывод о влиянии боевого опыта русской армии на проведение военной реформы Петра Великого⁹.

Судебная реформа в Российской Федерации рубежа XX–XXI в. вновь актуализировала тему истории процессуального права России. Судебная реформа Петра I была рассмотрена в работах Н.Н. Ефремовой, Л.В. Багиева, Л.А. Хрусталёва, М.О. Акишина, Т.Ю. Амплеевой, Д.О. Серова¹⁰ и др. Истории и современному состоянию военной юстиции посвятил своё исследование председатель Военной коллегии Верховного суда РФ Н.А. Петухов¹¹. Содержательный анализ «Краткого изображения процессов, или судебных тяжб» проведён О.И. Чистяковым¹².

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена как сложившейся историографической ситуацией, так и недостаточной изученностью ряда вопросов военно-судебной реформы Петра I. Её целью является исследование основных этапов реформы, анализ особенностей инквизиционного процесса и практики его применения военными судами начала XVIII в. Источниками для написания статьи стало процессуальное законодательство и материалы судебно-следственных дел.

Законодательство о военном суде первого десятилетия Северной войны

При переходе от Средневековья к Новому времени в Европе происходит так называемая «военная революция», положившая начало появлению современных армий. Её суть заключается, с одной стороны, в распространении огнестрельного оружия и увеличении значения хорошо организованной пехоты; с другой — в формировании новой воинской дисциплины, которая превращала армию в силовой придаток национального государства. Формирование регулярных армий было невозможно без создания военного права.

В сфере процессуального права в теории и на практике в Западной Европе господствовала инквизиция (*lat. inquisitio* – розыск). Эта форма процесса возникла в имперском Риме «и представляла собой в полной силе бюрократическое выражение имперской цивилизации и автократии»¹³. В XIV–XV в. инквизиция стала использоваться коронными судами Франции, Германии и других стран. Классическое выражение инквизиционный процесс получил в немецкой «Каролине» — уголовном уложении Карла V (1532) и французском Уголовном ордонансе Людовика XIV (1670). Эти новации отразились в реформировании вооружённых сил России в XVI–XVII в., но окончательное завершение получили только в годы реформ Петра I¹⁴.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Решая задачи военной реформы, Пётр I в 90-х годах XVII в. обратился к изучению западноевропейского военного законодательства. По поручению царя в конце XVII в. Я.В. Брюс составил «Краткое описание законов (или правил) шведских, английских и французских». В 1697 г. «для присматривания новых воинских дел и повелений» в Цесарскую землю и другие страны выехал «майор выборного Преображенского солдатского полку» А.А. Вейде, сын выходца из Пруссии¹⁵.

3 июля 1699 г. Вейде представил Петру I проект «Воинского наказа», основанный на изучении организации французской, нидерландской, саксонской и цесарской армий. В проекте рассматривались вопросы организации и обучения регулярной армии, «такжежды и статьи, или артикулы, какое кому наказание за вины»¹⁶. Важной идеей «Наказа» являлось положение о необходимости поддержания в армии строгой дисциплины. С этой целью предлагалось заменить единоначальный суд военных командиров судом коллегиальным, учредить институт аудиторов, определялись правила производства «инквизиции»¹⁷.

Несмотря на то что «Наказ» Вейде носил характер доклада, Пётр I использовал его в боевой подготовке русской армии. По распоряжению царя «Наказ» распространялся среди военнослужащих. Последнее обстоятельство привело П.О. Бобровского к выводу о том, что царь внёс в доклад Вейде изменения и дополнения, после чего «Устав» приобрёл силу законодательного акта и стал основой для обучения офицеров драгунских и пехотных полков¹⁸. П.П. Епифанов установил, что в докладе Вейде царя особенно заинтересовали правила обучения офицеров и солдат строевой службе. Именно в этой части «Устав» стал основой для «Статей воинских, как надлежит солдату в житии себя держать и в строю и в учении как обходится», составленного в 1699 г. генералом А.М. Головиным¹⁹.

Идеи Вейде о реформе военного судопроизводства также заинтересовали царя, что, в частности, обуславливалось необходимостью привлечения иностранных офицеров в российскую армию. В Манифесте «О вызове иностранцев в Россию» от 16 апреля 1702 г. Пётр I обещал создать «Тайную Военного совета коллегия», для того чтобы «иноземцы не удерживаемы были от приезда в Россию опасением, чтобы их не подвергли установлениям, судебной расправе или иному роду наказаний, несообразных с их земскими законами и обычаями». Правосудие в Коллегии предполагалось производить «по законам Божеским, а потом по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям... полагаясь на то, что притом наши царские преимущества, права и принадлежности всегда соблюдаемы будут»²⁰.

27 января 1702 г. начал действовать первый свод правил русской армии «Уложение, или правило, воинского поведения генералам, средним и младшим чинам и рядовым солдатам», подготовленный по именному указу и утверждённый генерал-фельдмаршалом Б.П. Шереметевым. Основой для создания «Уложения» стало датское законодательство. В нём намечалась система воинских проступков и преступлений. Относительно военного судопроизводства устанавливалось, что судебная власть в войске принадлежит полковнику, но впервые закреплялось, что суд командир полка должен осуществлять не единолично, а «собранным военным судом», то есть коллегиально²¹. В феврале 1702 г. Пётр I по докладу Б.П. Шереметева назначил генерал-аудитором в его армию С. Хрушова и предписал последнему организовать военно-судную часть по «артикулу»²². Сохранившиеся документы позволяют прийти к выводу о том, что «Уложение» действовало в армии Шереметева во время ведения боевых действий в Прибалтике в 1702–1705 годах.

Около 1705 г. доктором права Г. Гюйссеном на основе Саксонского военного устава был составлен «Краткий Артикул, избранный из древних христианских прав и проч.». В 1706 г. «Краткий Артикул» издали на немецком языке в С.-Петербурге под названием

«Moskowitzisches Kriegs Reglement» («Московский воинский устав»). По поручению князя А.Д. Меншикова в том же году «Краткий Артикул» был переведён на русский язык, утверждён и издан для войск, находившихся под его командованием.

Причиной разработки и принятия «Краткого Артикула» было создание конной армии под командованием А.Д. Меншикова, которую в 1706 г. предполагалось перебросить из Ингерманландии в Речь Посполитую. В уставе прямо определялось его предназначение: «...для наилучшего, порядочного и честного управления в кавалерии». Однако сохранились отдельные данные о том, что «Краткий Артикул» применялся и в пехоте. Так, в 1711 г. на основании «Краткого артикула» был проведён военный «кригсрехт» в армии генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева²³.

«Краткий Артикул» состоял из 141 статьи, которые были объединены в 12 глав. Первые пять глав касались общеуголовных преступлений, следующие четыре — воинских, три последних регламентировали устройство военных судов²⁴. Устанавливалось, что в армии должны действовать два вида коллегиальных судов с участием аудиторов: полковые и генеральные. В их работе принимал участие аудитор. Во время боевых действий был возможен чрезвычайный скорорешительный суд²⁵.

Первой попыткой кодификации военного законодательства России стал «Устав прежних лет». Этот акт состоит из трёх частей: открывается он «Манифестом», затем следуют «Воинский наказ» и «Воинские статьи». Манифест включает полный титул российского самодержца, текст присяги ему и требование читать «Устав» еженедельно в полках. «Воинский наказ» регулировал военное судопроизводство и «Воинские статьи» содержали перечень преступлений и наказаний за них²⁶. Предполагается, что обе части Устава были заимствованы из датских военных законов 1683 г., а работой по его редактированию занимался Пётр I²⁷.

«Устав прежних лет» не датирован, что вызвало дискуссию между учёными, занимавшимися его исследованием. А.З. Мышлаевский осторожно писал, что время его появления можно «отнести... к 1700—1705 гг.», но оговаривался о более раннем происхождении «Уложения» Шереметева²⁸. Авторы «Столетия Военного министерства» и вслед за ними Н.А. Петухов считают, что «Устав прежних лет» был составлен ранее «Уложения» Б.П. Шереметева. По их мнению, одна из частей «Устава прежних лет» — «Воинские статьи» — вошла в «Уложение» 1702 г. с некоторыми сокращениями и изменениями²⁹.

П.П. Епифанов и Л.Г. Бескровный доказывают, что «Устав прежних лет» был составлен в 1706 г. по указу Петра I, утверждён им и «действовал до издания "Артикула воинского" 1715 г.»³⁰. Разделяя точку зрения Епифанова о датировке «Устава прежних лет», не могу согласиться с тезисом о том, что ему когда-либо была придана юридическая сила, так как не известно ни одного решения воинского суда, которое бы содержало отсылки к нему.

В «Уставе прежних лет» устанавливались два вида военных судов: полковой («низший») суд и генеральный («верхний») суд. В генеральном суде рассматривались дела о генералах и штаб-офицерах, дела о преступлениях, совершённых целыми воинскими частями или подразделениями, дела о «комиссарстве или провианте, если не порядок произойти может». Он являлся апелляционной инстанцией по отношению к полковым судам. При полковом и генеральном судах учреждались должности аудиторов, которые следили за соблюдением установленного порядка судопроизводства и правильным применением законов. Во время боевых действий был возможен чрезвычайный скорорешительный суд³¹.

Структура и численность аудиторов была определена в Штатах русской армии от 19 февраля 1711 г. В число высших и старших аудиторских должностей входили три генерал-аудитора, три генерал-аудитора-лейтенанта, 12 бригад- (или обер-) аудиторов.

К младшим должностям были отнесены аудиторы 42 пехотных и 44 драгунских полков. С 8 февраля 1712 г. по штату артиллерии в этом ведомстве должен был состоять аудитор с жалованием в 180 руб. в год³².

«Краткое изображение процессов» и реформа военного судостроительства

Пётр I осознавал необходимость разработки особого военно-процессуального кодекса. В именном указе генералу А.И. Репнину от 25 января 1707 г. говорилось: «...крейсрат и прочие воинские права ныне отправлять по старому артикулу, пока новой будет выправлен»³³. Реальный переход к новым формам военного суда стал осуществляться после победы под Полтавой. П.О. Бобровский установил, что «уже с 1710 г. название "военный", "воинский суд" в официальных бумагах заменяется выражениями "кригсрехт", "крейсрехт"»³⁴.

Решить проблему кодификации военного процесса сумел пленный шведской армии Эрнст Фридрих Кромпейн (Ernst Friedrich Krompein), перешедший в 1710 г. в русскую службу на должность обер-аудитора. Уроженец г. Эйсенберг в Тюрингии, он получил юридическое образование в Йенском университете, работал адвокатом в Ревеле, а затем служил аудитором в шведской армии. В 1719 г. Г. Фик, предлагая Петру I повысить Э. Кромпейна в должности, аттестовал его как «добросовестного и учёного мужа, досконально знающего судебные, полицейские и фискальные дела». Следует отметить, что Кромпейн владел родным немецким и шведским языками, но русский он так и не освоил, почему проект кодификации, видимо, был подготовлен на немецком языке³⁵.

Ныне выявлено первое издание «Краткого изображения процессов, или судебных тяжб, против римских, цесарских и саксонских прав», осуществлённое в типографии Санкт-Петербурга в июле 1712 г.³⁶ Как справедливо отметил Д.О. Серов, учитывая, что на титульном листе публикации 1712 г. значилось: «...напечатаны повелением Царского Величества», а Санкт-Петербургская типография имела в этот период статус правительственной, эта публикация являлась официальным обнародованием законодательного акта³⁷. В декабре 1714 г. в Санкт-Петербурге вышли в свет «Инструкции и артикулы военные»³⁸.

Об участии царя в работе над «Уставом воинским» в «Гистории Свейской войны» сообщается: в 1715 г. «государь, будучи в Санкт-Питербурхе, начал сочинять устав воинской сухопутной со всеми обстоятельством»³⁹. Наиболее масштабные поправки Пётр I внёс в «Артикул воинский». По подсчётам П.О. Бобровского, руке царя принадлежит свыше 70 поправок и дополнений в его черновой редакции. Царь также дополнил «Краткое изображение процессов» заключительной вставкой «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях», компиляцией из инструкции датским военным судам Христиана V (1683). Статьи о последствиях лишения чести были дописаны рукой царя⁴⁰.

В апреле 1715 г. и 1717 г. «Артикул воинский» и «Краткое изображение процессов» официально публиковались конволютом⁴¹. Наконец в 1719 г. «Воинский устав» был опубликован в трёх книгах: первая книга содержала собственно Устав (68 глав), вторая — «Артикул воинской с кратким толкованием» (209 ст.) и «Краткое изображение процессов, или судебных тяжб» (3 части и 14 глав); третья состояла из трёх частей: «О эксерции (или учении)», «О приуготовлении к маршу», «О званиях и о должностях полковых чинов». В издании указывалось, что эти акты публикуются «купно» (то есть как части одного акта), но они снабжались различной нумерацией страниц, не имели общего оглавления⁴².

«Краткое изображение процессов» имело логичную структуру. Вводные главы «О суде и судиях» и «О процессе, или тяжбе» содержали общие определения суда, судостроительства и процесса, следовавшие за ними три части конкретизировали содержание

I. ARTICLES

отдельных процессуальных институтов. Завершался кодекс вставкой «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях». В кодексе проводится принцип законности в понимании, характерном для периода абсолютизма, а сам он являлся процессуальной инструкцией, которой руководствовались военные суды.

Источники, использованные при составлении «Краткого изображения процессов», указаны в заглавии публикации 1712 г.: «...против римско-цесарских и саксонских прав учрежденное», то есть акты военного законодательства Саксонии, Австрии и Дании. Несомненно также влияние шведского военно-процессуального законодательства. По мнению К. Петерсона, шведский Устав воинского судопроизводства 1683 г. явился основным источником разработки «Краткого изображения процессов»⁴³.

Перевод и редакторская правка труда Э. Кромпейна привели к ряду ошибок. Во-первых, его последняя глава «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях» содержит нормы материального уголовного права. Во-вторых, это недостатки перевода на русский язык иностранных терминов. Законодатель неправильно использовал понятие «кригсрехт»: в переводе с немецкого *kriegsrecht* означает военное право, а военный суд должен был звучать как «кригсгерихт». Для обозначения охранной грамоты используется термин «салф кондукт» от сильно испорченного латинского *salvus conductus* — обнадёживание обвиняемого⁴⁴.

Одним из отличий инквизиционного процесса от московского «розыска» было отделение суда от администрации. «Краткое изображение процессов» стало первым русским нормативным актом, в котором был закреплён этот принцип. В ст. 2 гл. I давалось определение суда: «Суд всегда из некоторого числа честных особ сочинён бывает, которым от высокаго начальства власть и мощь во управлении правосудия дана. Оным тягающиеся особы свои тяжёбныя дела порядочно доносить, и по правам на оныя решения от них получить могут». Таким образом, суд должен был состоять из лиц, не опороченных в глазах общества и государства. Полномочия он получал «от высокаго начальства», то есть являлся орудием верховной власти.

В ст. 3 гл. I устанавливалось, что «правосудие» включало две подсистемы: гражданского суда, который разрешает «разныя ссоры и брани между подданными, разных чинов происходящия», и воинского суда, «в котором только ссоры между офицеры, солдаты и протчими особами, войску надлежащими». Думается, эта норма отражает воззрения на военный суд как на особую подсистему правосудия, характерные для правопонимания XVII–XVIII в. Позиция Д.О. Серова, предлагающего рассматривать военные суды в качестве специализированных по отношению к судам общей юрисдикции в начале XVIII в.⁴⁵, является следствием некорректного применения ретроспективного метода исторического исследования. Этот метод может применяться только с учётом принципа историзма.

«Воинской суд, или кригсрехт», включал два вида судебных органов — генеральный и полковой «кригсрехты» (гл. I, ст. 4), различавшиеся юрисдикцией в зависимости от характера дела и служебного положения сторон. В генеральном «кригсрехте» рассматривались дела о государственных преступлениях; коллективные преступления, совершённые воинским формированием, начиная от роты и эскадрона; обвинения против «знатных и высоких офицеров»; преступления против чести, жизни и здоровья фельдмаршалов и «высоких офицеров». Полковой «кригсрехт» рассматривал все остальные дела между рядовыми, унтер-офицерами и офицерами полка. В ст. 5 гл. I уточнялось, что юрисдикция «кригсрехтов» распространяется «над офицеры, солдаты и прочими к войску надлежащими людьми, между которыми офицерские служители, харчевники и прочие, кроме жён и младенцев, разумеются».

Состав «кригсрехта» по общему правилу включал 13 членов. Однако из-за перегруженности обязанностями командного состава армии допускался сокращённый состав из

семи членов: в генеральном — с «презусом» (*лат. praesidens* — сидящий впереди), монархом или командующим армией, — заседали ассессорами шесть генералов и старших офицеров; в полковом — «президует полковник или полуполковник», ассессорами состоят шесть офицеров полка (гл. I, ст. 6). Состав суда утверждался указом «от высокого начальства» (гл. I, ст. 9). Судьи приводились к присяге о том, что они будут судить по «воинским пунктам, правам и уставам... право и нелицемерно». Челобитчик и ответчик обладали правом предложить отвести члена суда по причинам вражды, свойства или дружбы, обязательственных отношений с одной из сторон, но решение по отводу принимал «кригсрехт» (гл. I, ст. 12, 13).

В состав «кригсрехта» вводился профессиональный юрист — аудитор (*лат. auditor* — слушающий). Законодатель аргументировал это тем, что от офицеров «особливого искусства в правах требовать не можно, ибо они время своё обучением воинского искусства, а не юридического провозждают». Аудитор должен был «добрым быть юристам», в обязанности которого входило «смотреть и хранить, чтоб процессы порядочно и надлежащим образом отправлялись» (гл. I, ст. 7, 8). Технический персонал «кригсрехта» включал секретаря, который отвечал за делопроизводство; адъютанта, выполнявшего функции судебного пристава (гл. I, ст. 7, 11).

По общепринятому мнению, аудиторы — это профессиональные юристы, в чьи обязанности входило наблюдение за законностью при отправлении правосудия. Так, В.Н. Латкин рассматривал их «в качестве представителя юридического элемента» в суде, который был обязан «наблюдать за правильным применением законов и за соблюдением предписанного законом делопроизводства»⁴⁶. Но ряд учёных придают большее значение этому институту. Г.М. Сутормин пришёл к выводу «о том, что аудитор — это, по существу, руководитель военно-уголовного процесса, следовательно и прокурор в одном лице»⁴⁷. Н.А. Петухов считает, что генерал-аудитор Военной канцелярии был «прообразом как прокурора, так и руководителя военно-судебного управления»⁴⁸.

В гл. I и других закреплялись принципы тайны судопроизводства и письменной его фиксации. Последний принцип являлся основой для контроля за судопроизводством «кригсрехтов» со стороны вышестоящих органов.

Наряду с «кригсрехтами» в «Уставе воинском» закреплялось сохранение так называемого скорорешительного суда. Относительно производства дел в скорорешительном суде устанавливалось, чтобы «преступник, при остановке одного полка или роты, без всяких обстоятельств и допросов чрез священника токмо исповедался и потом того часу пред всеми повешен или расстрелян иметь быть».

В ст. 1 гл. II давалось определение процесса (*лат. processus* — продвижение): «Процесс есть дело судимое, чрез который случающиеся тяжёлые дела основательным представлением и из обстоятельства для обретенных доказов явныя сочиняются, и потом от судей по изобретению оных притчин решение чинится». Процесс мог начаться как по частной жалобе, так и по публичному обвинению (гл. II, ст. 2).

Процесс был разделён на части (стадии): (1) возбуждение дела; (2) сбор «доказов» (доказательств) и их юридическая квалификация; (3) вынесение и исполнение приговора (гл. II, ст. 3). Важно подчеркнуть, что правоприменение объективно носит стадийный характер, но в «Кратком изображении процессов» это впервые в истории российского права было обосновано теоретически и закреплено в законе.

В отечественной науке (М.П. Розенгейм, В.Н. Латкин, С.В. Юшков и др.) был сформулирован вывод о том, что впервые в истории русского права процесс разделялся на предварительное следствие («фергер») и собственно суд («кригсрехт») ⁴⁹. В новейшей литературе эта точка зрения была оспорена. О.И. Чистяков пришёл к выводу: «С некоторой натяжкой

можно ещё согласиться, что в законе имеются в виду две части судебного заседания — судебное следствие и вынесение приговора, но ни в коем случае нельзя видеть указаний на предварительное следствие»⁵⁰.

Думается, установить истину в этой дискуссии можно на основе изучения судебной практики. Можно сослаться на примеры, когда всё дело разрешалось в две стадии: судебного следствия и вынесения приговора. Так, генеральный «кригсрехт» с участием Петра I по обвинениям против вице-адмирала К. Крюйса и его подчинённых занял всего 18 заседаний с 14 декабря 1713 г. по 22 января 1714 г. (с перерывом с 23 декабря 1713 г. по 7 января 1714 г.)⁵¹.

Однако многие дела рассматривались в течение нескольких месяцев. Все они озаглавлены «фергер и кригсрехт». В разделе «фергер» содержатся материалы следствия: протоколы допросов ответчика и свидетелей, очных ставок и т. д. Раздел «кригсрехт» включает подписанные членами и «презусом» мнения по рассматриваемому делу, а также «конfirmацию» «высокого начальства». Трудно себе представить, что офицеры в течение нескольких месяцев заседали в суде и проводили допросы и собирали письменные доказательства по делу. Логичнее предположить, что досудебное следствие («фергер») проводил аудитор, коллегия офицеров рассматривала собранные доказательства и выносила приговор («кригсрехт»). Отсюда можно заключить, что «Краткое изображение процессов» заложило основу для отделения предварительного следствия от суда.

В первой части «Краткого изображения процессов» определялся правовой статус сторон и излагались правила определения рамок спора. Челобитчик определялся как лицо, которое «другаго некоторой ради причины в суд позывает и от судьи правомернаго приговору и вспоможения в правом своём деле требует» (ч. 1, гл. 3). Ответчик как лицо, которое «какой ради нибудь причины от другаго в суд позван будет, и на него правомерное вспоможение от судьи, решение требуется» (ч. 1, гл. 4).

В гл. 5 ч. 1 предусматривается институт судебного представительства. Для обозначения представительства вводится новый термин — адвокат (*лат. advocatus*): «Хотя в средине процессу челобитчик или ответчик занеможет или прочия важныя причины к тому прилучатся, так что им самим своею особою в кригсрехте явиться невозможно, то позволяется оным для вывода своего дела употреблять адвокатов и оных вместо себя в суд посылать... Токмо при разыскных делах, которые случаются в кригсрехте, оным вместо себя адвокатов употреблять не позволено, но принужден ответчик сам своею особою ответствовать».

Вопрос о процессуальных сроках доставки ответчика на суд не ставился, так как начало процесса зависело от государственного органа, возбудившего дело. Однако вводился институт «салф кондукт», который определялся как «явная грамота, которая от вышняго начальства земли преступления ради ушедшему (когда онаго поимать не можно) даётся», в которой ему предлагалось свободно приехать без оружия и «знатными» дорогами к установленному сроку в суд. Под «вышним начальством», видимо, понимался монарх, а в его отсутствие — Сенат или командующий армией, так как более эту грамоту «никакой высокой суд, ниже губернатор не имеет власти... дать» (ч. 1, гл. II).

Процесс начинался с извещения ответчика. Президент «кригсрехта» должен был устно или письменно известить ответчика об обвинителе против него, изложить обвинение, определить место и время начала расследования (ч. 1, гл. I, ст. 1, 2). Ответчик, ознакомившись с обвинением, мог «на оную ответствовать. Потом челобитчик паки может во определённое ж время противный учинить ответ, а ответчик равным же образом ответствовать; а более сего обоим им не позволяется» (гл. IV, ст. 2). В последующем суд должен был разрешить дело, основываясь только на этих обвинениях, то есть устанавливались юридические рамки спора.

Важно подчеркнуть, что обвиняемый должен был представить доказательства своей невиновности. В данной норме отражался принцип виновности, характерный для инквизиционного процесса, согласно которому обязанность доказывания невиновности возлагалась на обвиняемого, а все сомнения толковались против него. «Запирательство» обвиняемого не облегчало его положения. Ещё одним принципом инквизиционного процесса была ответственность за видимость зла. Согласно этому принципу «дурное» поведение, подозрение в преступлении, даже не подкреплённое фактами, должно вести к уголовному преследованию.

Предусматривались три варианта ответа ответчика: «(1) когда ответчик в жалобе весьма повинится, или (2) во оной весьма запрется, или (3) оную признавает, токмо притом такая обстоятельства представляет, по которым дело против челобитчикова доношения не сходно». В первом случае суд сразу приступал к составлению приговора, два иные ответа требовали проведения следствия (ч. 1, гл. VI, ст. 2).

Во второй части «Краткого изображения процессов» закреплялась теория формальных доказательств. В ст. 6 (ч. 2, гл. I) перечислялись четыре вида «доказов»: добровольное признание, свидетельские показания, письменные документы и присяга. В ст. 1 и 2 (ч. 2, гл. II) говорилось, что «собственное признание есть лутчее свидетельство всего света», но оно должно соответствовать ряду требований: полным и безоговорочным, добровольным, дано перед судом и чтобы суд «о правде б не сумневался».

Свидетелями должны «быть добрые и беспорочные люди», очевидцы события, дающие показания перед судом под присягой (ч. 2, гл. III, ст. 1, 2, 6). От дачи свидетельских показаний нельзя было отказаться (ч. 2, гл. III, ст. 5). Ценность свидетельских показаний была поставлена в зависимость от пола, образования и сословного положения: «...лутчие свидетели, разумеется, что свидетель мужеска полу паче женска и знатный паче худаго, учёный — неучёнаго и духовный — светскаго человека почтен бывает» (ч. 2, гл. III, ст. 13).

Свидетелями не могли выступать: клятвопреступники, проклятые церковью, тайно портящие межевые знаки, «изгнанные из государства или у которых преступления их ради уши и нос рваны или знак на щеке положен», объявленные судом «нечестными людьми», «разбойники и воры», «смертноубивцы», «явные прелюбодеи». Свидетельские показания признавались недопустимыми по причинам свойства, дружбы и вражды с одной из сторон, дети до 15 лет и т. д. (ч. 2, гл. III, ст. 2).

Письменные доказательства включали государственные («записаны яко в городских книгах, судейских книгах и прочих») и частные («купецкия письма, духовныя, мирныя письма и рукописание, реверсы и прочая») документы. Государственные документы признавались более ценными. Устанавливалось, что «купецкия книги... могут токмо вместо половины доказанья служить» (ч. 2, гл. IV).

Присяга была вспомогательным доказательством и применялась в случае, «когда челобитчик ответчика некоторою причиною обвинит, которую он токмо полуявным основанием доказать может, или ответчик в явных собраниях таким же образом обнесёт, а иных доказов иметь не может». Перечислялись основания таких «подозрений»: предшествующее участие обвиняемого «с другими злодеями в компании», попытка побега ответчика, имеется непоследовательность в показаниях и т. д. (ч. 2, гл. V, ст. 2, 6).

В шестой главе регулировалось применение «разспроса с пристрастием» и пытки. Применение пытки ограничивалось: «...судье не надлежит без довольнаго подозрения дерзнуть вскоре никого к пытке привести, но прежде важныя к тому иметь причины и совершенное подозрение» (ч. 2, гл. V, ст. 2). Устанавливалось, что пытка применяется только в уголовных и «важных гражданских делах» (ч. 2, гл. V, ст. 3). К пытке можно было

приводить не более трёх раз (ч. 2, гл. V, ст. 7). Судье предписывалось «пытку умеренно с рассмотрением чинить». В случае, если обвиняемый умирал на пытке с умысла судьи, ему грозила смертная казнь. В случае смерти обвиняемого по неосторожности решение по делу передавалось «по присуждению вышнего судьи» (ч. 2, гл. V, ст. 4). Запрещалось приводить к пытке «шляхту, служителей высоких чинов, старые семидесяти лет, недорослей и беременных жён». Они могли быть подвергнуты пытке только «в государственных делах и в убийствах, однакож с подлинными о том доводами» (ч. 2, гл. V, ст. 10). Устанавливалось, что показания, данные на «разспросе с пристрастием» и пытке, должны были быть подтверждены добровольно перед судом (ч. 2, гл. V, ст. 8).

Теория формальных доказательств справедливо критиковалась юристами Нового и новейшего времени. В частности, О.И. Чистяков приводит следующие аргументы против неё: «Основной... недостаток системы формальных доказательств состоит именно в том, что самый добросовестный судья так связан ею, что иногда вынужден принимать решение вопреки здравому смыслу и своей совести»⁵².

Соглашаясь со справедливостью критики теории формальных доказательств, отмечу всё же два обстоятельства. Во-первых, такая критика применительно к истории русского права XVIII в. противоречит принципу историзма. Рецепция Петром I инквизиционного процесса с его теорией формальных доказательств была следствием утверждения в России абсолютной монархии и сближения российского права с правовыми системами стран Западной Европы.

Во-вторых, следует учесть состав судей XVIII в. — отставных военных, получивших жизненный опыт в войнах того времени. Учитывая это обстоятельство, следует согласиться с М.Ф. Владимирским-Будановым, который писал: «Важнейшим недостатком петровского процесса обыкновенно считают введённое им учение о формальном значении доказательств... Но при исключительном господстве следственных начал в процессе это скорее достоинство, чем недостаток, ибо произвол, данный судье, был столь велик, что без ограничения его теориею формальной силы доказательств само понятие о суде утрачивалось бы: приговор являлся бы простым распоряжением судьи по его усмотрению»⁵³.

В третьей части «Краткого изображения процессов» регулировался порядок вынесения и утверждения приговора. После окончания судебного следствия президент и ассессоры обменивались мнениями. И если приходили к общему мнению, то выносили приговор. В случае разногласий происходило голосование. При равенстве голосов решающим являлось мнение президента (ч. 3, гл. I, ст. 1). Приговор подписывался президентом и аудитором, после чего публично оглашался секретарём (ч. 3, гл. I, ст. 3).

В «Кратком изображении процессов» содержится требование обоснованности приговора, отражения в нём всех обстоятельств дела. В этой норме отражается целый ряд принципов инквизиционного процесса — абсолютистское понимание законности, инструктивный характер процессуального кодекса для суда, требование письменной фиксации всех обстоятельств дела.

Следующими двумя принципами инквизиционного процесса, вытекающими из предыдущих, является инстанционность — существование системы подчинённых друг другу государственных органов, где все дала рассматриваются и разрешаются, восходя по инстанциям, то есть исключительно в недрах единой бюрократической системы; ревизионное начало, согласно которому всякое судебное решение предполагается сомнительным и подлежит обязательной и всесторонней проверке в вышестоящих инстанциях.

Приговор полкового «кригсрехта» мог быть пересмотрен в апелляционном порядке в генеральном «кригсрехте» (ч. 3, гл. I, ст. 5). Все решения полкового и генерального

«криссрехтов» нуждались в «конфирмации» «высокого начальства» (ч. 3, гл. I, ст. 5–6). Причины, по которым приговор мог быть «уничтожен», включали неучёт судом всех обвинений челобитчика, вынесение судьёй приговора без судебного разбирательства, отказ судом в присяге челобитчику и обвиняемому и т. д. Противоправность, как основание для пересмотра дела, стоит на последнем месте, причём требуется «наглосе» нарушение закона (ч. 3, гл. II).

Военное судоустройство в 1717 – 1725 г.

Новые изменения в организации военной юстиции были вызваны проведением коллежской реформы и окончанием Северной войны. 15 декабря 1717 г. были созданы Военная и Адмиралтейская коллегии. В соответствии с указом от 3 марта 1719 г. Военная коллегия получила назначение высшего военно-судебного органа. Согласно данному акту приговоры «криссрехтов» «конфирмовывались» командующими корпусами. В Военную коллегия должны были направляться приговоры «криссрехтов» о наказаниях смертной казнью. Приговоры в отношении нижних чинов «конфирмовывала» сама Коллегия, а относительно офицеров представляла на рассмотрение монарху⁵⁴. Согласно распоряжению Военной коллегии от 24 июля 1721 г. на «совершенную конфирмацию» в Коллегию стали направляться все приговоры «криссрехтов», утверждённые командующими корпусами. При этом оговаривалось, что в Коллегию вместе с приговором следовало присылать не подлинник судебного дела, а только заверенный аудитором «экстракт»⁵⁵.

На основании именного указа от 3 июня 1719 г. в структуре Военной коллегии было создано Аудиторское повытье. В его состав вошли генерал-аудитор, генерал-фискал, обер-аудитор, два канцеляриста и два копииста. Аудиторское повытье осуществляло руководство аудиторской службой армии, вело делопроизводство Военной коллегии по военно-судной части, регистрировало все судебные дела, возникавшие в войсках в отношении офицеров, собирало экстракты судебных дел для их обревизования. Через Аудиторское повытье приговоры «криссрехтов» поступали на утверждение Военной коллегии или императору⁵⁶.

Согласно армейским штатам 1720 г. и «Табели о рангах» 1722 г. статус аудиторов был понижен: генерал-аудиторы сухопутных войск были отнесены к 7 классу (вместе с подполковниками), генерал-аудиторы-лейтенанты сухопутных войск — к 8 классу (вместе с майорами), обер-аудиторы в сухопутных войсках и артиллерии — к 9 классу (вместе с капитанами), аудитор в артиллерии — к 10 классу (вместе с лейтенантами). Полковым аудиторам ранг был не назначен, а по размеру жалования они были поставлены ниже прапорщиков и лишь немногим выше полковых писарей⁵⁷.

Окончание Северной войны поставило проблему реформы военных «криссрехтов». Пётр Великий предусматривал заранее необходимость такого преобразования. В ст. 1 (гл. 50) Устава воинского от 30 марта 1716 г. предусматривалось устройство «нижних судов», «которой... в крепости у губернатора или коменданта»⁵⁸.

Не позднее 15 февраля 1723 г. в Москве был учреждён постоянный Нижний Воинский суд. По своему составу он был близок к генеральному «криссрехту»: «презусом» суда назначался член Военной коллегии в чине бригадира, ассессорами являлись два полковника, при суде состоял обер-аудитор⁵⁹. В 20-х годах Нижний Воинский суд ведал всеми делами о беглых рекрутах и рассматривал дела об уклонении военных от службы, которых задержали в Москве или вблизи неё⁶⁰.

Однако далее реформа не пошла. В Санкт-Петербурге по распоряжению Военной коллегии от 4 ноября 1724 г. была создана временная военно-судная комиссия петербургского

гарнизона. Постоянный военный суд был основан в Санкт-Петербурге только в 1771 г.⁶¹. В прочих воинских частях и соединениях «кригсрехты» до начала XIX в. постоянными органами правосудия не стали.

Были внесены изменения в подсудность «кригсрехтов». Согласно указу от 23 сентября 1717 г. «кригсрехты» перестали рассматривать гражданские дела: они перешли в подсудность Военной канцелярии. Затем эти дела были вообще изъяты из ведомства военной юстиции. В «Генеральном регламенте» от 28 февраля 1720 г. устанавливалось: «...подчинённые воинские служители Сухопутной и Адмиралтейской коллегии, каждый в своей коллегии в присутствии своих должностей судимыми да будут; в партикулярных же делах между собою всякого чина люди в Юстиц-коллегии и в подчинённых местах судимы и штрафованы да будут». По указу от 30 ноября 1723 г. из юрисдикции Военной коллегии были изъяты дела, стороной в которых были отставные военнослужащие⁶².

В связи с расквартированием воинских частей в провинции в мирное время произошли изменения в составе и юрисдикции полковых «кригсрехтов». Согласно «Плакату о зборе подушном и протчем» и инструкции «О должности полковника» от 6 ноября 1724 г. полковникам было предоставлено право суда в отношении гражданских лиц, совершивших преступления в отношении военнослужащих. При этом состав полкового «кригсрехта» должен был быть смешанным: правосудие осуществлялось совместно с земским комиссаром в отношении крестьян, с двумя «депутатами» от горожан в отношении посадских людей и купцов, с земским комиссаром и двумя местными дворянами в отношении дворян⁶³.

Практика военных судов периода Северной войны

Военное право стало основой укрепления дисциплины в армии и на флоте, о чём свидетельствует практика военных судов. Проведём её анализ на основе следствия и суда о четырёх группах составов военных преступлений: нарушений законов и обычаев права войны, некомпетентности военного командования, проявления трусости в бою офицеров и солдат, дезертирства рекрутов и солдат.

Целью победы в Северной войне для Петра I было не просто «стать твердой ногой» на Балтике, но включение России в Вестфальскую международно-правовую систему⁶⁴. Последнее привело к тому, что в армии неукоснительно соблюдались законы и обычаи права войны⁶⁵. В годы Северной войны части русской армии действовали на территории союзников и противника. Совместные действия союзнических армий обычно регулировались международными договорами. Так, в соответствии со Стральзунской конвенцией, заключённой между русским, датским и польским дворами, при возникновении ссор между военнослужащими двух национальных армий в ходе ведения совместных военных действий дело было подсудно суду третьей стороны⁶⁶.

Особое внимание в русской армии обращалось на пресечение мародёрств и насилий по отношению к гражданскому населению. В 1708 г. Пётр I составил краткую инструкцию для генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, направленного во главе русской армии в поход в Померанию. В пунктах 1 и 5 этой инструкции определялась ответственность офицеров и нижних чинов за оставление своих мест во время похода и за мародёрство по отношению к гражданскому населению. За такие преступления солдат предписывалось приговаривать к каторге, дворовых людей офицеров — к смертной казни через повешение, офицеров — предавать военному суду⁶⁷.

Нормы военно-уголовного права о пресечении злоупотреблений в отношении гражданского населения завоёванных шведских провинций соблюдались на практике. В конце

января – феврале 1714 г. Пётр I посещал Ригу и Ревель. Во время посещения Ревеля царю было подано «как от шляхетства, так и от бургеров... челобитье во многих худых поступках» коменданта бригадира В.Н. Зотова, а именно «в задержках караблей, посулах, бою и протчих обидах и непорядках как в нашей службе, так и в народных делах». 12 марта 1714 г. царь указал бригадиру В.В. фан Делдину и полковнику В.И. Порошину, приехав в Ревель и взяв «одного подполковника, одного маёра, двух капитанов, одного порутчика или одного капитана и двух порутчиков к себе в ассесоры», провести «фергер» о Зотове⁶⁸.

Другим театром военных действий была территория Речи Посполитой. При вступлении на её территорию русской армии в 1704 г. командованием была сразу же осознана задача предотвращения насилий в отношении гражданского населения. В 1705 г. генерал-фельдмаршал Г.Б. фон Огильви выступил с предложением издать особый указ, запрещающий русским солдатам и офицерам «чинить обиды» полякам. В ответ царь писал, что «указу... посылать не для чего, понеже войско всё вам, двум фельдмаршалам (Огильви и Шереметеву. – М.А.), вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которым вы должны чинить праведный и воинской суд»⁶⁹. В 1707 г. всё же были разработаны и приняты «Рассуждение судебного порядку... и пункты, по которым надлежит господам комиссаром судить в суде воинском». Ими определялся порядок судопроизводства в смешанных судах, создаваемых кригс-комиссарами русской армии и представителями польского правительства для разбора дел между военнослужащими и гражданским населением⁷⁰.

Предписания о пресечении преступлений в отношении поляков соблюдались на практике. Б.П. Шереметеву стало известно, что артиллеристы Я.В. Брюса дорогой в походе «деревни... многие разорили... и мужиков разогнали», почему он потребовал от командования артиллерии применения строгих мер, в том случае «ежели кто учинит озлобление или обиду... обывателям»⁷¹. Такие меры были приняты. В 1711 г. по приказу генерал-майора И.Я. Гинтера драгуны Чернышев и Зубков, сопровождавшие обоз генерал-лейтенанта Я.В. Брюса, за растление «девки Христианицы» были преданы «кригс-рехту». В его состав вошли «презус» майор Сибирского полка Челюскин, капитаны, поручики, подпоручики, сержанты, капралы и ефрейторы Московского и Сибирского полков (по одному от полка).

За такое преступление в соответствии со ст. 3 гл. III «Краткого Артикула» 1706 г. предусматривалось наказание в виде «аркебузирования» (расстрела). Несмотря на это, члены «кригсрехта» в своих «сентенциях» исходили не из нормы права, а из собственных представлений о справедливости. Ефрейторы высказались за то, что виновных следует бить батогами перед полком, капралы — прогнать батогами сквозь строй батальона один раз, сержанты — прогнать батогами сквозь строй полка один раз, поручики — бить кнутом перед полком по 50 ударов и сослать на каторгу, капитаны — казнить смертью через повешение, «презус» — казнить смертью.

Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев в своей «конфирмации» потребовал казнить драгун в соответствии с законом: «По вышеобъявленному кригсрехту подтверждаем драгунам за их насильное растление девки, в котором они обще явились, учинить смертную казнь — расстрелять, понеже в артикуле, в 3-й главе и 3-й же статье, предложено за насилие чинить смертную казнь. А по учинении той экзекуции над теми драгунами, допросы их с сей конфирмациею и подлинной кригсрехт паки прислать в Военную канцелярию. А при той экзекуции быть артиллерийским служителем в строю»⁷².

В октябре 1707 г. поручик Преображенского полка Н.Т. Ржевский был назначен на должность коменданта Полоцка с предписанием перекрыть доставку товаров в Ригу «под опасением» потери «чести и живота»⁷³. Однако до царя и командующего армией

А.Д. Меншикова дошли слухи о злоупотреблениях коменданта. В письме от 8 апреля 1710 г. Пётр I обращал внимание Меншикова на получение «взятков» комендантом. 10 апреля Ржевский был отстранён от должности Меншиковым⁷⁴.

Проверка этих обвинений была поручена подполковнику И. Кропотову, сменившему Ржевского на должности. Он провёл допросы жителей Полоцка, Витебска, Шклова и Чашников, русских офицеров и унтер-офицеров. Выяснилось, что Ржевский и его подчинённые занимались поборами с польской шляхты и мещан. Более того, комендант вступил в переговоры с купцами и предоставлял им возможность торговать с Ригой, получая за это по своему «реэстру» вино и предметы домашнего обихода.

В начале июля 1712 г. обер-аудитору Э. Кромпейну было поручено провести «фергер» по делу, по окончании которого была составлена выписка в виде таблицы, в первой графе которой излагались данные «розыска» Кропотова, а во второй — Кромпейна. 16 июля 1712 г. по распоряжению генерал-майора П.М. Голицына в летнем войсковом лагере под Санкт-Петербургом было созван «кригсрехт» в составе 16 офицеров-ассессоров во главе с «презусом» генерал-майором А.А. Головиным. В тот же день «кригсрехт» приговорил Ржевского к смертной казни⁷⁵. Царь «конфирмировал» приговор только 8 апреля 1714 г., назначив Ржевскому вместо смертной казни наказание кнутом, конфискацию имущества и ссылку в Сибирь⁷⁶.

Во время переговоров с посольством М. Воловича, направленного в 1710 г. Августом II к Петру I, одним из вопросов стало снабжение русской армии. Волович привёл гиперболизированный перечень «бесчинств ауксилиарных войск»: поджогов, разорений, грабежей, а также бесхозяйственности, когда хлеб «без нужды выбирался», продавался еврейским перекупщикам и даже частично уничтожался⁷⁷. Для разбора жалоб посольства Воловича была создана комиссия из 12 человек во главе со стольником князем Я.И. Масальским и М.М. Аргамаковым. Надзор за сбором провианта для армии был поручен сначала российскому послу в Польше Г.Ф. Долгорукому, а затем — царевичу Алексею. В 1711 г. Пётр I составил инструкцию царевичу Алексею, направленному в Речь Посполитую для организации «магазинов» (складов), предназначенных для снабжения русской армии. В пункте 3 этой инструкции предписывалось солдат и офицеров, виновных в поборах с населения провианта и фуража сверх нормы, приговаривать к смертной казни⁷⁸.

Ещё одной проблемой, которую поставило посольство Воловича, были захваты польских имений в Черниговском, Брацлавском и Киевском воеводствах казаками. Жаловались послы и на то, что по приказу Ф.Ф. Шидловского в Мстиславском и Кричевском воеводствах были «заеханы маетности», а за Стародубом, в районе рек Сож и Ипуть, даже перемещена русско-польская граница на 16 миль. Причём Шидловский оповещал шляхту, что села и деревни по р. Ипуть взял себе А.Д. Меншиков. Эти злоупотребления привели Петра I «в великий гнев». Комиссии во главе с лейб-гвардии капитаном А.И. Ушаковым поручалось выяснить, сколько Шидловский приписал белорусских деревень к имениям Меншикова. В результате расследования Шидловский был разжалован, арестован, лишён всех имений, его собирались пытать. По всем «заеханным» имениям был составлен реестр⁷⁹.

Одним из результатов этих расследований стало удаление А.Д. Меншикова из Польши. В 1713 г. Пётр I, получив сообщение, что «князь Меншиков со всеми российскими войсками марш свой взял чрез Польшу к российским границам», «послал к нему указ... чтоб во всём войске накрепко приказал, дабы шли з добрым порядком, не чиня отнюдь никаких обид и отягчений обывателем польским, а довольствовались бы токмо одним правивантом, определённым от его королевского величества и Речи Посполитой»⁸⁰.

Отвод армии А.Д. Меншикова не означал отказа России от идеи использования Речи Посполитой как оперативной базы для действий русской армии против Швеции. На её территории остались войска во главе с Б.П. Шереметевым. Были предприняты меры для пресечения преступлений русских офицеров и солдат на территории Речи Посполитой. В 1712 г. был начат воинский «фергер и криссехт» о командире гренадерского полка полковнике Г.С. Рожнове, заслуженном боевом офицере, отличившемся в сражениях под Головчином, Полтавой и в Прутском походе. Причиной возбуждения обвинения было то, что во время марша осенью 1712 г. с Украины к Смоленску драгунского полка, которым Г.С. Рожнов командовал, для нужд полка у гражданского населения было изъято вместо положенных по штату 200 лошадей 789.

Следствие курировал Б.П. Шереметев. Он попытался помочь Рожнову. После начала «фергера» полковник составил задним числом приказ по полку о строгом соблюдении установленных норм использования обывательских лошадей и потребовал от офицеров полка подписаться под этим приказом. После этого на допросах полковник заявлял, что во время изъятия лошадей у населения он был болен и не мог проконтролировать законность проведения акции⁸¹. Однако дело о Рожнове находилось под контролем царя. 28 февраля 1714 г. Пётр писал Б.П. Шереметеву: «Пред сим писали мы к вам, дабы вы о худых поступках полковника Рожнова учинили крейсрехт, и по тому крейсрехту, какому он подлежать будет штрафу, о том к нам писали. О чём и ныне подтверждаем. И с тем крейсрехтом пришлите ево, Рожнова, к нам в Санкт-Питербурх»⁸².

Состоялся «криссехт», который вынес достаточно мягкий приговор: Рожнов был лишён полковничьего чина и должности, а также оштрафован на 500 руб. Понесли наказание и офицеры полка, обвинённые в том, что подписали «лживый» приказ. Генерал-фельдмаршал «конфирмировал» приговор, согласившись с мерой наказания Рожнову (лишение полковничьего чина на практике было временным наказанием) и смягчив наказание остальным офицерам.

Рожнов не знал о письме царя и воспринял приговор как предательство со стороны генерал-фельдмаршала. Он направил Петру I «доносительное письмо», в котором обвинил Шереметева и его генерал-адъютанта П. Савелова во взяточничестве⁸³. Царь не отнесся серьёзно к обвинениям Рожнова. Английский посланник Д. Макензи доносил своему правительству: «Напротив, его ласкают больше, чем когда-нибудь, и уверяют, что к восстановлению его чести будут приняты все меры, доносчиков же накажут примерно...»⁸⁴. Действительно, царь ужесточил наказание Рожнову: в начале 20-х годов Рожнов находился в ссылке в Тобольске.

В 1715 г. полякам удалось дискредитировать перед Петром I самого генерал-фельдмаршала. В соответствии с московскими обычаями Б.П. Шереметев отправлялся в каждый поход со «своим домом» — обширным обозом с домашним скарбом и прислугой. Во время похода через Речь Посполитую под обозом Шереметева было занято более 300 лошадей. Для содержания этого обоза он прибёг к сборам с населения. Вместо положенных ему 200 порционных он «для своего собственного пропитания и всего дома своего на кухню и всякие нужды... собрал... 8600 курант-талеров»; кроме того, принял в подарок цуг лошадей и коляску от воеводы познаньского да лошадь с седлом от его брата⁸⁵.

Узнав об этом, Пётр I прекратил личную переписку с генерал-фельдмаршалом, что повергло того в смятение. А.В. Макарову, кабинет-секретарю царя, Шереметев писал: «Пожалуй, государь мой, уведоми меня, нет ли вящего на меня гневу Его Величества, а я от печали своей — уже одна нога моя в гробу стоит и болезнь моя умножается, а паче же безпамятство великое пришло»⁸⁶. На встречу с царём генерал-фельдмаршала «вывезли» больного. После устного объяснения Пётр I простил заслуженного военачальника.

Проблема мародёрства русских войск на территории Речи Посполитой продолжала находиться под надзором Петра I. В 1719 г. был отозван из Польши в Санкт-Петербург генерал-аудитор фон Крейц. Его предали суду «за предерзость и за весьма непорядочные в Польше учинённые поступки». По решению генерального «кригсрехта» он был признан виновным: 1) в мародёрстве по отношению к гражданскому населению Польши, которое осуществлял как лично, так и через подчинённого ему аудитора Дурасова; 2) в сокрытии политического письма князя Долгорукова к графу Флемингу; 3) в «непристойных словах» о государе и его правлении. За эти преступления фон Крейц был приговорен к смертной казни через отсечение головы. Наказание, видимо, было смягчено, так как в 1725 г. он содержался под строгим караулом в Шлиссельбургской крепости⁸⁷.

Победоносное завершение Северной войны дало Петру I возможность реализовать планы завоеваний на Каспии. В июле – августе 1722 г. русская армия завоевала Дербент. 28 июля 1723 г. был захвачен Баку. В этом регионе был оставлен Низовой корпус. Все уголовные преступления, совершённые военными чинами бакинского гарнизона, подлежали юрисдикции полкового «кригсрехта», действовавшего по каждому делу на основе ордера коменданта Баку. «Конфирмацию» приговоров осуществлял командующий Низового корпуса генерал-аншеф В.Я. Левашов. Этим «кригсрехтом» были рассмотрены в 1723 – 1735 г. не менее двух дел в отношении преступлений военнослужащих против гражданского населения: в 1729 г. о краже гренадерами И. Лукьяновым и И. Новиковым у бакинских жителей Уселим-хана и Куриша, в 1732 г. по обвинению в краже нефти капралом А. Егуновым и солдатом А. Кобелевым⁸⁸.

Следующим составом преступлений, который становился предметом рассмотрения воинскими судами, была некомпетентность генералов и офицеров во время боевых действий. 15 июля 1705 г. произошло сражение русской армии под командованием Б.П. Шереметева с шведским корпусом генерала А.Л. Лёвенгаупта. Во время боя драгуны полковника И.А. Игнатьева прорвались к шведскому обозу и начали его грабить, чем сразу же воспользовался противник. Русской армии пришлось отступить, а шведы захватили несколько знамён и 13 орудий. Пётр I был в гневе из-за «недоброго обучения драгун». Их командиров велено было «предать суду и наказать по воинским правам»⁸⁹.

3 июля 1708 г. русская армия потерпела поражение под Головчином. Пётр I признал виновными пехотных генералов А.И. Репнина и И.И. Чамберса с их подчинёнными и кавалерийского генерала Г. Гольца с его подчинёнными. Репнин, Чамберс и пехотные офицеры были преданы воинскому суду под председательством командующего кавалерией А.Д. Меншикова и 13 членов из генералов и офицеров кавалерии при генерал-аудиторе И.В. Кикине; Гольц и его подчинённые — воинскому суду под председательством командующего пехотой Б.П. Шереметева и 12 членов из генералов и офицеров пехоты при генерал-аудиторе И.В. Кикине. Репнин, Чамберс и их подчинённые были приговорены к разжалованию в солдаты. Правда, Пётр I уже на следующий день полностью простил Чамберса, а через два месяца назначил А.И. Репнина командиром драгунского полка, во главе которого он отличился под Лесной и был полностью реабилитирован. Суд над Гольцем был настолько затянута Шереметевым, что приговора по его делу так вынесено и не было⁹⁰.

Одним из самых известных генеральных «кригсрехтов» начала XVIII в. стало дело вице-адмирала К.И. Крюйса. 11 июля 1712 г. он командовал эскадрой в составе 7 линейных кораблей, 4 фрегатов и двух шняв. По пути в Ревель русской эскадре встретились три шведских корабля. Началось преследование, во время которого сели на мель три русских корабля, в том числе линейные «Рига» и «Выборг». Флагманский корабль «Выборг» «гораздо потёк», с него частично сняли пушки и «на том месте сожгли». Шведским кораблям удалось уйти от погони.

О преступлениях К. Крюйса, подчинённых ему флагманов и офицеров был назначен «фергер и кригсрехт». В состав судебной коллегии вошли «пресес» граф Ф.М. Апраксин, ассесоры шаутбенахт (контр-адмирал) Пётр Михайлов (сам Пётр I), капитан-командор светлейший князь А.Д. Меншиков, офицеры флота П.И. Сиверс, М.Х. Змаевич, Я. Кроненбург, П. Нельсон, В.И. Беринг, К.Н. Зотов, З.Д. Мишуков, то есть высшее командование и ряд офицеров флота. 22 января 1714 г. состоялся приговор: вице-адмирала К. Крюйса — «наказывать смертью», капитан-командора В. Шелтинга (Шхелтинга) — разжаловать в «молотчие капитаны», капитан-командора А. Рейса — «разстрелять», капитана И. Дегрейтера — «выбить из сей земли без абшиту»⁹¹.

Царь переживал о своём старом сподвижнике по морскому делу. После вынесения приговора Пётр I повелел: «...Корнилия Крейса за прежние ево службы, вместо смерти... взяв чин, послать в Tobольск»; смертная казнь в отношении А. Рейса также была отменена. Наконец гнев царя прошёл, и он полностью помиловал Крюйса: «Вскоре, когда уже Корнилий Крейс везён был в пути к Tobольску, Его Царское Величество повелел ево вернуть и паки в прежней чин виц-адмирала... удостоить»⁹².

Сурово наказывалась в русской армии трусость в бою. В одном из указов Пётр I писал: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля»⁹³. 14 октября 1702 г., после штурма Нотебурга (Орешка), «недостойные... особливо те, которые с приступу бежали, несколько десятков рядовых ошельмованы, а имянно ганены сквозь строй и, лица их заплевав, казнены смертью». Из трусов комплектовались штрафные подразделения. Так, утром 9 августа 1704 г., за несколько часов до штурма Нарвы, были «посланы в ров с лесницами винные салдаты, которые бежали ис полков по домам, и велено им... лесницы ставить ко обрушенному бастиону Гонору». После того, как штрафники выполнили свою задачу, на штурм бастиона пошли солдаты Преображенского полка во главе с генерал-майором И.И. Чамберсом, которые стали главными героями этого сражения⁹⁴.

После поражения русской армии на Пруте в 1711 г. возникли беспорядки. Для их предотвращения были приняты чрезвычайные меры, явившиеся примером практического применения «скорорешительного суда». В инструкции генерал-гевалдигеру Пётр I предписал ставить на каждом месте ночёвки воинских частей виселицы. Они предназначались для тех, кто попытается бежать или просто задумается о побеге. Казнить предписывалось без следствия и суда⁹⁵.

В годы Северной войны остро встала проблема дезертирства. В 1700–1703 г. число беглых рекрутов было сравнительно невелико: из направленных в войска 20184 чел. бежало лишь 374. Но с утверждением системы рекрутских наборов бегство возросло: в 1705 г. из партии в 2277 чел. бежало 895. В 1707 г. из партии в 1756 чел. — 171. В 1708 г. из одной партии в 3646 чел. бежало 356, а из другой, в 8087 чел., — 632. В 1710 г. из 5715 чел., направлявшихся в Ригу, бежало 1669; из другой партии, в 10192 чел., — 1359. В том же году из 1770 чел., посланных во флот, бежало 1166. В феврале 1712 в московском гарнизоне числилось 1300 рекрут; уже к 11 марта 450 из них бежало. В 1715 г. из 1341 рекрута, следовавших из Нижегородской губернии в Санкт-Петербург, бежало 526 и три провожатых из солдат. В январе 1716 г. из 200 рекрут, направленных из Московской губернии в Ригу, бежало 15. Проблема дезертирства усугублялась тем, что часто беглые рекруты и солдаты объединялись в разбойничьи шайки и терроризировали гражданское население⁹⁶.

В первое десятилетие Северной войны царь требовал самых серьёзных мер для пресечения побегов. В 1701 г. Пётр I приказал беглых рекрутов вешать по жребию и ссылать на каторгу. В 1702 г. он писал судье Военного приказа Т.Н. Стрешнёву: «Когда сие письмо получишь, изволь немедленно сих проклятых беглецов... сыскать, сыскав, всех бить

кнутом и уши резать, да сверх того 5-го с жребья сослать на Таганрог...»⁹⁷. Указом от 19 января 1705 г. во всенародное известие объявлялось, что из каждых трёх человек бежавших и пойманных рекрутов одного будут вешать по жребью, а двух других бить кнутом и сослать на вечную каторгу, явившихся же добровольно после битья кнутом сослать в Азов и Санкт-Петербург на пять лет, после чего возвращать в полки. В дальнейшем этот указ неоднократно подтверждался⁹⁸.

Практика военных судов соответствовала этим предписаниям. В 1708 г. состоялся военный суд о 28 солдатах, бежавших из Преображенского полка. 15 из них были казнены, а остальные сосланы на каторгу. «Конфирмируя» этот приговор, Пётр I написал: «А впредь таких, которые збегут и пойманы будут, без всякой пощады казнить»⁹⁹. В 1709 г. из Преображенского полка вновь был совершён побег. В гневе царь писал Ф.Н. Глебову: «Когда к Вам из Киева привезут беглых солдат нашего полку Матвея Вьялова да Матвея Полякова, и оных вели расстрелять при полку...»¹⁰⁰.

Датский посланник Ю. Юль свидетельствует, что 13 августа 1710 г. он присутствовал при наказании трёх дезертиров, происходившем в присутствии Петра I, на военном корабле. Царь приказал дезертирам метать жребий, и тот, кому выпал жребий, по его приказанию пошёл «на веревке к палачу, который в ожидании казни сидел на рее»¹⁰¹.

Во втором десятилетии Северной войны к беглым стали относиться более снисходительно. Именным указом от 18 февраля 1711 г. была объявлена амнистия всем военным служащим, которые «с начала сей войны со службы из полков и из набора рекрут бежали». Всем явившимся либо в Военный приказ, либо в городах к губернаторам и комендантам обещалось определение в прежние чины без наказания. В дополняющем этот указ сенатском указе от 27 февраля 1711 г. повелевалось отсылать вернувшихся из бегов из Военного приказа и других органов в московский гарнизон и «жалованье им давать против гарнизонных солдат»¹⁰².

Согласно ст. 98 «Артикула воинского» дезертировавшая воинская часть получала от командующего армией грамоту о «свободном отпуске» («салф кондукт») на девять недель, в течение этого срока она должна была явиться к своему командиру¹⁰³. Именным указом от 20 декабря 1717 г. в ст. 95 «Артикула воинского» была внесена норма, смягчающая ответственность за дезертирство¹⁰⁴. В 10–20-х годах XVIII в. неоднократно издавались указы о прощении беглых при условии их добровольной явки. Возвратившихся добровольно беглых не казнили через повешение, а отсылали для отбывания службы в Азов, Сибирь или Санкт-Петербург¹⁰⁵.

Смягчение отношения к беглым отразилось в практике «кригсрехтов». По приказу от 16 мая 1716 г. лейб-гвардии майора М.А. Матюшкина был проведён «фергер и кригсрехт» о беглом солдате 1-й роты Преображенского полка И. Темском. В разделе «фергер» содержатся протоколы допроса Темского; допросов урядников и капралов 1 роты, из которой он бежал; повторного допроса И. Темского. В разделе «кригсрехт» — подписанные членами судебной коллегии «сентенции»: подпоручики — «предлагаем казнить смертью»; поручики — «надлежит его казнить смертью»; капитаны — «оного солдата надлежит повесить»; «презус» капитан В. Салтыков — «казнить смертью». После «сентенций» идёт «конфирмация» командира Преображенского полка лейб-гвардии подполковника И.И. Бутурлина, датированная 22 апреля 1719 г.: «Дать ему сорок ударов кнутом и сослать на каторгу до указа»¹⁰⁶.

В августе 1717 г. из Преображенского приказа к «подполковнику Преображенского регимента» А.Д. Меншикову были высланы рекруты и солдаты, бежавшие из гвардейских полков в 1716–1717 г., с экстрактами «розыска» о них. По этим экстрактам Меншиков приговорил пятерых «отослать в Адмиралтейство в матрозы», одного — в Преображенский полк, шестерых продолжить «держат под караулом» (видимо до царского указа). Один подследственный «в Санкт-Питербурхе умре»¹⁰⁷.

Заключение

Вопрос о реформировании военного судоустройства с учётом европейского опыта был поставлен Петром Великим в 90-х годах XVII в. Мероприятия в этой сфере первого десятилетия Северной войны привели к созданию коллегияльных военных судов в полевой армии, учреждению должности аудиторов и некоторым новациям розыскного процесса. Реформу удалось завершить благодаря публикации в 1712 г. «Краткого изображения процессов» — первого кодифицированного процессуального закона в истории российского права, в котором процессуальное право было отделено от материального. Суд отделялся от органов военного управления, закреплялся коллегияльный порядок рассмотрения дел с участием профессионального юриста — аудитора. Законом устанавливалась инквизиционная форма процесса, в соответствии с которой «кригсрехты» стали орудием проведения политики верховной власти.

Военно-уголовное и военно-процессуальное право строго соблюдались на практике. Особо следует отметить, что при ведении боевых действий на территории противника и союзников в годы Северной войны русские войска следовали принципам и нормам права войны. Они были включены в важнейшие законодательные акты периода Северной войны — «Уложение» Б.П. Шереметева, «Краткий Артикул» А.Д. Меншикова, «Артикул воинский» и применялись военными судами. Пётр Великий пресекал правонарушения в этой сфере, совершаемые даже высшим командным составом армии.

Реформа военного права благотворно сказалась на состоянии воинской дисциплины. В донесении австрийскому правительству 1710 г. резидент О.А. Плейер характеризовал русскую армию следующим образом: «Относительно военных сил России справедливость требует сознаться, что благодаря неусыпному труду и старанию царя, строгим наказаниям, милостям и подаркам, также и опытности таких разноплеменных иностранных офицеров высшего и низшего чина, надо весьма удивляться, до чего они доведены, до какого совершенства дошли солдаты в военных упражнениях, в каком они порядке и послушании приказам начальства и как смело ведут себя в деле, ни от кого не услышишь и слова, а тем более крика, и все они так ретивы»¹⁰⁸.

¹ Витберг Ф.А. Мнение иностранцев-современников о Северной войне // РС. 1893. Вып. LXXIX, авг. С. 269–286 ; Александренко В.Н. Английская печать и отношение к ней русских дипломатических агентов в XVIII ст. // РС. 1895. Вып. LXXXIV, окт. С. 113–127 ; Предтеченский А.В. Полтавский бой в освещении современников иностранцев. М., 1940. (Учёные записки / НКП-РСФСР. Ленингр. гос. пед. ин-т им. М.Н. Покровского. Т. 5, вып. 1). С. 55–63 ; Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. М., 1959. С. 19, 174 ; Беснятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков : мифы и реальность. СПб., 2005. С. 47–52 ; Аскер Б. «Нация, которой надо показать зубья». Шведский взгляд на Россию времён Петра Великого // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 366.

² Вольтер. История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России. СПб., 1999. С. 7, 23–26, 29, 30, 32 и др.

³ Дехийо Л. Хрупкий баланс : четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005. С. 112, 113.

⁴ Анисимов Е.В. Почему Пётр? // Родина. 2007. № 11. С. 4.

⁵ ГСВ : (Подённая записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 17.

⁶ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I. С. 61.

⁷ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судейника до Учреждения о губерниях. М., 1859. 580 с. ; Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб., 1900. Т. IV. Стб. 205–420 ; Михайлов М.М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 г. до издания Свода законов. СПб., 1856. 204 с. ; Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. 262 с.

- ⁸ *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. 377 с. ; *Бобровский П.О.* Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях : Историко-юридическое исследование. СПб., 1878. 377 с. ; *Мышлаевский А.З.* Пётр Великий : 1672–1725. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 г.) / [собрал и снабдил предисловием] Ген. штаба полковник А.З. Мышлаевский. СПб., 1894. 122 с. (Сборник военно-исторических материалов ; вып. IX). и др.
- ⁹ *Епифанов П.П.* Воинский устав Петра Великого // Пётр Великий. М., 1946. 80 с. ; *Ромашкин П.С.* Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. 96 с. ; *Титов Ю.П.* Материалы по истории процессуального права России конца XVII – начала XVIII веков : (Учеб. пособие). М., 1963. 40 с.
- ¹⁰ *Батиев Л.В.* Судопроизводство в России в конце XVII – начале XVIII в. : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. СПб., 1992. 23 с. ; *Ефремова Н.Н.* Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. : (историко-правовое исследование). М., 1993. 190 с. ; *Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю.* Судебная власть в России : история, документы. В 6 т. Период абсолютизма / отв. ред. С.А. Колунтаев. М., 2003. Т. II. 847 с. ; *Хрусталёв Л.А.* Процессуальное право России конца XVII – начала XVIII в. М. ; Тула, 2003. 159 с. ; *Акишин М.О.* Судебная реформа Петра I : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12.00.01. СПб., 2005. 22 с. ; *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. М., 2009. 488 с. и др.
- ¹¹ *Петухов Н.А.* История военных судов : монография. М., 2003. 352 с.
- ¹² *Чистяков О.И.* Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I. М., 1997. С. 793–821.
- ¹³ *Франчози Дж.* Институционный курс римского права / пер. с итал. М., 2004. С. 108.
- ¹⁴ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве : (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 33–39, 85–94 ; *Акишин М.О.* Становление военного права в Европе и России в раннее Новое время : Общее и особенное // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика Л.В. Милова. М., 2011. С. 134–138.
- ¹⁵ *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII веке : (очерки). М., 1958. С. 21–22.
- ¹⁶ Законодательные акты Петра I / сост. Н.А. Воскресенский. М. ; Л., 1945. Т. I. С. 29.
- ¹⁷ Воинский устав Вейде. СПб., 1841. С. 67.
- ¹⁸ *Бобровский П.О.* Вейде, Адам Адамович, один из главных сотрудников Петра Великого и его военный устав 1698 г. Историко-юридическое исследование. Казань, 1882. 31 с.
- ¹⁹ *Епифанов П.П.* Воинский устав ... С. 180.
- ²⁰ Законодательство Петра I. С. 537.
- ²¹ *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России ... Прил. VI. С. 269–294.
- ²² ПБПВ. СПб., 1889. Т. II. № 408.
- ²³ *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 87, 88.
- ²⁴ *Мышлаевский А.З.* Пётр Великий. С. 69–74.
- ²⁵ Там же. С. 70–74.
- ²⁶ Там же. С. 1–45.
- ²⁷ *Епифанов П.П.* Воинский устав ... С. 185–187.
- ²⁸ *Мышлаевский А.З.* Пётр Великий. С. XI, XII.
- ²⁹ Столетие Военного министерства : 1802 – 1902. СПб., 1902. Т. XII, ч. I. С. 31 ; *Петухов Н.А.* История военных судов. С. 46–47.
- ³⁰ Воинские уставы Петра Великого. М., 1946. С. 38–39 ; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот ... С. 142–143.
- ³¹ *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России ... Прил. VI. С. 269–294.
- ³² *Акишин М.О.* У истоков юридической профессии в России : военные аудиторы Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 2 (16). С. 117–131.
- ³³ ПБПВ. СПб., 1900. Т. V. № 1531.
- ³⁴ *Бобровский П.О.* Пётр Великий как военный законодатель. М., 1887. С. 52.
- ³⁵ *Серов Д.О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов, или судебных тяжёб» : (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex russica. 2013. № 2. С. 117.
- ³⁶ Описание изданий гражданской печати : 1708 – январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич ; под ред. П.Н. Беркова. М. ; Л., 1955. С. 130–131.
- ³⁷ *Серов Д.О.* Забытые редакции ... С. 114.
- ³⁸ Описание изданий гражданской ... С. 165–167.
- ³⁹ ГСВ. Вып. 1. С. 441.
- ⁴⁰ *Бобровский П.О.* Военные законы Петра Великого в рукописях ... С. 30, 52–53, 69 ; Военные уставы Петра Великого. С. 66–79.
- ⁴¹ *Бобровский П.О.* Военные законы Петра Великого в рукописях ... С. 52.
- ⁴² Там же. С. 52–53, 69.
- ⁴³ *Peterson C.* Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms : Swedish Antecedents and the Process of Reception. Lund, 1979. P. 338–339.
- ⁴⁴ *Чистяков О.И.* Процессуальное право. С. 801–802, 805.
- ⁴⁵ *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I. С. 130–136, 284–290.
- ⁴⁶ *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи : (XVIII и XIX в.). М., 2004. С. 525.
- ⁴⁷ *Сутормин Г.М.* Военная прокуратура от Петра Великого до Николая II // История государства и права. 2001. № 3. С. 9.
- ⁴⁸ *Петухов Н.А.* История военных судов. С. 76–77.

- ⁴⁹ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 85–86 ; Латкин В.Н. Учебник истории русского права ... С. 519 ; Кузнецов А.В. Развитие стадий судебного процесса в России в XVIII – первой половине XIX в. // Государство и право. 2006. № 9. С. 102–106 и др.
- ⁵⁰ Чистяков О.И. Процессуальное право. С. 804.
- ⁵¹ Мазур Т.П. Вице-адмирал К. Крюйс в морских кампаниях 1712 и 1713 гг. и суд над ним // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.). СПб., 2005. С. 18.
- ⁵² Чистяков О.И. Процессуальное право. С. 809.
- ⁵³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права : (IX–XIX в.). Ростов н/Д., 2003. С. 611.
- ⁵⁴ ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 3316. С. 670 ; № 3404. С. 722–724.
- ⁵⁵ ПСЗ. Т. VI. № 3806. С. 409–410.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т. V. № 3316. С. 670 ; № 3338. С. 684–686 ; № 3383. С. 712–713 ; № 3404. С. 722–724 ; Т. VI. № 3806. С. 409–410 ; Т. VII. № 4589. С. 360–362.
- ⁵⁷ Акишин М.О. У истоков юридической профессии в России. С. 117–131.
- ⁵⁸ ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 265.
- ⁵⁹ ПСЗ. Т. VII. № 4166. С. 23–24.
- ⁶⁰ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот ... С. 31.
- ⁶¹ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 202.
- ⁶² ПСЗ. Т. VII. № 4375. С. 166–167.
- ⁶³ Там же. № 4533. С. 310–318 ; № 4535. С. 324–327.
- ⁶⁴ Кротов П.А.: 1) Международно-правовое оформление России как великой державы в первой четверти XVIII в. : (к постановке вопроса) // Российская монархия : вопросы истории и теории. Межвузовский сб. статей, посвящённых 450-летию учреждения царства в России (1547–1997 гг.). / отв. ред. М.Д. Карпачев. Воронеж, 1998. С. 114–119 ; 2) Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014. С. 531.
- ⁶⁵ Акишин М.О.: 1) Защита жертв войны в военном праве Петра Великого // Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и раннее Новое время : сб. статей памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 847–862 ; 2) Пленные Северной войны : правовое положение // Полтава : К 300-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 2009. С. 166–194.
- ⁶⁶ Авдонкин В.С. Законодательные акты Петра I о военных судах России : характеристика подсудности дел // Россия в Новое время : поиск формулы национальной истории. М., 2001. С. 28–29.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 53.
- ⁶⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270 (Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого). Оп. 1. Д. 75. Л. 168–168 об.
- ⁶⁹ ПБИБВ. СПб., 1893. Т. III. № 824.
- ⁷⁰ Мышлаевский А.З. Пётр Великий. С. XXXIX.
- ⁷¹ Цит. по: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 92.
- ⁷² Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 87, 88.
- ⁷³ ПБИБВ. СПб., 1912. Т. VI. С. 140–141.
- ⁷⁴ Там же. М., 1956. Т. X. С. 103.
- ⁷⁵ Серов Д.О. Из истории военной юстиции Петровского времени : процесс Н.Т. Ржевского (1710 – 1714 гг.) // Кровь. Порох. Лавры. Войны России в эпоху барокко : (1700 – 1762). СПб., 2002. Вып. 2. С. 41–43.
- ⁷⁶ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1888. Т. 4, кн. 1. С. 318.
- ⁷⁷ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы : (1709 – 1714). М., 1990. С. 56.
- ⁷⁸ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 57.
- ⁷⁹ ПБИБВ. М., 1962. Т. XI, вып. 1. С. 476–477 ; М., 1964. Т. XI, вып. 2. С. 29, 30 ; Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая ... С. 59.
- ⁸⁰ ГСВ. Вып. 1. С. 412.
- ⁸¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 22. Л. 457.
- ⁸² Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 131.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 22. Л. 705.
- ⁸⁴ Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 354.
- ⁸⁵ Цит. по: Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 141, 142.
- ⁸⁶ Цит. по: Там же. С. 142.
- ⁸⁷ Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 173, 374–375.
- ⁸⁸ Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д., Муртазаев А.О. Военное судопроизводство в бакинском гарнизоне (1723–1735 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 1 (51). Ч. II. С. 13–16.
- ⁸⁹ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. С. 80–81.
- ⁹⁰ Мышлаевский А.З. Северная война : 1708 г. От р. Уллы и Березины за рекой Днепр. СПб., 1901. С. 176–186.
- ⁹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 39–46 об.
- ⁹² ГСВ. Вып. 1. С. 399 ; Вып. 2. С. 202–203.
- ⁹³ Цит. по.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот ... С. 145.
- ⁹⁴ ГСВ. Вып. 1. С. 226, 244.
- ⁹⁵ Мышлаевский А.З. Пётр Великий. С. XLI–XLII.
- ⁹⁶ Акишин М.О. Государственная реформа Петра Великого и борьба с разбоями в России // Государство и общество в России XV – начала XX в. Сб. статей памяти Н.Е. Носова. СПб., 2008. С. 340–365.

I. ARTICLES

- ⁹⁷ ПБПВ. СПб., 1887. Т. I. С. 37.
- ⁹⁸ ПСЗ. Т. IV. № 2019. С. 284 ; № 2031. С. 289 ; № 2062. С. 311.
- ⁹⁹ ПБПВ. М. ; Л., 1948. Т. VIII, вып. 1. С. 226.
- ¹⁰⁰ Там же. М. ; Л., 1950. Т. IX, вып. 1. С. 334.
- ¹⁰¹ Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 196.
- ¹⁰² Доклады и приговоры ... СПб., 1881. Т. I. № 1. С. 1.
- ¹⁰³ Законодательство Петра I. С. 769–770.
- ¹⁰⁴ ПСЗ. Т. V. № 3136. С. 528.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. IV. № 2437. С. 744 ; Т. V. № 2755. С. 76 ; № 2813. С. 107 ; № 2859. С. 129 ; № 2883. С. 145 ; № 3060. С. 484 ; № 3134. С. 528 ; Т. VI. № 3597. С. 203 ; № 3654. С. 245–246 ; № 3816. С. 419–420 ; № 3936. С. 525.
- ¹⁰⁶ *Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России ... С. 334–341.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 324–331.
- ¹⁰⁸ *Плейер О.А.* О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы. С. 398.

В.А. А р т а м о н о в

ДЕРЖАВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА И КНЯЖЕСТВА (ЦАРСТВА) ВСЕЯ РУСИ В XV – XVI в.

Действия государственной машины, нацеленной на централизм, военную оборону или экспансию и укрепление внутренних устоев (этатизм), можно определить как державность. Основными носителями державного (государственного) сознания, как правило, являются главы государств: самодержцы, императоры, короли, ханы, султаны, президенты. Государственное (державное) состояние духа бывает свойственно чиновному аппарату, военным сословиям, и оно может охватывать разные слои населения¹.

Удельная Русь, разгромленная мировой монгольской супердержавой в XIII в., и Московское княжество в XIV – первой половине XV в. не имели державной мощи. До середины XV столетия в русских княжествах была гордость за оборонительные походы в степь, за защиту родной земли, но господство ордынцев воспринималось законным в соответствии с правом силы, принятым в Средние века. Вместе с тем, начиная с князя Ивана Калиты, московские владетели приняли программу воссоздания Древней Руси. В 1380 г. Дмитрий Донской разбил темника (беклярибека) Мамай, но в 1382 г. чингизид Тохтамыш восстановил полный контроль над Московским княжеством. Завоеватель Тимур, сломив хребет Золотой Орды в 1395 г., положил начало высвобождению Крымского, Казанского, Астраханского, Узбекского, Казахского, Сибирского ханств и Ногайской Орды. Освобождение Северо-Восточной Руси от преемницы Золотоордынской державы — Большой (Волжской) Орды (1433 – 1502) — состоялось позже всех. В 1408 г. по русским землям прокатилось кровавое нашествие Едигея, с 1425 г. четверть века длилась «московская распря». За объединение русских земель вокруг Вильно успешно боролся с Москвой великий князь литовский Витовт. В 1437 г. внук Тохтамыша хан Улу-Мухаммед разбил превосходящие русские силы под Белёвом, в 1445 г. казанцы устроили побоище ратям князя Василия II Васильевича (1415 – 1462).

Десятилетия поражений и раздоров показали, что без опоры на сильную державную власть добиться независимости невозможно. Централизованная великорусская держава с опорой на державные эмоции дворянской конницы с её военным кличем «Москва!» родилась во второй половине XV в. и набрала силу после присоединения обширных владений Новгорода и Твери. В XV в. подчинённость московских великих князей Большой Орде становилась всё более номинальной.

Великий князь Иван III (1440–1505) получил ярлык на княжение от хана Большой Орды в 1462 г., но уже с 1472 г. Москва перестала платить дань. Историки не обращали внимания на державное и «идейное» отличие Московского и Крымского государств. Все обломки Золотой Орды стартовали с более выгодных исторических позиций, чем Москва.

Крымское ханство при Хаджи I Герае (ок. 1397–1466) и Менгли I Герае (1467, 1469–1475, 1478–1515) поначалу обладало преимуществом перед Княжеством Всея Руси (именно таким было самоназвание Московского государства). Крымские владетели, возводя свою родословную к хану Тохтамышу (1377–1395), цепко держались идеи, что они правители более высокого ранга, чем московские князья. В 1478 г. Менгли Герар не был возведён на престол в качестве вассала султана Мехмеда II (1432–1481), но своей силой захватил власть в Крыму². В грамотах Ивану III писалось: «Менглигиреево слово к великому князю Ивану, брату моему, много, много поклон». Дипломатический этикет Ивана III к «перекопскому царю» выдерживался в уничижительном стиле: «...князь великий челом бѣтъ».

Не исчезало и превосходство аристократа-кочевника над земледельцем-пахарем. *«На исходе Средневековья... и на рубеже Леса и Степи в Евразии кочевник на коне выглядел аристократом по сравнению с копошащимся в земле пахарем. Революция воинов-кишатриев, имевшая место в Евразии много тысяч лет назад, надолго оставила свой след в нравственном сознании народов в оценках героического и приземлённого, воодушевляющего и рутинного, вольного и подневольного. Кочевник-всадник был аристократом степи — как и средневековый рыцарь, постоянно готовый к походу и набегу. Русь, на протяжении двух с половиной веков испытывавшая на себе опыт ига и сбросившая его, вполне могла обрести свою идентичность в качестве ханской державы. Вместо этого она стала олицетворением земледельческой альтернативы кочевничеству и закрепила свою победу над ним в качестве всемирно-исторической (формационной)»³.*

При плодородных землях и богатом климате ресурсы Крымского ханства в XV в. были меньше, чем у Княжества Всея Руси, находившегося в суровых природно-климатических условиях. Ядром державного и военного потенциала Крыма, как и Золотой орды, были кочевья степной зоны, но «сфера претензий» крымцев в конце XV в. распространялась до Киева и верховьев Оки⁴. В отличие от земледельческого Княжества Всея Руси, где во второй половине XV и в XVI веков возводились крепостные и церковные постройки, заводился артиллерийский парк, в Ногайских степях и Крыму господствовало кочевое скотоводство. Ремесленное и оружейное производство оседлого населения в городах (греков, армян, татар), виноделие и хлебопашество было развито слабо, об осадном искусстве и заведении флота никто не думал (правда, морское побережье и все порты Крыма отошли к османам). Главный интерес ханов состоял почти исключительно в экспорте невольников, захваченных на Руси, в Великом княжестве Литовском и Черкессии⁵. «Наша земля войной живёт», — говорили ханы. Воинственность и мобильность крымской конницы позволяли совершать походы до Кракова, Москвы, Венгрии и Месопотамии. Меха, часть оружия и предметы роскоши приобретались за счёт «поминок» и «запросов» с Руси и Великого княжества Литовского.

Державность Москвы, изначально нацеленная на поглощение присоединяемых земель, обещала лучшие перспективы, чем «набеговая» специализация Крымского ханства. Но и при бедных ресурсах, чехарде ханов и примитивном вооружении Крым почти три века удерживал высокий политический вес в Восточной Европе. Сила ханства держалась главным образом на воинственности, выносливости и мобильности крымской конницы и, конечно, на работорговле. Соперничать же с чингизидской идеей крымских ханов не могла ни зарождавшаяся концепция «Третьего Рима» — единственного на Земле православного

государства после падения Константинополя в 1453 г., ни идея Святой Руси, призванной нести спасительный свет истинной веры человечеству⁶. «Народ татарский — великого корня. Первые дети Чингисхана, обладателя огромного могущества, поселились и нашли приют в Крыму», — писал Э. Челеби⁷.

Хан Менгли Герай в 1475 г. признал себя вассалом турок, но поддержка Стамбула и мусульманская солидарность не имели для Крыма решающего значения. Для османов ханство в конце XV — начале XVI в. скорее исполняло функции союзного государства. Части бывшего Улуса Джучи смертельно враждовали друг с другом, их правители не обладали масштабностью замыслов Батыея или Тохтамыша. «Потомок Чингисхана» в Большой Орде, хан Ахмат (ум. 1481), пытался восстановить прежнее величие Золотой Орды и взять контроль над русским «улусом», Крымом, Ногайской Ордой и Сибирским ханством, но сильной личностью он не был. Большая Орда терпела поражение от хана Хаджи Герая в 1455–1456 г.; в 1459 г. от неё отпала Астрахань, имевшая большое стратегическое и торговое значение. В 1464 г. Хаджи Герай впервые помог Ивану III, приостановив у Дона поход на Москву Большой Орды. В 1472–1473 г. начались переговоры Ивана III с Менгли Гераем против общих врагов⁸. Переговоры проводились на равных: государи в Москве и Крыму именовали друг друга «братьями». В 1476 г. Ахмат временно завоевал Крым, установил протекторат над Астраханским ханством, победил узбекского хана Шейх-Хайдера и стал «заклятым врагом» для «перекопского царя» и Москвы⁹. В том же году Ахмат вызывал Ивана III, прекратившего платить дань, явиться «при царском стремени».

В решающем 1480 г. состояние духа первого носителя русской державности — «любосоветного» (любящего советоваться) Ивана III и хана Ахмата отличалось осторожностью. Весной 1480 г. Иван III заключил оборонительно-наступательный военный союз с Крымом против Большой Орды и польского короля Казимира IV Ягеллончика (1427–1492). Решимости у Ахмата, в отличие от Тохтамыша и Едигея, не было. Рисковать он не собирался и повёл орду на запад, надеясь соединиться с литовцами. Но Казимиру в начале осени 1480 г. связал руки «царь крымский» Менгли Герай, который, «служа великому князю», «сел на конь» и «воева королёву землю Подольскую». Иван III не перешёл Угру против Ахмата, как Дмитрий Донской реку Дон. Великий князь не исключал вероятности захвата Ахматом Москвы и даже послал к «царю» Большой Орды с челобитьем дары, прося, чтобы тот не воевал своего «улуса»¹⁰. В тенденциозном «Послании на Угру» архиепископ Вассиан Ростовский обличил великого князя как «бегуна». Осуждать осмотрительность первого носителя русской державности нельзя: над ним висел призрак более чем двухвекового ордынского ига. «Стояние на Угре» окончилось победой Ивана III и в 80-е годы XV в. его спорадически именовали «царь Всея Руси».

1 сентября 1482 г. Менгли I сжёг Киев. С этого времени против союза Литвы и Большой Орды был сколочен блок Москва – Бахчисарай, удачно воевавший: Иван III в 1487–1494 г. против Казани и Литвы, крымский хан в 1486–1491 г. против «ахматовых детей». С 1487 г. вассалами Москвы стали казанские ханы. Сугубым «недругом» обоих союзников было Великое княжество Литовское. Амбиции Менгли Герая возросли после 1492 г., он предлагал разделить беззащитное со стороны юга Великое княжество Литовское: Киевщину присоединить к Крыму, а Виленщину и Краков к Москве¹¹. В 1495 г. союзное крымское войско воевало у Луцка, в 1497 г. у Мозыря на Припяти, в 1500 г. у Львова, Бреста и Люблина. Помощь крымского союзника помогла успешным русским войнам с Литвой в 1487–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1514, 1517–1518 годах.

С конца XV в. оба правителя повысили свой авторитет. Менгли Герай именовал себя «великим царём татарским», а единственный в то время независимый православный

владелец Иван III — «государём и самодержцем Всея Руси»¹². Однако даже в 1501 г. чингизиды Большой Орды, помня прошлое, пытались утверждать верховенство над самодержцем «Всеа Руси и великим князем Владимирским, Московским, Псковским, Тверским, Югорским, Пермским, Болгарским и иных», которого Ливонский орден, Дерптское епископство, Ганзейский союз величали кайзером. Создатель русского централизованного государства именовался ими Иваном Московским, «улусликом» и «холопом»¹³. Московско-крымский блок оказался сильнее союза Вильно и Волжской Орды. В 1501 г. Иван III посылал воевод к Рыльску против ордынцев хана Большой Орды Ших-Ахмада и претендовал на «литовские» Киев, Слуцк, Туров, Пинск. В 1498 и 1502 г., уже с «санкции Бога», а не ордынского хана, как это было в 1462 г., московский государь венчал на великое княжение сначала внука Дмитрия, потом сына Василия. Крымские же ханы в то время утверждались турецким султаном, а не божественным началом. Так чингизидская идея была перекрыта имперской концепцией Москвы о всемирной роли православного царства, восходящего не только к Древней Руси, но якобы и к основателю Римской империи Октавиану Августу («Сказание о князьях Владимирских»), оформленное в 40-х годах XVI в.).

Великое княжество Всея Руси превратилось в наследственную монархию. Централизация же в Крыму была не возможна из-за сопротивления феодальных кланов. Тюркское население Причерноморья состояло из двух этносов — крымских татар и ногайцев, которые только условно были на стороне крымских ханов. В начале июля 1502 г. между р. Самарой и Сулой¹⁴, имея пушки и пищали, «царь Менгли Гирей Шиг-Ахмета царя прогнал и Орду его и улусы взял». Земли между Доном и Волгой перешли к нему. В 1503 г. Москва бурно прорвалась к югу — присоединила все Верховские княжества, Северщину, Рыльск, Курск, Путивль и Прилуки. Она «стала осознать важность геополитического единства Волжского пути... и становиться сильнейшим государством в бассейне Волги по экономическому, демографическому и военному потенциалу»¹⁵. «Казань, ногаи, Крым последовательно вовлекались в орбиту московской политики. Татарские князья с их уланами и казаками, поселённые на линии Оки, составляли как бы кордон, препятствовавший неожиданным прорывам на левый берег реки»¹⁶. По Осколу, Хопру и Медведице Княжество Всея Руси приблизилось к северным рубежам Крымского ханства.

Как только враждебный двум союзным государствам барьер Литвы и Большой Орды рухнул, тут же наметилось соперничество Бахчисарая с Москвой за Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ и Большую Ногайскую Орду.

В XVI в. Крым и Москва, срываясь после поражений и возносясь после побед, поднимались параллельно друг другу и соперничали за лидерство на пространстве западной части бывшей Золотой Орды.

«Великий царь татарский» Менгли Герай в известной мере занял место Ахмата, но не собирався оседать в Сарае-Берке. Вместе с тем державные претензии властителей Бахчисарая были немалыми, несмотря на ограниченность ресурсов и на то, что ханство было рассредоточенной монархией, управлявшейся ханами, членами их семей, татарскими и ногайскими феодалами. В Крыму закрепилось представление, что Казань и Астрахань будут крымскими юртами (даже в 1654 г. крымские ханы были уверены в том, что эти ханства удастся отвоевать)¹⁷. 2 июля 1507 г. Менгли Герай «великодушно» выдал польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I (1467–1548) ярлык на владение Киевом, Луцком, Каменцем, Смоленском и десятком русских городов: Псковом, Новгородом, Рязанью, Тулой и др.¹⁸. Всплывали и планы господства над Москвой.

В 1518 г. хан Мухаммед I «великий» (1515–1523) затребовал от «московского бая» Василия III (1505–1533) передать ему бывшие владения «великого царя» Тохтамыша.

Он намеревался воевать за Астрахань и Киев, планировал раздел Литовского княжества и считал, что в Казани должен сидеть представитель династии Гераев¹⁹.

Степное пограничье между Таврией и русскими землями в то время оставалось «распахнутым». Московские рати в случае нужды накапливались вдоль Оки, а крымско-ногайские (в количестве не более 60 тысяч) на 800 км южнее — в северном Приазовье. Хотя северная граница владений Крымского ханства вплоть до 1783 г. проходила по левому берегу Днепра, речке Конские Воды (левый приток Днепра чуть ниже порогов) и по степям Приазовья до верховьев рек Кальмиус и Миус и далее до низовьев Дона, но в «сфере претензий» ханов, как и прежде, держалось всё нейтральное, без осёдлого населения и крымских стад «Поле» вплоть до Оки и Поволжья. Закреплять рубеж по Оке, на левом берегу которой была московская оборонительная линия, крымские ханы не собирались. Для удержания Среднерусской возвышенности у них не было сил. «Поле» само по себе считалось лучшей для них защитой.

В 1521 г. крымцы при содействии конников хана Сахиб Герая из Казани и джигитов Ногайской Орды разбили московские войска и чудовищно разорили центр страны. «Великий государь Василий, Божиею милостью един правый государь Всеа Руси и иным многим землем восточным и северным государь», подписал грамоту быть «вечным данником» Крыма. От бесчестья случайно спас рязанский наместник И.В. Хабар-Симский, который хитростью овладел документом Василия III и сорвал попытку утвердить верховенство Крыма над Москвой.

В 1523 г. «окаанный» Мухаммед Герай присоединил к ханству Нижнее Поволжье с Астраханью. Однако Порта была против объединения татарских государств, которые могли бы противопоставить себя Стамбулу. На амбициозного хана Порта натравила ногайцев, которые разгромили в низовьях Волги крымское войско и убили Мухаммед Герая²⁰. В 1537 г., при слабости боярского правления в Москве, ногайцы потребовали фантастической дани — не только в размере ордынской (100 000 алтын), но и с добавкой 60 000 алтын²¹. Однако военного потенциала и последовательности у крымских ханов не хватало. Площадь Крымского полуострова составляла всего 25,5 тыс. кв. км, откуда могло выходить 30 тысяч всадников²². Население ханства вместе с ногайцами вряд ли превышало 0,5 млн. чел., а крымско-ногайское войско никогда не поднималось выше 60 тыс. чел. «Крым не стал объединителем, ни тем более центром прорастания новой кочевой империи». План крымского хана Сахиб I Герая (1532 – 1550) «пленить» всю Русскую землю в 1541 г., а великого князя «впрячь в соху и заставить сеять золу» не был реальным²³.

К середине XVI в. единое Русское государство поднялось к зениту. При венчании на царство Иван IV приравнял себя к государям так называемых великих держав²⁴. 120–150-тысячное русское дворянство²⁵ охватил наступательный державный порыв. В 1552 г. «свирепосердое» воинство отчаянным штурмом взяло Казань. Бросив часть обоза и артиллерии, из-под Тулы в 1552 г. отступил хан Девлет I Герай. В 1556 г., чувствуя нависшую с севера мощь, из Астрахани сбежали защитники и безлюдная крепостица с её примитивными камышовыми плетнями, засыпанными землёй, была занята без боя. Иван IV рассёк надвое степную зону. С середины XVI в. степную «зону господства» кочевников стали ужимать также расселявшиеся вдоль рек запорожские и донские казаки. Апогей государственного патриотизма держался вплоть до введения опричнины в 1565 г.

Приоритетными целями Османской империи XVI–XVII в. были Иран, потом Балканы и Центральная Европа, затем Средиземноморье и лишь в последнюю очередь — Восточная Европа, где были сосредоточены все интересы Крыма. Так «нейтралитет Османской империи... позволил Московскому государству выиграть спор с Крымом и захватить к середине 50-х годов XVI в. значительную территорию бывшей Золотой Орды»²⁶.

Государь Иван Грозный стал источником величия России. Царство Всея Руси превратилось в регионального гегемона от Поднепровья до Урала, претендующего на власть над всеми осколками Золотой Орды. Оно переняло часть завета Чингисхана — объединение Северной Евразии. Вслед за тем был намечен масштабный поход Ивана IV на Крым, «который должен был завершиться "посажением" на ханский престол царевича Янтемира, сына астраханского вассала России Дервиш-Али»²⁷. Поход в 1556 г. не состоялся, так как Великое княжество Литовское не присоединилось к совместным действиям.

Действия русских отрядов с Днепра в 1556–1558 г., нападавших вплоть до крымского форта Исламкермена и Очакова, заставили перейти к обороне крымского хана Девлет I Герая (1550–1577), который перестал настаивать на выплате поминков (в Москве «откупные поминки» понимались как добровольное дарение и знак примирения, в Крыму же как подневольная дань).

В 1557 г. Москва стремилась установить полный контроль над Ногайской Ордой и заставить её воевать против крымцев²⁸.

С 1558 г. великодержавное Царство Всея Руси не боялось воевать одновременно против государств Северной, Восточной и Центральной Европы — Ливонского ордена, Великого княжества Литовского, Польши, Шведского и Датского королевств и Крымского ханства. Против Крыма Иван IV вёл «активную оборону» с трёх сторон: от Днепра, Дона и Тамани²⁹. Артиллерия, постоянные гарнизоны в пограничных крепостях и стрелецкая пехота были крупным преимуществом в сражениях с крымско-татарской конницей. Крымские татары «перестали рассматриваться как реальная военная сила»³⁰.

В 1559 г., узнав, что Иван Грозный находится в Москве, крымцы не стали нападать на Рязань, Тулу и Каширу и отвернули на юг. В том же году черкесы «били челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестить»³¹. Тогда же суда по Днепру должны были выйти в Чёрное море и оттуда атаковать крымские улусы, а суда с Дона выйти в Азовское море и атаковать Керчь. С верховья Дона собиралась двинуться за Оку главная армия во главе с царём. Однако переломным в наступлении на Крым 1559 год не стал. «Литовская магнатерия рассматривала Крымское ханство как возможного союзника... и потому не была заинтересована в его уничтожении»³². Поход за Оку был отменён, но в 1559–1560 г. в Крыму был «страх великий от государя с моря и с Поля».

Подвижные сторожа и станицы и Большая засечная черта, законченная к 1566 г. к югу от Угры и Оки, сдвигали свободу набегов Крымского ханства. «Русское население медленно, но неуклонно проникало в недра татарской степи по лесистым берегам рек и речек»³³. Сфера контроля русского «боговенчанного» самодержца распространилась тогда на Восточную Европу от Балтики до Крыма и Кабарды, на Ногайскую Орду, на «русские» земли Великого княжества Литовского, на Поволжье и Зауралье.

С этого времени и рейды крымцев, и захват пленных можно понимать как способ военного отпора русскому продвижению на юг.

Претензии хана Девлет I Герая (1551–1577) тоже были немалыми — на степи Причерноморья и Прикаспия, «Поле» до Оки, на Поволжье от Казани до Астрахани и на Северный Кавказ.

«Дух великодержавия» в Царстве и войске грозного царя не исчезал, несмотря на разделение на Опричнину и Земщину, но Ливонская война заставила Москву в 1562 г. вернуться к миру с Крымом. В 1563 г. был составлен проект союза, причём Москва предлагала равноправные отношения, Бахчисарай же настаивал на выплате поминок, традиционно представляя их как дань. На Северном Кавказе конфронтация Москвы с Крымом обострилась в 1567 г. из-за постройки на р. Терек русского города. В том же году крымский хан

устроил поход на Черкессию. Девлет Герай был противником утверждения Османской империи в Нижнем Поволжье, и участие крымчан в Астраханском походе турок 1569 г. было почти подневольным³⁴.

Новый взлёт державной силы Крыма пришёлся на 1571 г. В рейде на Москву, возможно, участвовало 30–40 тыс. крымцев и 10–15 тыс. ногайцев³⁵. Пять полков дворянской конницы воеводы Большого полка И.Д. Бельского (возможно ок. 50 тысяч)³⁶ весной вышли к Оке, ожидая удара от Тулы. Но крымские войска с Муравского шляха свернули на запад, перешли по мелким бродам верховья Оки и быстро двинулись от Болхова прямо на «ядро державности» — Москву³⁷. Внезапность вызвала панику командования, захваченного врасплох. Царь Иван, который лишь 16 мая выехал из Александровской слободы, появился «на берегу» у Серпухова около 20 мая, но отказался возглавить войско и бежал в Ростов. 23 мая Бельский «выезжал против крымского царя и крымских людей за Москву-реку, за болото, на луг, и дело с ними делал, и приехал в город ранен»³⁸. Вместо того, чтобы защитить подступы к Москве, он загнал полки в улицы южного предместья. Не собираясь преследовать их, 24 мая татары с разных мест беспрепятственно подожгли деревянные постройки. Страшный пожар вызвал бурю и столица с 8 до 11 часов сгорела дотла. От огня погибло множество народа и ратников, «за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами и немногих других, которые искали спасения через стены в реку»³⁹. На своём подворье задохнулся и Бельский. 26 мая Девлет Герай откатился, чтобы опустошать окрестности Каширы и Рязани (ногайцы, не зная, что хан не планировал вести бои внутри города, упрекали его, что тот «не сел» на Москве)⁴⁰. Ивану IV был предъявлен ультиматум — отдать всё Поволжье от Казани до Астрахани. Русский царь согласился уплачивать «тыш» — эквивалент поголовной подати, состоящей из шуб и других подарков⁴¹, и признать домогательства на бывшее Астраханское ханство, но не на Казань⁴². Московскому самодержцу пришлось «бить челом» хану и соглашаться на создание полузависимого от России Астраханского ханства. Не перебежчики, которые подвели под Москву крымцев, не скорость набега, а пренебрежение разведкой и самоуверенность царя после победных кампаний в Поволжье, Прибалтике и Литве — вот основные причины гибельного пожара в столице.

1571 г. не стал зенитом Крымского ханства. Несмотря на почти ежегодные татарские нападения и семь походов Девлет Герая на Русское государство — в 1552, 1555, 1562, 1564, 1565, 1571 и 1572 годах⁴³, *вторая половина XVI в. была временем русско-крымского равновесия*. 10 ноября 1571 г. царь даже принял решение начать войну со Швецией.

Вопреки начавшейся разрухе и расправам над воеводами, русские воины не растеряли боевой дух. К весне 1572 г. по Оке собралось поначалу 20-тысячное «береговое войско», в Коломне состоялся смотр «государевым людям». Царская казна из предосторожности на 450 возах была вывезена в Великий Новгород⁴⁴.

Новый даровитый воевода М.И. Воротынский вывел всех ратников из Дедилова, Данкова, Орла, Елифани, Шацка и собрал на северном берегу Оки 50-тысячную рать. На реке собрали суда, чтобы мешать переправам врага. Сторожевые посты теперь были выдвинуты далеко на юг — к р. Осколу и Сейму. 27 июля 1572 г. 60-тысячное войско Девлет Герая⁴⁵ появилось у Тулы, но его уже ждали. Первые стычки со Сторожевым полком начались у Оки 27 июля. В сражениях 30 июля – 2 августа стрельба полевой артиллерией, «огненный бой», которого боялись крымцы, удар с тыла по врагу и вылазки из «гуляй-города» завершились крупной победой севернее Оки при Молодах.

«Царю Девлет Кирею» пришлось объяснять своё поражение «брату московскому князю» Ивану Васильевичу случайностью — «немногие наши люди с твоими людьми потравились», указывать, что города жгли не крымчане, а ногайцы и что громадная Русская земля

не пострадает от уступки Казани и Астрахани⁴⁶. В 1574–1578 г. Крымское ханство сняло требование уступить «мусульманские юрты», и в 1578 г. в московско-крымских отношениях наступил перелом⁴⁷. К концу XVI в. могущество Царства Всея Руси превышало «Великий Крымский юрт». Население Московского княжества в начале XVI в. составляло 2–2,5 млн. чел., в середине столетия — 4–4,5 млн. чел.⁴⁸.

В Восточной Европе XV–XVI в. политический и военный вес Крымского ханства — сильного противника Польско-Литовского и Русского государств был высоким. Непрерывные рейды крымской конницы вглубь русских и украинских земель были крайне болезненны, но они не угрожали безопасности России в той мере, как агрессивный польско-литовский и позднейший шведский натиск. В 1591 г. произошёл последний крупный крымско-татарский прорыв в центр православного царства. После выдвижения огромных засечных черт в Поле и военной колонизации чернозёмных пространств, нападения крымцев вернее оценивать не как агрессию, а как отпор наступлению с севера. Подрыв сил страны в результате непрерывных войн привёл к катастрофе Смутного времени, но к середине XVII века мощь царства Российского была восстановлена. Рост военного потенциала России во время походов на юг в 1687/1689 г. придавил державное сознание крымцев. В веке XVIII соотношение сил между Российской империей и ханством, несмотря на поддержку его Османской империей, неуклонно менялось в пользу России.

¹ Артамонов В.А. Героика патриотизма : патриотизм и державное сознание русского народа X–XX вв. // Меншиковские чтения – 2014 : Научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 9–42.

О росте и угасании державности, мессионизма, «духовной энергии» и экспансионизма см.: Шанталов Б.Н. Феномен государственного лидерства : экспансия в мировой истории. М., 2008. 656 с.

² Мыц В.Л. Побег Менгли Гирея I из османского плена в 1478 г. // III Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай, 9–11 сентября 2015 г. : тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2015. С. 18.

³ Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 11.

⁴ В то время ханы Крыма предъявляли права на дань и сюзеренитет над русскими княжествами в верховьях Оки и над Киевщиной (Кром М.М. Меж Русью и Литвой : западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 98, 80, 127).

⁵ В 1514–1654 г. в Кафе ежегодно продавалось 17000 рабов (Хорошкевич А.Л. Русь и Крым : От союза к противостоянию. Конец XV–XVI вв. М., 2001. С. 211).

⁶ Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005. С. 59–61, 65.

⁷ Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме : (1666–1667). Симферополь, 1999. С. 61.

⁸ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства : вторая половина XV века. М., 2001. С. 59, 95.

⁹ Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 84.

¹⁰ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 140 ; Борисов Н.С. Иван III. М., 2006. С. 442.

¹¹ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 267.

¹² Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 91, 98, 150, 153, 155.

¹³ Там же. С. 113, 156 ; Назаров В.Д. Государь Всея Руси. Два лика грозного царя : Россия в эпоху реформ и контрреформы середины XVI в. // История России с древнейших времён до конца XVII века. М., 1998. С. 326, 347.

¹⁴ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. Воронеж, 1991. С. 44 ; Борисов Н.С. Иван III. С. 454.

¹⁵ Назаров В.Д. Государь Всея Руси. С. 344.

¹⁶ Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 185.

¹⁷ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004. С. 176.

¹⁸ Загоровский В.П. История ... С. 47, 49, 50, 61.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

- ¹⁹ «Область наша к нам тянет – Брянск, Стародуб, Почап, Новый Городок, Рылекск, Путивль, Карачев, Радогощ» (Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. С. 183–185, 234).
- ²⁰ Греков И.Б. Турция, Крым, Казань и Российское государство в 20–50-е годы XVI в. // Османская империя, Крым и страны Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы XV–XVI вв. : Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 158.
- ²¹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 59.
- ²² Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 65.
- ²³ Назаров В.Д. Государь Всеа Руси. С. 390, 410, 412.
- ²⁴ Греков И.Б. Турция, Крым ... С. 174.
- ²⁵ Назаров В.Д. Государь Всеа Руси. С. 390.
- ²⁶ Зайцев И.В. Астраханское ханство. С. 166–167, 169, 173.
- ²⁷ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVI в. М., 1979. С. 72, 75.
- ²⁸ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения 50-е–вторая половина 70-х годов XVI в. М., 2007. Ч. 1. С. 108.
- ²⁹ Там же. С. 99–107.
- ³⁰ Там же. С. 112, 119.
- ³¹ Там же. С. 151, 154.
- ³² Флоря Б.Н. Проект антитурецкой ... С. 81.
- ³³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. М., 1996. С. 299.
- ³⁴ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... М., 2007. Ч. 2. С. 25–26, 45, 74, 75.
- ³⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 424.
- ³⁶ Малов А.В. Молодинская битва в контексте военно-политической ситуации в мусульманско-христианской зоне // Средневековые тюрко-татарские государства. М., 2010. № 2. С. 198.
- ³⁷ Загоровский В.П. История ... С. 164–166.
- ³⁸ Зимин А.А. Опричнина. М., 2001. С. 272.
- ³⁹ Там же. С. 273.
- ⁴⁰ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... Ч. 2. С. 193, 199, 200, 204.
- ⁴¹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 427–430.
- ⁴² Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними у Воскресенья в Молодех» : материалы о походе Девлет Гирея I на Москву в 1572 г. в Крымской посольской книге 1571–1578 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 204–205.
- ⁴³ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... Ч. 2. С. 112, 295.
- ⁴⁴ Зимин А.А. Опричнина. С. 280–281.
- ⁴⁵ Загоровский В.П. История ... С. 172–174.
- ⁴⁶ Виноградов А.В., Малов А.В. «Сошлись с ними ... С. 245, 250.
- ⁴⁷ Виноградов А.В. Русско-крымские отношения ... Ч. 2. С. 223–224, 282.
- ⁴⁸ Хорошкевич А.Л. Россия в системе ... С. 60 (цит. по: Каиштанов С.М. К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI в. // Реализм исторического мышления : Проблемы отечественной истории периода феодализма. М., 1991. С. 112–115).

И.Г. Д у р о в

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОТСТАВНЫХ ВОЕННЫХ И СТАТСКИХ ЧИНОВ,
служивших в центральных, губернских и уездных учреждениях
Российской империи в XVIII в.

Известно, что выдающейся заслугой первого российского императора явился слом приказной системы управления и форсированная модернизация государственной машины, в итоге приведшая к созданию чиновной бюрократии, механизма юридически разработанного функционирования государственного аппарата. Анализ нормативно-законодательных актов, изданных и выявленных нами архивных источников свидетельствует, что комплектование коллегий, контор, канцелярий и прочих учреждений чиновниками осуществлялось двумя основными способами: направлением отставных военных на штатскую службу¹; переводом бывших приказных чинов и назначением на первичные канцелярские должности выпускников различных школ, учреждённых Петром I в первой четверти XVIII в.²

В результате с 1719 г. во всех государственных учреждениях вместо дьяков и подьячих появились секретари, нотариусы, актуариусы, регистраторы, копиисты, протоколисты и прочие канцелярские чины³.

Штатская и гарнизонная (береговая) служба в российском обществе традиционно считалась для офицера армии и флота заслуженной наградой и отдыхом за длительную военную службу в полевой армии (или плавсоставе), за полученные в сражениях раны и увечья. По мнению историка С.А. Петровского, само это назначение мотивировалось желанием власти дать необходимые средства к жизни людям, послужившим Престолу и Отечеству и в результате длительной интенсивной службы лишившихся всяких возможностей самостоятельно добывать себе пропитание: «Служба эта давалась им вместо нынешней пенсии... [как достойная] награда за их тяжёлую военную службу». Это был «своего рода [особый] пенсион»⁴.

К примеру, столбовой дворянин А.Ю. Бибилов с 1700 по 1718 г. служил в лейб-гвардии Преображенском пехотном полку и был, как было написано в его челобитной к Петру I, безотлучно «во всех сухопутных походах, также и на море, когда сквозь швецкой флот проходили галерами под Гангутом и в других морских на кораблях походах, где оной Преображенской полк был». Его прохождение военной службы в Преображенском полку: с 1700 г. солдат, и в том же году он стал прапорщиком, и в этом воинском чине находился

«при баталии, как приходил швецкой король под Нарву»; в 1703 г. «под Слюсен-Бурхом на приступе ранен и на реке Сестре против швецкаго короля Кранеорта на баталии был»; в 1705 г. был «во взятъе Нарвы на приступе», в 1706 г. в Гродне, в 1709 г. на штурме Рашевки под Митавою, «как шведов выбивали из шанец», на «Полтавской баталии» и в этом же году получил чин поручика. Затем в 1710 г. был при взятии Выборга, в 1711 г. находился «на турецкой акции». В 1715 г. был пожалован в капитан-поручики. Полевую военную службу в составе лейб-гвардии Преображенского полка А.Ю. Бибилов закончил в конце 1718 г. В январе 1719 г. он был направлен «за многия службы и раны» в гарнизонный полк, дислоцированный в Нарве, и переаттестован в подполковники и в течение нескольких лет исполнял обязанности полкового командира, сохраняя при этом свой прежний воинский чин лейб-гвардии капитан-поручика. После заключения Ништадтского мира А.Ю. Бибилов был переведён на штатскую службу и назначен именным указом монарха 17 апреля 1722 г. прокурором Мануфактур-коллегии в ранге армейского полковника⁵.

Денежное жалование в коллегиях Российской империи выплачивалось на основании указа Петра Великого от 14 декабря 1724 г. Петровский указ был основан на трёх основных положениях: 1) «коллежским чинам должна даваться половина жалованья против армейских чинов»; 2) «чинам, у которых нет денег на руках (то есть не занимавших казначейских должностей), надлежит получать «жалованье против их рангов»; 3) если военные чины, кроме отставных, поступили на штатскую службу, где жалование меньше их должностного оклада, то им надлежит «иметь первое жалованье». Данный указ был разъяснён сенатским приговором от 2 марта 1725 г.⁶. Таким образом, основной должностной оклад отставных офицеров, служивших в государственных учреждениях Российской империи, был определён в половину денежного жалования по последнему воинскому чину.

По нашему мнению, которое подтверждается опубликованными и выявленными нами архивными источниками, это был основной, традиционно минимальный размер пожалованной пенсии, начиная с вышедших в отставку армейцев и моряков ещё в годы правления Петра Великого и включая время после вступления на российский престол Екатерины II⁷.

Канцелярские чины получали «жалованье против их рангов». К примеру, при правлении Петра I дьяк (секретарь) коллегии в северной столице получал 240 руб. и 60 юфтей хлеба в год, подъячий старый — 120 и 30, подъячий средней статьи — 80 и 20, подъячий молодой — 30 руб. и 10 юфтей хлеба⁸. Размеры их окладного должностного денежного жалования из-за дороговизны жизни в Санкт-Петербурге были в два раза больше, чем соответствующие московские должностные оклады канцеляристов.

Высокие должностные оклады в столице материально и морально стимулировали службу канцелярских чинов. Однако получить при отставке следующий чин, особенно тот, который давал ему и членам семьи потомственное дворянство, для разночинца было невероятно сложно. Основная причина — это указ Петра I от 7 февраля 1721 г. о порядке производства в статские чины детей лиц первых шести рангов и дворян знатных фамилий. Детям лиц, относившихся к первым шести рангам и знатных дворян, средних дворян и мелкопоместных предписывалось, чтобы они начинали штатскую службу только с первичных должностей. При этом первых детей следовало назначать в секретарские чины, средних — «против нотариуса», малопоместных и малокрестьянских дворян — «против регистратора».

Сроки нахождения в штатских должностях в учреждениях Российской империи дворян, «по примеру чинов воинских, указными летам», или «урочными годами»⁹, были такие: солдат, капрал — один год; сержант, прапорщик, подпоручик — полтора; поручик, капитан, майор — два; подполковник — два года и шесть месяцев; полковник — три года и шесть месяцев.

Подсчитано, что при добросовестной службе дворянин мог достигнуть в государственном учреждении штатской должности, соответствующей по Табелю рангов 1722 г. воинскому чину полковник, в течение 17 лет.

Временные сроки в солдатских и унтер-офицерских должностях засчитывались тем дворянам, «которые учились в чужих краях и выучились подлинно, что к статскому правлению надлежит... в чём по приезде их надлежит здесь свидетельствовать [назначенной в коллегии комиссией]». Лицам, которые проходили обучение за границей, но не подтвердили свои знания на экзаменах и проживавшие вместо учёбы «праздно в чужих краях», вышеуказанные сроки не засчитывались. Тем выпускникам, которые обучались в России, время нахождения на первичных штатских должностях уменьшалось наполовину, «понеже ведение чужих государств видением лишатца». В исключительных случаях дворяне, «которые знатные услуги покажут» на службе, могли досрочно получать как вышестоящие штатские должности, так и военные чины¹⁰.

Старшие офицеры, увольняемые в отставку от военной полевой службы, назначались, кроме гарнизонных полков, комендантами, воеводами и товарищами воевод, советниками коллегий, начальниками канцелярий, полицмейстерами; обер-офицеры — секретарями только в те города, «где положено быть дьякам», а также в прочие учреждения на штатские должности, соответствующие их воинскому чину по Табелю о рангах 1722 г.¹¹

ВТС приговорил 7 марта 1726 г., чтобы на вакантные должности президентов, вице-президентов и советников коллегий, а также губернаторов, вице-губернаторов, обер-комендантов и комендантов представлял Высокий Сенат для утверждения Ея И. В. в Совет. Если же обер-коменданты и коменданты, кроме выполнения основных военных обязанностей, занимались ещё и гражданскими делами, тогда Сенату предписывалось по этому поводу сноситься с Военной коллегией. Прочие чины, как то: воевод, асессоров, камериров, рентмейстеров, земских и судных комиссаров, президентов в надворные суды, — определял Сенат. На вакантные места, занимаемые в учреждениях дворянами, Герольдмейстерская контора выделяла по два кандидата, на должности, комплектуемые не из дворян, их представляла соответствующая коллегия¹².

Кандидатами в губернаторы, воеводы и прокуроры, полицмейстеры являлись традиционно представители служилого дворянского класса¹³. Как правило, генералы и генерал-лейтенанты назначались губернаторами, а генерал-майоры (также бригадиры, полковники) — вице-губернаторами, обер-комендантами (комендантами) губернских городов. Они выбирались из нескольких кандидатов Герольдмейстерской конторой Правительствующего Сената по согласованию с Военной коллегией¹⁴.

Указ ВТС от 6 марта 1727 г. предписал Высокому Сенату назначать провинциальными воеводами полковников, а их заместителями («товарищами») — подполковников, выбирая из нескольких представленных Военной коллегией кандидатов. Окончательное право выбора и назначения воевод предоставлялось Сенату. Уездными воеводами могли быть назначены Сенатом и наиболее подготовленные к управлению обер-офицеры¹⁵. 31 марта 1727 г. указом ВТС предписывалось назначать в уездные города воевод из штаб-офицеров «в ранге майорском», а воеводой в «пригородках (пригородах быть. — *И.Д.*) в ранге поручика»¹⁶.

26 декабря 1728 г. ВТС приговорил содержать в каждом провинциальном городе в канцелярии секретаря, подчинённого непосредственно воеводе, «а прочих дьяков уничтожить (сократить. — *И.Д.*)»¹⁷.

Анализ опубликованных архивных источников и изданных нормативно-законодательных актов Российской империи свидетельствует, что на выплату пенсий в армии и на флоте в первой половине XVIII в. суммы выделялись незначительные¹⁸, а количество отставных

офицеров, относившихся к неимущим и малопоместным дворянам, постоянно возрастало. Поэтому политическое руководство страны было вынуждено изыскивать дополнительные средства для их пропитания и членов семей после увольнения заслуженных ветеранов в отставку от военной службы. Начало этому благородному социальному процессу, как выше отмечалось, положил первый русский император. Для обоснования призрения государством отставных военных чинов изложим некоторые эпизоды.

Из «старых», то есть отставных офицеров армии и флота, в значительной части, как уже отмечалось выше, формировалась и администрация местного управления. Именно им, проверенным суровой и длительной военной службой, отдавал великий реформатор неоспоримый приоритет, а не тем «тунеядцам» — гражданским чинам, которые не служили в полевой армии, не имели практического опыта, но были по семейным и родственным связям, знакомствам и клановым предпочтениям назначены губернаторами на должности в местную администрацию¹⁹. Начало этому положил 1715 г., когда губернии решением самодержца были подразделены на доли (5536 дворов в каждой), над которыми были назначены правители — ландраты, установлено определённое законодательным актом окладное денежное жалование чинам губернской администрации, губернаторам, вице-губернаторам, ландратам, их помощникам — комиссарам и подьяческому составу их канцелярий.

Содержание ландратской канцелярии указом монарха возлагалось на податное население доли, для чего была введена особая подать по одной гривне с податного двора, собиравшаяся в местную казну и расходующая только на выплату жалования без отсылки в центральное казначейство. При этом остаток денежных средств, оставшийся к концу года после оплаты содержания ландратской администрации, делился между её подьяческими чинами пропорционально размерам их должностных окладов²⁰.

В некоторых случаях комиссарами от губерний, находившихся в ведении Правительствующего Сената, назначались беспоместные и бескрестьянные отставные армейские офицеры, уволенные от военной службы в результате серьёзного ранения, увечья или тяжёлой болезни. Также уволенные в отставку от военной службы по состоянию здоровья и преклонного возраста престарелые нижние чины и унтер-офицеры, обер-офицеры Морского ведомства, служившие в корабельном и галерном флоте и не имевшие собственного пропитания, прежде всего назначались на береговые должности «у лёгких дел при адмиралтействах». К примеру, при Санкт-Петербургском военном порте содержались по штатному расписанию с получением должностного окладного жалования и других видов табельного довольствия отставные чины: «У надсматривания фарватера» — унтер-лейтенант; «у кранов» — шкипер; «на адмиралтейской вахте с переменою» — шкипер, два шхимана, шхиманмат; «у галерного такелажа» — комит, два канонира, капрал и девять нижних чинов²¹.

Кроме того, 13 ноября 1727 г. ВТС постановил, чтобы матросов и канониров после окончания кампании флота и разоружения линейных кораблей и военных судов «обучать солдатскому строю и, расписав их по ротам, приставить офицеров, которых можно набрать из отставных [уволненных от службы в армейских полевых и гарнизонных полках]»²².

Неурожаи 1722–1724 г. существенно ухудшили материальное положение военных и морских чинов. Выплаты денежного довольствия военнослужащим действующей армии и пенсий отставным военным из-за уменьшения суммы собранных налогов систематически задерживались, и они часто не получали жалование и хлебную дачу в указанные сроки.

Особо трудные условия сложились у отставных солдат, проходивших службу в провинциальных учреждениях. К примеру, воевода Галичской провинции писал в Сенат в 1725 г., что «окладов им [солдатам и унтер-офицерам] никаких не учинено, как и жалования как денежного, так и хлебного ничего не получают, от чего из них многие голодом страдают

и от караулов [самостоятельно уходят и затем] в миру бродят [в поисках еды]»²³. В 1726 г. воеводе пришлось испрашивать у Штатс-конторы особый приказ о выплате денежного жалования присланным из полевых и гарнизонных полков сверхштатным отставным солдатам и урядникам, сторожу и заплечному мастеру, так как «им без жалования, будучи при оной канцелярии [воеводского правления], прокормитца нечем...»²⁴.

Иногда, чтобы как-то прокормить отставного престарелого нижнего чина, вводились экзотические должности, к примеру надзиратель над набранной командой кошек. Кошки, по замыслу учредителей, должны были ловить мышей, которые портили пищевые продукты и материалы в провиантских, вещевых, шхиперских и прочих магазинах военного порта. Так, 11 августа 1730 г. Адмиралтейств-коллегия определила: «...по силе адмиралтейского регламента, набрать по надлежащему числу кошек, и приставить к ним для надзирания по одному человеку из престарелых служителей, и велеть тех кошек кормить... и тот корм покупать, и деньги на то держать из общей адмиралтейской суммы; точию помянутым надзирателям смотреть, чтоб те кошки к охранению вышеписанных трат были годныя, и для того давать им корм по препорции...»²⁵. 10 декабря 1730 г. Адмиралтейств-коллегия определила кормить находившихся при магазинах кошек рыбой, «называемою ряпухою и корюхою и другою тому подобною...». Из казначейской суммы на покупку рыбы выделялось 5 руб. Для учёта канцелярии предписывалось завести шнурованную книгу. Для содержания кошек «по силе прежней коллежской резолюции определить к ним нарочного из престарелых служителей»²⁶. 15 января 1731 г. Адмиралтейств-коллегия предписала, чтобы во всех военных портах во флотских провиантских магазинах завести кошек для использования их против «мышьеяди». Для прикормки кошек следовало выделить из казначейства один раз по 1 руб., «а для содержания их определить из престарелых служителей по одному человеку на порт»²⁷.

1 декабря 1731 г. члены совета Адмиралтейств-коллегии приняли определение укомплектовать создаваемый в порту магазин строительных материалов «для содержания прихода и расхода» закупленных материальных средств двумя престарелыми унтер-офицерами и двумя капралами²⁸.

Одной из наиболее важной и тяжёлой обязанностей посадских людей издавна было взимание разных косвенных сборов (пошлинных, кабацких, соляных и т. д.), а также на них был возложен и «счёт и отдача денежной казны». В конце царствования Петра Великого властями была сделана попытка освободить посадских людей от этой службы, для чего в 1722 г. было повелено определить к взиманию этих сборов отставных офицеров и нижних чинов, «выбирая в Военной коллегии к тому достойных людей»²⁹.

По состоянию на 21 декабря 1724 г., только к кабацким и соляным сборам из Военной коллегии через Герольдмейстерскую контору был назначен 971 отставной дворянин из офицеров, унтер-офицеров и солдат. Однако этого было недостаточно для замены посадских людей, так как некомплект имевшихся вакантных должностей составлял 3319 чел.³⁰.

Также офицеры, имевшие безукоризненную репутацию и которые по состоянию здоровья были отставлены от военной службы, после тщательного отбора кандидатов назначались для укомплектования должностей фискалов. Фискалы учреждались при Сенате и в губерниях с их городами³¹. Кроме того, в армии в каждом полку было по фискалу, в каждой дивизии обер-фискал, а для всей армии генерал-фискал. Во флоте в каждой эскадре находился фискал, а для всего флота был назначен обер-фискал.

Именной указ от 22 февраля 1723 г. гласил: «...ныне определены фискалы из знатных офицеров: того ради им ранги определены следующие... генерал-фискал против генерал-майора, обер-фискал государственный — бригадира, обер-фискалы воинских коллегий — полковника, обер-фискалы в Москве и в войске у дивизий — против подполковника, фискалы

прочих коллегий — майора, провинциал-фискалы и в магистрате фискал против капитана»³². В дополнение к этому указу от 23 ноября 1724 г. вышел именной указ, по которому велено провинциал-фискалам в губерниях при губернаторах быть в капитанском чине, а в провинциях при воеводах и надворных судах в ранге поручика, в городах же фискалам следовало служить без рангов³³. Срок службы фискалам по возрасту не устанавливался. Они служили до тех пор, пока за глубокой старостью и болезнями уже не могли выполнять свои функциональные обязанности. Да и сами служащие до преклонных лет фискалы не часто «докучали» вышестоящему начальству об увольнении их от данной штатской службы и нисколько не открепивались от неё, как от других государственных должностей, так как должность фискала в Российской империи была всегда весьма «выгодная, доходная»³⁴.

Некоторые отставные солдаты лейб-гвардейских полков направлялись надзирателями в светские и военные школы. Взгляд императора Петра I на воспитание, на характер взаимоотношений взрослого и юного человека оставался вполне ветхозаветным, сугубо домостроевским. А «Домострой» сурово поучал родителей: «Казни сына своего от юности его... аще бо железом биеши [он] не умрёт, но здравне [затем умом] будет...».

Передовой человек конца XVII в., известный учёный Симеон Полоцкий (Петровский-Ситианович), кому мы обязаны открытием Московской славяно-греко-латинской академии в 1687 г., также наставлял, что в основе практического воспитания и обучения юношества «первая вещь есть жезл (палка. — *И.Д.*)»³⁵. Педагоги Петровского времени смотрели на методы воспитания точно так же. В школах применялись жестокие наказания: за пропуск занятий — порка солёными розгами, за более серьёзные проступки (пьянство, воровство, побег из школы и т. п.) — плетью. Кроме того, широко применялся арест, в исключительных случаях ссылка на каторгу, так как, например, среди учащихся Московской математико- навигацкой школы было много не только юных, но и взрослых людей возрастом от 12 до 20 лет и даже старше³⁶.

В инструкции Адмиралтейств-коллегии командованию Морской академии предписывалось: «Для унятия крику и безчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат, и быть им по человеку во всякой коморе (классе. — *И.Д.*) во время учения, и иметь хлыст в руках, буде кто из учеников станет [на занятиях] безчинствовать, оных бить...»³⁷. И били учеников, по установившейся традиции, беспощадно³⁸, по введённой в военно-учебных заведений системе наказаний за дисциплинарные нарушения — даже несмотря на то что большинство гардемарин Морской академии относились к детям дворянской знати («царедворцам») и «знатному шляхетству»⁴⁰.

Отставные солдаты из лейб-гвардейских полков, находившиеся надзирателями в Санкт-Петербургской Морской академии, кроме денежного жалования, получали ещё хлебную дачу и пищевую соль соответственно 5 юфтей и 3 пуда на одного человека в год. Им дополнительно выплачивалось ещё по 1 руб. 33 коп. кормовых денег на одного человека в месяц⁴¹.

С 1719 г. по замыслу монарха в стране начала складываться судебная система, учреждённая по шведским образцам, но с учётом российских реалий с существенными отступлениями, прежде всего введением в органы власти Юстиц-коллегии, которая отсутствовала в северном королевстве. Система судебных учреждений при правлении Петра Великого включала нижний суд в виде «провинциального» суда под председательством обер-ландрихтера в нескольких больших городах и в виде городского судьи в остальных, затем надворные суды в губерниях, а также центральные органы — Юстиц-коллегию и Правительствующий Сенат. На открытые штатные вакансии в судебных учреждениях направлялись заслуженные и грамотные штаб- и обер-офицеры, уволенные в отставку от полевой военной и гарнизонной службы по состоянию здоровья⁴².

Указ от 12 марта 1722 г. предписывал назначать в ассессоры судебных учреждений Российской империи всех уровней отставных штаб- и обер-офицеров или «дворян, по 2 человека к тому делу заобычайных»⁴³.

Одним из важнейших направлений в использовании властями военнослужащих армии и флота в отставке было привлечение их к сбору среди феодально-зависимых сословий налогов — подушных денег. В связи с ростом произвола и злоупотреблений, усиления эксплуатации крестьян помещиками, самостоятельно собиравшими с них недоимки и подати, а также частых локальных и повсеместных неурожаев в правительстве постоянно поднимались вопросы налогообложения крестьян и шёл поиск возможных вариантов перераспределения податного бремени.

Налоговая реформа началась ещё с указа Петра I от 26 ноября 1718 г., когда он повелел Правительствующему Сенату и губернаторам провести в стране подушную перепись⁴⁴. Ранее наиболее полная перепись населения произошла в 1678–1679 годах. Она, как и последующие переписи, имела чисто фискальный характер, проводилась с целью замены сошного налогового обложения (земельного) на подворное, когда податной единицей стал служить крестьянский (или посадский) двор. Небрежно проведённая в 1710 г. перепись показала колоссальную убыль податного населения — на 19,5 % дворов по сравнению с переписью 1678 г. Так, по переписи 1678 г. числилось 791018 дворов, а в 1710 г. только 637005⁴⁵.

По мнению Петра I, подушное обложение податных сословий было более выгодным, чем дворовое, так как оно увеличивало количество окладных единиц. Ведь при податном обложении крестьяне и посадские люди стремились объединиться, соединив несколько дворов в один⁴⁶, с целью уменьшения налогового бремени. А при подушном обложении существенно увеличивался контингент лиц, выплачивающих государству налоги.

Из-за огромных российских расстояний, бездорожья, как явного, так и скрытого противодействия практически всех сословий переписи, прежде всего крестьян, отсутствия у переписчиков единой разработанной методики в подсчёте, проведения новых пере проверок по указанию монарха губернских властей военнослужащими лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков перепись жителей («первая ревизия») оказалась сложным и продолжительным мероприятием⁴⁷. Работа переписчиков затянулась до 1724 г. и окончательно завершилась только в 1728 г. Сама перепись 1719–1724 г. имела главную фискальную цель — установить новую военную подать⁴⁸.

Оказалось, что в Российской империи при численности населения 15,7 млн. чел.⁴⁹ подушную подать должны были платить 5 млн.⁵⁰–5 млн. 656 тыс.⁵¹ душ мужского пола, отнесённых к податным сословиям. Было произведено разделение стоимости содержания войска в мирное время по губерниям на приведённое число душ. К этому времени уже были сделаны финансовые расчёты по содержанию регулярной армии.

В 1722 г. в вооружённых силах и вспомогательных военных формированиях Российской империи котловое довольствие и продукты на руки натурой (или денежную компенсацию взамен) получали 319525 чел., из них 210500 чел. регулярной полевой армии и гарнизонных войск⁵² и 29528 чел., относившихся по штатному расписанию к Морскому ведомству⁵³.

По штатам и табелям, полков 1720 г. расходы на одного кавалериста драгунского полка составляли 40 руб. 50 коп., на пехотинца — 28 руб. 52 коп. в год, а в целом на всю регулярную армию они достигали 4 млн. руб. Сумма налога в 1724 г. на одну душу определялась путем деления 4 млн. руб. на 5 млн. чел. и составила 80 коп. с одной души мужского пола⁵⁴.

Первый русский император оставил в 1725 г. регулярную полевую армию в 102350 чел., и в этой численности она состояла до организационно-штатных изменений, происшедших в 1732 г.⁵⁵.

На 1725 г., когда окончательно выяснилось количество мужского податного населения в стране (5,6 млн. чел.), стоимость содержания солдат, подушный налог снизили до 74 коп.⁵⁶, а после смерти Петра I до 70 коп.⁵⁷. Сверх того, крестьяне и однодворцы были обязаны платить оброк по 40 коп. с души, а гостиная сотня и посадские люди — подать по 1 руб. 20 коп.⁵⁸. Налог в таком размере вышеперечисленные категории плательщиков выплачивали в государственную казну до конца XVIII в. Однако уже первый сбор подушного налога дал огромную недоимку (30 %) всей суммы налога. Поэтому, как уже отмечалось, на 1725 г. власти понизили подушный оклад до 70 коп., но это не спасало положения, так как недобор всей суммы налога вновь составил 30 %⁵⁹.

В отличие от военно-морского флота, который финансировался от доходов, получаемых от целой группы косвенных налогов, регулярная армия полностью содержалась на прямые налоги с крепостных крестьян и сама самостоятельно собирала в провинциях подушную подать⁶⁰. Первоначальное взимание подушной подати началось военными властями в 1724 г. В 1727 г. оно было возложено на губернаторов и воевод, которым, однако, в помощь предоставлялись офицеры и солдаты. В 1731 г. вновь сбор подушной подати был передан армии, и это продолжалось до 1736 г.⁶¹. Губернии также постоянно задерживали денежные перечисления и в Адмиралтейство, поэтому в провинции в длительные командировки направлялись флотские офицеры, которым командование приказывало осуществлять адмиралтейские сборы «без всякого упущения и ослабления»⁶².

Так, по состоянию на 1732 г., в провинциях постоянно находились 19 морских офицеров, что составляло 7 % от списочной численности штаб- и обер-офицерского состава русского военно-морского флота, которые затем приказом Адмиралтейств-коллегии систематически менялись⁶³.

Нами обнаружена «Ведомость, коликое число собрано Свяжского и Казанского уездов горной стороны служилых иноверцев на нынешний 1732 год за вычетом работ корабельных лесов достальных подушных денег». По этим данным, с Казанского уезда было собрано 576 руб. 40 коп., со Свяжского уезда — 1122 руб. 40 коп. Всего 1698 руб. 80 коп.⁶⁴. В этом же году для Морского ведомства собирали подушные деньги и с общественных сенных покосов, расположенных в Симбирском уезде⁶⁵.

В 1732 г. был издан устав, или инструкция, о заведении и севе для флота корабельных лесов. Для практической реализации из германских государств были наняты форстмейстеры, «от которых уже и российские [люди] обучены». Для караулов заповедных рощ в губернии направлялись престарелые отставные нижние чины, а для контроля за деятельностью форстмейстеров — офицеры, списанные по состоянию здоровья из плавсостава, и те, которым до выхода в отставку от службы оставалось не менее двух лет⁶⁶.

Указ императрицы Анны Иоанновны от 16 января 1735 г. предписывал губернаторам «отдавать посланным от Адмиралтейства офицерам без всякого задержания, понеже ныне при Адмиралтействе за неимением денежной казны обстоит крайняя и необходимая нужда»⁶⁷.

С целью систематизации сбора налогов в Канцелярии Правительствующего Сената был разработан формуляр о недоимках подушных денег и сумм, положенных на содержание Адмиралтейств-коллегии и артиллерии, который был затем разослан по губерниям⁶⁸.

Постоянный рост недоимки, невыносимые экзекуции для крестьян, которые всё равно «за всеконечную скудостью заплатить [налоги] не могли», привёл Сенат к мысли проверить организацию сбора подушной подати. Шокирующие злоупотребления армейских офицеров, начальников команд стали известны правительству к июлю–августу 1734 г.⁶⁹. Штаб- и обер-офицеры, бывшие при сборе податей среди крестьян, напрямую обвинялись в неправильных «поборах», что создавало в российском обществе самые пагубные последствия для

репутации войсковых подразделений: «А ныне известно учинилось: 1) что будущие в дискрихтах офицеры и рядовые берут немалыя взятки...»⁷⁰. Следствием всего этого явилось мнение Сената, поданное императрице Анне Иоанновне 24 марта 1735 г., предложившее отстранить от сбора подушной подати офицеров и солдат и заменить их отставными военными чинами, которые бы работали под контролем губернаторов и воевод. Новый порядок сбора подушной подати стал фактически осуществляться гражданскими лицами и отставными военнослужащими. Ещё с 1732 г. указ императрицы Анны Иоанновны предписывал заменить при подушном сборе солдат-счётчиков на подъячих канцелярий, которые должны были находиться при отставных офицерах «погодно попеременно... чтобы можно было деньги взыскать [с крестьян и посадских людей]»⁷¹.

Отставные офицеры назначались, в зависимости от размера (площади), по 1–2 чел. на каждый уезд. В губернии направлялись бригадиры, полковники и подполковники, в провинции и уезды — майоры и капитаны, к городovým воеводам — поручики и прапорщики⁷². Всего в стране было определено к подушному сбору 2 тыс. отставных офицеров, унтер-офицеров и солдат⁷³.

19 августа 1735 г. Кабинет Ея И. В. потребовал от Военной коллегии предоставить ведомость о том, сколько с 1722 г. отставлено унтер-офицеров, драгун и солдат, «которые не из шляхетства», сколько из них холостых, число находившихся в браке, с указанием у них наличия детей⁷⁴.

С 1736 г. к подушному сбору, кроме отставных офицеров и солдат⁷⁵, также привлекались и городские рассыльщики («ходоки»), численность которых по стране увеличивалась с 5448 человек до 8232⁷⁶. Увеличение их численности происходило за счёт солдат и матросов, младших командиров, уволенных в отставку от полевой военной и гарнизонной службы⁷⁷. В результате чего численность рассыльщиков, к примеру, в Нижегородской губернии увеличилась более чем в два раза. Так, по штату при Нижегородской губернской канцелярии было 100⁷⁸ и в провинциальных канцеляриях 60 рассыльщиков. По новому штату 1736 г. в уездные канцелярии Нижегородской губернии было добавлено 170 рассыльщиков⁷⁹.

У каждого уволенного в отставку штаб- и обер-офицера, унтер-офицера, нижнего чина, направленного к подушному сбору, по прибытию в губернскую (провинциальную) канцелярию обязательно требовался указ, исключивший его от военной службы, проверялся выданный в Военной (Адмиралтейской) коллегии паспорт и брался реверс⁸⁰, это могло быть либо личное письменное обязательство, или, в случае неграмотности отставника, поручительство на письме, составленное писарем канцелярии («взята у него скаска с подкреплением [поручителей]»)⁸¹, о добросовестном исполнении своих будущих функциональных обязанностей по подушному сбору⁸².

В связи с ростом численности рассыльщиков при губернских и провинциальных канцеляриях («штат городских рассыльщиков прибавить») правительство также позаботилось о материальном и бытовом положении тех нижних чинов, которые были отставлены от военной службы, и им, «кроме [казённого] жалованья, (ничего больше. — И.Д.) не даётца».

Губернским и уездным властям указ императрицы Анны Иоанновны от 19 октября 1732 г. предписывал по примеру ландмилиционных полков выделять отставным чинам в собственность с правом передачи по наследству земельные участки площадью в 10 четвертей. Они выделялись из резерва «прежних служивых земель, а где таких нет, то из отписных и выморочных... и пустых [имений] и из диких поль, кои никому не в дачах». Взрослые сыновья отставных солдат-рассыльщиков определялись отныне только на ставшие фактически наследственными должности, «на вакансии (вакансии своих умерших. — И.Д.) отцов»⁸³. Однако их было недостаточно, чтобы заполнить должности, ушедших из жизни их отцов.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

По ревизским ведомостям 1742 г. в Российской империи насчитывалось отставных 21027 штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых армии и флота, в том числе и не из дворянского сословия, находившихся после увольнения от военной службы на собственном пропитании. Детей их малолетних обоего пола насчитывалось 2310 чел. В командах у подушного сбора при центральных учреждениях, губернских, провинциальных и уездных канцеляриях служили 9866 чел. отставных офицеров, унтер-офицеров, солдат и рассыльщиков; у них было 1358 детей.

Расчёты, осуществлённые нами, свидетельствуют, что только около 12 % ветеранов армии и флота имели в своих семьях сыновей и дочерей⁸⁴.

Итак, с 1736 г. подушный сбор начал осуществляться непосредственно в уездах⁸⁵, регулярная армия была от него отстранена и её ранее участвующие подразделения (отделения или капральства, роты, батальоны) были отправлены в пункты постоянной дислокации (на зимние квартиры)⁸⁶.

С изменением порядка подушного сбора фактически была увеличена и ставка подушного налога на содержание сборщиков. Если ранее для сборщиков собиралось по одной деньге⁸⁷ с каждого рубля, то теперь начали брать по 2 коп., что было обусловлено привлечением к сборам отставных офицеров, унтер-офицеров и солдат (матросов), назначаемых счётчиками, которым требовалось платить дополнительное к военной пенсии жалованье⁸⁸.

В июне 1736 г. императрица Анна Иоанновна своим именным указом предписала губернаторам назначить по 1–2 отставных обер-офицера во все губернии и провинции для сбора подушных денег⁸⁹. Кроме того, самодержица требовала создать при губернаторе дирекцию (команду) численностью 10–20 отставных обер-офицеров, чтобы данный резерв мог использоваться для замены умерших отставных военных чинов, а также для назначения на вакантную должность вместо уволенных из учреждений «неисправных, подозрительных и бездеятельных людей»⁹⁰.

К примеру, 21 октября 1736 г. Военная коллегия потребовала от Нижегородской губернской канцелярии прислать в Московскую канцелярию Правительствующего Сената, назначенного к подушному сбору по уездам губернии отставного прапорщика князя Петра Юсупова. Губернским властям предписывалось провести строевой смотр и медицинское освидетельствование кандидата врачебной комиссией, и «ежели за болезнью от того дела уволен будет, то на его место определить в то же губернию другого офицера, дабы в зборе подушных денег остановки не учинилось»⁹¹.

По стране отставные офицеры армии и флота направлялись в следующие губернии: Московская — 100, Новгородская — 40, Белгородская — 60, Воронежская — 70, Смоленская — 10, Архангелогородская — 30, Казанская — 40, Сибирская — 34, Нижегородская — 10 чел.⁹². Контроль за их использованием по сбору подушных денег возлагался на вице-губернатора и подчинённых ему чиновников губернской канцелярии.

К примеру, по состоянию на конец октября 1739 г., в составе Нижегородской губернской канцелярии находились на штатской службе отставные офицеры армии и флота: два бригадира, три статских советника, в том числе в воинских чинах «подполковник» и «лейтенант флота», четыре майора, два ассессора, три рекетмейстера⁹³, три поручика⁹⁴.

Однако отставные офицеры, выполняя практически такие же функции по сбору подушных денег у податного населения, до 1736 г. получали жалование-пенсию, размеры которой были в два раза меньше, чем денежное жалование соответствующих военных чинов русской регулярной армии, ранее привлечённых к насильственному «выбиванию» налогов. Так, «Ведение, по сколько определённым к подушному сбору штаб- и обер-офицерам и прочим чинам по воинскому штату по окладам Московской губернии гарнизонных полков

I. ARTICLES

жалование производить надлежит» определяло: полковник — 200 руб.; подполковник — 120; премьер-майор — 100; секунд-майор, капитан — 60; поручик, квартирмейстер и адъютант — 40; подпоручик, аудитор, прапорщик, фискал и полковой писарь — 27; вахмистр и сержант — 7; каптенармус, подпрапорщик и фурьер — 6 руб. 50 коп.; капрал, ротный писарь — 6; драгуны, солдаты и прочие нижние чины — 5 руб.⁹⁵.

Анализ выявленных нами архивных документов показал, что отставные офицеры, унтер-офицеры, капралы и нижние чины, привлечённые для сбора подушной подати, начали получать большие размеры пенсионного жалования, чем ранее кадровые военнослужащие русской армии. Основными причинами являлись использование материальных стимулов для увеличения объёма сбора подушной подати и попытка властей хотя бы частично снизить коррупцию, служебные злоупотребления и воровство, и тем самым улучшить жизненный уровень, хотя бы некоторых отставных военных и морских чинов, уволенных от военной службы. Поэтому применительно к каждой губернии Российской империи был разработан «опробованный [ранее] штат» команды, определённой в провинциях и уездах для сбора с крестьян подушной подати, с назначением пенсионного жалования и сметы текущих расходов, требуемых им при осуществлении служебной деятельности (Табл. 1).

Таблица 1

Штатное расписание команды отставных военнослужащих, осуществлявших сбор подушной подати в провинциях и уездах Нижегородской губернии в конце 30-х и в начале 40-х годов XVIII века⁹⁶

Наименование воинского чина и должности	Количество чинов	Годовой оклад одному отставному военному чину	
		Участнику подушного сбора	Находившемуся в монастыре
Премьер-майор	2	76 рублей 6 $\frac{1}{2}$ копейки	49 рублей 66 $\frac{2}{3}$ копейки
Секунд-майор	1	68 рублей 3 $\frac{1}{4}$ копейки	46 рублей 66 $\frac{1}{2}$ копейки
Поручик	4	48 рублей 3 $\frac{1}{4}$ копейки	26 рублей 66 $\frac{1}{3}$ копейки;
Прапорщик	3	35 рублей 3 $\frac{1}{4}$ копейки	16 рублей 66 $\frac{1}{3}$ копейки
Сержант	2	11 рублей 3 $\frac{1}{4}$ копейки	5 рублей 49 копеек
Капрал	9	10 рублей 3 $\frac{1}{4}$ копейки	5 рублей 49 копеек
Каптенармус	6	10 рублей 5 $\frac{1}{4}$ копейки	5 рублей 49 копеек
Солдат	194	9 рублей 3 $\frac{1}{4}$ копейки	3 рубля 66 копеек

Кроме отставных военных чинов, в команду для сбора подушной подати входили: 6 канцеляристов с годовым окладом 37 руб. 45 $\frac{1}{2}$ коп. каждому, 4 подканцеляриста — 30 руб. 45 $\frac{1}{2}$ коп., 31 копиист — 18 руб. 72 $\frac{3}{4}$ коп. На выплату жалования отставным военным и штатским служащим с учётом 390 руб., выделенных на текущие канцелярские расходы, отпускалось 3840 руб. 53 коп. в год⁹⁷.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что годовое жалование отставных военных, собиравших в уездах у крестьян подушную подать, существенно превосходило годовые должностные оклады отставных чинов в равных воинских званиях, находившихся «на пропитании» в монастырях: премьер-майор в 2,35; секунд-майор — 1,46; поручик — 1,81; прапорщик — 2,12; сержант — 2,06; капрал и каптенармус — 1,88; солдат — 2,54 раза.

Это позволяло заинтересовать их в материальном плане, компенсировать бытовые неудобства и издержки в длительных и тяжёлых командировках, при нахождении в деревнях на постое среди озлобленных крестьян. Как правило, выплаты дополнительного денежного жалования и пенсии сборщикам осуществлялись регулярно и в установленные сроки⁹⁸.

Следует отметить, что вышеуказанные материальные стимулы позволили не только полностью укомплектовать во всех губерниях страны команды отставных военнослужащих армии и флота, осуществлявших сбор подушной подати, но и создать солидный их резерв в количестве 120 чел. «из дворян лучших, людей знатных и положительных людей...»⁹⁹. С этой целью 9 мая 1739 г. кабинет-министры постановили потребовать от Герольдмейстерской канторы Сената именной список отставных высших, штаб- и обер-офицеров, сухопутных и морских, а также и статских чинов, «кои не у дел обретаются»¹⁰⁰.

Ещё 6 августа 1738 г. кабинет-министры предписали Правительствующему Сенату собрать сведения об отставных офицерах и дворянах, которые по требованию Герольдмейстерской канторы не явились для распределения на штатскую службу и, скрываясь от неё, из «деревень, где они [раньше с семьями] жили, выехали в другие свои деревни». Сенат и губернские власти обязали их разыскать, провести строевой смотр, медицинское освидетельствование. Затем осуществить разбор с практической целью, кто из них после отставки подлежит быть на штатской службе, для учинения «удобного определения, дабы в государственных исправлениях остановки быть не могло и оные отставные, будучи иногда у дел без жалования, могли со временем освобождены для смотрения собственной экономии, откуда своё пропитание и довольствие имеют».

В Кабинет Ея И. В. следовало представить следующие сведения: 1) именной список отставных офицеров, затребованных Герольдмейстерской канторой к делам «и к каким именно»; 2) численность офицеров, определённых к делам и уволенных от штатской службы по результатам смотра из-за старости и болезней; 3) после рассмотрения их на строевом смотре в Военной коллегии и Герольдмейстерской канторе показать, «с каким определением [они] в дома уволены»; 4) количество отставных офицеров и дворян, подвергшихся штрафу за уклонения от штатской службы и отставленных, но пожелавших добровольного определения на службу; 5) количество отставных офицеров, находившихся у дел, но не получавших за службу окладного жалования и отпущенных затем в своё имение¹⁰¹.

15 сентября 1738 г. Кабинет Ея И. В. потребовал от Святейшего Синода представить именную ведомость Рыльского уезда и всех провинциальных и уездных городов Белгородской и Воронежской губерний, а потом и всего Российского государства. В ведомостях следовало показать количество исповедующихся и не посещающих церкви, а также представить сведения, сколько в каждом уезде находится дворян, которые ещё не были в службе, «також и отставных от службы, генералитета и штаб-, и обер-, и унтер-офицеров, и рядовых и прочих чинов [сколько] в домах есть и каких кто лет; а однодворцев, которые ландмилицию содержат, написать особо»¹⁰².

Как результат проведённых мероприятий, указ императрицы Анны Иоанновны от 16 октября 1739 г. гласил: «...к подушному сбору и в запас определены от Военной коллегии отставных офицеров довольное число, и все те офицеры в назначенные места [вовремя] прибыли...»¹⁰³. Вместе с тем в данный период времени в губерниях и провинциях по-прежнему в длительных командировках находились морские офицеры, направленные туда для «адмиралтейских сборов доимке, для чего она [до сих пор с крестьян] не взыскана и к адмиралтейству не отдана...»¹⁰⁴. По данным Военной коллегии, к 1739 г. общая задолженность по подушной подати достигла гигантской цифры — около 5 млн. руб., что свидетельствует о всеобщем разорении российского крестьянства и отсутствии у него денежных и материальных средств для полной уплаты налогов¹⁰⁵.

I. ARTICLES

Отставные унтер-офицеры и солдаты, уволенные от полевой военной службы, направлялись также к «полицейским делам» и назначались приёмщиками в Канцелярию конфискации. Они выбирались комиссарами Сената «из шляхетства добрых (а не малопоместных, грамоте и писать умеющих, понеже у них на руках будет имущество конфискованных имений на немалую денежную сумму, и. — И.Д.) кому в том поверить можно»¹⁰⁶.

Однако комплектование этих команд из отставных нижних чинов и унтер-офицеров в присутственные места шло с большими трудностями. К примеру, 27 сентября 1736 г. в Кабинете Ея И. В. был рассмотрен рапорт из Военной коллегии «об отправлении из ревельского гарнизона выбранных в армию солдат, а из московского гарнизона 1 т. человек: за многими расходами и что большая часть солдатства из отставных [уволненных из] полевых полков, [поэтому] выбрать и отправить некого...»¹⁰⁷.

Добросовестные и грамотные отставные офицеры армии и флота всегда пользовались большим спросом среди властей. Так, 23 марта 1740 г. правительство предписало определить в Дворцовую счётную комиссию «...особливых членов... выбрав... из отставных штаб-офицеров»¹⁰⁸. Кроме того, 14 августа 1740 г. в Сенате был объявлен именной указ об определении во все дворцовые волости управляющими отставных офицеров из «людей достаточных и беспорочных [по службе и поведению]»¹⁰⁹. До появления этого указа только в некоторых дворцовых волостях управляющими были отставные штаб- и обер-офицеры. К примеру, в 1737 г. в этой должности находился подполковник Е.И. Касимовский, возрастом 57 лет, имевший в собственности 101 душу мужского пола, а в 1739 г. — капитан С.Я. Трубецкой, 49 лет, владевший 2 крестьянами в Курском уезде¹¹⁰.

При правлении императрицы Елизаветы Петровны также беспоместный и бескрестьянный офицер, унтер-офицер, принадлежащий дворянскому сословию, отставленный от военной службы, но часто физически и умственно был способен ещё некоторое время работать в штатских учреждениях, органах правопорядка и местного самоуправления (Табл. 2). Как правило, такой отставник назначался «на убылые места» комиссаром, ревизором, управляющим дворцовых, архиерейских и монастырских вотчин, содержателем мостов, перевозов, смотрителем заповедных адмиралтейских лесов, начальником команды для искоренения корчемства, «для отправления судебных дел», для заполнения вакантных должностей в центральных, провинциальных и губернских канцеляриях, так как практически там всегда был «великий недостаток в коллежских чинах» и др.¹¹¹. Вследствие этого отставные офицеры армии и флота могли рассчитывать взамен государственной военной пенсии только на своё казённое жалованье по назначенной штатской должности, выплачиваемое в соответствующем ведомстве Российской империи.

Таблица 2

Количество отставных военнослужащих, направленных в губернии в 1747 году по приговору Правительствующего Сената на замещение офицеров и статских советников, ранее ревизовавших полевые армейские, гарнизонные и ландмилиционные полки¹¹²

Наименование губерний	Количество отставных военнослужащих		
	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Унтер-офицеров
Московская	5	15	10
Казанская	2	10	—
Белгородская	2	8	—

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Смоленская	—	4	3
Архангелогородская	1	1	—
Астраханская	3	2	3
Нижегородская	1	7	4
Воронежская	1	4	1
Новгородская	1	4	—
Итого	16	55	21

Кроме того, незначительное количество отставленных от военной службы штаб- и обер-офицеров армии и флота по представлению Военной (Адмиралтейской) коллегии и последующим за тем приговором Правительствующего Сената направлялось в Медицинскую канцелярию «для смотрения за госпиталями и надзираania за больными».

На должность комиссара генерального военного (адмиралтейского) госпиталя назначался человек достойный из офицеров, «которые по старости воинской службы понести не могут, в чине от флота лейтенанта»¹¹³. Денежное жалование и хлебная дача ему выплачивались за счёт средств отпускаемых на содержание госпиталя¹¹⁴. Комиссар получал денежное содержание 15 руб. в месяц и 30 четвертей ржаной муки в год¹¹⁵.

Кроме вышеперечисленных способов социальной защиты, также использовались и другие формы обеспечения отставных офицеров. Одну из них, в бытовом обиходе, называли «кормлением», что, однако, в XVIII столетии не имело никого отношения к кормовой форме обеспечения, о чём будет изложено ниже. Военный историк Н.И. Соловьёв в своей монографии особо подчеркнул, что «с концом XVI стол[етия] слово "кормление" вышло из употребления и заменилось выражением "сидеть на воеводстве"»; что и потом должности воевод давались почти исключительно отставным военным, часто совершенным инвалидам, доказываются частыми жалобами жителей на то, что их старые, немощные и увечные воеводы не в состоянии были поддерживать порядок в городах и уездах»¹¹⁶.

Если поместная форма предусматривала наделение офицеров землёй, то кормовая — дворами. Кормовая форма обеспечения устанавливала ещё в период военной службы, вместо выплаты денежного жалования или его части, предоставление офицерам в собственность несколько дворов на человека. Существовали минимальные нормы в виде «окладов в дворах»: полковнику полагалось 15 дворов, подполковнику 10, майору 8, капитану 5, поручику 4, прапорщику 3. С уходом в отставку от военной службы за офицерами сохранялось право на получение доходов с этих дворов, что служило средством и важным источником их материального обеспечения¹¹⁷.

Как выше отмечалось, отставным офицерам армии и флота указами монарха и приговорами Сената передавались для управления губернские и уездные города, провинции. Они назначались на должности губернаторов, вице-губернаторов, воевод, товарищей (заместителей) воевод¹¹⁸.

В соответствии со штатным расписанием при вышеуказанном начальстве содержались чиновники различных ведомств, канцелярские работники, надзиратели, контролёры и управляющие. Многие из них являлись также отставными штаб-, обер- и унтер-офицерами армии и флота, традиционно принадлежащими к дворянскому сословию¹¹⁹. Все они содержались на денежные и натуральные налоги, которые платили местные уездные и провинциальные жители¹²⁰, и получали, в соответствии со штатным расписанием и табелем, к нему хлебное и денежное жалование¹²¹; к примеру генерал-губернатор 1200 руб. и 600 четвертей хлеба в год, а вице-губернатор в два раза меньше¹²².

I. ARTICLES

Архивный «Список генералитету, штаб- и обер-офицерам, отставных от одной военной службы, обретающимся не у дел в 1742 году» позволил нам определить количество военнослужащих (около 15 %), находившихся на штатской службе («сидевших на воеводстве») после увольнения в отставку (Табл. 3).

Таблица 3

Реестр отставных офицеров, пребывавших на штатской службе
после увольнения из вооружённых сил Российской империи в 1721 – 1742 годах¹²³

Наименование и количество военных чинов		Название должностей, на которые были назначены отставные офицеры					
		Губернатор	Вице-губернатор	Воевода	Товарищ воеводы	Чиновник ведомства	Чиновник провинции
Генерал-лейтенант	1	1	–	–	–	–	–
Генерал-майор	5	1	–	–	–	–	–
Бригадир	6	1	–	–	–	1	–
Капитан-командор	1	–	–	1	–	–	–
Полковник	13	–	1	3	1	–	–
Подполковник	21	–	–	9	1	4	1
Майор	78	–	–	26	2	3	2
Лейб-гвардии поручик	4	–	–	1	–	–	–
Капитан	230	–	–	47	3	5	2
Поручик	236	–	–	16	1	–	–
Полковой квартирмейстер	18	–	–	1	–	–	–
Прапорщик лейб-гвардии	1	–	–	1	–	–	–
Подпоручик	37	–	–	7	–	–	–
Прапорщик	379	–	–	9	–	–	1
Провиантмейстер	6	–	–	–	1	–	–
Всего	1035	3	1	121	9	13	6

К примеру, в 1754 г. капитан Г.И. Андреев был уволен от военной службы в отставку с награждением статского чина коллежского асессора и назначен в город Илимск Иркутской губернии воеводою. Он сменил воеводу коллежского асессора Попова, находившегося в этой должности 14 лет. При приёме-сдаче дел и должности у воеводы обнаружилась недостача по казённым счетам 17 тыс. руб. Поэтому престарелый Попов был взят под арест и отправлен в Иркутск, где и умер, находясь под следствием. 26 сентября 1755 г. из-за чахотки (туберкулёза), цинги и болезни ног скончался и сам новый воевода Г.И. Андреев.

Прибывший ему на смену из Якутска поручик Дьяконов при принятии дел и должности градоначальника не обнаружил никаких недостатков, так как ранее властями были назначены новые комиссары и канцеляристы, которые приняли надлежащие меры¹²⁴.

Однако количество вакантных должностей для отставных офицеров, младших командиров, нижних чинов в государственных учреждениях Российской империи было явно недостаточно, чтобы использовать услуги всех уволенных от полевой военной и гарнизонной службы в отставку.

Судьба отставных нижних чинов, не попавших в монастыри и богадельни и не имевших родственников и собственного пропитания, была тяжёлой, так как пенсия не выплачивалась уволенным в отставку рядовым, происходившим из природных русских, которые принадлежали к податным сословиям. В большинстве своём после отставки они направлялись в инвалидные команды, как правило, роты (команды), создаваемые в госпиталях, крепостях, уездных и губернских городах, в ведомственных учреждениях, в органах правопорядка, а здоровые привлекались к ремонту и строительству новых дорог в Санкт-Петербургской губернии и других местах¹²⁵. Для этого были учреждены особые военные подразделения в присутственных местах гражданских ведомств Российской империи, комплектовавшиеся отставными чинами из полевых и гарнизонных полков. По традиции, кроме основной функции защиты территориальной целостности государства, на полевые и гарнизонные полки правительство возлагало и другие не свойственные им по прямому роду деятельности обязанности. Ещё со времени правления императора Петра Великого от них откомандировались значительные по численности команды в присутственные места гражданских ведомств. Команды несли караулы, использовались для посылок в командировки, осуществляли погрузочно-разгрузочные работы, строительство элементов системы базирования и тылового обеспечения сил флота, сопровождали особо ценные и важные грузы, прокладывали и поддерживали в рабочем состоянии дороги и выполняли прочие многочисленные поручения.

Этот процесс представлял для Военной и Адмиралтейской коллегии значительные неудобства, существенно осложнял организацию боевой подготовки и оказывал влияние на всю организацию повседневной службы. Выходом из данного положения в 20-е – 60-е годы XVIII в. явилось содержание в присутственных местах некоторых гражданских ведомств для выполнения поручений особых военных команд. Они комплектовались, как и гарнизонные войска, отставными чинами, уволенными после медицинского освидетельствования и строевого смотра по состоянию здоровья, увечий и преклонного возраста из списочного личного состава полков полевой армии.

Анализ нормативно-законодательных актов показал, что наиболее подготовленные и дисциплинированные отставные чины после увольнения из полевых полков направлялись для дальнейшего прохождения службы в так называемую «Сенатскую роту» инвалидов, списочная численность которой в первую треть XVIII столетия значительно колебалась (от 40 до 100 чел.)¹²⁶.

Сенатская рота была учреждена при Петре Великом в 1724 г., но вскоре после его смерти, в 1726 г., была упразднена. Тогда при Сенате было оставлено 52 чел. В 1742 г. данное подразделение была восстановлено и укомплектовано личным составом как штатная пехотная рота. При роте состояло 26 курьеров, из них половина комплектовалась лицами происхождения из дворянского сословия. Причём одна треть отставных солдат должна была быть грамотными¹²⁷.

Во второй половине XVIII в. количество инвалидных рот и военных команд в присутственных местах ведомств существенно возросло. Так, в 1753 г. при Берг-коллегии была

учреждена такая рота, в 1773 г. в Москве — рота при строении Кремлёвского дворца, в 1800 г. при Монетном дворе — военная команда для несения внутреннего караула численностью 60 чел.¹²⁸.

Указ от 7 ноября 1754 г. о награждении нижних чинов (лейб-гвардии по 2 руб. чел., армии — 1 руб.) по случаю рождения наследника российского престола великого князя Павла Петровича перечисляет подразделения и военные команды, укомплектованные отставными солдатами: Сенатская рота; команда при Кадетском корпусе; при всех коллегиях, канцеляриях и конторах «как в Санкт-Петербурге, так и в Москве»; в Москве — Лейб-гвардии отставной батальон; батальон при Ладожском канале; две роты отставных солдат для поддержания в исправности «перспективной дороги»; при Канцелярии от строений батальон; «находящиеся ныне из казаков в командировании к Остзее (Балтийскому морю. — *И.Д.*) и в прочих местах команды»¹²⁹.

В особом положении находились штаб- и обер-офицеры губернских рот и штатных воинских команд¹³⁰, которые по службе подчинялись коменданту и городничему¹³¹ и на которого губернатором (правителем наместничества) возлагалось следить «за исправным состоянием той штатной команды»¹³². Их комплектование осуществлялось за счёт военных чинов, которые по состоянию здоровья не могли больше нести полевую и гарнизонную службу.

К примеру, правитель Нижегородского наместничества А.Л. Львов в августе 1796 г. докладывал своему начальнику генералу князю А.И. Вяземскому о результатах проверки в уездных городах присутственных мест: «Все штатные команды составлены большею частию из людей увечных, болных и совершенною старостию обременённых и вообще прослуживших несравненно более срочных лет [чем это требуется по законодательству]»¹³³.

Запрещалось в гарнизоны и штатные роты определять людей, не служивших в армейских полках¹³⁴.

Грамотные и беспорочные по поведению нижние чины и унтер-офицеры при отставке от военной службы из штатных команд определялись счётчиками при казённых губернских палатах. Жалование счётчикам производилось из денежных доходных сумм, положенных казначействам на содержание канцелярских служителей¹³⁵.

Таким образом, инвалидные роты комплектовались из отставных обер-офицеров, урядников и рядовых, причём «таких, которые к сей службе ещё несколько времени употреблены [по состоянию здоровья] быть могли». Комплектование рот было возможно потому, что по тем временам ветераном становился рядовой, отслуживший 25–40 и довольно часто более лет¹³⁶. За столь продолжительные сроки службы у него рвались связи с деревней и родными; заводить семьи в возрасте 45–50 и более лет решались немногие, тем более жить и крестьянствовать на земле. Служили они, как уже отмечалось, во дворцах, ведомствах, в лечебных учреждениях, на заставах, таможнях, тюрьмах и у шлагбаумов на дорогах Российской империи, а также курьерами «на посылках» и часовыми в караулах¹³⁷.

Значительное количество инвалидных рот (команд) создавалось для несения караульной службы по охране и обороне военных объектов. К примеру, 6 июля 1750 г. Правительствующий Сенат предписал Адмиралтейской коллегии содержать при Тавровском адмиралтействе (располагалось в 7 вёрстах от Воронежа) команду из престарелых отставных служителей. Они предназначались для охранения находившихся на Икорецкой пристани девяти артиллерийских прамов, других малых боевых и транспортных судов, такелажа и прочего оборудования, строительных материалов, оставшихся после создания Донской (Азовской военной флотилии) по завершению русско-турецкой войны 1735 – 1739 г.

Наряду с охраной военного имущества, также основной задачей для инвалидной команды являлось обеспечение пожарной безопасности.

16 августа 1744 г. на территории Тавровского адмиралтейства вспыхнул крупный пожар, уничтоживший многие деревянные постройки верфи и заготовленные впрок детали речных и морских судов¹³⁸. «Умеренная инвалидная команда из престарелых служителей» состояла из морского обер-офицера, который «уже воинской службы понести не может», двух унтер-офицеров, «капральства»¹³⁹ матросов и писаря. При комплектовании инвалидного подразделения командование исходило из непреложного факта, что они «к действительной воинской службы [быть] не способны, токмо бы караулы понести могли...». Содержалась команда сверх штата Тавровского адмиралтейства. Денежное содержание обер-офицеру выплачивалось вполтину от окладного жалования, в соответствии с указом императора Петра I от 1724 г., остальные отставные морские служители получали должностные оклады и хлебную дачу равных по воинскому чину унтер-офицеров и солдат Воронежского гарнизонного полка («против тамошних гарнизонных»)¹⁴⁰.

Иностранцы в своих донесениях отмечали заботу русского правительства о признании отставных ветеранов армии и флота. К примеру, 1 февраля (н. ст.) 1762 г. австрийский посол в России граф Мерси д'Аржанто писал австрийскому канцлеру графу Венцелю Кауниц-Ритбергу, что «все инвалиды и отставные солдаты... во всём [Российском] государстве приставлены к таможням, коллегиям, мостам и арестантам (их насчитывают до 30 000 человек)»¹⁴¹.

Пётр III, вступивший на российский трон после смерти императрицы Елизаветы, последовавшей 25 декабря 1761 г., когда положение Пруссии из-за блестящих побед русского оружия в Семилетней войне стало безнадёжно, прекратил все боевые действия. Он заключил с прусским королём Фридрихом II военный союз, по которому русские войска должны были воевать с бывшими союзниками по коалиции. Неадекватные пруссофильские настроения Петра III, «имевшего, по выражению самого Фридриха, чисто немецкое сердце»¹⁴², его вызывающее поведение, пренебрежительное отношение к православию, сознательное игнорирование народных обычаев и традиций, насаждение в армии прусских порядков, вызывали острое недовольство русского дворянства. Дворцовый переворот 28 июня 1762 г. сверг Петра III, и на престол была возведена лейб-гвардией его супруга Екатерина.

Новая государыня разорвала военный союз с Пруссией, однако войны с ней не возобновила. Она сосредоточила усилия на укреплении своей личной власти и завоевании авторитета в обществе, модернизации государственного управления, защите прав и религиозных свобод православного населения за рубежом, совершенствовании вооружённых сил, прежде всего военно-морского флота, для проведения активной внешней великодержавной политики с целью практической реализации национальных интересов страны. Также монархиня обратила внимание на признание увечных воинов, социальную защиту вдов и сирот военных и морских чинов, убитых в войнах и умерших при нахождении их на действительной военной службе.

Сама императрица Екатерина II среди экстренных мер по укреплению боеготовности и боеспособности личного состава армии и флота считала назначение пенсий отставным военным и морским чинам важнейшим делом, совершённым в первые её годы царствования. Поэтому она приняла нормативно-законодательные акты, детально регулировавшие обязательный «приют для инвалидов и пенсии всем, кто более [по состоянию здоровья и преклонного возраста] не в состоянии [физически] служить государству и кому нечем жить [после увольнения в отставку из вооружённых сил]»¹⁴³.

К примеру, 9 июля 1763 г. Коллегия экономии получила высочайший указ самодержицы всероссийской: «Всемилостивейше пожаловали мы отставному бригадиру Любиму Пустошкину за его долговременную бывшую службу и по убожеству его (отсутствию денежных средств для собственного пропитания и семьи. – *И.Д.*) три тысячи рублей, которых повелеваем ему выдать из наличной теперь [в бюджете] суммы экономической»¹⁴⁴.

I. ARTICLES

Особая монаршая милость и щедрость были оказаны отставным военным чинам из лейб-компании Преображенского гвардейского пехотного полка (на 31 декабря 1741 г. их всего было с солдатами 364 чел.)¹⁴⁵. Именно они возвели Елизавету Петровну на российский престол в результате государственного переворота и за это были пожалованы недвижимыми имениями численностью не менее 80 душ мужского пола¹⁴⁶. Им с 24 августа 1762 г. именным указом была определена пенсия в размере половинного окладного жалования, получаемого по последнему воинскому чину (должности) при нахождении на действительной военной службе. Пенсии выплачивались из текущих доходов Штатс-канцелярии¹⁴⁷. Напомним, что Пётр III издал указ о роспуске лейб-компаний, фактически оставив уволенных в отставку гвардейцев его тётки, императрицы Елизаветы Петровны, как без военной пенсии, так и без другого какого-либо вида государственного материального обеспечения¹⁴⁸.

Лейб-компанейцы россиянам запомнились дикими кутежами, развратными действиями, вызывающей роскошью их командного состава, бессчётной и бессмысленной тратой казённых денег, мучениями пожалованных крепостных крестьян, картёжной игрой и скандалами. Именно это было на протяжении более чем 20 лет главными занятиями данного привилегированного подразделения лейб-гвардии русской армии. Военное же дело имело для них последнее значение¹⁴⁹. Снятие с казённого довольствия лейб-компанейцев — один из правильных поступков, осуществлённых императором Петром III в Российском государстве, которого он никогда не любил и даже презирал, что несколько и не скрывал. Именно поэтому лейб-компанейцы вскоре приняли активное участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., также, кроме назначения им военных и статских пенсий (для 251) чел. (Табл. 4), они были пожалованы императрицей Екатериной II в кавалергарды (всего 249 чел.).

Таблица 4

Размеры пенсионного жалования бывших лейб-компанейцев,
пожалованных императрицей Екатериной II в Кавалегардский корпус
(по состоянию на 1 февраля 1765 г.)¹⁵⁰

Наименование воинского (статского) чина	Количество чинов	Размеры пенсии (рублей)	Наименование воинского (статского) чина	Количество чинов	Размеры пенсии (рублей)
Полковник	4	300	Подполковник	10	180
	1 ¹⁵¹	150			
Премьер-майор	52	150	Коллежский ассессор	1	90
Секунд-майор	71	90	Капитан	5	90
	1	60 ¹⁵²		43	60 ¹⁵³
Поручик	58	60	Поп	1	60
Подпоручик	3	42	Прапорщик	1	42
Итого	251 человек				24228

С 11 мая 1766 г. эти пенсии начали выплачивать из доходов Коллегии экономии¹⁵⁴.

Однако не всем бывшим лейб-компанейцам выплачивалась пенсия. Через две недели после переворота граф И. Гендриков поднёс императрице Екатерине II именной список 34 лейб-компанейцев, зачисленных Ея И. В. в кавалегарды (Табл. 5).

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Таблица 5

Именной список бывшего корпуса лейб компании разным чинам, которые находились в отставке и при благополучном Вашего Императорского Величества на всероссийский императорский престол восшествия были всемилостивейше пожалованы кавалегардами, но за долговременную службу, за разными болезнями службу продолжать не могут¹⁵⁵

Воинский (статский) чин, занимаемая должность, фамилия и инициалы	Наименование пожалований императрицей Екатериной II	
Премьер-майор и бывшей лейб-компаний капрал Г. Бутлеров	Произведён в подполковники, назначена пенсия в половину должностного оклада по новому воинскому чину	
Коллежский асессор и бывшей лейб-компаний писарь Г. Рогов	Пожалован в надворные советники	
Секунд-майоры и бывшие гренадеры		
А. Воронов, И. Решоткин	Произведены в премьер-майоры, пожалована пенсия в половину должностного оклада по новому воинскому чину	
А. Лютов, И. Михайлов, О. Васильев, А. Кривцов	Уволены в Московский лейб-гвардии отставной батальон с жалованьем по прежнему воинскому чину	
Капитаны и бывшие гренадёры		
И. Воропанов, П. Муромцев, П. Сорокин, М. Суринов, Ю. Трофимов	Произведены в секунд-майоры, пожалована пенсия в половину должностного оклада по новому воинскому чину	
Титулярный советник и бывший гренадёр Г. Трофимов		
Капитаны и гренадёры		
Ф. Новиков	Произведён в секунд-майоры, определён к подушному сбору во Владимир	
А. Варлашов	Направлен в заграничную армию, дополнительно выдано треть годового жалования не в зачёт	
А. Обрушников	Определён по его желанию в администрацию столичных кирпичных заводов	
Титулярный советник		
И. Вятчанин	Произведены в секунд-майоры и направлены	В Енисейск воеводою
А. Хлебников		По его желанию в Унжу воеводою
Е. Шаргин		В Ярославль полицмейстером
Ф. Глазатов		В Дворцовые Усеченские волости управителем
П. Жеребцов		По его желанию к прежним делам
Н. Уваров		В Калугу полицмейстером
Г. Чуксин		Уволен поручиком в Московский лейб-гвардии отставной батальон с жалованьем по данному воинскому чину

I. ARTICLES

Поручики и гренадеры		
Г. Кологивов	Произведены в капитаны	На прежнее место в команду бригадира Суворова
М. Киреев		На своё пропитание
И. Никулин, А. Шарыгин, Б. Волоцкой, Н. Каптырев		В отставку, пожалована пенсия в половину должностного оклада по новому воинскому чину
Д. Хлебников		Воеводой в Чухлому

В отличие от лейб-компанейцев, очень щедро было оплачено участие гвардейских офицеров-заговорщиков при возведении Екатерины II на российский трон. Организаторы и непосредственные участники государственного переворота 28 июня 1762 г. были вознаграждены как деньгами, так и «крещёной собственностью», то есть крепостными крестьянами, а также придворными, статскими и военными чинами.

Раздачи и пожалования были невероятно щедрыми — по 300–800 душ крестьян. Григорий Орлов стал камергером, Алексей Орлов майором лейб-гвардии Преображенского пехотного полка, Фёдор Орлов капитаном лейб-гвардии Семёновского пехотного полка. Всем им дано по 800 душ крестьян. Наперсница Екатерины II по дворцовому перевороту княгиня Е.Р. Дашкова получила в награду 10 тыс. руб., вскоре ей ещё было пожаловано 24 тыс. руб. Гетман К.Г. Разумовский, Н.И. Панин, М.Н. Волконский — пожизненные пенсии по 5 тыс. руб. в год¹⁵⁶. В общей сложности императрица раздала до 18 тыс. душ крестьян и до 200 тыс. руб. единовременных дач. Это не считая назначенных им пожизненных высоких пенсий¹⁵⁷.

Так, указом от 12 февраля 1765 г. по челобитью «за совершенную слабостию своего здоровья и старостию» был уволен от всех дел адмирал Иван Талызин. За долговременную и беспорочную службу и «за особое к Ея Императорскому Величеству верность и услуги (примкнувший к сторонникам дворцового переворота 28 июня 1762 г. И. Талызин не позволил императору Петру III получить убежище от заговорщиков в Кронштадте, угрожая открыть огонь береговыми орудиями на поражение по царской яхте. — *И.Д.*)» было повелено «производить вместо пенсионна по смерти ево то жалованье, какое он ныне по своему [воинскому] чину получает»¹⁵⁸.

Екатерина II возвратила из ссылки бывшего канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина. Она вернула ему ордена и статский чин, переименовала его в генерал-фельдмаршала, и, сверх получаемого жалования, назначила пенсию 20 тыс. руб. в год, и затем уволила в отставку от всех дел¹⁵⁹.

Следует отметить, что вышеуказанные пенсии назначались монархиней независимо от возраста, продолжительности службы, материального положения, состояния здоровья и трудоспособности. Оплата накопленных долгов, пожалования крупных денежных сумм «на поправление» хозяйственных дел в имениях, расходы, связанные с придворной службой, являлись высочайшей милостью самодержицы всероссийской, её личным усмотрением. Именно она определяла исключительное право на государственную пенсию и самостоятельно устанавливала её размер.

В случаях назначения пенсий военным и статским чинам, вдовам и сиротам действия Екатерины II несколько не отличалась от деяний абсолютных монархов западноевропейских стран XVIII столетия¹⁶⁰.

В годы правления императора Павла I пожалование пенсией при отставке от военной и штатской службы также всецело зависело от расположения самодержца, поскольку, по его частому выражению, «увольнение с пенсионом неоспоримо принадлежит к монаршей милости»¹⁶¹. В последующие годы Екатерина II продолжала, но значительно реже, чем раньше, жаловать пенсии высокопоставленным лицам и знатым персонам, особо к ней приближенным.

Так, 29 сентября 1773 г. по случаю бракосочетания цесаревича Павла Петровича с принцессою Гессен-Дармштадтскою Августою Вильгельминою, названной при миропомзании Натальею Алексеевной, воспитаннику наследника русского престола графу Н.И. Панину была пожалована ежегодная пенсия в 25 тыс. руб. Эта пенсия была сверх уже получаемых им 5 тыс. руб. А генерал-майору И.С. Борятинскому «за долговременную бытность при его высочестве [наследнике российского престола Павле Петровиче] кавалером [выдавать] пенсиою по смерть, из двух тысяч рублей состоявшею»¹⁶².

В свою очередь, Екатерина II солдат Измайловского (131 награда), Семёновского (67) и Преображенского (48) лейб-гвардейских полков, приведших её на российский престол, наградила весьма скромно и ничуть их не баловала, как Елизавета Петровна своих преображенских лейб-компанейцев, наиболее содействовавших её воцарению¹⁶³. Так, 18 измайловцев при выходе в отставку по неимению собственного пропитания отдавались разным богатым лицам на содержание с оформлением расписок и под контролем полкового командира. Это, равно как и отдача в монастыри на пропитание увечных и престарелых солдат-измайловцев, явилось методом выживания для тех отставных лейб-гвардейцев, кто не имел жилья и денежных средств для существования.

23 чел. лейб-гвардии Семёновского пехотного полка (2 капрала и 21 гренадер) были при отставке награждены сержантскими чинами с государственной пенсией каждому в год по 40 руб. и для исправления необходимых житейских нужд после увольнения от военной службы им выдали единовременное денежное пособие по 100 руб. каждому.

Подобные умеренные материальные блага получили и нижние чины лейб-гвардии Преображенского полка. Только один из преображенцев, гренадер Алексей Стволов, был возведён в дворянское достоинство, затем служил в кавалергардах и отставлен от военной службы с пожалованием воинского чина майора и с награждением пенсией по смерти¹⁶⁴.

11 февраля 1763 г. самодержица подписала указ об учреждении Комиссии о вольности дворянства, которой поручалось «привести в лучшее совершенство» Манифест императора Петра III от 18 февраля 1762 г.¹⁶⁵. Четыре дня спустя Екатерина II, выступая в Правительствующем Сенате, в своей речи объявила о запрете представления к отставке чиновников, не предъявляющих «аттестатов о беспорочной службе»¹⁶⁶.

Правительство, практически реализуя положение речи императрицы, пыталось законодательно уменьшить количество военных и штатских чиновников, увольнявшихся в отставку и убывающих в свои имения.

30 сентября 1763 г. состоялся указ Её Императорского Величества, повелевший «вечно отставных от воинской и статской службы штап- и обер-офицеров и других чинов, которые жительство имеют в своих домах, губернаторам и воеводам к делам в силе и прежде посланных из Правительствующего Сената указов собою отнюдь не определять»¹⁶⁷. 17 октября 1763 г. состоялся приговор Правительствующего Сената, определивший назначать отставных военных и статских чинов в штатскую службу в уездные, губернские и центральные учреждения страны только по их личному письменному прошению в соответствующие органы власти¹⁶⁸. С этой целью 30 января 1764 г. самодержица предписала присылать в Правительствующий Сенат из всех присутственных мест послужной список

чиновников каждые полгода по установленной единой форме. Запрещалось представлять к отставке и награждению «при оной» вышестоящими статскими чинами без наличия аттестатов «о верной и беспорочной службе»¹⁶⁹.

«Верная и беспорочная служба» Престолу и Отечеству поощрялась материально, что давало возможность после увольнения в отставку получать повышенную пенсию. К примеру, 16 ноября 1764 г. Адмиралтейств-коллегия получила Высочайший указ: «Всемилоостивейше повелеваем Мы имеющемуся в Московской адмиралтейской конторе секретарю Гавриле Комарову производить жалование, не в образец другим, по окладу секретаря Адмиралтейской коллегии, из оставшей суммы от неполного комплекта»¹⁷⁰.

«Беспорочная служба» требовалась также при заполнении вакантных мест кандидатами из отставных военных чинов, назначенными в губернские, провинциальные и воеводские (уездные) канцелярии. Данные вакансии открылись после апробирования новых штатов с 8 марта 1764 г.¹⁷¹. Эти вакансии должны были заполняться, по мнению Военной коллегии и Правительствующего Сената, из присылаемых из полевой армии представленных по состоянию здоровья к отставке от военной службы грамотных штаб- и обер-офицеров, выбранных из числа кандидатов, «чтобы [они] были способные и беспорочно служащие люди»¹⁷².

25 июля 1769 г. правительство приговорило содержать при губернских канцеляриях по три, а при провинциальных по два канцелярских служителей. Их следовало назначать из отставных обер-офицеров, «которые, будучи в полевой военной службе, по причине иногда полученных на сражениях ран лишившись [физических] сил и способности нести оную, принуждены будут взять увольнение»; целесообразно определять к делам «особливо таких, кои никакого достатка к своему [собственному] прокормлению, кроме [как получения казённого жалования на штатской] службы, иметь не будут»¹⁷³.

Такого же мнения, как и Военная коллегия и Сенат, придерживалась и императрица Екатерина II, явно отдавая предпочтение назначению на штатские должности в государственных учреждениях отставным офицерам. Так, 25 декабря 1788 г. она заявила своему статс-секретарю А.В. Храповицкому после прочтения записки полковника Гранкина, писавшего императрице о пользе для российского государства назначать военных чинов к штатским делам с целью наведения порядка в учреждениях: «...скорее определяю [на должность] гусарского поручика, нежели ключника придворного»¹⁷⁴.

Высказывание Екатерины II — это подтверждение устоявшейся традиции в Российской империи. По существу, только при Петре Великом началось деление государственной службы на военную и штатскую (гражданскую). По мнению первого императора, военный человек был способен на выполнение любых заданий верховной власти. В войска и на флот, и особенно в гвардию уходили лучшие молодые люди страны, в большинстве своём сподвижники великого реформатора, получившие добротное военное образование в некоторых странах Западной Европы или там побывавшие в составе войск русской армии (и на кораблях), а также в командировках по службе¹⁷⁵.

Согласно генеральному штату, установленному на все уездные города Российской империи, кроме Остзейских (прибалтийских) губерний, в канцелярию уездного города по решению монархини назначался отставной штаб-офицер на должность воеводы с должностным окладом 375 руб. в год. Градоначальнику полагался заместитель («воеводский товарищ») с должностным окладом 250 руб. или секретарь ранга регистратора коллежского с окладом 200 руб. В пригородке штатную должность воеводы занимал комиссар обер-офицерского ранга с окладом 200 руб. в год¹⁷⁶.

Это было крайне необходимое административное решение императрицы Екатерины II. До её вступления на престол каждая губерния делилась на провинции, а к каждой

провинции приписывались окружные города, в которых содержались воеводы и воеводские канцелярии. Воевода и канцеляристы не получали жалования от казны, но им дозволялось кормиться с крепостных дел, хотя взятки были строго запрещены.

Правительствующий Сенат хотя и определял своими постановлениями воевод на должности, но фактическую численность городов в Российской империи, как выявила на совещании самодержица, не знал. После уточнения численности чиновников, как выше показано, последовало определение окладного должностного жалования провинциальным, городовым канцелярским чинам и воеводам по всему государству российскому.

Анализ размеров должностных окладов, установившихся розничных цен на жизненно необходимые продовольственные и промышленные товары, стоимость оказанных местными ремесленниками бытовые услуг показал, что воеводы не особо шиковали, но и никак уж не бедствовали, как и другие категории уездных и провинциальных чиновников, а также их большие семьи¹⁷⁷.

Однако в 1770 г. в стране начался рост розничных цен, прежде всего на продовольственные товары, преимущественно в обеих столицах и губернских городах, на что обратила внимание самодержица, и 26 июня 1772 г. последовал указ Сенату: «Найти пристойныя средства к отвращению возвысившейся здесь на съестные припасы и прочия потребныя к содержанию вещи цены и представить своё мнение [по их снижению]...»¹⁷⁸.

Вместе с тем рост цен продолжался. Если в 1760 г. четверть ржи стоила 86 коп., в 1763 г. — 95, в 1773 г. — 2 руб. 19 коп., в 1787 г. — 7 руб.¹⁷⁹.

Увеличение цены на хлеб более чем в три раза произошло потому, что в 1785 и 1786 г. были неурожаи. А также значительно усилился вывоз хлеба за границу (размеры вывоза пшеницы из главных портов, кроме находившихся в остзейских губерниях, в 1779 г., например, превысили вывоз того же продукта в 1766 г. в девять с лишком раз), что содействовало повышению цен на хлеб, которые с 60-х годов возросли втрое¹⁸⁰. В 1787 г. сильные морозы побили озимые. Неурожай существенно уменьшил валовой сбор зерновых. Во многих губерниях бедствие принимало большие размеры, в провинциальных и уездных городах среди малоимущего населения из-за растущей почти повседневно дороговизны провизии¹⁸¹ начался голод, вызвавший общее недовольство и волнения людей.

Росли цены также на промышленные товары и услуги ремесленников. Так, 4 апреля 1789 г. монархиня озабоченно писала А.В. Храповицкому: «Сказывают, что в городе (Санкт-Петербурге. — *И.Д.*) и в [купеческих] лавках офицерское сукно, как то: зелёное, синее, красное, жёлтое, — по 10 и 11 рублей аршин. Спросите, делается ли на Ямбургской фабрике таковых цветов и доброты сукно, и прикажите сюда прислать и пустить в продажу за обыкновенную цену, и то что скорее, то лучше. Также прикажите в Финляндию [сукно] послать на продажу»¹⁸².

Дороговизна всех предметов потребления сделалась до такой степени чувствительной для армии и флота, что правительство было вынуждено увеличивать должностные оклады жалования военнослужащим под предлогом «дороговизны и повышения цен на все [жизненные] припасы»¹⁸³. Также незначительные размеры должностных окладов статских чинов способствовали тому, что из-за начавшегося в последние годы правления Екатерины II роста цен на съестные припасы и промышленные товары «канцеляристы уездные, бедные, многие женатые и имеют детей, [из-за хронического безденежья] претерпевают крайнюю бедность, отчего без сомнения касаются [по службе получения] и гнусных взяток»¹⁸⁴.

Как выше уже отмечалось, во всех случаях кадровой политики правительство стремилось назначать на штатские должности дисциплинированных и ответственных отставных военных чинов. Так, 11 марта 1763 г. был опубликован указ Екатерины II, который

объявил, «что о всех представляемых донныне из статской службы к отставке и награждению при оной чинами прописывается только с которого времени кто в службе и сколько в настоящих чинах; то отныне впредь всем таковым иметь каждому от надлежащих мест о верной и безпорочной службе аттестаты, а без того при отставке и в службе к награждению чинами ни у кого не представлять»¹⁸⁵.

8 апреля 1763 г. в Сенат поступил указ Екатерины II, установивший отставному генералитету, проходившему ранее военную службу в армии, общую пенсионную сумму в 50 тыс. руб. в год. Императрица объявила в указе, что никакое ведомство или должностное лицо без её высочайшей воли не может определять размеры пенсии для отставных военнослужащих¹⁸⁶.

18 августа 1763 г. государыня утвердила доклад Сената «О производстве жалованья определяемым к делам из отставных [военных чинов], получающих пенсии». Указ имел важное значение для повышения материального благосостояния чиновников, из числа уволившихся от военной службы в отставку штаб- и обер-офицеров и принятых затем на штатские должности в центральные, губернские и уездные учреждения¹⁸⁷. Указ гласил: «...если кто из отставных с пенсионом будет определён к делу, за тот учинённый труд, сверх пенсиона, жалованье производить на год столько, сколько [выплачено] пенсиона»¹⁸⁸. К примеру, военная пенсия отставному генерал-майору была установлена в размере 300 руб. в год. При нахождении его на гражданской должности в учреждении он получал ещё дополнительно 300 руб., то есть вдвое больше, в данном случае 600 руб.

По мнению известного юриста XIX в. В.А. Лебедева, специализировавшегося в финансовом праве, «правительство уже не пользуется услугами отслужившего [свой временной срок] лица и в пенсии как бы доплачивает ему недоданное в своё время [окладное] жалованье»¹⁸⁹.

Монархиня продолжала жаловать и имения, которые являлись для беспоместных и бескрестьянных военных чинов эквивалентом вместо государственной пенсии и становились материальной основой для пропитания их и семьи после увольнения от военной службы в отставку¹⁹⁰.

Важнейшим событием для статских чинов Российской империи стало 7 июля 1764 г., когда указом самодержицы за 35-летнюю службу были введены пенсии в размере половинного оклада жалованья по последней занимаемой должности, но только в том случае, если за время штатской службы не произошло серьёзных дисциплинарных взысканий (*Табл. 6*)¹⁹¹. Следует отметить, что в индивидуальном порядке пенсии для статских чинов Российской империи назначались изредка и ранее. Так, 22 ноября 1727 г. Верховный Тайный совет назначил советнику Коммерц-коллегии Гювиту (Гувиту), уволенному в отставку, пенсию в размере 300 руб. в год. 6 октября 1735 г. советнику этой же коллегии Самойле Гарцыну также была определена пенсия 300 руб. в год, которая выплачивалась из доходов Сибирского приказа товарами (пушшиной).

30 сентября 1739 г. императрица Анна Иоанновна отставила от штатской службы секретаря Военной коллегии А. Пирогова с производством его в ассессоры и пожаловала 200 руб. в год «по смерти его, на пропитание».

Или: 28 декабря 1761 г. именным указом главный судья Ямского приказа, действительный статский советник Данила Языков был пожалован в вышестоящий статский чин тайного советника и уволен от службы с пенсией.

2 ноября 1762 г. Екатерина II пожаловала из комнатной суммы тайному советнику Фёдору Веселовскому пенсию в размере 1000 руб. в год, по его смерти¹⁹².

Таблица 6

Реэстр, кому по имянному Ея Императорского Величества
октября 7 дня 1764 года указу определён пенсион из Коллегии экономии
и которые из оных всемилостивейше пожаловали чинами¹⁹³

Наименование статских и военных чинов	Количество чинов	Количество пенсионеров (человек)	Размеры пенсионных окладов ¹⁹⁴ (рублей в год)
Действительный тайный советник	1	1	1125
Тайный советник	4	4	937,5
Действительный статский советник	6	1	937,5
		4	675
		1	404,75
Статский советник	5	1	600 ¹⁹⁵
		3	375
		1	300
Коллежский советник	7	2	375
		5	300
Надворный советник	7	2	300
		5	225 ¹⁹⁶
Коллежский ассессор	6	4	225
		1	187,5
		1	100
Вице-адмирал князь В.Ф. Несвицкий ¹⁹⁷	1	1	1880
Генерал-майор и иркутский вице-губернатор И. Вульф	1	1	900 ¹⁹⁸
Итого к выплате пенсионного жалованья			20684,75

Исследователь Н.П. Хитрово по вышеприведённому поводу особо отметил, что «об обезпечении существования [должностных] лиц, оставивших [по возрасту и здоровью штатскую] службу по гражданской юстиции и гражданской администрации, правительство как бы по-прежнему не заботится, ибо по этому предмету в законодательных памятниках до царствования императрицы Екатерины II, ничего не упоминается»¹⁹⁹.

Прежде всего, монархия подтвердила дальнейшее получение пенсий (годового окладного жалования в награждение), назначенных как поощрение статским чинам за достойную, усердную и продолжительную службу при правлении императрицы Елизаветы Петровны²⁰⁰. К примеру, 18 июля 1762 г. она издала указ Правительствующему Сенату: «Декабря 15-го дня прошлаго 1760 г. блаж[енной] и вечной славы достой[ая] пам[яти] тётка Наша, Ея И[мператорское] В[еличество] Вел[икая] гос[ударыня] имп[ератрица] Елисавет Петровна пожаловала бывшего тогда в собственной вотчинной канцелярии советника Гаврилу Замятнина в статские советники с вечною, за болезнью его, от всех дел отставкою и с производением ему из Соляной конторы по смерти его [пенсии] по 800 р[ублей] на год,

I. ARTICLES

что Мы ныне всемилостивейше подтверждаем и повелеваем учинить по сему Нашему Указу. Екатерина»²⁰¹. Более того, она эту благородную тенденцию продолжила, причём существенно расширила контингент военных и штатских пенсионеров, куда вошли представители практически всех сословий Российской империи, получавшие пенсии за счёт текущих доходов Кабинета Ея И. В.²⁰².

Вероятно, одним из предлогом для введения пенсий для статских чинов явилось прошение на увольнение в отставку от службы тайного советника князя Оболенского. Князь просил у монархини наградить его вышестоящим статским чином и «по неимуществу» пожаловать пенсией. 18 августа 1763 г. императрица Екатерина II направила собственноручную записку генерал-прокурору А.И. Глебову, чтобы он объяснил князю Оболенскому, что ещё пока самодержицей окончательная денежная «сумма не определена для штатских [чинов] на пенсии»²⁰³.

Из статских чинов право на государственное пенсионное жалование, как уже выше отмечалось, имели чиновники, прослужившие (с 15-летнего возраста и менее) 35 лет²⁰⁴, в связи с неизлечимой болезнью, получением ран, увечий в процессе военной (штатской) службы.

Для выдачи отставленным гражданским чиновникам пенсий императрицей Екатериной II 7 июня 1764 г. было повелено отпускать из текущих доходов Коллегии экономии ежегодно по 25 тыс. руб.²⁰⁵. Монархиня внимательно следила за тем, чтобы законоположения по назначению пенсий статским чиновникам неуклонно соблюдались. К примеру, 8 февраля 1789 г. она написала А.В. Храповицкому следующую записку: «Почему Сенат разсудил Анненкову [Аврааму Ивановичу, курскому вице-губернатору], определить пенсион, за благо не разсуждено мне сообщить, хотя не по разсуждению, но по законам судить Сенат долженствует. 1) Анненков 35 лет не выслужил. 2) Увечье не получил. И так о Анненкове не...»²⁰⁶ (не дописано, возможно от возмущения).

Штрафованные чиновники, по судебным приговорам за бесчестные служебные преступления и тяжёлые дисциплинарные проступки наказанные в присутственных местах неоднократно розгами, теряли право на получение пенсии и пожалования следующего вышестоящего статского чина²⁰⁷.

Пенсия жаловалась прежде всего тем статским чинам, которые после увольнения в отставку от службы не имели денежных и иных источников материальных средств для пропитания членов семьи и собственного²⁰⁸. К примеру, 20 августа 1764 г. был объявлен указ монархини о пожаловании коллежского асессора Карла Фолсберха (Фольсберга) пенсией («пенсионом» в источнике), «понеже он весьма недостаточен (в материальном отношении и дополнительных источников доходов не имеет. – *И.Д.*)». К. Фолсберг был пожалован пенсией в размере 225 руб. в год²⁰⁹.

Таблица 7

О награждении статских чинов пенсионным жалованием при увольнении от штатской службы с приложением реестра Правительствующего Сената от 18 января 1765 года²¹⁰

Статский чин, фамилия и имя пенсионера, продолжительность службы	Краткая характеристика военной и штатской службы чиновников, представляемых к награждению пенсией	Наименование должностного оклада по месту службы и размеры пенсии в год
Коллежский асессор		

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Иван Седой, 43 года	В военной службе с 1722 г., в статской службе и нынешнем чине с 11 января 1755 г. Был членом Санкт-Петербургской губернской канцелярии, смотрителем при церквях столичных кладбищ	Санкт-Петербургский оклад, 225 рублей
Иван Лейцын, 28 лет	В военной службе с 1737 г., в статской службе и нынешнем чине с 11 января 1755 г. От Сената определён в бывший Сибирский приказ и отослан в бывшую Иркутскую корчемную контору. В 1763 г. уволен с паспортами от Иркутской и Сибирской губернских канцелярий. В пути, вблизи Верхнего Волочка летом 1764 г. был ограблен и в Герольдмейстерскую контору не явился, направился в Нарву, где был задержан полицией и отправлен в Санкт-Петербург	По усмотрению Сената оказался к штатской службе неспособным, а по рассуждении его крайней бедности, чтобы он не остался без пропитания, ему назначено 4 рубля в месяц
Василий Прокофьев, 43 года	В службе у приказных дел с 1722 г. в бывших Преображенском приказе и Тайной канцелярии. В 1754 г. пожалован секретарём, 19 июня 1761 г. – коллежским ассессором. После расформирования Тайной канцелярии был при Коллегии экономии, с 1763 г. – в Москве при сборе с лавок и амбаров оброчных денег	Санкт-Петербургский оклад, 225 рублей
Сенатский секретарь		
Михаил Поплавский, 47 лет	В службе у приказных дел с 1718 г., был на разных должностях в Тайной канцелярии, а после её расформирования в бывшей Сенатской конторе при Разрядном архиве архивариусом	Московский оклад, 125 рублей
Коллежский секретарь		
Иван Таушев, 42 года	В службе у приказных дел с 1723 г., в нынешнем чине с 26 июня 1746 г. Был в Главной полиции и в конторе Главного магистрата до увольнения в отставку в 1764 г.	Санкт-Петербургский оклад, 225 рублей
Василий Горчаков, 50 лет	В службе у приказных дел с 1715 г., был в Сенате и Герольдмейстерской конторе, 3 ноября 1746 г. произведён в Конюшенную канцелярию секретарём, с 1757 г. в мастерскую и Оружейную контору, где находился до отставки	Московский оклад, 187 рублей 50 копеек

I. ARTICLES

Коллежский протоколист		
Леонтий Горчаков, 38 лет	В службе у приказных дел с 1727 г., был в канцелярии Главной артиллерии и фортификации архивариусом, 12 марта 1764 г. Сенатом отставлен от службы за старостью коллежским протоколистом	Пенсия пожалована по прежнему архивариусскому чину, 112 рублей 50 копеек
Канцелярист		
Назар Карпачёв, 48 лет	В службе у приказных дел с 1717 г., в том чине с 1740 г. Был у дел в Главной полиции. В 1764 г. за старостью и дряхлостью уволен в отставку	Санкт-Петербургский оклад, 100 рублей
Гавенмейстер Санкт-Петербургской портовой таможни		
Семён Смирнов, 41 год	В военной службе с 1724 г., в 1737 г. уволен и определён в столичную портовую таможню досмотрщиком, в 1740 г. – вагмейстером, в 1744 г. – гавенмейстером и был им по 1758 г. по отдаче таможен на откуп находился по 1764 г. в Коммерц-коллегии. Стар, дряхл и слеп	Против получаемого в таможне жалования в 200 рублей, пенсия 100 рублей

Пенсионное жалование (или денежное награждение²¹¹), назначенное, но не полученное умершим отставным чиновником, выплачивалось прямым наследникам. Так, 9 апреля 1763 г. императрица Екатерина II объявила указ Правительствующему Сенату: «По прошению умершаго тайн[ого] сов[етника] Языкова Высочайше повелеваем: из определённой ему пенсии по 400 р. в год, сколько считая со дня отставки по день смерти его по расчёту ему доведётся, выдать оным наследникам его из Штатс-конторы»²¹².

Пенсия также не выплачивалась хроническим пьяницам, уволенным от службы. Некоторые отставные чиновники, склонные к алкоголизму, морально опустившиеся, бродяжничали, собирая милостыню у обывателей. Так, коллежский ассесор Дмитрий Волков был задержан в Москве полицией и представлен Сенату. 22 мая 1763 г. правительство приговорило определить его для пропитания «в богадельню на солдатскую вакансию с двойною дачею, [для чего] отослать в новоучреждённую Коллегию экономии»²¹³.

Или: правитель Нижегородского наместничества А. Львов докладывал в августе 1796 г. своему начальнику генералу князю А.И. Вяземскому о результатах проверки в уездных городах присутственных мест, что «из нижних канцелярских служителей есть некоторые весьма дурнова поведения. А другие, будучи многия годы в приказном звании, не только не знают в делах порядка, но и писать не умеют, следственно, и к продолжению статской службы неспособны, то таковых негодно ли отослать к определению в Военную [коллегию], а на место их изтребовать семинаристов»²¹⁴.

Анализ должностных окладов показал, что размеры пенсий чиновников, служивших даже на одинаковых должностях в учреждениях в различных городах Российской империи, существенно различались. Так, в учреждаемых в Москве комиссиях и посылаемым оттуда для проведения следствий в другие города и присутственные места коллежским чинам, отставным штаб- и обер-офицерам, канцелярским служителям должностное жалование производилось по московским окладам²¹⁵.

К примеру, высочайшим указом от 10 февраля 1786 г. находившимся в Москве, в Экспедиции казённой мягкой рухляди, статским чиновникам и канцеляристам за счёт денежных средств Кабинета Ея И. В. была пожалована ежегодная пенсия в следующих размерах: надворному советнику Шишкову — 450 руб., секретарю Фёдору Иванову — 375 руб., регистраторам Петру Иванову и Григорию Нечаеву каждому по 150 руб.²¹⁶.

По именным 1724 г.²¹⁷ и 1743 г.²¹⁸ указам самодержицей было повелено выплачивать жалование коллежским чиновникам в Санкт-Петербурге против армейских должностных окладов вполтину, в прочих российских городах — четвертую часть, а канцелярским служителям — по штатному расписанию. Тем самым Екатерина II в вопросах назначения должностных окладов статским чинам, служившим в государственных учреждениях, продолжала руководствоваться нормативно-законодательными актами, введенными в действие ещё Петром Великим и его дочерью Елизаветой Петровной.

Таким образом, самым большим по размерам был петербургский должностной оклад, в других городах Российской империи он выплачивался командированным чиновникам только по особым именным указам после представления Правительствующим Сенатом доклада государыне²¹⁹.

Кроме того, некоторым заслуженным персонам, состоящим при штатских делах в учреждениях Российской империи, жалование выплачивалось не по штатному расписанию, а исключительно по особым именным указам, пока они находились на службе на данных должностях²²⁰.

Так, 9 июня 1763 г. надворный советник Иван Буровцов подал императрице челобитную: «Всемиловейшая государыня императрица. По именному Вашего И[мператорского] В-ва высочайшему соизволению повелено мне, всеподданнейшему, в оставшей [в] Москве Сенатской конторе править рекетмейстерскую должность. А состою я в ранге подполковничьем, и жалованья поныне получал по 97 руб. 95 коп. на год, и по бедному своему дворянству, имея деревни малыя, содержи себя с крайним недостатком.

А в 1762 г., июня 5, за безпорочную и продолжительную мою службу Прав[ительствующим] Сенатом удостоен в колл[ежские] сов[етники] в ранг полковничий, токмо Вашего И[мператорского] В-ва высочайшей конфирмации на оное ещё не последовало. Того ради, припадая к высочайшим стопам Вашего И[мператорского] В-ва, о награждении чином и жалованьем предаю в волю и благоволение высочайшаго вашего В-ва милосердия. Вашего И[мператорского] В-ва всеподданнейший раб, надв[орный] сов[етник] Иван Буровцов. Резолюция монархини: Производить жалованье по Питербургскому коллегского советника окладу (187 руб. 50 коп. — И.Д.)»²²¹.

Или: 28 июня 1763 г. самодержица всероссийская объявила указ Сенату: «...всемиловейше пожаловали Мы стат[атского] советника Алексея Еропкина в Наши дейст[вительные] ст[атские] советники и повелеваем ему присутствовать в Нашей Дворцовой канцелярии, из которой он и жалованье получать имеет петербургским окладом по чину его. Екатерина»²²².

Далее, 3 августа 1786 г. из Царского Села Екатерина II направила указ президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу Г.А. Потёмкину-Таврическому: «Князь Григорий Александрович. Увольненного за болезнями от военной службы полковника Николая Раздеришина повелеваем определить в Оружейную палату с жалованьем по восьмисот рублей на год. Пребываем в прочем вам благосклонны»²²³.

Кроме петербургского и московского окладного жалования чиновников, также имелись и другие, гораздо меньшие по размерам, как то: губернские, городовые, провинциальные и уездные оклады.

I. ARTICLES

Российские чиновники по поданным по команде прошениям «таких, кои до сего были у дел безпорочно, а за старостию и дряхлостию и за болезнями оных отправлять не могут, [по подчинённости просили начальство] о награждении ежегодно пенсионами по их смерть...». (Табл. 8).

Таблица 8

О награждении отставных статских и военных чинов
пенсионным жалованием при увольнении от штатской службы
с приложением реестра Правительствующего Сената от 20 апреля 1765 года²²⁴

Наименование чина, фамилия, имя пенсионера, продолжительность службы	Краткая характеристика военной и штатской службы чиновников, представляемых к награждению пенсией	Наименование должностного оклада по месту службы и размеры пенсии в год
Надворный советник Федот Нелюбов, 47 лет	В штатской службе с 1718 г., был на различных должностях, на последней в Новгородской губернской канцелярии при Корчемной экспедиции. Исправен в делах, добропорядочен в поступках. Подозрений за ним никаких не присмотрено, что аттестатами засвидетельствовано	187 рублей 50 копеек по асессорскому чину, по московскому окладу
Премьер-майор Иван Дьяков, 29 лет	В военной службе с 1736 г., в нынешнем чине с 1760 г. Воевал в Пруссии, ранен в правое плечо картечью, отставлен и определён в Тверскую провинцию к подушному сбору. Служил добропорядочно, начётов на нём нет. Освидетельствован, болен и к службе не годен	
Коллежский асессор Антон Обрютин, 43 года	В военной службе с 1722 г., в 1754 г. отставлен секунд-майором и определён в Великолуцкую провинцию к подушному сбору. О его добросовестной службе аттестатом провинциальной канцелярии засвидетельствовано	
Флота капитан-лейтенант Дмитрий Коростелёв, 48 лет	В службе во флоте с 1717 г. в нынешнем чине с 1758 г., был в Сибирской губернии при разработке разведанных им серебрянных руд. По бедности представлен к пожалованию пенсией	По 125 рублей каждому, оклад городского воеводского товарища
Капитаны Алексей Култаев, Никита Уваров, 25/21 год	На военной службе Култаев с 1740, а Уваров с 1744 г. В нынешних чинах оба с 1759 г. Были в прусских походах, на баталиях ранены. После увольнения находились у подушного сбора: Култаев в городе Пошехонье, Уваров в Пензенской провинции и Саранске. За ранами и болезнями оказались к службе не способны. Собственного пропитания они не имеют	

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Секретари Судного приказа Василий Назаров и Пётр Колеснический, 55 и 48 лет	Назаров в службе с 1710, а Колеснический с 1717 г. В нынешних чинах с 1744 г. С 1764 г. за старостью оказались за штатом. Пороков за ними нет	По 187 рублей 50 копеек каждому, оклад секретаря Судного приказа
Губернский секретарь Владимир Можай- тинов, 35 лет	В службе с 1730 г. В нынешнем чине с 1747 г. Служил в Казанской губернской канцелярии, в 1752 г. направлен в Вятскую провинциальную канцелярию, в Свияжскую. С 1764 г. находился за штатом. Добропорядочная служба аттестатами засвидетельствована	112 рублей 50 копеек, оклад секретаря провинциальной канцелярии
Губернский секретарь Тимофей Суровцев, 38 лет	В службе с 1727 г. Служил в рижских обер-инспекторской с 1743 г. и губернской канцелярии с 1754 г. В 1763 находился за штатом.	150 рублей, оклад губернского секретаря
Канцеляристы Пётр Микляев и Григорий Иванов, 43/49 лет	В службе Микляев с 1722 г., канцелярист с 1756 г., был у дел в Главной провиантской канцелярии; Иванов – с 1716, канцелярист с 1750 г. в Адмиралтейств-коллегии, с 1765 г. оба за штатом за старостью и дряхлостью, к службе не способны	По 100 рублей каждому, штатный оклад санкт-петербургского канцеляриста

В 1768 г. правительство запретило увольнять в отставку канцелярских чинов, хотя и прослуживших в государственных учреждениях указной срок в 35 лет, но «неимущих, не престарелых лет и не увечных»²²⁵.

Указ самодержицы всероссийской от 13 марта 1769 г. потребовал от губернаторов представить в Правительствующий Сенат через Герольдмейстерскую контору «обстоятельные и верные ведомости» о приказных служителях. Следовало показывать их по губернским, провинциальным и воеводским канцеляриям, а также и по другим местным государственным учреждениям с разбивкой как состоящих у дел, так и находившихся сверх комплекта. Отдельно предписывалось подавать сведения об отставных приказных служителях и о их детях с показанием возраста, вида занятий («где учатся или при них в домах живут»)»²²⁶.

Если же коллегия (контора, канцелярия) или другое учреждение расформировывалось, их штатным чиновникам окладное должностное жалование выплачивалось включительно по день причисления лиц дворянского сословия к Герольдмейстерской конторе Сената²²⁷.

Представление на увольнение в отставку и пожалование пенсией статских служителей до 1775 г. в губерниях, провинциях, уездах возлагалось на губернаторов и воевод со своими канцеляриями, являвшимися в них основными местными органами управления.

7 ноября 1775 г. императрицей Екатериной II утверждаются «Учреждения для управления губерний всероссийския, часть первая», по которому Российская империя делилась на 51 губернию. Численность каждой губернии устанавливалась в пределах в 300–400 тыс. чел. Губернии делились только на уезды, провинция, как организационно-административная структура, была сокращена. Уезды создавались численностью 20–30 тыс. жителей. После того как были изменены границы губерний, было пересмотрено и областное и уездное управление с введением новых учреждений и их организационно-штатного расписания. Существенно была усилена судебная система, фактически ставшая сословной.

I. ARTICLES

В каждой губернии вводились:

1) Губернское или Наместническое правление — главное областное учреждение во главе с губернатором или правителем наместничества. Оно имело административный характер, осуществляло контроль за всеми остальными органами управления и представляло исполнительную власть в пределах губернии. В губернском правлении заседал главнокомандующий (в Санкт-Петербурге и Москве), правитель или губернатор с двумя советниками. В Наместническом правлении — государев наместник или генерал-губернатор, правитель наместничества или губернатор с двумя советниками.

2) Уголовная палата в составе председателя, двух советников и двух ассессоров; Гражданская — председатель, по два советника и ассессора, как высшие органы судов.

3) Казённая палата — орган финансового управления, в ней заседали поручик правителя или вице-губернатор, директор экономии или домоводства, советник, два ассессора и губернский казначей. В уезде — уездный казначей.

Все эти учреждения были устроены по коллегиальному принципу (губернское правление — лишь по форме, так как реальная власть принадлежала губернатору) имели бюрократический состав и ведали делами всех сословий.

Далее в губернском городе были:

4) Верхний земский суд — судебное учреждение, где решались дворянские тяжбы и осуществлялся суд над представителями дворянского сословия. В его состав включались первый и второй председатель, десять заседателей.

5) Губернский магистрат — судебное место для мещан по искам и тяжбам их (два бургомистра и четыре ратмана).

6) Верхняя расправа — суд, учреждённый для однодворцев и государственных крестьян.

Эти суды имели коллегиальный состав, состояли из председателей, назначенных правительством («коронных») судей и заседателей, выборных того сословия, делами которого занималось данное судебное учреждение. По компетентности, объёму и уровню судебных дел, составу вышеназванные суды были сословными, но действовали под руководством назначенных судей.

Кроме того, в губернском городе были введены:

7) Совестный суд для «полюбовного» решения тяжб и для суда над невиняемыми преступниками и непреднамеренными преступлениями.

8) Приказ общественного призрения — для устройства школ, приютов, богаделен, воспитательных и сиротских домов и прочих бытовых учреждений. В обоих этих местах председательствовали назначенные правительством чиновники, с ними заседали представители всех сословий и ведались лица всех сословий. Так, не будучи сословными, эти областные учреждения не были и бюрократическими.

В каждом уездном городе находились:

1) Нижний земский суд — ведавший уездную полицию и администрацию, в состав которого входили исправник (капитан-исправник) и заседатели, все они избирались из уездных дворян. На исправника возлагались функции начальника уезда, и он являлся исполнительной властью от губернского управления.

2) Уездный суд — для дворян, подчинённый Верхнему земскому суду.

3) Городской магистрат — суд для мещан, подчинённый назначаемому городничему, которому была вверена городская полиция.

4) Нижняя расправа — суд для государственных крестьян, подчинённый Верхней расправе.

Все эти учреждения были по своему составу коллегиальными и сословными, комплектовались из представителей того сословия, делами которого они ведали, только председатель Нижней расправы назначался указом правительства.

Также были установлены ещё два учреждения.

Для попечения о вдовах и детях дворян была установлена Дворянская опека при каждом Нижнем земском суде, а для призрения вдов и сирот горожан — Сиротский суд. В том и другом учреждении их членами были сословные представители. В Дворянской опеке председательствовал предводитель уездного дворянства, они стали существовать со времени Екатерининской комиссии, а в Сиротском суде — городской голова.

Таким образом, вместо простых форм прежнего времени, в основу которых была положена административная реформа Петра Великого, в каждой губернии появилась система исполнительных и судебных учреждений с многочисленным чиновничеством, численность которого резко возросла, и она была сосредоточена в меньших административных единицах²²⁸.

Статский чин мог уволиться в отставку после медицинского освидетельствования. И только неизлечимая болезнь, тяжёлая травма являлись основанием для увольнения статских чинов от штатской службы²²⁹.

К примеру, 20 ноября 1770 г. указом Ея И. В., направленным из Правительствующего Сената в Нижегородскую губернскую канцелярию, канцелярист Полицмейстерской конторы Иван Лазарев на основании именного указа от 31 октября 1737 г. по болезни был оставлен от службы «вовсе». Ему от Нижегородской губернской канцелярии был оформлен паспорт и его отпустили «в дом» без определения впредь к делам. Монархиня на основании законоположения от 7 июня 1764 г. за долговременную и беспорочную службу пожаловала его пенсией в размере «половины против положенного по штатам жалованья по губернскому окладу» (65 руб. в год)²³⁰. Пенсию предписывалось выплачивать из денежных средств Коллегии экономии (25 тыс. руб.), но по очереди, только тогда, «когда в пенсионной сумме вакансия будет»²³¹, то есть после смерти уже получавшего ранее выплаты ветерана²³².

Анализ показал, что установленные размеры пенсионной суммы в основном выдерживались, так как власти стремились не допускать увеличения отставленных от службы статских чинов, получавших пенсии²³³.

Для пожалования пенсией, как правило, ежегодно использовалось вся пенсионная сумма, выделенная императрицей Екатериной II из текущих доходов Коллегии экономии для статских чинов (25 тыс. руб.). К примеру, по состоянию на 18 августа 1765 г., по именным указам, представленным от Сената, было выплачено пенсионерам 24 448 руб. 50 коп., в остатке 551 руб. 50 коп. Сенат обратился к монархине с докладом «по поданным прошением»: «...таких [отставных чинов], кои до сего были у дел беспорочно, а за старостию и дряхлостию и болезнями оных отправлять не могут, о награждении ежегодно пенсионерами по их смерть из той же суммы, с увольнением от службы с нынешними их чинами (из коих некоторые за малоимением остающейся суммы имеют те пенсии получать, когда вакансии будут), Вашему И. В-ву всеподданнейше представить, и для того оным к всевысочайшему Вашего И. В-ва благоволению и конфирмации при сём подносится именной реестр»²³⁴ (Табл. 9).

О награждении отставных статских и военных чинов
пенсионным жалованием при увольнении от штатской службы
с приложением реестра Правительствующего Сената от 18 августа 1765 года²³⁵

Наименование чина, фамилия, имя пенсионера, продолжительность службы	Краткая характеристика военной и штатской службы чиновников, представляемых к награждению пенсией	Наименование должностного оклада по месту службы и размеры пенсии в год
Премьер-майор Степан Лаврентьев, 47 лет	Из рейтарских детей. В военной службе с 1718 г. Участник баталии в Пруссии. В 1758 г. отставлен от службы премьер-майором и отослан к пропитанию в монастырь. В 1759 г. по прошению Сенат определил его в Низовую соляную контору на Эльтонском озере у ломки и отпуска соли, в магазины. Себя содержал добропорядочно, никаких обид, озлоблений и приметок не делал, и ко взяткам не касался. По счетам начётов нет, что аттестатами свидетельствует. С 1764 г. за штатом и был прислан в Герольмейстерскую контору	187 рублей 50 копеек. По ассессорскому чину, по московскому окладу
Капитан Михаил Жданов, 37 лет	В службе с 1728 г. Происхождением из дворян. В нынешнем чине с 1754 г. В 1759 г. отставлен и по указу Конференции, определён в Мануфактур-коллегию к продаже гербовой бумаги и сбора за неё денег. В 1760 г. имел недостаток в сборе 92 рубля 22 копейки и был отослан для разбирательства в Ревизион-контору. Долг его милостиво прощён императрицей. В 1765 г. он просил Сенат об отставке от статской службы	125 рублей. Оклад городского воеводского това- рища
Канцелярист Андрей Рудаков, 43 года	В военной службе с 1722 г. на различных рядовых должностях, с 1733 г. служил в Апшеронском пехотном полку капралом, воевал в Пруссии, был дважды ранен, в 1744 г. отставлен и определён в Конюшенную канцелярию и в 1753 г. назначен канцеляристом. В 1754 г. был в Комиссии сочинения нового Уложения. С 1762 г. из-за наступившей слепоты остался не у дел	100 рублей. Половина оклада канцеляриста Комис- сии по сочинению нового Уложения
Платить пенсию впредь, когда вакансии будут		
Коллежский советник Василий Ушаков, 47 лет	В военной службе с 1718 г. Участник Северной войны, других походов русской армии. В 1732 г. отставлен секунд-майором и назначен к статским делам. В 1740 г. был комендантом г. Почеп. В 1752 г. пожалован надворным советником и назначен воеводой в Калужскую провинцию. В 1758 г. сменён и направлен в Ревизион-коллегию. 11 июня 1764 г. пожалован коллежским советником и оказался за штатом.	225 рублей. По надворному со- ветнику, по москов- скому окладу

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Надворный советник Герасим Ахматов, 44 года	В военной службе с 1721 г., из дворян. Отставлен в 1757 г. капитаном, переаттестован в коллежского асессора и направлен смотрителем для искоренения корчемства. С 11 июня 1764 г. пожалован надворным советником и находился за штатом по сокращению должности смотрителя	187 рублей 50 копеек. По асессорскому чину, по московскому окладу
Протоколист Главного комиссариата Савва Струков, 51 год	В службе с 1714 г. из поповых детей. Находился в разных командах. С 1731 г. канцелярист в комиссариате, с 1753 г. архивариус, с 1761 коллежский протолист. Ныне остался за штатом и представлен в отставку. В штрафах и подозрениях не бывал	112 рублей 50 копеек. По окладу протолиста
Регистратор Иван Григоров, 53 года	В службе из приказных чинов с 1712 г. Был в разных командах. До увольнения в отставку был в Судном приказе канцеляристом, с 1756 г. регистратором, а ныне остался за штатом. О добropорядочной статской службе имеет аттестат	100 рублей. По московскому окладу регистратора

22 июня 1771 г. из Правительствующего Сената самодержица объявила указ, который оказал существенное влияние на пенсионное обеспечение канцелярского персонала учреждений Российской империи после их увольнения в отставку от штатской службы. Правительство, «имея разсуждения, что многие приказные служители от разных присутственных мест к определению к другим делам с аттестатами увольняются, а не имея никакого дела, шатаются здесь в Санкт-Петербурге и Москве праздно. И по указу Ея Императорского Величества Правительствующий Сенат приказал всем присутственным местам настрожайше подтвердить, чтоб оныя всех находящихся в штате и сверх штата нижних чинов канцелярских служителей ко определению к другим делам с аттестатами сами собою отнюдь не увольняли; а с теми, кои за старостию, дряхлостию и болезнями службы продолжать не могут, также и со обращающимися в пьянстве и других непорядочных поступках, непременно поступали б в силе преждепосланных указов [правительства]»²³⁶.

27 августа 1774 г. правительство вновь потребовало от губернаторов, «чтоб находящихся в тех местах канцелярских служителей никуда сами собою отнюдь не увольняли». На ослушников указов Правительствующего Сената налагались денежные штрафы; так из должностного жалования нарушителей удерживался месячный должностной оклад²³⁷.

Сенатский приговор от 23 декабря 1775 г. вновь запрещал руководителям коллегий, контор и канцелярий увольнять в отставку низших приказных чинов без медицинского освидетельствования их заболеваний через Медицинскую канцелярию или её контору (врачебную комиссию).

К примеру, 23 июня 1781 г. Нижегородская казённая палата на своём заседании рассмотрела рапорт штаб-лекаря нижегородского гарнизона Ивана Ридера по медицинскому освидетельствованию копииста Балахнинского уездного казначейства Гаврилы Сташитского. У копииста врач обнаружил сильный лом в правой руке и её систематическое усыхание, «что против левой [руки, правая] гораздо находится тоньше, почему в приказном чине быть впредь [он] неспособен». Казённая палата единогласно приняла решение подготовить документы на увольнение копииста от службы²³⁸.

4 декабря 1784 г. Нижегородская казённая контора удержала за оформление результатов медицинского освидетельствования канцеляриста собственной конторы Якова Олонина, просившего увольнения от службы, осуществлённого штаб-лекарем местного гарнизона И. Ридером, за печатные пошлины и затраченный воск всего 26 руб. $\frac{1}{4}$ коп.²³⁹.

Чиновники губернских, провинциальных и воеводских канцелярий после медицинского освидетельствования их лекарями должны были быть представлены губернатору, который принимал окончательное решение либо об их увольнении от службы, или по каким-либо причинам отказывал в ней²⁴⁰.

19 января 1781 г. Первый департамент Правительствующего Сената потребовал всем казённым палатам по приложенной форме представить список статских чинов «с точным в оных объяснением, кто и в какой именно команде служил, какие чины происходят, не были кто в пороках, штрафах, подозрениях и не получали при отставке награждение чином»²⁴¹.

Как уже ранее отмечалось, пенсия статским чинам, уволенным от штатской службы, выплачивалась в размере половинного оклада жалования по последней занимаемой должности. Однако бывали и исключения.

Так, 25 февраля 1774 г. в Нижнем Новгороде был уволен в отставку статский действительный советник губернаторский товарищ (заместитель) Максим Иванович Макшеев, находившийся на военной и штатской службе 54 года, так как «от старости лет [у него] слабость и болезни, [поэтому] более продолжать [службу] не может». М.И. Макшееву была пожалована пенсия в размере половинного оклада жалования (300 руб.) в год. Кроме того, в его личной собственности имелось небольшое недвижимое имение (25 душ). Однако этих средств было, по мнению М.И. Макшеева, недостаточно, чтобы содержать себя и семью на привычном материальном уровне высокопоставленного российского чиновника, поэтому он обратился к самодержице всероссийской с нижайшей просьбой увеличить его пенсию. Императрица Екатерина II вошла в положение М.И. Макшеева, начавшего службу ещё при Петре Великом и продолжавшего её беспорочно. 11 марта 1774 г. она повелела «за приключившеюся ему по старости лет слабостию и болезнями от службы отставить вовсе, с нынешним жалованьем, которое ему дать за два года вперёд». Пенсионное жалование предписывалось производить из штатс-конторских доходов. После ознакомления М.И. Макшеева с указом монархини, ему в Нижегородской губернской канцелярии был выдан паспорт «для свободного жилья»²⁴².

Или, 3 октября 1785 г. именным указом самодержица пожаловала пенсии «служившем при Кабинете [Ея И. В.] полного по их окладам жалования»: надворному советнику Илье Железнову 750 руб.; коллежскому ассессору Луке Иванову 500 руб.; коллежским секретарям: Григорию Матвееву — 350 руб., Дмитрию Савельеву — 300 руб.²⁴³.

Иногда отставному высокопоставленному военному²⁴⁴ или штатскому пенсионеру, имевшему заслуги перед Престолом и Российским государством, ещё представлялась и сильная работа в центральном или губернском (уездном) учреждении. Так, коллежский советник Михаил Жуков получал штатскую пенсию 300 руб. в год, пожалованную по прежней должности. Кроме того, его после отставки в феврале 1781 г. назначили главным судьёй в Нижегородский словесный суд с окладом 200 руб. в год²⁴⁵.

Изредка назначалась временная пенсия, обычно это было связано с состоянием здоровья чиновника. Так, указом Ея Императорского Величества от 21 октября 1782 г. уволенному от должности заместителя правителя (вице-губернатора) Нижегородского наместничества статскому советнику Василию Запольскому до излечения болезни жаловалось половинное жалование 600 руб. в год за вычетом суммы на госпиталь (фактически пенсия 594 руб.).

Эти сведения нами выявлены в «Расписании о расходах Нижегородской губернии на 1796 год»²⁴⁶, то есть прошло более 13 лет, а В. Запольский в должности вице-губернатора из-за продолжавшейся болезни не был восстановлен. Дальнейшая его судьба не установлена.

В царствование императора Павла I в вопросах пенсионного обеспечения статских чинов произошли существенные изменения. Прежде всего самодержец своим указом от 11 января 1797 г. переименовал состоящих в штатской службе и впредь в неё определяемых военных чинов «в классы службы статской», а 16 июля того же года установил денежную плату за выдачу патентов на статские чины²⁴⁷.

9 мая 1797 г. Правительствующий Сенат с фельдгерем из Минска получил указ самодержца, который объявлял: «Коллежскому советнику и бывшего Верхнего земского суда Смоленской губернии председателю Воинову всемилостивейше повелеваем производить нынешнее его жалованье доколе, [пока] он по выздоровлении от болезни в состоянии будет вступить паки в службу и определится к месту, чину и способностям его соответственному»²⁴⁸.

12 апреля 1800 г. был издан указ монарха, преграждающий путь нарушителям воинской дисциплины, лихоимцам, бездельникам и пьяницам: «Всех тех, кои при отставке их из военной службы не назначаются именно Нами к определению в статскую службу, запрещаем, без всякаго изъятия, Сенату Нашему определять в оную»²⁴⁹.

Для назначения пенсии отставной статский чин подавал по подчинённости рапорт.

В Центральном архиве Нижегородской области нами выявлено «Дело по просьбе титулярного советника [Нижегородской казённой палаты] Александра Семёновича Нежданова о представлении [Нижегородским наместническим правлением] Правительствующему Сенату о награждении его за долговременную и беспорочную службу пенсионным жалованьем». Начало дела датируется 1 июня 1798 г., а его завершение — 13 июня 1799 г.

В своём прошении к императору Павлу I А.С. Нежданов, происходивший из пушкарских детей, изложил прохождение военной и штатской службы. На военную службу он был призван 12 сентября 1756 г. и был назначен гандлангером²⁵⁰ в 1-й артиллерийский полк. В составе артиллерийского полка он являлся участником боевых действий в Пруссии в период 1758–1762 г., после находился в различных командировках. С 13 июня 1763 г. по 1 апреля 1765 г. служил канониром. С этого времени по 9 апреля 1766 г. исполнял обязанности ротного писаря. 10 сентября 1766 г. ему был присвоен воинский чин капрала. С 20 сентября 1769 г. А.С. Нежданов продолжил службу в Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории каптенармусом. 8 марта 1772 г. он получил воинский чин сержанта. 16 сентября 1779 г. по указу президента Военной коллегии был переведён в Нижегородский губернский батальон с пожалованием воинского чина прапорщика. С 3 января 1780 г. находился на штатской службе, исполняя обязанности Нижегородского уездного стряпчего. 12 июня 1782 г. определён в город Балахну уездным казначеем, а затем в 1785 г. в этом же городе перемещён винным приставом и находился на этой должности по 27 сентября 1793 г. О долговременной и беспорочной более чем 11-летней службе А.С. Нежданова винным приставом Балахны Нижегородская казённая палата выдала ему аттестат.

Указом Правительствующего Сената от 31 декабря 1791 г. ему был присвоен статский чин титулярного советника. С 1795 по 1798 г. А.С. Нежданов являлся заседателем в Балахнинском уездном дворянском собрании, «а по окончании онаго [в течение] трёх лет остался ныне без всякой должности и никакого ис содержания себе с семейством жалованья ни откуда не получал».

Ветеран писал: «...с начала ж вступления моего в службу Вашего Императорского Величества, с 1756 года, поныне минуло всего времени сорок два года, в которое время я, продолжая всеподданнейшую беспорочную мою службу, пришёл ныне здоровьем моим

во изнеможение и от понесённых мною вовсе оное время бед и непрерывных трудов и по старости уже лет моих нахожу себя ныне к продолжению впредь всеподданнейшей моей службы не в силах. А как в всевысочайше изданном в 1764 году всемилостивейшим указом повелено престарелым и увечным, кто наименее тридцати пяти лет службу продолжал, определить пенсионное жалованье, и для того всеподданнейше прошу.

Дабы Высочайшим Вашего И. В. указом повелено было сию мою прозьбу в Нижегородское наместническое правление принять и о награждении за долговременную и беспорочную мою службу на пропитание моё пенсионным жалованьем с засвидетельствованием той моей службы представить Правительствующему Сенату, для чего и данные мне о службе моей от Нижегородской казённой палаты и о поведении моём от его превосходительства бывшего господина Нижегородского генерал-губернатора и разных орденов кавалера Алексея Алексеевича Ступишина аттестаты при сём представляю, и прошу по освидетельствовании их оные мне возратить. Всемилоостивейший государь. Прошу Вашего Императорского Величества о сей моей прозьбе решение учинить. Июня "... днѣ 1798 года».

Прошение А.С. Нежданова в Нижегородское наместническое правление написал регистратор Нижегородской казённой палаты Пётр Петров, а титулярный советник А.С. Нежданов только руку приложил, то есть расписался. Прошение было доложено 22 июля 1798 г. в Нижегородское наместническое правление. После его рассмотрения было принято следующее решение: «С прописанием оной прозьбы о награждении ево, Нежданова, пенсионным жалованьем представить в Правительствующий Сенат, в 1-й департамент, на рассмотрение, приложив при том с представляемых аттестатов копии, а подлинныя выдать ему, Нежданову, обратно с распискою, и притом, взяв с него печатных пошлин рубль одну копейку, за печать восковых две копейки, записать в приход. Подлинное приказание справлено в журнале».

В аттестате расписывалась подробно военная и штатская служба А.С. Нежданова на основании правил, введённых приговором Правительствующего Сената от 16 июня 1765 г.

Один аттестат, где изложена штатская служба А.С. Нежданова, был выдан Нижегородской казённой палатой 7 марта 1794 г. Его подписали начальник Казённой палаты князь Василий Долгоруков, его заместитель Николай Павлов, два ассессора, столоначальник и канцелярист. Аттестат заверен печатью Нижегородской казённой палаты. Второй аттестат, датированный 30 январём 1783 г., был заверен бывшим нижегородским губернатором: «...дан сей в том, что Нижегородского наместничества балахнинский уездный казначей прапорщик Александр Нежданов во бытность мою генерал-губернатором находился поведения весьма хорошего и в должности и звании своего исправен, в чём и свидетельствую сим. Ея Императорского Величества всемилостивейшей государыни моей генерал-аншеф, нижегородской и вятской генерал-губернатор, орденов Святого Александра Невского и Святой Анны кавалер. На подлинном подписал Алексей [Алексеевич] Ступишин».

Продолжительная, усердная и беспорочная военная и штатская служба А.С. Нежданова была достойно оценена высшим руководством страны: «Указ Её Императорского Величества самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената в Нижегородское наместническое правление. По именному Её Императорского Величества высочайшему указу в последовавшем на докладе Сената минувшего апреля в 5-й день о всемилостивейшем пожаловании бывшего в Балахнинском уездном суде дворянским заседателем титулярного советника Нежданова при увольнении от службы на основании именного 1764 года, июня 7-го дня, указа по смерти его пенсионом по сту по двадцети по пять рублей в год.

Правительствующий Сенат приказали: сей его Императорского Величества всемилостивейший указ вышепомянутого титулярного советника Нежданова объявить и для свободного жительства дать ему паспорт, где он пожелает получать объявленный

высочайше пожалованный пенсион, о том прислать в Герольдию отзыв. Мая 16 дня 1799 года. На подлинном подписано тако: Дмитрий Хвостов, секретарь Василий Шеретинин, титулярный советник Яков Иванов».

По данному указу Нижегородское наместническое правление приказало отправить отзыв в Герольдмейстерскую контору и, взыскав денежные суммы с А.С. Нежданова за государственные пошлины и за печать, оприходовать их в книге учёта. А.С. Нежданов расписался за получение паспорта, ознакомился с указом о пожаловании ему пенсии 125 руб. в год. Кроме того, в канцелярии Нижегородского наместнического правления титулярный советник А.С. Нежданов пожелал пенсию «получать по жительству... в городе Балахне из тамошняго уездного казначейства»²⁵¹.

По существующему законодательному акту разрешалось давать чиновникам при отставке очередной статский или иногда воинский чин²⁵²; как правило, это жаловалось отставному военному при увольнении, но затем пенсия им не выдавалась²⁵³.

Нами в РГА ВМФ выявлено архивное дело «Об отставке от службы бухгалтера Алексея Леханова...». В январе 1766 г. он подал челобитную императрице Екатерине II, где писал, что бьёт челом государственной Адмиралтейской коллегии Счётной экспедиции бухгалтер Алексей Акинфеев сын Леханов. Далее он сообщал, что на службу был определён из Тавровской адмиралтейской школы из учеников канатного дела в 1739 г. По прибытию из Таврова в Санкт-Петербург он был направлен в бывшую Экипажескую экспедицию. В 1743 г. стал копиистом, в 1748 г. подканцеляристом, а 14 марта 1756 г. по определению ГАК был назначен бухгалтером в Счётную экспедицию²⁵⁴. А.А. Леханов писал в своём прошении, что «от многих трудов» у него ухудшилось зрение до такого состояния, что не может читать даже днём, поэтому он испытывал на работе значительные трудности, кроме того, у него часто случались обмороки, правое ухо стало золотушное, из-за чего он плохо слышал. Поэтому он просил уволить его за «невозможностью» трудиться в полную силу и за долговременную службу «наградить рангом»²⁵⁵. В канцелярии ГАК после получения челобитной А.А. Леханова для представления служебной справки на очередное заседание отметили, что у бухгалтера Счётной экспедиции за 27 лет службы на различных должностях нет дисциплинарных взысканий и штрафов, также подчеркнули его желание получить следующий статский чин при увольнении в отставку.

Кроме того, под прошением о пожаловании А.А. Леханову следующего чина при увольнении в отставку подписались секретари, бухгалтеры, регистраторы, следственной комиссии аудиторы, канцеляристы и подканцеляристы, в том числе руководящие по-вытьями, копиисты экспедиций Адмиралтейской коллегии, всего было 53 подписи²⁵⁶. Из Счётной экспедиции в ГАК была подана справка, из которой становится известно, что А.А. Леханов происходил из мастеровых людей²⁵⁷, обучался в Тавровской адмиралтейской школе в 1737–1739 г., остальные сведения о нём аналогичны изложенным в его челобитье к Екатерине II. Для очередного заседания членов Адмиралтейств-коллегии были подготовлены соответствующие тексты указов Правительствующего Сената от 4 ноября 1762 г. и 7 марта 1764 г. Также письменно обер-секретарём ГАК было высказано мнение: «По указу Правительствующего Сената от 4 ноября 1762 года велено принадлежащих в вечную отставку государственной Адмиралтейской коллегии отпускать в дома к имеющимся деревням на пропитание, до учреждения инвалидных домов отсылать в монастыри и в Герольдмейстерскую канцелярию списки [военных и морских чинов из дворян] давать».

«7 марта 1764 года Ея Императорское Величество в указе отметила, что за недостатком надлежащих известий о верной и беспорочной службе могут входить в произвождение по старшинству и протчие за плохое поведение давать с препятствием».

6 апреля 1766 г. состоялось заседание членов Адмиралтейств-коллегии и в протоколе появилась запись, что бухгалтера Алексея Леханова по прошению, за имением болезни и по неспособности к исполнению бухгалтерской должности от службы отставить, о том, что он служил беспорочно, аттестатов не имеется, «а показана к делам [его] не способность...». Члены ГАК единодушно проголосовали, чтобы уволить Алексея Леханова из Счётной экспедиции тем же чином, выплатить ему заслуженное жалование и выдать паспорт. Об увольнении А.А. Леханова предписывалось сообщить в Герольдмейстерскую канцелярию, а описание дел Экипажеской экспедиции за период с 1746 по 1756 г. принять в архив²⁵⁸.

Получив отрицательное для себя решение, А.А. Леханов вновь направил челобитную императрице Екатерине II, где просил уволить со штатской службы с награждением статского чина секретаря²⁵⁹. К тексту челобитной прилагались характеристики, данные должностными лицами Адмиралтейской коллегии, у которых служил А.А. Леханов. Вот что писал в характеристике вице-адмирал Дмитрий Лаптев: «О бухгалтере Алексее Леханове рекомендую, что он в бытность моего присутствия в Конторе адмиралтейской директором в управлении секретарской должности поступал добропорядочно, и должности ево дела исправлял с рачением, и себя содержал в трезвости и во всякой исправности, как надлежит доброму и верному Ея Императорскому Величеству рабу, за что, по усмотрению моему, секретарём быть достоин. И впредь в команде моей иметь ево желаю, в том засвидетельствую».

Подобного содержания служебные характеристики на бухгалтера А.А. Леханова дали контр-адмирал И.П. Зиновьев, генерал-майор и флота капитан А. Чернышёв. Обер-штер-кригскомиссар Адмиралтейской коллегии М.Б. Лебядников в своём заключении сделал вывод, что бухгалтер А.А. Леханов «награждению [вышестоящим] рангом быть достоин». Ходатайствовал о присвоении статского чина секретаря увольняемому в отставку А.А. Леханову и капитан-лейтенант Я. Черичев²⁶⁰. Однако 22 августа 1766 г. состоялось заседание членов Адмиралтейств-коллегии, которые приняли решение оставить бухгалтера Счётной экспедиции А.А. Леханова в прежней должности, но собрать ему ещё дополнительно справки о прежней штатской службе. Тяжелобольной А.А. Леханов незамедлительно приступил к составлению описи дел и протоколов в бытность его прежней службы в Экипажеской экспедиции и Адмиралтейской конторе с 1748 по 1756 г. Всего им за этот период времени было оформлено 38 341 дело. 16 ноября 1766 г. состоялось определение Адмиралтейств-коллегии, предписавшее сдать вышеуказанные дела в архив «по алфавиту». 4 декабря 1766 г. А.А. Леханов направил рапорт в Адмиралтейств-коллегию о получении указа о сдаче в архив дел за прошлые годы.

5 марта 1767 г. в Адмиралтейств-коллегию пришло письмо: «Доносит бывшего при оной коллегии в Счётной экспедиции бухгалтера Алексея Леханова дочь его родная Марфа. Отец мой 4 марта волею Божией умре, а после осталась я, низжайшая, с одной мачехой своей, покойного отца моего женою. Прошу заслуженное отцом жалованье выдать мне для поминовения души ево». О том, что Марфа родная дочь А.А. Леханова, засвидетельствовал копиист Дмитрий Белоусов. Он же сделал приписку, что, кроме мачехи, Анны Алексеевой, других близких и законных наследников бывшего бухгалтера А.А. Леханова не осталось²⁶¹. Прежде чем выплатить дочери и вдове причитающееся заслуженное жалованье А.А. Леханова, Адмиралтейская коллегия через генерал-аудитора проверила, не имеется ли у бывшего бухгалтера Счётной экспедиции неоформленных счетов и денежных начётов. Ревизией документально было установлено, что их не имелось в наличии. По произведённым расчётам оказалось, что законным наследникам следовало выплатить за январскую треть и по день отставки 19 апреля с учётом удержания суммы на содержания госпиталей и покупку медикаментов. Кроме того, ГАК назначила комиссию по разбору и описи дел

прошлых лет, предварительно затребовав, сколько дел успел передать в архив бывший бухгалтер А.А. Леханов. Оказалось, что уволенный А.А. Леханов передавал дела до 23 января 1767 г., вплоть до своего тяжёлого заболевания, когда он не мог по состоянию здоровья приходить на службу. В соответствии с Соборным Уложением 1649 г. заслуженное окладное должностное жалование умершего бухгалтера А.А. Леханова в размере 48 руб. 9 коп. было поделено между вдовой и дочерью: Анна Алексеева получила $\frac{1}{4}$ часть — 12 руб. $\frac{2}{4}$ коп., оставшиеся деньги в размере 36 руб. $\frac{6}{4}$ коп. выплатили его дочери Марфе²⁶².

Так печально завершилось дело уволенного в отставку от штатской службы бухгалтера Счётной экспедиции Адмиралтейской коллегии по болезни А.А. Леханова, который не получил вышестоящий статский чин.

При царствовании Павла I неоднократно имелись случаи, когда при отставке от штатской службы заслуженному чиновнику жаловался и вышестоящий статский чин и назначалась пенсия либо в размере окладного жалования по последнему статскому чину или в половинном размере.

К примеру, 13 декабря 1797 г. самодержец объявил указ Сенату: «Снисходя на прошения Нашего тайного советника и иркутского гражданского губернатора Нагеля, увольняем его за старостию и болезнями от всех дел, за ревностную же и похвальную его сорокадвятилетнюю службу всемилостивейше жалуем его в действительные тайные советники, повелевая производить ему получаемое ныне им жалование в пенсион по смерти его»²⁶³.

Рост численности чиновников, начавшийся при правлении Екатерины II, продолжившийся и при царствовании императора Павла I, привёл к тому, что назначенной в 1764 г. пенсионной суммы (25 тыс. руб.) стало существенно не хватать. Выходом из данного положения явилась выплата пенсий по другим статьям бюджета преимущественно тех государственных учреждений, где служил увольняемый от службы отставной военный или статский чин. В именном указе монарха обязательно указывалось ведомство, платившее пенсию и соответствующая статья бюджета, например: Статс-контора, Коллегия экономии, Главная соляная контора²⁶⁴, Экспедиция государственных доходов, Коллегия иностранных дел и пр. Или указывалось отпускать из кабинетных сумм («Кабинета Нашего») ²⁶⁵, из собственной Ея Императорского Величества Вотчинной канцелярии, из Придворной конторы, из суммы адмиралтейской, из экономической банковской суммы, «из определённой для статских чинов пенсионной суммы, от Нас определённой», «из доходов, по водяной коммуникации собираемых».

Бывало предписывалось выплачивать «из суммы на таковые пенсии по части Конской экспедиции имеющейся», «из почтовых доходов», «обратить в пенсион получаемое им жалование с прибавочным из почтовых доходов», «пенсии, получаемые из почтового правления», «из капитала Монетного департамента», «из суммы Коммисии народных училищ», «из приобретённых заводских доходов», «из Казначейства Нашего», «из пенсионной суммы, по ведомству синода определённой», «из пенсионной [Государственного заёмного] банка суммы», «из суммы, в оном банке на то определённой».

Для отставного чиновника Монетного двора пенсию указывалось выплачивать «из прибыльной на чугун суммы», для прочих пенсионеров — «из суммы, на комиссию о составлении законов Российской империи определённой». Также «производить ему пенсион по жизнь из суммы на пенсии по Берг-коллегии, от Нас назначенной», «получаемое им жалование производить ему по жизнь, выдав ему из наличной суммы в Эсконтной конторе, от учёту приобретённой, ныне единовременно годовой его оклад». Высочайший указ часто конкретизировал статью бюджета: «...из той же суммы, из которой он поныне жалование получал», или «из той суммы откуда ему... производимо было», «из воинской пенсионной суммы»²⁶⁶.

18 декабря 1797 г. Павел I повелел увеличить штатную сумму пенсии для отставных статских чинов с 25 тыс. до 120 тыс. руб. Новым штатским пенсионерам начали выплачивать пенсии с 1 января 1798 г.²⁶⁷.

Установленные с 12 марта 1798 г. размеры пенсий уволенных в отставку гражданских губернаторов, сенаторов в статских чинах действительный тайный советник (4000 руб.) и тайный советник (2250 руб.) на год²⁶⁸ в десятки раз превосходили пенсии канцелярских служащих.

С 25 апреля 1800 г. в тексте именных указов выражение «по смерть его» было заменено на «по жизнь». К примеру, 25 апреля 1800 г. монарх издал указ, предписавший Сенату: «За болезнями увольняя от службы действительного статского советника и члена почтового правления Майкова, всемилостивейше повелеваем: из сумм онаго правления производить ему в пенсион по жизнь, получаемое им ныне [окладное] жалованье»²⁶⁹.

В некоторых случаях пенсия при отставке для статского чина заменялась пожалованием недвижимого имущества, равного получаемому совокупному денежному доходу. Так, 8 октября 1800 г. из Гатчины был объявлен указ самодержца Сенату: «Надворному советнику Сибургу взамен положенного ему из Кабинета пенсионна и жалованья четырёх тысяч рублей в год всемилостивейше повелеваем назначить и отдать в пожизненное владение Литовской губернии из деревень бывшей Гродненской экономии число душ, равного с пенсионом и жалованьем его дохода»²⁷⁰.

При повышении в чине, к примеру, копииста (регистратора) в подканцеляриста, «за рачительное дел исправление и в письме исправность», удерживался месячный должностной оклад жалованья по новому чину и осуществлялась плата за месячные пошлины. Приём денег происходил в губернском (уездном) казначействе с выдачей плательщику квитанции²⁷¹.

Иногда император Павел I за особые заслуги перед Престолом и Российским государством награждал статского чиновника, увольняемого в отставку от штатской службы, значительной разовой денежной суммой.

К примеру, коллежский советник Экегрэн, служивший в Экспедиции государственных доходов, 2 февраля 1797 г. за долговременную и усердную службу был пожалован 5 тыс. руб., выданных ему на прожиток «из казначейств Наших»²⁷².

Или: в Митаве самодержцем был издан указ, объявивший Правительствующему Сенату: «...майору Выезжеву, бывшему в Калужской губернии уездным землемером, в уважении шестидесяти двухлетней его [военной и штатской] службы, которой более за старостию и болезнями продолжать не может, всемилостивейшее повелеваем производить в пенсион по смерти то жалованье, какое он по последнему его месту получал»²⁷³.

Иногда монарх жаловал пенсию чиновнику и его жене, которую она получала после его ухода из жизни. Так, 11 августа 1798 г. из Павловска был дан указу Сенату: «Находящегося в Онеге таможенным директором надворного советника Вульфа, всемилостивейшее увольняя от всех дел с награждением чина коллежского советника, в воздаяние за усердную и безпорочную службу его повелеваем: ныне получаемое им жалованье, по пятисот рублей на год, обратить ему в пенсион, а по смерти его производить половину онаго, по двести по пятидесяти рублей жене на пропитание»²⁷⁴. В некоторых случаях вдова статского чиновника получала полностью должностной оклад мужа.

Так, 27 ноября 1798 г. Павел I указом Сенату объявил, что «вдове бывшего в Московском губернском правлении советником коллегского советника Тихонова, всемилостивейшее повелеваем производить по смерти ея в пенсион по триста рублей»²⁷⁵.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Безупречная служба отца на благо Престола и Отечества способствовала получению пенсии его сыновьями и дочерьми²⁷⁶. К примеру, 17 февраля 1799 г. был издан указ самодержца: «В награду ревностной службы бывшего Курской палаты суда и расправы председателя тайного советника Шалыгина всемилостивейшее повелеваем производить дочери его, девице Варвары, по смерти ежегодно половину жалованья, получаемого отцем ея по месту председателя»²⁷⁷.

Некоторые заслуженные чиновники, находясь на штатной должности в учреждении, наряду с определённым окладным жалованием, получали ещё дополнительно к нему и пенсию. К примеру, 4 декабря 1798 г. Павел I указом объявил Правительствующему Сенату: «...статского советника Янковича де Мариево за многие и усердные труды по делам Коммисии народных училищ всемилостивейшее жалуем действительным статским советником, повелевая производить ему, сверх получаемого жалованья, по две тысячи рублей в ежегодный пенсион, [отпускаемый] из суммы Коммисии народных училищ»²⁷⁸.

Вместе с тем монарх мог лишиться пенсии за участие в противоправных действиях, к примеру направленных на свержение монархического строя в странах Западной Европы²⁷⁹.

Выводы: Первый русский император, направляя уволенных в отставку офицеров на вакантные штатские должности в государственные учреждения, полагал, что это являлось их наградой за предыдущую добросовестную военную службу, предписывал Правительствующему Сенату назначать прежде всего только тех, «которые много служили» и были отставлены за старостью или ранами. Тем самым для неимущих отставных офицеров армии и флота, находившихся на штатных должностях в учреждениях и получавших за службу полностью окладное должностное жалование или его половину, в основном была решена пенсионная проблема.

Отставные нижние чины и младшие командиры, служившие в штатных командах при центральных, губернских, провинциальных и уездных учреждениях, как правило, получали денежное жалование и хлебную дачу в размерах как солдаты и унтер-офицеры местных гарнизонных полков.

При приемниках Петра Великого в исключительных случаях пенсия выплачивалась и статским чинам, преимущественно иностранцам, имевшим неоспоримые заслуги и находившимся беспорочно продолжительное время на русской службе.

Важнейшим событием для статских чинов Российской империи стало 7 июля 1764 г., когда указом императрицы Екатерины II были введены пенсии в размере половинного оклада жалования по последней занимаемой должности, но только в том случае, если за время службы не произошло серьёзных дисциплинарных взысканий. Из статских чинов право на государственное пенсионное жалование имели чиновники, прослужившие 35 лет начиная с 15-летнего возраста и менее (в случае неизлечимой болезни или получения ран и увечий в процессе военной и штатской службы). Для пожалования пенсиями отставных статских чинов была определена пенсионная сумма, выделенная Екатериной II из текущих доходов Коллегии экономии в размере 25 тыс. руб. В 1797 г., в связи постоянным ростом численности отставных статских чиновников, император Павел I увеличил пенсионную сумму до 120 тыс. руб.

Кроме того, широко использовались выплаты пенсий и по другим статьям бюджета, как правило, того государственного учреждения, где проходил службу уволенный в отставку статский или военный чин.

Вышеизложенное позволяет сделать окончательный вывод, что пенсия в XVIII в. — это пожалованный монархом и только им установленный размер денежных средств от

окладного должностного жалования, полученный в основном как поощрение за продолжительную и достойную службу военного и статского чина. Пенсия являлась компенсацией взамен должностного окладного жалования или была социальным пособием, выплачиваемым по преклонному возрасту (старости), за выслугу установленных лет, за увечье (инвалидность), за утраченное здоровье, при нахождении ветерана на действительной военной и штатской службе.

¹ В именных указах монархов и приговорах Правительствующего Сената, архивных делопроизводственных материалах содержатся оба названия: статская и штатская служба.

² ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 2664. С. 23; № 3122. С. 521–522; Т. VI. № 3875. С. 478–479; № 3943. С. 641; *Бутенко В.А.* Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. М., 1911. С. 30; *Огородников В.И.* Из истории вопроса о центральных учреждениях в России при Петре Великом: (Приказы, канцелярии, коллегии). Казань, 1917. С. 3–8; *Барбашев Н.И.* К истории мореходного образования в России. М., 1959. С. 33; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105 (Документы конца XVII – начала XVIII в.). Оп. 1. Д. 271. Л. 234; РГА ВМФ. Ф. 176 (Адмиралтейская канцелярия при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 108. Л. 170, 254–255 об.; Ф. 177 (Приказ Воинского морского флота). Оп. 1. Д. 81. Л. 108 об., 109; Д. 28. Ч. I. Л. 99–104 об.; Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1. Д. 9. Л. 79–80 об., 81 об., 85 об., 89 об.; Оп. 1720 г. Д. 34. Л. 723; Оп. 1721 г. Д. 24. Л. 25–26; РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 10. Кн. 534. Л. 491 об.–492.

³ *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра Великого: Историко-юридическое исследование. М., 1875. С. 40, 69–74; МИРФ. СПб., 1880. Ч. VIII. № 146. С. 434–435; ГАНО (г. Арзамас). Ф. 1 (Арзамасское уездное казначейство). Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

⁴ *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра ... С. 91, 209.

⁵ *Павлов-Сильванский Н.П.* Бибилов, Алексей Юрьевич, генерал-рекетмейстер // РБС. СПб., 1908. Т. [3]: Бетанкур – Бякстер. С. 20–22.

⁶ ПСЗ. Т. VII. № 4613. С. 384–385; № 4671. С. 428–431; *Филиппов А.И.* История Сената в правление Верховного Тайного совета и Кабинета. Ч. I: Сенат в правление Верховного Тайного совета. Юрьев, 1895. С. 241–243.

⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2, 16–16 об., 19, 21–21 об.; Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 14–14 об.; *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском Сенатском архиве за XVIII век. 1740–1762. СПб., 1878. Т. III. С. 315; МИРФ. СПб., 1877. Ч. VI. № 104.

С. 78–79; СПб., 1879. Ч. VII. № 181. С. 551; СПб., 1883. Ч. X. № 145. С. 295–296; СПб., 1886. Ч. XI. № 87. С. 166; ПСЗ. СПб., 1830. Т. XI. № 8799. С. 926; Сенатский архив. СПб., 1904. Т. XI: Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 256, 270–271; СПб., 1910. Т. XIV: Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль–декабрь 1764 года. № 235. С. 321–323; *Дегтярёв Г.П.* Пенсионное обеспечение государственных служащих в Российской империи в XVIII–XIX веках: Исторические вехи // Пенсия. 1997. № 10 (13). С. 60.

В продолжение темы пожалования «обыкновенного пенсионера» см.: ЦАНО. Ф. 1 (Нижегородская губернская канцелярия). Оп. 2. Д. 109. Л. 146 об.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 607. Л. 145, 171, 174, 188 об.

⁹ Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Сочинение князя Ивана Михайловича Долгорукова // ЧОИДР. М., 1873. Кн. 1, янв. – март. Отд. II. С. 178.

¹⁰ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. Отд. XV. № ССХСХV. С. 419–420.

В продолжение темы см.: *К.Н.В.* Провинциальная канцелярия и черты народной русской жизни: (1719–1777) // ИВ. 1884. Т. XVIII, окт.–дек. С. 191–200; *Н.Н.* Страничка из истории русского канцеляризма // ИВ. 1887. Т. XXVIII, апр.–июнь. С. 199–207; Сенатский архив. СПб., 1901. Т. IX: Протоколы Правительствующего Сената 1753–1756 годов. С. 215–217.

А.И. Абакумов, начавший военную службу в последние годы правления императрицы Екатерины II, впоследствии сделал блестящую карьеру. Происходивший из сдаточных рекрут, он своим старанием достиг чина генерал-провиантмейстера, а в последствии, после 1820 г. и сенатора; стал действительным тайным советником и кавалером двух российских орденов. Он имел каллиграфический почерк, будучи бойким и сметливым от природы, попал в начале военной службы в полковые писари, последовательно делал карьеру, был назначен бригадным, потом дивизионным, а затем и корпусным писарем. Далее он выдержал экзамен, и получил вожделенный 14-й класс по Табели о рангах 1722 г., и с этим чином поступил

- в одну из Провиантских комиссий классным чиновником. Находясь в этой должности, он прекрасно разобрался в провиантском обеспечении армии и начал занимать одну должность за другой, пока не достиг чина управляющего Провиантской комиссией, был замечен начальством и за обширные знания, предприимчивость и расторопность к 50-м годам был назначен генерал-провиантмейстером русской армии (*Винницкий Ф.Н.* Рассказы из былого времени // *ЧОИДР. М.*, 1874. Кн. 1, янв. – март. Отд. V. С. 85). 17 октября 1799 г. состоялся сенатский приговор «О порядке представления в чины за выслугу лет и отличие», а 9 декабря 1799 г. был объявлен генерал-прокурором именной указ императора Павла I «О сроках производства дворян в чины» (ПСЗ. Т. XXV. № 19159. С. 815–816; № 19219. С. 914).
- ¹¹ ПСЗ. Т. IX. № 6299. С. 5; Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. № 56. С. 100–101; № 429. С. 742–743; № 431. С. 744; СПб., 1893. Т. 84. № 5. С. 4–5; СПб., 1898. Т. 101. № 124. С. 398–400; № 165. С. 467–468; СПб., 1905. Т. 120. № 58. С. 300; СПб., 1899. Т. 105. № 5. С. 10; № 7. С. 23, 25; № 50. С. 178, 179; № 61. С. 220–221; № 114. С. 429–432; № 130. С. 484–487; № 148. С. 557–560; Юрьев, 1900. Т. 108. № 8. С. 11–12; № 121. С. 338–339, 340–341, 342; № 126. С. 357; № 162. С. 453; Юрьев, 1901. Т. 111. № 165. С. 412; № 190. С. 502; Юрьев, 1902. Т. 114. № 26. С. 80; № 152. С. 484–485; Юрьев, 1907. Т. 126. № 66. С. 482–483; Юрьев, 1915. Т. 146. № 4. С. 25; *Веселовский Г.М.* Исторический очерк города Воронежа: 1586–1866. Воронеж, 1886. С. 82; Указатель исторических статей и материалов, помещённых в губернских ведомостях 1854 года / сост. Г.Н. Геннади // *Вятские губернские ведомости* // ВМОИДР. 1856. Кн. 23. С. 9; Черта нравов, сто лет назад: (челобитная и письмо Анны Ватазиной, 1753) // РА. М., 1867. Кн. 1, вып. 2. I. Стб. 189–191.
- ¹² 11 января 1727 г. воеводы провинций и уездных городов были подчинены губернаторам. Губернаторами в пограничные губернии назначались физически здоровые высшие и старшие офицеры, которые могли продолжительное время находиться в седле при систематических объездах территорий, чтобы они могли «ради осмотру всюду ездить...». 20 января 1727 г. в ВТС был «слушан список о воеводах...». 1 февраля 1727 г. в ВТС «имели разсуждение, чтоб в Белгородскую провинцию выбрать в вице-губернаторы доброго человека и к военным делам заобыкновенного, понеже тамошнее место от всяких случаев весьма надобно хранить [от набегов крымских татар]» (Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 63. № 15. С. 22, 23; № 30. С. 52–54; № 50. С. 81; № 82. С. 149; № 84. С. 151, 155; № 95. С. 180–181; № 96. С. 183–184; № 98. С. 185–190; № 170. С. 428–435; № 172. С. 437; № 175. С. 440).
- Однако отвечавший за строительство Украинской линии в 1731–1733 г. генерал-майор граф Дебринь на лошади ездить не мог, пешком линию не мог обойти из-за её протяжённости и проблем со здоровьем, в коляске – из-за ям и неровностей на местности (*Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства // *ЧОИДР. М.*, 1886. Кн. 4, окт. – дек. Отд. IV. С. 306). В продолжение темы назначения воевод см.: *А. К.* Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году // *Памятники новой русской истории.* СПб., 1873. Т. III. С. 270–271.
- ¹³ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719 – 27 гг. // *ЧОИДР. М.*, 1902. Кн. 3 (Двести вторая). Отд. III. С. 136–140, 143–144; Протоколы Верховного Тайного совета 1726–1730 годов // *ЧОИДР. М.*, 1858. Кн. 3, (июль – сент.). Отд. II. С. 6–7.
- ¹⁴ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого // Там же. С. 70, 85, 87–101; Сенатский архив. СПб., 1889. Т. II: Журналы и определения Правительствующего Сената. С. 102, 106; Сб. РИО. Т. 105. № 21. С. 70–72; Т. 108. № 121. С. 338–339; Т. 114. № 26. С. 80; Юрьев, 1909. Т. 130. № 62. С. 535–537.
- ¹⁵ Протоколы Верховного Тайного совета ... С. 110; Аксаков Пётр Дмитриевич // РБС. СПб., 1896. Т. [1]: Аарон – Император Александр II. С. 96; Аксаков Михаил Николаевич // Там же. 97; *С-в. Д.* Апухтин Аким Иванович, генерал-лейтенант // Там же. СПб., 1900. Т. [2]: Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 259; *В.Ф.* Бредихин Александр Фёдорович, смоленский губернатор // Там же. Т. [3]. С. 339–340; Оболенский, князь Александр Андреевич, архангельский вице-губернатор и губернатор // Там же. СПб., 1905. Т. [12]: Обезьянинов – Очкин. С. 19; *Артамонов Н.* Поскочин Никита Васильевич, генерал-майор, белгородский комендант // Там же. СПб., 1905. Т. [14]: Плавильщиков – Примо. С. 602; Биографический очерк графа В.Г. Орлова, составленный внуком его, графом В.П. Орловым-Давыдовым // РА. 1908. Кн. 2, вып. 7. С. 304; Сб. РИО. Т. 84. № 5. С. 4–5; Т. 108. № 8. С. 11–12.
- В продолжение темы см.: Сенатский архив. Т. II. С. 359, 360, 363, 364–365, 435, 439–440, 489–491, 521, 546, 556–557, 611, 619, 630.
- Эта тенденция в назначении сохранилась и при императрице Екатерине II: Капище моего сердца ... // *ЧОИДР. М.*, 1872. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 1–2, 56–57; Кн. 4, окт. – дек. Отд. II. С. 65, 67–68, 72; Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1891. Ч. I. С. 31, 33.
- ¹⁶ Сб. РИО. Т. 63. № 105. С. 205–206; № 114. С. 229; № 120. С. 239–240, 241; № 122. С. 244–245; № 146. С. 374; № 195. С. 466; № 210. С. 508;

- Т. 69. № 49. С. 81–82; № 52. С. 94; № 58. С. 101–102; № 62. С. 107; № 69. С. 119–120; № 70. С. 122; № 173. С. 279; № 188. С. 295; № 210. С. 339; № 212. С. 341; № 318. С. 511; № 328. С. 517, 518; № 332. С. 522–523; № 431. С. 744; № 434. С. 747; СПб., 1893. Т. 84. № 4. С. 3–4; № 6. С. 5–6; № 12. С. 25; № 14. С. 27–28; № 32. С. 58; № 80. С. 212–213; № 83. С. 218; № 91. С. 237; № 92. С. 239; № 94. С. 241; № 111. С. 278; № 176. С. 502; № 182. С. 506–512; СПб., 1900. Т. 107. № 48. С. 139; № 62. С. 187–188; № 98. С. 294–295; № 99. С. 295–296; № 171. С. 486–487; № 185. С. 539; Запрос и ответ о справочных ценах хлебу в 1717 и 1718 г. // Историко-юридические акты переходной эпохи XVII – XVIII веков, собранные К.П. Победоносцевым // ЧОИДР. М., 1886. Кн. 4, окт.–дек. Отд. I. С. 226–227; К родословной Воронцовых / сообщ. Н.П. Чулков // РА. 1898. Кн. 1, вып. 2. С. 291; *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век: 1725 – 1740. СПб., 1875. Т. II. С. 321, 331; Ярцов Борис Иванович, связжский воевода // РБС. СПб., 1913. Т. [25]: Яблоневский – Фомин. С. 190; *Дубасов И.И.* Шацкая провинция в 30-х годах прошлого века // ИВ. М., 1896. Т. LXV, июль–сент. С. 465.
- ¹⁶ *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Т. II. С. 65.
- ¹⁷ Протоколы Верховного Тайного совета ... С. 101.
- ¹⁸ ПСЗ. Т. V. № 2798. С. 98; МИРФ. Ч. VII. № 237. С. 675–676; *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 годы. СПб., 2001. С. 322, 324.
- ¹⁹ В продолжение темы злоупотреблений при чиновно-производстве отпрысков знатных дворян в офицеры см.: *Кротов П.А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1999. С. 590.
- ²⁰ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого // Там же. С. 260–261.
- ²¹ Сб. РИО. Т. 69. № 397. С. 675.
- ²² Там же. № 427. С. 740.
- ²³ *Вахрамеев И.А.* Акты Угличской провинциальной канцелярии: (1719–1726 гг.) // Труды Ярославской учёной Архивной комиссии. М., 1908. Кн. 5, т. I. С. XIV; Отд. I. № 13. С. 10.
- ²⁴ Там же. № 44. С. 35.
- ²⁵ МИРФ. Ч. VII. № 22. С. 61.
- В продолжение темы см.: *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Н. Новгород, 2002. С. 447–448.
- ²⁶ МИРФ. Ч. VII. № 22. С. 75.
- В продолжение темы см.: РГА ВМФ. Ф. 218 (Обер-сарваерская контора при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 127. Ч. I. Л. 8.
- ²⁷ МИРФ. Ч. VII. № 62. С. 112.
- В продолжение темы см.: 1753 – 1754 гг. О мышах в Московском Потешном дворце и о покупке для их истребления кошек и пастей // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 2 (Двести первая). Отд. IV. С. 45–46.
- ²⁸ МИРФ. Ч. VII. № 62. С. 264–265.
- ²⁹ ПСЗ. Т. VI. № 3966. С. 653–654; № 4097. С. 775–776; *Ден В.Э.* Население России по пятой ревизии: Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. М., 1902. Т. II, ч. II. С. 20–25.
- ³⁰ ПСЗ. Т. VII. № 4620. С. 386.
- ³¹ *Корсакова В.* Нестеров Александр Яковлевич, обер-фискал // РБС. СПб., 1914. Т. [11]: Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 252–253; ПСЗ. Т. IV. № 2331. С. 643–644; Копии с писем блаженные и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1700 по [1]725-й год / сообщ. действ. чл. архимандрит Леонид // ЧОИДР. М., 1881. Кн. 4, окт.–дек. Отд. II. С. 27.
- ³² ПСЗ. Т. VII. № 4170. С. 25–26.
- В продолжение темы см.: Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтгильфа Фоккеродта // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. IV. С. 32–34.
- ³³ ПСЗ. Т. VII. № 4602. С. 372–373.
- ³⁴ *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра ... С. 116, 133, 134.
- 27 июня 1729 г. ВТС постановил распределить вызванных из губерний провинциал-фискалов и фискалов, годных в военную службу, и уволить в отставку не пригодных к ней с отпуском к месту жительства и внесения их в Валовый список (Сб. РИО. Т. 101. № 118. С. 360–372).
- ³⁵ Цит. по: *Краснобаев Б.И.* Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1972. С. 53.
- ³⁶ РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 1. Л. 25–32; Д. 75. Л. 177–177 об., 198–198 об.
- ³⁷ ПСЗ. Т. V. № 2937. С. 176.
- ³⁸ МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. С. 541, 622; *Семевский М.И.* Царица Прасковья: 1664 – 1723. СПб., 1883. С. 33; *Шубинский С.Н.* Русский помещик XVIII столетия // Очерки из жизни и быта прошлого времени. СПб., 1888. С. 128–129.
- Окончивший в последние годы правления императрицы Екатерины II Морской шляхетный кадетский корпус подполковник барон Владимир Штейнгель, будущий декабрист, писал, что со времён Петра Великого, по установившейся традиции, «способ исправления [не успевающих в науках] состоял в истинном тиранстве. Капитаны [учебных рот], казалось, хвастались друг перед другом, кто из них бесчеловечнее и безжалостнее сечёт кадет. Каждую субботу подавались ленивые [ученики] сотнями, и в дежурной комнате целый

- день вопль не прекращался...» (*Галушко Ю.А., Колесников А.А.* Школа российского офицерства : ист. справочник. М., 1993. С. 48).
- ³⁹ *Подъяпольская Е.П.* К вопросу о формировании дворянской интеллигенции в первой четверти XVIII в.: (по записным книжкам и «мемориям» Петра I) // *Дворянство и крепостной строй России* : XVI – XVIII вв. М., 1975. С. 186.
- ⁴⁰ *Нащокин В.А.* Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. С. 2, 4 ; *Вебер Ф.Х.* Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // РА. 1872. Кн. 2, вып. 7, 8. Стб. 1414 ; *Кротов П.А.* Российский флот на Балтике ... С. 599–600.
- Телесные наказания учеников были обычным явлением не только в военно-учебных заведениях Российской империи в XVIII в., но и в частных дворянских пансионах (Записки Льва Николаевича Энгельгардта : 1766 – 1836. М., 1867. С. 7). В последней трети XVIII в. нравы несколько смягчились и физическим наказаниям подвергались только малолетние учащиеся Морского шляхетного кадетского корпуса и Инженерного шляхетного кадетского корпуса (МИРФ. Ч. XI. № 330. С. 725–726 ; Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная : 1764 – 1787. Ч. 1-я // ЧОИДР. М., 1885. Кн. 1, янв. – март. Отд. I. С. 16).
- ⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 220 (Провиантская контора при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 106. Л. 125–125 об., 129–130.
- ⁴² *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого // Там же. С. 173–192 ; То же // Там же. Кн. 4 (Двести третья). Отд. III. С. 217, 221–237.
- ⁴³ ПСЗ. Т. VI. № 3917. С. 515.
- ⁴⁴ Там же. Т. V. № 3245. С. 597.
- ⁴⁵ *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 202.
- ⁴⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия князя А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 6739. Л. 1.
- ⁴⁷ *Ключков М.В.*: 1) Крестьяне и крепостное право в России // Книга для чтения по истории Нового времени. М., 1911. С. 579–581 ; 2) Как генералы при податной реформе Петра I сделали «переписчиками» // РС. 1907. Т. 129, март. С. 551–556 ; Сб. РИО. Т. 101. № 101. С. 305.
- ⁴⁸ *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Опись именным высочайшим указам и повелениям царствования императора Петра Великого : 1704 – 1725. СПб., 1872. Т. I. С. 133 ; *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство ... С. 419.
- ⁴⁹ *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке : Численность и этнический состав. М., 1990. С. 77.
- ⁵⁰ *Журавский Д.П.* Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 г. СПб., 1859. С. 12–13 ; *Князьков С.А.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. Репринт 1914 г. М., 1990. С. 291.
- ⁵¹ *Анисимов Е.В.*: 1) Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России, 1719 – 1728 гг. Л., 1982 ; 2) Рождение империи : Власть и реформы при Петре Великом // Власть и реформы : От самодержавной к советской России. СПб., 1996. Ч. II. С. 151.
- Число всех податных мужского пола лиц составило 5 млн. 198 тыс. чел. (Россия при Петре ... С. 113).
- ⁵² *Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий. СПб., 1889. С. 41 ; *Зябловский Е.Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем её состоянии. СПб., 1808. Кн. I, ч. III. С. 91–92.
- ⁵³ Сведения на декабрь 1721 г. (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1721 г. Д. 9. Л. 534 об.).
- ⁵⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3873. С. 472.
- ⁵⁵ Предисловие // Известие о начале, учреждении и состоянии регулярного войска в России, с показанием перемен, какия по временам и обстоятельствам в оном производимы были // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. С. II.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т. VII. № 4533. С. 317.
- ⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 235 (Контора по строению канала Петра I, гаваней и зданий в г. Кронштадте). Оп. 1. Д. 268. Л. 23 ; ПСЗ. Т. VII. № 4708. С. 463.
- ⁵⁸ Крестьяне дворцовые, помещичьи и синодального ведомства должны были, кроме того, соответственно с государственными и другими категориями платить особые оброки по принадлежности во дворец, помещикам и Святейшему Синоду.
- ⁵⁹ *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России : С начала XVIII до конца XIX. М., 1998. С. 141, 142 ; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 56. № 142. С. 292–300 ; № 234. С. 513.
- ⁶⁰ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1730 г. Д. 1. Л. 445 ; Д. 10. Л. 423 ; Д. 12. Л. 703–703 об. ; Д. 14. Л. 54 ; Ф. 2013 (Коллекция документов Нижегородской губернской учёной Архивной комиссии). Оп. 602. Д. 1146. Л. 63 ; Сб. РИО. Т. 101. № 54. С. 158–163 ; Представление об утеснениях народа от подушного сбора (1733 г.) / сообщ. А.Н. Филиппов // ЧОИДР. М., 1907. Кн. 2 (Двести двадцать первая). Отд. V. С. 29–38.
- ⁶¹ ПСЗ. Т. VII. № 5010. С. 734–736 ; № 5017. С. 744–750 ; № 5033. С. 758–761 ; Т. VIII. № 5221. С. 1–2.
- ⁶² ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1730 г. Д. 1. Л. 22, 425 ; Оп. 2. 1731 г. Д. 3. Л. 80, 163–163 об., 333, 365, 580 ; Оп. 2. 1732 г. Д. 7. Л. 348, 430, 471 ; Оп. 2. 1733 г. Д. 8. Л. 99, 343 ; Д. 9. Л. 145, 195–195 об., 699, 1257 ; Оп. 2. 1734 г. Д. 10. Л. 8, 261, 262, 848–848 об., 850 об. ; Д. 11. Л. 109, 453, 511 ; Оп. 2. 1735 г. Д. 14. Л. 183–183 об., 353, 462–463, 464, 536–536 об. ; Оп. 2. 1736 г. Д. 19. Л. 64–64 об., 336, 337, 440–440 об., 530 ; Оп. 2. 1740 г. Д. 26. Л. 112–112 об., 182–182 об., 247–248 ; Оп. 2. 1742 г. Д. 27. Л. 424–425 об. ; Оп. 2. 1743 г. Д. 30. Л. 300–300 об., 429–430.

Подсчёты наши.

⁶³ *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 326–327; МИРФ. Ч. VII. № 62. С. 259–260; Ч. VIII. № [91]. С. 203; Сб. РИО. Т. 120. № 37. С. 163–167.

«Ведомость о числе морских служителей, обретающихся в губерниях и провинциях для высылки к адмиралтейству денежной казны, 1732 года» свидетельствует о нахождении в командировках капитан-лейтенанта, 12 лейтенантов, 11 унтер-лейтенантов, комиссара, 9 мичманов, 27 унтер-офицеров, 254 солдата и 50 счётчиков (МИРФ. Ч. VII. № 78. С. 284–285).

⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Кол. 95 (Документы по истории русского флота). Оп. 1. Д. 17. Л. 241–243.

⁶⁵ Там же. Л. 240.

В продолжение темы см.: МИРФ. Ч. VII. № 181. С. 579–582.

⁶⁶ Там же. № 161. С. 470; № 237. С. 748; Ч. VIII. № 57. С. 136–138; СПб., 1886. Ч. XI. № 60. С. 72–74; № 87. С. 130; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Т. II. С. 114.

31 октября 1726 г. Екатерина I повелела нанять в Германии трёх специалистов, которые могли выбирать для заготовления корабельные леса «в какое время оные леса рубить» (Сб. РИО. Т. 56. № 158. С. 314–316; № 175. С. 349; № 196. С. 376; № 207. С. 415).

⁶⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1735 г. Д. 14. Л. 108.

⁶⁸ МИРФ. Ч. VII. № 78. С. 284; Ч. VIII. № 2. С. 2–6; № 4. С. 7–10; № 57. С. 62; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1735 г. Д. 14. Л. 263.

⁶⁹ *Масловский Д.Ф.* Строевая и полевая службы русских войск времён императора Петра Великого и императрицы Елизаветы: Историческое исследование. М., 1883. С. 89; *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 174, 296; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1735 г. Д. 14. Л. 308, 311–315 об.

⁷⁰ Сб. РИО. Т. 114. № 151. С. 471.

Цитата по: ПСЗ. Т. XI. № 6872. С. 729.

⁷¹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1732 г. Д. 6. Л. 5–5 об.

⁷² ПСЗ. Т. XI. № 6872. С. 727; Сб. РИО. Т. 108. № 59. С. 202–203.

⁷³ Там же. Т. 111. № 128. С. 312.

⁷⁴ Там же. № 129. С. 313.

⁷⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1740 г. Д. 25. Л. 235, 282, 288, 289, 307, 340; Д. 26. Л. 116–116 об., 610, 651–651 об.; Оп. 2. 1742 г. Д. 27. Л. 300; *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России. С. 142, 144, 145; Сб. РИО. Т. 114. № 98. С. 303; № 124. С. 383–384.

⁷⁶ *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 176.

Юстиц-коллегия докладывала Сенату, что «в Нижегородском надворном суде некий вор», Никита Козёл, сказал за собою «слово»; между тем «послать

его в Преображенский приказ не с кем», так как солдат в Нижнем мало, да и те стоят вместе с определёнными по штату суда «разсылщиками на караулах безменно» (*Филиппов А.И.* История Сената ... Ч. I. С. 370).

⁷⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1731 г. Д. 3. Л. 535, 556; Оп. 2. 1734 г. Д. 11. Л. 53, 121, 283; Д. 12. Л. 55, 56, 729; Оп. 2. 1735 г. Д. 14. Л. 358; Д. 15. Л. 75, 146; Оп. 2. 1736 г. Д. 17. Л. 178, 383, 385, 413, 465–466, 668–669, 976; Д. 18. Л. 1167–1167 об.; Д. 19. Л. 499–499 об., 655, 1007; Д. 20. Л. 106–106 об.; Оп. 2. 1739 г. Д. 23. Л. 341; ОДАММ. СПб., 1895. Т. VII. С. 502; Сб. РИО. Юрьев, 1906. Т. 124. № 62. С. 407–409.

⁷⁸ Они обслуживали саму Губернскую канцелярию, Камерирскую контору для сбора доходов, Надворный суд, Крепостную контору, магистрат, таможню, Кабацкую контору, конскую избу (*Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. 3-е изд. Н. Новгород, 2005. С. 133–134).

⁷⁹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1733 г. Д. 9. Л. 985.

Подсчёты наши. Однако среди них находилось 44 «негодных, старых и дряхлых» рассыльщика, поэтому происходила «остановка в делах» и губернатор просил прислать ещё отставных нижних чинов (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1734 г. Д. 12. Л. 598–599 об.).

⁸⁰ Там же. Оп. 2. 1733 г. Д. 8. Л. 280–280 об.; Д. 9. Л. 621–621 об.; Оп. 2. 1734 г. Д. 11. Л. 283; Д. 12. Л. 55, 56, 729; Оп. 2. 1735 г. Д. 15. Л. 75, 146, 287.

⁸¹ Там же. Оп. 2. 1731 г. Д. 3. Л. 535.

⁸² Там же. Оп. 2. 1736 г. Д. 19. Л. 151; Д. 20. Л. 39; Оп. 2. 1740 г. Д. 26. Л. 610; Оп. 2. 1742 г. Д. 27. Л. 155.

⁸³ Там же. Оп. 2. 1733 г. Д. 8. Л. 640.

27 октября 1740 г. был издан указ малолетнего императора Иоанна VI о невзыскании с обретающихся в Новгороде отставных драгун, солдат и сторожей поземельных денег за находящиеся в их пользовании участки (*Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Т. III. С. 2).

⁸⁴ Сенатский архив. СПб., 1901. Т. IX. С. 174.

Подсчёты наши.

В то же время в русских семьях всех сословий рожали много – 16–20 чел. Примерно половина из них умирала. Суровый климат, недостаточно внимательный уход, отсутствие врачебной помощи приводили к высокой смертности (*Елисеева О.И.* Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 339–340).

⁸⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1738 г. Д. 22. Л. 546, 850–850 об.; Оп. 2. 1740 г. Д. 26. Л. 4, 104–111, 116–118 об., 257–257 об., 311; Оп. 2. 1742 г. Д. 27. Л. 573–573 об.; Ф. 579 (Нижегородский Вознесенский Печерский мужской монастырь). Оп. 604. 1744 г. Д. 3. Л. III, 1–154; Оп. 589-а. 1763 г. Д. 1. Л. 113–113 об.

- ⁸⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 2. 1733 г. Д. 8. Л. 211–212 об.
- ⁸⁷ 1 копейка = 2 деньги.
- ⁸⁸ *Петрухи́нцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны. С. 177–178; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1735 г. Д. 14. Л. 571–571 об.; Оп. 2. 1740 г. Д. 26. Л. 171–171 об.; Сб. РИО. Т. 120. № 3. С. 12.
- ⁸⁹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1736 г. Д. 18. Л. 921–921 об., 926–926 об.
- ⁹⁰ Там же. Д. 19. Л. 459–459 об.
- ⁹¹ Там же. Д. 18. Л. 675, 895–895 об.
- ⁹² Там же. Д. 19. Л. 459–471 об.
- Подсчёты наши.
- ⁹³ Рекетмейстер – статс-секретарь, принимавший в канцелярии прошения (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. М., 2005. Т. IV (Р – Я). С. 90).
- ⁹⁴ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1739 г. Д. 24. Л. 442.
- Для сравнения: в 1722 г. в губернской канцелярии председательствовал вице-губернатор, имевший воинский чин лейб-гвардии капитан-поручика; под его ведением были секретарь, 4 канцеляриста, 8 копиистов и 3 сторожа (*Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории ... С. 133).
- ⁹⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1736 г. Д. 19. Л. 970.
- ⁹⁶ Таблица составлена нами по данным: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1740 г. Д. 25. Л. 302; ПСЗ. Т. VIII. № 5689. С. 376; *Россов, капитан.* Исторический очерк призрения отставных военных чинов в прошлом веке и в начале нынешнего столетия // ВС. 1863. № 4. С. 381.
- ⁹⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1740 г. Д. 25. Л. 302.
- ⁹⁸ Там же. Д. 26. Л. 116–118 об.
- ⁹⁹ Там же. Оп. 2. 1743 г. Д. 30. Л. 79–79 об.
- ¹⁰⁰ Сб. РИО. Т. 126. № 62. С. 447.
- ¹⁰¹ Там же. № 19. С. 115–116.
- В продолжение темы см.: Там же. № 64. С. 418.
- ¹⁰² Там же. № 35. С. 234.
- ¹⁰³ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1739 г. Д. 24. Л. 420.
- ¹⁰⁴ МИРФ. Ч. VIII. № 123. С. 394; № 146. С. 419, 435–437; № 150. С. 486–487; № 154. С. 492; № 156. С. 493; № 179. С. 511; № 192. С. 533–534.
- Сборы денежных средств на оплату расходов Морского ведомства продолжались и во второй половине XVIII столетия, см. «Ведомость с Нижегородской губернской канцелярии, в определённой к адмиралтейству оклад в 35 000 рублей с [1]755 по [1]772 год, итогу в 17 лет следовало получить денежной казны 59 5000 рублей, а сколько в то число получено и затем осталось донять значит ниже...» (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 105. Л. 5–6).
- ¹⁰⁵ *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России. С. 142; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1146. Л. 63.
- ¹⁰⁶ Сб. РИО. № 9. С. 62; № 12. С. 74–75; Т. 126. № 50. С. 346; № 59. С. 414–416.
- ¹⁰⁷ Там же. Т. 114. № 150. С. 472.
- ¹⁰⁸ ПСЗ. Т. XI. № 8051. С. 66.
- С 1731 по 1733 г. находился в Дворцовой канцелярии отставной майор П.И. Игнатъев, в возрасте 77 лет, владевший тремя крестьянскими дворами в Епифановском уезде, а в 1734 г. «был в Дворцовой конторе у волостных дел» капитан П.И. Шустов, 58 лет, владевший 22 душами мужского пола в Костромском уезде (РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Д. 245. Л. 15, 37).
- ¹⁰⁹ ПСЗ. Т. XI. № 8205. С. 220.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 245. Л. 9 об.
- ¹¹¹ ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589-а. 1763 г. Д. 1. Л. 114–115; ПСЗ. Т. VII. № 4899. С. 658; Т. XII. № 9340. С. 617; № 9361. С. 637–638; № 9088. С. 285–286; Т. XIII. № 9686. С. 152–154; № 9687. С. 241–242; Т. XIV. № 10411. С. 364–365; Т. XV. № 11051. С. 467; № 11156. С. 573–574; *Филиппов А.И.* История Сената ... Ч. I. С. 298, 301–302; *Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. Изд. 2-е. СПб., 1821. Ч. II. С. 50–53.
- ¹¹² Составлено нами по данным: ПСЗ. Т. XII. № 9387. С. 678–680.
- ¹¹³ Там же. Т. XLIV. Ч. I. Отд. II. Книга штатов. С. 24.
- ¹¹⁴ Там же. Т. XII. № 8880. С. 29–30.
- ¹¹⁵ *Чистович Я.А.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 638.
- ¹¹⁶ *Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. С. 70.
- ¹¹⁷ *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Т. II. С. 139, 232, 234, 235.
- В 30–40 годах XVIII столетия офицерам жаловались в Малороссии посполитые (общенародные) дворы (Там же. Т. III. С. 56, 57, 64, 71).
- ¹¹⁸ Записки Льва Николаевича ... М., 1867. С. 3–4; *Холмогоров В.И. и Г.И.* Город Звенигород: ист. очерк // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. I. С. 64; *Ратынский Н.А.* Историческая справка по поводу празднования орловским дворянством столетия со дня пожалования дворянской грамоты // РА. 1885. Кн. 2, вып. 5. С. 166–176.
- ¹¹⁹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. 1739 г. Д. 24. Л. 442.
- ¹²⁰ *Батьковский А.М.* и др. Военная финансово-экономическая служба России: история и современность. М., 2003. С. 65; *Тиванов В.В.* Финансы русской армии: (XVIII век – начало XX века). М., 1993. С. 36–38.
- ¹²¹ ПСЗ. Т. V. № 2879. С. 138–140.
- ¹²² РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 607. Л. 145, 171, 174, 188, 323–323 об., 329–329 об., 332–332 об.; Оп. 4. Кн. 190. Л. 1–1 об.
- ¹²³ Подсчитано нами и составлена таблица по данным: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–96 об.
- ¹²⁴ Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 4, окт. – дек. Отд. V. С. 68–69.

- ¹²⁵ ПСЗ. Т. XIII. № 9619. С. 62–64; Архив СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 30. Л. 1–44 об.
- ¹²⁶ Филиппов А.И. История Сената ... Ч. I. С. 318–319, сн. 20; Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра ... С. 68; ПСЗ. Т. XV. № 11294. С. 753–754.
- ¹²⁷ Там же. Т. XI. № 8499. С. 558–559; Ден В.Э. Население России ... С. 17.
- ¹²⁸ ПСЗ. Т. XIX. № 13716. С. 402; № 13964. С. 740; Т. XXVI. № 19507. С. 253–255.
- ¹²⁹ Там же. Т. XIV. № 10314. С. 246–247.
- ¹³⁰ Там же. Т. XX. № 14726. С. 613–614.
- ¹³¹ Там же. Т. XXI. № 15792. С. 982.
- ¹³² Там же. Т. XX. № 14392, ст. 257. С. 256; Т. XXIII. № 17283. С. 609–611; Т. XXVI. № 19281. С. 38; № 19469. С. 194.
- Вещевое обеспечение личного состава штатных команд производилось за счёт доходов «штатных» (штатных) казначейств и «из суммы, на чрезвычайные по губернии расходы ассигнуемой». Цвет ткани должен был соответствовать цвету мундиров, установленных для каждой губернии Российской империи (Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 406). С 16 января 1783 г. провиант и фураж для штатных команд закупался по справочным или торговым ценам (ПСЗ. Т. XXI. № 15175. С. 157; № 15574. С. 736; № 15637. С. 796–797; Т. XXII. № 16522. С. 830; Т. XXIII. № 16854. С. 125; Т. XXV. № 18699. С. 409; Т. XXVI. № 19449. С. 172; № 19687. С. 437).
- ¹³³ Архив князя Вяземского. Князь Андрей Иванович Вяземский. М., 1881. С. 81.
- ¹³⁴ ПСЗ. Т. XXII. № 16258. С. 451.
- ¹³⁵ Там же. № 16473. С. 730–731.
- В продолжение темы назначения отставных нижних чинов и унтер-офицеров, направленных в счётчики см.: 23 декабря 1800 г. // Именной список служивших в бывших гатчинских полках и батальонах нижним чином и рядовым, которые ныне в отставке и особо кои находятся в разных командах при должностях, выпущенные для определения в счётчики // Сенатский архив. СПб., 1888. Т. I: Именные указы императора Павла I. С. 697–698.
- ¹³⁶ ЦАНО. Ф. 570 (Нижегородская Духовная консистория). Оп. 552. 1727 г. Д. 113. Л. 1–1 об.); Чужбинский А.С. Очерки прошлого: Стоянка в Дымогаре (Дон-Жуан) / ВС. 1862. № 9. Т. XXVII. Отд. II. С. 185.
- ¹³⁷ Тиванов В.В. Финансы русской армии. С. 40; ЦАНО. Ф. I. Оп. 2. 1736 г. Д. 21. Л. 112; Известие о походе Симеона Степанова сына Пишчевича, генерал-майора и кавалера ордена Св. Георгия, о его рождении, жизни, воспитанию, науке, зачатю службы, преселения в далнюю страну, происхождение дел военных и о случившихся с ним по судам разных счастья и несчастий. Пысал сам собственною своею рукою, собирал из разных прежних своих записок и продолжал до 1785 года // ЧОИДР. М., 1881. Кн. 4, окт. – дек. Отд. I. С. 164.
- ¹³⁸ МИРФ. СПб., 1881. Ч. IX. № 203. С. 461–462.
- ¹³⁹ Источник не сообщает состав и структуру капральства инвалидной команды. К примеру, в каждое корабельное капральство матросских артелей приписывались 1–2 унтер-офицера, 1–2 капрала и от 45–51 рядовых (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 236. Л. 360).
- ¹⁴⁰ ПСЗ. Т. XIII. № 9779. С. 326–328.
- В продолжение темы см. также: МИРФ. Ч. X. № 78. С. 85–89.
- ¹⁴¹ Сб. РИО. СПб., 1876. Т. 18. № 21. С. 91.
- ¹⁴² Шумигорский Е.С. Из записной книжки историка. Россия и немцы // ИВ. 1914. Т. CXXXVII, июль–сент. С. 1001.
- В продолжение темы пруссофильства императора Петра III см.: Записки императрицы Екатерины Второй (1751–1758) // ИВ. 1906. Т. CV, июль–сент. С. 40, 44; Моран П. Павел I до восшествия на престол (1754–1796 гг.) / пер. с фр. Н.П. Ширяевой. М., 1912. С. 9, 22; Ковалевский П.И. Император Пётр III. Император Павел I: Психиатрические эскизы из истории. СПб., 1909. Т. I. С. 18, 21–23; Рюльер де. История и анекдоты революции в России в 1762 году. М., 1909. С. 27–30.
- ¹⁴³ Письма к разным лицам, заметки и наброски мыслей государыни императрицы Екатерины II-й // РА. 1866. Вып. 1. Стб. 62.
- В продолжение темы см.: Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II // ЖМНП. 1904. Ч. CCCLI, янв. Отд. II. С. 55; Письма и рескрипты Екатерины II-й к московским главнокомандующим // РА. 1872. Вып. 2. Стб. 281, 299; Сенатский архив. СПб., 1909. Т. XIII: Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль – декабрь 1763 и январь 1764 г. № 390. С. 489.
- ¹⁴⁴ Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 3.
- ¹⁴⁵ ПСЗ. Т. XI. № 8491. С. 553–554; Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. М., 1837. Ч. I. С. 109–111.
- ¹⁴⁶ Шумигорский Е.С. Придворное войско в России // ИВ. 1899. Т. LXXVIII, окт. – дек. С. 650–652; Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII: Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 333; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. II. С. 7–8.
- Лейб-гвардия получила от Елизаветы Петровны в потомственное владение земли и поместья, принадлежащие раньше графу Михаилу Головкину и князю Александру Меншикову (Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1889. Вып. I. С. 110; Письма императрицы Екатерины

- Великой к фельдмаршалу графу Петру Семёновичу Салтыкову. 1762–1771. С подлинников, хранящихся в библиотеке Петра Ивановича Мятлева // РА. 1886. Кн. 3, вып. 9. С. 26–27).
- ¹⁴⁷ ПСЗ. Т. XVI. № 11654. С. 61.
- В продолжение темы пожалования пенсиями отставных лейб-компанейцев см.: Сенатский архив. Т. XII. С. 416; 200-летие Кабинета Его Императорского. 1704 – 1904 : историческое исследование. СПб., 1911. С. 339.
- ¹⁴⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 78. Л. 123–127; Д. 79. Л. 37, 99 об.–100; Д. 80. Л. 47, 48, 82–83 об.
- ¹⁴⁹ Ковалевский П.И. Император Пётр III. I. С. 33.
- ¹⁵⁰ Таблица составлена (подсчёты наши) нами по данным: Сенатский архив. СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 60. С. 96–106.
- ¹⁵¹ По именному указу от 12 марта 1763 г. полковник Григорий Съедин находился под следствием. Поэтому пенсия ему выплачивалась в половинном размере. В продолжение темы следствия над полковником и вице-сержантом лейб-компаний Г. Съединным см.: Протоколы Правительствующего Сената 1757 года // Сенатский архив. СПб., 1903. Т. X. С. 133.
- ¹⁵² Пенсия выплачивалась по прежнему воинскому чину поручика.
- ¹⁵³ Пенсия выплачивалась по воинскому чину поручика.
- ¹⁵⁴ ПСЗ. Т. XVII. № 12642. С. 689–681.
- В продолжение темы см.: Из семейного архива Неёловых // РА. 1910. Кн. 1, вып. 2. С. 308; Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII. С. 434.
- ¹⁵⁵ Таблица составлена нами по данным (в названии сохранена орфография источника): Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. II. С. 703–705.
- ¹⁵⁶ Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н. История России. С. 137–138; Алексеевский Б. Орлов, князь Григорий Григорьевич, генерал-аншеф, генерал-фельдцейхмейстер артиллерии // РБС. Т. : [12]. С. 349–353; А.С. Орлов, граф Иван Григорьевич // Там же. С. 355–356; Петров А. Орлов, граф Фёдор Григорьевич, генерал-аншеф, обер-прокурор Правительствующего Сената // Там же. С. 363–364; Протасов Григорий Григорьевич, сенатор // Там же. СПб., 1910. Т. [15] : Притвиц – Рейс. С. 80–81; Сенатский архив. СПб., 1904. Т. XI : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 194–196, 203; 200-летие Кабинета ... С. 359; Песков А.М. Павел I. 4-е изд. М., 2005. С. 255.
- В своих мемуарах княгиня Е.Р. Дашкова указывает, что она получила от Екатерины II только 24 тыс. руб. (Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859. С. 69–70). 10 тыс. руб. были подарены ей императрицей после того, как её родовые имения были разорены в результате продолжительной и сильной эпидемии чумы (Там же. С. 128). Затем она получила от царицы 60 тыс. руб. на покупку нового имения (Там же. С. 129). По утверждению Е.Р. Дашковой, пожалованные ей 24 тыс. руб. были использованы на выкуп долговых обязательств её покойного мужа, полковника князя М.И. Дашкова, что было исполнено Кабинетом Ея И. В. (Дашкова Е.Р. Записки. М., 1987. С. 76). Через 10 лет императрица по приезду княгини Е.Р. Дашковой в столицу прислала ей 60 тыс. руб. (Там же. С. 110).
- ¹⁵⁷ Собственноручныя расписания Екатерины II о наградах по случаю возшествия на престол и коронации // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 108–119; Ведомости о денежных наградах в первый год царствования Екатерины II // Там же. С. 132; Первые пособия Екатерины II // РА. 1864. Вып. 2. Стб. 198–201; Русский двор в конце XVIII и начале XIX столетия : (записки кн. Адама Чарторыйского). (1795 – 1803) // РС. 1906. Т. 127, июль. С. 95; Ключевский В.О. О русской истории : [сборник]. М., 1993. С. 502; Петров А. Обухов Иван Васильевич, действительный тайный советник, камергер Высочайшего двора // РБС. Т. [12]. С. 71–72; Ржевский Александр Ильич, действительный камергер // Там же. СПб., 1913. Т. [16] : Рейтерн – Рольдберг. С. 148–149; Модзалевский Б. Рославлев (Рословлёв), Николай Иванович, генерал-поручик // Там же. Пг., 1918. Т. [17] : Романова – Рясковский. С. 150–151; Сенатский архив. СПб., 1904. Т. XI : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 209, 213, 214–216, 272, 273, 275–276, 284, 285, 302, 303–304; СПб., 1907. Т. XII. С. 310, 346–347, 395–396; СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 105. С. 182–183; № 262. С. 512–513; Бильбасов В.А. История Екатерины ... С. 93–94, 508–517.
- ¹⁵⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 463.
- В продолжение темы см.: Бильбасов В.А. История Екатерины ... С. 695–696.
- ¹⁵⁹ Вейдемейер А.И. Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. I. С. 14–15; Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей ... М., 1836. Т. I. С. 138.
- Для сравнения: для 14 чел. высокопоставленных придворных и военных чинов вдов общая сумма назначенной пенсии составила 25 531 руб. 45¼ коп. (Сб. РИО. Т. 7. С. 119).
- ¹⁶⁰ Савин А.Н. Век Людовика XIV. М., 1930. С. 71; Устав о войсках морских и о их арсеналах Людовика четвертого на десять, короля французского и наваррского. СПб., 1715. С. 196–198.
- ¹⁶¹ Семёнов П.Н. Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И. Барановым // ЧОИДР. М., 1886. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. I.

- С. 96 ; Адмирал Павел Васильевич Чичагов / сообщ. Л.М. Чичагов // РС. 1883. Т. XXVIII, июнь. С. 496 ; Разказы генерала Кутлубицкого о временах императора Павла I // РА. 1866. Вып. 8–9. Стб. 1321 ; Архив графа Игельстрома. Указы императора Павла Петровича / сообщ. графом Д.А. Толстым // РА. 1886. Кн. 3, вып. 12. № 33. С. 490–491 ; Из бумаг графа Николая Петровича Шереметева. Подносимые доклады / доставлено графом С.Д. Шереметевым // РА. 1897. Кн. 2, вып. 8. С. 514, 518 ; Письма Павла Петровича к графу И.П. Салтыкову. 1781–1801 // РА. 1899. Кн. 3, вып. 9. С. 9 ; Император Павел I Лафатер : письмо, подписанное императором Павлом, генерал-лейтенанту Римскому-Корсакову. 22 сентября 1799 года // РА. 1900. Кн. 1, вып. 4. С. 491–492 ; Письмо Суворова в Военную коллегию // Кн. 2, вып. 7. С. 404 ; *Голомбиевский А.А.* Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский : (1735–1807) // РА. 1904. Кн. 2, вып. 8. С. 525 ; Письма к В.С. Шереметеву : (1794–1796) // РА. 1909. Кн. 2, вып. 6. С. 184 ; Записка Лагарпа о перчатках Павла Петровича // РА. 1911. Кн. 2, вып. 7. С. 395–396 ; Письма княгини Е.Р. Дашковой // РА. 1912. Кн. 2, вып. 7. С. 463–464 ; *Чернов А.* Челищев Александр Иванович, генерал-лейтенант // РБС. СПб., 1905. Т. [22] : Чадаев-Швитков. С. 123–124 ; *Ястребцев Е.* Энгельгардт Лев Николаевич, генерал-майор // РБС. СПб., 1912. Т. [24] : Шапов – Юшневский. С. 257–258 ; Письма императора Павла I к М.И. Ламздорфу, курляндскому губернатору, 1797 года // РС. 1893. Т. LXXX, окт. С. 380, 382, 391 ; Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. / сост. Гено А. и Томич. СПб., 1901. С. 114–115, 224, 241, 246, 252, 264 ; Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников (Саблукова, гр. Бенигсена, гр. Ланжерона, Фонвизина, княгини Ливен, кн. Чарторыйского, бар. Гейкинга, Коцебу). 2-е, доп. СПб., 1908. С. 30.
- ¹⁶² *Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди в России. С. 137.
- Цитата по: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей ... Т. I. С. 119.
- ¹⁶³ *Бильбасов В.А.* История Екатерины ... С. 504.
- Солдаты лейб-гвардейских полков, как и казаки, за участие в перевороте 28 июня 1762 г. получили по 10 руб. (Там же. V. С. 697).
- ¹⁶⁴ *Александров Г.* Екатерининские пособия-солдаты // РА. 1880. Кн. 2, вып. 5. С. 147–151.
- 26 ноября 1762 г. Екатерина II пожаловала по 50 руб. каждому 26 нижнему чину лейб-гвардии Измайловского полка (Сб. РИО. Т. 7. С. 185).
- ¹⁶⁵ ПСЗ. Т. XVI. № 11751. С. 157.
- В продолжение темы см.: Сб. РИО. Т. 7. С. 321–322.
- ¹⁶⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11769. С. 172–173 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 116.
- ¹⁶⁷ Там же. Д. 82. Л. 80.
- ¹⁶⁸ ПСЗ. Т. XVI. № 11951. С. 401–402.
- В продолжение темы см.: Там же. № 12280. С. 963 ; Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль – декабрь 1764 года. № 233. С. 312–320 ; № 236. С. 323–326.
- ¹⁶⁹ ПСЗ. Т. XVI. № 12030. С. 510 ; ЦАНО. Ф. 989 (Имение Зубатовых (с. Выползово Нижегородского уезда Нижегородской губернии). Зубатовы: Михаил Иванович, Фёдор Иванович, Иван Михайлович, Никита Михайлович, Дмитрий Фёдорович, Василий Фёдорович, Андрей Фёдорович, Иван Фёдорович, Яков Васильевич). Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2.
- ¹⁷⁰ МИРФ. Ч. XI. № 85. С. 120.
- ¹⁷¹ Разработку новых штатов Екатерина II возложила на князя Я.П. Шаховского (*Шаховской Я.П.* Записки князя Якова Петровича Шаховского ... С. 167–172).
- ¹⁷² Цитата по: ПСЗ. Т. XVI. № 12077. С. 615–616.
- Чулков Н.П.* Глебовский Иван Елизарьевич, действительный тайный советник // РБС. М., 1916. Т. [5] : Герберский – Гогенлоэ. С. 341 ; Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль – декабрь 1764 года. № 25. С. 24.
- Это тенденция была сохранена, приумножена и в последующие годы; см.: 1) Дело по предложению господина губернского прокурора Симанского об определении отставного прапорщика Михаила Рогалёва на очистившуюся в городе Перевоз стряпческую вакансию уездным стряпчим (ЦАНО. Ф. 4 (Нижегородское наместническое правление). Оп. 1. Д. 281. Л. 1–6) ; 2) Дело по сообщению лейб-гвардии Семёновского полка полковой канцелярии, при которой прислан [отставной] сержант Точилин для определения в Сергачское уездное казначейство в стряпчие (Там же. Д. 932. Л. 1–2) ; 3) Дело об определении отставного поручика Литомина в Нижегородский уездный суд вместо стряпчего Позднякова, пожелавшего освободиться от должности (Там же. 1035. Л. 1–4 об.) ; 4) Дело об определении на вакантную должность Васильского городничего отставного лейб-гвардии прапорщика Еропкина (ЦАНО. Ф. 2045 (Первый департамент Правительствующего Сената). Оп. 1881. Д. 147. Л. 1–3 ; *Макаров М.Н.* Воспоминания о коронации императора Александра I // *Кашипов В.В.* Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1871. Отд. I. С. 57).
- ¹⁷³ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 96. Л. 171 об.
- ¹⁷⁴ *Барсуков Н.П.* Дневник А.В. Храповицкого : 1782–1793. 1-е изд. СПб., 1874. С. 219.
- В продолжение темы см.: *Мурзанов Н.* Ознобишин Илья Иванович, тамбовский вице-губернатор //

- РБС. Т. [12]. С. 199 ; Письма и рескрипты Екатерины... // Там же. Вып. 3–4. Стб. 572–573 ; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 932. Л. 1–2.
- ¹⁷⁵ Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра ... С. 166.
- ¹⁷⁶ ПСЗ. Т. VII. № 5053. С. 774–775 ; Филиппов А.И. История Сената ... Ч. I. С. 376.
- ¹⁷⁷ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12, 2-й полутом. С. 518, 521 ; Бытовые черты из жизни чиновника конца прошлого столетия / сообщ. А. Слезкинский // РС. 1897. Т. 92, окт. С. 223–224 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98-а. Л. 4–4 об.
- ¹⁷⁸ ПСЗ. Т. XIX. № 13836. С. 542–543.
- ¹⁷⁹ Записки Михаила Гарновского : двор императрицы Екатерины II. 1786 – 1791 гг. / сообщ. А.И. Левшин // РС. 1876. Т. 15, апр. С. 717–718, 719 ; Императрица Екатерина II и кн. Потёмкин. Подлинная переписка : (из сборника профессора Николаевского академика Генерального штаба П.С. Лебедева). 1788 г. // Там же. Т. 16, июль. С. 448, 450–451, 453 ; Собственноручные письма и записки Екатерины II-й к А.В. Храповицкому. 1783 – 1793. М., 1872. С. 21 ; Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. М., 1863. № 62. С. 31–32.
- В 1774 г. генерал-губернатор Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерний граф П.И. Панин утвердил до нового урожая цены : в уездах, расположенных на правом берегу реки Волги, положено было продавать муку ржаную по 2 руб. 70 коп., крупу по 3 руб. 50 коп., овёс по 1 руб. 10 коп. четверть ; на левом берегу – муку по 1 руб. 80 коп., крупу по 3 руб., овёс по 80 коп., сено повсеместно не выше 6 коп. за пуд (*Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей ... М., 1836. Т. IV. С. 119).
- В продолжение темы об урожае зерновых культур, стоимости хлеба, круп и других съестных продуктов в 1769 – 1770, 1771 – 1774, 1779, 1790 годах в Нижнем Новгороде и в 1785 г. в Макарьевском округе Нижегородского наместничества см. : ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 108. Л. 161 ; Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 1–24 ; Ф. 115 (Нижегородский губернский магистрат). Оп. 34-а. Д. 63. Л. 2, 4–5 об., 14 ; Д. 106. Л. 1–2 ; Д. 282. Л. 1–1 об., 3–11, 17–24 ; Ф. 116 (Нижегородский городской магистрат). Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4 ; Оп. 34-а. Д. 71. Л. 1–31 об. ; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1480. Л. 2 об., 3 об.–4.
- Цены на деревянные и железные изделия на рынках Нижнего Новгорода по состоянию на 15 ноября 1775 г. (ЦАНО. Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 107. Л. 1–2).
- ¹⁸⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 19.
- ¹⁸¹ МИРФ. СПб., 1890. Ч. XIII. № 429. С. 460 ; Сведения о частной жизни и деяниях по гражданской и военной части графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского, извлечённые из Высочайших рескриптов и собственноручных его писем // ОЗ. 1823. Кн. XLII, ч. XVI. С. 29 ; Всеподаннейшие донесения и письма разных годов / Архив Военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского // ЧОИДР. М., 1876. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. II. С. 265–264, 272–276, 280–281, 282–283 ; *Щербатов М.М.*: 1) Ответ на вопрос : что думать следует о поступке нашего двора в разсуждении нынешней турецкой войны, какое действие она соделала к произведению шведския войны и о прочём тому подобном? // ЧОИДР. М., 1860. Кн. 1, янв. – март. Отд. II. С. 79 ; 2) Разсуждения о нынешнем в 1787 году почти повсеместном голоде, о способах оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастие // Там же. С. 82–112 ; 3) Состояние России в разсуждении денег и хлеба, в начале 1788 года, при начале турецкой войны // Там же. С. 113–134 ; Мнение, каковое по Высочайшему Ея Императорского Величества повелению собравшиеся генерал-губернаторы и правящие их должность положили, к предупреждению недостатка в хлебе по причине нынешняго неурожая // ЧОИДР. М., 1865. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. V. С. 71–74 ; Дух Екатерины II // РА. 1865. Вып. 10–11. Стб. 1279–1281 ; Письма и рескрипты Екатерины ... // Там же. Вып. 2. Стб. 261 ; Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л.Ф. Сегюра : (1785 – 1789) // РА. 1907. Кн. 3, вып. 11. С. 304, 305 ; *Щепкин В.Н.* Голода в России : исторический очерк // ИВ. 1886. Т. XXIV, апр. – июнь. С. 508–509 ; *Бржеский Н.К.* Государственные долги России : историко-статистическое исследование. СПб., 1884. С. 55 ; *Елисева О.И.* Повседневная жизнь благородного сословия ... С. 194–197, 492–493 ; Записки Михаила Гарновского // РС. 1876. Т. 15, февр. 240–241, 251 ; Там же. Апр. С. 698 ; *Державин Г.Р.* Сочинения. М., 1985. С. 413.
- ¹⁸² Собственноручные письма и записки Екатерины II-й к А.В. Храповицкому. С. 47.
- В продолжение темы развития российской лёгкой промышленности см. также : *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы ... С. 20–21.
- ¹⁸³ ПСЗ. Т. XXIV. № 17753. С. 300 ; *Бржеский Н.К.* Государственные долги ... С. 72.
- ¹⁸⁴ Архив князя Вяземского. С. 80.
- ¹⁸⁵ Цитата по : ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 116.
- Порай-Кошица И.А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века : 862 – 1796. СПб., 1874. С. 148.
- В развитие этого указа 13 апреля 1771 г. был объявлен новый указ, основанный в силе состоявшегося 31 января 1764 г. (ПСЗ. Т. XVI. № 12030. С. 510 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 100. Л. 16).

- ¹⁸⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11788. С. 211–212.
- ¹⁸⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 3–4.
- ¹⁸⁸ ОДАММ. СПб., 1898. Т. VIII. С. 473 ; ПСЗ. Т. XVI. № 11898. С. 336.
- ¹⁸⁹ Лебедев В.А. Финансовое право. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1889. Т. I. С. 273.
- ¹⁹⁰ Листки из записной книжки «Русской старины» : Александр Васильевич Суворов / сообщ. К.А. Висковатов // РС. 1876. Т. XV. С. 215–215.
- ¹⁹¹ ПСЗ. Т. XVI. № 12175. С. 790–791 ; *Порай-Кошица И.А.* Очерк истории ... С. 145–147 ; Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль – декабрь 1764 года. № 224. С. 293–296 ; К.О. Пенсии и единовременные пособия // Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Изд. второе. СПб., 1856. Т. X. С. 205–207 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 21-а ; Д. 84. Л. 65, 66–66 об., Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 307. Л. 2–10 об.
- В западноевропейских странах также назначались пенсии гражданским чиновникам Военных ведомств (*Бережков Д.И.* Призрение раненых и семейств их по узакониям государств Западной Европы и Северо-Американских штатов // ВС. 1887. № 1. Т. CLXXIII. Отд. I. С. 123).
- ¹⁹² *Баранов П.И.* Архив Правительствующего Сената. Т. II. С. 120 ; Т. III. С. 472 ; Сб. РИО. Т. 7. С. 174 ; Т. 69. № 366. С. 586–588 ; № 369. С. 592 ; № 458. С. 794 ; № 460. С. 796–797 ; Т. 111. № 160. С. 394–395 ; СПб., 1902. Т. 113. № 160. С. 395 ; Т. 130. № 76. С. 622–623.
- В продолжение темы см.: Там же. Т. 124. № 1. С. 1.
- ¹⁹³ На докладе Сената государыня наложила резолюцию: «В надежде той, что Сенат по безпорочности службы распределил сии пенсии, быть по сему».
- Таблица составлена нами (в названии таблицы сохранена орфография источника) по: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 6 об., 66–66 об. ; Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV. Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль–декабрь 1764 года. № 350. С. 467–474.
- ¹⁹⁴ Со времени правления Петра Великого существовало окладное должностное жалование по месту службы: московское и Санкт-Петербургское, которое было больше, и его размеры сохранялись в командировках (Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 309 ; 200-летие Кабинета ... С. 19, 25–26).
- ¹⁹⁵ Пенсия пожалована по прежнему чину обер-секретаря.
- ¹⁹⁶ Пенсии губернских и провинциальных чиновников были значительно меньше по размерам, чем среди канцеляристов Правительствующего Сената, коллегий и прочих центральных ведомств Российской империи. К примеру, 9 декабря 1770 г. Екатерина II на поднесенном от Правительствующего Сената докладе всемирно-лучшейше пожаловала при отставке канцеляристов Нижегородской губернской канцелярии «пенсией против положенного по штатам жалования половинным ежегодно и произведением им оного из Коллегии экономии, когда в положенной штатским чинам пенсионной сумме вакансии будут...».
- Размеры пенсий в год: надворный советник Сергей Рубцов – 187 руб. 50 коп.; поручик Иван Васильев – 60; протоколист Михаил Аронов, канцеляристы Фёдор Герасимов, Иван Лазарев – 100; бухгалтер Фёдор Гаврилов – 150; подканцелярист Данила Титов – 65 руб. (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98-а. Л. 4–4 об.).
- ¹⁹⁷ Указ императрицы Екатерины II от 16 февраля 1774 г. повелевал предоставлять сведения об отставных чинах, бывших на штатской службе и пожалованных пенсией, в правительство ежемесячно «и писать каждого порознь» (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 76).
- В продолжение темы см.: ГАОУ (г. Арзамас). Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.
- ¹⁹⁸ Пенсия пожалована по половинному должностному окладу генерал-майора (Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль–декабрь 1764 года. № 350. С. 470).
- ¹⁹⁹ *Хитрово Н.П.* Реальная попытка к улучшению положения отставных пенсионеров всех ведомств, при помощи сгруппирования их в обществе : (с историей исследования положения служилых людей в отставке с древнейших времён у нас в России). М., 1903. С. 23.
- ²⁰⁰ Сенатский архив. СПб., 1909. Т. XIII : Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль – декабрь 1763 и январь 1764 г. № 368. С. 471–472.
- ²⁰¹ Там же. СПб., 1904. Т. XI : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 205.
- ²⁰² См.: 200-летие Кабинета ... С. 376, 377, 378, 379.
- ²⁰³ Сб. РИО. Т. 7. С. 315.
- Пожалования пенсиями статских чинов за заслуги перед Престолом наблюдались и ранее, см.: Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. СПб., 1891. Т. IV. С. 514–515 ; 200-летие Кабинета ... С. 305 ; Сб. РИО. Юрьев, 1904. Т. 117. № 17. С. 39–40.
- ²⁰⁴ ПСЗ. Т. XVI. № 12175. С. 790–791.
- При царствовании Павла I 35-летний срок службы, дающий право на отставку, не всегда соблюдался по уважительным причинам. Так, указ монарха от 21 февраля 1797 г. объявлял: «служащих в Сенате Нашем – коллежского ассессора Чепелева и титулярного советника Митрофанова – по прошению их за старостию и болезнями увольняя от всех дел, всемирно-лучшейше повелеваем: в

- награждение усердной тридцатилетней службы их производить по смерть в пенсион получаемое ими жалование — первому триста пятьдесят, а второму триста рублей в год» (Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. Т. I. С. 116). В продолжение темы см.: Там же. СПб., 1901. Т. IX : Протоколы Правительствующего Сената 1753 – 1756 годов. С. 434.
- ²⁰⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 106. Л. 98.
- Из них 250 руб. за вычетом на госпиталь (Сб. РИО. СПб., 1867. Т. I. С. 331).
- ²⁰⁶ Собственноручные письма и записки Екатерины II-й к А.В. Храповицкому. С. 44.
- ²⁰⁷ ЦАНО. Ф. 60 (Нижегородская казённая палата). Оп. 239-а. Д. 9. Л. 100 ; Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 480–484 ; Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1799 г. // РС. 1884. Т. XLI, февр. С. 365, 367 ; Март. С. 626.
- В продолжение темы см.: Сенатский архив. СПб., 1901. Т. IX : Протоколы Правительствующего Сената 1753 – 1756 годов. С. 1, 2.
- ²⁰⁸ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 2527. Л. 1–4 ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 205 об. ; Д. 6. Л. 20, 293 об., 350 об.–351 ; Д. 8. Л. 79 об. ; Д. 11. 1131 об.–1132 ; Ф. 2045. Оп. 1881. Д. 64. Л. 1–7 ; Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 370.
- ²⁰⁹ Там же. СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль – декабрь 1764 года. № 303. С. 411 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 6 об., 66 об.
- ²¹⁰ Таблица составлена нами по данным: Сенатский архив. СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 29. С. 44–48.
- ²¹¹ Там же. СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 507.
- ²¹² Там же. С. 363.
- ²¹³ Там же. С. 430.
- ²¹⁴ Архив князя Вяземского. С. 79.
- ²¹⁵ Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. СПб., 1891. Т. IV. С. 56 ; СПб., 1901. Т. IX : Протоколы Правительствующего Сената 1753 – 1756 годов. С. 51–52.
- ²¹⁶ 200-летие Кабинета ... С. 379.
- ²¹⁷ ПСЗ. Т. VII. № 4536. С. 330.
- В продолжение темы см.: Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. Т. II. С. 309, 438, 473, 578–579 ; Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. СПб., 1890. Т. III. С. 191 ; Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. СПб., 1891. Т. IV. С. 257, 522, 621, 668–670 ; СПб., 1892. Т. V. 1 : Журналы и определения Правительствующего Сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г. С. 228–229, 259–260, 296–297 ; *Берх В.Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб., 1831. Ч. I. С. 21.
- ²¹⁸ ПСЗ. Т. XI. № 8732. С. 802–803.
- ²¹⁹ Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. СПб., 1891. Т. IV. С. 304–305 ; СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 268–270, 508 ; СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль–декабрь 1764 года. № 223. С. 293 ; № 350. С. 467–474 ; *Бильбасов В.А.* История Екатерины ... С. 577–578.
- В продолжение темы см.: Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. Т. II. С. 277 ; СПб., 1892. Т. V. 1 : Журналы и определения Правительствующего Сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г. С. 44.
- ²²⁰ Там же. СПб., 1892. Т. V. 1 : Журналы и определения Правительствующего Сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г. С. 79 ; СПб., 1909. Т. XIII : Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль–декабрь 1763 и январь 1764 г. № 344. С. 453 ; № 405. С. 503 ; СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль–декабрь 1764 года. № 299. С. 300.
- ²²¹ Там же. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 478.
- ²²² Там же. С. 500.
- В продолжение темы см.: *Бильбасов В.А.* История Екатерины ... С. 587–588.
- ²²³ Сб. РИО. Т. 27. С. 374.
- ²²⁴ Таблица составлена нами по: Сенатский архив. СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 164. С. 260–264.
- ²²⁵ ОДАММ. Т. VIII. С. 222.
- Предписывалось увольнять в отставку только тех канцеляристов, которые по своим деловым качествам и уровню образования не были способны качественно выполнять функциональные обязанности на вышестоящих должностях штатской службы. В продолжение темы см.: Письма Екатерины II-й к А.В. Храповицкому // РА. 1872. Вып. 11. Стб. 2086 ; *Козлов В.* Черемисинов Герасим Иванович, тайный советник, могилевский губернатор // РБС. Т. [22]. С. 158 ; ЦАНО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2.
- ²²⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 96. Л. 219.
- Такой же текст указа был повторен 7 апреля 1769 г. (Там же. Л. 235).
- ²²⁷ *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел : историческое обозрение мест и учреждений. М., 1850. С. 50.

- ²²⁸ ПСЗ. Т. XX. № 14392. С. 230–233; *Глинский Б.Б.* Россия ... // ИВ. 1913. Т. СXXXI, янв.–март. С. XLIII–XLV; *Танков А.А.* К биографии графа П.А. Румянцева-Задунайского // ИВ. 1902. Т. LXXXIX, июль–сент. С. 931–932, 934, 935, 937–938; *П.М.К.* Записки барона В.И. Штейнгеля // ИВ. 1900. Т. LXXIX, апр.–июнь. С. 107, 109; *Куломзин А.Н.* Финансовое управление в царствование Екатерины II. СПб., 1870. С. 4.
- ²²⁹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 103. Л. 125; Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 2527. Л. 1–4; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 27–27 об., 45, 475 об.–476; Д. 11. Л. 1131–1132, 1659–1659 об., 1670; Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 307. Л. 2–10 об.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–4; Д. 46. Л. 1–5.
- 3 марта 1781 г. на заседании Нижегородской казённой палаты с участием вице-губернатора была положительно рассмотрена «челобитная сей палаты канцеляриста Алексея Фёдорова сына Копачевского об увольнении его от дел за имеющими в нём болезнями и о даче аттестата» (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 9. Л. 526). 15 ноября 1784 г. Нижегородская казённая палата, рассмотрев челобитную канцеляриста Ивана Шерснёвского, просившего увольнения из-за болезней и прослужившего беспорочно 40 лет, решила выдать ему паспорт и аттестат. На его просьбу, как не имеющего собственного пропитания после увольнения от штатской службы пожаловать ему пенсию, Казённая палата ходатайствовала по команде перед вышестоящим начальством, приложив к ходатайству перечень документов, установленных российским пенсионным законодательством (Там же. Д. 11. Л. 1131 об.–1132).
- В продолжение темы см.: Сб. РИО. Т. 124. № 80. С. 498–501.
- ²³⁰ Это наиболее назначаемый размер штатской пенсии для канцеляристов губернских учреждений (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 205 об.; Д. 6. Л. 20, 293–293 об., 350 об.–351; Д. 8. Л. 79 об.).
- ²³¹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98-а. Л. 291.
- ²³² Там же. Л. 4–4 об., 69, 96–96 об.; Д. 92. Л. 118–118 об.
- ²³³ Там же. Д. 98-а. Л. 4–4 об.
- В 1782 г. на выплату пенсий, положенных для статских чинов и синодальных дворян, казна выделила 25 390 руб. (Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 250; *Чулков Н.П.* Глебовский ... С. 341).
- В 1796 г. пенсии из положенной по указу императрицы Екатерины II от 7 июня 1764 г. для статских чинов в Нижегородской губернии суммы получали: коллежский ассессор (123 руб. 75 коп. в год с учётом вычета на госпиталь); отставной капитан Д. Прокофьев (148 руб. 50 коп.), два секретаря (соответственно, 99 руб. и 148 руб. 50 коп.); три канцеляриста (29 руб. 70 коп. и ещё два по 64 руб. 35 коп.) (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 56 об.).
- В продолжение темы выплаты пенсий статским чиновникам см.: ЦАНО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–5. Для некоторых статских чинов, увольняемых в отставку, использовались другие источники финансирования их пенсий, например денежные суммы из собственной Ея Императорского Величества Вотчинной канцелярии (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 261 об.).
- ²³⁴ Сенатский архив. СПб., 1913. Т. XV: Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 316. С. 620.
- ²³⁵ Таблица составлена нами по данным: Сенатский архив. СПб., 1913. Т. XV. Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 317. С. 620–623.
- ²³⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 100. Л. 182.
- В продолжение темы см.: *Дубасов И.И.* Былые добрые люди Тамбовского края // ИВ. 1895. Т. LXI, июль–сент. С. 664.
- ²³⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 107. Л. 54.
- ²³⁸ Там же. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 475 об.–476, 584–584 об.
- ²³⁹ Там же. Д. 11. Л. 1372.
- ²⁴⁰ ПСЗ. Т. XX. № 14413. С. 327; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 2527. Л. 1–4; Ф. 116. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–4; Ф. 2045. Оп. 1881. Д. 145. Л. 60, 66–66 об., 68, 69; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 246. Л. 37; *Модзалевский В.* Полетика Григорий Андреевич // РБС. Т. [14]. С. 321–324.
- В продолжение темы также см.: Тамбовский губернатор Бахметев и отставные приказные / сообщ. И.И. Дубасовым // ИВ. 1882. Т. IX, июль–сент. С. 664.
- ²⁴¹ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 9. Л. 108–108 об.
- ²⁴² Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 106. Л. 90–91, 139, 140.
- Также пенсию в размере окладного жалованья получил в 1781 г. тайный советник Михаил Соймонов (ЦАНО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–5).
- ²⁴³ 200-летие Кабинета ... С. 379.
- ²⁴⁴ 28 сентября 1784 г. на заседании Нижегородской казённой палаты был объявлен указ Правительствующего Сената об открытии должности советника Нижегородского наместнического правления отставному полковнику В. фон Риддеру. Через 12 лет Вилим фон Риддер по прошению и по болезни был уволен в полную отставку от штатской службы (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 497; Д. 230. Л. 19).
- В продолжение темы см. также: Там же. Д. 246. Л. 19, 35, 47, 51.
- ²⁴⁵ Там же. Д. 9. Л. 481.
- В продолжение темы, когда пенсия «за старостию и болезнями и дряхлостию» назначалась отставному статскому чину в размере годового оклада по последней занимаемой должности, см.: Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. 10, 23 января, 13, 14, 20 февраля, 7, 19, 20 марта, 6,

- 28, 30 апреля, 2, 6, 9, 17, 28, 31 мая, 8, 9, 10 июня, 31 июля, 25 августа, 20 сентября, 7, 9, 14, 17, 26 октября, 19 ноября, 6, 9, 13, 15, 23, 24, 27 декабря 1797 г.; 9, 15, 26 января, 10, 23, 26 февраля, 8, 19, 27 марта, 17 июня, 19, 22, 27 июля, 23, 29 августа, 5, 9, 12, 25 сентября, 20, 30 октября, 11 ноября, 2, 6, 7, 12, 14, 17, 21, 22 декабря 1798 г.; 18, 19 января, 3, 13 февраля, 21 марта, 16, 17 апреля, 6, 22 мая, 4, 29 июня, 4, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 30 июля, 1, 29 сентября, 11, 26, 27 ноября, 3, 12, 19, 22 декабря 1799 г.; 5, 12, 18, 25, 31 января, 11, 26, 27 марта, 12 апреля, 4, 9, 23 мая, 20, 21 июня, 6, 9, 16 июля, 22 августа, 3, 4, 16, 18, 26, 29 сентября, 20, 22, 26, 28 октября, 6, 28 ноября, 7, 18, 25, 26, 27 декабря 1800 г.; 1, 20 января, 6, 8, 10, 14, 19, 20, 22, 23 февраля, 5, 7 марта 1801 г. СПб., 1888. Т. I. С. 72, 85, 107, 108, 115, 133, 137, 169, 203, 207, 220, 222, 223, 225, 227, 229, 240, 241, 265, 272, 287, 295, 299, 300, 303, 318, 324, 325, 326, 327, 334, 336, 340, 341, 344–345, 349, 354, 358, 361, 365, 378, 409, 420, 422, 423, 431, 433, 435, 436–437, 439, 442, 450, 456, 460, 470, 473, 475, 476, 477, 478, 479, 487, 488, 493, 496, 508, 516, 517–518, 519, 521, 526, 528, 532, 540, 541, 544, 545, 546, 547, 548, 553, 557, 561, 565–566, 568, 570, 572, 573, 580, 583, 587, 589, 590, 600, 605, 607–608, 615, 618, 627, 630, 632–633, 637, 648, 650, 652–653, 655–656, 657, 662, 663, 664, 665, 667, 669, 677, 680, 683, 698, 699, 700, 706, 710, 711, 712, 714, 715, 716, 720, 721 ; СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 340, 486 ; СПб., 1909. Т. XIII : Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль – декабрь 1763 и январь 1764 г. № 234. С. 323.
- Пенсия назначалась отставному статскому чину в половинном размере годового оклада по последней занимаемой должности см.: Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. 25 февраля, 7 марта, 6 апреля, 2, 11, 17, 20 мая, 17 июня, 11, 12, 29 августа, 4, 18 сентября, 14 ноября, 15, 16, 19, 22 декабря 1797 г.; 5, 14, 15 января, 11 февраля, 2, 3, 6 марта, 23, 25, 29, 30 июня, 2, 13, 22, 26, 29 августа, 11, 18, 19, 25, 26 сентября, 22, 26, 27, 28, 29 октября, 6, 10, 16, 17, 20 ноября 1798 г.; 14, 16, 28 января, 3, 19, 23 февраля, 23 марта, 9, 10, 22 апреля, 1, 5, 15 мая, 4 июня, 17, 24 июля, 20 августа, 14, 24 декабря 1799 г.; 18, 28, 29 марта, 2 мая, 16 июля, 27, 28 сентября, 1 октября, 11 ноября 1800 г.; 15, 29 января 1801 г. СПб., 1888. Т. I. С. 119, 133, 169, 220, 224, 225, 247, 248, 268, 269, 273, 281, 285, 316, 327, 328, 332, 333, 339, 341, 350, 359–360, 361, 413, 415, 424, 426–427, 430, 431–432, 433, 437–438, 440, 441, 442, 443, 451–452, 453, 455, 459, 460, 461–462, 463, 485–486, 490–491, 493, 498, 501, 509, 512, 523, 526, 528, 531–532, 545–546, 548, 552, 570–571, 574, 603, 605, 606, 612, 637, 656, 657, 671, 705, 708; СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 337, 399 ; СПб., 1909. Т. XIII : Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль – декабрь 1763 и январь 1764 г. № 358. С. 466–467 ; № 394. С. 496 ; № 401. С. 499 ; СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 360. С. 713–714 ; № 431. С. 927–928.
- ²⁴⁶ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 59.
- ²⁴⁷ ПСЗ. Т. XXIV. № 17723. С. 271 ; № 18047. С. 656.
- В продолжение темы см.: *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 113–114.
- ²⁴⁸ Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. С. 223.
- ²⁴⁹ ПСЗ. Т. XXVI. № 19376. С. 130.
- ²⁵⁰ Гандлангер – рядовой артиллерист низшего разряда; подачник, подносчик зарядов (*Даль В.И.* Толковый словарь ... Т. I (А – З). С. 344).
- ²⁵¹ ЦАНО. Ф. 2045. Оп. 1881. Д. 64. Л. 1–7.
- ²⁵² *Корсаков А.Н.* Степан Иванович Шешковский. (1727 – 1794) : библиографический очерк // ИВ. 1885. Т. XXI, ок. – дек. С. 659–660 ; Воспоминания Анны Евдокимовны Лабзиной. СПб., 1903. С. 4 ; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 407, 453 ; Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. 25 октября, 13 декабря 1797 г.; 25 апреля, 9 июля, 12, 18, 19, 26 сентября, 24 ноября, 9, 19 декабря 1798 г.; 4, 28 января, 15 марта, 20 апреля, 5, 15 мая, 21, 28 декабря 1799 г.; 2, 15 января, 13 марта, 10, 14, 27 апреля, 10 мая, 4 июня, 16 августа, 23, 28 сентября, 6, 17, 22 октября 1800 г.; 20 января 1801 г. СПб., 1888. Т. I. С. 302, 326, 396, 417, 439, 440, 441, 443, 464, 473, 478, 483, 490, 506, 520, 526, 527, 550, 573, 576, 579, 586, 601, 607, 608, 611, 616, 621, 648, 655, 656, 657–658, 661, 663–664, 706 ; Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. Т. II. С. 131, 132 ; СПб., 1909. Т. XIII : Указы и повеления императрицы Екатерины II за июль – декабрь 1763 и январь 1764 г. № 138. С. 201–202 ; № 147. С. 208–213 ; № 227. С. 313–314 ; № 239. С. 236–237 ; № 402. С. 499 ; СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль – декабрь 1764 года. № 40. С. 36 ; № 93. С. 101 ; № 230. С. 301–308 ; № 303. С. 405–413 ; № 434. С. 552–556 ; № 446. С. 567–572 ; СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 28. С. 43–44 ; № 68. С. 133–136 ; № 92. С. 160–163 ; № 163. С. 254–259 ; № 300. С. 575–581 ; № 390. С. 836 ; № 394. С. 843–847 ; № 398. С. 858–860 ; № 452. С. 987–989 ; Сб. РИО. Юрьев, 1902. Т. 114. № 149. С. 468–469.
- Правительствующим Сенатом 25 мая 1763 г. был объявлен указ императрицы Екатерины II об увольнении в отставку коллежского секретаря Нижегородской губернской канцелярии Василия Посникова: «Оного Посникова по прошению ево от всех дел отставить вовсе, и, дав паспорт, отпустить в дом ево, и ни к каким делам не определять,

- а за бытность у дел дать ему чин титулярного советника...» (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 166–186 об.). 17 сентября 1784 г. коллежский асессор Нижегородской казённой палаты Степан Львов из-за слабости здоровья был уволен от штатской службы с награждением «за усердное должности исправление» чином надворного советника (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 268–268 об.).
- В продолжение темы также см.: Сенатский архив. СПб., 1892. Т. V. 1 : Журналы и определения Правительствующего Сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г. С. 18, 38, 51, 61–62, 83, 84, 85, 127, 152, 166, 183, 229–230, 234–235.
- 5 апреля 1764 г. подал жалобу в Правительствующий Сенат провиантмейстер майор Алексей Масолов. Он утверждал в своей челобитной, что при отставке от службы не был награждён следующим воинским чином «против младших [по выпуску офицеров], произведённых по чину...». Во второй департамент Правительствующего Сената поступил от канцелярии Адмиралтейской коллегии протокол заседания с просьбой президента, чтобы поданную жалобу отставного майора А. Масолова рассмотрели «без волокиты». В Сенат поступили по жалобе А. Масолова следующие служебные документы: его челобитная, сообщение о награждении офицеров следующими чинами, запросы от канцелярий Адмиралтейской коллегии, выписки из дел, справки от конторы генерал-кригскомиссара, рапорт от Провиантской конторы, рапорт из Конторы главного командира Кронштадтского военного порта, копии доношений по жалобе. На должность провиантмейстера А. Масолов был назначен 16 сентября 1751 г. (МИРФ. Ч. X. № 103. С. 155 ; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1764 г. Д. 2. Л. 1–9).
- ²⁵³ Дегтярёв Г.П. Пенсионное обеспечение ... С. 60 ; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 121, 571–571 об. ; Сенатский архив. СПб., 1907. Т. XII : Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 502–504.
- 15 ноября 1784 г. на заседании Нижегородской казённой палаты была рассмотрена челобитная канцеляриста данной палаты Василия Каблукова об увольнении от дел в отставку по болезни. В. Каблуков просил за длительную и беспорочную службу наградить его обер-офицерским чином и выдать ему аттестат, а для свободного проживания дать ему паспорт. Казённая палата выдала ему паспорт и аттестат и ходатайствовала перед Нижегородским наместническим правлением о пожаловании отставному канцеляристу В. Каблукову обер-офицерского чина, приложив к ходатайству его послужной список (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 1131–1131 об.).
- В продолжение темы см.: ГАНО (г. Арзамас). Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 19–21 об.
- ²⁵⁴ Чин канцеляриста не позволял лишиться пенсии покойного отца, которая, однако, прекращалась с получением им обер-офицерского чина (Записки И.А. Греча // РА. 1873. Кн. I, вып. 1–6. Стб. 247).
- В продолжение темы см.: Записки Филиппа Филипповича Вигеля. С. 159–167.
- ²⁵⁵ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1766 г. Д. 3. Л. 1–1 об.
- ²⁵⁶ Подсчёты наши (Там же. Л. 2–3 об.).
- ²⁵⁷ Вероятно, А.А. Леханов относился к мелкопоместным дворянам или однодворцам, которые направлялись в коллегии, экспедиции, канцелярии на основании сенатского постановления 1739 г., утверждённого императрицей Анной Иоанновной, чтобы, обучаясь под управлением секретарей канцелярскому производству, со временем могли быть пожалованы в высшие чины, как то: асессоры, советники и т. д. Начиная с царствования Петра Великого гражданские чиновники набирались из дворянства, однако законодательно ограничений не было для приёма представителей и других сословий, поэтому в некоторых губерниях служили в приказных чинах (канцеляристами) и крестьяне. Ограничение началось при Екатерине II ещё до издания 21 апреля 1785 г. «Грамоты на права вольности и преимущества благородного российского дворянства». С 1771 г. запрещалось принимать в штатскую службу людей происхождения из податных сословий. С этого времени право поступать на гражданскую службу было предоставлено дворянам, и это положение выдерживалось, несмотря на большой некомплект канцелярских служащих во многих губерниях. Сроки для производства в гражданские чины были определены в 1760 г. Предписывалось жаловать канцеляристов регистраторскими чинами, а регистраторов секретарями после нахождения ими в этих должностях 8 лет. Закон от 1767 г. установил 7-летний срок нахождения в одном канцелярском чине и для производства в другой, что не давало никаких привилегий для служителей дворянского происхождения. Только в 1772 г. повелевалось в представлениях Сенату о награждении чинами отмечать, из какого сословия канцелярист поступил на службу. Закон 1790 г. окончательно установил сословную привилегию дворянства в чинопроизводстве по гражданской службе. Дворянам устанавливались более сокращённые сроки для производства в чины. Одновременно повышались сроки для производства в VIII класс недворян.
- Этим законом устанавливалось: а) производить в чины до VIII класса только тех, кто прослужили 3 года в одном чине; б) из коллежских секретарей в титулярные советники и из титулярных советников в коллежские асессоры недворян

- производить только по после 12 лет беспорочной службы, а о представляемых до этого срока докладывать государыне; в) при отставке повышать одним рангом только дворян, прослуживших в последнем чине один год; г) дворянам разрешалось переходить из штатской службы в военную на основании Манифеста от 18 февраля 1762 г., а представителям других сословий этот переход был запрещён. В 1791 г. в дополнение к вышеизложенным правилам предписывалось, чтобы при представлениях к чину коллежского асессора прилагалось свидетельство о дворянстве (*Порай-Кошица И.А.* Очерк истории ... С. 146–147, 167–169; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. № 86. С. 180; Капище моего сердца ... // ЧОИДР. М., 1872. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 41–42; Записки петербургского чиновника старого времени (Петра Ивановича Голубева) // РА. 1896. Кн. 1, вып. 3. С. 404–406).
- ²⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1766 г. Д. 3. Л. 4–14.
- ²⁵⁹ Разночинцы в секретари производились исключительно за особые заслуги, так как занятие этой должности давало канцеляристу потомственное дворянство (ПСЗ. Т. VII. № 4449. С. 226; *Петровский С.А.* О Сенате в царствование Петра ... С. 69–70). 20 апреля 1762 г. император Пётр III повелед, чтобы «в секретари произвождение чинить из приказных чинов, кои не из дворян, а в службе находятся без подозрения, ибо многие также останутся без авантажей и по достоинствам своим награждения лишаются» (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 121). Для занятия секретарской и иных вспомогательных должностей в коллегиях и конторах (канцеляриях), учреждениях губернских, провинциальных и уездных городов Сенатом были разработаны специальные инструкции, требовавшие от кандидатов на их замещение соблюдения высоких морально-деловых качеств и наличия профессиональных способностей (ПСЗ. Т. VII. № 4955. С. 696; № 4970. С. 703–704; № 4971. С. 704–705; № 4974. С. 706; № 4977. С. 709–710; № 5015. С. 741–743; № 5056. С. 776–778; Т. VIII. № 5222. С. 2; № 5267. С. 36; № 5270. С. 37; № 5356. С. 121; ЦАНО. Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 307. Л. 2–10 об.; *Филиппов А.И.* История Сената ... Ч. I. С. 375, 378–379).
- В продолжение темы см.: Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. СПб., 1891. Т. IV. С. 700.
- ²⁶⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1766 г. Д. 3. Л. 15–21.
- ²⁶¹ Там же. Л. 22–41.
- ²⁶² Там же. Л. 41 об.–53 об.
- 9 января 1758 г. императрицей Елизаветой Петровной были высочайше утверждены для Комиссариатского правления Регулы, в соответствии с которыми выплата жалованья наследникам после умершего военного (морского) чина осуществлялась в соотношении: мачеха получала $\frac{1}{4}$, а дети – $\frac{3}{4}$ суммы (ПСЗ. Т. XV. № 10758. С. 115).
- ²⁶³ Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. С. 326.
- В продолжение темы см.: Там же. С. 333, 426, 427, 473, 496, 515, 516, 517–518, 528, 547, 565–566, 568, 570, 590, 610, 622–623, 624, 625, 628, 663, 667, 706, 710, 714, 721.
- ²⁶⁴ При правлении Петра Великого соляной сбор приносил ежегодно казне около 600 тыс. руб. (200-летие Кабинета ... С. 218).
- ²⁶⁵ Так, в 1786 г. на выплату пенсий отпускалось 30 650 руб., что превышало размеры пенсионной суммы (25 тыс. руб.), выделяемой для флотских пенсионеров (200-летие Кабинета ... С. 370).
- ²⁶⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 37, 65, 101 об.–102; Д. 80. Л. 21, 21-а–21-а об., 31–33, 47, 48, 82–84; Д. 81. Л. 129, 261–262; Д. 82. Л. 220; Д. 84. Л. 6, 71, 96; Д. 85. Л. 399; Д. 86. Л. 24; Д. 87. Л. 318, 463, 544; Д. 88. Л. 141; Д. 96. Л. 65–66; Д. 97. Л. 110, 181–182; Д. 99. Л. 181–181 об.; Д. 104. Л. 5, 103, 104; Д. 105. Л. 13–14 об.; Д. 109. Л. 39; Д. 110. Л. 253, 254; Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л. 1–6; Д. 579. Л. 1–29; Д. 2560. Л. 1–2 об.; Оп. 1-а. Д. 1314. Л. 1–4; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 96, 121; Д. 6. Л. 105–105 об.; Д. 11. Л. 614 об.; Д. 230. Л. 169, 176, 184, 193, 275; Д. 244. Л. 197; Ф. 116. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–2; Ф. 653 (Арзамасская дворянская уездная опека). Оп. 129-а. Д. 1. Л. 47–47 об.; Ф. 2013. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–1 об.; Оп. 602. Д. 1221. Л. 1–1 об.; Д. 1320. Л. 1; Оп. 602-а. Д. 175. Л. 1; Д. 177. Л. 1; Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. 17 декабря 1796 г.; 8, 27, 29 января, 6, 28, 30 апреля, 31 августа, 18 сентября, 10, 26 октября, 2 декабря 1797 г.; 6 марта, 19, 27 июля, 23 августа, 4, 29 декабря 1798 г.; 2, 24 февраля, 21 марта, 22 апреля, 1 мая, 19 июля, 11 ноября, 22 декабря 1799 г.; 5 января, 7 февраля, 1, 5 марта, 16 августа, 9 сентября 1800 г.; 8 февраля 1801 г. С. 40, 68, 92, 93–94, 169, 203, 207, 276, 285, 295, 303, 323, 361, 420, 423, 431, 471, 480 481, 492, 502, 508, 521, 523, 547, 561, 573, 580, 591, 597, 598, 648, 651, 710; *Сokolovский М.К.* Дневник царедворца императора Павла I // ИВ. 1903. Т. XCIV, окт. – дек. С. 188; *Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских ... СПб., 1834. Ч. III. С. 49–51, 63–64, 250; СПб., 1836. Ч. IV. С. 60; Сенатский архив. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. Т. II. С. 575; СПб., 1904. Т. XI: Указы и повеления императрицы Екатерины II. С. 255, 282–284, 288, 302, 309, 311–312; СПб., 1907. Т. XII. С. 252, 253, 288–289, 308, 340, 343, 347, 353, 367–368, 371–372, 417, 477, 484, 486, 488, 506; СПб., 1909. Т. XIII: Указы и повеления императрицы

- Екатерины II за июль – декабрь 1763 и январь 1764 г. № 150. С. 238; № 169. С. 262; № 226. С. 312; № 234. С. 323; № 236. С. 324; № 248. С. 333; № 250. С. 334; № 265. С. 361; № 296. С. 391; № 301. С. 394–395; № 370. С. 472–473; № 375. С. 476; № 389, № 390. С. 489; № 394. С. 496; СПб., 1910. Т. XIV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за февраль – декабрь 1764 года. № 68. С. 73; № 95. С. 104–105; № 120. С. 148; № 127. С. 158–160; № 146. С. 191–196; № 148. С. 202; № 158. С. 220; № 165. С. 223; № 176. С. 232; № 177. С. 232–233; № 235. С. 321–323; № 275. С. 375; № 291. С. 396–398; № 316. С. 427; № 325. С. 438; № 362. С. 485; № 405. С. 525–526; № 419. С. 544; № 466. С. 589; № 468. С. 590; СПб., 1913. Т. XV : Указы и повеления императрицы Екатерины II за 1765 год. № 24. С. 40; № 69. С. 137; № 81. С. 143–144; № 82. С. 145; № 92. С. 160–163; № 142. С. 235; № 167. С. 268–269; № 175. С. 275–276; № 182. С. 287–288; № 194. С. 397–398; № 224. С. 426–427; № 254. С. 490–491; № 275. С. 522; № 278. С. 524–525; № 329. С. 659–660; № 344. С. 685–686; № 358. С. 710–711; № 360. С. 713–714; № 375. С. 792–793; № 395. С. 847–849; № 398. С. 852–856; № 434. С. 929–930; № 452. С. 987–989; Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 252; Письма императора Павла I к М.И. Ламздорфу ... С. 379–380, 382, 384–386, 391–392; Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1798 г. // РС. 1875. Т. XII, апр. С. 832; Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического. 1788 – 1789 гг. // Сб. ВИМ. СПб., 1894. Вып. VII. № 185. С. 140.
- ²⁶⁷ ПСЗ. Т. XXIV. № 18276. С. 845; Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. С. 331; Пенсии // Военная энциклопедия. В 18 т. М., 1915. Т. [18] : Паукер – Порт-Артур. С. 339; Именные указы, объявленные Святейшему Правительствующему Синоду и непомянутые в «Полном собрании законов Российской империи», собранные Н.И. Григоровичем с примечаниями Ю.В. Толстого. Царствование императора Павла // РА. 1906. Кн. 1, вып. 1. № 4. С. 54–55; Сумма пенсий, отпускаявшихся в 1799 году : Из бумаг М.Д. Хмырова // ИВ. 1881. Т. VI, нояб.–дек. С. 677.
- ²⁶⁸ ПСЗ. Т. XXV. № 1886. С. 582.
- ²⁶⁹ Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. С. 610–611.
- ²⁷⁰ Там же. С. 658.
- Изменение феодальной собственности у коллежского советника Сибурга см.: Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. 20 января 1801 г. Т. I. С. 706.
- ²⁷¹ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 669, 742, 1480; Д. 246. Л. 38.
- ²⁷² Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. С. 97.
- ²⁷³ Там же. С. 226.
- ²⁷⁴ Там же. С. 426.
- В продолжение темы выплаты половины пенсии покойного мужа вдове, вдове и детям, в том числе дочерям до замужества см.: Там же. С. 427, 460, 573, 574, 669.
- Выплату жене половины жалования за долговременную и усердную службу надворного советника Трубочёва см.: Там же. С. 486.
- ²⁷⁵ Там же. С. 465.
- В продолжение темы выплаты пенсии покойного мужа вдове см.: Там же. Именные указы императора Павла I. 10 февраля 1799 г.; 30 июня 1800 г. Т. I. С. 495, 560, 630.
- ²⁷⁶ Там же. Журналы и определения Правительствующего Сената. СПб., 1889. Т. II. С. 121.
- ²⁷⁷ Там же. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. Т. I. С. 497.
- 10 мая 1799 г. самодержец дал указ Сенату: «В вознаграждение долговременной и усердной службы действительного статского советника и вологодского гражданского губернатора Нормана всемиловейшее повелеваем: получаемое им при настоящей должности жалованье по смерти его производить в пенсион жене и дочери его пополам, первой по смерти, а последней по замужеству» (Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. С. 527).
- ²⁷⁸ Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. Т. I. С. 471.
- Такие же размеры пенсии, сверх получаемого жалования, были пожалованы советнику в Ассигнационном банке действительному статскому советнику Пешурову (Там же). 2200 руб. в год пенсии, сверх получаемого жалования, были пожалованы коллежскому советнику Фигнеру, управляющему императорских фарфоровых и стеклянных заводов (Там же. С. 480–481). 31 декабря 1798 г. коллежский советник и доктор Гутри был пожалован 500 руб. пенсии в год сверх получаемого жалования и произведён в статские советники (Там же. С. 481).
- ²⁷⁹ Там же. С. 558.

А.В. И в а н о в

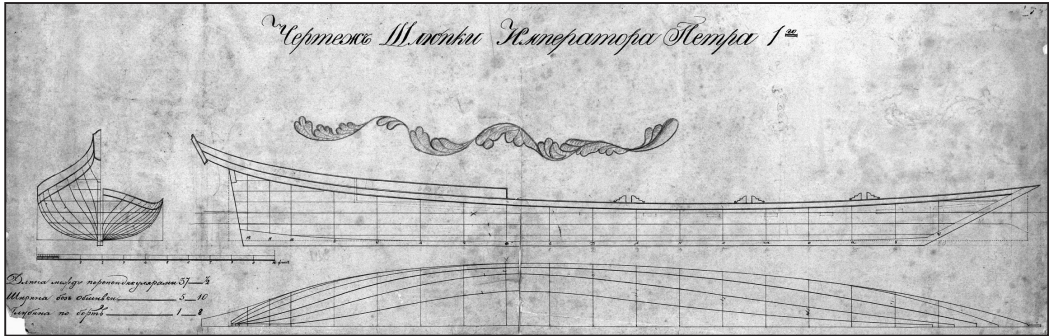
ПЕРВОЕ МЕМОРИАЛЬНОЕ СУДНО МОСКВЫ — ГАЛЕРА «СТРУГ МОСКВОРЕЦКИЙ»

После первой публикации о галере «Струг москворецкий», на которой Пётр I отправился в Персидский поход 1722 г.¹, автор получил ряд критических замечаний и выявил дополнительный комплекс архивных документов, потребовавших более пристального рассмотрения судьбы уникального судна и внесения корректив в оценку его влияния на последующие события второй половины XVIII века.

В частности, В.Р. Чепелев² вполне справедливо указал на не рассмотренное автором в своей публикации решение Адмиралтейской коллегии от 29 октября 1724 г. о мерах по сохранению «галеры, находящейся в Коломне», опубликованное в 1867 г. в «Материалах для истории русского флота»³. Ассоциировать некую «коломенскую галеру» со «*стругом* "Москворецким"» на время публикации твёрдых оснований у автора не было. Эти основания появились позже, после выявления и рассмотрения целого ряда документов, в которых современниками судно именовалось исключительно *галерой*. Тем самым стало понятно, что в воспоминаниях Ф.И. Соймонова, на которых базировался автор⁴ как на наиболее информативном из опубликованных источников, и в делопроизводственной переписке второй четверти XVIII в. содержится терминологическое противоречие, не позволившее в своё время объединить их в одну источниковую базу. Действительность оказалась намного интереснее: галера «Струг москворецкий» оставила достаточно следов, чтобы разрешить окончательно вопросы не только об архитектуре и размерах, но и о влиянии, оказанном судном на некоторые судостроительные вопросы царствования императрицы Екатерины II. Поднятый автором пласт документов позволил во многом выйти из области предположений на новый уровень фактологии о галере «Струг москворецкий» и внести существенные коррективы в сложившееся представление о ней, хотя ещё не все вопросы получили своё разрешение.

1. Кто и что строил в 1722 г.?

Обстоятельства строительства галеры не вполне ясны. В.Р. Чепелев, ссылаясь на запись расхода кабинетных денег⁵, считает, что струг «Москворецкий» *специально строил* корабельный подмастерье Ф.П. Пальчиков, за что получил 100 руб. наградных. Действительно, «мая в 1-й день [1722 г.] Его Императорское Величество изволил пожаловать корабельному подмастерью Филиппу Пальчикову за *строение судна*, которое он строил про Его Величество

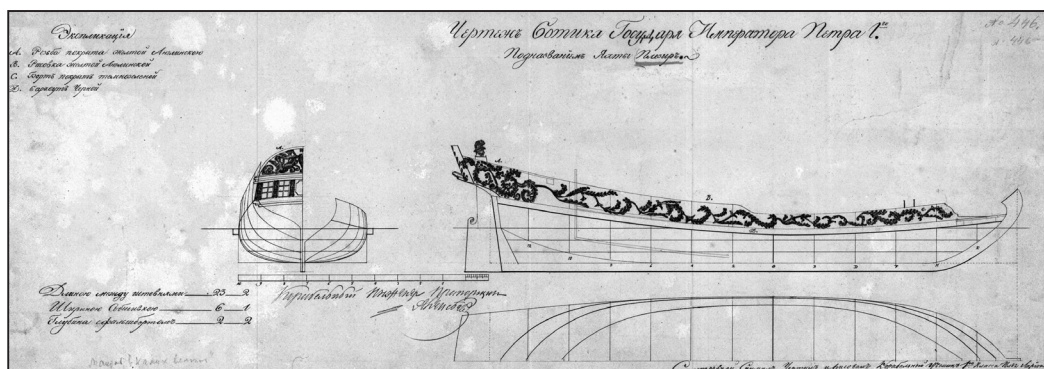

Ил. 1. Верейка Петра I, 1722 г. Чертеж обмерный. Вторая половина XIX в. (РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 5012). Публикуется впервые

для нынешняго низоваго походу, 100 руб.»⁶. Ещё в двух записях расхода кабинетных денег в 1722 г. формула «строение судна» повторяется: 21 марта некоему тяглицу Кошельной слободы Мине Иванову выдано 50 рублей на покупку материалов и зарплату мастеровым и работным людям⁷ и 13 апреля выдано на зарплату мастеровым и солдатам, тому же М. Иванову 100 рублей. Про объект строительства в последнем случае сказано: «...на строение судна, которое строит на Москве реке Филип Пальчиков для нынешняго низоваго походу»⁸. Думается, что формулу «строение судна» всё же не следует толковать однозначно как *специальное строительство*, потому что она не отражает сути производимых работ и применяется в документах в очень широком смысле.

Для такого вывода имеется несколько оснований. Во-первых, корабельный подмастерье Ф.П. Пальчиков прибыл в Москву только в марте 1722 г., о чём свидетельствует корреспонденция к нему Петра I в январе – феврале, направляемая в Санкт-Петербург⁹. Дату первого по упоминанию платежа, в том числе и для закупки материалов, в 50 рублей — 21 марта — возможно условно принять за близкую к началу работ дату. Дату выдачи Ф.П. Пальчикову наградных денег 1 мая — за дату, близкую к окончанию работ. Таким образом, получается, что *судно специально строилось* всего лишь 40 дней или несколько больше, чего явно недостаточно для специального строительства, но вполне достаточно для переоборудования.

Во-вторых, судя по упоминанию в письме Петра I тому же Ф.П. Пальчикову 5 августа 1722 г. (из Аграханского залива), последний в Москве, а затем и в Астрахани занимался подготовкой не только некоего *судна для Его Величества*, но и других судов для Персидского похода. Сообщая адресату о течи многих ластовых судов, участвовавших в походе, Пётр I при перечислении причин оговаривается: «...как и сам ты многие крепил»¹⁰. Потому следует полагать, что Ф.П. Пальчиков осуществлял в Москве непосредственную подготовку стругов, в то время как Ф.И. Соймонов, о чём автором упоминалось в прежней публикации, общее административное руководство. Такая оценка роли Ф.П. Пальчикова и Ф.И. Соймонова укладывается в общие принципы всей организации подготовки к походу. К примеру, в Твери административное руководство было поручено генерал-майору М.А. Матюшкину и капитану-поручику И. Урусову, а непосредственное строительство осуществлял корабельный мастер Г.А. Меншиков; в Казани — вице-губернатор Н.А. Кудрявцев и корабельный мастер Р. Гардли, ботовый мастер В.А. Шипилов и другие. В Нижнем Новгороде руководил капитан-командор М. Гослер, а строительные работы выполнял корабельный подмастерье

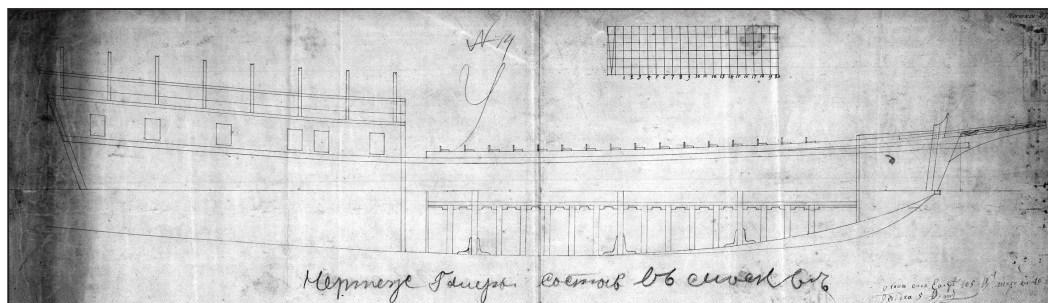
Ил. 2. Ларионов И. Плезир-яхта Петра I, 1722 г. Чертёж обмерный. Вторая половина XIX в. (ЦВММ. Сектор хранения чертежей. Инв. КП-44038/1)

Иван Немцов. Следовательно, подвергать сомнению осведомлённость Ф.И. Соймонова о работах на струге «Москворецком» в том, что он переоборудовался из уже готового, а не строился вновь, как утверждает В.Р. Чепелев, оснований не имеется.

И наконец, не обнаружено никаких свидетельств тому важному событию, всегда отмечаемому особенно, что судно Ф.П. Пальчикова спускалось на воду. Это может означать только одно — судно уже было на воде и оборудовалось на плаву. К примеру, о спуске такого незначительного судна, как верейка, в тех же записях о выдаче кабинетных денег говорится вполне определённо: «Апреля 7. Дано Его Величества гребцам Ивану Селуянову с товарищи, 13-ти человеком, в приказ за *спуск верейки* по рубль человеку, итого 13 рублей»¹¹. Само переоборудование уже находившегося на плаву судна также не являлось чем-то необычным весной 1722 г. К примеру, 12 мая некоему Захару Максимову были заплачены 100 руб. в счёт частичного погашения стоимости (всего по счёту полагалось 127 руб., 12 алтын, 2 деньги) взятой у него новоманерной романовки и переоборудования её под кабинетные письма: пристройку кают, чердака, палубы и прочего¹². Подобное происходило и в других местах. Например, из Нижнего Новгорода сообщали, что нужных новоманерных судов не нашли, поэтому, выполняя указ, подыскивали только корпуса, похожие на струги или будары, от 86 до 120 футов длины, которые и стали *строить* (переделять)¹³.

Часть мелких судов привозилась из Санкт-Петербурга. Так, возможно, в Москву были доставлены уже упомянутая верейка и полубаржа (род шлюпки) для Петра I, шлюпка для Ф.М. Апраксина и другие. Несмотря на секретность, это перемещение не укрылось от голландского посланника Я. де Вильде¹⁴. 20 февраля 1722 г. Пётр I указал Ф.П. Пальчикову подыскать в Санкт-Петербурге готовый буер и организовать его доставку в Нижний Новгород. Буер довели посуху до Вышнего Волочка, спустили на воду, и дальше Волгою он проследовал в Астрахань¹⁵. Предположительно, этот буер и есть та самая «плезир-яхта», строительство которой приписывается Р. Гардли, но свидетельств этому у автора не имеется. Напротив, на гакаборте (корме) «плезир-яхты», судя по рисунку А.П. Боголюбова, красуется картуш в виде сердца, основного элемента герба светлейшего князя А.Д. Меншикова. Не отмечена «плезир-яхта» и в различных списках флотилии в Астрахани, тогда как буер в них присутствует. Архитектура «плезир-яхты» соответствует голландским шпиль-яхтам (speeljacht), а название возможно интерпретировать как «забава», «удовольствие», что созвучно назначению как шпиль-яхты, так и буера.

I. ARTICLES

Ил. 3. Есинов. Галера «Струг московецкий», 1722 г. Чертёж обмерный.
После 1749 г. (РГА ВМФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4096). Публикуется впервые

Отдельного рассмотрения заслуживает терминологическая трансформация в определении типа «Московецкого». Если 21 марта и 13 апреля 1722 г. струг обозначен как *судно*, то с 6 мая (запись о покупке сетки на полог, дёгтя и прочего) и далее исключительно *галерой*. Представляется, что подобная трансформация отражает неопределённость типа судна в начальный период во время оборудования и представление о судне, как о галере самого Петра I. Поэтому, видимо, обоснованным будет здесь и в дальнейшем именовать судно не стругом «Московецким», а галерой «Струг московецкий».

2. От Москвы до Аграханского залива и обратно

Финансовая документация кабинета, которую вёл в 1722 г. подьячий Гаврила Замятин, позволяет восстановить некоторые подробности передвижения галеры «Струг московецкий»¹⁶. Однообразные записи Г. Замятина автором сведены в табличную форму.

Дата расплаты	Гребцов	Начальный и конечный пункт прогона	Расстояние в верстах	Сумма уплаченных денег, в рублях
24 мая	90	Касимов – Елатьма	60	10,8
26 мая	90	Муром – Павлов перевоз	60	10,8
26 мая	95	Павлов перевоз – Дудин монастырь	40	9,5
27 мая	95	Дудин монастырь – Н. Новгород	40	9,5
31 мая	93	Н.Новгород – с. Лысково	60	11,16
31 мая	93	с. Лысково – Новосиле	60	11,17
31 мая	93	Новосиле – Козмодемьянск	40	9,3
1 июня	93	Козмодемьянск – Чебоксары	40	9,3
2 июня	97	Чебоксары – Свияжск	80	14,5
2 июня	93	Свияжск – Казань	20	8,37

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

7 июня	97	Казань – с. Богородское	60	9,7
8 июня	97	с. Богородское – Тетюш	30	7,76
9 июня	97	Тетюш – Симбирск	90	11,64
10 июня	97	Симбирск – Новопреchenиcтeнcкoe	60	9,7
10 июня	97	Новопреchenиcтeнcкoe – Самара	90	11,64
11 июня	97	Самара – Cызpaнь	120	19,4
11 июня	97	Cызpaнь – c. Cocнинки	60	9,7
12 июня	97	c. Cocнинки – c. Bocкpeceнcкoe	80	11,64
13 июня	97	c. Bocкpeceнcкoe – Capaтoв	60	9,7
15 июня	40	Capaтoв – Цapицын («мужики»)	360	40
20 июня	57	Capaтoв – Acтpaхaнь (бурлаки)	840	114,87
20 июня	39	Цapицын – Acтpaхaнь (солдаты)	не указ.	58,5

В качестве гребцов на галеру заранее привлекались местные крестьяне («мужики»). 23 мая 1722 г. последовал указ нижегородскому вице-губернатору В.А. Ржевскому и властям в различных указанных пунктах: «...немедленно зберите каждой в своём правлении мужиков для гребли на наше судно... по 80 человек... в пристойных местах по берегу Волги переменных гребцов... и чтоб перемена от перемены не более была как вёрст по 50 или по 60, и чтоб гребцы были звывчайные и дожидались у берегу день и ночь, дабы в перемене их не было нам замедления»¹⁷.

Лоцманами от Москвы до Нижнего Новгорода были крестьяне с. Дединово Вавил Перфильев и Илья Тремякин. Лоцманами от Нижнего Новгорода до Казани — Кирилл Сапожников, Федот Китаев и Андрей Бубнов, посадские и слободские жители. В Казани взяты 4 лоцмана до Симбирска, имя одного из них Егор Родионов, и он дошёл с галерой до Астрахани. От Симбирска же до Астрахани лоцманами шли с галерой Василий Меркулов и Семён Никитин, к которым в Царицыне присоединились ещё два лоцмана из солдат гарнизона.

С Саратова схема движения галеры изменилась. Были оставлены («удержаны») 40 «мужиков» с. Воскресенское и наняты 57 бурлаков. В Царицыне «мужиков» заменили 39 солдатами гарнизона, с которыми и пришли в Астрахань. Кормщиком галеры от Нижнего Новгорода до Астрахани был Федот Исаев.

В Астрахани производился же расчёт за доставку других государевых судов каравана. В документах упоминаются кабинетное и некие «мыленное» и «токарное» суда, яхта из Казани и островская лодка, которой её буксировали от Царицына, а до него тянули бурлаками, бот и буер, верейка. Расплату с гребцами и бурлаками, а также выплату наградных солдатам производил Кабинет Петра I.

В морском походе к Аграханскому заливу и обратно к Астрахани экипаж галеры состоял из 99 солдат, отобранных в различных полках астраханского гарнизона, возглавляемых капитаном Смоленского полка Карлом Шёнингом, за что 26 июля они получили по 1 рублю. В обратный путь от Астрахани к Ступину Яру галеру вёл сотник с 97 солдатами в сопровождении двух лоцманов.

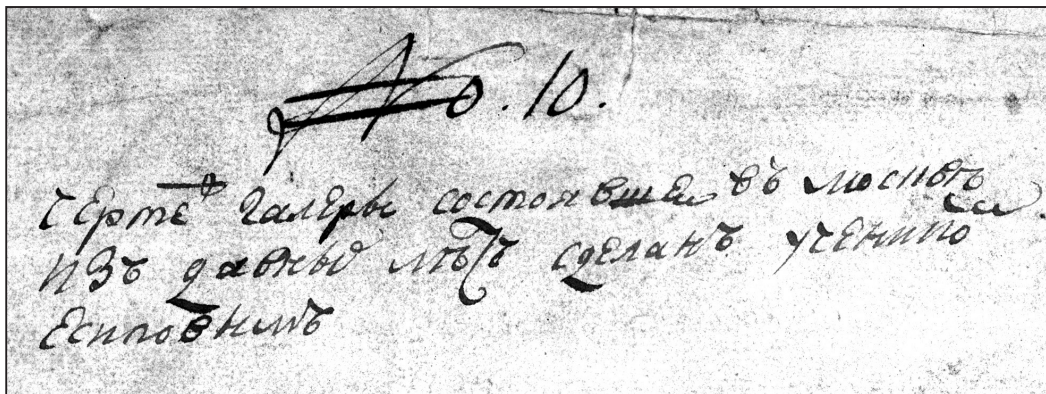
В первой авторской публикации указывалось, что суда каравана, остановленные ноябрьским льдом 1722 г. у Чёрного Яра, что в 40 верстах от Царицына, были покинуты Петром I с супругой, посуху отправившихся в Царицын. Для охранения судов каравана был оставлен полковник Ю. Фаминцын с батальоном солдат¹⁸. Отсутствие каких-либо источников о «*струге "Москворецком"*» после этого времени подвигло автора на предположение о малозначимости судна для Петра I и возможном его нахождении какое-то время, по публикациям других авторов, в астраханском кремле.

Однако 4 сентября 1724 г. в городской магистрат Коломны явились посадские люди из Переславля Рязанского Козьма Игнатьев и Алексей Власов, которые объявили, что по государеву указу привели в Коломну некую *галеру*, ранее обретавшуюся в Царицыне. Из озвученной при этом промемории в магистрате не без удивления узнали, что по императорскому указу из Астраханской губернской канцелярии «*Его Величества галеру*», обретавшуюся в Царицыне, велено было отправить со всеми припасами до Москвы с провожатыми и 50 работниками, назначаемыми «от города до города». Из Свияжска галеру сопровождал дворянин Андрей Завацкий, из Нижнего Новгорода до Муром — сержант гарнизона Фёдор Ушаков с гребцами, из Елатмы до Касимова и до Переславля Рязанского — по одному подъячему с посадскими людьми из местных жителей. К. Игнатьев и А. Власов потребовали от магистрата принять у них судно и отпустить восояси. При этом указали, что «оная галера ветха велми и воду из нея льют по дватцети человек непрестанно и ежели от потопа учинитца оной галере с припасы трата, чтоб к ним не причлося»¹⁹.

В промемории не содержится даты отправления галеры из Царицына, однако в обнаруженном письме неустановленного корреспондента кабинет-секретарю А.В. Макарову, датированном 15 января 1725 г., сообщается адресату «...о галере, на которой Его Императорское Величество изволил шествовать в Астрахань... доношу... по прибытию в Нижний отправлена до Муром, за которою послан был в канвое нижегородцкого гварнизона сержант Фёдор Ушаков июня 22 дня 724 году. А по приезде своём июля 26 дня подал в губернскую канцелярию Володимерской правинции города Муром за рукою с приписью подъячего Алексея Герасимова в приёме той галеры со имеющимися в ней припасы росписку...»²⁰. Таким образом, судно отправилось из Царицына, вероятней всего, весной 1723 г. «Реэстр припасом», вложенный в письмо, будет рассмотрен в своём месте.

Озадаченный Коломенский магистрат, видимо, не имевший никакого представления об указе, 12 сентября обратился в Московский главный магистрат с запросом, за чей счёт и кому нанимать провожатых и людей²¹. В свою очередь Главный магистрат, также, видимо, не знакомый с указом императора, 15 сентября обратился в Московскую адмиралтейскую контору к подполковнику князю М.Ю. Одоевскому, сообщив при этом, что «Его Императорского Величества галера и с припасы, которая обреталась при Царицыне», остановилась в Коломне из-за обмеления реки. Не имея необходимых ресурсов, М.Ю. Одоевский пересылает копию промемории из Главного магистрата и собственное донесение в Адмиралтейскую коллегию, где они регистрируются 29 сентября 1724 г.²².

7 октября 1724 г. Адмиралтейская коллегия принимает решение никаких мер не принимать без рассмотрения вопроса в Сенате, о чём на следующий день отправляет указ М.Ю. Одоевскому²³. Но уже 15 октября Коллегия получает донесение от последнего, что, по присланной из канцелярии справке, сенатским приговором на императорском указе повелено галеру принять, осмотреть, починить и содержать под деревянным укрытием в Коломне до поллой воды. В связи с этим М.Ю. Одоевский просит прислать в Москву галерных мастеровых²⁴.

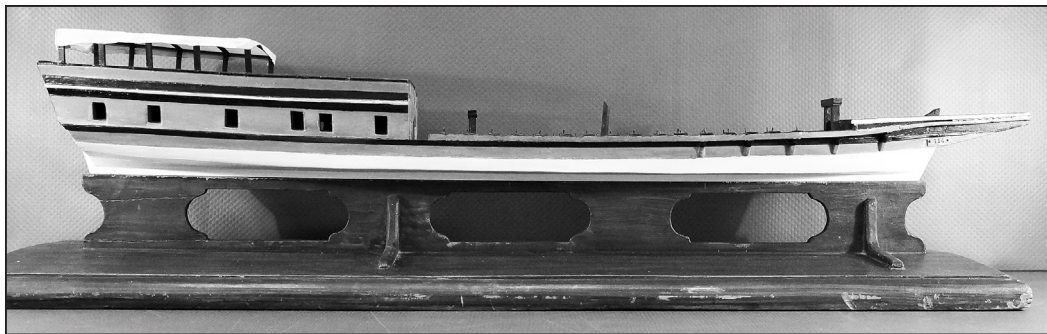
Ил. 4. Есипов. Чертёж галеры «Струг московрецкий». 1722 г.
Надпись на обороте чертежа

29 октября 1724 г. состоялось определение Адмиралтейской коллегии, согласно которому вице-адмиралу М.Х. Змаевичу в Тавров отправлен императорский указ о выделении людей и организации работ на Коломне, а полковнику князю В.Ю. Одоевскому выделены деньги на приобретение нужных материалов²⁵. 22 ноября 1724 г. М.Х. Змаевич донёс в Коллегию и сообщил письмом В.Ю. Одоевскому, что им откомандирован из Таврова лейтенант Павел Рагозео с ефрейтором и шестью солдатами для караула, подкомитом с шестью матросами для вязания снастей, десятником с девятью плотниками для ремонтных работ. В Москву заранее был сообщён и реестр потребных материалов для постройки моста под галеру и её вытаскивания из воды, часть из которых также отправлены из Таврова. Правда, М.Х. Змаевич высказал сомнение в успехе дела из-за уже замёрзшей реки²⁶.

Команда П. Рагозео прибыла в Коломну 9 декабря и без промедления приступила к осмотру галеры. В донесении 11 декабря 1724 г. о состоянии галеры отмечено, что она сильно течёт, 20 человек местных жителей непрестанно выливают воду, а материалы из Таврова ещё не прибыли²⁷. Однако напряжённой работой с привлечением местных жителей 11 января 1725 г. галера была вытащена на берег, а 13 января её подняли на блоки и приступили к ремонту и строительству сарая для её сохранения на берегу. Расстояние от реки до кормы составило 52 сажени, а до носа — 70 сажений²⁸.

В марте 1725 г. из Москвы получено донесение капитана М. Дубровина (датировано 26 февраля) с требованием решения о дальнейшем передвижении галеры. 9 марта состоялось определение Адмиралтейской коллегии, согласно которому галеру следовало привести в Москву, к Данилову монастырю, вытащить на берег и накрыть той крышкой, которая была в Коломне. Все работы следовало выполнить командой лейтенанта П. Рагозео, караул назначить от Московской адмиралтейской конторы²⁹.

22 апреля 1725 г. галера с погруженными припасами, разобранным сараем и взятыми на буксир саями для вытаскивания на берег отправилась из Коломны в Москву. Однако в 11 верстах от Коломны были вынуждены остановиться из-за сильного половодья, с которым немногочисленная команда П. Рагозео не могла справиться. Потребовался дополнительный наём местных жителей. Наконец 2 мая галера прибыла к Данилову монастырю³⁰. В донесении М. Дубровина от 4 мая 1725 г. точно указано место установки галеры на берегу: «...промеж Данилова и Симонова монастырей, идучи из Москвы на другом берегу, на правой стороне, понеже, кроме онаго места, иного лутче нет...»³¹.

Ил. 5. Есинов. Галера «Струг москворецкий». 1722 г. Модель.
После 1749 г. (ЦВММ. Инв. КП-176)

2 июля 1725 г. М. Дубровин сообщил, что галера поставлена на берегу в указанном месте, накрыта «дубьем и дранцами, и с сторон сарая обит[а] досками, и отдана она в смотрение сержанту Романову». Припасы все собраны и свезены «на отписной Боринский двор и положены в полату, а которые на вышеписанной галере конаты, и оные от лежания попортытца, понеже все старые, а ныне негодные...»³². 19 июня 1725 г. Адмиралтейская коллегия повелела поручику П. Рагозо убыть с командой в Санкт-Петербург, а спустя месяц, 19 июля 1725 г., последовал императорский указ из Адмиралтейской коллегии о сохранении галеры и её припасов при Московской адмиралтейской конторе³³.

2. Описание галеры по реестрам

В распоряжении автора оказалось несколько реестров галеры «Струг москворецкий» 1724 и 1725 годов, позволяющих приблизительно описать судно.

Первый реестр содержится в письме неустановленного корреспондента А.В. Макарову от 15 января 1725 г.³⁴. Несмотря на позднюю датировку самого письма, описание галеры в реестре относится к июню 1724 г. Для удобства текст реестра представлен в табличной форме с введением нумерации позиций. Орфография документа сохранена.

1	В каюте образ Пресвятыя Богородицы обложен по полям серебряным чеканным окладом и позолочен, на нём 4 венца	[Количество]	[Примечания на полях]
2	Каюта изнутри завешена красными сукнами		
3	Кровать переплетена верёвками и сверх обшита холстом		
4	Стулов обшитых кожей	2	
5	Подушек вязаных з бахрамою	3	
6	Подушек суконных	3	
7	Флагоф	4	
8	Флюгоров	2	

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

9	Выпалов	2	
10	Кампасов	3	
11	Тик [?]	1	
12	Малых фонарей	4	
13	Смолы житкой полбочки		
14	Фонарь большой, круглой, кормовой	1	
15	Топор тупой	1	
16	Крюков отборных	6	
17	Сваек к веслам	30	
18	Таган большой железный	1	
19	Труб жестяных помятых	2	
20	Стол большой	1	
21	Стол малой	1	
22	Таганов малых	2	
23	Бутылей стеклянных	5	
24	Зеркало, розбитое	1	
25	Якорей ходовых	5	В том числе об одном роге 1, переломлен 1
26	Ушат	1	
27	Верейка с парусами	1	
28	Ходовых канатов	6 косяков	
29	Оконниц в окнах	6 ветхих	

Второй реестр, подписанный П. Рагозо 9 февраля 1725 г., относится ко времени нахождения галеры в ведении Коломенского магистрата³⁵. Текст автором также оформлен в табличной форме с введением нумерации позиций и сохранением орфографии. Последней введена колонка с нумерацией первого реестра и авторскими примечаниями.

		[количество]	№ первого реестра	Примечание автора
Каютные припасы				
1	В начале образ Успения Богородицы, на оном четыре венца и пополам серебряной оклад с позолотою	1	1	
2	Зеркало хрустальное, четырехугольное, розбито	1	24	

I. ARTICLES

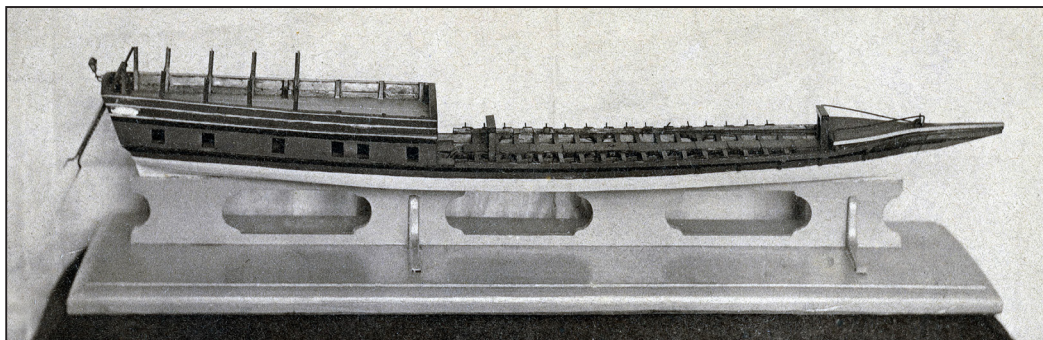
3	Занавесов каютных окошкам красного сукна длиною по аршину	6	2	
4	Кампасов негодных	3	10	
5	Часы песошные получасовы, изломаны	1	[11]	
6	Трубы гласительные негодные	2	19	
7	Фонарей каютных малых, изломанных	4	12	
8	Фонарь сигнальной испорченной	1	[14]	
9	Подушек для верейки красного сукна, старых	3	5	
10	Подушек вязаных, с одну сторону обшито красным сукном, старых	3	6	
11	Стулы кожею обиты	2	4	
12	Стол каютной четыре угольной	1	20	
13	Стол каютной малой прибивной	1	21	
Зеиль макарские припасы				
14	Флак белой с синим крестом	1	7	
15	Флак кормовой, красной, с крестом старой	1	7	
16	Флак кормовой, красной, с крестом, негодной	1	7	
17	Гюзь флак, старой	1	7	
18	Вынпал ординарной	1	9	
19	Вынпал ординарной же, негодной	1	9	
20	Флюгер красной, негодной	1	8	В первом реестре 2
Парусы галерные			нет	
21	Грот и фок, старые	2		
22	Лиселей	4		
23	Топсель старой, изодраной	1		
24	Полатка для шканцов	1		
25	Парусов шлюпочных, старых	4		
26	Брезент шлюпочной, старой	1		
Управительные припасы				

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

27	Якорей двурогих со штоками	2	25	Сходится с первым реестром только общее количество
28	Якорь четырёхрогий	1	25	
29	Якорей двурогих, ломаных	2	25	
30	Канат якорной 6 дюймовой, старой, негодной	1	28	
31	Канат якорной 5 дюймовой, негодной	1	28	
32	Провезов по полуспуска в 4½ дюйма, старые	2	28	
33	Стропленных канатов восемь концов разных дюймов ради завозу	1	28	
34	Негодного старого канату	12 пуд	28	
35	Вёсел галерных	11	нет	
36	Насосов галерных	4	нет	
37	Сваек вёсельных	12	17	В первом реестре 30
Да при оной галере				
38	Верейка	1	27	
39	Лотка одностеревая, по краям обшита по доске	1	нет	
Поваренные припасы				
40	Таган железной большой	1	18	
41	Таган железной малой	1	22	В первом реестре 2
42	Режетка железная ради жарения мяса	1	нет	
43	Прут железной тонкой ради завеса	1	нет	
44	Плит чугуновых ради очага	4	нет	
45	Сковород железных для накрывания труб	2	нет	
46	Заслон железной от каютной печи	1	нет	
47	Трубы железные от поварни	2	нет	
48	Топор старой	1	15	

Третий реестр, составленный 21 апреля 1725 г., отражает состояние галеры, принятой от Коломенского магистрата³⁶. Текст полностью сходен второму реестру, за тем исключением, что насосов указано на один меньше, всего три.

Четвёртый реестр составлен сержантом Никитой Романовым в июне 1725 г., после состоявшейся приёмки им галеры на хранение³⁷. Последовательность (нумерация) в реестре такая же, как и во втором и третьем реестрах, сходятся в целом и тексты позиций. Отмечено,

Ил. 6. Фото из Царскосельского адмиралтейства в г. Пушкин с моделью Есипова и подписью: «Галера, построенная на Волге, в селе Деднове, в 1660 году». Вторая половина XIX в. (ЦВММ. Фотонегативный фонд. Инв. НВ-1531). Публикуется впервые

что шканечная палатка (поз. 24) выполнена из канифаса; топор (поз. 48) русской работы, шлюпочных парусов (поз. 25) восемь, а не четыре; верейка (поз. 38) является 6-вёсельной, а лодка (поз. 39) большая. В четвёртом реестре уже отсутствует 4-рогий якорь (поз. 28), о котором, видимо, сообщал капитан М. Дубровин в июле 1725 г., что «якорь один отдан на судно, которое пойдет в Астрахань с материалами»³⁸. Четвёртый реестр единственный, в котором указан рангоут галеры: «На оной галере мачты, и райны грот, и фок и со снастями». Кроме перечисленных припасов галеры, Н. Романов записал в реестре прочие материалы, принятые им для хранения. Среди них обнаружили 17 галерных крюков и 5 галерных же шестов.

Необходимо уточнить, что кроме 6-вёсельной верейки и 6-вёсельной однодеревой с набоями лодки, появившейся со второго реестра, командой П. Рагозо была построена ещё одна 4-вёсельная лодка «ради завозу». Изначально на галере вместе с верейкой была шлюпка или, как она первоначально именовалась, полубаржа, «которую на Макарьевской ярмарке у Завацкого взял губернатор Волынской», когда галеру перегоняли из Свияжска³⁹. Возможно, А.П. Волынский выменял галерную шлюпку на набойную лодку.

Кроме перечисленных реестров, интерес вызывает **ведомость материалов**, израсходованных на вытаскивание, починку и спуск галеры, которую ежедневно вёл в Коломенском сержант Н. Романов и подписал 21 апреля 1725 г.⁴⁰. Выписки из ведомости, касающиеся непосредственно галеры и произведённых на ней работ с 13 февраля по 19 апреля 1725 г., сгруппированы автором в табличной форме с сохранением орфографии оригинала. Однообразные записи за разные числа и количество использованного материала объединены. Эти записи прекрасно характеризуют не только объём производившихся работ, но и уточняют некоторые конструктивные особенности галеры. Заметим, что, к примеру, под «вставками» в документе следует понимать не отдельные конкретные детали, а всего лишь замену сгнивших участков вставкой новых кусков дерева. Что подразумевается под «накрыванием баков носовых» не ясно, потому что в документе отдельно упоминается «накрывание носу».

На дело планок под мост в галере употреблено брёвен длиною 2½ сажени	8
На дело мосту в каютах досок длиною 2½ сажени	27
Положено изнутри связных досок длиною 4 сажени	6

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

На починку чуланов каютных досок длиною 2½ сажени		6
Положено изнутри в каютах к стенам на вставки досок длиною 2½ сажени		5
На починку кроватей в каютах досок длиною 2½ сажени		3
На дело трубы каютны досок длиною 1½ сажени		4
На починку галеры снаружи позади кормы досок длиною 2½ сажени		16
На дело нижних банок досок длиною 1½ сажени		25
На дело верхних банок досок длиною 1½ сажени		26
На дело ставней к окошкам каютным употреблено досок длиною:	2½ сажени	10
	3 сажени	3
Приделано на шканцах по сторонам досок длиною 4 сажен		6
На дело ящика на шканцах досок длиною 2½ сажени		2
На починку кормовых ящиков досок длиною 2½ сажени		2
Употреблено ради накрывания баков носовых досок длиною:	4 сажен	9
	1½ сажен	5
Ради накрывания носу досок длиною:	3 сажен	8
	4 сажен	4
Употреблено на столбы ради гнезда мачты тринкетовой бревно длиною 4 сажен		1
На дело гнезда к мачте маистровой бревно 4 сажен		1
На дело банкасов кокор елевых (по 4 на каждую мачту. – А.И.]		8
На дело салингов маистры и тринкета		–
На дело бушприта бревно длиною 4 сажен		1
На дело бушприта ради флакштока кокора елевая		1
Ради крепления коршей кокор елевых		4
Ради крепления фрешкатов кокор елевых		5
На починку самого носу галерного кряж елевый		1
Положен на носу поперешной брус, которой вытесан ис кряжа длиною 2½ сажени		1
На починку под самым носом положена доска длиною 3 сажен		1
Да под самой же нос на резьбу доска длиною 4 сажен		1
На дело под нос на гребень доска 3 сажен		1
На дело к носовому штевню снаружи стоячих досок длиною 1½ сажени		2
На дело вставок снаружи доски длиною:	3 сажен	2
	1½ сажени	13

I. ARTICLES

На вставку снаружи сысподи доски длиною 1½ сажени	2
Во оные числа зделано 12 вёсел вереечных и лоточных, на которые употреблено брёвен тонких	12
На починку лотки ради прибоины доска 3 сажен	2
1 лотка небольшая ради заводу	
4 весла лоточные малые	
25 шестов галерных елевых	

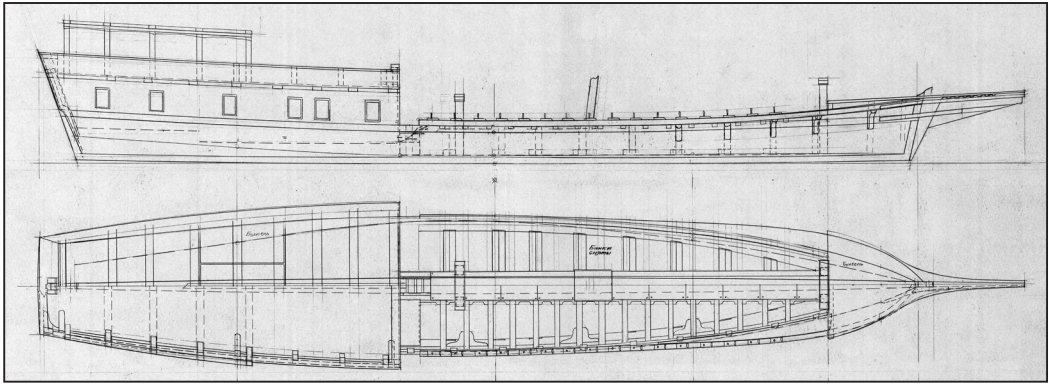
Таким образом, галера «Струг москворецкий» представляла собой двухмачтовое судно, имевшее как косые галерные паруса, так и прямые. Одновременно имела галерный нос (шпирон) и бушприт с флагштоком. Внутри настлана палуба (мост), устроена галерная куршя, а также нижние (ножные) и верхние банки для гребцов. Обширная кормовая надстройка образовывала шканцы, покрытые палаткой. В ней имелось как минимум четыре помещения с чуланами (спальными местами): спальня с кроватью, кабинет с приставным столом, столовая (или гостиная) с большим столом и кухня. При галере находились 6-вёсельная верейка и 6-вёсельная шлюпка (полубаржа). Это описание несколько отличается от описания и рисунка Ф.И. Соймонова, которые до настоящего времени не подвергались сомнению в отечественной историографии. Но и перечисленных подробностей не достаточно для полного понимания архитектуры галеры и установления её истинного облика. Это стало возможным после выявления документов о дальнейшей судьбе установленного под Даниловым монастырём судна.

3. Первое мемориальное судно в Москве

После указа 19 июля 1725 г. о сохранении галеры в ведении Московской адмиралтейской конторы обнаружены только четыре документа, в какой-то мере позволяющие прояснить судьбу первого мемориального судна Москвы.

Согласно первому документу, а именно протокольной записи заседания Адмиралтейской коллегии 22 апреля 1748 г., генерал-кригс-комиссар князь М.А. Белосельский 20 апреля получил на своём докладе «о разломе имеющейся в Москве, стоящей из давних лет и пришедшей в ветхость галеры» высочайшее повеление императрицы Елизаветы Петровны: «...галеру разломать, а для предбудущих известей снять с нее мадель». После обсуждения словесного доклада М.А. Белосельского Коллегия приказала: «Галеру, сняв с нее мадель, разломать, и железо убрать в магазин, а лес употребить в дрова, и ту мадель иметь в добром бережении... и о вышеписанном исполнении куда надлежит сообщить и послать указы»⁴¹.

Остаётся предполагать, что за 23 года судно действительно пришло в полную негодность и, как и останки таких же мемориальных судов в Санкт-Петербурге в Мемориале русской морской славы в Кронверкской гавани и на её берегу⁴², её останки захламили территорию. К сожалению, не выявлено документов Московской адмиралтейской конторы этого периода, которые могли бы детализировать решение Адмиралтейской коллегии. Однако в описи моделей и чертежей судов, хранящихся в Модель-камере при Адмиралтейской коллегии, датируемой 1764 г., обнаружены две записи: «293. [Чертёж] с ымеющейся в Москве, стоящей из давних лет и пришедшей в ветхость галере, учинённой галерным учеником Есиповым»; «99. [Модель] с ымеющейся в Москве, стоящей из давних лет, с ветхой галеры, зделанная галерным учеником Есиповым», из которых очевидно, что приказ Коллегии

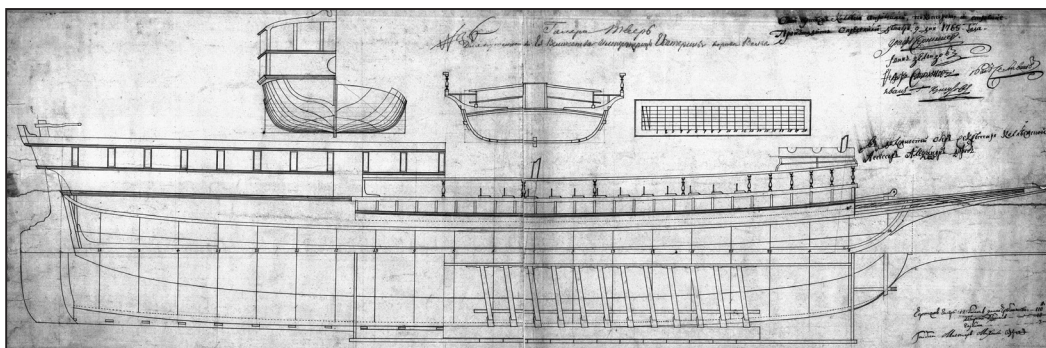

Ил. 7. Иванов А.В. Модель галеры «Струг москворецкий». Чертёж обмерный, фрагмент (Инв. КП-176. 2013). (Собрание автора)

был выполнен и выполнял его галерный ученик Есипов. Точную дату и обстоятельства выполнения чертежа и модели галеры «Струг москворецкий» установить пока не удалось, но в описи моделей и чертежей Модель-камеры, датируемой январем 1749 г., они ещё отсутствуют. Поэтому датировку чертежа и модели следует предположить не ранее 1749 года.

Не особенно надеясь на успех, автором был предпринят поиск чертежа в фонде 327 (Чертежи по судостроению парусного и гребного флотов) РГА ВМФ по единственной указанной в описи 1764 г. конкретной привязке — фамилии галерного ученика Есипова. Поиск оказался неожиданно результативным. Под инвентарным № 4096 и названием «Общий чертёж 16-баночной галеры конструктора Есипова» был обнаружен чертёж, на оборотной стороне которого имеется следующая надпись: «№ 10. Чертёж галеры, состоявшей в Москве из давних лет, сделан учеником Есиповым». Правда, этот и другие номера на обороте: 443 (коричневые чернила), № 037 (чёрные чернила), 1799 (красный карандаш, зачёркнут), 1786 (красный карандаш), КУКЧ № 2866 к вх. № 74, МТКК Архив № 1527, — с номером 293 описи 1764 г. не сочетаются. На лицевой стороне: «№ 14 и 523. Папка 27». Несмотря на отсутствие инвентарного № 293 описи 1764 г. и подписи ученика Есипова, чертёж несомненно именно тот, который он чертил с галеры (струга), прежде всего потому, что на нём изображена модель № 176 из собрания ЦВММ, ранее подвергнутая автором сомнению в качестве «струга «Москворецкого» в предыдущей публикации. Характеристика и описание модели уже производились, поэтому обратим внимание на сам чертёж. Фактически это не чертёж, а довольно условно выполненный эскиз, дающий только общее представление об архитектуре судна, но не позволяющий судить ни о форме корпуса — плоскодонный он или имеет округлые очертания, ни детализирующий внутреннее устройство, особенно кормовой части и жилой надстройки. Нет никаких признаков рангоута и внешнего оформления галеры. Предполагаем, что судно на момент выполнения Есиповым чертежа с него настолько разрушилось, что ученику ничего другого не оставалось, как догадываться о той или иной конструкции. И всё-таки, найденный чертёж позволяет разом разрешить несколько противоречий и исправить заблуждения в историографии.

Во-первых, в правом нижнем углу на чертеже сохранилась надпись: «Длина оной галере 105 фут, ширина 16 фут, глубина 5 фут», а над видом, сбоку, помещена масштабная шкала в масштабе $\frac{1}{3}$ дюйма за 1 фут (1 : 36 н. в.). Тем самым впервые выявлены подлинные размеры судна, которые до этого были неизвестны.

Ил. 8. Озеров М. Проект 12-баночной галеры («Тверь»). Чертёж. 1765 г. (ЦВММ. Сектор хранения чертежей. Инв. КП-12215/1)

Во-вторых, выявленные размеры судна и масштаб чертежа позволяют скорректировать представление о масштабе модели № 176, выполненной в той же величине, — не $\frac{1}{4}$ дюйма за 1 фут (1 : 48 н. в.), как полагал Ф.Ф. Веселаго, внедривший впервые размеры струга в историографию и получивший по обмеру модели 140 футов длины по габаритам (максимальная длина), а $\frac{1}{3}$ дюйма за 1 фут (1 : 36 н. в.).

Третье, в воспоминания Ф.И. Соймонова закралась досадная ошибка, затем повторяемая всеми исследователями, что струг имел 18 гребных банок. По чертежу и модели Есипова (а модель, несомненно, следует приписать ему же), галера «Струг москворецкий» имела 16 банок.

И наконец подтвердился вывод автора о том, что модель № 176 выполнена во второй половине XVIII в., что и послужило первоначальному отклонению её в качестве источника для характеристики струга. Дальнейшее детальное рассмотрение модели в сравнении с чертежом и с реестрами в основном подтвердило прежний вывод автора о невозможности считать модель полновесным историческим источником.

Таким образом, первое мемориальное судно Москвы галера «Струг москворецкий» было разобрано за ветхостью после 1749 г. и осталось запечатлённым на чертеже и в виде модели галерного ученика Есипова в Модель-камере Санкт-Петербургского адмиралтейства. О чертеже скоро забыли, а модель понадобилась спустя 15 лет. 19 июля 1765 г. по указу Екатерины II Адмиралтейств-коллегия приказала: «...модель, снятую с галеры, на которой в 1722 году блаженные и вечно славы достойные памяти Его Императорское Величество Петр Великий прибыть изволил из Дербени в Москву, отдать в Интенданскую экспедицию и велеть против оной сделать 12- и 16-баночных чертежи и модели, по рассмотрению той экспедиции, чтоб можно было на оных ходить по рекам, и по учинении предложить Коллегии»⁴³.

Этот приказ предварял подготовку к известному путешествию Екатерины II по Волге в 1767 г.⁴⁴ Причём первоначально речь вновь шла о приспособлении обыкновенной барки в качестве судна для путешествия⁴⁵. В конечном итоге Адмиралтейств-коллегия 9 декабря 1765 г. утвердила к строительству проект не струга, а настоящей 12-баночной галеры, подготовленный галерным мастером М. Озеровым. 3 апреля 1767 г. в Твери галерным подмастерьем Щепиным были спущены 13-баночная галера «Тверь» и три 10-баночные галеры — «Волга», «Ярославль» и «Казань». Последние строились по тому же чертежу, что и «Тверь», но с уменьшением длины со 110 футов до 100 футов между штевнями. Изменил

Щепин и количество банок галеры «Тверь» по сравнению с проектом М. Озерова с 12 до 13. Таким образом, объединяет две галеры — «Струг московрецкий» и «Тверь» — только принцип отведения под жилые помещения большого пространства в кормовой половине судна да, пожалуй, примерно равная длина⁴⁶.

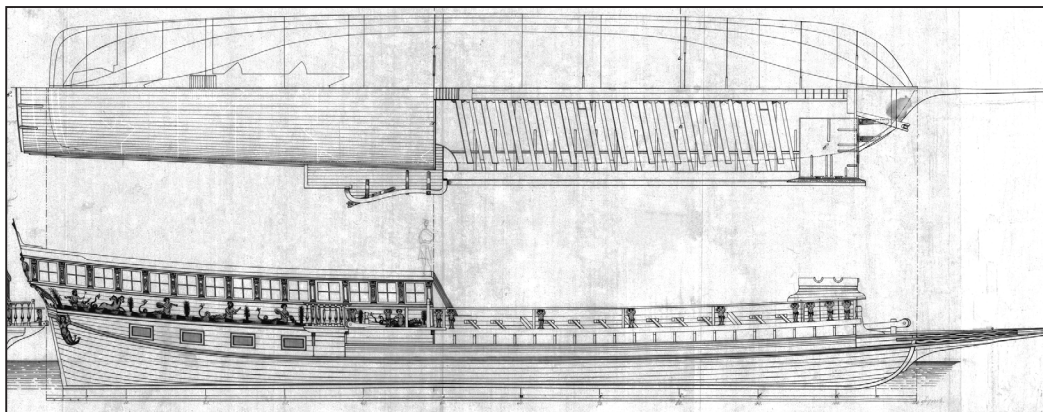
Дальнейшая судьба модели с инв. № 176 (КП-176) автором уже описывалась. В это описание, кроме ранее подтвержденной атрибуции, сейчас следует внести ряд корректив и отдать должное Ф.Ф. Веселаго, впервые верно определившего, какое судно она представляет. Ошибся он только в одном, а именно в том, что модель выполнена в масштабе $\frac{1}{4}$ дюйма за 1 фут, тем самым преувеличив размеры галеры «Струг московрецкий». Следует отметить, что на обнаруженном автором чертеже Есипова имеется дореволюционная надпись синим карандашом «Чертёж галеры, состав[ленный] в Москве», но кто её выполнил остаётся неизвестным. Существующая архивная атрибуция чертежа, внесённая в опись фонда 327, является неточной.

4. Выводы к реконструкции

Выявленные источники, а их всего три — группа реестров, чертёж и модель, предоставляют возможность в результате их сравнения и анализа, провести реконструктивное описание галеры «Струг московрецкий».

Размеры галеры. Эти размеры записаны на чертеже Есипова и после проверки с изображением показали их привязку: длина по основной линии 105 футов, ширина по банке 16 футов, глубина от основной линии до верхней грани постицы 5 футов. Ширина и глубина указаны на чертеже в месте, рассчитанном по формуле $\frac{45}{100}$ по основной линии. Киль на чертеже не показан, вместо него расчёт производился по основной линии, которая, как предполагает автор, проведена по внешней поверхности наружной обшивки в месте примыкания к килю. Обмер модели в тех же точках показал, что они не стыкуются с чертежом, так как показывают различные коэффициенты масштабирования. Исходя из общих размеров модели Есипова и предполагая большую вероятность применения одного из традиционных масштабов, а именно $\frac{1}{3}$ дюйма за 1 фут (1 : 36 н. в.), размеры, записанные на чертеже, были автором статьи масштабированы в модельные: длина 35 дюймов, ширина $5\frac{1}{3}$ дюйма, глубина $1\frac{2}{3}$ дюйма, после чего модель обследована на предмет поиска соответствующих им точек. Оказалось, что 35 дюймов длины находятся на модели не на основной линии, а как расстояние между штевнями, то есть в тех точках, которые на чертеже обозначены пунктирными перпендикулярами и расстояние между которыми составляет по обмеру 112 футов. Тем самым очевидно, что галерный ученик Есипов при изготовлении модели ошибся, забыв, что им же обозначенная длина в 105 футов является длиной по основной линии и машинально принял за 105 футов расстояние между перпендикулярами (длина по штевням) на чертеже. То же самое произошло с шириной. Ширина, указанная в подписи, найдена на чертеже как ширина по банке, а на модели эта величина находится в том же месте, что и на чертеже, но только по внешним граням постиц, то есть является величиной не внутреннего, а внешнего обмера. И наконец, глубина у модели нашлась в том же месте, что и на чертеже, но только не от основной линии, а вместе с килем.

Таким образом, галерный ученик Есипов при изготовлении модели допустил фатальную ошибку в главных размерениях судна, тем самым исказив его основные пропорции. Модель получилась короче, уже и мельче по высоте, причём уменьшение всех трёх параметров оказалось непропорциональным. Для того, чтобы произошло такое расхождение между чертежом и моделью одного исполнителя, их должен разделять достаточно

Ил. 9. 13-баночная галера «Тверь». 1767 г. Чертёж обмерный, фрагмент. Вторая половина XIX в. (ЦВММ. Сектор хранения чертежей. Инв. КП-12202/4)

продолжительный по времени промежуток. Модель строилась Есиповым гораздо позже и, возможно, уже вдалеке от самого судна, поэтому многие детали, как и обстоятельства создания чертежа, стёрлись из его памяти.

Автор предлагает считать размерами галеры следующую группу величин. Длина по внешним граням штевней, которая определена по обмеру чертежа, — $110\frac{1}{2}$ футов. При этом следует заметить, что длина именно по штевням является наиболее распространённой в расчётах и документах для такого типа судов. Тем более что кормовой перпендикуляр на чертеже проведён верно, а носовой перпендикуляр ошибочно проведён не от внешней грани форштевня, а от дополнительной наделки на форштевень. Ширина галеры без наружной обшивки по обмеру чертежа (16 футов) и прибавкой толщины обоих бортов модели ($\frac{1}{4}$ дюйма) — $16\frac{3}{4}$ фута. Размер ширины без наружной обшивки тоже является характерной для русского кораблестроения величиной. Глубина или, точнее, для этого типа судов высота борта — 5 футов без учёта высоты киля, как и помечено на чертеже Есипова.

Архитектура корпуса. Первое впечатление при рассмотрении модели такое, что корпус судна, на который затем были надстроены каюты, куршья и банки, шпирон и т. п., построен специально: традиционных русских речных судов барочного типа с транцевой кормой первой четверти XVIII в. автору находить не приходилось. Как правило, такие суда транца не имели, носовые и кормовые окончания их были подобны друг другу. Но отсутствие достоверных сведений не может быть аргументом отрицания возможности строительства транцевых речных судов в указанное время. Во всяком случае, ряд археологических исследований указывает возможность постройки традиционных судов с транцевой кормой⁴⁷. Впечатление усиливает неожиданный переход в формообразовании корпуса судна от плоского днища с острым L-образным подворотом (переходом от борта к днищу) и прямолинейными бортами большей его части (чуть больше $\frac{2}{3}$ длины судна) к овальным очертаниям в последней, кормовой части, которая завершается V-образным транцем. К сожалению, чертёж Есипова никак не проясняет эти два момента, за тем исключением, что линия бархоута в корме отстоит в сторону от ахтерштевня на $4\frac{1}{2}$ фута. Тот же размер в этом месте обнаружен на модели, то есть транец у судна был. Спорный в технологическом аспекте переход от плоского днища с L-образным подворотом к плавным овальным очертаниям с V-образным транцем автор

склонен приписать вольности ученика Есипова: он не смог правильно рассчитать и показать на чертеже линию флака, то есть в данном случае линию L-образного подворота, и вывести её на транец. Поэтому на модели ему пришлось подбирать плавную форму обшивки, тем самым уменьшая полноту корпуса под тяжелой кормовой надстройкой. Более вероятным представляется то, что острый подворот был более протяжённым, корпус под кормовой надстройкой был более полным.

Ещё одной особенностью является различный уклон форштевня, показанный на чертеже и на модели. На чертеже уклон составляет 1 фут, а на модели почти 2 фута. Высота форштевня на чертеже 8 футов, а на модели — 7 футов 2 дюйма от основной линии. Также меньше на модели высота ахтерштевня при сохранении угла его наклона, показанного на чертеже. По разному в рассматриваемых источниках показан шпирон, его кницы, носовая площадка. Таким образом, правомочно сделать вывод о том, что перед Есиповым оказалась непростая задача — зарисовать и построить модель судна, имевшего существенные разрушения и утраты, поэтому часть своего чертежа, особенно модели, он вынужден был додумывать, руководствуясь своими представлениями и опытом. Усугубилась эта задача проявленной невнимательностью к собственным записям размеров на чертеже и внесёнными искажениями в модель.

Автор склонен считать, с учётом рассмотрения и сравнения между собой двух источников — чертежа и модели, что корпус для галеры не был построен Ф.П. Пальчиковым, опытным корабельным подмастерьем в команде самого Петра I, а был подобран из готовых грузовых судов (стругов, коломенок, романовок и т. п.), в которых наиболее полно отразились те нововведения для традиционного судостроения, которые в то время насаждались повсеместно.

Оборудование галеры. К оборудованию галеры, сведения о котором возможно черпнуть из чертежа Есипова, нужно отнести куршею с банками, постицы, носовую площадку и кормовую надстройку. Ширина куршей по чертежу — 3 фута 4 дюйма, что соответствует и размеру на модели. Однако на чертеже отсутствуют щиты, покрывающие куршею, не показаны места мачт с их оборудованием, места насосов. Возможно, что этих деталей уже не было на судне. На чертеже показано 16 банок шириной 8 дюймов с расстоянием между ними 2 фута 4 дюйма. На модели из-за изначальных искажений ширина банок меньше, расстояние между ними варьируется от 2 футов до 2 футов 2 дюймов. Очевидно, что Есипов был вынужден подбирать расстояние и размер банок на модели. Соответственно количеству банок на чертеже и модели показано 16 уключин на постице. Три банки на чертеже показаны полными, от борта до борта сквозь куршею, то есть являются оздами, соединяющими борта струга. Дополнительно озды снабжены бортовыми лежащими кницами. Остальные банки показаны установленными только между стеной куршей и бортом струга. При этом самая первая банка длиной всего 3,5 фута (около 1 м). Таким же образом показаны банки на модели. Количество банок в реестрах является неполным, видимо, не все они подверглись ремонту. В одном из реестров количество сваяк (уклучин) всего 30, но это, вероятно, не полное их число. То же можно утверждать относительно меньшего числа вёсел, показанного в реестрах.

Установленное по чертежу расстояние между банками предоставляет возможность судить как о количестве гребцов на одно весло, так и о длине самого весла. Вероятнее всего, весла были короткими, 14 – 15 футов длиной, и управлялись одним гребцом, то есть для гребли требовалось всего 32 человека. В необходимых случаях для продвижения по мелководью могли использоваться вместо вёсел галерные шесты, по реестрам входившие в комплект. Остальные нанимаемые гребцы могли распределяться на прочие государевы струги, сопровождавшие галеру.

Ни чертежом, ни моделью не показаны мосты (палубные настилы) и нижние банки, которые указаны в реестрах. Возможно, как и щиты на куршее, они уже отсутствовали на мемориальном судне. Постицы на модели в целом своим положением и кривизной соответствуют чертежу, за тем исключением, что из-за заниженного на модели борта продольная погибь постицы оказалась больше. Это привело к тому, что носовая площадка, которая по чертежу должна была быть вровень носовому участку постиц, на модели оказалась поднятой выше и превратилась в тяжелую баковую надстройку непонятного назначения. Вполне возможно, что дощатого настила бака уже на судне не было в целом виде. Либо необходимо принять во внимание вероятность некачественного ремонта модели в начале XIX в. Во всяком случае, баковая площадка на модели выглядит чужеродным элементом, не вписывается в архитектуру судна и не подтверждается чертежом. В реестрах отдельно указываются доски, использованные при ремонте для «накрывания носу» и для «накрывания баков носовых», что можно расценить как наличие двух площадок — собственно накрытия пространства на носу между постицами и каких-то «баков» (боков? — *А.И.*) возле носа. Возможно, под последними подразумеваются настилы между постицей и бортом струга с каждой стороны. Эти элементы присутствуют на модели. Следует отметить, что на модели расстояние между постицами от борта до борта за носовой площадкой получилось у Есипова несколько меньше, чем показано на чертеже, что ещё раз характеризует стиль работы галерного ученика.

К сожалению, видимо, уже не было на судне никаких устройств для обслуживания якорей, поэтому они не показаны ни на чертеже, ни на модели. Автор предполагает, что якорные устройства — битенги и кранбалки — ничем не отличались от галерных и находились на традиционных местах.

Носовая площадка и по чертежу, и на модели отделена от куршей мужлуком («поперечным брусом на носу», на который опираются постицы). По реестрам, на его ремонт пошёл кряж длиной $2\frac{1}{2}$ сажени (17,5 футов), причём его укладывали после ремонта носовой площадки, что ещё раз доказывает неверное выполнение этого узла на модели. Даже если предположить, что какая-то часть кряжа потеряна при обтёсывании, длина мужлука на модели гораздо меньше указанного — всего 12 футов 9 дюймов. Вероятно, исходя из уже выявленных ошибок Есипова при изготовлении модели относительно чертежа, он неверно прочитал свой же чертеж и принял внешнюю кривую линию на чертеже за линию изогнутой в плане постицы, тогда как она показывает линию бархоута струга, то есть верхнюю линию борта струга. В таком случае длина поперечного мужлука — 17,5 футов — будет соответствовать ширине галеры на мидель-шпангоуте, тем самым по всей своей длине обе постицы будут параллельны, что важно для использования вёсел одной длины. В противном случае длина вёсел к носу должна заметно меняться, что вряд ли мог допустить Ф.П. Пальчиков. Такое предположение также согласуется с большим количеством досок, использованных на ремонт «баков» (боков? — *А.И.*) возле носа между бархоутом и постицами — эти площадки должны быть шире. Одновременно решается вопрос с местом для пушек, которые могли быть установлены именно на этих площадках, за мужлуком. Усугубилась ошибка Есипова и тем, что на чертеже банки в этом месте он не довёл до внешней линии.

Возвращаясь к вопросу об архитектуре корпуса, установленное положение линии бархоута в плане свидетельствует, что борта струга были более отвесными, чем показано на модели Есипова, а в носовой части струг был более полным. Возможно, внутренняя кривая линия на чертеже в носовой части является линией флака, тем самым зафиксированы обводы днища. Киль (*волжск.* лыжная) был внутренним, а не внешним, почему он и не показан на чертеже. Спустя же время, это обстоятельство галерный ученик Есипов упустил, выполнив на модели привычный ему выступающий киль.

Кормовая надстройка. Уже упоминалось, что ахтерштевень по чертежу гораздо выше, чем на модели. То же различие наблюдается и в высоте надстройки — по чертежу в корме высота больше. Вызывает удивление на модели большой уклон боковых стен надстройки наружу, заведомо ухудшающий устойчивость судна. Вопрос получает разрешение после того, как по чертежу было установлено, что борта струга в центральной части были отвесными. Следовательно надстройка имела отвесные, не выходящие наружу боковые стены. Вполне возможно, что в памяти Есипова отложились разваленные в стороны от времени борта галеры, которые он и воплотил на модели. Тем более что, рассматривая палубный настил надстройки, выполненный на модели, не обнаруживаешь никаких люков, сходов, отверстий для труб и т. п. оборудования, что может свидетельствовать об обрушении палубы от времени и невозможности зафиксировать ни её размеров, ни оборудования на ней.

На надстройке показаны 8 тентовых стоек (на борт), которые одновременно являются стойками ограждения. На модели стоек осталось всего 5, остальные обломаны. Высота тента по чертежу и по модели 6 футов, высота ограждения по чертежу 3 фута, по модели — 2 фута 3 дюйма. Положение окон и их размеры на чертеже и модели соответствуют друг другу. Реестрами отмечается наличие ставней на окнах.

На гакаборте надстройки был укреплен большой фонарь, вероятно круглой формы, и кормовой флагшток. Их размеры и конструкция крепления остаются неизвестными.

Внутренняя планировка надстройки показана на модели, и она в целом соответствует тому перечислению предметов, которые там находились. Два больших помещения были разделены узким длиной около 10 футов коридором, по сторонам которого находились ещё два небольших помещения (чуланы). В большом кормовом помещении, видимо, располагались спальное место с большой кроватью, зеркалом и иконой. Обогревалось помещение «каютной печью» с железной трубой. Чуланы, возможно, были оборудованы лавками под каюты сопровождающих лиц либо под кабинет и помещение дежурного офицера, в которых находился «прибивной стол» и «стул обитый кожей». Переднее большое помещение служило для общих целей и столовой с большим столом и ещё одним стулом. В нём же находился большой очаг (кирпичный?) с железной трубой и со всем оборудованием: таганом, решётками, сковородами и т. п. Возможно, именно из большого переднего помещения вёл и трап на верхнюю палубу надстройки. Все внутренние стены надстройки были обшиты досками и, очень вероятно, выбелены. На окнах спальни и обоих чуланов (6 окон) находились занавесы красного сукна.

Рангоут и паруса. Галерный ученик Есипов уже не застал на судне ничего, что могло бы подсказать ему количество мачт и места их расположения. Поэтому, не сделав никаких помет на чертеже, позже на модели он обозначил обрубок только одну мачту, в том месте, которое, по его мнению, соответствовало парусному вооружению небольшой галеры. Из реестров же известно, что галера имела две мачты, окружённых столбами, и бушприт. Столбы с перекладинами возле куршей Есипов выполнил на модели, видимо, они зафиксировались в его памяти при осмотре галеры, но на чертеже их нет. Если месторасположение носовых столбов за мужлуком не вызывает вопросов, то кормовые столбы явно поставлены слишком далеко. Следует заметить, что небольшая высота куршей не способна обеспечить надёжное крепление мачты в корпусе, поэтому высокие столбы с перекладиной вполне уместны. На модели высота носовых столбов $8\frac{1}{2}$ футов, кормовых — чуть больше 6 футов; различие скорее связано с погрешностью в изготовлении. По реестрам, на ремонт каждой группы столбов пошло бревно длиной 4 сажени (28 футов), из которых необходимо вычсть 6 футов на перекладину. Оставшихся 22 фута достаточно для изготовления двух

столбов такой высоты, чтобы укладываемые при уборке на их перекладыны длинные рей не лежали на кормовой надстройке. Особенностью следует признать установку обеих мачт в куршее, то есть на одной линии, тогда как передняя мачта на галерах устанавливалась традиционно сбоку от куршей. Возможно, такое решение связано с возможностью укладки мачт навстречу друг другу в куршее при их уборке, потому и столбы расположены относительно мачт по-разному: у передней мачты спереди, у задней мачты сзади.

Размеров мачт, реев и парусов не найдено. Однако известно, что для снабжения стругов для низового похода собирались в Санкт-Петербурге запасные паруса и снасти с имевшихся галер, поэтому размеры не должны сильно отличаться от тех, что применялись на Балтике.

Учитывая слабость шпирона, судя по чертежу, на галере поверх него был положен 4-саженный (28 футов) бушприт с кницей и флагштоком на конце.

Парусное вооружение судна состояло из двух галерных латинских парусов, кроме которых были 2 пары лиселей и топсель. Под лиселями, возможно, подразумеваются относительно длинные и узкие полосы полотнищ, парно поднимаемые на прямом рее. Где ещё выше мог подниматься топсель, пока не выяснено.

Шлюпки. Как уже упоминалось, при галере были 6-вёсельная полубаржа — род шлюпки английской «маниры» и 6-вёсельная верейка. Последняя долго хранилась в Астрахани. Как она попала из Москвы в Астрахань, пока неизвестно. Однако автору удалось обнаружить снятый с неё чертёж XIX в.⁴⁸. Судно было достаточно большим: длина между перпендикулярами 37 футов $\frac{1}{2}$ дюйма, ширина без обшивки 5 футов 10 дюймов, высота борта на миделе 1 фут 8 дюймов. Такое судно на борт галеры поднять невозможно, поэтому его вели на буксире либо оно шло своим ходом. Гораздо меньше могла быть 6-вёсельная полубаржа (шлюпка) — судно более полное, чем верейка. В английской литературе упоминаются 12-вёсельные баржи длиной 37 футов⁴⁹. Следовательно, 6-вёсельная полубаржа вполтину меньше. Кроме того, если вёсла у верейки расположены парами на одной банке, то у баржи весло приходится на одну банку. Интересно, что у верейки на чертеже показано кормовое окончание со щитом, подобное кормовому окончанию баржи. Судя по количеству шлюпочных парусов, верейка имела две мачты, а полубаржа одну мачту с соответствующим парусным вооружением.

Таким образом, собранные документы и источники и проведённый их анализ убедительно показывают верность первоначально высказанного автором предположения о том, что галера «Струг москворецкий» является не вновь построенным судном, а оборудованным из подходящего речного струга. Установлены его точные размеры, которые оказались заметно меньше утвердившихся в отечественной историографии. Аналитическое сравнение источников позволило дать характеристику известной модели и определить, что она имеет серьёзные погрешности и только очень отдалённо отражает реально существовавшее судно. Точно установлен автор модели, которую использовать в качестве полновесного исторического источника возможно только с большими оговорками. На основании сравнительного анализа источников выполнена историческая реконструкция первого мемориального судна Москвы — галеры, построенной корабельным подмастерьем Ф.П. Пальчиковым весной 1722 г. для шествия императора Петра I в Персидский поход по Волге.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

1722 г., ноября 27. – *Письмо кабинет-секретарю А.В. Макарову
от Данилы Дурново*

¹Благородный господин, господин кабинет-секретарь.

л. 1135

Мой господин Алексей Васильевич.

В письме вашего благородия написано: дворцовые суды за льдом стоят не в дальних местех от Черного Яру и обретающиеся на оных люди требуют для выгруски ис тех судов помочи. А огда оным людьми помогайте, также и подводы по своему рассмотрению до сего места давайте, для чего от Царицына будет на половине и подстава с лошадми поставлена.

А те суда замерзли, конюшенное в семидесяти верстах, мыленное в сороке вёрстах, и с мыленного струга все прибыли в Черной Яр, а с конюшенного ещё не бывали. И токарня пришла, и платья императорское, и оптека, и как по возможности // буду отправлять, чтоб пожаловали, приказали прислать подвод с Царицына, понеже в Черном Яру подвод малое число, а обывателей при Царицыне больше.¹ л. 1135 об.

Ваш, моего господина, верный слуга Данила Дурново.

²Черный Яр, ноября дня 27 1722 году.²

¹PS. Покорно доношу, получил я письмо от Матвея Дмитриевича, чтоб дать подвод на мыленное судно 40, а в Черном Яру ни лошадей нет, которые (были. – А.И.) и те пошли в Царицын. Вы изволите писать, что по моему рассмотрению, а Матвей Дмит[ре]евич пишет к родному Михайловичю [...]торые прибудут лошади из Царицына в ев¹... [обрыв края листа]. //

РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 59. Л. 1135 и об. (*Подлинник*).
Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк – писарский.

²⁻² Второй почерк – собственноручная подпись Д. Дурново.

№ 2

1722 г., ноября 26. – *Письмо А.В. Макарову
от полковника Юрия Фаминцына*

¹Милостивой государь мой Алексей Васильевич.

л. 599

Чрез посланного казака из Царицына получил я от вас, государя моего, 2 письма сего ноября 25-го дня, во 12-м часу пополудни. Первое, писанное 22-го, второе 23-го; и по оным письмо к господину тайному советнику Василью Васильевичу Степанову, как будет возможно лотке на ту сторону переехать, пошлю. А до сего, как от меня ездили на ту сторону к поваренной лотке Его Величества для збирания Его Величества припасов, тогда оной господин, советник Степанов, думал в шлюпке и в лотке ехать сюда, но видя ту мою посланную лотку в одно время, что льдом было затёрло, и ежели б он не изволил с своими людьми им вспомочь, то б та лотка пропала, и того ради он сюда // опасен ехать. А вспомогать ему по указу вашему со усердием буду; он же изволил ко мне дня ономеднишнего приказывать, что послал к калмыкам для лошадей, и ежели сыщут, хотел ехать тою стороною. А ныне как, того не знаю. л. 599 об.

К духовнику Его Величества по получению вашего указа послал на лошади тот же час, и ежели его сыщет, приказал у него спросить, чтоб он мне изволил бы приказать, в чём себе вспомогать. И как от него получю какой приказ, также и как дождусь подвод, то по указу вашему исправлять оным буду.

У черноморского каменданта людей для караулу Его Величества галеры и лоток островских от него не требовал и требовать до того числа не буду, как ко мне будет указ, что итти отсюда с командою к Царицыну. //

л. 600 За тем остаюсь вашей милости государя моего милостивого нижайши слуга.⁻¹

⁻²Юрья Фаминцын.⁻²

⁻¹26 ноября 1722-го году з галеры. //

л. 600 об. PS. При заключении сего, на которой лотке я посылал на ту сторону, ныне с той стороны едва приехала. Сказывали мне, что господин тайной советник Степанов луговою стороною на лошedah отпавился к Царицыну, и который пакет от вас, государя моего, я получил, оной при сём включаю до вас, государя моего.⁻¹ //

Надпись на конверте: *Милостивому моему государю Алексею Васильевичу, его высокопревосходительству Макарову.*

Печать красного воска.

Следы складывания конвертом.

РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 61. Л. 599–600 об. (Подлинник).

Публикуется впервые.

⁻¹ Первый почерк – писарский.

⁻² Второй почерк – подпись Ю. Фаминцына.

№ 3

1722 г., ноября 29. – *Письмо А.В. Макарову от Ю. Фаминцына*

л. 601 ⁻¹Милостивой государь мой Алексей Васильевич.

Указ ваш, пущенной из Царицына сего ноября 24-го, я получил 29-го дня, по которому призывал я к себе калмыка Дакбу Манжу и спрашивал у него, много ль с ним на нагорной стороне кибитак. Объявил мне он, что токмо 40 и стоят в верстах в 6 от галеры, и хотел послезавтра со всеми переехать ближе за версту или меньше. К господину Львову для шестидесяти кибитак к тем сороку писал, чтоб он Аюке-хану донёс, чтоб немедленно повелел бы прислать к тем в сообщения.

Ещё же нижайше доношу вам, государю моему, господин тайной советник Степанов убавился на лошадей и поехал совсем к Царицыну луговою стороною тому как ныне 4-й день. Духовника Его Величества, Тимофея Васильевича, посылал ис-

л. 601 об. катъ вверх по Волге // от галеры Его Величества верст как боле 30, которой посланной от нас третьево дне возвратился и не мог его сыскать. А слышал он от рыбаков, что он своим судном будто был на луговой стороне и луговою стороною поехал. Аднако ж ещё паки послал вверх и вниз искать.

29-го ноября 1722-го году от галеры.⁻¹ //

РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 61. Л. 601–601 об. (Подлинник).

Публикуется впервые.

⁻¹ Почерк тот же, что и в письме Ю. Фаминцына от 26 ноября 1722 г.

- ¹ *Иванов А.В.* По следам струга «Москворецкого» // Меншиковские чтения – 2014 : научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 124–140.
- ² После высказанных устно автору замечаний, В.Р. Чепелев оформил их в своей публикации (*Чепелев В.Р.* Струг «Москворецкий» // Катера и яхты. СПб., 2016. № 3 (261), май – июнь. С. 70–72). Замечу, что ряд находок действительно заслуживает внимания.
- ³ «Октября 29. К вице-адмиралу Змаевичу и к полковнику князю Одоевскому послать указы, велеть Змаевичу для принятия и вытаскивания на берег и ради починки галеры послать на Коломну потребное число надлежащих служителей немедленно и, вытаска оную на берег, починить, и до будущей весны поставить в удобном месте, накрыть и приставить караул...». Отмечу, что в протокольной записи Коллегии не содержится ссылки на именной указ Петра I по этому вопросу. Нет соответствующего именного указа и в ПСЗ за 1723 и 1724 годы (МИРФ. СПб., 1867. Ч. IV. С. 683).
- ⁴ *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чинённых на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763. С. 378.
- ⁵ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом // сост. Г.В. Есипов. М., 1872. Т. II. 421 с.
- ⁶ Там же. С. 103.
- ⁷ Там же. С. 99.
- ⁸ Там же. С. 101.
- ⁹ № 2475 датируется 26 января 1722 г. (МИРФ. СПб., 1865. Ч. II. С. 653); № 99 датируется 20 февраля 1722 г. (МИРФ. Ч. IV. С. 301–302).
- ¹⁰ МИРФ. Ч. IV. С. 321.
- ¹¹ Сборник выписок ... Т. II. С. 101.
- ¹² Там же. С. 105.
- ¹³ МИРФ. Ч. IV. С. 303–305.
- ¹⁴ Сборник выписок ... Т. II. С. 101, 103 ; МИРФ. Ч. IV. С. 302 (№ 101), 303 (№ 105).
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 1. Кн. 39. Л. 444 об, 459.
Опубликовано: МИРФ. Ч. IV. С. 301 (№ 99), 302 (№ 102).
- ¹⁶ Сборник выписок ... Т. II. С. 106–119.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 39. Л. 473–473 об.
- В.Р. Чепелев указал автору на публикацию этого и предыдущего (21 мая 1722 г.) указов Петра I (МИРФ. Ч. IV. С. 309, № 120, 121), в которых начиная с Касимова перечислены практически все предполагавшиеся пункты, в которых должны были ожидать гребцы.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Отд. II. Кн. 59. Л. 1135 и об. ; Кн. 61. Л. 599–601 об. ; *Иванов А.В.* По следам струга «Москворецкого». С. 127, 138.
- В.Р. Чепелев, воспроизведя часть авторского текста и ссылку, приложил ссылку только к нему (*Чепелев В.Р.* Струг «Москворецкий». С. 71.), тогда как автором ссылка дана ко всему тексту, где говорится о замерзших судах каравана. В этих документах о полковнике Ю. Фаминцыне ничего не говорится, хотя одно письмо им подписано, а другое им написано. Учитывая исследовательский интерес, в приложении приводится содержание перечисленных в ссылках документов.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 212 (Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 422–425 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 247. Л. 280 и об.
- ²¹ Там же. Ф. 182 (Адмиралтейская контора при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 57. Л. 2–3.
- ²² Там же. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 421.
- ²³ Там же. Л. 426 ; Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 428 ; Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.
- ²⁵ Там же. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 429, 430 ; Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 11.
- Определение Коллегии от 29 октября 1722 г. опубликовано: МИРФ. Ч. IV. С. 683.
- В.Р. Чепелев считает «самым важным» указ Петра I от 26 октября 1724 г. «О приеме прибывшей из Царицына в Коломну галеры с припасы...» (Там же. Ф. 232 (Канцелярия вице-адмирала М.Х. Змаевича). Оп. 1. Д. 12. Л. 272–273 ; *Чепелев В.Р.* Струг «Москворецкий». С. 71).
- ²⁶ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 437 и об. ; Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 19–19 об.
- ²⁷ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 33.
- ²⁸ Там же. Л. 89–90.
- ²⁹ Там же. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 441, 445.
- ³⁰ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 120, 123.
- ³¹ Там же. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 444.
- ³² Там же. Л. 448 и об.
- ³³ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 216, 220 ; Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 463.
- ³⁴ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247. Л. 281–281 об.
- ³⁵ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 103–106.
- ³⁶ Там же. Л. 139–142.
- ³⁷ Там же. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 71. Л. 458–461 об.
- ³⁸ Там же. Л. 448 и об.
- ³⁹ Там же. Л. 425 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 182. Оп. 1. Д. 57. Л. 127–138.
- ⁴¹ Там же. Ф. 212. Оп. 7. Д. 328. Л. 143–144 ; Оп. 11. Д. 950. Л. 178–185.
- ⁴² *Иванов А.В.* Модели шведских призов, пленённых россиянами во время Северной войны 1700–

I. ARTICLES

- 1721 г. // Меншиковские чтения – 2015. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 85–127 ; *Кротов П.А.* Гангут : сражение и корабли. СПб., 2013. С. 248–251.
- ⁴³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 535. Л. 273.
- ⁴⁴ *Вильбасов В.А.* Походы Екатерины II по Волге и Днепру (1767 и 1787 гг.) // РС. 1896. Т. 88. № 11. С. 424–446.
- ⁴⁵ *Кучирь А.Г.* Волжский поход Ея Величества Екатерины II // Морское наследие. 2015. № 2 (14). СПб., 2015. С. 26–37.
- ⁴⁶ ЦВММ. Чертежный сектор. Инв. КП-12215/1, КП-12215/8, КП-12202/4.
- ⁴⁷ *Дубровин Г.Е.* и др. История северорусского судостроения. СПб., 2001 и др.
- ⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 327 (Чертежи по судостроению парусного и гребного флотов). Оп. 1. Д. 5012. В описи фонда неточно наименована «шлюпкой императора Петра I».
- ⁴⁹ *May W.E.* The Boats of Men-of-War. L.: Caxton Editions 2003. P. 21.

П.А. К р о т о в

БОРЬБА РОССИИ ЗА СВОБОДНОЕ СУДОХОДСТВО НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ В XIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Пример России, может быть, лучше всего подчёркивает роль морского пространства в достижении государствами мирового значения. Исторический опыт показал, что соседние страны стремились пользоваться ограниченностью и удалённостью доступа России к мировым торговым путям для достижения собственных односторонних выгод в ущерб России. Поучительно проследить, каким образом Россия смогла разрешить эту сложнейшую проблему.

Русские военно-торговые суда ладьи появились на Балтийском море в IX – X веках. Записаны тексты народных былин о богатых купцах Садко и Соловье Будимировиче. Они вели посредническую торговлю из Новгорода между регионом Волги и портом Ревель (ныне Таллинн; в былинах назван Леденец; *эст.* Линданисе). В 1167 г. купец Садко Сытинец заложил в Великом Новгороде каменную церковь — вторую по величине после Софийского собора (разрушилась в XVII в.). В первые десятилетия XIII в. прилегающие к Руси земли восточного побережья Балтики были заняты немецкими и датскими рыцарями, и здесь возникли города Рига, Ревель, Нарва, которые вошли в Ливонское орденовое государство. Шведские рыцари тогда же заняли земли Финляндии. С этого времени самостоятельная русская морская торговля на Балтике была сведена к редким эпизодам. Поток русских товаров перехватило немецкое купечество городов Нарвы, Ревеля и Выборга.

Единичные плавания русских купцов совершались не дальше Ревеля и острова Готланд. Для XIV в. известен один подобный случай: русский торговый корабль пришёл в Стокгольм¹. В XIII в. активизировались попытки западных соседей вообще отрезать Русь от выходов к Балтийскому морю. В 1240 г. шведский флот вторгся в устье Невы, но потерпел поражение от войск князя Александра Невского. В 1293 г. в итоге крестового похода в русскую Карелию шведы основали крепость Выборг, которая заперла для русских и карел водный путь из Ладожского озера в Финский залив по водной системе реки Вуоксы. Попытались шведы запереть для русских и водный путь в Балтийское море по реке Неве. В 1300 г. они возвели там при помощи инженеров из Италии сильную крепость Ландскрона с 8 башнями и рвом. Однако на следующий год, 18 мая, крепость была взята штурмом войсками великого князя Андрея и разрушена до основания. Шведский король Магнус сумел захватить в 1348 г. новгородскую крепость Ореховец в истоке Невы из Ладожского озера, но

в следующем году она была возвращена Руси². По археологическим данным, в устье Невы на главном русском водном пути к Балтийскому морю в XIV – XVI веках существовало поселение, которое многократно уничтожалось³.

На исходе Средних веков, в правление московского великого князя Ивана III (1462 – 1505) было создано единое Русское государство, страна обрела суверенитет, освободилась от вассальной зависимости от татар. Россия в силу своего географического положения объективно находилась тогда на периферии европейского христианского мира. Страна была вдали от океанских морских торговых путей. Торговля с остальной Европой через Белое море отсутствовала. На Балтийском море страна была в неполноправном с точки зрения развития торговли положении. Фактически существовал запрет на русское торговое судоходство со стороны городов Ганзейского союза и Швеции. В Россию приходили только немногие иностранные купеческие суда. Русские купцы вынуждены были торговать при посредничестве немецкого купечества Выборга, Нарвы, Ревеля – портовых городов, имевших развитые торговые связи в Европе.

Тем не менее страна, едва обретя независимость, развернула борьбу за свободу собственной морской торговли на Балтике, за равноправное положение своих подданных в Балтийском регионе. Об озабоченности властей Русского государства обеспечением безопасности русских купцов во время их плаваний по Балтийскому морю говорит включение в договор 1487 г. с Ганзой соответствующей статьи. Подобной статьи в договорах с Ганзой ранее не бывало⁴. В 1491 г. Иван III выдвинул требование, чтобы власти Ливонии защищали русских торговцев на море, и добился включения соответствующей статьи в договор 1493 г.⁵ Власти Ливонии, Ганзы и Швеции, где ганзейские города занимали прочное положение, были заинтересованы в высоких прибылях от транзита русских товаров купечеством своих земель. Власти же России искали разные способы для преодоления этого положения. В 1495 г. послы С.И. Ряполовский и М.Я. Русалка-Лебедев обязаны были расспрашивать у купцов в Вильно, столице Великого княжества Литовского, есть ли пристань для морских кораблей большого водоизмещения в западной части Литвы⁶.

В 1492 г. началось строительство мощной каменной крепости Ивангород. Название было дано по имени Ивана III. Крепость разместили на огромной скале напротив городского замка Нарвы, ганзейского города на противоположном берегу реки Наровы. У стен крепости были устроены причалы для морских кораблей. Это был первый новый русский морской торговый порт на Балтике. Его принято оценивать в качестве отдалённого прообраза Санкт-Петербурга.

В марте 1494 г. Иван III упразднил последние привилегии ганзейцев. В ответ на издевательства над русскими купцами в Ревеле, где русских не воспринимали как равноправных партнёров, Иван III повелел осенью 1494 года закрыть Ганзейский двор в Великом Новгороде — торговую факторию Ганзейского союза⁷. Последовала русско-шведская война 1495 – 1497 годов. Постройка Ивангорода была воспринята как угроза для господства городов Ганзейского союза и Швеции в торговле на Балтийском море. К недостроенной крепости в 1496 г. на 70 судах прибыло шведское войско, и 19 августа Ивангород был взят штурмом и разрушен⁸. Однако шведы сразу ушли, город был восстановлен. Городской совет Данцига 10 марта 1508 г. жаловался в письме Совету Любека, что торговая пристань в Ивангороде («Новой Нарве») и торговый порт в Копенгагене учреждены «для гибели многих городов и в особенности ливонских». Тем не менее морская торговля русскими товарами продолжала осуществляться практически исключительно при посредничестве иностранного купечества⁹. По Балтике ходили лишь единичные русские торговые суда. Обычно они плавали в ближайшие порты Выборг и Ревель.

Договоры Руси с Данией (1493, 1514 – 1517) предусматривали свободное передвижение по морю купцов обеих стран, занятия рыболовством подданных обоих государств. Эти договоры отражали попытки Руси и Дании разрушить торговую монополию Ганзы на Балтике. По договору 1517 г. русские получили право открыть торговый двор в Копенгагене, а датские — в Ивангороде и Новгороде¹⁰. В 1517 г. первый русский корабль с товарами достиг Копенгагена. Увидев там суда с зерном, смолой, кожами и салом, русские заявили, что им не следует ездить туда, где местные жители сами торгуют теми же товарами, что обычны на Руси¹¹.

Однако ни наличие статьи в договоре с Ганзой о защите русских торговых судов на море, ни постройка Ивангорода не решали вопрос с нападениями на русских купцов. Так, в феврале 1494 г. сообщалось о нападении шведов на два русских купеческих судна. Или, в июне 1494 г. шведы захватили под Выборгом русское судно прибрежного плавания (*нем. eyne Schute*), выбросили команду за борт и пригнали его на продажу в ганзейский город Данциг¹². Право, договоры, не подкреплённые военно-морской силой, не работали на Россию — это показывали реальные события.

Невозможность обеспечить защиту русским морской торговли на Балтийском море поставила вопрос о создании собственного военно-морского флота. Зафиксировано возвращение в 1494 г. через Любек и Ревель из Италии посла Мануила Ралева (или Грека), имевшего задание нанять венецианских мастеров, «которые могут галеры делать». М. Ралев (Грек) был послан в Милан и Венецию в мае 1493 г., то есть мысль о создании галерного флота появилась у русского правительства сразу после основания Ивангорода. Сведений о прибытии на Русь мастеров из Венеции нет¹³.

Современный историк А.И. Филюшкин недоумевает относительно тезиса «об отчаянной борьбе России за выход к морю, который у неё был» в IX – начале XVII веков, вплоть до 1610 г., когда шведские войска заняли устье Невы и в 1611 г. построили здесь крепость Нюенсканс. Он приводит данные о перестройке в соответствии с требованиями времени каменных крепостей: Ладога (90-е годы XVI в.), Ям (после 1496 г.), Орешек (1514 – 1525), Копорье (1520 – 1525), постройке новых укреплений в устье реки Наровы (после 1536 г.). Историк ставит вопрос, что «это почему-то не получило никакого развития и не вылилось в создание здесь крупного русского морского порта»¹⁴. Исследователь сам же пишет о существовавшем тогда положении: «Позиция Ливонии здесь была проста: ливонцы нуждались в русской торговле, но не хотели пускать "гостей" на балтийский рынок, чтобы они могли через ливонские порты торговать непосредственно с Европой. Периодически возникали проблемы с русскими купеческими колониями, которые упорно возникали в ливонских городах и столь же упорно притеснялись местными властями, которые видели в них конкурентов. Ливонцы настаивали на своём посредничестве: пусть русские продают свои товары им, а уж ревельцы, нарвцы, рижане будут их затем втридорога перепродавать в Европу. Потери русской стороны от такой коммерческой схемы очевидны»¹⁵. Поставив далее общий вопрос: «зачем русским море?», историк приводит факты, свидетельствующие о том, как соседние страны Ливония, Польша и Швеция стремились во чтобы то ни стало не дать утвердиться русским в качестве страны, ведущей торговлю на Балтийском море на собственных судах. К примеру, в 1553 г. из Кракова в Вену и Рим к Папе были отправлены послы, имевшие задачу убедить, что «если москвит научится и морскому делу и сделается обладателем моря, то это послужит к великому вреду всех народов; на море они будут более грозны, чем на суше»¹⁶. В послании из Стокгольма в Ливонию 1555 г. утверждалось следующее: «...спокойными соседние державы могут считать себя только в том случае, если московские владения будут совершенно отрезаны от моря». Шведский король Густав I Ваза считал, что если Россия утвердится на Балтике,

то станет столь же грозной Европе, как и Турция¹⁷. Что Россия не Европа — это традиционный шведский пропагандистский тезис во времена Средних веков. Противодействие Ганзы и Швеции попыткам развивать собственную морскую торговлю на Балтике в XVI – XVII веках обстоятельно изучено ещё в трудах Г.В. Форстена¹⁸. Это была непрерывная цепь событий, являвшихся реализацией целенаправленно проводившейся политики. А.И. Филюшкин делает обоснованное заключение относительно времени Ливонской войны 1558 – 1583 г.: «Прорыв России к морю и превращение её в самостоятельного торговца и морехода в этих условиях представлял бы страшную угрозу и смерть старой ганзейской системы. Это меняло бы всю схему балтийской торговли...»¹⁹. Показательно, что А.И. Филюшкин в своём труде так и не сделал очевидного для автора настоящей статьи вывода — утвердиться в качестве полноценной балтийской державы, свободно развивающей морскую торговлю на собственных судах, Россия могла и смогла только, когда создала военно-морской флот!

По итогам Ливонской войны Россия сумела сохранить единственный выход к Балтике — устье реки Невы. Крепости Ивангород, Нарва, Копорье, Ям, Корела захватили шведы. В 1595 г. все они, кроме Нарвы, были возвращены. В 1583 г. для развития свободной торговли по океану в устье Северной Двины на Белом море был основан порт Архангельск.

Так называемое Смутное время, гражданская война и иностранная военная интервенция начала XVII столетия (1604 – 1618) привели к полной утрате выхода к Балтике: все названные крепости и всё течение Невы с крепостью Ореховец (Орешек) перешли Швеции. Во время мирных переговоров 1617 г. русские послы просили вернуть эту приморскую территорию, через которую поддерживалась «коммуникация Российского государства с другими европейскими» странами, за «немалую сумму денег»²⁰, однако шведы были непреклонны; многовековая цель была ими достигнута.

Крайне показательно для ответа на вопрос о необходимости самостоятельного русского судоходства на Балтийском море то, что с 20-х годов XVII в. угасшая было торговля русских купцов на собственных кораблях возродилась и во второй половине столетия в Стокгольм ежегодно приходило с грузами из России около полусотни судов. Однако эта торговля осуществлялась через шведские владения. Корабли шли по Неве и после уплаты пошлины в городе Ньюенсансе в устье реки следовали морем до шведской столицы²¹. В течение XVII в. русские купцы-мореходы использовали для дальних плаваний в Стокгольм «большие суда» — карбасы, для ближних перевозок — полукарбасы и соймы. Карбасы представляли собой парусные мореходные суда с дощатой палубой, крытой палубной надстройкой — каютой и рулем. Их грузовместимость доходила до 100 т²². Самые большие карбасы имели размеры корпуса: длина 21 м, ширина 8 м, высота борта 2,4 м. Команда могла доходить до 15 работников²³.

Однако успешное решение в пользу России балтийской проблемы, как показали предшествующие столетия, могло состояться только вместе с созданием военно-морского флота. В течение XVII в. русское правительство будет неоднократно предпринимать целенаправленные попытки получить территориальные выходы к Балтийскому и Чёрному морям, развивать мореплавание на Каспийском море, строить военные корабли по западноевропейским судостроительным технологиям. Чем сильнее становилось Русское государство, чем большие ресурсы оно накапливало, тем настойчивее проявлялось его стремление утвердиться в качестве военно-морской державы и показать свой флаг в омывающих Европу морях.

Реальные усилия сделать Россию морской державой предпринял царь-реформатор Алексей Михайлович (1645 – 1676). О его озабоченности нерешённостью балтийской проблемы свидетельствует намерение договориться о постройке в Курляндии 4-х кораблей для ведения торговли на Балтике (1652)²⁴. Прибывшим в Россию шведским послам царь в

1655 г. сделал предложение обменять занятые тогда русскими войсками земли в Литве на Ингрию — выход к морю, потерянный в 1617 г.²⁵. Обострившиеся противоречия привели к войне со Швецией (1656 – 1658). Е.И. Кобзарева подчёркивала, что при начале войны со Швецией «в основном московское руководство хотело получить выход к морю»²⁶. Военный поход к Риге (1656), крупнейшему порту на Балтике, начатый в условиях незаконченной войны с Польшей (1654 – 1667), был неудачным. В ходе переговоров о мире со Швецией глава внешнеполитического ведомства А.Л. Ордин-Нащокин обосновывал царю необходимость сохранения за Россией занятых её войсками земель Лифляндии тем, что и Священная Римская империя, и Дания, и Гольштейн, и Курляндия имеют выходы к Балтийскому морю и если Россия отдаст занятые земли, то будет посмешищем для всех государств²⁷.

Следующей вехой на пути России к созданию регулярного военно-морского флота стала постройка на реке Оке, в селе Дединове, одном из крупнейших центров строительства речных судов XVII столетия, по указу царя Алексея Михайловича корабля и яхты для Каспийского моря. В Нидерланды для найма кораблестроителей и моряков был послан голландский купец Я.Я. ван Сведен (1665)²⁸. 19 (29) июня 1667 г. появился царский указ: «...для посылок из Астрахани на Каспийское море делать корабль»²⁹. Офицер на русской службе П. Гордон писал 9 июля 1667 г. из Москвы редактору «London gasette» Д. Уилльямсону, что в России желают направить персидскую и армянскую торговлю через собственную страну; шкиперы и корабельные плотники призываются, а некоторые уже и прибыли, чтобы построить и оснастить суда для плавания по Каспийскому морю³⁰. Компании армянских купцов, намеревавшихся возить персидский шелк в Европу морским путем по Каспию и далее по Волге, 31 мая 1667 г. была выдана грамота. Согласно ей русское правительство брало обязательство обеспечивать охрану морских купеческих караванов³¹. Архивная справка, подготовленная в 1696 г., прямо называет цель постройки корабля и яхты: «...велено их из Астрахани... посылать на воровских казаков с ратными людьми на Каспийское море»³².

Главным строителем на верфи являлся голландец Л.Я. Холът. Корабль получил по указу царя имя «Орёл» по изображению орла на государственном гербе. Такое название было свидетельством большого значения, придававшегося его строительству. Корабль был заложен 4 (14) ноября 1667 г., а 26 мая (5 июня) следующего года в столице узнали, что он спущен на воду. Его длина должна была составлять 24,8 м, ширина 6,5 м. Осадка корабля после постройки составляла 1,6 м. Корабль был двухпалубным («двои полати, верхние да нижние»), три мачты («деревя щегольных»), бушприт, на носу резную фигуру льва («лев резной, крашеной»). Корабль намечалось вооружить 22 орудиями: 18 6-фунтового и 4 3-фунтового калибра³³. Размеры построенной одномачтовой яхты были по килю 15,84 м, ширина 5,76 м³⁴. 13 (24) августа 1669 г. «Орёл» салютовал Астраханскому кремлю. На гравюре, показывающей «Орёл» у Астрахани (1681), он изображён трёхмачтовым³⁵. Когда в 1670 г. к городу подошли восставшие казаки С.Т. Разина, команда сбежала с корабля и яхты, после чего они более не использовались и были разобраны в 1679 г.³⁶.

Успешный опыт постройки «Орла» и яхты показал, что в России созрели предпосылки для создания регулярного военно-морского флота. Петр I написал в предисловии к Морскому уставу (1720): «...от вышеупомянутого начинания, как от семени, нынешнее морское дело произошло»³⁷.

Создателем российского военно-морского флота стал Пётр I Великий (1682 – 1725).

Мысль превратить Россию в одну из сильнейших морских держав была у Петра I одной из главных. Монарх опирался на исторический опыт России более чем за половину тысячелетия. Оказалось, что в случае России создание военно-морского флота должно было предшествовать началу морской торговли. Только наличие военно-морского флота могло

позволить стране, удалённой от удобных выходов в Мировой океан, преодолеть помехи от соседей и развивать морскую торговлю на собственных судах. Создание военно-морского флота было единственно возможным для России путём защитить свои интересы на морях.

В основе созидания российского флота лежали постановка цели, определение задач. Российский флот изначально строился по программам, не хаотично. Появление и развитие флота не было прихотью, забавой монарха или чем-либо подобным, но строго соответствовало внешнеполитическим задачам страны. Очевидно, к одному несохранившемуся указу Петра I восходят такие слова: «...Его Царское Величество... изволил за благо рассудить, что такому его великому Российскому государству без морского флота никак обойтись нельзя, для того соизволил старание учинить, чтобы умножить Российский корабельный флот». К апрелю 1698 г. для действий на Азовском и Чёрном морях самодержец Всея Руси первоначально задумал построить 66 боевых кораблей: девять 60-пушечных, восемь 50-пушечных, двенадцать 48-пушечных, пять 42-пушечных, девятнадцать 34-пушечных, по одному 26- и 24-пушечному (всего 2422 орудия), семь бомбардирских судов и четыре брандера!³⁸ Это была масштабная кораблестроительная программа. Её успешное воплощение сразу же должно было вывести Россию в ряд наиболее крупных военно-морских держав Европы. Поход созданного флота, значительно более скромного по числу и силе кораблей, по Дону на Азовское море в 1699 г. представлял собой демонстрацию морской силы, подобной которой у России никогда не было. Успех этого военно-морского похода стал равносителен публичному объявлению остальной Европе – рождение России в качестве военно-морской державы состоялось.

Посетив многие страны Европы в ходе Великого посольства 1697 – 1698 годов, молодой царь ещё раз убедился в огромном значении морской торговли для развития цивилизации. 1 июня 1699 г. Пётр I указал Е. Избранту, датчанину, проживавшему в России, «у города Архангельского строить четыре корабля торговых... добровольным наймом». На строительство Е. Избранту были выделены из казны 14 500 рублей. В 1701 г. под его присмотром там были закончены постройкой шесть больших торговых морских кораблей. Ещё 1000 рублей были даны казной предпринимателю на подготовительные работы для сооружения ещё шести торговых кораблей (их так и не начали строить). Построенные 6 судов представляли собой по типу флейты. Это были большие океанские торговые корабли, имевшие длину корпуса от 34,1 до 37,5 м, ширину 7,9 м, глубину интрюма от 5,1 до 5,4 м. Однако разом создать российский океанский государственный или купеческий флот на Русском севере не получилось. Построенные корабли были сданы в наём или проданы иностранным купцам³⁹.

Не введён в научное обращение близкий по времени факт масштабного строительства на Волге вблизи Казани в селе Услоне судов для торговли по Волге и на Каспийском море. В 1701 г., согласно ведомости из Кабинета Петра Великого, были заложены и в августе следующего года уже стояли спущенными на воду построенные у Казани 15 шмаков и один «капр» (капер (?)) — боевой корабль для крейсерских действий на морских коммуникациях). Длина корпуса этих судов составляла до 24,8 м⁴⁰, ширина до 5,1 м, то есть они представляли собой значительных размеров «новоманерные» трёхмачтовые торговые суда. В 1702 г. при селе Услон продолжали строиться заложенные также в 1701 г. пять катов и ещё 20 шмаков. Каты по типу весьма схожи с флейтами — большими торговыми судами, построенными незадолго до этого у Архангельска. Их длина была в пределах от 36,6 м до 37,6 м (считая по килевому брусу), ширина «в середине» от 7,2 до 7,5 м⁴¹. Каты явно предназначались для того, чтобы быть спущенными по Волге на Каспий и совершать плаванья по этому морю. Голландский путешественник К. де Бруин, проплыв по Волге мимо

верфи 9 мая (н. ст.) 1702 г. и посетив Казань, записал, что строятся на стапелях 40 шмаков (40 smakken op stapel)⁴². Путешественнику «рассказывали, что всех судов должно быть построено тут 380, из коих одна часть назначена в Астрахань для охраны Каспийского моря, а другая — в разные иные места»⁴³.

Таким образом, на рубеже XVII – XVIII столетий на верфях возле Архангельска и Казани на государственные средства воплощалась масштабная программа постройки торговых судов для мореходства по европейским морям и Каспию по иноземным технологиям: флейты, каты, шмаки, «капр».

Если прочно утвердиться на Азовском море Петру I не удалось (выход к этому морю был потерян по итогам войны с Турцией в начале 1712 г.), то в ходе Великой Северной войны 1700 – 1721 годов России удалось решить «балтийскую проблему». Как и ранее на юге (1695), Пётр I начал строить военно-морской флот на Балтике, ещё не получив выхода к морю. В феврале – марте 1703 г. была принята к исполнению первая кораблестроительная программа Балтийского флота России. Согласно ей намечалось построить 12 фрегатов, 10 галер и более мелкие суда⁴⁴. Кораблестроительная программа 1703 г. была рассчитана на обеспечение защиты Санкт-Петербурга, основанного 16 мая 1703 г., со стороны моря. Для обороны корабельного фарватера к новому городу в феврале – марте 1704 г. на отмели в море к югу от острова Котлин был построен форт Кроншлот. Голландское название крепости символизировало, что она вместе с артиллерией на острове Котлин будет служить царским замком для неприятельского флота на пути с моря к будущей столице. К лету 1707 г. кораблестроительная программа была выполнена. Построенный небольшой военно-морской флот справился с поставленной перед ним задачей. В 1704 и 1705 г. шведский флот был отражён от Котлина, не смог подойти к Санкт-Петербургу, вследствие чего вынужден был в следующие годы перейти к блокаде полученного Россией выхода к морю.

В ноябре 1707 г., когда шведские войска шли походом на Москву и находились на рубеже Вислы, пребывавший в Санкт-Петербурге русский монарх начал принимать самые решительные меры по воплощению принятой тогда же второй кораблестроительной программы. Это был масштабный план создать сильный флот из 27 линейных кораблей, который был рассчитан на ведение наступательных действий на открытых пространствах Балтийского моря⁴⁵. Для людей той эпохи такое решение должно было казаться в высшей степени неразумным, опасным для страны отвлечением финансовых ресурсов от насущных нужд. Однако, как известно, «гений — парадоксов друг» (А.С. Пушкин). Пётр I являлся правителем, рассчитывавшим ход исторического процесса на много ходов вперёд. Он уже тогда думал о грядущих действиях русского флота против основной территории Швеции, которые должны были последовать вслед за разгромом главной шведской армии, двигавшейся на Москву. Шведская армия потерпела поражение и была пленена после битвы под Полтавой (1709).

Появление небольшого русского военно-морского флота в восточной оконечности Балтийского моря сразу же вызвало беспокойство европейских государств. Петра I явно удивил неожиданный для него мемориал короля Пруссии Фридриха I от 15 января 1704 г. Прусский монарх выражал надежду, что основав Санкт-Петербург, крепость и порт, царь имеет в виду лишь получение «единой славы» и развитие морской торговли, а не «через свою морскую силу другим областям обозначать какую-либо угрозу». Прусскому посланнику Г.И. фон Кейзерлингу предписывалось осведомиться о намерениях царя⁴⁶. Русский монарх едва скрывал раздражение: Пруссия, по его мнению, не должна была делать подобного представления России. Царь ответил, что желает иметь лишь конвойные и крейсерские корабли для «безопасности портов, по обычаю всего света»⁴⁷. Понятно, что монарх

дипломатически уклончиво подразумевал лишь текущий момент. Российский дипломат в Дрездене И.Р. фон Паткуль также сообщал в феврале 1705 г., что императору Леопольду I и его союзникам по антифранцузской коалиции не весьма приятно, чтобы кто-то «в теперешней Северной войне какие-нибудь пробы на Балтийском море сделать хотел»⁴⁸.

Как заверял чрезвычайного британского посланника Ч. Уитворта в 1705 г. в Москве глава русского дипломатического ведомства Ф.А. Головин, Петру I необходимо было «только отворить с этой стороны дверь торговле с Россией и возратить область, несправедливо отторгнутую у его предков». Российский самодержец желал, чтобы об этом было непременно сообщено королеве Анне I и герцогу Д.Ч. Мальборо. Британский посланник полагал, что эти заявления делаются с русской стороны «слишком преждевременно, так как завести флот для России пока вряд ли возможно»⁴⁹. Со временем взгляды Ч. Уитворта стали меняться. В донесении от 3 февраля 1706 г. он высказал мысль, которой нельзя отказать в прозорливости: «Хотя царь и готов дать Её Величеству положительное уверение в том, что никогда не заведёт флота на балтийских водах, соблазн нарушить слово будет слишком велик для него, когда он вступит в спокойное обладание берегами и успеет собрать на Ладожском озере хороший торговый флот...»⁵⁰. Воля царя была непреклонна. На обеспокоенность других государств Европы, заботившихся о своих выгодах, он не намеревался отвечать отказом от последовательного продвижения к своей цели — превращению России в сильную военно-морскую державу.

Трудно комментировать умозаключения, высказанные британским историком М.С. Андерсоном. Он полагал, что для царя-преобразователя «в определённом смысле флот был не многим больше, чем гигантская, сложная игрушка, построенная и работающая для его личного удовольствия»⁵¹. Эта точка зрения традиционна и для современной российской либеральной историографии, критически оценивающей итоги военно-морской реформы Петра I. Её начали высказывать уже спустя немногие годы после смерти Петра Великого. Общий вывод М.С. Андерсона относительно петровского корабельного флота — одной из основ российского великодержавия — таков: «Так как он не отвечал никакой глубокой национальной потребности, то быстро пришёл в упадок после смерти своего создателя»⁵².

Можно сказать в ответ на тезисы М.С. Андерсона, распространённые и у других авторов, во-первых, что исторический опыт показал, что развивать морскую торговлю России оказалось возможным только после того, как страна создала регулярный военно-морской флот. Остальное — это умозрительные схемы, оторванные от реальных фактов истории. Во-вторых, нельзя оспорить того, что русский военно-морской флот был востребован во всех войнах России XVIII в. на Балтике, Азовском и Чёрном морях и всегда играл важную роль. Российский военно-морской флот пришёл после смерти Петра Великого в недолгий период упадка, испытывал времена взлёта и небрежения, но поскольку он был необходим, он всегда возрождался.

Петровская Россия оказалась с точки зрения наличия финансовых и материальных ресурсов в состоянии создать и содержать отвечавший самому передовому европейскому уровню сильный военно-морской флот. Российский флот при Петре Великом был создан в исторически кратчайшие сроки на памяти одного поколения и только за счёт российских внутренних финансовых источников.

Современный исследователь Н.Н. Петрухинцев осознал необходимость, как он писал, «избежать типичной ошибки — недоучёта специфики России как «периферийной» в мировой системе страны с ограниченными экономическими, бюджетными и техническими возможностями и с ярко выраженной географической спецификой, делающей почти невозможной и стратегически ненужной доктрину мощного наступательного флота на

Балтике...»⁵³. Историк заключил: «Относительно скудные материальные и финансовые возможности России не позволяли иметь одновременно с громадной сухопутной армией мощный флот, ориентированный на наступательные действия»⁵⁴.

Реальные действия Петра Великого, его высказывания показывают, что он придерживался решительно противоположных воззрений на то место, которое Россия должна занимать в мировой системе международных отношений, а также нужен ли стране «мощный флот, ориентированный на наступательные действия». С 1713 по 1721 г. российский флот играл главную роль в военных действиях против Швеции, а армия — только вспомогательную — это единственный случай в Новой и новейшей истории России. В 1721 г., в последний год Великой Северной войны, Россия вывела для боевых действий в море флот из 28 линейных кораблей (1866 пушек). Швеция же, по причине недостатка денег для починки обветшавших кораблей, нехватки обученных матросов и корабельных припасов, смогла отправить в море только 11 линейных кораблей (752 пушки)⁵⁵. Российский флот, корабельный и галерный, отныне стал сильнейшим среди стран региона Балтийского моря. Резидент Великобритании в Санкт-Петербурге Д. Джеффрис сообщал в 1719 г. на родину: «...корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе»⁵⁶. 5 (16) августа 1721 г. грозный российский флот в составе 124 галер двинулся из Гельсингфорса к Аландским островам. Галерами командовал победитель над шведской эскадрой вице-адмирала К.Г. Шёблада генерал М.М. Голицын (27 июля 1720 г. были захвачены четыре фрегата). 19 (30) августа 1721 г. флот остановился вблизи места прошлогодней победы. М.М. Голицыну предписывалось начать действовать против шведских побережий, когда об этом поступит указание от российских дипломатов, которые вели переговоры о мире. Мирный конгресс проходил рядом в городе Ништадте (Финляндия)⁵⁷. Эффект от угрозы нового приближения русских галер к берегам Швеции был таков, что 30 августа 1721 г. шведы немедленно подписали трактат о мире, завершивший Великую Северную войну. Швеция уступила России широкий выход на Балтику — побережье от Риги до Выборга.

Следует подчеркнуть, что Пётр I стремился вести морскую политику государства в пределах всей известной в то время части Мирового океана. В 1716 – 1717 годах на Каспийском море и в ханстве Хива в Средней Азии действовала военная экспедиция князя А.Б. Черкасского. Его целью была разведка пути в Индию. Исход экспедиции был неудачным. В 1722 г. состоялся масштабный поход русской армии и флотилии во главе с самим императором на Каспийском море вплоть до Дербента. По итогам морской деятельности на Каспии в 1722 – 1723 годах все побережья этого моря оказались под российским контролем. В 1723 г. царь готовил военно-морскую экспедицию на Мадагаскар, с тем чтобы утвердиться на этом острове, как промежуточном пункте торгового пути в Индию. Экспедиция, впрочем, закончилась вблизи Ревеля, едва успев начаться. Среди бумаг Кабинета Петра Великого хранится также проект покупки острова Тобаго в Вест-Индии. Проект предусматривал развитие прямой торговли между Санкт-Петербургом и Латинской Америкой (1724), чтобы «со временем от одного острова Россия могла бы великую прибыль получить»⁵⁸. 23 декабря 1724 г. (3 января 1725 г.) император Пётр Великий подписал указ о снаряжении морской экспедиции. Её задачей являлось выяснить вопрос, есть ли пролив между Азией и Америкой. Это было в свою очередь необходимо для того, чтобы, как сказано в инструкции, в дальнейшем попытаться освоить путь в Китай и Индию по водам Северного Ледовитого океана.

Возникновение российского военно-морского флота на Балтийском море не вписывается в традиционную схему: первоначально – развитие рыболовства, затем – торговли, потом создание военно-морских сил для защиты интересов государства на морских просторах. Пётр I, напротив, процесс превращения России в военно-морскую державу начал

со строительства военных кораблей. Потом он развернул целенаправленные усилия по привлечению в российские порты иноземных купеческих судов. Лишь затем были предприняты меры по развитию торгового мореходства на собственных российских кораблях. Рыболовство самодержавие не интересовало. Таким образом, царь сначала искал решение проблемы утверждения России в качестве балтийской державы военно-политическим путем. Только после этого Петр I приступил к извлечению экономических выгод. Можно сказать, что в «случае России» именно политическое решение (создание военно-морского флота) форсировало развитие экономики, а не наоборот.

Однако примечательно, что Санкт-Петербург начал развиваться, как морской торговый порт, с года своего основания (1703). В ноябре 1703 г. в только лишь основанный город привёл своё торговое судно отважный фрисландец из Нидерландов Я. Хиллебрант. Царь подарил первооткрывателю Санкт-Петербурга для европейского купечества 500 золотых монет. 25 декабря 1703 г. (4 января 1704 г.) он привёл свой корабль обратно в Амстердам⁵⁹. 22 ноября 1704 г. во взятую русскими войсками Нарву прибыл купеческий корабль датской Ост-Индской компании. Это был первый иноземный корабль, пришедший в русскую Нарву, поэтому он был освобождён от всех пошлин⁶⁰. Однако военная блокада русских побережий Финского залива шведским флотом была прорвана только в 1713 г. В том году русский корабельный флот впервые подошёл к Ревелю, а галерный занял Гельсингфорс. До этого в Санкт-Петербург могли прорваться только единичные иностранные торговые суда — по одному кораблю в 1703, 1704, 1710 – 1712 годах. Санкт-Петербург стал развиваться как морской порт на регулярной основе с 1714 г. В том же 1714 г., 8 (19) мая, Санкт-Петербург был объявлен «царствующим градом» — новой столицей России⁶¹. В 1715 г. шведская морская блокада была окончательно снята российским флотом. В июле – августе 1715 г. у Ревеля был сосредоточен русский флот в составе 20 линейных кораблей (1128 пушек)⁶². Как следствие успешных действий российского корабельного флота, с 1713 г. поток иностранных купеческих кораблей в Санкт-Петербург возрастал. В 1713 г. Санкт-Петербургский порт посетили 7 иноземных купеческих судов, в 1714 г. — 16, в 1715 г. — 53, в 1716 г. — 33, в 1717 г. — 51, в 1718 г. — 54, в 1719 г. — 52, в 1720 г. — 75, в 1721 г. — 60. Завершение войны со Швецией привело к резкому росту посещений Санкт-Петербурга морскими торговыми судами. В 1722 г. в порт прибыли 120 купеческих судов, а в 1723 г. — 383! Это был настоящий триумф балтийской политики Петра Великого. Уже при жизни Петра Великого Санкт-Петербург стал крупнейшим российским портом на Балтийском море. В 1724 г. в него прибыли 196 иностранных торговых судов и ещё 44 из российских портов (всего 240), в Ревель — 49, в Архангельск — только 23. В Ригу пришли в том году 304 купеческих судна, но в местных таможенных книгах вместе с кораблями фиксировались и лодки грузоместимостью от двух тонн. В 1726 г. в Санкт-Петербургском порту было получено 47 % таможенных сборов, в Риге 37 %, в Архангельске 6 %, в Нарве 5 %, в Ревеле 3 %, в Выборге 2 %⁶³.

При Петре I Санкт-Петербург стал развиваться и как центр морской торговли на российских судах. В 1717 – 1719 годах успешное плавание в Венецию совершил с грузом казённых и купеческих товаров линейный корабль «Армонт». Первым торговцем, отправившим судно в дальнее плавание, был житель города Новой Ладogi П.И. Барсуков. Он отправил в 1718 г. судно с товарами в Копенгаген⁶⁴. Уже в 1722 – 1725 годах на собственных судах торговали со Швецией петербургские, ладожские и ярославские купцы⁶⁵. Впрочем, морская торговля на собственных судах россиян была ещё невелика. В 1724 г. лишь 12 судов, хозяевами или шкиперами которых были россияне, либо вышли, либо возвратились в Санкт-Петербург из заграничных плаваний. Ещё 15 российских купеческих кораблей совершили рейсы из Санкт-Петербурга в российские порты Балтийского моря⁶⁶.

Урок из многовековой истории борьбы России за свободу мореплавания на Балтийском море (как и на других морях), на взгляд автора, очевиден. Только создание сильного военно-морского флота при Петре Великом позволило России начать устойчивое развитие свободного торгового мореплавания на Балтике и других морях. Монарх-преобразователь сделал однозначный выбор в пользу моря и этого выбора Россия придерживается до настоящего времени.

- ¹ *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля на Балтике в XVII в. : (торговля со Швецией). СПб., 1994. С. 3, 9, 17.
 - ² *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 11–13, 20, 29, 154–157.
 - ³ *Сорокин П.Е.* Под властью шведской короны : Невские берега в истории России и Швеции // *Родина*. 2003. № 1. С. 9.
 - ⁴ *Алексеев Ю.Г.* Морская политика Ивана III. К постановке вопроса // *От Древней Руси к России Нового времени : сб. статей к 70-летию А.Л. Хорошкевич*. М., 2003. С. 108.
 - ⁵ Там же. С. 111–112.
 - ⁶ *Сб. РИО*. СПб., 1882. Т. 35. С. 176.
 - ⁷ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 142.
 - ⁸ *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 355–358.
 - ⁹ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе ... С. 139, 140, 144, 161, 163, 164.
 - ¹⁰ *Алексеев Ю.Г.* Морская политика Ивана III. К постановке вопроса. С. 113–115.
 - ¹¹ *Шаскольский И.П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX – XVII вв. // *Исторические связи Скандинавии и России в IX – XX вв.* Л., 1970. С. 20.
 - ¹² *Алексеев Ю.Г.* Морская политика Ивана III. К постановке вопроса. С. 112.
 - ¹³ Там же. С. 112–113 ; *Хорошкевич А.Л.* Борьба России за создание флота на Балтийском море в конце XV – начале XVI в. // *ВИЖ*. 1974. № 5. С. 83.
 - ¹⁴ *Филлюшкин Г.В.* Изобретая первую войну России и Европы : Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 601–603.
 - ¹⁵ Там же. С. 606–607.
 - ¹⁶ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях : (1544 – 1648). СПб., 1893. Т. 1 : Борьба из-за Ливонии. XI, 717 с. (Записки ист.-филологического фак. Императ. СПб. ун-та ; Ч. 33). С. 47.
 - ¹⁷ *Филлюшкин Г.В.* Изобретая первую войну ... С. 612.
 - ¹⁸ *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. 1. XI, 717 с. ; То же. СПб., 1894. Т. 2 : Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом (30-летняя война). IX, 630 с. (Ч. 34).
 - ¹⁹ *Филлюшкин Г.В.* Изобретая первую войну ... С. 616.
 - ²⁰ *Шафиров П.П.* Разсуждение, какие законные причины Его Царское Величество Пётр Первый... к начатию войны против короля Карола 12 шведского 1700 году имел [...]. СПб., 1717. С. 19.
 - ²¹ *Шаскольский И.П.* Русская морская торговля ... С. 186–188.
 - ²² *Он же.* Русское мореходство на Балтийском море в XVII веке // *Проблемы истории феодальной России*. Л., 1971. С. 150–152.
 - ²³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 62. Л. 82 ; Отд. 1. Кн. 44. Л. 394.
 - ²⁴ *Вайнштейн О.Л.* Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. // *Учёные записки Ленинградского гос. ун-та. Сер. ист. наук*. Л., 1951. Вып. 18. С. 177–178.
 - ²⁵ *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 34.
 - ²⁶ Там же. С. 31.
 - ²⁷ Там же. С. 21.
 - ²⁸ *Лукичёв М.П.* К истории бумажного производства и торговли бумагой в России в XVII веке // *История и палеография*. М., 1993. Ч. 2. С. 433.
 - ²⁹ РГАДА. Ф. 181 (Рукописное собрание Московского главного архива Министерства иностранных дел). Оп. 1. Д. 230. Л. 1.
- В изданном тексте ошибочно сказано: «карабли». См.: Дополнения к «Актам историческим» (ДАИ). СПб., 1853. Т. 5. С. 211.
- ³⁰ *Kononov S.* Patrick Gordon's dispatches from Russia, 1667 // *Oxford Slavonic Papers*. Oxford, 1964. Vol. XI. P. 9.
 - ³¹ *Шаблин А.А., Кочетков С.А.* Дединово – село морское. Рязань, 1996. С. 158.
 - ³² РГА ВМФ. Ф. 315 (Материалы по истории русского флота). Оп. 1. Д. 859. Л. 73.
 - ³³ *Кротов П.А.* Спорные вопросы истории военно-морской флотилии, построенной на Дединовской верфи в 1667–1668 гг. // *Феодальная Россия. Новые исследования : Сб. науч. ст. / под ред. М.Б. Свердлова*. СПб., 1993. С. 46–52 ; ДАИ. Т. 5. С. 220, 250–252, 254, 260, 261, 269, 274.
 - ³⁴ *Шаблин А.А., Кочетков С.А.* Дединово ... С. 202.
 - ³⁵ *Struys J.J.* Les voyages en Moscovie, en Tartarie, en Perse aux Indes et en plusieurs autres pais étrangers.

- Accompagnés de remarques particulières sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coutumes et le négoce des lieux qu'il a vus; avec quantité de figures en taille douce dessinées par lui-même; et deux l'etres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan. Amsterdam, 1681. P. 164, 185–187; la gravure «La ville d'Astracan», экземпляр РНБ. Шифр: 13.7.3.36 а.
- С целью поиска этой гравюры авторами недавней публикации о построенных в Дединове корабле и яхте «было просмотрено около десятка экземпляров этого широко распространённого издания (в РГБ, в библиотеке Парижской политехнической школы, в библиотеке Обсерватории в Кадисе и др., а также сканированных в интернете), но безуспешно». Гравюра ими обнаружена не была. В РНБ же с этой гравюрой они не ознакомились, и это повлекло череду очень «новаторских» выводов, с которыми автор статьи согласиться не может. Речь идёт об исследовании: *Гузевич Д.Ю., Добренко А.А., Лантева Т.А.* Витсен, Стройс, Олеарий, или «Орёл» вместо «Фридрика» // ТГЭ : [Т.] 73 : Петровское время в лицах – 2014 : К 300-летию победы при Гангуте (1714–2014) : материалы науч. конференции. СПб., 2014. С. 121–130.
- ³⁶ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 251–252.
- ³⁷ Цит. по: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 398.
- ³⁸ *Лаврентьев А.В.* Об одном несохранившемся указе Петра I («Обстоятельная роспись» Азовского флота 1696 г.) // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 57, 62.
- ³⁹ *Кротов П.А.* Соломбальская верфь в начале XVIII столетия // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997. С. 65–73 ; *Брызгалов В.В., Овсянников О.В.* Донесение стольника Г.А. Племянникова о постройке флейтов на Соломбальской верфи в 1701 г. // *Ясински М.Э., Овсянников О.В.* Взгляд на европейскую Арктику : Архангельский Север : проблемы и источники. СПб., 1998. Т. 1. С. 379–393.
- ⁴⁰ Если взять длину между внешними краями фор- и ахтерштевней. По килевому брусу она составляла до 22,7 м. Футы, использованные в архивной ведомости, голландские.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 2. Л. 3–26 об.
- ⁴² *Bruin C., de.* Reizen over Moscovie door Persie en Indie. Amsterdam, 1711. p. 77.
- ⁴³ *Бруин К., де.* Путешествие через Московию. М., 1873. С. 168–169.
- ⁴⁴ *Кротов П.А.* Рождение Балтийского военно-морского флота // ВИ. 1991. № 11. С. 210–211.
- ⁴⁵ *Кротов П.А.:* 1) Создание линейного флота на Балтике при Петре I // ИЗ. М., 1988. Т. 116. С. 314–316 ; 2) Рождение Балтийского военно-морского флота. С. 209–210 ; 3) Судостроительные программы Балтийского флота 1707, 1715 и 1717–1718 годов // ИОС. Т. 1. С. 121–125.
- ⁴⁶ ПБИБВ. СПб., 1893. Т. 3. С. 587–588.
- ⁴⁷ Там же. С. 30.
- ⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Ф. IV. 865. Л. 157.
- ⁴⁹ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 г. // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 93.
- ⁵⁰ Там же. С. 224.
- ⁵¹ *Андерсон М.С.* Пётр Великий. Ростов-н/Д. ; М., 1997. С. 155.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Петрухинцев Н.Н.* Два флота Петра I : технологические возможности России // ВИ. 2003. № 4. С. 126.
- ⁵⁴ *Петрухинцев Н.Н.* «А самых больших кораблей нам строить трудно...» // Родина. 1996. № 7–8. С. 19.
- ⁵⁵ *Кротов П.А.* Создание линейного флота на Балтике при Петре I. С. 326.
- ⁵⁶ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 537.
- ⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 232 (Канцелярия вице-адмирала М.Х. Змаевича). Оп. 1. Д. 2. Л. 73 ; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 614, 615.
- ⁵⁸ *Ден Дж.* История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. яз. Е.Е. Путятина / вступ. статья, науч. редакция и уточнение пер., примеч. П.А. Кротова. СПб., 1999. С. 186, примеч. 382.
- ⁵⁹ *Кротов П.А.* Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. СПб., 2001. С. 424.
- ⁶⁰ *Jensen B.* Dansk-russiske relationer 1697–1709 // Historie. Jyske samlinger. Ny roekke. Aarhus, 1970. Bd. 8. N. 4. S. 445.
- ⁶¹ *Кротов П.А.* 19 мая 1714 года. Загадка обретения Санкт-Петербургом официального статуса столицы России // Родина. 2012. № 7. С. 4–7.
- ⁶² РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 25. Л. 409, 412 ; МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 619, 632, 633, 639 ; Походный журнал 1715 года. СПб., 1913. С. 17–25.
- ⁶³ *Кротов П.А.* Петербургский порт ... С. 423–430.
- ⁶⁴ *Ретин Н.Н.* Торговля России с европейскими странами на отечественных судах : (конец XVII – середина 60-х годов XVIII в.) // ИЗ. М., 1985. Т. 112. С. 159.
- ⁶⁵ *Некрасов Г.А.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721 – 1756 гг. М., 1984. С. 190 ; *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России : Первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 170.
- ⁶⁶ *Кротов П.А.* Порт морской Санкт-Петербургский // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трёх томах. СПб., 2001. Т. 1. С. 158.

А.В. М о р о х и н

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ «БРАЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ» ПЕТРА I ЭПОХИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Династические связи в XVIII в., особенно в период глобальных военных конфликтов, продолжали оставаться важным элементом европейской политики. Браки между представителями правящих родов способствовали созданию и укреплению союзнических отношений между государствами, хотя родственные связи довольно часто приходили в столкновение с национальными интересами той или иной страны¹. В 1712–1715 г. Пётр I пытался использовать установившиеся в результате брачного союза царевича Алексея и принцессы Шарлотты Христины Софии родственные отношения с Брауншвейг-Вольфенбюттельским правящим домом² в целях создания российско-австрийского союза, необходимого России в тяжёлых условиях Северной войны.

Российско-австрийские отношения эпохи Петра I неоднократно привлекали внимание исследователей³. Однако данный сюжет не нашёл должного отражения в работах историков, которые лишь упоминали о нём⁴. Тем не менее сохранившиеся архивные материалы, сосредоточенные в РГАДА (Ф. 2. (Сношения России с Австрией и Германской империей)), позволяют реконструировать события, дающие представление о так называемой «брачной дипломатии» Петра I.

После заключения 12 июля 1711 г. Прутского мира с Турцией был предпринят новый шаг к организации русско-австрийского союза против Османской империи. В конце 1711 г., сразу после коронации нового императора, Карла VI (1685–1740)⁵, Россия предложила Австрии заключить оборонительный союз, дабы признать тем самым свои завоевания на Балтике. Однако это предложение под разными предлогами отклонялось императором⁶. Несмотря на совпадение интересов двух стран в отношении Турции, австрийское правительство ревниво относилось к развёртыванию военной компании в Померании и к появлению российского флота на Балтике и считало, что союз с Россией опасен в связи с возможным обострением отношений со Швецией, армия которой во главе с генерал-фельдмаршалом М. Стенбоком находилась в то время в Мекленбурге. Одновременно с этим, не желая терять хорошие отношения с Петром I, Карл VI дал формальное согласие продолжить переговоры о союзе с Россией в грамоте от 5 (16) октября 1712 г.

Одной из причин отказа в заключении военного союза между двумя странами являлась, по мнению австрийского правительства, конфликтная ситуация, возникшая у руководства Священной Римской империи с российским послом бароном И.Х. Урбихом,

действия которого якобы серьезно подрывали дружбу двух государств, а сам дипломат «привел было по своим непорядком и неправым доношениям наш и цесарской двор в совершенную вражду»⁷.

В течение 1712 г. И.Х. Урбих вёл переговоры с австрийским правительством о заключении союзного договора и превысил свои полномочия, обещав предоставить Карлу VI после завершения Северной войны 60-тысячную армию северных союзников. Но в итоге австрийское правительство приостановило переговоры с И.Х. Урбихом и обратилось к России с просьбой прислать в Вену нового посла и поручить вести переговоры о союзе «природному Царского Величества министру». В свою очередь и сам И.Х. Урбих просил уволить его со службы по старости и болезни. 13 ноября 1712 г. Карлу VI была отправлена грамота об отзыве дипломата⁸.

В декабре 1712 г. в Вену прибыл новый дипломатический представитель России, А.А. Матвеев, перед которым была поставлена задача ускорить подписание союзного договора двух государств⁹.

Андрей Артамонович Матвеев (1666–1728) являлся ярким представителем российских западников. Современники-иностранцы весьма благожелательно отзывались о нём, отмечали владение А.А. Матвеевым несколькими иностранными языками, его интерес к жизни европейских государств¹⁰. Ко времени назначения послом в Вену А.А. Матвеев рекомендовал себя неплохим переговорщиком, долгое время был дипломатическим представителем России в Голландии, совершил в 1705–1706 г. по поручению царя поездку в Париж для освобождения двух российских кораблей, захваченных французами в разгар войны за Испанское наследство¹¹. Французы признавали после общения с А.А. Матвеевым, что у него «гораздо более ума, знания европейских дел и вежливости, чем того можно было ожидать»¹².

Ко времени прибытия А.А. Матвеева в Вену внимание общественности Германии было приковано к заключённому брачному союзу между Россией и Брауншвейг-Вольфенбюттельским правящим домом. Принцесса Шарлотта Христина София, ставшая женой царевича Алексея Петровича, являлась родной сестрой супруги Карла VI Елизаветы Христины (1691–1750). Состоявшийся брак, по мнению одного из его инициаторов — И.Х. Урбиха, должен был привести к тому, что «старшие две волфенбительские принцессы в том счастливы, что он (Урбих. — А.М.) в две наивеличайшие монархии, которые от востока до запада солнца распространяютца, введены, чего, как я уповаю, и способствовать может к становлению крепкого и доброго союзу между обоих сих великих монархов»¹³.

Однако реакция в Европе на заключение брачного союза между немецкой принцессой и наследником Петра I была весьма неоднозначной. В Германии многие возлагали на этот брак большие надежды, ожидая после этого в России усиления протестантизма. Кроме того, этот брачный союз не мог не вызвать новой волны интереса к России в научных кругах Германии. По случаю свадебных торжеств начинают появляться генеалогические трактаты и панегирики. Особенно отличился Хальмштадтский университет, находившийся под совместным управлением ганноверской и брауншвейгской ветвей рода Вельфов и имевший репутацию одного из лучших университетов Германии. Профессор этого университета И.Г. Экхарт, ученик Лейбница, в том же 1711 году написал и опубликовал работу «О происхождении великого царского наследника Алексея и княгини Шарлотты Кристины Софии... от византийского императора Константина Багрянородного», представлявшую собой панегирик и жениху, и невесте, и их родителям. Учёный со ссылками на исторические примеры (браки саксонских принцесс с представителями русских и польских княжеских семей в IX веке и позднее) показывал, что подобные германо-славянские контакты имели давние традиции и никоим образом не должны вызывать удивления у современников. Этому же брачному

союзу была посвящена приветственная речь Ю.Х. Бемера, в которой тот говорил о том, что «Москва сохранила в своих пределах много хорошего, что отсутствует в Германии, и не является отныне такой дикой и неприятной, какой она могла быть в древние времена»¹⁴.

Одновременно с этим к заключённому брачному союзу весьма настороженно отнеслись в Вене, где внимательно следили за событиями и собирали сведения о состоявшемся «мариаже». Особо интересовала австрийцев семейная жизнь царевича и его жены. Уже через четыре дня после свадьбы царевич получил от отца распоряжение отправиться в польский город Торн (Торунь) для участия в подготовке похода в Померанию. Этот столь быстрый и неожиданный отъезд молодожёнов вызвал особое удивление у деда принцессы герцога Антона Ульриха и членов его семьи, которые надеялись, что после свадьбы «царевич с ново-брачной возвратятся в Вольфенбюттель на несколько месяцев»¹⁵. Алексей Петрович выехал из Брауншвейга 7 ноября 1711 г., тогда как его супруга задержалась со сборами и прибыла в Торн лишь 19 декабря¹⁶. Отъезд царевича к действующей армии при некоторых германских дворах был интерпретирован по-своему. И.Х. Урбих сообщал из Вены 9 декабря 1711 г.: «При сём объявляю, что из Саксонии много безчестных вещей сюды писано, чем, почитай, весь город наполнен между иными, что учинённый брак хотя и свершен, однако ж ко обоим сторонам великому неудовольствованию, понеже один другим недоволен; кронпринц кронпринцессу оставил, и когда требовала два дни сроку по последней мере, чтоб дорожную постель взять, кронпринц ей жестоко отвечивал и отъехал; все надворные служители оставлены и много иных безчестных вещей, что нынче иной не служит толко к поданию злой мысли сему двору, как то и учинилось. Но когда я в Волфенбители и Дрездене наведалься, то писали ко мне всё противное и что обе стороны довольны...»¹⁷. Слухи, циркулировавшие по поводу состоявшегося брака в Германии, передавал в своём письме от 13 июня 1712 г. младший брат ганноверского курфюрста Георга герцог Эрнст Август: «Верно то, что царевна весьма несчастна. Некоторые даже говорят, что если у неё не будет детей, они (россияне. – А.М.) в праве заключить её в монастырь, если не поступить с нею ещё хуже»¹⁸.

В действительности же отношения между царевичем и его супругой в то время были неплохими. Приехав вслед за мужем в Торн, принцесса 4 января 1712 г. сообщала отцу: «Царевич осыпает меня выражениями своей дружбы. С каждым разом он демонстрирует мне знаки своей любви, так что я вправе сказать, что совсем счастлива». В другом письме, от 19 августа 1712 г., Шарлотта Христина София признавалась: «Богу известно, что я нежно люблю царевича, моего супруга. Я бы нисколько не дорожила жизнью, если бы могла принести её ему в жертву или этим доказать ему мое расположение». На отношение супругов не повлияли и ходившие тогда разговоры о близости принцессы к одному из придворных — Плейницу. Алексей Петрович писал жене, что, несмотря на распространившуюся клевету, он «никогда не поверит, что тень её падет на Шарлотту»¹⁹. Одновременно с этим уже в первые дни после свадьбы принцесса с немецкой педантичностью стала напоминать царю о выполнении данных им ранее обязательств. Царевич, например, сообщал «о конюшенном уборе, что обещал батюшка пожаловать жене моей», о чём Пётр I ещё в Торгау «изволил говорить» и о чём «ведения мы никакого не имеем, о чём меня жена просила, чтоб я... писал, також просит и денег на другую четверть года»²⁰.

Уже вскоре после заключения брака сына с Шарлоттой Пётр I посчитал возможным использовать новые родственные связи для сближения с Австрией. Британский посол в России Ч. Уитворт сообщал в Лондон 15 апреля 1712 г. о своём разговоре с дипломатом С.Л. Владиславичем-Рагузинским, «деловитым греком, искусным в интриге, имеющем значение скорее в силу царского к нему доверия и расположения...». Он уверял, будто прислан был ко нему царём «для обстоятельного разговора». С.Л. Владиславич-Рагузинский, по

словам Ч. Уитворта, среди прочих вопросов интересовался у английского дипломата и тем, «какие средства я признаю наиболее пригодными для... восстановления добрых отношений» Петра I с австрийским императором. На эти слова Ч. Уитворт отвечал, что «для добрых сношений с императором... теперь путь всегда открыт (лишь бы умели пользоваться им) через императрицу, сестра которой вступила в брак с царевичем-наследником». Сообщая об этой встрече с представителем Петра I, дипломат особо отметил, что С.Л. Владиславич-Рагузинский «уже передал весь наш разговор графу Головкину, который пожелал, чтобы он доложил о нём царю лично»²¹. Таким образом, получается, что именно Ч. Уитворт подсказал Петру I новый способ попытаться улучшить отношения двух государств²². Царь сразу же решил воспользоваться этим предложением.

Отправив ещё в начале 1712 г. в Вену с инструкцией о заключении союза с Австрией против турок своего представителя С.Г. Нарышкина²³, 28 мая того же года Пётр I написал невестке, находившейся в те дни в Эльбинге, письмо, в котором обозначил следующие свои пожелания: «И понеже мы охотно желаем, чтоб он (С.Г. Нарышкин. — *А.М.*) там (в Вене. — *А.М.*) благопринят и к склонной аудиенции у его цесарского величества допущен, такожде и в протчем на желание его позволено было, и мы мним, что вашей любви рекомендация тому вспомогать и полезна быть может. Того ради вас сим дружелюбно просим помянутого камергера нашего вашею рекомендациею или к вашей государыне сестре, владеющей цесареве, или, понеже оная, как чаем, в Вену ещё не прибыла, к кому иному, где вы запотребно изобрящете и то действовать может, к получению помянутого его намерения снабдить. Ваша любовь нас чрез то обяжете»²⁴. Соответствующее послание супруга царевича отправила. С.Г. Нарышкин прибыл в Вену 6 июля и 11 августа сообщил Г.И. Головкину: «По письмам всемилоостивейшей государыни кронпринцессы — оные зело ко мне приятны»²⁵.

Однако, несмотря на установление родственных отношений, союз с Австрией не складывался. А.А. Матвеев сообщал из Вены в Петербург 22 апреля 1713 г.: «Хотя цесарь чрез наружные знаки по политесу обходится к Его Царскому Величеству, видом склонным и министерство его, но как ныне с временем бытности моей здешной всемерно присматриваю, что природная зависть господствует в мыслях сего любочестиваго и гордаго двора и нежелательно видеть сей двор хочет, что мир турецкой благополучно и вскоре с Россиею окончается»²⁶. После этого царские дипломаты решили лоббировать интересы России при австрийском дворе через сестру Шарлотты Христины Софии, супругу Карла VI Елизавету Христину, активно используя связи и хорошее знакомство с Брауншвейг-Вольфенбюттельским домом. Вполне вероятно, что эта инициатива могла исходить из окружения А.А. Матвеева. По крайней мере, известно, что некая графиня Матвеева в июле 1710 г. участвовала в переговорах о браке царевича с принцессой Шарлоттой Христиной Софией²⁷. В некоторых работах утверждается, что графиня являлась женой австрийского посланника²⁸. Рискнем предположить, что этой графиней являлась вторая жена Андрея Артамоновича — Анастасия Ермиловна Аргамакова, урождённая княжна Бяратинская²⁹. Жена дипломата производила очень благоприятное впечатление на иностранцев. Так, во время проезда четы Матвеевых через Берлин в 1700 г. жену дипломата нашли «очень красивой и очень умной»³⁰. Графиня сопровождала мужа в упомянутую выше поездку во Францию в 1705–1706 г. Французские дипломаты, общавшиеся с посланником русского царя, передавали и сведения о его жене: «Супруга посла — дочь кн. Бяратинского, потомка одного из великих московских князей, чьи владения были захвачены примерно триста лет тому назад государём московским Василием». Они же отмечали, что Анастасия Ермиловна, «как можно было заметить, довольно сведуща в делах»³¹. Овладевшая голландским языком в период пребывания мужа в Нидерландах жена А.А. Матвеева, появившись в Париже, сразу же занялась

изучением французского языка и произвела впечатление на двор Людовика XIV, где быстро обзавелась нужными знакомствами³². Эти наблюдения об энергичной супруге российского дипломата подтверждаются и другими свидетельствами. В 1710 г. графиня Матвеева «удовольствована была двором Волфенбительским и особливо его светлостью князем»³³.

Время для организации своего рода тайного дипломатического канала было выбрано очень удачно: после избрания Карла VI императором Священной Римской империи его супруга продолжала некоторое время проживать в Испании и приехала в Вену как раз в июле 1713 г. Как сообщал А.А. Матвеев 22 апреля 1713 г., «здесь все в отчаянии находятся, что она, цесарева, во все секреты и в дела, без сумнения, от него, цесаря, допущена будет»³⁴. Российский дипломат, дабы укрепить давление на Елизавету Христину, в этой связи писал царскому дипломату Г.Х. Шлейницу, находящемуся в Вольфенбителе, чтобы тот «по всей своей мочи наговаривал деда ея, цесаревина, дука государствующаго Волфенбительского, дабы он, дук, как мог ея, цесареву внуку свою, по крайнему свойству с его царским величеством чрез свои писма в тот ея, цесаревин, сюды приезд привел и меня её величеству особливо в милость вручил»³⁵. Расчёт был сделан правильный: дед Елизаветы Христины герцог Антон Ульрих был ещё в первые годы XVIII столетия одержим идеей родства с могущественными Габсбургами и ради этого даже согласился на переход внучки в католичество, чем вызвал широкое недовольство среди родственников. Больше того, в 1709 г. Антон Ульрих, будучи уже в весьма преклонном возрасте (77 лет), сам принял католичество. Все эти меры должны были способствовать претворению в жизнь честолюбивых планов герцога, считавшего, что его старшая внучка «сделается вторым Иосифом, чтобы поднять и обеспечить наш дом»³⁶. После Полтавской победы и роста международного авторитета России Антон Ульрих столь же активно стал выступать за совершение брачного союза второй своей внучки с наследником российского престола.

По дороге в Вену Елизавета Христина встретила с дедом в Инсбруке, и, как сообщал Шлейниц, в ходе этой встречи герцог «интерес Его Царского Величества всемерно ей, цесареве, вручил, к чему она охотно все свои склонности впредь по своём приезде сюды оказать хотела»³⁷. В дальнейшем Антон Ульрих и мать императрицы Христина Луиза под давлением царских дипломатов продолжили склонять супругу Карла VI к интересам России, о чём даже письменно просили её³⁸.

Отзывы российских дипломатов о прибывшей в Вену супруге Карла VI, которая пользовалась репутацией «самой красивой королевы на земле»³⁹, были самыми благожелательными. А.А. Матвеев сообщал в Петербург, что она «государыня благообразная, умная, и безмерно ко всём оказалась в поведении своём снисходительною», «у цесаря в безприкладной любви есть, и ко всему двору и к народу не только государскую, но и материнскую милость простирает, и малыми часы по прибытии ея величества сюды весь сей дом процвёл, и ни о чём болши не говорит, везде токмо ея величества о безмерном милосердии и призрении ко всем»⁴⁰. Уже в день приезда Елизаветы Христины в Вену А.А. Матвеев получил у императрицы аудиенцию, на которой, как он сообщал, «принят... с чрезмерною откровенною милостию». Дипломат сообщил об успехах русских войск в Финляндии, на что императрица «с великим из того удовольствием на то изволила мне ответить, что она всемерно ведаёт, что Его Царское Величество, когда от своей стороны что ни зачнёт, всегда оканчивает с великим успехом и славою». Затем российский посол, по собственным словам, «вручал... высокой интерес Его Царского Величества яко ближней свойственнице и как приятелскому дому, с которым Его Царское Величество крайнюю дружбу и конфиденцию прямую во всём имеет». Императрица обещала «всячески... подшиться» интересам России ввиду своего «особого почитания» Петра I. Больше того, Елизавета Христина, по словам

А.А. Матвеева, «приказала мне всегда себе доносить, чтобы ни потребно было у сего двора к ползам Его Величества»⁴¹. Эту же «партикулярную аудиенцию» дипломат описал в своём послании к П.П. Шафирову от 3 июля 1713 г.: «Ея величество... с неописанною милостию и отменою принять меня изволило и говорить милостиво и усердно о всём состоянии наших дел болши получае с обнадеживанием безмерных милостей своих, о которых я не могу достойных похвал и изображения сходнаго о склонности ея величества к интересам Его Царского Величества исправит. Она, цесарева, в такой есть у цесаря любви и за свои высокие мериты в отменном почитании, что его величество улюбиться ея добротою, и разумом, и милосердием ко всему двору и народу не может»⁴². Своё особое отношение к посланнику Петра I Елизавета Христина демонстрировала и позднее. Так, в сентябре 1713 г. А.А. Матвеев сообщал, что 6 сентября императрица, «при моей бытности у двора... высокую честь и отмену перед всем собранием чужестранных министров изволила мне учинить и публично со мною говорить, что здесь в обычае цесарского тикету (этикету. – *А.М.*) не бывало и никому донныне такова почтения не показано...»⁴³.

С подачи А.А. Матвеева между австрийской императрицей и супругой наследника российского престола установилась переписка, которую Пётр I и его окружение пытались использовать во внешнеполитических интересах своего государства. Так, 6 июля 1713 г. супруга царевича отправила «партикулярное письмо» сестре в Вену «с великими похвалами о своём удовольстве от государыни царицы и от государыни царевны, и о благоприветстве к себе всех высоких особ российских, и о склонности, и как она, государыня принцесса, всепочтенно была там (в Петербурге. – *А.М.*) в свой приезд принята». Ранее А.А. Матвеев писал канцлеру Г.И. Головкину о необходимости «принцессе царевичевой вручить интерес Его Царского Величества... дабы ея высочество волило к ней, цесаревой, о том особое партикулярное письмо написать и чрез Ваше превосходительство ко мне прислать, что может исхodayтаивать по истине много пользы к интересам Его Царского Величества». Эти действия дипломат мотивировал тем, что «она, цесарева, всё, что помыслит, у цесаря сильно исправить может, а она, цесарева, к ея высочеству чрезмерно ласкова и падка, и тем способом она, государыня принцесса царевичева, великой опыт подаст о изрядной репутации двора Его Царского Величества, и что ея высочество у Его Царского Величества в особой милости и любви почтении содержится». Эти меры, по мнению А.А. Матвеева, были необходимы и для того, чтобы рассеять бытовавшие в Германии слухи и разговоры о том, «будто ея высочество в самом худом состоянии и во унижении от нашего народа находится и нужно живёт и вся корреспонденция ея со всеми ея сродники весьма возбранена есть»⁴⁴. Причём посредником в передаче писем сестёр должен был выступить сам А.А. Матвеев, который уже в июле 1713 г. получил от императрицы письмо к её сестре, которое он должен был переправить в Россию⁴⁵.

11 августа 1713 г. российский посланник получил очередную аудиенцию у императрицы, в ходе которой Елизавета Христина вновь разрешила А.А. Матвееву «о всех Его Царского Величества делех яко домашнему, а не иностранному министру приходить к себе и о всём доносить, обещая усердно все свои возможные услуги к Его Царскому Величеству во всю свою жизнь верно отдавать»⁴⁶. Дипломат напомнил 5 сентября о том, что он ждёт ответное послание от супруги наследника российского престола. Сама императрица 6 сентября 1713 г. говорила ему об этом, расспрашивая в ходе аудиенции «особливо о государыне принцессе царевичевой... и об ответе ея высочества на своё прежнее чрез меня прежде посланное письмо, прибавя к тому, что может быть ея высочество... по ведомостям, к ней, цесареве, мало тогда домогала и за тем не могла к ней отписать»⁴⁷. 16 сентября 1713 г. А.А. Матвеев вновь «разговоры имел» с супругой Карла VI, которая вновь «обещала чрез

все способы у цесаря старатца, чтобы начатое дело об альянции между Его Царским Величеством и цесаря во окончании... привести, к чему поистинне Ея Величество великую склонность и доброе своё намерение кажет...»⁴⁸.

Однако, несмотря на все усилия российской дипломатии, переписка между сёстрами так и не стала регулярной, в связи с чем в Вене нередко циркулировала непроверенная информация. Так, 21 апреля 1714 г. А.А. Матвеев сообщал: «Обнес[с]я сих чисел из разных мест сюды слух, что пресветлейшая государыня принцесса царевичева, разрешая от своего бремени, родила государя принца...». Позднее дипломат причину распространения этих слухов объяснял тем, что «знатно, что время то (родов кронпринессы. – А.М.) не так считали, как бы надлежало»⁴⁹. 3 июля 1714 г. А.А. Матвеев вновь сообщал П.П. Шафирову об отсутствии известий о родах супруги царевича, ссылаясь при этом на полученную им информацию от Г.Х. фон Шлейница о том, что «что о том бремени сумнительной ещё вид предназначается по разным разсуждениям дохтурским...»⁵⁰. 24 августа 1714 г. дипломат выражал удивление тем, что «от двора нашего, к великому мне удивлению, никаких указов ещё не получил я о торжественном цесарю объявлении» о рождении у супруги царевича дочери⁵¹.

Пытаясь отстаивать в переписке с сестрой-императрицей интересы России, Шарлотта Христина София подвергалась серьёзному влиянию и тех, к кому австрийский император приязни не испытывал. Так, по договорам Петра I с Августом II и Речью Посполитой Россия обязывалась уступить своим союзникам Лифляндию с Ригой после совместной победы над шведами. После завоевания российскими войсками Лифляндии и взятия Риги польский король неоднократно требовал от царя передачи обещанных земель. Однако Пётр I не торопился выполнять обещание, мотивируя свой отказ тем, что в условиях Северной войны польские войска не в состоянии защитить эти территории. Устроив осенью 1714 г. «крепкие домогательства» Риги⁵², Август II также решил просить содействия в этом вопросе у невестки Петра I, которая воспитывалась при дворе его жены в Дрездене. Кроме того, саксонский курфюрст также немало способствовал заключению брака царевича Алексея. В конце 1714 г. под давлением Э.Ф. фон Фицтума, посла Августа II, и своего гофмейстера Г.И. Левенвольде Шарлотта Христина София посетила супругу Петра I царицу Екатерину, чтобы «воспользоваться этим случаем, чтобы поговорить с царём и высказаться в поддержку польского короля»⁵³. Этот шаг принцессы свидетельствовал не только о том, что Шарлотту Христину Софию пытались использовать в своих интересах представители разных государств, но ещё и о том, что супруга царевича являлась фигурой несамостоятельной, не имевшей никаких представлений о дипломатии.

Однако реальных выгод для России аудиенции А.А. Матвеева у супруги австрийского императора не имели. Карл VI демонстрировал особое отношение к родственному двору формально. Когда летом 1714 г. царевич Алексей Петрович прибыл в Карлсбад, «ради употребления тамошних вод, в малой свите»⁵⁴, австрийские власти «со всякой учтивостью приняли» сына Петра I. Император отправил караул для охраны и сопровождения царевича, который в знак признательности просил А.А. Матвеева «цесарю возблагодарить именем своим за все благоприемство и учтивости, оказанные в Карлзбате...»⁵⁵. Чуть позже, 1 октября 1714 г., Карл VI подписал А.А. Матвееву диплом на звание графа Священной Римской империи⁵⁶, а затем согласился быть восприемником при крещении внука царя, великого князя Петра Алексеевича⁵⁷. Подобным же образом продолжала вести себя в отношении дипломатического представителя России и Елизавета Христина. В октябре 1714 г., во время коронации австрийской императрицы в Пресбурге, российский посол сообщал, что «по особливой ко мне милости цесарской и цесаревинной отведено мне там место было с принцем Максимилианом ГанOVERским в самой близости от места ея, цесаревина». На следующий

день, после церемонии, А.А. Матвеев получил публичную аудиенцию у императрицы «также со всякою отменою и первой перед всеми чужестранными при дворе цесарском»⁵⁸.

Оказывая формальное уважение России как родственному двору, Карл VI не спешил идти на реальное сближение двух государств. 18 декабря 1713 г. А.А. Матвеев начал совещания с австрийскими министрами, которые предложили заключить оборонительный союз против любого нападения, исключая нашествие крымских татар. Новый союз не должен был нарушать другие договоренности обеих сторон, а австрийский император сохранял право стать посредником в мирных переговорах России со Швецией. В предложенном австрийцами проекте договора, с которым А.А. Матвеев ознакомил российский двор, не были явно обозначены ни Швеция, ни Османская империя. Сообщая П.П. Шафирову о своих переговорах в послании от 16 января 1714 г., А.А. Матвеев отметил, что Карл VI «без именованных наших неприятелей в том трактате толко под общию кондициею и с изъятием цесарских принцов и тех держав, с которыми прежняя до сего времени у него, цесаря, договоры учинены есть, сие всё несходно было с ынструкциями на то дело, данными мне...»⁵⁹. Представленный проект не устроил Петра I, который через своего посланника в Вене настаивал на том, «дабы во оной договор с ымянным оглавлением Швед и Порта внесены были»⁶⁰. Кроме того, вызывало возражение и предложение Карла VI вступить в оборонительный союз с Россией только после окончания Северной войны. Встречи с австрийскими министрами А.А. Матвеев возобновил в марте 1714 г., получив из Петербурга эти замечания царя, однако австрийцы по-прежнему отказывались упоминать в договоре в качестве потенциальных противников Швецию и Турцию. 17 июля 1714 г. А.А. Матвеев сообщал, что «сей двор, отнюдь на сие (кроме будущего времени) ни дозволив, ни впредь никакого обязательства нет сойтится к тому»⁶¹.

Определённые вопросы к венскому двору возникли у Петра I в связи с тем, что Карл VI не только разрешил главному военному противнику России шведскому королю Карлу XII, возвращавшемуся из Турции, проезд по территории Священной Римской империи в октябре 1714 г., но и «повелел принимать его во всех подвластных ему землях с надлежащей торжественностью»⁶². Больше того, австрийский император, заинтересованный в сохранении за Швецией северных провинций Германии, даже уведомил шведского посла в Вене о своей готовности встретиться с Карлом XII, если тот пожелает⁶³. Пётр I предпринял попытки воспрепятствовать проезду короля через Европу, но успеха не имел. В связи с этим супруга царевича писала императрице «о некотором мнении на двор их в проезде короля свейского» по территории империи. Елизавета Христина имела по этому поводу разговор с мужем, который «за известно обнадежил, что ни в мысли у него нет с ним, королем, во что вступать и только по одной учтивости невозможно было отказать ему, цесарю, в том проезде его, как принцу имперскому, чрез свои земли». Императрица сообщила сестре, что её супруг «всегда... усердно верно дружбы своей с Его Царским Величеством содержать будет»⁶⁴.

Российский посол в Вене воспользовался случаем и попытался через императрицу, имевшую большое влияние на Карла VI, ослабить влияние принца Евгения Савойского, симпатизировавшего шведам, и, по собственным словам, «цесарево усердно доброхотно к интересу Его Царского Величества для всех будущих... но с тем от вреду его, принцова, заранее тайно внушить», на что императрица, «со всяким милостивым вниманием своим выслушав, у меня гораздо рада была о том о всём уведомить, и обещала мне всё то конечно цесаря престеречь, и чтоб я ни на что на то не глядел»⁶⁵. Однако поведение российского дипломатического представителя в Вене австрийскими властями было признано некорректным, и у А.А. Матвеева потребовали объяснений. Посол отвечал, что «на принца Евгения цесарево государствующей жалобою прямою отнюдь не жаловался я... в том никакова предосуждения ему, принцу Евгению, не нанесено, естли же бы мне не остерегши всего того в молчании

то глухо оставить, могла бы ис того по будущим его, принцовым, наговорам цесарю по его крайней любви к шведу большая поруха интересам Его Царского Величества... К тому ж она, цесарева, всемерно приказала мне... о всём безскрытно себе доносить, естли что усмотрю я при сём дворе противное особым Его Царского Величества ползам, обнадежа меня верноцесарским своим словом, что всё то у неё в звычайной крепости твердо содержано будет, как то и на самом деле видимо есть»⁶⁶. Данный факт подтверждает наблюдения И.И. Любименко о том, что «у Матвеева были и недостатки для дипломата того времени. Он был, по-видимому, иногда слишком доверчив и несколько неосторожен...»⁶⁷.

Действуя через императрицу, А.А. Матвеев добился заявления Карла VI о готовности вступить в союз с Россией, однако переговоры в итоге закончились безрезультатно и расчёт на родственные связи с австрийским императором не оправдался. Больше того, после 1715 г. отношения России и Австрии даже ухудшились⁶⁸. Смерть 16 марта 1714 г. деда императрицы и кронпринцессы Антона Ульриха также лишила Россию верного сторонника, ратовавшего за внешнеполитические интересы России. А.А. Матвеев, сообщая о смерти герцога, справедливо отмечал, что Пётр I со смертью герцога «потерял... в Цесарстве зело надёжного себе приятеля и свойственника»⁶⁹. В том же 1715 г. А.А. Матвеев был переведён из Вены в Польшу. На прощальной аудиенции 28 февраля 1715 г. Елизавета Христина вновь говорила ему о том, что старалась идти навстречу интересам царя, и обещала продолжать покровительствовать интересам России и после отъезда из Вены А.А. Матвеева, и «прославляла отеческие милости Петра к сестре её, кронпринцессе, о которых та извещала её в своих письмах», и просила оставшегося в Вене секретаря российского посольства Л. Ланчинского сообщать ей «о всех делах царских, и обещала охранять царские интересы наравне со своими»⁷⁰.

Однако никаких кардинальных изменений в отношениях двух государств при жизни Петра I так и не произошло. Больше того, бегство из России царевича Алексея Петровича и его тайное пребывание во владениях Карла VI лишь ухудшило отношения России и Австрии. Таким образом, установившиеся в 1711 г. родственные отношения между Россией и Священной Римской империей так и не привели, несмотря на все старания дипломатии Петра I, к реальному сближению двух государств, которое наблюдается лишь с 1726 г.

¹ О значении династических браков см.: *Попов Н.В.*: 1) Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 143–169; 2) Династические браки и «брачная дипломатия» в Центральной и Восточной Европе XV – начала XVII в. // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 170–179; 3) Династические браки и «брачная дипломатия» в Западной Европе. XVII – начало XVIII в. // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 185–213; *Вульф Д.* Дом Романовых и Германия: о значении династических связей в международных отношениях // Европейские монархии в прошлом и настоящем XVIII–XX века. СПб., 2001. С. 234–244.

² Подробнее см.: *Маркина Л.А.* София Шалота Брауншвейгская – первая немецкая принцесса в России // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 41–52; Брауншвейгские князья в России в первой половине

XVIII века. М., 1998. С. 24–43; *Долгова С.Р.* Брачный союз царевича Алексея и вольфенбюттельской принцессы Шарлотты // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 55–66; *Моряхин А.В.*: 1) К истории пребывания в России принцессы Шарлотты Христины Софии, жены царевича Алексея Петровича (1713–1715) // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006. СПб., 2007. С. 184–201; 2) К истории заключения брачного союза между Россией и Брауншвейг–Вольфенбюттелем в 1711 году // Полтавская битва и её международное значение. Тезисы докладов юбилейной Международной научной конференции. 17–20 ноября 2009 года. М., 2009. С. 72–74.

³ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 28–51; *Флоровский А.В.*: 1) Русско-австрийские

- отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955 ; 2) От Полтавы до Прута : Из истории русско-австрийских отношений 1709–1711 гг. Прага, 1971 ; *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. Изд. 3-е. М., 1990. С. 368–374 ; *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов : русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 5–21.
- ⁴ *Герье В.И.* Кронпринцесса Шарлотта, невестка Петра Великого // ВЕ. 1872. № 6. С. 495 ; *Соловьёв С.М.* Сочинения : в 18 кн. М., 1993. Кн. IX : История России с древнейших времен, т. 18. С. 122.
- ⁵ О личности Карла VI см.: *Шиндлинг А., Циглер В.* Кайзеры. Ростов н/Д., 1997. С. 241–258.
- ⁶ Подробнее об этих переговорах см.: *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. IX, т. 17. С. 85–87.
- ⁷ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафорова : Новые источники по истории России эпохи Петра Великого : в 3 ч. СПб., 2011. Ч. 1 : 1706–1713. С. 244.
- ⁸ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 44–45 ; ПБИБВ. М., 1975. Т. 12, вып. 1. Примеч. к № 5174 и 5175. С. 419 ; М., 1977. Т. 12, вып. 2. № 5885. С. 220–221 ; Примеч. к № 5467. С. 354 ; Примеч. к № 5684. С. 487 ; Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 14 ; Кн. 6. Саратов, 1896. С. 93.
- ⁹ ПБИБВ. Т. 12, вып. 2. № 5688. С. 222–223.
- Это указание, как главная цель пребывания дипломата в Вене, повторялось ему и в позднейших предписаниях. См.: ПБИБВ. М., 1992. Т. XIII, вып. 1. № 5854. С. 58–59. Примеч. к № 5854. С. 241–248.
- ¹⁰ Дневник зверского избияния московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // *Старина и новизна.* СПб., 1901. Кн. 4. С. 409 ; *Де ла Невиль.* Записки о Московии. М. ; Долгопрудный, 1996. С. 131 ; Рождение империи. М., 1997. С. 20, 245 ; Неистовый реформатор. М., 2000. С. 160, 337–338.
- Подробнее о А.А. Матвееве см.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. 3. С. 287–290 ; *Семёнов П.Н.* Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И. Барановым // ЧОИДР. 1886. Кн. 2. С. 4–15 ; *Шокарев С.Ю.* Записки современников Петра Великого об эпохе преобразований // Рождение империи. С. 422–426 ; *Шамин С.М.* К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 53–54 ; *Серов Д.О.* Администрация Петра I. М., 2007. С. 56.
- ¹¹ Подробнее о поездке А.А. Матвеева в Париж см.: *Пекарский П.П.* Поездка графа Матвеева в Париж в 1705 году // Современник. 1856. Т. 57, кн. 3. С. 39–66 ; *Шаркова И.С.* Статейный список посольства А.А. Матвеева во Францию (1705–1706 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Сб. статей. М. ; Л., 1963. С. 627–639 ; Русский дипломат во Франции : (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972 ; *Берелович В.* Посланец Петра Великого А.А. Матвеев в Париже. 1705–1706 гг. // Исторический Архив. 1996. № 1. С. 203–214. См. также: Донесение посла А.А. Матвеева царю из Парижа от 4 октября 1706 г. // ВМОИДР. М., 1854. Кн. 19. С. 11–12, 16–17.
- ¹² Цит. по: *Любименко И.И.* Россия и Англия в первой половине XVIII века. (1698–1756) // Архив СПбИИ РАН. Ф. 276 («Издательский фонд»). Рукописи трудов сотрудников Археографической комиссии ЛОИИ). Оп. 2. № 133. Ч. 1. Л. 129.
- ¹³ РГАДА. Ф. 32 (Сношения России с Австрией и Германской империей). Оп. 1. Д. 4. Л. 185.
- ¹⁴ *Мыльников А.С.* О становлении славистики в Германии (конец XVII – первая треть XVIII в.) // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 53, 59 ; *Ермасов Е.В.* Интерес к России в научных кругах Германии первой четверти XVIII века // Историографический сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2004. Вып. 21. С. 113, 120.
- ¹⁵ Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 72–73.
- ¹⁶ Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1862. Т. 3. С. 38, 43 ; Архив князя Ф.А. Куракина. Саратов, 1894. Кн. 5. С. 171.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. № 4. Л. 245 об.
- ¹⁸ Царевич Алексей Петрович в Германии // РА. 1903. Т. 1. С. 432.
- ¹⁹ Брауншвейгские князья ... С. 78–80.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 55 (Сношения России с имперскими чинами). Оп. 1. № 12. Л. 9.
- ²¹ Сб. РИО. Т. 61. С. 178–181.
- О С.Л. Рагузинском-Владиславиче см.: *Павленко Н.И.* 1) Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 331–366 ; 2) Савва Лукич Владиславич-Рагузинский // Сибирские огни. 1978. № 3. С. 155–158 ; *Лециловская И.И.* 1) Сербь в России // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия XVIII в. М., 2003. С. 279–283 ; 2) Серб – сподвижник Петра I : Граф Рагузинский // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 70–93 ; *Дучич Й.* Граф Савва Владиславич. Серб при дворе Петра Великого и Екатерины I. СПб., 2009. 304 с. ; *Майданская Н.* Советы премудрости Саввы Рагузинского : Русско-сербскому государственному деятелю посвящается // Библиотека. 2011. № 10. С. 61–63.
- ²² Подробнее о Ч. Уитворте и его деятельности в России см.: *Никифоров Л.А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 29–43 ; *Беспятовых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. СПб., 1998. С. 54–56 ; *Любименко И.И.* Россия и Англия ...

- Л. 79–94 ; *Лабутина Т.Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // *ВИ.* 2010. № 11. С. 124–135.
- ²³ Официально С.Г. Нарышкин был отправлен в Вену «с объявлением цесарю о Его Царского Величества дружбе и о склонности к вступлению в ближайший союз с двором австрийским». См.: *Архив князя Ф.А. Куракина.* Кн. 6. С. 84.
- ²⁴ *ПБПВ.* Т. 12. Вып. 1. № 5269. С. 221.
- ²⁵ Там же. Примеч. к № 5268. С. 523.
- ²⁶ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 1. Л. 435 об.
- ²⁷ *Герье В.И.* Кронпринцесса Шарлотта ... С. 37.
- ²⁸ См.: *Долгова С.Р.* Брачный союз царевича Алексея ... С. 59.
- ²⁹ *Самарин Н.Ф.* Заметки к «Родословной книге» // *РС.* 1876. № 5. С. 200–201.
- ³⁰ *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 620.
- ³¹ *Русский дипломат во Франции.* С. 238.
- ³² *Берелович В.* Посланец Петра Великого А.А. Матвеев в Париже. 1705–1706 гг. С. 208, 210 ; *Сб. РИО.* СПб., 1886. Т. 50. С. 456–457.
- ³³ *ПБПВ.* М., 1956. Т. 10 : (дек. – янв. 1710 г). Примеч. к № 3926. С. 694.
- ³⁴ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 1. Л. 476.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Герье В.И.* Лейбниц и его век. С. 458, 460–461.
- ³⁷ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 1. Л. 640 об.
- ³⁸ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 2. Л. 244–244 об.
- ³⁹ *Фрэзер А.* Мария Антуанетта : Жизненный путь. М., 2007. С. 27.
- ⁴⁰ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 2. Л. 12 об., 35 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 35–35 об.
- ⁴² Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича ... Ч. 1. С. 340.
- ⁴³ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 2. Л. 231.
- ⁴⁴ Там же. Л. 40–41.
- См. также: *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. IX, т. 17. С. 122.
- ⁴⁵ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 5. Ч. 2. Л. 46.
- ⁴⁶ Там же. Л. 177.
- ⁴⁷ Там же. Л. 231 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 250.
- ⁴⁹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича ... Ч. 2 : 1714 г. С. 161, 235.
- ⁵⁰ Там же. С. 273.
- ⁵¹ Там же. С. 357.
- ⁵² *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 6. Ч. 1. Л. 581.
- ⁵³ *Бушкович П.* Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 324–325. Примеч. 67.
- ⁵⁴ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича ... Ч. 2. С. 262.
- ⁵⁵ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 6. Ч. 1. Л. 223, 291.
- ⁵⁶ Библиотека А.А. Матвеева (1666–1728). Каталог. М., 1985. № 69. С. 42.
- ⁵⁷ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 4. № 28. Л. 2.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 1. № 6. Ч. 1. Л. 499 об.–500.
- ⁵⁹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича ... Ч. 2. С. 20.
- ⁶⁰ Там же. С. 155.
- ⁶¹ Там же. С. 279.
- Подробнее о переговорах см.: *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. IX, т. 17. С. 91–96.
- ⁶² *Вольтер Ф.М.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999. С. 217.
- ⁶³ *Григорьев Б.Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 437–438.
- ⁶⁴ *РГАДА.* Ф. 32. Оп. 1. № 6. Ч. 1. Л. 663.
- ⁶⁵ Там же. Л. 532 об.
- ⁶⁶ Там же. Л. 1070 об. –1071.
- ⁶⁷ *Любименко И.И.* Россия и Англия ... Л. 137.
- ⁶⁸ *Саннин Г.А.* Пётр I и его внешняя политика // *История внешней политики России. XVIII век.* М., 1998. С. 45.
- ⁶⁹ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича ... Ч. 2. С. 130.
- ⁷⁰ *Соловьёв С.М.* Соч. Кн. IX, т. 17. С. 98.

Ю.М. П о п о в

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕТРОВСКИМ НОРМАМ СЛУЖБЫ ДВОРЯН В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

Новая система общественных отношений, сложившаяся в результате реформ Петра I, предопределила главенствующую роль дворянства в жизни государства. Значение дворянского сословия обуславливалось необходимостью его служения в различных сферах государственной деятельности. Установление идеологии служения было связано с необходимостью обеспечения кадрами различных институтов власти и прежде всего вооружённых сил. Дворянство стало основным привилегированным сословием, которое использовалось для удовлетворения различных нужд государства. Необходимость регламентации этих вопросов положила начало созданию обширной законодательной базы, призванной решать возникавшие вопросы по привлечению служилого сословия к несению обязательной пожизненной службы. Окончательное оформление нового порядка прохождения обязательной пожизненной службы было закреплено в утверждённой в 1722 г. «Табели о рангах», определившей иерархию в системе государственной службы, предусматривавшей равные возможности для служебного роста всех категорий личного состава и позволявшей при определённых условиях достичь офицерских чинов и выходцам из других социальных слоев. Фактически же командный состав формировался по большей части из дворянской среды. Военная служба получала приоритетное значение перед другими её видами — гражданской и придворной. Одновременно с достижением военнотружущим обер-офицерского чина самого низшего, XIV класса он получал потомственное дворянство. При продвижении по службе стали играть роль и личные заслуги на служебном поприще. А это позволило подниматься по карьерной лестнице самым способным представителям низших сословий.

В соответствии с законодательством устанавливались единые требования и к детям, выходцам из этой среды — «недорослям всяких чинов служилых людей», которые, так же как и их отцы, обязаны были служить в армии и флоте. Это обстоятельство фактически уравнивало их и предоставляло одинаковые начальные условия службы, несмотря на принадлежность к разным социальным слоям. Все обязаны были начинать службу рядовыми¹. Многие дворяне не могли материально поддерживать своих детей во время обучения, поэтому было предписано выдавать таким детям, как и солдатским, жалованье. Следует в этой связи отметить и появление такой категории, как «офицерские дети», которая образовалась именно благодаря указанной возможности, предоставленной их отцам. Судя по тому, что эти дети были выделены в отдельную категорию, можно говорить об их многочисленности. Это указывает

на достаточно распространённое применение этой нормы закона на практике в отношении заслуженных военнослужащих. А вот сами дети из этой категории могли иметь значительные различия в статусе. Дело заключалось в том, что если те, которые «хотя бы и низкой породы были», в силу своих заслуг получали потомственное дворянство, то дворянами становились и их дети, рождённые после этого события. На детей рождённых ранее, согласно «Табели о рангах», данное право не распространялось².

Пересмотр порядка прохождения служилым сословием военной службы требовал и их предварительного учета с юных лет и дальнейшего обучения с последующим направлением, в зависимости от годности, на военную или гражданскую службу. С этой целью проводились смотры недорослей. Однако «чёткий порядок смотров дворянских недорослей правительство Петра I не установило: смотры проводились часто, но без определённой системы»³. Многие вопросы, которые должны были регламентировать процедуру учёта, возрастные ступени и порядок дальнейшего обучения оставались открытыми.

Начавшаяся во время царствования Анны Иоанновны война с Турцией (1735–1739) крайне обострила проблему укомплектования вооружённых сил. Мобилизация всех имеющихся людских резервов стала насущной заботой руководства страны. В начале войны в стране начался рекрутский набор. Необходимость срочного решения кадровых вопросов в расчёте в первую очередь на длительную перспективу ведения войны вызвала появление за короткий срок череды именных указов императрицы.

В первом из них, датированном 6 мая 1736 г., вышеупомянутое обстоятельство следовало из заголовка документа: «О размещении детей офицерских, дворянских и прочих служилых людей, взрослых — в армейские и гарнизонные полки, по их желаниям, а малолетних — в учрежденные школы»⁴. Преамбула указа, раскрывая предысторию вопроса, логично подводила тех, кому он был адресован, к значимости сказанного. Первоначально обращалось внимание на предыдущие законодательные акты, в соответствии с которыми дети дворян начиная с 10 лет и старше должны были являться на смотры к армейскому генералитету, а в губерниях и городах — соответственно к губернаторам и воеводам. При этом «самые неимущие, за кем меньше двадцати душ», должны были определяться в армейские полки, а те, «за которыми больше двадцати душ», отсылаться в Санкт-Петербург, в Герольдмейстерскую контору, для записи и учёта с последующим представлением правительству («Нашему Кабинету») для их дальнейшего определения. Признанные годными зачислялись в гвардейские полки, некоторая часть направлялась для обучения в школы⁵. Здесь же были назначены и сроки выполнения предписанного. В преамбуле указа была раскрыта и ситуация, сложившаяся уже вокруг всех военно-служилых прослоек населения: «...многие офицерские, дворянские, также солдатские, рейтарские, казачьи, пушкарские и прочих всякого звания служилых чинов... дети... которые в подушный оклад не положены, и в цехи не записаны, и ныне под разными видами кроются... дабы звание своё утаить и тем от службы отбыть...»⁶. А многие «малолетние служилых отцов дети», для обучения которых, кроме гарнизонных, в городах были и другие школы, учиться не хотели и, «не желая собственной своей пользы», убегали из них. Такое состояние дел грозило в ближайшее время привести к коллапсу всю систему подготовки к государственной службе. Тем более, такое положение было нетерпимо в начале войны с Турцией, которая, судя по всему, обещала быть длительной. Поэтому в основной части документа, применительно ко всему служилому сословию, были указаны меры, призванные улучшить обстановку с комплектованием вооружённых сил и подготовкой молодёжи к службе. Было признано необходимым изменить как возраст вызываемых на смотр, так и его процедуру, «дабы офицерские и дворянские и всех вышеписанных служилых людей дети от 7 лет и выше... явились в Санкт-Петербург у Герольдмейстера, а в Москве — в Сенатской

конторе и при армии — у командующему генералитету, в губерниях же и городах — губернаторам и воеводам, где кто пожелает и случай допустит»⁷. На проведение смотра давалось полгода, и к 1 января 1737 г. указ должен был быть выполнен. С целью контроля предписывалось ежемесячно присылать в Военную коллегию рапорты об обстановке из указанных мест. За невыполнение указа предусматривались весьма жёсткие меры. Поощрялось доношительство: тем, кто сообщал о скрывающихся, обещалась награда, а тех, кто скрывал, штрафовали, как за сокрытие беглых крестьян.

Необходимо обратить внимание на следующее. Начавшаяся война потребовала и резкого увеличения нового пополнения для армии и флота. А для этого за счёт служилого населения потребовалось охватить как можно более широкий круг молодёжи и снизить возрастные ограничения при привлечении к обучению. С семи лет дети подлежали записи в школы, и с этого возраста фактически могло состояться и зачисление на службу. Срок службы не менялся, она продолжала оставаться пожизненной.

По прошествии трёх месяцев с момента объявления указа, то есть половины отведённого на его проведение времени, стало очевидно, что смотр игнорируется. Причём не только теми, кто должен был на него прибыть, но и на местах теми, на кого было возложено его проведение. Сенат так констатировал создавшееся положение: «Но токмо с состояния онаго Ея И. В. указа... у Герольдмейстера явилось самое малое число, а в прочих местах, где сколько явилось и куда определены, о том в Сенате неизвестно»⁸.

Реакция Сената на такое развитие событий нашла отражение в его собственном указе от 26 августа 1736 г. «в подтверждение именного указа 1736 майя 6»⁹. Для того чтобы «неведением никто не отговаривался», Сенат распорядился для ознакомления с именованным указом как можно больших слоев населения «как при армии и полках, так и во всех городах и уездах публиковать ещё печатными указами». Принятые меры привели к определённому результату: молодые люди стали прибывать на смотр в различные учреждения, обозначенные в указе. Однако к назначенному времени «явилось малое число недорослей», то есть указ фактически был проигнорирован. Непопулярность морской службы способствовала тому, что в Морскую академию направляли для обучения в основном недорослей — выходцев из бедных и незнатных дворянских родов. Умением писать и считать могли похвастаться не многие из них, поскольку не имели возможности получить какое-либо первоначальное образование. Всё это сказывалось на сроках начала обучения в Академии.

Например: в конце 1736 г., а именно 31 декабря (!), в последний день указанного срока, «при промемории Правительствующаго Сената из Герольдмейстерской конторы присланы во Адмиралтейскую коллегию из шляхетства недоросли Александр Корякин, Дмитрий Ошурков, Семен Карповской для обучения в Адмиралтейскую академию, которых по определению Коллегии генваря 7 дня 1737 году велено принять, и отослать в ту академию, и навигацким наукам обучать, и на жалованье содержать»¹⁰. В этот же день, 31 декабря, вместе с перечисленными недорослями в Коллегию прибыл и Иван Муханов, который «доношением объявил, что отец его, Филип Муханов, служил во флоте матрозом из дворян и от службы отставлен, а по отставке, будучи в деревне своей, умре, а он, Иван Муханов, обучился токмо азбуке и в службу нигде не определён. И просит о определении ево для обучения грамоте и цифири; и по определению Коллегии велено... Ивана Муханова по желанию определить для обучения русской грамоте в школу... а как он той грамоте обучится, тогда ево обучать цифири и жалованье давать по наукам по указу»¹¹. Отправленного затем 27 января 1737 г. в Академическую контору И. Муханова, «которой русской грамоте не умеет», во исполнение решения Коллегии определили в русскую школу. Было определено его время обучения и средства для личных нужд: «...жалованье ему производить по силе состоявшегося... Коллегии в [1]731

году февраля 20 дня определения против протчих имеющихся в той школе шляхетских детей — по рублю на месяц, и написать ево с протчими в список, и по обучении русской грамоте представить для определения в навигацкие науки, и о том учителю Смурыгину послать указ»¹². Ранее, в январе 1736 г., для прохождения смотра в Адмиралтейскую коллегию был представлен выходец из служилого сословия Дмитрий Крюков. По результатам опроса Коллегии «приказали бывшего в Ревельском порте канцеляриста Степана Крюкова сына ево Дмитрия, о котором мать ево родная, вдова Катерина Иванова дочь, показала, что от роду ему двенадцать лет и грамоте обучен, определить в здешнюю школу и обучать арифметике, и жалованья ему со определения давать против протчих, и для того отслать ево во Академическую кантору, и... означенной подъяческий сын Дмитрий Крюков во Академическую кантору и прислан»¹³. После обучения в школе он вместе с перечисленными недорослями вновь прибыл в эту кантору для дальнейшего определения. И при опросе «он, Дмитрей Крюков, в Академической канторе скаскою показал, что... отец ево был из шляхетства и помещён в Перемышском уезде, в Желажовском стану, в деревне Конееве»¹⁴. Обращает на себя внимание неопределённость его социального происхождения: в Адмиралтейской коллегии он был записан как «подъяческий сын», а в канторе так: «...отец ево был из шляхетства». Однако поскольку в то время подобная ситуация, связанная со службой дворян на рядовых должностях, не являлась редкостью (например уже упоминавшийся здесь Ф. Муханов), то и особого значения этому придано не было, и «генваря 21 дня [1]737 году по определению Академической канторы велено по вышеписанному Адмиралтейской коллегии определению присланных недорослей из шляхетства, а имянно... Корякина... Ошуркова... Карповского, Дмитрия Крюкова, которые русскою грамоте читать и писать обучились, определить в здешнюю академию для обучения навигацких наук, и жалованье им производить, и написать в список с прочими Академии чинами»¹⁵. В феврале того же года на обучение в Академию был определён и выходец из однодворцев Андрей Елецкий, находившийся в службе с 1733 г. (с 12 лет) и ранее обучавшийся в Москве¹⁶. Из сказанного следует отметить, что в Морскую академию, наряду с дворянами, могли зачисляться и обучаться и выходцы из других социальных слоев. И это обстоятельство также было связано с нежеланием дворян обучаться в этом учебном заведении.

Но причины такого положения дел с привлечением молодёжи, выходцев из служилого сословия, к службе и обучению были, конечно же, гораздо серьёзнее и не ограничивались лишь неосведомлённостью или нежеланием учиться в том или ином учебном заведении. По мнению И.В. Фаизовой, появление проблем с привлечением дворянского сословия на государственную и, в частности, на военную службу было связано с ростом в их среде протестных настроений против обязательного пожизненного служения после смерти Петра I¹⁷. Соглашаясь с этим, необходимо добавить, что такие настроения, усугублённые начавшейся войной, преобладали, как следует из сказанного, в среде всех прослоек служилых людей. Фактический саботаж указа императрицы явился свидетельством такого массового недовольства.

Итак, появление именного майского 1736 г. указа было связано с решением кадровых проблем в свете начавшейся войны с Турцией. Его невыполнение привело бы к обострению проблем с укомплектованием вооружённых сил, что могло сказаться (отрицательно) во время войны.

А ситуация всё более усугублялась. Дворянство являлось господствующим сословием и занимало первенствующее положение среди военно-служилых прослоек в населении страны. Правительство Анны Иоанновны стало перед выбором оставить всё по-прежнему или каким-то образом облегчить условия прохождения службы для дворян. Впервые желание об отмене пожизненной службы было заявлено в начале её царствования в требованиях

дворян, поданных в Верховный Тайный совет в 1730 г. Однако, по словам И.В. Фаизовой, «реализация этой идеи... была сочтена несвоевременной и опасной для господства самого дворянства. Поэтому она была отвергнута Сенатом...»¹⁸. Однако в этот раз под давлением вышеуказанных обстоятельств правительство было вынуждено пойти на уступки, основной целью которых было привлечение дворян на военную службу.

Меры, призванные облегчить условия её прохождения и регламентировать многие сопутствующие проблемы, нашли своё документальное оформление в манифесте от 31 декабря 1736 г.¹⁹. Они носили явно декларативный характер, поскольку предусматривалось их введение только с момента окончания войны с Турцией. В документе было сказано об освобождении некоторой части дворян от военной (но не от гражданской) службы для ведения собственных хозяйств и о взятии вместо них рекрут в зависимости от числа имеющих у них крепостных крестьян. Самое же главное состоит в том, что манифест установил определённый возраст приёма на службу и её срок для шляхтичей: «...а от 20 лет употреблять в воинскую службу, и всякий должен служить в воинской службе от 20 лет возраста своего 25 лет, а по прошествии всех, хотя кто ещё и в службу был годен, от воинской и статской службы отставлять с повышением одного ранга и отпускать в дома, а кто из них добровольно больше служить пожелает, таким давать на их волю». Не оставлена была без внимания и проблема образования, хотя и в самых общих чертах: «...всем шляхтичам от 7 до 20 лет возраста их быть в науках». Манифест никоим образом не подменял именной указ от 6 мая, срок исполнения которого истекал в этот же день. Подразумевалось, что после его опубликования дворянская молодёжь охотнее пойдёт на военную службу, тем более, зная, что время войны зачтётся в срок службы и приблизит долгожданную для многих отставку²⁰.

Однако в самом скором времени в именном указе от 9 февраля 1737 г. было «о шляхетстве учинено особое определение»²¹. Именно этот указ создал систему освидетельствования дворянских детей и определил проведение постоянных смотров недорослей в разные сроки в зависимости от их возраста, «сперва от рождения в семь, а потом в двенадцать и шеснадцать лет... до урочных двадцати лет». Он регламентировал многие вопросы, связанные с предварительной подготовкой и началом службы дворянской молодёжи. В семь лет они должны были, в зависимости от места проживания, явиться в Санкт-Петербург, в Герольдмейстерскую контору, а в Москве и губерниях — к губернаторам. При следующей явке, в двенадцать лет, к указанным должностным лицам они должны были уметь читать и писать. По желанию родителей или родственников ребёнка могли отпустить для продолжения домашнего образования с обязательным изучением, кроме иностранных языков, «само собою разумеющего должного и нужнейшего знания закона и артикулов нашей православной кафолической веры греческого исповедания» и арифметики и геометрии. Названная категория родственников и родителей должна была иметь «не меньше ста душ по переписи», что подразумевало наличие средств и возможностей для обучения. Если такого числа крепостных у них не было, то детей им оставляли только в том случае, если они могли доказать свою возможность дать такое образование. А если они не могли этого сделать или же, в первом случае, «за обучение не обяжутся», то дети по их склонности определялись для дальнейшего обучения в государственные академии и школы. Те, которых отпустили, в 16 лет снова должны были прибыть в Санкт-Петербург и Москву, где уже в Сенате (соответственно в Сенатской конторе) их должны были освидетельствовать на предмет знания арифметики и геометрии. Если родители и дальше были готовы содержать юношей и давать им образование, то их вновь отпускали до «урочных двадцати лет». В противном случае их отправляли для обучения в государственные учебные заведения. И те и другие недоросли обязаны были изучать историю, географию и фортификацию. При этом смотре родителям необходимо было указать на того из сыновей,

которого они хотели оставить для ведения хозяйства, и на последующий смотр он уже не прибывал. Если на этом смотре определялась склонность недорослей к гражданской службе, то некоторых из них по усмотрению Сената на неё и определяли. И, наконец, «когда в урочные двадцать лет будут, то определять всех в Санктпетербурге и Москве... в Герольдии, для определения на военную службу по указу». За хорошую предварительную подготовку и старание предусматривались меры поощрения в виде досрочного получения очередных чинов. Предусматривались и меры наказания в виде штрафов к родителям, не проявивших должного старания для обучения своих отпрысков. Но самое главное наказание за нерадение в изучении наук предполагалось после опроса знаний в 16 лет: «...таковые... того ж времени определяемы будут в матросы без всякого произвождения». Это обстоятельство показывает, что служба на флоте была крайне непопулярна и рассматривалась как наказание.

Указанное в манифесте решение об ограничении срока службы дворян двадцатью пятью годами вступило в силу осенью 1739 г., «по окончании той турецкой войны». И с этого момента «начали сбываться... опасения Сената: более половины офицеров подали в отставку. Молодые дворяне, едва достигшие и записанные в полки с 10 или 12 лет, начали хлопотать об увольнении со службы...»²². Такое положение угрожало боеспособности вооружённых сил и являлось нетерпимым для государства.

Перипетии последующей борьбы руководства страны с последствиями решения об отмене пожизненной службы дворян нашли широкое отражение в законотворчестве в 1740 г. Многочисленные дополнения, изменения и поправки к законодательному акту от 31 декабря 1736 г. были призваны минимизировать ущерб государственным интересам, который наносила эта вынужденная уступка. Фактически был создан новый регламент прохождения службы дворянским сословием²³. К его основным положениям можно отнести, в частности, утверждение отставки дворянина Сенатом; отсчёт срока службы не ранее чем с двадцати лет; использование поощрения в виде повышения чина для добросовестно выполнявших свои обязанности в течении всех 25 лет службы с целью придания стимула к её продолжению. Принятыми мерами противодействия правительство смогло ограничить применение на практике положения о фиксированном сроке службы дворянским сословием.

Во время недолгого царствования Иоанна Антоновича (1740–1741) руководство государства внесло свою лепту в организацию процедуры привлечения к военной службе дворянской молодёжи. Первое действие такого рода было сделано в п. 23 манифеста от 19 января 1741 г. «О наборе рекрут со всего государства»²⁴. Молодых шляхтичей в возрасте «от семнадцати лет и выше» было приказано определять на военную службу в армейские полевые полки. Для осмотра и дальнейшего определения годности к службе им было необходимо «явиться у обретающагося при армии генералитета», а также в Санкт-Петербурге — в Военную коллегию и в Москве — соответственно в её канцелярию. Следует отметить, что ещё указ от 6 мая 1736 г. разрешал молодым дворянам самостоятельно выбирать место дальнейшей военной службы в армейских или гарнизонных полках. Но, как оказалось, интерес к службе в строевых армейских полках и даже в гвардейских частях в столице империи возникал у немногих. В начале 1741 г. в ходе рекрутского набора выяснилось, что «многие дворянские дети в гарнизонной службе обретаются, между некоторыми есть такие возрастные здоровые и молодые люди, которые б весьма годны быть могли в... лейб-гвардии, но они вместо того напрасно задолжены по гарнизонам, куда наибольше употреблять надлежит из отставных от полевых полков, таже и из рекрут, а не из молодых дворянских детей»²⁵. Такая ситуация не устраивала руководство страны, поскольку лейб-гвардия являлась опорой трона. Поэтому и соответствующее социальное происхождение военнотружущих этих частей предполагало и особую преданность власти имущим. Гвардейские части, кроме того, являлись лицом армии,

и от того, как выглядел их личный состав, во многом зависел престиж власти. И 2 марта 1741 г. был утверждён именной указ Сенату «О подтверждении вновь указа 1737 года о явке недорослям из дворян на смотр для определения в службу»²⁶. Был вновь подтверждён указ от 2 февраля 1737 г. о проведении смотров дворянских детей. Но при этом было изменено положение указа от 6 мая 1736 г. об определении в армейские и гарнизонные полки. Теперь новый указ требовал следующее: «...которые недоросли в урочные двадцать лет являться будут в Герольдию, то их определять в военную службу смотря по состоянию их, которые будут возрастные и собою взрчны, тех в полки... лейб-гвардии, а кои малого возраста, тех в полевые полки, а в гарнизонные нигде оных дворянских детей отнюдь не определять»²⁷.

Однако ни в манифесте от 19 января 1741 г., ни в указе от 2 марта 1741 г. об использовании дворянской молодёжи для комплектования флота сказано не было, хотя назревала война со Швецией. Анализируя эти, а также аналогичные документы предыдущего царствования, со всей очевидностью можно сказать, что флоту в структуре вооружённых сил придавалось второстепенное значение. Сама морская служба в то время была очень трудной и требовала от людей гораздо большего напряжения сил и здоровья чем где-либо. И по своей воле основная часть шляхетства служить на флоте не желала и предпочитала выбирать военную службу в более знакомых условиях, на сухопутье. Даже самим правительством эта служба рассматривалась как наказание, памятуя отдачу недорослей за нерадение в учёбе в матросы. Именно предоставление дворянам, то есть тем, из которых в основном и формировался офицерский корпус, самостоятельного права выбора места службы приводило к указанной диспропорции, что шло вразрез с интересами государства. Непоследовательность и игнорирование государственных интересов, следовавшее из попыток заручиться таким образом поддержкой дворянского сословия, вкпе с желанием самого дворянства облегчить бремя обязательного служения, являлись явным признаком ослабления власти.

Как было отмечено ранее, на первом году царствования Елизаветы Петровны на флоте сложилась напряжённая ситуация, связанная с вопросами комплектования. Предопределила ход дальнейших событий ситуация с наличием командного состава на кораблях в момент подготовки флота к кампании 1742 г. Ограниченное число офицеров ставило под угрозу срыва выполнение боевой задачи. Ситуация была настолько серьёзной, что 25 июня 1742 г. выходит именной указ «О непозволении морским офицерам переходить в другие службы»²⁸. Их опыт и знания потребовались государству: «Из морских офицеров в другие службы никого не отпускать, дабы во флоте в офицерах недостатка не было; буде же которые по подлинному свидетельству за болезнями и старостию и дряхлостию совершенно во флоте более служить не могут, а при статских делах употребиться ещё годными найдутся, таковых определять к делам, яко к тем делам знающих, в адмиралтействах, дабы со стороны не заобыкновенные к тому люди определены не были»²⁹. Результатом оценки сложившейся обстановки, с учетом итогов минувшей кампании и мнения по этому поводу Сената и Адмиралтейской коллегии, явился именной указ Елизаветы Петровны от 11 декабря 1742 г.³⁰. В преамбуле указа была представлена, как итог законотворческой деятельности прошлых лет, угрожающая обстановка с укомплектованностью флота офицерским составом. И прежде чем приступить к рекрутскому набору и привлечению к службе на флоте личного состава пехотных частей, было необходимо навести порядок в вопросах, оставшихся от предыдущих правлений и касавшихся набора дворянской молодёжи. А многое из того, что сложилось в практике использования законодательных актов или было предопределено ими, шло вразрез с интересами государства. Императрица писала: «А понеже по кончине... наших... государей родителей и доньине в морскую службу из недорослей никого определяемо не было»³¹. По указу от 9 февраля 1737 г. двенадцатилетних недорослей, «которых отцы и родственники в дома к себе для обучения

не возьмут», должны были зачислять «в государственные академии и другие школы». Однако место обучения определялось из желания самих недорослей, а вернее их родителей. В результате, как отмечала императрица, сложилось ненормальное положение: «...по большей части записывались такие недоросли в Кадетский корпус, в Артиллерийскую и Инженерную школы и в Академию де сянс (Академия наук. — Ю.П.), а в Адмиралтейскую академию (она же Морская академия. — Ю.П.) почти ни один не записался, отчего уже во оной ныне, как Адмиралтейская коллегия Сенату доношением представляет, зело мало в науке осталось, и за неимением оных в надлежащие ко флоту чины определять некого». Кроме того, продолжала она, сложилась соответствующая практика: «...вышеписанным 1741 года публичного указа 23-м пунктом такое тем недорослям послабление учинено, что не токмо убегая определения во флот и Адмиралтейство, но и самих надлежащих юностным летам наук, от которых бы впредь могла польза государству быть, во всех командах записываются и в военную *сухопутную службу* (выделено мной. — Ю.П.) определяют, и не токмо ж по силе... указа в указные 20 лет, но и самые малолетние, которые ещё службы снести не могут и отпускаются по записке (зачислении. — Ю.П.) до возраста в дома»³². Сложившаяся практика интенсивного использования этих законодательных актов в эгоистических интересах дворянского сословия, многими положениями шедшими в разрез с интересами государства, не устраивала новое руководство страны. Была устранена возможность всякой самостоятельности в выборе дворянами места дальнейшей военной службы. Отныне использование не только дворянской, но и всей молодёжи из различных категорий военно-служилых сословий являлось исключительно прерогативой Сената. Императрица категорически требовала, чтобы и «впредь... из недорослей всяких чинов служилых людей детей нигде ни в какую службу мимо... Сената и Сенатской канторы никого не определять».

Система периодических последовательных смотров недорослей в зависимости от возраста, введённая указом 1737 г., осталась в действии. Однако в рамках этой системы теперь имелось принципиальное отличие. Если указ от 31 декабря 1736 г. требовал «всем шляхтичам от 7 до 20 лет возраста их быть в науках, а от 20 лет употреблять их в воинской службе», то указ от 9 февраля 1737 г., в соответствии с этой установкой, лишь определял способы и процедуру обучения для разных возрастных категорий недорослей. А в соответствии с новым указом все недоросли для повторного смотра в 12 лет обязаны были явиться в Сенат (Сенатскую кантору), где их должны были «определять, смотря по склонности, как в военные, сухопутную, морскую, так и гражданскую службы, також и в разные школы и для обучения в науках по желанию отцов и родственников отдавать им в дома»³³. Этим определением впервые после Петра I указывалось на важность для государства службы во флоте. Она объявлялась такой же необходимой, как и служба в армии и на гражданском поприще. В новом указе род будущей службы недорослей определял только Сенат, «смотря по склонности». Необходимо сказать и о самой главной уступке дворянству в виде отмены пожизненной службы и замены её фиксированным сроком в 25 лет, хотя и применение её было практически сразу и ограничено. В новом указе, явившимся, по сути, регламентом предслужебной подготовки дворян, ни о самой льготе, ни о её подтверждении практически ничего сказано не было. Фактически эта уступка была ликвидирована. Военнослужащий любой категории и звания мог выйти в отставку, как и во времена Петра I, только при появлении старческой немощи и наличии явных болезней, мешающим выполнять служебные обязанности, как и было указано в Морском уставе и Адмиралтейском регламенте. Заметим, что в новом указе ничего не было сказано и о подтверждении такой льготы для части недорослей, как освобождение от прохождения обязательной службы для ведения собственных хозяйств (манифест от 31 декабря 1736 г. и указ от 9 февраля 1737 г.). И эта

уступка фактически отменялась: все без исключения недоросли подлежали определению на государственную службу при достижении ими 12 лет. Указ от 11 декабря 1742 г., отменяя фактически все льготы, появившиеся у дворян во времена предыдущих правлений, стал характерным признаком нового этапа во внутренней политике самодержавия — возвращения к порядкам, установленным ещё при Петре I.

В указе, как отмечалось выше, императрицей было обращено внимание на то обстоятельство, вызвавшее её неудовольствие, что малолетних детей, отпущенных для получения домашнего образования, зачисляли именно в военную сухопутную службу. Такая ситуация сложилась за несколько лет до описываемых событий. В соответствии с указом от 6 мая 1736 г. для офицерских и солдатских детей военная служба фактически должна была начинаться с 7 лет с определением годных по собственному их желанию в армейские и гарнизонные полки. А в декабре того же года в царском манифесте, касавшемся только дворян, был определён фиксированный срок службы в 25 лет начиная с двадцатилетнего возраста. В этой коллизии дворянством была усмотрена выгода, резко облегчавшая их служебное бремя. Особенно это касалось тех, кто по указу от 9 февраля 1737 г. мог получать домашнее образование до ухода на службу. Выгода заключалась в том, что срок службы начинал идти с момента записи недорослей в полк, и к 20 годам они имели приличный служебный стаж, позволявший выйти в отставку в достаточно молодом возрасте. Теперь же всех, кого после выдачи паспортов и записи на службу до и после 12 лет отпустили для получения домашнего образования, ждал пересмотр этих решений. Всем им, кроме записанных в гвардию, было предписано «явиться в... Сенате и в Сенатской канторе неотложно, без всяких отговорок будущего 1743 года в январе, феврале и марте...»³⁴. И здесь в соответствии с первым пунктом указа их ждало новое определение. Имея в виду, что основной кадровой проблемой новый указ назвал комплектование флота и Морской академии, это определение недорослей, по смыслу указа, должно было состояться именно туда.

В качестве примера реализации этого решения можно привести судьбу одного из недорослей, которому незадолго до выхода указа, 13 ноября 1742 г., исполнилось 12 лет. Речь идёт о А.В. Суворове, в будущем великом русском полководце. В октябре 1742 г., находясь в Санкт-Петербурге, он был зачислен по собственному желанию в лейб-гвардии Семёновский полк солдатом. Его отец Василий Иванович дал письменное обязательство содержать сына на своём иждивении и обучать его предписанным предметам. Солдату Александру Суворову для получения домашнего образования был предоставлен отпуск сроком на 2 года и выдан паспорт. 11 декабря, в день принятия указа (!), он убыл вместе с отцом домой в Москву³⁵. Можно не сомневаться, что если бы Суворов был зачислен не в гвардейский, а в какой-либо другой полк, то его в соответствии с требованием указа ожидала в январе – марте 1743 г. явка в Сенат или Сенатскую контору для пересмотра предыдущего решения. И кто знает, может быть, А.В. Суворова ждала в дальнейшем другая стезя — офицера флота!

Указ ужесточил требования к дворянам по соблюдению ими регламента смотров. За неявку недорослей в назначенное время, а также за сокрытие своего возраста и фактического числа имевшегося у них «мужеска пола душ» к ним применялись суровые карательные меры. Если по указу 1737 г. наказание за нерадение в учёбе в виде определения в матросы следовало с 16 лет, то теперь за перечисленные попытки саботажа следовало «малолетних определять в матросы», то есть с 7 лет! «А от 20 лет, — говорилось в указе, — годных в солдатскую службу — в солдаты вечно, а престарелых... посылать на поселение в Оренбург».

Итак, необходимость вернуться к нормам, определявшим деятельность дворянского сословия, введённым при Петре I, заставила сама жизнь, а именно начавшаяся война со Швецией (1741 – 1743). Значительный некомплект командного состава на кораблях флота ставил

под угрозу срыва не только кампанию 1742 г., но и те задачи, которые собиралась решить Россия в ходе этой войны. Данное обстоятельство и привело новое руководство государства во главе с Елизаветой Петровной к осознанию необходимости проведения жёсткой политики по отношению к дворянству. Итогом этого и явился именной указ от 11 декабря 1742 г. Возникшая кадровая проблема, связанная с нежеланием основной массы дворянства в добровольном порядке отдавать детей в учебные заведения Морского ведомства, была обусловлена отнюдь не этим обстоятельством. Истинная причина создавшейся кризисной ситуации, по мнению автора, была гораздо глубже. Она была обусловлена прежде всего отношением к флоту предыдущего руководства страны — отведением ему второстепенной роли в системе обороны государства. Именно такая политика в области военного строительства способствовала созданию отрицательного образа флота в дворянской среде и соответственно предпочтения обучения в других образовательных заведениях. Кроме того, указ от 11 декабря 1742 года стал официальной констатацией упадка и кризиса военно-морского образования. Этот законодательный документ организационными мерами положил начало выходу из создавшегося положения — зачислением по решению Сената годных и подходящих по своим данным двенадцатилетних недорослей в том числе и на военно-морскую службу, «также и в разные школы», то есть и в Морскую академию. В дальнейшее время правления Елизаветы Петровны законодательная деятельность, направленная на утверждение идеологии обязательного служения дворян, была продолжена.

¹ В 1761 г. в Адмиралтейской коллегии рассматривались прошения с просьбой о повышении чина от большой группы дворян, в том числе князя Ухтомского, князя Гагарина, Насонова, которые служили матросами ещё при Петре Великом (РГА ВМФ. Ф. 212 (Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1761. Д. 11. Л. 1).

² Но если после получения обер-офицерского чина детей у отцов больше не было, то по их ходатайству один из ранее рождённых сыновей причислялся к дворянскому сословию.

³ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1994. С. 36.

⁴ ПСЗ. СПб., 1830. Т. IX. № 6949. С. 807.

⁵ Там же. Т. XI. № 8344. С. 366–367.

⁶ Там же. Т. IX. С. 807.

⁷ Там же. № 6949. С. 808.

⁸ Там же. № 7039. С. 907.

⁹ Там же.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1752 г. Д. 4. Л. 51.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства). Оп. 7. Д. 1. Л. 67.

¹⁷ Фаизова И.В. «Манифест о вольности» ... С. 39.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ПСЗ. Т. IX. № 4142. С. 1022.

²⁰ Следует заметить, что у исследователей не угасает интерес, хотя, к сожалению, и проявляющийся периодически, к рассматриваемому вопросу. В частности, в одной из последних работ, связанной с темой дворянского служения, — «Манифесте об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в.» — автор рассматривает данное законоположение в качестве основного этапа в череде последующих событий, которые в итоге привели в 1762 г. к отмене обязательного характера службы для дворян. Учитывая вышесказанное, отметим, что некоторые умозаключения автора достаточно спорны, а с некоторыми нельзя и согласиться. Например, не раскрыто значение высочайшего указа от 6 мая 1736 г., как предтечи «Манифеста» от 31 декабря 1736 г., или же отрицается наличие санкций против уклонистов от учёбы, имевших на самом деле место. Но тем не менее статья интересна уже тем, что открывает возможность для дальнейшей дискуссии, а этим и более детальное рассмотрение создавшейся в обществе того времени коллизии (Бабиц М.В. Манифест об ограничении сроков дворянской службы 1736 г. в системе политики, административной практики и социальных ценностей в России XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682 – 1750). М., 2013. С. 81–102).

²¹ ПСЗ. Т. X. № 7171. С. 43.

²² Романович-Славянский А.В. Дворянство в Рос-

I. ARTICLES

сии от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 196.

²³ ПСЗ. Т. XI. № 8081. С. 93, 94, 95, 96 ; № 8195. С. 209 ; № 8208. С. 221, 222.

²⁴ Там же. № 8319. С. 353.

²⁵ Там же. № 8344. С. 367.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. № 8568. С. 612.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. № 8683. С. 737.

³¹ Там же. С. 739.

³² Там же.

³³ Там же. С. 739.

³⁴ Там же. С. 740.

³⁵ *Ростунов И.И.* Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1983. С. 46.

Д.А. С и д о р о в

ШВЕДСКАЯ ЛАДОЖСКАЯ ФЛОТИЛИЯ 1701 – 1703 гг.

Два с небольшим десятилетия, которые длилась Великая Северная война, естественно, не могли не принести крупных сражений как на суше, так и на море. И именно к ним в первую очередь всегда было приковано больше внимания со стороны современников и последующих исследователей. Второстепенные же театры и небольшие боевые столкновения зачастую оставались за пределами исторических исследований и изысканий, несмотря на то что результатом таких, малозначимых на первый взгляд столкновений становились впоследствии крупные успехи той или иной из противоборствующих сторон. К одному из таких театров можно смело причислить Ладожское озеро, действовавшую на нём в 1701–1702 годах шведскую озёрную флотилию и противостоявшие ей русские гребные отряды.

Нельзя утверждать, что данный театр ранее был обойдён вниманием со стороны историков и исследователей, однако рассмотрения его через призму операций на озере шведской флотилии в нашей стране сделано не было. Данный факт обусловлен рядом причин и в первую очередь относительной недоступностью шведских архивных документов для российских историков. По сути, единственными данными из зарубежных источников о шведской флотилии Ладожского озера, которыми оперировали исследователи, стали выписки, сделанные С.И. Елагиным в 1861 г. во время его поездки по зарубежным архивам, в том числе при посещении Государственного архива в Стокгольме¹. Выявленные им материалы были использованы при написании статьи в «Морской сборник», озаглавленной «Утверждение России на балтийском побережье»². Выписки, сделанные С.И. Елагиным, сохранились в РГА ВМФ и впоследствии были частично опубликованы³. Ещё одним источником, позволяющим отобрать отрывочные сведения о рассматриваемом подразделении, является «Гистория Свейской войны: (Подённая записка Петра Великого)»⁴. Естественно, при отсутствии данных из шведских источников объём информации о флотилии для исследователей ограничивался только теми моментами, которые зафиксированы в русских документах, когда она вступала в боевые столкновения с русскими отрядами непосредственно на озере либо во время десантных операций на побережье.

Шведская историография по рассматриваемой проблематике несоизмеримо обширнее, однако также недостаточна для полного освещения вопроса, поскольку флотилия рассматривается в общей канве событий начального этапа Великой Северной войны. Несмотря на это, работы А. Мюнте, К. фон Розена⁵, опубликованные в 1924 г. и 1930 г. соответственно, позволяют получить общее представление о действиях озёрной флотилии и могут

быть оценены как достоверные, так как имеют опору на обширный архивный материал. Из более современных нам шведских работ следует отметить исследование Л.Э. Фольке, в котором также привлечены архивные документы, освещающие ряд немаловажных аспектов деятельности флотилии⁶.

Ввиду довольно ограниченного объёма информации, содержащейся в опубликованных трудах, для настоящего исследования по возможности были привлечены материалы первоисточников, а именно письма, рапорты, документы и другая корреспонденция участников событий, находящаяся в большинстве своём в архивах Швеции⁷.

Театр боевых действий — крупнейшее озеро в Европе Ладожское на момент начала войны было поделено между Швецией и Россией. Граница, определённая по Столбовскому миру 1617 г., проходившая по озеру, начиналась от устья реки Лава и оканчивалась у устья реки Видлица, разделяя озеро на шведскую и русскую части в приблизительной пропорции 2 : 1. Южная и юго-восточная части озера, принадлежавшие России, в которых происходили основные события, резко отличаются от северной части озера. Основные различия касаются глубин и строения берегов. Южная часть более мелководна и изобилует каменистыми рифами и песчаными банками, берега в этой части озера низкие, мало изрезанные и окаймленные песчаными пляжами с валунами на побережье и отмелях. Исток, единственной, вытекающей из озера реки Невы, располагается в бухте Петрокрепость. К истоку через бухту ведёт единственный фарватер, пригодный для судоходства. В описываемый период времени его примерная длина составляла чуть больше полумили, средняя ширина — около 500 локтей, а наименьшая глубина равнялась 5½ футам⁸. Главными опорными базами шведской флотилии на озере были крепость Нотебург, располагавшаяся на Ореховом острове в истоке Невы, и город Кексгольм в устье реки Вуоксы. Русские располагали единственным крупным населённым пунктом — городом Ладога⁹ на левом берегу Волхова на расстоянии чуть более мили от устья.

Создание Ладожской флотилии

Нанеся поражение Петру I под Нарвой, Карл XII расквартировал большую часть своей армии в Лайузе, замке к северу от Дерпта. Планируя кампанию на следующий год, шведский монарх решил не продолжать активные военные действия против русской армии, а нанести основной удар по Саксонии и Речи Посполитой. Однако как бы низко не оценивал боевые качества русской армии Карл XII, он, наверняка, не исключал, что русский царь не оставит попыток выхода к Балтийскому морю, а также возможность перенести боевые действия на территорию шведских Остзейских провинций. Поскольку часть ключевых городов этих провинций располагалась либо непосредственно на балтийском побережье (Ревель, Выборг), либо на внутренних водоемах и реках (Нарва — на реке Нарова; Ниен, Нотебург — на реке Неве; Дерпт — на реке Эмба; Кексгольм — на Ладожском озере), согласно приказу короля от 6 марта 1701 г.¹⁰ губернаторы этих городов и иные высокопоставленные чиновники провинций были обязаны провести ревизию имевшихся в их распоряжении судов и выполнить необходимые работы по их ремонту, укомплектованию и оснащению для выполнения боевых задач по транспортировке войск и противодействию насколько это возможно действиям противника на побережье и водных театрах¹¹. Адмиралтейств-коллегия получила приказ о направлении в ставку короля вице-адмирала Гидеона фон Нумерса¹². В качестве судна для доставки в Ревель вице-адмирала и отобранных им волонтеров из числа морских офицеров была выбрана яхта «Катарина» под командованием лейтенанта Якуба Ибсона¹³.

Ил. 1. Г. Экблом. Портрет Х. Вахтмейстера (Морской музей. Карлскруна)

Основная ответственность за исполнение приказа монарха в отношении судов для Ладожского озера лежала на коменданте крепости Нарва генерал-майоре Хеннинге Рудольфе Хорне. В его зоне ответственности находилась не только Нарва и её окрестности, но также Нотебургский и Кексгольмский лёны¹⁴. К середине апреля 1701 г. стало ясно, что имеющиеся суда не годны к выполнению предполагаемых задач. В качестве примера можно привести рапорт капитан-лейтенанта Ханса Сутхофа от 5 апреля коменданту Ниена Юхану Аполлову¹⁵, в котором он так описывает ситуацию с плавсредствами в Ниене и Кексгольмском лёне: «...наличествующие ладьи недостаточно крепкие, низкие и узкие для использования в качестве каперов, а из-за хрупкости конструкции орудия на них установить невозможно. В случае перестройки они станут валкими и плохими ходаками под парусами, также нельзя будет надставить их достаточно высоко, чтобы экипаж мог укрыться внизу и дать место для пороха и провианта... Ладьи, находящиеся в Кексгольме, Кронборге¹⁶ и Сордавале, сходны, но ещё менее прочны»¹⁷. Далее Х. Сутхоф высказал своё мнение, по которому лучшим вариантом стали бы направленные из Швеции три–четыре яхты, полностью укомплектованные экипажами и вооружённые 6–10 орудиями. О результатах исполнения приказа Х.Р. Хорн доложил Карлу XII¹⁸.

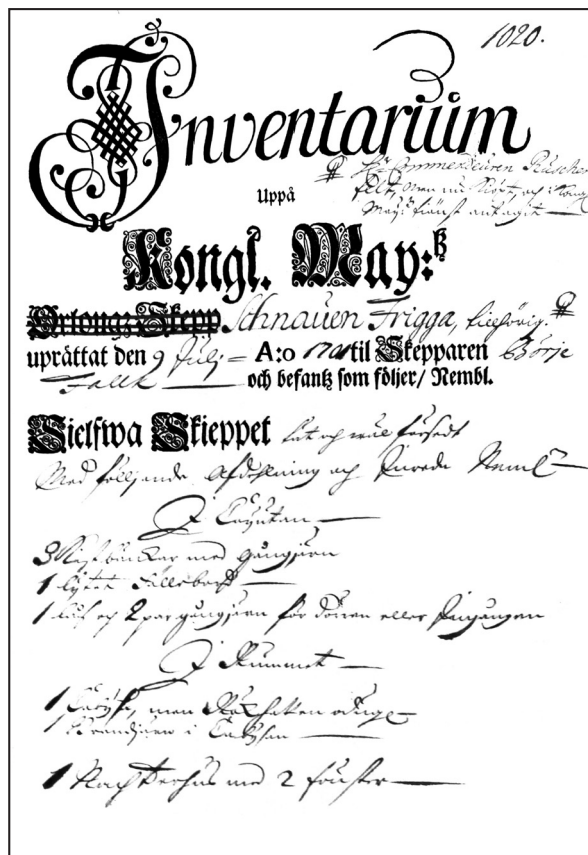
Репорт Х.Р. Хорна королю о трудностях, с которыми он столкнулся при поиске судов для использования на Ладожском озере, привёл к тому, что данная задача была возложена на плечи президента Ханса Вахтмейстера и остальных членов Адмиралтейств-коллегии¹⁹. Из состава королевского флота, базировавшегося в Карлскруне, необходимо было отобрать достаточное количество подходящих судов. Однако, принимая во внимание сложную гидрографическую обстановку на Ладожском озере, а именно узкие фарватеры, обилие мелей и малые глубины в истоке Невы и у южного побережья озера, задача по комплектованию корабельного состава формируемой флотилии оказалась не из легких. Из имевшихся в распоряжении королевского флота в Карлскруне судов минимальным требованиям отвечали лишь считанные яхты и галиоты. В итоге для нужд флотилии были выделены две яхты — «Нептунус» и упомянутая выше «Катарина»²⁰. Командиром первой был назначен лейтенант Ханс Хусман²¹. Обе яхты были укомплектованы экипажами и получили провиант на двухмесячное плавание.

В последних числах апреля «Катарина» с Г. фон Нумерсом на борту вышла из Карлс kruны и взяла курс на Ревель. Противные ветры задержали яхту на десять дней, и лишь 7 мая ей удалось дойти до Висбю на острове Готланд, где она вновь встала на якорь в ожидании благоприятной погоды²². В конечном итоге вице-адмирал сошёл на берег в Ревеле не ранее 18 мая. Яхта «Нептунус» покинула Карлскруну в первой декаде мая, держа курс непосредственно на Ниен. На борту яхты помимо экипажа также присутствовал обер-штурман Карл Элдберг, который по решению Коллегии направлялся в Ингрию с особой миссией — он должен был составить подробные карты Невы и Ладожского озера с промерами глубин²³. По прибытии яхты в Ниен 23 мая после встречи с генерал-майором Абрахамом Крунйортом, располагавшемся в Ниене на зимних квартирах, и комендантом Ю. Аполловым К. Элдберг без промедления приступил к выполнению возложенной на него задачи²⁴.

Столкнувшись с ситуацией, когда приказ короля не мог быть выполнен в полной мере за счёт имеющихся судов, Адмиралтейств-коллегия начала поиски путей разрешения ситуации. В качестве одного из вариантов на заседании Коллегии было выдвинуто предложение по приобретению у частных лиц нескольких судов и их последующего переоснащения и вооружения для нужд формируемой флотилии²⁵. Отчёт о состоянии дел, в том числе предложение по приобретению судов и просьба о выделении Казначейством денежных средств на эти цели, были направлены королю²⁶. Монарх полностью поддержал данное предложение²⁷, тем самым предоставив Коллегии полную свободу выбора.

Первым претендентом на приобретение стала шнява, принадлежавшая корабельному мастеру Чарльзу Шелдону и капитану Питеру Плею. Решение о покупке Коллегия приняла на том же заседании 14 июня, когда рассматривалось письмо короля от 23 мая с дозволением приобретения судов, причём в тот момент шнява ещё находилась в достройке²⁸. На основании имеющихся документов нельзя утвердительно ответить на вопрос являлся ли Ч. Шелдон непосредственным строителем шнявы либо был простым совладельцем, участвовавшим своим капиталом в постройке судна. Официальная приёмка шнявы, первоначально получившей имя «Нарва»²⁹, в состав королевского флота состоялась 3 июля после составления описи имущества³⁰.

У торговца Теодора Кристоферса оказалось два судна, которые удовлетворили требованиям Адмиралтейств-коллегии. Первым судном стал небольшой по размерам корабль «Путц Век»; решение о его приобретении и переоснащении было принято на заседании Коллегии 17 июня³¹. Опись имущества корабля и оценка его состояния была проведена через месяц, 16 июля³². Второй корабль, «Санкт-Якобус», на момент принятия решения находился в плавании, в связи с чем его осмотр был назначен только на 27 июня. Осмотр должен был

Ил. 2. Титульный лист описи корабельного имущества на бригантину «Фрига». 1701 г. (Военный архив. Стокгольм)

быть проведён с особой тщательностью, поскольку, как ожидалось, состояние данного судна значительно разнилось с первым судном Т. Кристоферса³³. Данная инспекция была проведена комиссией через два дня; в состав комиссии из трёх человек также входил Ч. Шелдон³⁴. Официальная приёмка с составлением описи имущества состоялась 1 июля³⁵.

Следующими судами, на которых Адмиралтейств-коллегия остановила свой выбор, были корабль «Санкт-Якобус» и шнява «Крокодилен», принадлежавшими стряпчему Свену Адлерширне и командору Юнасу Рушенфельту соответственно³⁶. «Санкт-Якобус», согласно одному из документов³⁷, был построен в Карлскруне Ч. Шелдоном в 1695 г. Практика участия корабельных мастеров, находившихся на королевской службе, в выполнении сторонних заказов носила распространённый характер, особенно в мирное время, при полном отсутствии либо при редких заказах для королевского флота. «Крокодилен» был спущен на воду на верфях Штральзунда в 1698 г. Судя по количеству приобретений сделанных Адмиралтейств-коллегией у Ю. Рушенфельта ранее, а также в последующие годы³⁸, в его распоряжении вполне могла находиться целая флотилия торговых судов. Два приобретённых для Ладожской флотилии судна были приняты короной: 29 июля — «Санкт-Якобус» и 7 июля — «Крокодилен»³⁹.

Основания по выбору тех или иных судов для приобретения остаются невыясненными, поскольку, согласно перечню торговых судов грузоподъёмностью от 25 до 300 лас-тов⁴⁰, находившихся на зимовке в 1700 – 1701 г. в Стокгольме, их число доходило до 130⁴¹. Наверняка, в Карлскруне число торговых судов было не меньшим, поэтому нельзя исключать политические либо личностные мотивы при выборе судов и их владельцев.

На покупку судов Казначейством была выделена сумма в размере 14 700 далеров серебром с разнесением средств на приобретение каждого судна⁴². После проведения оценки у Адмиралтейств-коллегии сформировалась собственная стоимость намеченных к покупке судов. Сводная информация по затратам представлена в таблице (*Табл. 1*). Несмотря на неполные данные, можно сказать, что Коллегии удалось значительно сэкономить на приобретении. Однако в протоколах заседаний Коллегии имеются упоминания о несогласии судовладельцев с суммами, в которые было оценено их имущество, к примеру в отношении шнявы «Нарва» и корабля «Путц Век»⁴³. Информацию по разрешению данных противоречий выявить не удалось, поэтому за окончательную стоимость судов были взяты суммы, предложенные Адмиралтейств-коллегией после оценки.

Привлечением судов от частных судовладельцев Адмиралтейств-коллегия не ограничилась, продолжив поиск собственных резервов. Так, на заседании Коллегии 20 июня адмиралом В. фон Росенфельтом было предложено использовать на Ладожском озере после проведения соответствующего переоснащения яхту «Терезия»⁴⁴. Предложение было поддержано, и это судно было в итоге включено в состав флотилии под командованием лейтенанта Андерса Сунда⁴⁵. Помимо «Терезии» ещё одна бригантина, находившаяся в тот момент в достройке под руководством Ч. Шелдона, была определена в состав Ладожской флотилии. 28 июня ей было присвоено имя «Свалан»⁴⁶. Остаётся невыясненным, строилось ли это судно по заказу флота как боевая бригантина либо было приобретено у частного лица. Прямые указания на тот или иной вариант развития событий выявить не удалось.

Вполне вероятно, первый отчёт, полученный Адмиралтейств-коллегией от К. Эдберга с данными по Неве и Ладожскому озеру⁴⁷, выступил в качестве побудительного мотива для поиска судов, пригодных для выполнения боевых задач в прибрежных водах озера на мелководье. Уже 14 июня решением Коллегии для будущих нужд флотилии был выделен баркас, по шведской терминологии эспинг⁴⁸, приписанный к линейному кораблю «Конунг Карл»⁴⁹. Позже аналогичное решение было вынесено в отношении эспинга корабля «Энигхетен». Несмотря на отсутствие информации по оснащению и перевооружению данных плавсредств, таковые процедуры, несомненно, имели место. Только этими двумя малыми судами Коллегия не ограничилась: 27 июня Х. Вахтмейстер докладывал, что он лично осмотрел две крупные шлюпки, пригодные для службы на Ладоге, которые могли быть использованы для высадок на побережье и для буксировки других судов. Ч. Шелдон и К. Анкарширна дополнили доклад информацией о том, что имеющиеся 10-вёсельные «командирские шлюпки» располагают достаточной вместимостью и на них можно разместить до 30 человек экипажа и солдат. Было решено установить на них мачты и паруса, иными словами переоборудовать в дубель-шлюпки⁵⁰. Информация о количестве вёсел на судах Ладожской флотилии выявлена только в отношении дубель-шлюпок, однако относительно частые упоминания об использовании вёсел дают веские основания полагать, что и остальные суда флотилии были парусно-гребными.

Именное разнообразие судов, составивших флотилию, легко объясняется разнообразием их происхождения. В данной ситуации естественно было предположить их переименование, а также присвоение имён ранее безымянным судам. Официальное переименование большей части судов состоялось по решению Коллегии от 29 июня⁵¹. Корабли,

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

шнявы и бригантины флотилии получили имена из скандинавской мифологии, в то время как эспинги и дубель-шлюпки довольствовались «рыбьими» именами⁵². Информация по каждому судну сведена в таблицу (Табл. 1).

Таблица 1

Прежнее имя	Присвоенное имя	Собственник	Средства Казначейства, далеров серебром	Стоимость по оценке Адмиралтейства, далеров серебром	Решение о приобретении/переоснащении	Дата составления описи имущества
«Шелдон»	«Астрильд»	Ч. Шелдон П. Плей	1200	1000	14 июня	3 июля
«Нарва»						
«Путц Век»	«Хабор»	Т. Кристоферс	2500	1300	17 июня	16 июля
«Санкт-Якобус»	«Тор»	Т. Кристоферс	4000	3500	27 июня	1 июля
«Санкт-Якобус»	«Один»	С. Адлерширна	5000	н/д	20 июня	29 июля
«Крокодилен»	«Фрига»	Ю. Рушенфельт	2000	2200	20 июня	9 июля
«Терезия»	«Диса»	—	—	—	20 июня	—
«Свалан»	«Ёйя»	—	—	—	28 июня	—
Эспинг корабля «Конунг Карл»	«Лаксен»	—	—	—	14 июня	—
Эспинг корабля «Энигхетен»	«Гедан»	—	—	—	н/д	—
Без имени	«Аборен»	—	—	—	27 июня	—
Без имени	«Ешен»	—	—	—	27 июня	—

После покупки каждое судно подвергалось необходимым процедурам по оснащению, переделке, вооружению, укомплектованию экипажами и т. д. Сроки по выполнению указанных работ могли занимать от двух до четырёх недель. Разная степень готовности судов объясняет невозможность их отправки в Ниен в составе единого подразделения. Достоверно дата отправления из Карлсруны известна лишь для одного судна — бригантины «Ёйя». По косвенным признакам расчётным методом с точностью до нескольких дней можно определить приблизительные сроки для остальных судов (Табл. 3). Суда следовали как поодиночке, так и группами. Маршрут следования мог предполагать остановки в Ревеле и / или Нарве. Остановки обуславливались различными причинами, будь то неблагоприятные погодные условия, доставка пассажиров или грузов. К примеру, 24 солдата Вестерботтенского полка были прикомандированы к «Ёйе», «Тору» и «Дисе»⁵³, и оставались на борту до Ревеля, и, сойдя на берег, оттуда проследовали в расположение своего полка, расквартированного в Лифляндии. На судах «Гедан», «Лаксен» и «Один» 28 июля, 16 августа и 9 сентября⁵⁴ соответственно в Нарву были доставлены три партии листового свинца общим весом более 190 шиффунтов⁵⁵. Имели место и другие причины остановок; так «Фрига» и

Ил. 3. Д. фон Крафт. Портрет Г. Псиландера. Начало XVIII в. (Военная академия Карлберг. Стокгольм)

«Тор», прибыв в Ревель 23 июля, пребывали там на протяжении нескольких дней в ожидании лоцмана для продолжения плавания⁵⁶. Для других судов, самостоятельно следовавших до восточной оконечности Финского залива, лоцманская служба для проводки по фарватерам Невы была организована на островах в устье реки.

Озабоченность Коллегии вызывала отправка дубель-шлюпок в части того, что в случае их отдельного перехода на Ладогу существовала возможность их потери во время штормов. Адмирал В. фон Росенфельт предложил, чтобы «Аборен» и «Ешен» следовали, по крайней мере, в сопровождении и на буксире эспингов «Гедан» и «Лаксен», поскольку погрузить дубель-шлюпки на борт эспингов не представлялось возможным из-за небольших размеров последних. Кроме того, В. фон Росенфельт настаивал на отмене транспортировки груза свинца в Нарву именно судами направлявшимися на Ладогу, что, по его мнению, могло привести к неоправданной задержке и срыву участия этих судов в кампании 1701 года⁵⁷. Как сказано выше, партии свинца были доставлены всё-таки судами флотилии, которые благополучно достигли пункта назначения и приняли участие в действиях флотилии на озере в августе – сентябре этого года. Достоверных данных о переходе дубель-шлюпок нет, но, судя по датам прибытия судов, они, вероятно, следовали в Ниен в сопровождении эспинга «Гедан».

Помимо упомянутых судов, направляемых в Ладожское озеро, 14 июня капитану Густаву Псиландеру, командиру 18-пушечного фрегата «Фрёкен Элеонора»⁵⁸, вышедшего из Карлскруны, был отдан приказ, встретившись с двумя кораблями, крейсировавшими в

Балтийском море, проследовать к Ниену и там дожидаться дальнейших инструкций⁵⁹. В случае отсутствия таковых, фрегат должен был включиться в систему обороны Невы и Ладоги от возможных нападений противника. Как писал сам Г. Псиландер⁶⁰, он без особых трудностей достиг Ниена, однако все попытки продвинуться вверх по реке заканчивались посадкой на мель, а после того как «Фрёкен Элеонора» в шестой раз села на мель, Г. Псиландер отправился в Нотебург на шлюпке. Прибыв на место и оценив ситуацию, капитан понял, что имея глубину интрьума в 9 футов, фрегату не переправиться через бар даже при условии полной его разгрузки. 16 июля из Адмиралтейств-коллегии был получен приказ, предписывавший вернуться в Карлскуну в случае невозможности проводки фрегата в озеро. В результате Г. Псиландер ушёл, а попытка Адмиралтейства усилить формировавшуюся флотилию новым строевым фрегатом окончилась неудачей.

Кампания 1701 г.

По прибытии в Ревель Г. фон Нумерс в сопровождении морских офицеров отправился в ставку короля. 21 мая он добрался до Лайузе и на следующий день получил аудиенцию у Карла XII. В докладе в Адмиралтейств-коллегию вице-адмирал сообщал, что был назначен командующим Ладужской и Дерптской флотилиями. Также он получил указание отправиться в Дерпт, где после оценки обстановки, оставления офицеров будущей флотилии и корабельного мастера, он должен был проследовать далее на Ладогу, в Нотебург⁶¹. После посещения Дерпта Г. фон Нумерс прибыл в Нарву, откуда после 7 июня на ожидавшей его яхте «Катарина» отплыл в Ниен⁶². К месту назначения вице-адмирал прибыл 12 июня.

Несмотря на рапорт Х.Р. Хорна об отсутствии в Кексгольмском лёне судов, пригодных для использования на Ладужском озере, вице-адмирал Г. фон Нумерс, прибывший в Ниен, нашёл там снаряженные суда, которые генерал-майор А. Крунйорт «изволил отремонтировать; один краер с новыми кницами и орудийными портами, а два других с новыми портами, полностью готовые к отплытию»⁶³. Краеры носили имена «Санкт-Мария», «Санкт-Брита» и «Чёпман аф Новгород»⁶⁴. Подробности касательно их происхождения, снаряжения и подготовки отсутствуют, вполне вероятно, они были зафрахтованы А. Крунйортом в Ниене в конце мая. Вероятно, в планах А. Крунйорта было вооружить данные суда, поскольку 5 июня им был отдан приказ коменданту Нотебурга Г.В. Шлиппенбаху подготовить орудийные станки для 1-, 2- и 3-фунтовых пушек, а также отобрать из арсенала крепости орудия этих калибров для использования на судах⁶⁵. Приказ Г.В. Шлиппенбаху на дополнительные станки, которые должны были быть подготовлены с максимальной поспешностью, для других судов флотилии поступил 10 июня⁶⁶.

Прибыв в Ниен, Г. фон Нумерс не застал находившуюся там ранее яхту «Нептунус», поскольку за день до этого она ушла вверх по реке в Нотебург⁶⁷. Дело в том, что Х. Хусман получил приказ А. Крунйорта направиться в Ладужское озеро. Генерал-майор, являясь командующим корпуса шведских войск в Ингерманландии и Карелии, формально не имел права отдавать приказы командирам судов королевского флота, однако в данном случае этот приказ был предварительно согласован с Г. фон Нумерсом. Приказ сопровождался подробными инструкциями на трёх листах⁶⁸, и выдержки из них будет небезынтересно привести здесь, поскольку они отчасти отражают общие тактические задачи шведской флотилии и методы ведения войны на озере:

- 1) Яхта «Нептунус» должна незамедлительно направиться в Ладужское озеро;

2) Производить поиск судов противника в архипелаге, в районе Кексгольма. В случае обнаружения последних, принудить их к сдаче, обстреливая из орудий и сея панику в их экипажах. Захваченные суда вместе с экипажами направить в Нотебург;

3) При успехе исключить возможность побега захваченных судов, обеспечив сопровождение призового судна двумя шведскими по его обеим сторонам, при этом связав руки за спиной экипажам русских судов. Направиться в Нотебург, где оставить призовые суда;

4) В случае если суда противника не удастся обнаружить, направиться в Кексгольм, где подобрать лоцманов, хорошо знакомых с озером, и обеспечить конвоирование в Нотебург шкут с зерном и провиантом;

5) После доставки снова выйти в озеро и при помощи лоцманов определить, насколько близок возможен подход к берегу на русской стороне озера. В Кексгольме набрать *крестьян* (курсив наш. – Д.С.), которые, посаженные на большие лодки, смогут участвовать в грабежах и поджогах на побережье противника. Особое внимание уделить сожжению судов противника.

Также приказ предусматривал, что в случае, если к моменту возвращения Х. Хусмана в Нотебург Г. фон Нумерс прибудет на Ладогу, то лейтенант, естественно, поступит в подчинение вице-адмиралу и должен будет следовать приказам последнего.

Вместе с «Нептунусом» к Нотебургу ушёл и краер «Санкт-Мария», командование которым было поручено упомянутому выше капитан-лейтенанту Х. Сутхофу. В дополнение к экипажу «Нептунуса» распоряжением А. Крунйорта были приписаны 25 солдат и 1 офицер⁶⁹, которых Х. Хусман должен был взять на борт в Нотебурге взамен тех, что направил в крепость А. Крунйорт. За приказом Г.В. Шлиппенбаху от 5 июня через пять дней последовал следующий — передать флоту ещё 90 солдат⁷⁰, а 13 июня — ещё 50 наиболее способных к службе на судах солдат⁷¹. Г.В. Шлиппенбах, который по распоряжению генерал-майора должен был удовлетворить все текущие и будущие просьбы Х. Хусмана, не был в восторге от перспективы ослабления гарнизона и боеготовности крепости, и даже попытался выразить своё недовольство в письме Х.Р. Хорну, однако находившемуся в прямом подчинении А. Крунйорта коменданту ни осталось ничего, кроме как подчиниться приказу. Справедливости ради следует отметить, что Г.В. Шлиппенбаху была обещана замена за каждого направленного на суда солдата. 12 июня А. Крунйорт докладывал королю, что изыскал для нужд флотилии 145 солдат и офицеров⁷². Несмотря на эти данные, достоверные цифры по распределению солдат на конкретные суда известны только для бригантины «Ёйа» и яхты «Нептунус». Определить ротную либо полковую принадлежность, так же как и выявить подтверждаемую документально общую численность морской пехоты, не представилось возможным, однако опираясь на известные данные и на принципы распределения солдат на суда Дерптской флотилии⁷³, можно сделать предположение, что личный состав контингента морской пехоты флотилии мог достигать 300–350 человек⁷⁴.

Имея на руках приказ монарха «вместе с яхтой, которая прибыла из Карлскруны»⁷⁵, приступить к поиску судов противника на Ладожском озере, 13 июня Г. фон Нумерс отправился из Ниена вверх по Неве. 20 июня, находясь в миле от Нотебурга, вице-адмирал докладывал королю о том, что вынужден был девять дней и ночей⁷⁶ бороться с течением «этой проклятой реки», двигаясь на веслах и лишь изредка под парусами⁷⁷. С оставшимися судами командуя флотилией после преодоления отмели и погрузки боезапаса с попутным ветром планировал проследовать к русскому берегу к Андрусово, где было назначено рандеву с судами, ушедшими ранее к Кексгольму.

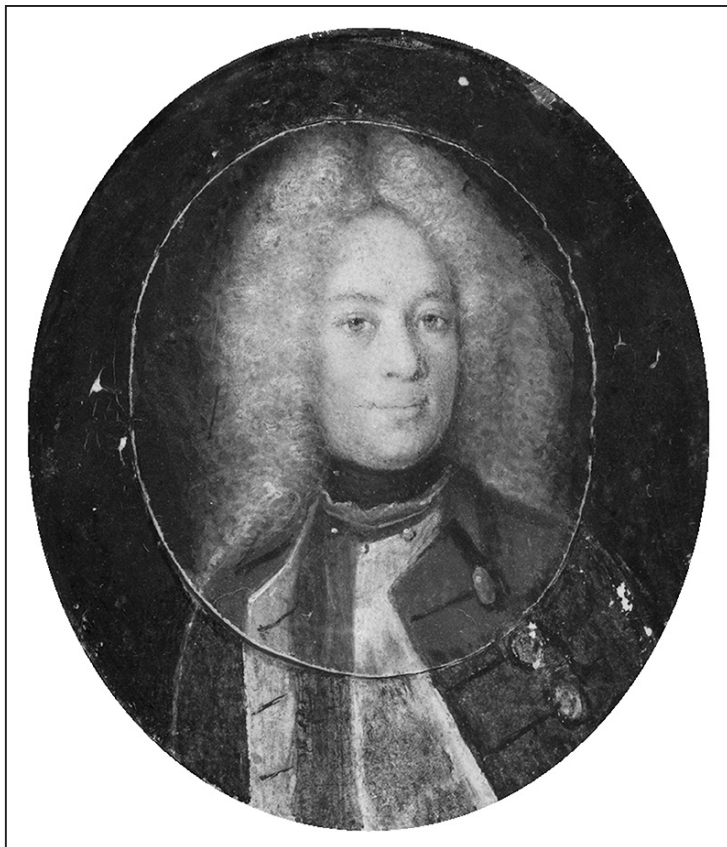
Таблица 2

Судовые роли Ладожской флотилии в кампании 1701 г.⁷⁸

(пустые ячейки в таблице означают отсутствие данных, нулевые значения обозначены прочерком; итоговые суммы даны по колонкам, содержащим полные данные)

Судно Звание	«Тор»	«Один»	«Хабор»	«Ёйя»	«Фрига»	«Диса»	«Астрильд»	«Лаксен»	«Гедан»	«Аборен»	«Ешен»	«Катарина»	«Нептунус»
Капитан	1	1	–	1	1	–	–	1	–	–	–	–	–
Обер-лейтенант	–	–	1	–	1	1	–	–	–	–	1	–	–
Лейтенант	1	1	–	2		–	1	–	–	1		1	1
Унтер-лейтенант	–	–	1	–		1	–	–	1				–
Шхипер	1	1	1	1		1	1	1	1				1
Штурман	1	1	1	1		1	1	1	1				1
Корабельный писарь	1	1	–	1		–	–	–	–				–
Цирюльник	1	1	–	1		1	1	–	–				–
Констапель	1	1	1	1	1	1	1	1	–				1
Подконстапель	2	2	2	2	2	1	1	1	2	1	1		–
Подштурман	1	1	1	1		1	1	1	1				–
Боцман	1	1	1	1		1	1	1	1				1
Плотник	1	1	1	1		1	1	1	–				1
Матросы*	45	40	20	43	29	35	24	24	17	17	12	19	35
Корабельный юнга	1	1	1	1	1	1	1	1	1	–	–	–	1
Итого экипаж	58	53	31	57		46	34	33	25				42
Солдаты				30									26
Всего				87									68
* Численность матросов различалась, в таблице приведено максимальное количество, указанное в источниках.													

Выйти в озеро Г. фон Нумерс смог лишь 29 июня. На первый взгляд такая задержка могла быть вызвана противным ветром либо иными основаниями, однако наиболее вероятной причиной были трудности с преодолением песчаного бара, и, как докладывал сам Г. фон Нумерс, он «с величайшими усилиями перебрался через банку, лежащую перед Нотаборгом»⁷⁹. Это был первый раз, когда вице-адмирал и основные силы сформированной Ладожской флотилии преодолели упомянутый бар в следующей очередности: «Чёпман аф Новгород», «Катарина», «Санкт-Брита». Глубины на фарватере, проходившем через эту отмель, ставшую препятствием для усиления флотилии более крупными и естественно более глубоко сидящими судами, колебались от 18 до 5½ футов. Наиболее крупные суда флотилии имели осадку до 7 футов⁸⁰, что влекло за собой их неизбежную разгрузку для проводки по фарватеру. Данная процедура подразумевала под собой выгрузку и своз на берег на местных лодках и зачастую на шлюпках,

Ил. 4. Неизвестный художник. Предполагаемый портрет Г. фон Нумерса. Миниатюра. 1680-1720 г. (Музей северных стран. Стокгольм)

приписанных к судам флотилии, провианта, воды, орудий, боезапаса, части балласта и т. п. Всё это имущество на подводах перевозилось вдоль берега, и обратно грузилось, и устанавливалось на суда, прошедшие по фарватеру на «глубокую воду». От начала разгрузки до полной готовности судна к выходу в озеро проходило до пяти (!) дней⁸¹.

Естественно, такое положение дел не могло удовлетворить Г. фон Нумерса, и в своём письме в Адмиралтейств-коллегию⁸² он просил выделить корабельного мастера и четырёх плотников для постройки некой «машины», которая облегчила бы переход судам через бар⁸³. Он также изложил своё видение касательно судов, которые бы идеально подошли для действий на Ладоге. Он видел в качестве таковых разновидность галеры или иного гребного судна с 10–12 парами вёсел, с экипажем в 50–60 человек и осадкой в 3–4 фута. Однако в итоге просьбы и предложения Г. фон Нумерса не были удовлетворены и впоследствии тем судам флотилии, которые Адмиралтейств-коллегия смогла изыскать для Ладоги, каждый раз приходилось затрачивать массу усилий и времени при выходе в Ладогу и возвращении в Нотебург.

Итак, вице-адмирал, державший флаг на яхте «Катарина», вышел в озеро, имея под своим командованием три судна. К 6 июля флотилия, состоявшая теперь уже из четырёх судов⁸⁴, поскольку, вероятно, к ней присоединилась яхта «Нептунус», пришедшая из

Кексгольма, приблизилась к русской границе на восточном побережье, в районе устья Видлицы. Как писал Г. фон Нумерс, их появление вызвало большой переполох в русском лагере и размещённых в этом районе передовых постах: в сторону шведских судов было произведено до 50 орудийных выстрелов⁸⁵. О возможных попаданиях и потерях на судах флотилии ничего неизвестно, так же как и об ответном огне шведов, поэтому можно говорить лишь о психологическом эффекте, произведённом стрельбой. В любом случае приблизиться на достаточно близкое расстояние к берегу из-за малых глубин флотилия не могла, поэтому шведы продолжили следовать вдоль побережья на юг, пока не достигли монастыря Андрусово⁸⁶. Там на берег была высажена десантная партия в составе 78 солдат. Очевидно, известия о появлении в районе шведской флотилии быстро распространялись по побережью и население села, увидев подходившие со стороны озера суда, бежало в лес «со всеми лучшими вещами». Шведские солдаты сожгли оставленные на берегу около двадцати рыбацких лодок и рыболовные снасти, а в домах в качестве добычи им досталась «большая часть их шуб и белья». На ночь десант был возвращён на суда из-за появившейся на берегу русской кавалерии, численность которой всё более и более возрастала. В докладе в Адмиралтейств-коллегию при описании событий у Андрусово Г. фон Нумерс особо подчеркивал, что действовал строго в соответствии с королевским указом, воздерживаясь от поджогов и разграбления⁸⁷. Если от поджогов частных домов и деревянной церкви вице-адмирал действительно воздержался, то захват скарба и имущества был явным грабежом населения.

После высадки десанта флотилия взяла курс к западному берегу озера, сделав небольшую остановку у острова Коневец 9 июля. Через два дня, 11 июля, четыре судна флотилии вновь были у русского берега, где была сделана повторная высадка на берег. В этот раз десант был высажен в 6 милях к западу от устья реки Волхов и, так же как и в предыдущий раз, местные жители поспешили скрыться в ближайшем лесу, унося самое ценное из своих пожитков. Добычей десантных партий стали шесть прибрежных лодок и большое количество запасов зерна; всё это было в итоге предано огню⁸⁸. По возвращении десанта на суда флотилия взяла курс на Нотебург. По прибытии на место вице-адмирал, оставив флотилию, направился в Ниен, где встретился с Г. Псиландером, сообщившем ему о предстоящем подходе подкреплений в виде трёх судов, шедших из Карлскруны под командованием К.Г. Лёшерна.

Кроме упомянутого имущества, захваченного десантными партиями при высадках, в документах обнаружена любопытная запись о захвате церковных колоколов. 4 сентября Г. фон Нумерс спрашивал совета у Карла XII о том, как ему поступить с тремя захваченными церковными колоколами, предложив направить их в «немецкую кирху в Карлскруне или использовать на судах военного флота»⁸⁹. Несмотря на то, что описанные высадки и письмо значительно разнесены по времени, поскольку в кампании 1701 г. флотилия более не осуществляла высадок десанта, есть все основания предполагать, что колокола в качестве трофеев были захвачены шведами именно в июле. В соответствии с ответом короля Г. фон Нумерс должен был предать эти три колокола в дар шведской (sic!) кирхе в Карлскруне⁹⁰.

Информация о передвижениях судов на озере во второй половине июля отсутствует. Однако, опираясь на косвенные указания, можно прийти к выводу, что, по крайней мере, два судна из состава флотилии вновь выходили в крейсерство, поскольку, вернувшись к Нотебургу 2 августа, Г. фон Нумерс обнаружил находящиеся там бригаантины «Ёйа», «Диса» и шняву «Астрильд»⁹¹. Ещё через два дня в Ниен прибыли эспинг «Гедан», дубель-шлюпки «Аборен» и «Ешен», которые получили приказ без промедления направляться вверх по реке к Нотебургу⁹². Таким образом, на начало августа Ладожская флотилия насчитывала в своём составе одиннадцать вымпелов, а именно две бригаантины, шняву, две яхты, эспинг и две дубель-шлюпки, а также три вспомогательных судна — краера.

Поскольку прибывшие из Карлсруны бригантины по своим размерам превосходили имевшиеся в распоряжении Г. фон Нумерса суда, то, естественно, вице-адмирал перенёс свой флаг с яхты «Катарина» на одну из них. Его выбор остановился на бригантине «Ёйа»⁹³. Уже 6 августа флотилия снялась с якоря и направилась в озеро. Лейтенант А. Сунд на бригантине «Диса» получил приказ направиться к устью реки Волхов с целью проведения разведки и выяснения численности русских частей, находившихся в этом районе. Остальные суда флотилии взяли курс на северо-восток, и утром 8 августа они встали на якорь у устья реки Тулоксы; в полдень флотилия спустилась к устью реки Олонки. Стоянка не заняла много времени, и уже через час флотилия вновь была у Тулоксы. Г. фон Нумерс отмечал, что противник после его первого появления у русского берега стал более осторожным и бдительным⁹⁴, а поскольку видимых указаний на наличие укреплений в районе устья Тулоксы не было, приняли решение провести рейд вглубь побережья силами нескольких мелкосидящих судов. В восемь часов вечера того же дня «шлюпки с галерами и яхтой "Гедан"»⁹⁵ направились вверх по реке.

Кроме упомянутого эспинга «Гедан», определить состав экспедиции возможно лишь косвенно, поскольку в шведских документах нет единообразия типологии судов. Однако наиболее часто под галерами имелись в виду дубель-шлюпки «Ешен» и «Аборен»⁹⁶.

В четыре часа утра следующего дня флотилия снялась с якоря и предприняла попытку на вёслах приблизиться к устью Олонки, но на подходах к берегу по флотилии был открыт огонь от трёх русских частей. Это стало причиной того, что Г. фон Нумерс воздержался от высадки и отвёл суда от берега. В восемь утра были встречены суда, вернувшиеся из рейда. Согласно докладу, путь вверх по реке прошёл без происшествий, но при возвращении на обоих берегах были обнаружены значительные силы противника, завязался бой, шведам удалось прорваться, потеряв одного человека убитым и двоих ранеными. Потери русских, по свидетельствам участников стычки со шведской стороны, составили 15 или 16 человек⁹⁷. Проверить эти данные не представляется возможным, поскольку русских документов, содержащих упоминания о данном столкновении, не выявлено.

В последующие несколько дней флотилия крейсировала у восточного побережья Ладожского озера. Здесь следует сделать уточнение касательно того, что в полном составе флотилия действовала лишь изредка, зачастую часть судов выделялась из её состава для конвойных операций, отправки донесений, отдельного крейсерства, пополнения запасов и т. п. Это справедливо и для передвижений флотилии во второй декаде августа 1701 г. Так с 9 по 13 августа в разные дни от флотилии отделились «Чёпман аф Новгород» и «Гедан», которые ушли в Кексгольм и Нотебург соответственно, яхта «Катарина» оставалась у острова Мантсинсаари, а «Ешен» и «Аборен» отправлялись для пополнения запасов питьевой воды. С остальными судами Г. фон Нумерс 13 августа также ушёл в Кексгольм, куда он прибыл и сошёл на берег вечером того же дня. Через два дня вице-адмирал, имея под своим командованием лишь бригантину «Ёйа» и шняву «Астрильд», взял курс на юго-восток к Ладоге. Вечером 16 числа шведские суда были в пяти милях от волховскоого устья, около полуночи была замечена русская лодка с четырьмя рыбаками, которая после короткой погони была захвачена, а около двух часов утра была встречена бригантина «Диса».

Командир «Дисы» А. Сунд с докладом прибыл на борт вице-адмиральной бригантины. Согласно рапорту, во время своего патрулирования «Диса» приблизилась на максимально возможное расстояние к устью реки Волхов, ширина которой «была не более одного мушкетного выстрела». Также в один из дней нахождения в этом районе с бригантины были замечены 17 русских лодок, которые при сближении её окружили. В завязавшемся бою одна из лодок была потоплена орудийным огнём, после чего остальные русские суда

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

отступили к берегу. Шведами были взяты в плен девять русских солдат, один из которых оказался шведским дезертиром, ранее бежавшим в Россию и принявшим православие. От него была получена информация о численности русских войск, противостоявших А. Крунйорту и гарнизона, располагавшегося в Ладого, а также о развернувшемся в Новгороде строительстве 600 стругов под наблюдением дворянина в ранге капитана⁹⁸. И вновь из-за отсутствия подтверждающих документов о боевом столкновении с русской стороны приходится опираться только на шведские данные, хотя показания пленного солдата касательно строительства соответствовали действительности, поскольку согласно указу Петра I от 17 января 1701 г. постройка 600 стругов велась на реках Волхов и Луга⁹⁹.

В тот же день, 17 августа, вечером, были замечены до 50 русских лодок, двигавшихся под берегом. Из-за мелководья предпринять что-либо против них шведы были не в силах. Бригантины подошли ближе к волховскому устью, где была захвачена ещё одна лодка с 4 человеками на борту¹⁰⁰. На следующий день, видя бесперспективность дальнейшего пребывания в районе, а также опасаясь быть выброшенным на отмель вблизи русского берега из-за усиливавшегося северного ветра и ухудшавшейся погоды¹⁰¹, шведы вступили под паруса и взяли курс на северо-запад к Рискалаксу¹⁰².

Начиная с третьей декады августа по 8 сентября большая часть флотилии крейсировала между Кексгольмом и Нотебургом. К середине сентября в распоряжении Г. фон Нумерса оказались все суда, включённые в состав флотилии и направленные из Карлскруны; последним прибывшим кораблём был «Один». В целях лучшего восприятия информация по хронологии пополнения флотилии была сведена в таблицу (Табл. 3)¹⁰³.

Таблица 3

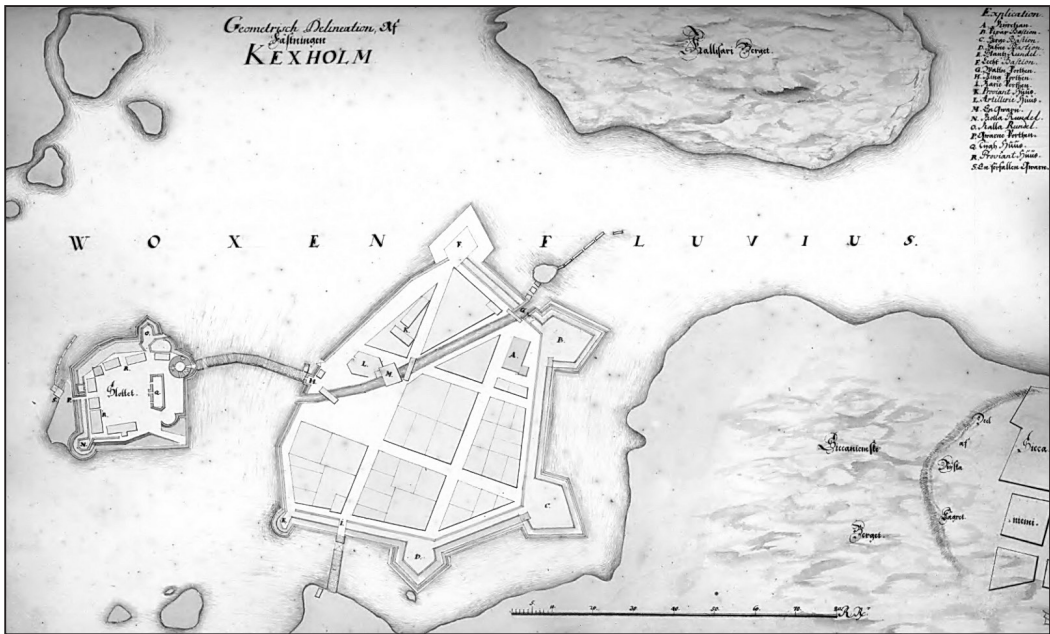
Имя	Дата отплытия (Карлскруна)	Дата прибытия (Ниен, Нотебург)	Командир
«Нептунус»	После 3 мая	23 мая	Лейтенант Ханс Хусман
«Чёпман аф Новгород»	—	Июнь	Лейтенант Юхан Петраус
«Санкт-Мария»	—	Июнь	Капитан-лейтенант Ханс Сутхоф
«Санкт-Брита»	—	Июнь	
«Катарина»	Не ранее 28 апреля	12 июня	Лейтенант Якуб Ибсон
«Ёйа»	16 июля	24 июля	Капитан Эрланд Ширна
«Диса»	Не позднее 16 июля	27 июля	Обер-лейтенант Андерс Сунд
«Астрильд»	Не позднее 19 июля	29 июля	Обер-лейтенант Густав Верифельт
«Аборен»	Не позднее 22 июля	4 августа	Унтер-лейтенант Херман Шмидт ¹⁰⁴
«Ешен»	Не позднее 22 июля	4 августа	Обер-лейтенант Килиан Вильгельмс
«Гедан»	Не позднее 22 июля	4 августа	Унтер-лейтенант Патрик Клерк
«Тор»	Не позднее 20 июля	6 августа	Капитан Карл Густав Лёшерн

I. ARTICLES

«Фрига»	Не позднее 20 июля	6 августа	Капитан Магнус Палмгрен
«Лаксен»	Не позднее 10 августа	После 16 августа	Капитан Юхан Хиндрик Нассокин
«Хабор»		Не позднее 10 сентября	Обер-лейтенант Хенрик Бернхард Пайпер
«Один»	Не позднее 3 сентября	После 9 сентября	Капитан Густав Вильгельм фон Йертен

Основным источником информации по перемещению судов флотилии в этот период служит шканечный журнал бригаантины «Ёйа», однако, принимая во внимание характерную манеру заполнения журнала, о мотивах и причинах тех или иных передвижений судов остаётся только строить предположения. По имеющимся данным можно однозначно утверждать лишь то, что флотилия более не предпринимала попыток по высадке десантов на южное и юго-восточное побережье озера и не осуществляла поиск судов противника в этом районе. Веской причиной этому могли стать участвовавшие штормы и переменная погода. Штормы напрямую повлияли на флотилию, поскольку в один из дней между 31 августа и 4 сентября потерпел крушение только что прибывший с Балтики эспинг «Лаксен», который под командованием Юхана Хиндрика Нассокина «в штормовую погоду по беспечности наскочил неозначенный на камень в 3 милях от Нотебурга и 1½ милях от берега на Ладожском озере, вследствие чего само судно было полностью разрушено; однако боеприпасы и другое имущество удалось спасти»¹⁰⁵. Г. фон Нумерс утверждал, что катастрофы удалось бы избежать, в случае если командир эспинга Ю.Х. Нассокин следовал бы в кильватере «Тора» К.Г. Лёшерна, командовавшего отрядом судов¹⁰⁶. С.И. Елагин писал о том, что при крушении Ю.Х. Нассокин погиб¹⁰⁷, но это утверждение явилось результатом неточного перевода им письма Г. фон Нумерса Карлу XII от 4 сентября¹⁰⁸. Этот офицер пережил крушение и был направлен в Карлскруну осенью 1701 г., некоторое время до этого проведя под арестом в Ниене. «Лаксен» стал не единственной жертвой шторма, хотя в другом случае последствия не были столь плачевны. Капитан М. Палмгрен на бригаантине «Фрига», следуя в штормовую погоду и ведя на буксире дубель-шлюпку «Ешен», при попытке выполнить поворот оверштаг не справился с судном, и бригаантина навалилась на шлюпку. Хотя никто из экипажа «Ешена» не пострадал, все боеприпасы и одежда пошли на дно. Поскольку экипаж дубель-шлюпки остался практически нагим, Г. фон Нумерс из своего кармана оплатил покупку одежды¹⁰⁹.

Принимая во внимание сжатые сроки кампании 1701 г., Адмиралтейств-коллегия задолго до её окончания, именно 16 июля, направила предписание командующему флотилией, отталкиваясь от текущей ситуации, определить наилучшее место для зимовки её судов. Обязательным условием, предъявляемым Коллегией к месту зимней стоянки, было наличие крепости либо укрепления, которое могло бы обеспечить защиту вмерзших в лёд судов. Помимо стоянки, Нумерсу вменялось в обязанности заняться организацией склада в Нарве либо Ниене для хранения припасов и провизии для экипажей судов флотилии. Касательно первой директивы в ответном письме от 4 августа вице-адмирал изложил своё видение относительно вывода судов из кампании, согласно которому три или четыре суда предполагалось оставить у стен Нотебурга, а остальные направить в Ниен, имевший удобную гавань. Что касается глубокосидящих судов флотилии, то в случае невозможности их возвращения через бар по причине низкой воды их предлагалось оставить на зимовку у небольшого островка в заливе в четверти мили от Кексгольма. Однако у данного варианта, несмотря на наличие удобной якорной стоянки, обеспечивавшей хорошую защиту от непогоды, имелся значительный недостаток — там отсутствовали какие-либо береговые укрепления¹¹⁰. В отношении второго

Ил. 5. Э. Дальберг. План укреплений Кексгольма. 1681 г.
(Государственный архив. Стокгольм)

задания Нумерс сообщил, что им достигнута договорённость с двумя купцами о приобретении и хранении припасов в Ниене¹¹¹. Переписка между Адмиралтейством и вице-адмиралом относительно зимних квартир и стоянки судов продолжилась, и Коллегия, что было вполне ожидаемо, не одобрила стоянку у Кексгольма, поскольку противник, двигаясь вдоль побережья либо по льду озера, мог легко добраться до стоянки и атаковать суда флотилии. В ответ Г. фон Нумерс писал, что не осмелится возражать против этого и не будет подвергать ненужному риску суда флотилии. Он высказал мнение, что в таком случае наилучшим местом размещения для крупных судов флотилии ему видится Выборг, где, помимо защиты, под орудиями выборгского замка экипажи смогут разместиться на лучших, нежели в Кексгольме зимних квартирах, а также ожидается, что они будут испытывать меньше затруднений со снабжением провизией и припасами¹¹². 31 августа с учётом предписаний Адмиралтейств-коллегии Г. фон Нумерс направил на одобрение монарха окончательный план вывода из кампании судов флотилии. В соответствии с ним в Выборг планировалось отправить «Тор», «Фригу», «Хабор», «Ёйю», «Дису» и «Катарину», шесть малых судов флотилии, а именно «Нептунус», «Астрильд», «Лаксен», «Гедан», «Аборен» и «Ешен» должны были остаться у Нотебурга¹¹³. Карл XII утвердил этот план, но последующие события, как то: пополнение флотилии кораблём «Один», потеря эспинга «Лаксен» и другие обстоятельства, — внесли коррективы в первоначальный план.

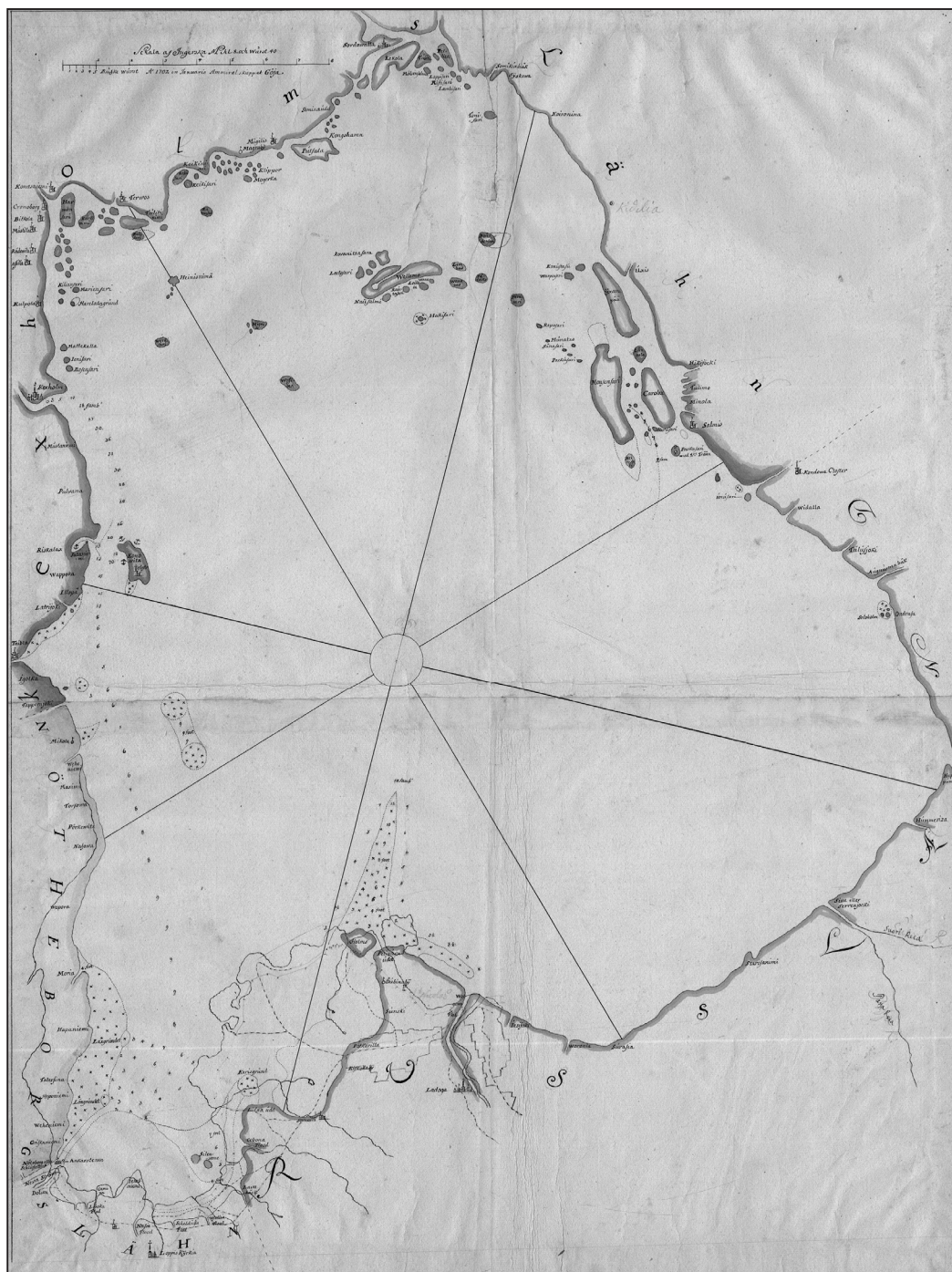
В первых числах сентября начался вывод первых судов флотилии из озера. Так, бригантина «Ейа» 8 сентября начала разгрузку балласта и своз на берег 14 больных из экипажа. Это процедура, в которой ей оказывал содействие эспинг «Гедан», от начала и до того момента, как бригантина отшвартовалась под стенами Нотебурга, заняла всего двое суток¹¹⁴. Вниз по реке указанная бригантина отправилась не сразу, в ожидании вице-

адмирала, отбывшего в Ниен, экипаж провёл кренгование. Моряки очистили подводную часть корпуса, а также проконопатили и просмолили трюм. 16 сентября через бар прошёл краер «Чёпман аф Новгород» и на следующий день ушёл в Ниен. 21 и 28 сентября после разгрузки орудий и балласта отмель прошли соответственно яхта «Нептунус» и бригантина «Диса»¹¹⁵. Суда, определённые на зимовку у Нотебурга, планировалось вытащить на берег. В этом отношении опасение вызывало состояние яхты «Нептунус». Г. фон Нумерс докладывал о том, что по результатам её осмотра офицерами она была найдена старой и ветхой и при вытаскивании на берег «она разве что не развалится на части»¹¹⁶. По этой причине яхта «Нептунус» покинула Нотебург 29 сентября, отправившись вниз по Неве в Ниен. «Ёйя», вновь под адмиральским флагом, последовала за ней 3 октября, прибыв в Ниен через два дня. Собравшаяся на ниенском рейде часть флотилии, состоявшая из «Ёйи», «Тора», «Катарини», «Дисы» и «Одина»¹¹⁷, снялась с якоря и взяла курс на Выборг 5 октября. Плавание до Выборга, продлившееся пять дней, не было отмечено событиями, за исключением посадки на мель корабля «Один» 7 октября при выходе из невского устья. По невыясненным причинам бригантина «Диса» задержалась, и к Выборгу прибыла уже в момент ледостава, и не смогла дойти до якорной стоянки судов флотилии, оставшись вмёрзшей в лёд на расстоянии одной мили от выборгского замка¹¹⁸. 24 октября суда были выведены из кампании, а экипажи размещены на зимних квартирах.

На момент получения указа монарха с утверждением мест зимовки флотилии «Хабор» и «Фрига», наряду с остававшимися в Нотебурге судами, продолжали крейсерство на озере и, как докладывал Нумерс, из-за противных ветров не смогли отправиться в Выборг с остальными. Позже тяжёлая ледовая обстановка вынудила их прервать переход в Выборг и остаться в Ниене¹¹⁹. К началу ноября малые суда у Нотебурга также закончили кампанию и были вытащены на берег. В итоге распределение судов Ладожской флотилии между гаванями на момент окончания кампании выглядело следующим образом: Выборг — «Ёйя», «Тор», «Один», «Катарина», «Диса»; Ниен — «Хабор», «Фрига», «Нептунус», краеры; Нотебург — «Астрильд», «Гедан», «Аборен», «Ешен».

Упомянутая выше яхта «Нептунус» была не единственным судном, состояние которого вызывало беспокойство у командующего. Яхта «Катарина» также была признана «абсолютно негодной для этой экспедиции», в связи с чем Г. фон Нумерс обратился с просьбой в Адмиралтейство отозвать в Карлскруну имевшиеся в его распоряжении яхты, заменив их на равноценные суда¹²⁰. Адмиралтейств-коллегия удовлетворила просьбу вице-адмирала, проинформировав его письмом от 29 ноября о находившихся на стапелях в Карлскруне двух бригантин «с размерам, схожими с бригантиной "Ёйя"», которыми планировалось заменить суда, признанные негодными¹²¹.

Из сохранившейся до наших дней обширной переписки касательно дел Ладожской флотилии немалая её часть уделена вопросам снабжения припасами и провиантом. Согласно исследованию И.Г. Дурова, в начальный период Великой Северной войны (1700 – 1709) в шведском королевском флоте «плавсостав практически не испытывал трудностей, связанных с котловым довольствием нижних чинов и своевременным получением офицерами столовых денег»¹²². Однако Ладожская флотилия оказалась именно тем исключением, по крайней мере в период её становления — в 1701 – начале 1702 годов. Сжатые сроки организации флотилии, отсутствие налаженной системы снабжения из метрополии и на местах, а также проблемы с финансированием приводили к неизбежным нехваткам продовольствия. Весьма показательным примером может служить фраза из письма Г. фон Нумерса королю о том, что «люди начали болеть из-за того, что им приходится пить воду и практически ничего не предпринято для обеспечения провизией, то и другое [провизия и вода] в крайней

Ил. 6. К. Эдберг. Карта Ладожского озера. Январь 1702 г.
(Военный архив. Стокгольм)

нужде»¹²³. Естественно, взаимосвязь между употреблением воды вместо пива и возникновением болезней в экипажах отнюдь не очевидна. Однако главным здесь является указание на проблемы с провиантом. Подобные жалобы и просьбы исправить ситуацию продолжали поступать в течение кампании 1701 г., а также в период размещения экипажей на зимних квартирах зимой и весной следующего года. В целом, согласно ведомостям по отпуску провизии, направляемой из Стокгольма, ассортимент продуктов, входивших в пищевой рацион экипажей флотилии, включал следующее: крупа ячменная, крупа манная, горох, мука, хлеб, сухари, масло коровье, пиво, ветчина, рыба сушеная, мясо солёное, солёная лососина и сельдь¹²⁴. Запросы на выплату задерживаемых столовых денег от офицеров флотилии поступали командующему регулярно, и с той же регулярностью они перенаправлялись в Адмиралтейств-коллегию и Казначейство¹²⁵.

Кроме провианта, остро стоял вопрос обеспечения экипажей судов обмундированием и зимней одеждой. По имеющимся свидетельствам экипажи и морские пехотинцы прибывали на Ладугу, имея на каждого лишь пару чулок, пару башмаков, куртку грубого сукна, пару штанов и фуфайку¹²⁶. Задолго до наступления зимы Г. фон Нумерс выказывал Адмиралтейств-коллегии свою озабоченность состоянием обмундирования и отсутствием тёплых вещей¹²⁷. Помимо Карлскруны, вице-адмирал обращался за помощью в обеспечении экипажей флотилии одеждой и обувью к губернаторам Нарвы и Выборга, однако получил отказы по причине отсутствия в этих крепостях запасов обмундирования¹²⁸. Ситуацию удалось немного исправить благодаря нескольким партиям обмундирования, прибывшим из Швеции в декабре 1701 г., а также в январе и апреле 1702 г. и распределённым между тремя стоянками судов флотилии. Помимо новых уже перечисленных предметов одежды, экипажи получили также шерстяные носки и тканые жилеты. Также, кроме готовых платьев и обуви, направлялись ткани и сукна для пошива нательных сорочек и камзолов. К примеру, в одной из партий был получен материал достаточный для изготовления 300 сорочек и камзолов¹²⁹. Фельдшеры судов флотилии получали отрезки ткани по три локтя для перевязочных материалов. Однако, даже несмотря на упомянутые поставки одежды и обуви, их не хватило для полного удовлетворения потребностей всех экипажей, и в мае следующего года встречаются записи Г. фон Нумерса, где он пишет, что башмаки у некоторых имели такой жалкий вид, что не поддавались никакому описанию¹³⁰. Дела с выплатой денежного содержания также обстояли не лучшим образом. Так в мае 1702 г. вице-адмирал сообщал, что офицеры и нижние чины флотилии уже почти два года находились на полумесячном жаловании¹³¹.

Обер-штурман К. Элдберг после окончания в июне 1701 г. картографирования Невы от истока до устья остался в регионе и, находясь в Ниене, в октябре получил приказ Г. фон Нумерса изготовить комплект из двух карт Ладожского озера для каждого судна флотилии, опираясь на наблюдения и сведения, собранные в ходе летней кампании¹³². Одна из таких карт, выполненная для флагманской бригаантины «Ёйа», сохранилась до наших дней и приведена здесь (Ил. 6).

Формально являясь командующим не только Ладожской флотилии, но также и флотилии, базировавшейся на Дерпт, Г. фон Нумерс принимал посильное участие в делах последней, ведя переписку с её оперативным командиром Ю. Хёкефлюхтом, королём, Адмиралтейств-коллегией и высшими чиновниками Лифляндии и Эстляндии. В декабре 1701 г. с целью проведения инспекции работ по организации флотилии в Дерпте и не в последнюю очередь ради проведения кадровых перестановок в командовании этой флотилии¹³³, вице-адмирал предпринял поездку в Дерпт, прибыв в город-крепость 13 января 1702 г. После согласования с королём руководство флотским подразделением на Чудском озере было поручено командиру корабля «Тор» капитану К.Г. Лёшерну, который, помимо прочего, приходился

племянником вице-адмиралу Г. фон Нумерсу. Вместе с К.Г. Лёшерном назначение в Дерпт с Ладоги также получили унтер-офицеры Х. Умбехавен и А. Роселиус¹³⁴. Однако это кадровое усиление одной флотилии за счёт другой не было последним, поскольку в марте 1702 г. К.Г. Лёшерн сообщал о переведённых с Ладоги 4 унтер-офицерах, 10 матросах, парусных дел мастере и фельдшере¹³⁵. По всей вероятности, эти люди либо по крайней мере часть из них составляли ранее экипаж погибшего при крушении эспинга «Лаксен». Об их отправке в Дерпт Г. фон Нумерс информировал в Адмиралтейство 25 февраля 1702 г.¹³⁶. Оставленный К.Г. Лёшерном в Выборге корабль «Тор» принял под своё командование переведённый с яхты «Нептунус» обер-лейтенант Ханс Хусман.

Кампания 1702 г.

Основными вопросами, которые предстояло решить командующему флотилии Г. фон Нумерсу для подготовки к кампании следующего года, оставались насущные проблемы с обеспечением экипажей провиантом, одеждой, медикаментами и денежным довольствием. Незначительные изменения произошли в кадровом составе флотилии. В соответствии с полученным разрешением на замену признанных негодными судов в Карлскруну были отправлены две яхты. Яхта «Катарина» вышла из Выборга 18 апреля, а яхта «Нептунус» под командованием лейтенанта Юхана Петрауса покинула место зимовки в Ниене не позднее 28 апреля¹³⁷. Призванные их заменить бригантины были построены под руководством Ч. Шелдона на верфи Карлскруны и спущены воду в один день 24 марта. Они получили имена двух братьев Диоскуров из греческой мифологии «Кастор» и «Поллукс». Приказ-инструкция, полученный командиром «Кастора» Юханом Килианом Вильгельмсоном 22 апреля, предписывала ему с первым же попутным ветром выйти в море и направиться в Ладожское озеро¹³⁸. Подготовка бригантины «Поллукс» заняла больше времени, поскольку аналогичный приказ её командир Дидрих Анкарширна получил лишь 19 мая¹³⁹.

В отличие от предыдущего года, когда А. Крунйортом были зафрахтованы три краера, в кампании 1702 г. Г. фон Нумерс ограничился только одним, следующим образом объяснив своё решение королю: «...ради обеспечения военного флота Вашего Королевского Величества провиантом и снабжения предметами первой необходимости мне пришлось зафрахтовать один краер, именуемый "Чёпман аф Новгород"... который способен дать отпор противнику, что немаловажно, поскольку единственное место, где флот может пополнять запасы провизии, находится в Кексгольме, а этот краер благодаря своей вместительности способен принять провиант для всего флота»¹⁴⁰.

Приготовления русской стороны к кампании 1702 г. были куда более масштабны. Завершавшаяся постройка стругов на Волхове и Луге отвечала тактическим задачам предстоящей кампании. А именно: русские флотилии, состоящие из стругов, карбасов и сойм с посаженными на них «ратными людьми» из состава полков пешего строя под общим командованием ближнего окольничего Петра Матвеевича Апраксина, должны были дать отпор и предотвратить высадки шведских десантов на русское побережье озера. Местом сосредоточения русских войск, откуда планировалось отправлять «плавные караваны» в озеро, стал город Ладога. Уже 27 апреля 1702 г. П.М. Апраксин докладывал царю: «Суды на Ладожское озеро казакам зделаны на отпор неприятельским воинским судам, которые у них в прошлом годе и ныне болши того будет... и меньшие, государь, суды казакам все зделаны»¹⁴¹. Из стратегических целей, распространявшихся отнюдь не только на кампанию предстоявшего года, а значительно дальше, следует отметить именной указ Петра I от 22

января 1702 г. который предписывал: «...в оборону и на отпор неприятельских свейских войск на Ладожское озеро сделать военных 6 кораблей по 18 пушек... а делать те корабли на реке Сяси, которая впала в Ладожское озеро... и на реке Паше, которая впала в Свирь, а Свирь в Ладожское озеро...»¹⁴², а также устройство водно-волокового пути от Нюхчи на южном берегу Белого моря до Повенца на северном побережье Онежского озера, получившего название Осударева дорога¹⁴³. По последней трассе в августе 1702 г. были перетащены два 12-пушечных малых фрегата «Св. Дух» и «Курьер»¹⁴⁴. Нельзя исключать из числа мотивов, побудивших царя на столь трудоемкое мероприятие, стремление получить полностью боеготовые суда на Ладоге до завершения строительства заложенных на новых верфях. Дальнейшие события показали, что, несмотря на то что «Св. Духу» и «Курьеру» не представилось случая сойтись в бою с судами шведской флотилии, они приняли действенное участие в осаде Нотебурга в сентябре – октябре 1702 г. Во время осады они располагались на корабельном фарватере в качестве заслона, дабы пресечь возможную помощь осажденной крепости, которая могла подойти из Кексгольма на судах по озеру.

Суда флотилии, находившиеся на зимовке в Выборге, открыли кампанию 15 апреля, через три дня после окончания погрузки недостающего провианта и воды, вступив под паруса. 24 апреля был пройден Ниен, а 3 мая флотилия в полном составе собралась у нотебургского бара. На протяжении последовавшего месяца суда флотилии были заняты рутинным крейсерством в шведской части озера; единственное зафиксированное приближение к русскому побережью состоялось 31 мая, когда бригантина «Ейя» была обстреляна с берега около устья Тулоксы и при прохождении деревни Андрусово¹⁴⁵. 20 мая в районе острова Коневец была захвачена одна русская лодка, которая после была направлена в Нотебург. С прибытием новых бригантин Г. фон Нумерс решил перенести свой флаг на одну из них, а именно на «Кастор». 5 июня вице-адмирал покинул «Ейю» и перевёз своё имущество на «Хабор», находясь у Кексгольма. Окончательно перенос флага завершился, по-видимому, по прибытии флотилии в Нотебург.

Активные, помимо крейсерства, действия флотилии, которые в итоге привели к боевым столкновениям с противником, начались 8 июня. Именно в этот день Г. фон Нумерсом была получена информация от нотебургского коменданта Г.В. Шлиппенбаха, который в свою очередь добыл эти сведения в результате дознания русских пленных о том, что устье Волхова готовы покинуть 8 новых русских фрегатов. Как нам известно теперь, информация, оказавшаяся в распоряжении шведов, была верна лишь в части того, что указывала на строительство фрегатов на Сясьской верфи, однако заложенные на ней в мае 1702 г. два малых фрегата были спущены на воду лишь в сентябре. Для Нумерса же полученных сведений оказалось достаточно, чтобы на следующий день, имея под своим командованием восемь судов флотилии, вступить под паруса и направиться к волховскому устью. О дальнейших событиях вице-адмирал рапортовал королю: «...по прибытию на предполагаемое место, я выстроил флот в надлежащий порядок и дал "шведский сигнал"¹⁴⁶, для того чтобы обозначить своё присутствие и вынудить врага выйти, но противник не появился»¹⁴⁷. Из-за того, что в составе этого отряда отсутствовала бригантина «Ейя», которая в это время силами своего экипажа проводила кренгование судна у Кексгольма¹⁴⁸, определить по шканечному журналу точные даты и хронометраж передвижений отряда не представляется возможным. Тем не менее через некоторое время, видя бесперспективность дальнейшего пребывания в данном районе, флотилия взяла курс на северо-восток к устью реки Воронежки. 14/15 июня на подходах к устью с судов флотилии были замечены шесть русских лодок, за которыми немедленно была организована погоня на вёслах и под парусами, но русские повернули к берегу и вошли в устье реки. Шведские суда, встав на якорь, начали высадку десанта на берег. С судов было сведено

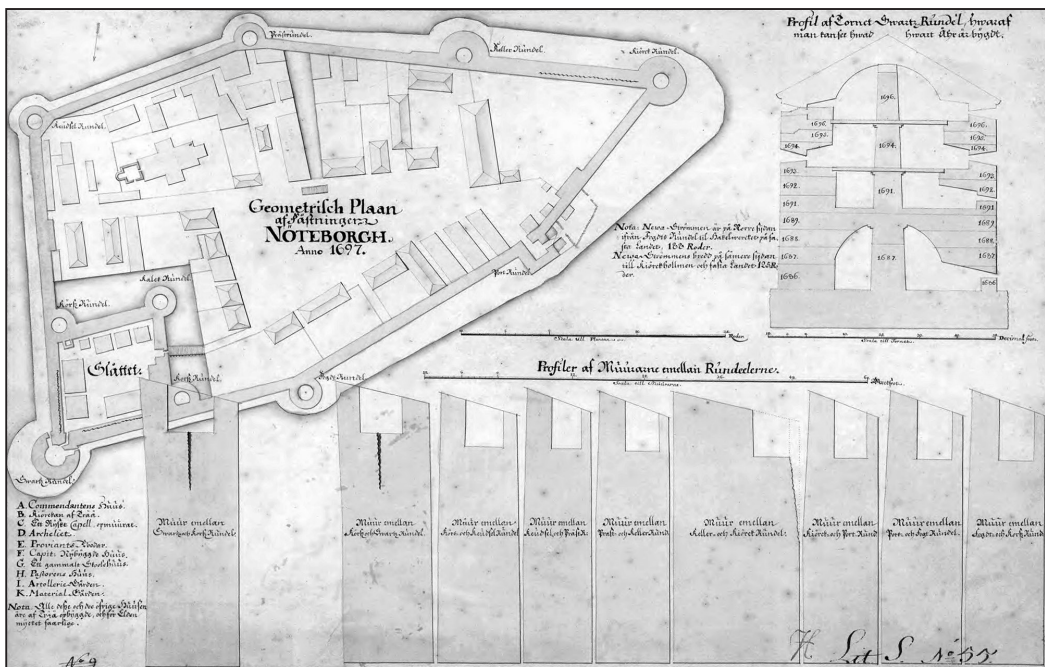
до 100 солдат морской пехоты и часть экипажей судов. Помимо прочего, десант должен был постараться захватить на берегу языков, от которых Г. фон Нумерс намеревался получить информацию о противнике. Однако всё население бежало в лес при появлении флотилии, и десант, не встречая сопротивления, начал разграбление двух «боярских» поместьев и нескольких хуторов. Были обнаружены большие запасы зерна, но по причине спешки вывезти его не представилось возможным и оно было предано огню. Обнаруженная домашняя скотина была заколота, а мясо было перевезено на суда для нужд экипажей. Об этой высадке сохранились сведения с русской стороны. Так, П.А. Кротов приводит выдержку из рассказа пономаря М. Варфоломеева олонецкому воеводе И.Я. Яковлеву: «...приходили на Шуряйской Нос неприятельские люди — шведы — и разорили и пожгли пять деревень, только людей ни единого человека не взяли: все ушли в лес»¹⁴⁹. Небезынтересны слова Г. фон Нумерса, объяснявшие действия десанта при высадке у Воронежки: «Я не мог воспрепятствовать финским солдатам, которые были полны решимости отомстить за жестокие и нечеловеческие убийства и поджоги, учинённые врагом ранее на Монсенсаари»¹⁵⁰.

На последнем упоминании о рейдах русских следует остановиться отдельно. Согласно докладу воеводы П.М. Апраксина царю¹⁵¹, из состава, находившегося под его командованием полка Г.А. Янковского, были выделены 400 солдат и офицеров под оперативным командованием подполковника П.И. Островского, который до весны 1702 г. находился «у строгого дела» на Волхове. Они были направлены «плавным караваном» в Ладожское озеро «в неприятельскую сторону». Численность судов, составлявших русский отряд, в российских источниках и трудах не указывается. Однако встречающиеся в шведских источниках 16–18 «ладей» не дают повода усомниться в надёжности этих данных, поскольку при общей численности посаженных на них четырёх сотен солдат, это предполагает около 25 человек на один струг, что, в свою очередь, совпадает с принятой средней вместимостью струга в 25–30 человек¹⁵². Дата отправки отряда неизвестна, однако вполне вероятно, что это произошло в те же дни либо чуть раньше, когда шведская флотилия взяла курс на устье Волхова. Противники разминувшись, и если шведы остановились у Воронежки, то русский отряд направился в район Кексгольма. Логичным будет предположить, что курс отряда пролегал вдоль русского берега озера на север, поскольку, выйдя на открытую воду, отряд при определённых обстоятельствах и погодных условиях мог стать лёгкой добычей для более мореходных и вооружённых артиллерией судов шведской флотилии. Подтверждением выбора данного курса может служить то, что на своём пути отряд совершил высадки на острова Валаам и Мантсинсаари, находящиеся севернее широты Кексгольма. Подробностей касательно десантов на острова и дат П.М. Апраксин не сообщает, но если Г. фон Нумерсу было известно о них и их последствиях, то они наверняка имели место до 14/15 июня. Вполне вероятно, что именно об этих высадках русских докладывал в Комиссию по обороне комендант Выборга А.Г. Линдйельм, хотя в его рапорте они датированы 23 июня¹⁵³. Он сообщает, что в этот день русский десант высадился на острове Валаам, на котором находились пять крепких крестьянских ферм и некоторое количество небольших хуторов. В результате нападения все строения были сожжены и погибли 12 человек¹⁵⁴, остальным жителям удалось скрыться, и впоследствии они покинули остров. Домашняя скотина была заколота, часть была взята на суда, а то, что не уместилось на лодках, было брошено. Далее русский отряд спустился к югу, достигнув побережья Кексгольмского лёна и «в тех местах разорили и пожгли 52 деревни и многих тутошних жилацких людей побили»¹⁵⁵. После завершения этого рейда отряд П.И. Островского тем же маршрутом отправился обратно к русскому берегу. На подходах к устью Воронежки им была обнаружена шведская флотилия, десантные партии с которой, «пригребши на берег, жгут и разоряют... деревни».

Шведская флотилия после десанта у Воронежки 14/15 июня крейсировала на небольшом удалении от русского берега. В тот же день были замечены две крупные лодки, которые также заметили шведов и немедленно повернули к берегу, в погоню за ними был отправлен К. Вильгельмс на «Гедане». Как потом сообщал вице-адмирал¹⁵⁶, одна из лодок гружёная мукой и рожью была потоплена орудийным огнём, а вторая была брошена экипажем, который предварительно сбросил за борт большую часть груза. Несмотря на это, шведам досталась сама лодка и четыре бочки пороха, который был распределён между судами флотилии. Захваченное шведами за последние дни имущество на борту «Гедана» было отправлено в Нотебург. В течение последующих полутора недель флотилия продолжила крейсерство в озере, часть кораблей ходила к Нотебургу, в частности адмиральская бригантина «Кастор», где командующий съехал на берег и отправился в Ниен. В это же время к основной части флотилии присоединилась бригантина «Ёйа», закончившая работы по очистке корпуса. 22 июня Г. фон Нумерс вернулся из Ниена, и после проведения военного совета вечером того же дня флотилия вступила под паруса. Через два дня шведские суда были на траверзе Андрусово, держа курс на юго-запад и продвигаясь вдоль русского побережья.

Точный корабельный состав находившихся в тот момент под командованием Г. фон Нумерса судов неизвестен, по информации П.М. Апраксина, у шведов было «8 шкут». В то же время наверняка известны имена трёх судов, которые отсутствовали, а именно «Астрильд», «Гедан» и «Ешен». Гарантированно участвовавшие в деле «Кастор», «Ёйа» и «Аборен» оставляют тем самым на пять «вакантных мест» шесть «кандидатов» («Тор», «Один», «Хабор», «Фрига», «Диса», «Поллукс») из общего состава флотилии в кампании 1702 г.

С опорой на выявленные источники с обеих сторон¹⁵⁷, дальнейшее развитие событий видится следующим образом. В пятницу 27/28 июня шведская флотилия вновь подошла к устью реки Воронежки. В четыре часа пополудни на борту «Кастора» состоялся военный совет, на котором было принято решение произвести высадку на берег. Невозможность подойти близко к берегу для осуществления высадки заставила шведов бросить якорь за три версты от устья. Единственным вооружённым судном флотилии, способным на обеспечение высадки непосредственно у берега, оказалась дубель-шлюпка «Аборен». Начавшийся своз десантных партий на лодках и шлюпках, зашедших в реку, завершился к восьми часам вечера. В общей сложности на берегу оказалось до 400 шведов, в том числе около 300 солдат морской пехоты и моряки из состава команд судов. По всей видимости, командующий лично принимал участие в высадке. Начавшееся разграбление прибрежных хуторов не продлилось долго, поскольку в девять часов со стоявших на якоре судов заметили двигавшийся с севера русский отряд из шестнадцати «15–16-вёсельных ладей с 60–70 человеками на каждой, вооружёнными мушкетами и пиками». Отряд П.И. Островского, прибывший на место разворачивавшихся событий, начал на вёслах спускаться на противника, намереваясь отрезать находившихся на берегу шведов от своих судов, тем самым лишив их возможности отступления. Как только Г. фон Нумерс получил информацию о приближающемся отряде русских, он немедленно отдал сигнал к отступлению. Шведский десант бросился обратно к своим лодкам и в спешке начал отходить к судам, отстреливаясь от также открывших огонь и приближающихся русских стругов. Г. фон Нумерс позже писал, что при отходе несколько лодок замешкались и три замыкающих отход шлюпки попали под шквальный огонь русских. Дубель-шлюпка «Аборен», находившаяся в самом арьергарде, оказалась окружена русскими стругами. «Аборен» продолжила ружейным и орудийным огнём отбивать атаки противника и через полтора часа смогла пробиться через заслон русских судов. Малые глубины и слабый ветер привели к тому, что из состава стоявших на якоре судов флотилии лишь «Ёйа» смогла приблизиться достаточно близко,

Ил. 7. План укреплений Нотебурга. 1697 г. (Военный архив. Стокгольм)

чтобы поддержать возвращающийся десант огнём своих пушек. Согласно реляции вице-адмирала, «Ёйе» даже удалось потопить два русских струга, хотя в шканечном журнале самой бригантины подобная информация отсутствует¹⁵⁸. После того как шведам удалось вернуться на суда, русский отряд поднялся вверх по реке.

Каждая из сторон поспешила отрапортовать о собственных успехах, так П.М. Апраксин докладывал царю: «...неприятельских людей твои государевы ратные люди побили больше 150 человек», шведы также не остались в стороне, сообщая о «множестве убитых и раненых», оставшихся на русских ладьях. Субъективно завышая потери противника, собственные потери стороны тем не менее представили куда менее внушительными. Так, с русской стороны «начальных людей порутчиков 2 человек, солдат 6 человек ранили да убито до смерти солдат саратовских и самарских 5 человек». Потери шведов были соизмеримы: 15 раненых, среди которых были лейтенант Г. Веннерштен, 4 унтер-офицера и 10 нижних чинов, и 12 человек убитых, в том числе 4 унтер-офицера и 8 матросов и солдат. Большая часть шведских потерь среди личного состава пришлось на дубель-шлюпку «Аборен».

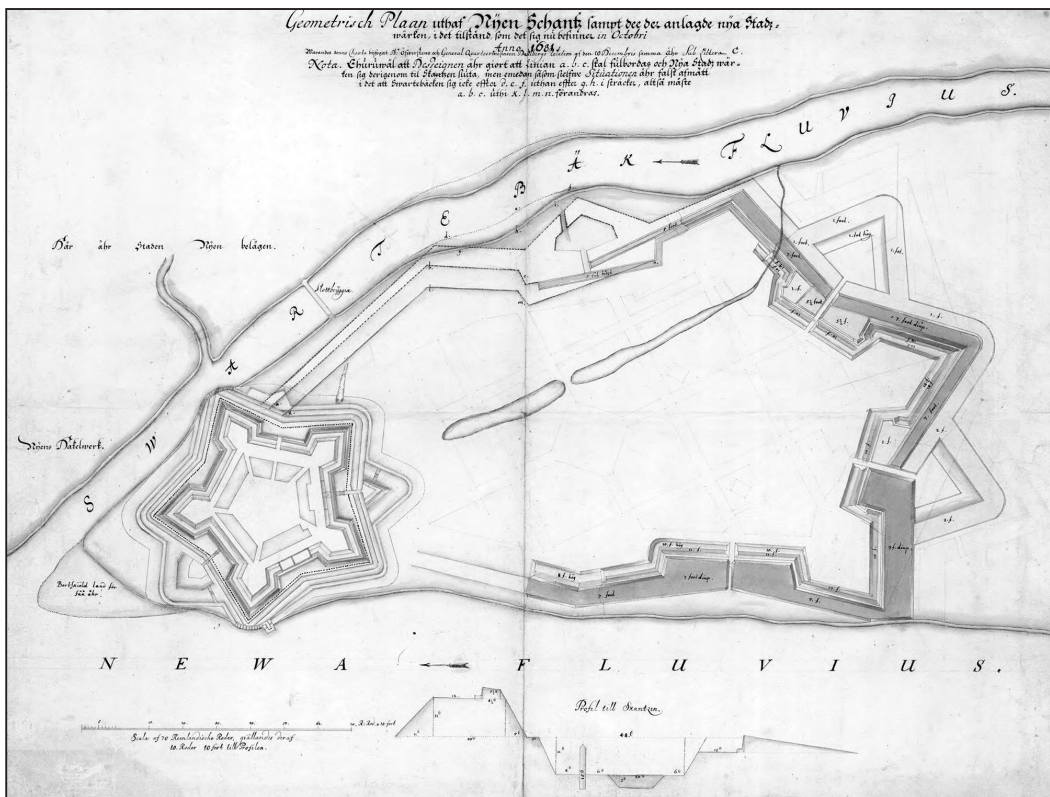
Результат боевого столкновения нельзя однозначно принять как победу одной из сторон, хотя если расценивать его через призму стоявших перед противниками задач, то предотвращение разорения очередного поселения на своём побережье можно занести в актив русскому отряду. Поспешность, с которой шведский десант ретировался на суда флотилии, можно связать с неверной оценкой шведского командующего сил противника и решительностью, с которой русские пошли в атаку. Г. фон Нумерс также впоследствии сетовал на отсутствие в его распоряжении других малых вооружённых судов флотилии, благодаря которым, по его мнению, можно было бы полностью уничтожить неприятеля.

Несоответствие в датах произошедшей стычки между противниками, которая по шведским данным случилась 27/28 июня, а по русским 14/15 июня, объясняется просто. Все российские исследователи, так или иначе освещавшие данные события, ошибочно трактовали фразу в письме П.М. Апраксина «нынешняго июня в 15-й день пришли неприятельские швейские 8 шкутов...»¹⁵⁹ за дату боевого столкновения. Между тем это упоминание П.М. Апраксина относится к первой высадке шведов у Воронежки, а столкновение имело место быть уже при возвращении «плавного каравана» П.И. Островского.

После боя шведская флотилия на протяжении суток оставалась в данном районе, держась в двух милях от устья реки, после чего вступила под паруса и направилась в Кексгольм для того, чтобы свезти на берег раненых. На якорь в устье Вуоксы флотилия встала 30 июня. В последующие два месяца флотилия не имела более или менее значимых встреч с противником и продолжала крейсерство в озере как в составе отрядов, так и одиночными плаваниями судов. Единственным источником, позволяющим отследить их перемещение в эти месяцы хотя бы отчасти, как и ранее является шканечный журнал бригаантины «Ёйя». И вновь кажущаяся хаотичность передвижений «Ёйи» и некоторых других упомянутых в журнале судов не позволяет судить о мотивах и замыслах командующего, однако описанные переходы и крейсерства происходили исключительно в шведской акватории озера. Не исключено, что активизировавшийся противник, совершавший рейды на шведские берега озера, заставил Г. фон Нумерса отказаться от набегов на прибрежные поселения и поиска отрядов неприятеля, державшихся на мелководье, и сосредоточиться на крейсерстве и патрулировании у собственного берега в попытке предотвратить русские десанты, а также обезопасить судоходство между Кексгольмом и Нотебургом. Записи в журнале «Ёйи» фиксируют постоянное дежурство шведских судов у Нотебурга в заливе, который сейчас носит название Бухта Петрокрепость. 31 июля к берегу у Кобоны высылались шлюпки, чтобы сжечь замеченное на побережье рыбацкое становище и находившиеся там же рыбацкие лодки¹⁶⁰. 11 августа в том же районе у островов Зеленцы с «Ёйи» были замечены 36 русских лодок, двигавшихся на вёслах и под парусами. По ним был открыт огонь, в ответ также велась ружейная стрельба, насколько позволяло расстояние. Вскоре русский отряд отвернул на мелководье, и шведы, не имея возможности преследовать его дальше, легли на курс к Нотебургу¹⁶¹.

Отсутствие в распоряжении Г. фон Нумерса судов, способных навязать бой русским стругам и карбасам на прибрежных отмелях, заставило его вновь направить в Адмиралтейств-коллегию предложения о наиболее подходящих типах судов для действий на озере. По его мнению, это должны были быть либо эспинги, вооружённые, так же как «Гедан» двумя 6-фунтовыми орудиями и шестью 3-фунтовыми фальконетами, с осадкой 2–3 фута, либо 12–16-баночные «галеры», которые он мог бы использовать «для преследования хитрого противника, который не желает встречи на глубине»¹⁶². В отношении ряда судов флотилии у Г. фон Нумерса также имелись претензии. Он писал, что от «дубовых кораблей»¹⁶³ слишком мало пользы: «Тор» имел слишком большую осадку и оказался плохим ходоком под парусами, «Хабор» же прогнил и в целом бесполезен¹⁶⁴. Прошение вице-адмирала к Адмиралтейств-коллегии отказаться от этих судов было отклонено, но он получил заверения в том, что в кампанию следующего года ему будут предоставлены ещё две бригаантины¹⁶⁵.

Касательно действий русских флотилий и отрядов в период после описанного боя 27/28 июня выявленные сведения носят отрывочный характер, по сути, ограничиваясь несколькими письмами царю П.М. Апраксина¹⁶⁶ и его же «Журналом шведских служб». Согласно этим источникам, по приказу окольничего государя был снаряжен плавный караван из тридцати стругов с посаженными на них 750 солдатами и офицерами полка И.А. Тыртова¹⁶⁷. Полковник И.А. Тыртов, переведённый на Ладогу со своим полком всего

Ил. 8. Э. Дальберг. План укреплений Ниеншанца с проектом новых городских укреплений. 1681 г. (Военный архив. Стокгольм)

лишь несколькими месяцами ранее, в мае – июне 1702 г., участвовал в боях со шведской Дерптской флотилией К.Г. Лёшерна на Чудском озере, один из которых закончился захватом яхты «Флундран» 30/31 мая¹⁶⁸. У отправленного в озеро, по всей видимости в первых числах августа, отряда И.А. Тыртова «со многими их неприятельскими шкутами были... бои ис пушек многою стрельбою не по одно время, и отпор неприятелем дан крепкой, от чего принуждены от него отступить к самому Орешку и к своему берегу». Столь обобщённое описание не позволяет выяснить, о каких именно столкновениях идёт речь, хотя это могли быть стычки и перестрелки наподобие той, запись о которой сохранилась в шканечном журнале бригаантины «Ёйа» от 11 августа, упомянутая выше. Налёты на шведское побережье в Кексгольмском лёне продолжались. Так одна из зафиксированных в документах высадок произошла, когда русский отряд на лодках вошёл в реку Авлогу и, поднявшись по ней, захватил мызу Матокса. В плен попали сам хозяин с домочадцами и родственниками и ещё около двадцати мужчин и женщин. Трофеями русских, помимо прочего, стали 29 ружей и триста ручных гранат.

В конце августа, 28/29 числа произошло очередное столкновение противников. Данные об этом бое ограничиваются лишь несколькими упоминаниями в письменных источниках с обеих сторон¹⁶⁹, не позволяющими в полной мере раскрыть детали. Согласно этим документам события разворачивались следующим образом.

Из шведского отряда, несшего дежурство в районе Нотебурга, были выделены корабль «Тор» и дубель-шлюпка «Ешен». Корабельный состав отряда неизвестен. По русским данным, он насчитывал шесть выпелов. Отделившиеся суда направились к мысу Ледна-удд¹⁷⁰, где командир «Тора» обер-лейтенант Х. Хусман 29 августа отдал приказ дубель-шлюпке продвинуться дальше на мелководье для наблюдения за возможными передвижениями противника. В семь часов утра с «Ешена» был замечен русский отряд, выходящий из устья реки¹⁷¹ и состоявший из 36 ладей и 15–16-вёсельных «галер», в числе которых также находились «один хорошо вооружённый прам и большая шкута». Данную численность русского отряда нельзя принять как единственно верную, поскольку несколькими днями позже Г. фон Нумерс докладывал королю о 33 русских выпелах. Также сомнения вызывают данные о праме и крупной шкуте. Вероятно, за них шведами были приняты более крупные по размерам струги в отряде И.А. Тыртова, возможно вооружённые небольшими орудиями. После обнаружения русских «Ешен» вернулся к «Тору». Очень слабый ветер не позволил шведам ретироваться, и было принято решение принять бой. Известно, что во время боя «Ешен» находился на буксире у «Тора». В качестве предположения можно выдвинуть версию о том, что, видя неизбежность боя, Х. Хусман мог отдать приказ экипажу дубель-шлюпки перейти на корабль, сконцентрировав силы в единственном очаге обороны и тем самым усилив свою позицию. Численность оборонявшихся можно определить лишь ориентировочно. На двух судах находилось 65–70 человек команды и до 50 солдат морской пехоты.

Русский отряд, бросившийся в атаку на вёслах, стремился как можно скорее выйти из-под орудийного огня «Тора», который на тот момент был вооружён десятью 3-фунт., двумя 1-фунт. орудиями и тремя 24-лотовыми¹⁷² фальконетами. Русские струги, приблизившись к шведам, окружили суда и пошли на абордаж. Не имея возможности более использовать артиллерию, шведы пустили в ход ручные гранаты, зажигательные ядра и мушкеты. Первый штурм был отбит, так же как и все последовавшие за ним. Во время одного из абордажей был захвачен флаг шведского корабля. Видя невозможность взять штурмом неприятельский корабль, русские предприняли попытку его потопить. Зайдя со стороны незащищённой кормы, нападавшие взялись за топоры и начали рубить корпус в районе ватерлинии. Корабль получил пробоину и начал набирать воду. Х. Хусман отдал приказ срочно переташить одно из орудий в кормовую каюту и стрелять картечью через окна каюты. Благодаря этому нападение со стороны кормы удалось отбить, а течь устранить. В ходе боя канаты, соединявшие два шведских судна, были перебиты выстрелом, и русским в качестве трофея досталась дубель-шлюпка «Ешен», на которой после были найдены «припасы, да пушка медная, немалая, и знамена, и несколько гранат ручных и ружья».

Несмотря на слабый ветер, из числа оставшихся судов шведского отряда на помощь окружённым судам попыталась прийти шнява «Астрильд». Подойдя на расстояние, когда детали разворачивавшегося боя можно было видеть в подзорную трубу, перед командиром шнявы открылась картина с окружённым многочисленными русскими стругами «Тором» со сбитой крюйс-стенгой, перебитым такелажем и превратившимися в лохмотья и забрызганными кровью парусами. Шведский корабль, как показалось командиру «Астрильда», был уже захвачен противником, и, опасаясь оказаться в такой же ситуации, шнява отвернула назад. Схватка меж тем продолжалась вплоть до часу пополудни, когда русские оставили дальнейшие попытки овладеть «Тором» и отступили.

Потери сторон доподлинно известны только со шведской стороны. Единственным павшим в бою среди россиян, о котором имеется упоминание, является командующий отряда полковник И.А. Тыртов, который «ис пушки картечем убит». Несмотря на описание

произошедшего боя как ожесточённого и кровавого, шведские потери оказались относительно небольшими. Безвозвратные потери команд судов составили три человека: штурман «Тора» Ханс Рупп и два матроса-волонтёра. В число санитарных потерь вошло 12 человек, среди которых был и командир корабля¹⁷³. Ранения, полученные им, были тяжёлыми, и, как сам Х. Хусман писал об этом в 1715 г., «одна пуля прошла через нос и рот, сильно повредив язык и нёбо и выбив два зуба, другая мушкетная пуля попала сзади в голову и отстрелила мизинец на левой руке»¹⁷⁴. Из состава прикомандированных на суда морских пехотинцев убитыми и ранеными было потеряно 8 человек. Описания же нанесённого противнику урона в живой силе вполне ожидаемо завышено до фантастического уровня: так, П.М. Апраксин писал о более чем 300 уничтоженных шведах, последние также не остались в стороне, записав на свой счёт 500 человек павших россиян.

Подавляющее большинство трудов в нашей стране указывают на такие корабельные потери противника: «...шкют швецких 2 сожгли, 1 потопили, 2 взяли, на которых было 6 пушек». Первоисточником для них явилась «Гистории Свейской войны»¹⁷⁵, в которую в свою очередь вошли данные из «Журнала» П.М. Апраксина, направленные письмом на имя кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова от 30 ноября 1720 г.¹⁷⁶. Данные из «Журнала» в корне отличаются от его же П.М. Апраксина донесения царю в сентябре 1702 г., где он сообщает о бое и захвате отрядом полковника И.А. Тыртова одной неприятельской шкуты¹⁷⁷. Остаётся неизвестным, какие мотивы двигали П.М. Апраксиным при составлении собственного боевого формуляра, было ли это желание преумножить свои успехи либо простая забывчивость по прошествии восемнадцати лет от описываемых событий. Справедливости ради стоит отметить, что впервые на данные разночтения в шведских потерях обратил внимание С.И. Елагин. Однако, не располагая достаточными данными из шведских источников, с одной стороны, и имея такого исторического «тяжеловеса» как «Гистория» — с другой, он ограничился нейтральной формулировкой о результатах боя для шведов: «...лишившись в этом деле нескольких судов»¹⁷⁸.

Взятая фраза из «Журнала» П.М. Апраксина о направлении отряда полковника И.А. Тыртова: «для разорения Кексгольмского уезду»¹⁷⁹, — также послужила основанием для некоторых авторов перенести место произошедшего боя к Кексгольму. Благодаря привлечению шведских источников, удалось установить, что шведский отряд нёс дозорную службу в районе между мысами Морьин Нос и Ледна-удд, и именно у последнего имело место столкновение между противниками.

В российской историографии распространено мнение, что именно этот бой послужил причиной свёртывания операций и отвода шведской флотилии с Ладожского озера. Однако такую точку зрения вряд ли можно принять как верную, поскольку вывод судов из озера, начавшийся в первых числах сентября, в точности совпадает с таковым в 1701 г. и означает запланированное завершение кампании. Суда один за другим проходили через бар и швартовались у Нотебурга. Днём 12 сентября на борту флагманской бригантины «Кастор» состоялся военный совет, а вечером того же дня суда флотилии снялись с якоря и взяли курс на Ниен. Утром на следующий день корабль «Тор» выскочил на камни, точное местоположение его крушения неизвестно, но наиболее вероятным кандидатом являются Ивановские пороги в среднем течении Невы. Снять с камней «Тор» не представлялось возможным, и было принято решение оставить его, предварительно свежая корабельное имущество. С помощью команд подошедших судов в течение дня на берег удалось свезти все орудия, боезапас и наиболее ценные вещи¹⁸⁰. После почти недельного пребывания в Ниене 20 сентября флотилия отплыла в Выборг. Значительным отличием от кампании предыдущего года стало то, что в 1702 г. единственным местом для зимовки судов флотилии был избран Выборг.

Г. фон Нумерс мотивировал своё решение тем, что у Нотебурга отсутствует приемлемая гавань, а пребывание в Ниене может быть небезопасным из-за возможных рейдов русских отрядов с южного берега Невы¹⁸¹. После полудня 27 сентября флотилия, состоявшая из «Кастора», «Поллукса», «Одина», «Хабора», «Фриги», «Дисы», «Ёйи», «Астрильда», «Гедана» и «Аборена», ошвартовалась у Выборгского замка. 30 сентября был проведён военный совет с участием всех командиров судов. 10 октября команды разместились на зимних квартирах. Так завершилась кампания 1702 г.

Кампания 1703 г.

Одновременно с выводом флотилии из кампании 1702 г. произошло событие, напрямую отразившееся на её дальнейшем существовании: 26/27 сентября русскими войсками был взят в осаду и после штурма 11/12 октября вынужден был капитулировать Нотебург. Его падение фактически перекрыло водный доступ шведским судам из Балтийского моря в Ладожское озеро, и автоматически это означало, что Ладожская флотилия как подразделение перестало существовать. Тем не менее, формально это название продолжало использоваться ещё некоторое время в отношении шведских военных судов, находившихся в восточной части Финского залива. Более верным было бы назвать это подразделение Ниенской эскадрой, однако это название вошло в обиход лишь в кампаниях последующих лет¹⁸², либо Выборгской флотилией, название, которое также встречается в ряде документов. По сути, дальнейшее повествование выходит за рамки заявленной темы исследования, однако, по нашему мнению, события, разворачивавшиеся в кампании 1703 г., могут расцениваться как логическое завершение тех усилий, которые противники прилагали, чтобы, с одной стороны, удержать Ладогу, а с другой — чтобы овладеть этим водным театром.

В сложившихся обстоятельствах после потери Нотебурга перед флотилией, находившейся под командованием Г. фон Нумерса, были поставлены абсолютно иные, нежели ранее задачи. 14 апреля А. Линдйельм в своём письме в Комиссию по обороне выразил опасения, которые были очевидны для многих шведов, находившихся в Ингрии. А. Линдйельм писал, что русские наверняка не остановятся на захвате Нотебурга и двинутся далее, то есть попытаются взять Ниен и занять невисское устье. Это письмо в результате материализовалось в приказе Комиссии от 24 апреля Г. фон Нумерсу немедленно выйти в море для патрулирования побережья восточной части Финского залива, и Невской губы в частности, чиня при этом всевозможный урон неприятелю в случае его обнаружения. Одновременно с этим приказом Адмиралтейств-коллегия получила указание ускорить отправку из Карлсруны подкреплений для флотилии Г. фон Нумерса. Дело в том, что несколькими месяцами ранее в результате обширной переписки было принято решение усилить флотилию путём направления из Карлсруны четырёх фрегатов и четырёх бригантин¹⁸³.

Поступавшие от Г. фон Нумерса на протяжении кампаний прошлых лет предложения по обновлению корабельного состава флотилии в соответствии с требованиями, предъявляемыми к плавсредствам самим театром военных действий, получили большой резонанс в Адмиралтейств-коллегии. На заседаниях коллегии в сентябре 1702 г. несколько раз поднимался вопрос о наилучшем типе судов для акватории Ладожского озера. Адмирал Ф.Э. Таубе вызвал на одно из заседаний капитана М. Блума, имевшего опыт службы в Померании и знакомого с так называемыми «морскими ботами»¹⁸⁴. По его словам, это были плоскодонные суда длиной 70–80 футов, с балластом и в полной загрузке имевшие осадку всего лишь 3 фута, а при необходимости они могли вооружаться 10–12

небольшими орудиями. Данное предложение, однако, не нашло должной заинтересованности среди членов Коллегии. Позже поднимался на обсуждение вопрос по строительству предложенных Г. фон Нумерсом эспингов. Это предложение было тоже отвергнуто на основании контраргументов В. фон Росенфельта, что при осадке в 4–5 футов эти суда будут непригодны для постоянного движения на вёслах; тем самым они будут не лучшими судами для использования в штилевую погоду. Президент коллегии Х. Вахтмейстер выступил с предложением о постройке галер, и, несмотря на возражения Ф.Э. Таубе о слабом вооружении галер, его мнение взяло верх, и заключение коллегии было направлено Г. фон Нумерсу¹⁸⁵. Так совпало, что командующий флотилией независимо от Коллегии пришёл к такому же мнению, изложив своё видение касательно галер в письме в Карлскруну от 18 сентября 1702 г.¹⁸⁶. Опираясь на выработанные предложения, Адмиралтейств-коллегия запросила увеличения бюджета на кораблестроительные нужды на 1703 г. в размере 10 184 далеров. Данная сумма не была утверждена Казначейством. Однако Коллегия всё же изыскала средства на постройку двух полугалер предназначавшихся для пополнения флотилии. Это были парусно-гребные суда с 7–9 парами вёсел, длиной 40–45 футов и осадкой в 4 фута. Первое из них, «Стёварен», было спущено на воду уже в октябре 1702 г., а второе, «Мьёхунден», в апреле следующего года.

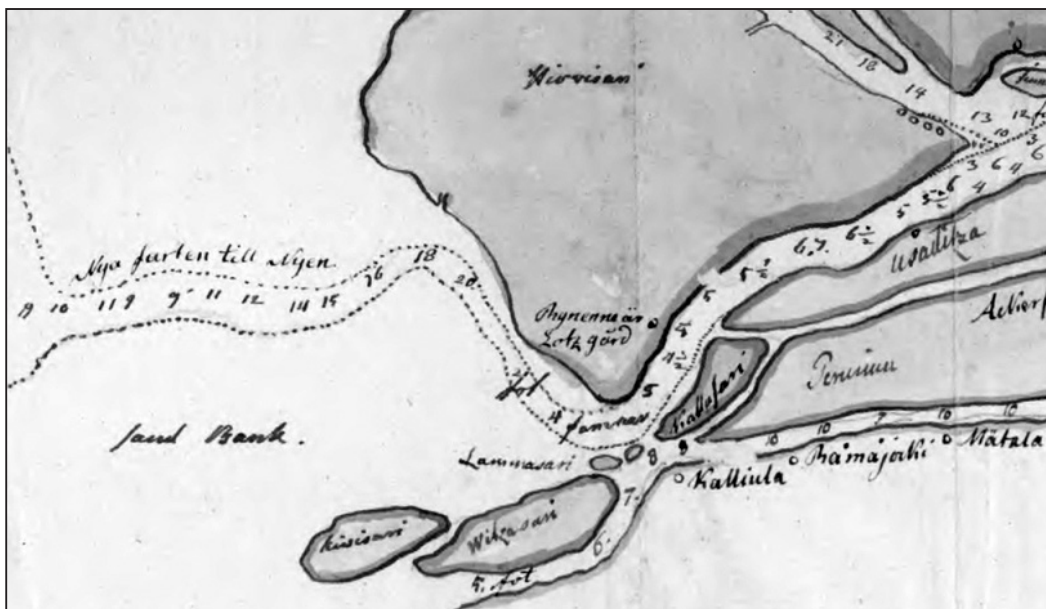
Находившиеся в Выборге суда флотилии под командованием Г. фон Нумерса начали кампанию во второй декаде апреля. После погрузки балласта, провианта, пива и воды 28 апреля суда снялись с якорей и на вёслах начали отходить от Выборга. Во всех шведских источниках сообщается, что численный состав флотилии, действовавшей в Финском заливе в мае 1703 г., насчитывает девять вымпелов, однако, как указано выше, в Выборге зимовали десять судов. Какое из судов было оставлено в Выборге, а также причины его оставления остаются невыясненными. Наиболее вероятным кандидатом нам видится бригантина «Диса», поскольку это имя единственное не встречающееся в описаниях событий. Через пять дней в шесть часов вечера в пятницу 4 мая флотилия подошла к невшкому устью, встала на якорь и на борту бригаантины «Ёйа», которую в кампании этого года Г. фон Нумерс вновь избрал своим флагманом, состоялся военный совет.

Описанию последующих событий в российской историографии посвящено огромное количество работ, статей, заметок. Общепринятая растиражированная версия событий в общих чертах представляет произошедший бой как первую российскую победу на море, и, более того, его дата официально вошла в календарь как дата основания Балтийского флота России. Несмотря на кажущуюся всестороннюю изученность предмета, ряду моментов в его описании не хватает аргументированности и явно прослеживается его одностороннее представление. Дабы исключить нагромождение фактов, в качестве источников информации по русской версии событий были отобраны три современные работы, по нашему мнению, наиболее адекватно освещающие события на невшком взморье, а именно исследования П.А. Кротова, П.Е. Сорокина и А.М. Шарымова¹⁸⁷, а также фундаментальный источник «Гистория Свейской войны». В немалой степени уточняющими и дополняющими, а отчасти и опровергающими детали устоявшейся картины произошедших событий, являются шведские архивные и опубликованные документы. В качестве основных источников со шведской стороны привлечены письма и донесения Г. фон Нумерса, шканечные журналы бригаантины «Ёйа» и корабля «Один», краткая автобиография и реляция штурмана «Астрильда» Эммануэля Вернера, а также рапорт констапеля Томаса Весслинга. Поскольку темой настоящего исследования заявлено описание действий шведской флотилии, в основу описания событий легли именно шведские документы.

1/2 мая после почти недельной осады русскими войсками под началом генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева пала крепость Ниеншанц, а 3/4 мая ничего не знавший об этом Г. фон Нумерс прибыл к невшскому устью. Стоит сказать, что составители «Гистории» указывают на обнаружение неприятельской флотилии вечером 2/3 мая¹⁸⁸ караульщиками под командованием М. Щепотева, располагавшимися на острове Витсасаари (Гутуевский)¹⁸⁹. Поскольку флотилия вечером указанного дня стояла на якоре в полумиле от западной оконечности Ретусаари (Котлин), её обнаружение на таком расстоянии видится более чем сомнительным. Из-за штилевой погоды и слабого ветра, поднявшегося после полудня, Г. фон Нумерсу понадобился целый день 3/4 мая, чтобы дойти от Ретусаари до невшского устья. После созванного в 8 часов вечера военного совета командир «Одина» получил приказ крейсировать между устьем и стоянкой флотилии. На следующее утро, к 4 часам утра, «Один» вновь присоединился к флотилии, которая через три часа снялась с якорей и лавировала при слабом остовом ветре у вершины Невской губы. К вечеру суда флотилии бросили якорь на глубине 3 сажений.

Широко известен факт обмена сигналам — «шведским лозунгом» — между флотилией и якобы отвечавшим ей Ниеном. Достоверно определить в какой из дней нахождения флотилии около устья имел место быть этот обмен сигналами не представляется возможным, так же как и его очередность. Согласно русским источникам, первыми заявили о своём прибытии шведы, которые «учинили в город лозан о своём приходе — ис пушек 2 выстрела»¹⁹⁰. Г. фон Нумерс напротив сообщал в своём рапорте о том, что противник три раза стрелял на «шведский лозунг», на который он отвечал¹⁹¹. Принимая во внимание, что Б.П. Шереметев получил приказ стрелять «ввечеру и поутру» и то, что сигнал подавался трижды, выдвинем предположение, что продолжалось это на протяжении всего дня 4/5 мая и утром следующего дня.

Утром 5/6 мая вице-адмирал вновь собрал на «Ёйе» совет, правда, на этот раз для всех штурманов флотилии. Ими был получен приказ провести промеры глубин в устье, а именно южного фарватера, известного как «Новый путь к Ниену», который, несмотря на сложные условия и будучи более извилистым и мелководным, использовался судами не менее часто, чем северный. П.Е. Сорокин, проанализировавший гидрографическую карту Невы 1701 г., выполненную К. Элдбергом (*Ил. 9*), так описывает данный фарватер: «Вход в узкий фарватер был обозначен со стороны залива двумя бакенами в виде плавающих бочек — северной и южной. Далее по краям его ограждали вежи. На берегу острова, немного южнее устья реки Черная, имелись створные знаки — высокая сосна и два знака, стоявшие на заднем плане. При входе в фарватер ориентировались на створ высокой сосны, росшей на берегу, с южным знаком, от пятой вежи на фарватере — с северным. У самого берега фарватер резко поворачивал на юго-восток и далее следовал в непосредственной близости берега вплоть до входа в Большую Неву. В южной части Васильевского острова, в нескольких сотнях метров от устья Большой Невы, на её берегу при впадении небольшой речки, располагалось поселение лоцманов»¹⁹². Поскольку оставленные ещё 28/29 апреля на берегу три роты русских солдат¹⁹³, уничтожили все вежи на фарватере, шведам предстояло самостоятельно восстановить проход. Фактически промером занимались «Один», «Поллукс», «Хабор» и «Гедан», а также шлюпки, имевшиеся при них. Суда на вёслах медленно поднимались по фарватеру; около полудня на берегу у лоцманского хутора были замечены около семи русских солдат, по которым «сделали один выстрел из баса и три мушкетных»¹⁹⁴. Русские немедленно бросились наземь и вскоре скрылись в прибрежном кустарнике. По возвращении судов, в два часа пополудни, вся флотилия снялась с якорей и крейсировала на

Ил. 9. К. Элдберг. Гидрографическая карта реки Невы. Фрагмент Невского устья. 1701 г. (Военный архив. Стокгольм)

протяжении часа, а затем вновь встала на якорь неподалеку от бакенов на входе в фарватер. В шесть часов вечера на одном из судов подняли сигнал, что к северу, возможно, наблюдаются семь русских лодок. Для проверки одной из бухт на острове Хирвисаари (Васильевский), в которой якобы скрылись лодки, были направлены «Гедан», «Астрильд», «Фрига» и шлюпка с «Поллукса», однако через два часа они вернулись, не обнаружив противника.

На следующее утро, в пять часов утра, вверх по фарватеру с приказом произвести рекогносцировку были направлены шнява «Астрильд» (командир обер-лейтенант Г. Вернфельт), эспинг «Гедан» (командир обер-лейтенант К. Вильгельмс) и дубель-шлюпка «Аборен» (командир унтер-лейтенант Х. Шмидт). На протяжении нескольких часов шведские суда поднимались по фарватеру, у южной оконечности Хирвисаари шнява и эспинг остановились, а дубель-шлюпка подошла к берегу с намерением произвести высадку. Как только десантная партия с «Аборена» оказалась на берегу, из прибрежных зарослей раздался мушкетный залп. Добиться попаданий русским, ожидавшим подхода шведов, не удалось, ни один из них даже не был ранен. Шведы, в свою очередь не предпринимая попыток организовать какое-либо подобие обороны, бросились обратно к шлюпке. Находившиеся неподалеку «Астрильд» и «Гедан» произвели бортовой залп из орудий по появившимся из кустарника русским солдатам, полагая, что они намереваются пойти на abordаж дубель-шлюпки. Все находившиеся на берегу шведы успешно вернулись на борт, за исключением одного, матроса Улофа Бома, который замешкался и в итоге попал в плен.

Численность солдат и матросов, участвовавших в данной стычке, неизвестна с обеих сторон, так же как точное место и причина, побудившая шведов произвести высадку. В российских документах указывается, что шведы высадились с намерением взять лоцмана на хуторе, однако Г. фон Нумерс в своём рапорте пишет, что несколько человек сошли на берег

для «приготовления обеда»¹⁹⁵. Как бы то ни было, но после данного столкновения шведские суда не стали задерживаться и поспешили отойти обратно к месту стоянки флотилии, прибыв обратно и отдав якорь в шесть часов вечера. Практически сразу же «Астрильд» и «Гедан» оставили якорную стоянку и вновь направились вверх по фарватеру.

Столь поспешное возвращение двух судов на ранее занимаемую позицию требует уточнения. Воспоминания очевидца событий штурмана «Астрильда» Э. Вернера на первый взгляд дают исчерпывающий ответ¹⁹⁶. Согласно Э. Вернеру, после возвращения судов к флотилии у командиров «Астрильда» и «Гедана» состоялся разговор с командующим, который проходил на повышенных тонах. Вице-адмирал был в ярости от того, что суда вернулись обратно, и якобы произнёс, что только он вправе решать, что делать и когда стрелять, поэтому «Астрильд» и «Гедан» должны были немедленно вновь направиться к Ниену. Г. Вернфельт и К. Вильгельмс в один голос ответили, что это невозможно. Пришедший в ярость Г. фон Нумерс повторил свой приказ и произнёс: «Я отправлюсь туда (вверх по реке. — *Д.С.*) только в случае, если никто не вернется назад!». На этот выпад обер-лейтенанты запросили письменный приказ, и после получения оного немедленно отбыли на свои суда и вступили под паруса. Сомнение вызывает тот факт, что Э. Вернер в своих воспоминаниях, записанных через 25 лет после описываемых событий, настолько точно цитирует слова, которыми обменивались офицеры флотилии. Более того возникает вопрос, как ему, простому штурману, стали известны детали разговора, который должен был происходить на флагманском корабле и наверняка с глазу на глаз? В связи с этим нельзя исключить долю литературного вымысла со стороны Э. Вернера в попытке придать более эмоциональную окраску своему рассказу. Однако, несмотря на высказанные сомнения, в остальном оснований не доверять Э. Вернеру нет, поскольку указываемые им подробности совпадают с таковыми, перечисленными в его же краткой автобиографии, написанной сразу по возвращении и русского плена¹⁹⁷. Данная автобиография носила формальный характер и писалась для Адмиралтейства; по назначению она схожа со «сказками», записывавшимися со слов русских офицеров. Рапорт Г. фон Нумерса не столь информативен и сообщает, что суда были направлены для «наблюдения за противником и предотвращения возможного подхода к нему подкреплений».

Ушедшие вверх по фарватеру суда через три часа достигли того же места, где произошла утренняя стычка, и встали на якорь. Около девяти часов вечера на флагманской бригадине «Ёйа» был получен сигнал от командира бригадины «Кастор» Ю.К. Вильгельмса¹⁹⁸ о том, что он наблюдает 9–10 русских лодок,двигающихся под берегом по направлению к двум ушедшим вверх по фарватеру шведским судам. Г. фон Нумерс немедленно отправил бригадину «Фрига» для поддержки шнявы и эспинга. Дубель-шлюпка «Аборен» также снялась с якоря и, двигаясь на максимально возможной скорости, должна была передать Г. Вернфельту и К. Вильгельмсу приказ немедленно возвращаться. «Аборен», подойдя на достаточное расстояние, передал приказ на «Астрильд» и «Гедан», однако ответ командиров этих судов был, что уже слишком поздно, и они приложат все силы, чтобы защитить себя в случае необходимости. «Аборен» вернулся к флотилии в половине одиннадцатого вечера. Остаётся неясным, почему командиры Г. Вернфельт и К. Вильгельмс посчитали возвращение невозможным. Указываемые в некоторых русских источниках наступившее безветрие либо противный ветер не подтверждаются шканечными журналами судов шведской флотилии. Согласно последним весь день 6/7 мая дул умеренный зюйд-остовый ветер, то есть попутный для выхода из устья Невы. Однако, возможно, сложность фарватера и наступившая темнота заставили командиров судов держаться от попыток вернуться обратно.

Исходя из того, что якорная стоянка «Астрильда» и «Гедана» была в прямой видимости с флотилии, эти суда находились в самом устье Большой Невы, а не поднялись вверх по течению, как, к примеру, указывал в своём историческом сочинении-воспоминании офицер петровского флота Дж. Ден¹⁹⁹. Тем самым подтверждаются данные «Гистории» и выводы, сделанные П.Е. Сорокиным²⁰⁰, о том месте, где находились шведские суда, а именно: между южной оконечностью острова Хирвисаари и островом Ламасаари (Подзорный), располагавшемся на слиянии рек Фонтанки и Екатерингофки, чуть ниже по течению Большой Невы.

В это время со стороны русских шла активная подготовка к противодействию шведским судам, свободно перемещавшимся по фарватеру и Неве. Подробности этой подготовки и дальнейшее развитие событий в российской историографии общеизвестны и в целом повторяют повествование «Гистории». Согласно ей, «капитан от бомбардиров (Пётр I. – Д.С.) и порутчик Меншиков (понеже иных, на море знающих, никого не было) в 30 лодках от обоих полков гвардии, которые того ж вечера на устье прибыли и скрылись за островом, что лежит противу Катерингофа к морю. И перед светом половина лодок поплыли тихою греблюю возле Васильевского острова, под стеною оною лесу, и заехали оных (шведов. – Д.С.) от моря, а другая половина с верху на них пустилась»²⁰¹. П.А. Кротов в своей во многом революционной работе выявил документы, по которым лодок было «толко с небольшим 20», кроме гвардейских полков в бою принимали участие также солдаты Архангелогородского, Вятского и Пермского полков (переименованы с 1708 г.), а также привёл веские аргументы, поставившие под сомнение непосредственное участие в бою царя и А.Д. Меншикова²⁰². Согласно тому же исследованию, прямое командование русскими лодками с abordажными партиями осуществлял подполковник Н.А. Неитерт. Численный состав русских отрядов доподлинно неизвестен, однако отталкиваясь от количества лодок, можно сделать предположение о 500 солдатах и офицерах с небольшим допуском в ту или иную сторону.

На якорной стоянке шведские суда стояли таким образом, что «Гедан» располагался чуть выше по течению. По неизвестным причинам его командир К. Вильгельмс находился на борту «Астрильда», и, когда после одиннадцати часов вечера с «Гедана» обнаружили приближающиеся русские лодки, с него криком подали сигнал. К. Вильгельмс немедленно приказал гребцам шлюпки доставить его обратно на своё судно, чтобы лично возглавить оборону. Точное время начала боя указано в журнале «Одина» — русские пошли в атаку в четверть двенадцатого. Атакованный первым и находившийся выше по течению «Гедан» подвергся атаке той части русского отряда, которая зашла на шведов из под берега острова Хирвисаари.

Отсутствие документальных источников от участников событий из числа экипажа «Гедана» не позволяет достоверно восстановить картину боя, разворачивавшегося вокруг эспинга. Э. Вернер сообщал, что из-за темноты он не мог видеть происходившее на «Гедане». Очевидно, что К. Вильгельмс сумел подняться на борт вверенного ему судна и организовал оборону. Огонь из орудий по приближавшимся русским лодкам шведы вели до тех пор, пока позволяла дистанция. Когда противник пошёл на abordаж, для командира эспинга стала очевидна неизбежная потеря судна, в связи с чем он отдал приказ его взорвать. По всей вероятности, данная попытка уничтожить судно взрывом не увенчалась успехом, поскольку в рапорте Г. фон Нумерса фигурирует только «поднятая палуба»²⁰³, что наверняка явилось результатом внутреннего взрыва. В abordажной схватке на борту эспинга оберлейтенант К. Вильгельмс погиб. Выжившие члены экипажа «Гедана», находясь в русском плену, сообщили своим соотечественникам из экипажа «Астрильда», что К. Вильгельмс сражался отчаянно и перед смертью ещё раз приказал затопить судно выстрелом в трюм, однако осуществить это не удалось и «Гедан», захваченный русскими, остался на плаву.

Практически одновременно с «Геданом» началась атака на «Астрильда» вторым русским отрядом. Со шнявы также был открыт орудийный и мушкетный огонь, русские лодки, не имевшие орудий, стремились как можно быстрее сократить дистанцию для абордажа противника, в чём в итоге преуспели. Фактически в самом абордаже на два шведских судна участвовало лишь восемь лодок²⁰⁴. В разгаре боя командир окружённого русскими лодками «Астрильда» обер-лейтенант Г. Вернфельт, по воспоминаниям Э. Вернера, вскочил на фальшборт и, держась одной рукой за фок-ванту, закричал: «Пощады!» — но мгновением позже был сражен мушкетным выстрелом, который отбросил его на брашпиль. Последними словами командира, обращёнными к штурману, были: «Ради Иисуса, взорвите её!». Во исполнение этого приказа Э. Вернером вместе с ещё одним унтер-офицером, двумя матросами и денщиком командира были заложены пороховые заряды в кормовой части шнявы. Последовавшим взрывом корпус «Астрильда» раскололо на две части от гакаборта вплоть до грот-мачты. Шнява села на грунт. Взрыв, произошедший на «Астрильде», находит своё подтверждение и в русских источниках, однако, как писал А.Д. Меншиков, причиной его стало то, что «от ручных гранат порох запален и люди неприятельские все побиты»²⁰⁵. Взрыв положил конец сопротивлению шведов, и скоротечный бой на этом закончился. Время окончания боя также зафиксировано в журнале корабля «Один» — без четверти двенадцать. Оставшиеся в живых шведы были выловлены из воды и свезены на берег. Тело командира «Астрильда» обер-лейтенанта Г. Вернфельта обнаружено не было.

При анализе сохранившихся документальных источников со шведской стороны очевидным становится противоречие с закрепившейся в российской историографии версией о захвате *двух* (курсив наш. — Д.С.) судов, упоминание о которых не позволяет говорить о каких-либо полученных ими серьёзных повреждениях. Более того, это впечатление, помимо писем и реляций, подкрепляется росписями захваченного на судах имущества²⁰⁶ и хорошо известными гравюрами захваченных «Астрильда» и «Гедана», изготовленных по рисункам П. Пикарта, находившегося в тот момент в русском лагере во главе походной типографии и выполнившего зарисовки с натуры. Если о починке «Астрильда» можно судить по косвенным указаниям в русских источниках, то упоминания о возможных судоподъёмных работах шнявы отсутствуют полностью. Напротив, в шведских источниках имеется описание «Гедана» на следующее утро после боя с борта бригаантины «Ёйя», гласившее: «Наблюдали около 100 русских лодок, окруживших накренившийся "Гедан", стоящий напротив песчаного бара»²⁰⁷. Состояние же «Астрильда» после боя, как будет видно далее, характеризуется шведами не иначе как «останки».

Ещё одно несоответствие русской и шведской версий произошедшего боя заключается в том, что указания на попытки шведских судов отойти под парусами и на вёслах с места боя обратно по фарватеру также не находят подтверждения со шведской стороны.

Потери сторон заслуживают отдельного упоминания. Несмотря на подробную роспись в «Истории» шведских потерь, проверить эти данные не представляется возможным, поскольку судовые роли «Гедана» и «Астрильда» на кампанию 1703 г. выявить не удалось, таким образом, общая численность экипажей шведских судов и прикомандированных на них солдат доподлинно неизвестна. Цифра 77, приводимая в «Истории», при сравнении с численностью команд этих судов в кампаниях прошлых лет не даёт оснований сомневаться в её правдоподобии. Там же говорится о 59 павших шведах²⁰⁸, что также вполне вероятно с допустимым отклонением в большую или меньшую сторону. В отношении потерь россиян, лишь недавно П.А. Кротовым было выявлен документ, согласно которому у русских было лишь «2 убито да 3 человека ранено»²⁰⁹. Не отрицая ожесточённость схватки и не

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

умалая храбрости шведов и русских, непропорциональность потерь противников наводит на мысль, что наибольшие потери в личном составе шведских судов могли быть вызваны взрывами зарядов при попытках уничтожить собственные суда.

Данные о численности попавших в плен шведов, мигрировавшие во все последующие российские исследования из «Гистории», указывают на то, что «в полон взято: штурман 1, матрозов и салдат 17, кают-юнг 1»²¹⁰. Однако если в численном отношении эти данные практически совпадают с информацией в шведских источниках, то их разнесение по званиям требует уточнения. Списочный состав шведских военнопленных с указанием чинов и корабельной принадлежности сведён в таблицу (Табл. 4)²¹¹.

Таблица 4

Судно	Звание	Имя
«Астрильд»	Констапель	Эрик Эренклу†*
	Штурман	Йоран Боргман
		Эммануэль Вернер
	Боцман	Петер Мальм†
	Матрос	Андерс Страндман
		Улоф Матарп
		Монс Мобак
		Отто Фриск
		Матс Линдмарк
		Ханс Аспегрен
		Матс Фриск
	Кают-юнга	Юхан Снар
«Гедан»	Штурман	Карл Доблетт†
		Карл фон Вердт
	Матрос	Якоб Хупенфельт
		Эрик Рэп
		Хиндрик Эрн
		Йоран Фриск
	Солдаты	Клас Стадиг
		Эрик Йеллер
		Монс Эрн
«Аборен»	Матрос	Улоф Бом
* † - скончался от ран.		

Таким образом, в русском плену без учёта скончавшихся от ран и матроса с эспинга «Аборен», захваченного днём ранее, оказались 3 унтер-офицера, 13 нижних чинов и двое юнг.

Утром следующего дня 7/8 мая, в четыре часа утра, на «Ёйе» был поднят сигнал к сбору всех командиров судов флотилии на борту флагманской бригантины. Результатом проведённого военного совета стало решение направить на берег парламентарера под белым

флагом. В качестве парламентёра был выбран констапель Томас Весслинг, который должен был передать письмо от Г. фон Нумерса русскому коменданту Ниена. В этом письме вице-адмирал просил не чинить вред шведским посланникам, а также, взывая к традициям всех христианских наций, просил позволения узнать о судьбе своих соотечественников попавших в плен, их нуждах и т. д.²¹².

До наших дней сохранились две версии реляции Т. Весслинга о посещении русского лагеря. Одна из них, переложённая Г. фон Нумерсом в форме собственного рапорта в Адмиралтейств-коллегию, естественно, не предполагавшего чересчур подробного описания, а также это собственноручно составленная Т. Весслингом подробная реляция. Копия последнего документа была выявлена финским историком Юлли Рамсё в коллекции Шведского Дворянского собрания в начале прошлого столетия и опубликована в 1914 г.²¹³. Однако данная публикация осталась практически неизвестной в России. Изобилующая подробностями реляция Т. Весслинга, по нашему мнению, заслуживает того, чтобы быть приведённой полностью в настоящем исследовании.

«В год 1703, мая 8 дня, я был направлен благородным господином вице-адмиралом Гидеоном фон Нумерсом на небольшой лодке вместе с двумя матросами в лагерь противника, чтобы узнать о судьбе офицеров бригаantin "Астрильд" и "Гедан", о том, кто остался в живых, а кто попал в плен. В 4 часа пополудни я добрался до останков "Астрильда", где был встречен двумя ладьями. Я ударил в барабан и поручил одному из матросов встать впереди, держа белый флаг вместо (обычного. – Д.С.) флага. К нам подошла одна из ладей, и я перешёл в неё. Там я пожал ему (офицеру. – Д.С.) руку и был хорошо принят. Он заговорил со мной по-русски, но я не мог ничего понять. Затем подошла вторая ладья, и её командир заговорил со мной по-немецки. Я спросил о двух наших матросах в маленькой лодке, и он уверил, что им не причинят вреда. Затем командир ладьи снял с меня шляпу, надел повязку на глаза, связал руки за спиной и усадил в ладью. Так я оставался до тех пор, пока мы не прибыли в лагерь выше Ниенской новой лесопильни. Когда я ступил на землю, двое солдат отвели меня к палатке командующего Шереметева. Сначала с меня сняли повязку, а затем развязали руки. После он спросил меня, с какой целью я прибыл и что мне нужно. Я ответил, что прибыл от флота и передал ему письмо, которое мне дал господин вице-адмирал Гидеон фон Нумерс. После прочтения письма, он спросил у меня, кто связал мне руки. Я ответил, что не знаю. Командир (ладьи. – Д.С.) заговорил с ним по-русски, и сразу в палатку зашли два человека сняли с него красный камзол и заставили лечь на землю. Один разместился в ногах, а другой у головы и начали сечь кнутом с такой силой, что у человека со спины отделялись куски плоти. По окончании командующий спросил, повесить ли этого человека. Я запросил пощады для этого человека. Он ответил мне по-голландски, что достаточно будет одного моего слова, тогда я попросил милости для него и человека отпустили. После этого командующий спросил, насколько силен наш флот. Я ответил, что Его Превосходительство наверняка знает об этом лучше меня. Также спросил он меня, какие у нас корабли. Я ответил, что на каждом по 24 орудия и 80 человек, не считая солдат.

Затем меня отвели в палатку к генералу Шаумбургу²¹⁴. Там я встретился с Монсом Эрном, кают-юнгой и денщиком лейтенанта Килиана Вильгельмса. С ним я поговорил немного об офицерах, о том кто из них выжил, а кто погиб. Ответ был такой, что он ничего об этом не знает. Сразу после этого его увели из палатки.

Вечером генерал послал своих людей подать вина, а когда его принесли, он поднял бокал за Его Королевское Величество, короля Швеции. Мы выпили, а я провозгласил тост за Царя Московии, и мы также выпили. Генерал после сказал: "Это очень скверное вино, упросите господина адмирала прислать мне немного вина". Затем он спросил меня

о голландских кораблях, прибытие которых ожидалось вскоре и которые он хотел, чтобы господин адмирал пропустил, если на них не будет контрабанды. Я ответил, что господин адмирал, несомненно, знает своё дело лучше меня.

Затем мы сели за стол и за едой генерал произнёс тост за морских офицеров. Затем мы выпили за все тосты присутствовавших офицеров армии царя. За столом было очень много разговоров, суть которых я не могу припомнить. После еды генерал приказал подать трубки и табак, и я выкурил с ним трубку. Он говорил о том и о сём, я как мог ему отвечал. После он отправился почивать. В палатке остался майор с несколькими офицерами, и я вынужден был остаться с ними и продолжить выпивать. Ближе к рассвету они разошлись, а меня проводили в другую палатку, где я должен был спать, там для меня уже было приготовлено место, устланное подушками из камчатной ткани.

Утром я отправился к генералу в палатку и попросил его любезного позволения мне вернуться обратно к флоту. Он ответил мне, что об этом ему необходимо переговорить с командующим, после чего вышел и отправился к нему. Я вышел вместе с офицером и от него узнал, что предстоят похороны покойного господина лейтенанта Килиана Вильгельмса.

Его тело было уложено в великолепный дубовый гроб обитый тканью и погребено на погосте при шведской церкви. Церемонию провёл священник из крепости.

Затем к полудню я вернулся в лагерь и отправился к генералу, но получил ответ, что он почивает. Когда он принял меня, мы сели за стол и обедали. Я спросил его, не проявит ли он милость, разрешив мне поговорить с нашими пленными, что мне и было обещано после обеда.

Прибыл князь Александр Меншиков с верховым от царя; меня спросили, не желаю ли я говорить с комендантом Ниена. Я ответил, что почту за честь переговорить с ним. Он (Меншиков. – Д.С.) сказал: "Вот мой конь, садись позади меня". Я ответил, что пойду пешком, тогда он снова повторил, чтобы я сел на его коня. Когда я сделал это, мы с другими офицерами отправились к нашим людям.

Я разговаривал с комендантом Аполловым и майором Моратом²¹⁵, я поприветствовал его от себя лично и от имени вице-адмирала. Он поинтересовался, прибыл ли я от флота, на что я ответил утвердительно. Он также сказал, что получил письмо господина вице-адмирала от 17 апреля, но добавил, что генерал Шереметев прочёл его раньше него. Он попросил, чтобы я передал господину адмиралу, что Ниен пал мая 2 дня, после того как был штурмован дважды. Майор сказал мне, что царь взял себе шпагу погибшего лейтенанта Килиана Вильгельмса и носит её на своём боку, как память.

Более я не говорил с ним и верхом вернулся в лагерь. Когда я прибыл туда, меня отвели к князю Александру. После я побывал в другой палатке, где встретил господина капитана Паткуля. Мы разговаривали с ним о Ниене. Он сказал, что комендант Аполлов мог продержаться дольше, но у него было всего 8 мортир. Пуль имелось в достатке, но не имелось ружей. Он также рассказал о четырёх золоченых яхтах и шестивёсельном, также золочёном боте. А когда он покидал Ладогу, то видел несколько фрегатов выше Нотебурга. Он также рассказал мне, что противник намеревается идти на Нарву и царь намерен взять у Его Королевского Величества, короля Швеции, только то, что принадлежит его стране. Более с князем я не разговаривал. Вечером мы ужинали и разговаривали о мелочах.

10 мая я отправился в палатку генерала, чтобы поинтересоваться и напомнить об обещанной мне милости. Он ответил, что сделает всё, что в его силах и отправится к губернатору Шлиссельбурга²¹⁶, который находился в Ниеншанце, чтобы напомнить обо мне. Когда генерал вернулся, мне дали его лошадь, и я отправился с ним к госпиталю, где находились наши пленные. Мы проехали немного вдоль берега, уперлись в болото и вынуждены

были повернуть обратно к лагерю. По дороге я видел пять барж, на которые грузили орудия и амуницию, а именно гаубицы и мортиры, ядра к которым лежали на берегу. Там были 24-фунтовые орудия, 8 гаубиц, калибр которых я не смог разобрать и 32 мортиры. Генерал спросил: "Не правда ли великолепная артиллерия?". Я ответил, что раньше не видел лучше. После мы вернулись в лагерь.

Была проведена служба на немецком, а после неё мы отправились обедать. Затем генерал вновь отправился верхом, и я поехал вместе с ним. Мы прибыли к нашим пленным. Я разговаривал с констапелем Эриком Эренклу и спросил его о судьбе офицеров; в ответ он сказал, что ничего не знает об этом. Я дал ему один двойной датский каролин, шведский дукат и одинарный шведский каролин²¹⁷, которые господин капитан Вильгельмс передал для своего сына. Генерал обменял их, дав 80 копеек за дукат, 40 копеек за датский каролин и 20 копеек за одинарный шведский, так, чтобы они разделили их между собой. Наши пленные также просили господина адмирала передать им одежду или деньги, чтобы её купить, поскольку у них осталось только по одной рубашке. Я ответил, что их просьбы будут удовлетворены, и они не будут забыты. Я оставил их, и вскоре мы уже ехали обратно в лагерь. Там с генералом я отправился к фельдмаршалу Шереметеву, где передо мной предстали трое наших пленных, а именно Отто Фриск, Эрик Рэп и ещё один аландец. Меня спросили, знаю ли я их, я ответил утвердительно и также спросил у них, знают ли они о выживших офицерах. Они ответили, что это им неизвестно и больше мне было не о чём с ними разговаривать.

Там же находился и царь, я обратился к нему, спросив, не принадлежала ли его шпага ранее господину лейтенанту Килиану Вильгельмсу. Он ответил, что это действительно его шпага, и он будет носить её как память о таком храбром воине. Царь спросил меня, почему они сражались столь отчаянно и не бежали. Я ответил, что мы следуем статьям устава, по которым мы должны либо сжечь, либо затопить (судно. – Д.С.). Тогда царь ответил: "Душу можно погубить и без принесения тела в жертву". После этого он отвернулся и направился к другим офицерам. Затем меня отвели в палатку к генералу Шаумбургу, где вечером мы ужинали. Он сказал, что было бы очень любезно, если бы господин адмирал отправил ему немного лимонов и апельсинов, а он направил бы то, в чём нуждается господин адмирал. Вскоре он отправился почивать. Утром 11 мая я пришёл в палатку к генералу Шаумбургу. Я попросил его о любезности отпустить меня обратно к флоту. Генерал отправил офицера узнать, изволил ли уже проснуться губернатор Александр Меншиков. Когда он вернулся, сообщил, что он уже поднялся. Генерал велел мне направляться к нему, и я оставил его, поблагодарив за всё его великодушие. Я пришёл к Александру Меншикову, который сказал мне, чтобы я передал приветствие господину адмиралу, и также попросил о лимонах и апельсинах, и вручил мне письмо.

Мы выпили с ним по бокалу бренди и по бокалу вина. Затем я оставил его. Меня посадили в ладью, которая направилась к устью, её командир вновь надел мне повязку на глаза и не снимал её до того момента, как мы добрались до останков "Астрильда". Я перешёл в лодку, поблагодарив командира за доброту, и отчалил от них. Когда я вышел на открытую воду, то в тумане не смог обнаружить флота на том месте, где он раньше стоял. Я продолжал грести до тех пор, пока не добрался до Ретусаари, там я увидел галеру и ударил в барабан. В сопровождении галеры я поднялся на борт флагманского корабля.

С борта бригантины "Кастор", лежащей на якоре у невского устья, 13 мая в год 1703.

Томас Весслинг»

По прибытии на флагманскую бригаантину Т. Весслинг передал вице-адмиралу письмо А.Д. Меншикова. В этом послании новый комендант Ниена говорил о возможном обмене пленными, в случае если возникнет подобная необходимость, а также о пропуске в Ниен нейтральных торговых судов при отсутствии на них контрабандных товаров²¹⁸.

Значимость боя 7/8 мая 1703 г. для россиян общеизвестна. 10 мая в походной церкви около Ниена, который уже был переименован в Шлотбург, был отслужен благодарственный молебен с троекратным залпом из пушек и ружей за «никогда прежде бывшую» морскую победу. Во время торжественной церемонии Пётр I и А.Д. Меншиков стали кавалерами ордена Св. Андрея Первозванного, а возложил на них знаки этого ордена адмирал Ф.А. Головин, первый кавалер ордена. Событие на невском взморье было отмечено чеканкой памятной медали с изображением на реверсе трофейных шведских судов и надписью «Небываемое бывает. 1703». Участники боя были награждены этими медалями — офицеры золотыми, а нижние чины получили медали, отчеканенные из серебра.

Боевое столкновение со шведской стороны напротив расценивалось не более чем эпизод, который не получил дальнейшего резонанса. Потеря двух малозначимых в боевом отношении судов не повлекла за собой официального расследования со стороны Адмиралтейств-коллегии, поскольку, наверняка, их потеря для руководства флота была обусловлена объективными причинами — хитростью противника, использовавшего условленный сигнал, сложностью фарватера, не предполагавшего возможность быстрого отхода, численным преимуществом противника и т. д.

Ожидаемая Г. фон Нумерсом эскадра под командованием шаутбенахта Карла Руута в составе четырёх фрегатов и четырёх бригаantin вышла из Карлсруны 8 мая. Через восемь дней она достигла Ревеля, а 23 мая встала на якорь на рейде Нарвы. В тот же вечер К. Руут направил к Х.Р. Хорну лейтенанта с намерением сообщить о своём прибытии. Губернатор распорядился, чтобы эскадра без промедления двигалась далее на соединение с флотилией Г. фон Нумерса²¹⁹. Утром следующего дня с восточным ветром К. Руут вышел в море и через два дня за час до полудня эскадра достигла места якорной стоянки флотилии у южной оконечности Ретусаари²²⁰. К. Руут держал свой флаг на фрегате «Дельфин»; Г. фон Нумерс выбрал своим флагманом «Профетен Юнас», оставив бригаантину «Ёйа» 27 мая.

Получив более чем значительное подкрепление, Г. фон Нумерс тем не менее уже на следующий день после прибытия К. Руута направил прошение в Адмиралтейств-коллегию и Комиссию по обороне, запросив дополнительное усиление эскадры двумя «способными» линейными кораблями с тяжёлой артиллерией и двумя бомбардирскими кечами. Своё прошение он обосновывал тем фактом, что по его информации русскими были заложены восемь крупных хорошо вооружённых, очень широких и мелкосидящих фрегатов, два из которых, вооружённые 40 орудиями, уже якобы были на подходе к Ниену. Помимо этого, вице-адмирал писал о более чем 800 малых судах, сосредоточенных в устье Невы²²¹. Как и ранее информация, которой располагал шведский командующий, была достоверна лишь отчасти. Строительство двух уже упомянутых фрегатов на Сясьской верфи шло медленными темпами, за закладку «фрегатов», вероятно, было принято начавшееся 24 марта строительство на Олонецкой верфи фрегата «Штандарт», галиотов, шмаков и буеров²²². Фрегат «Штандарт», спущенный на воду 22 августа, вышел в Ладожское озеро и взял курс на Санкт-Петербург только 8 сентября. Источники, которыми пользовался шведский командующий, нельзя назвать достоверными, поскольку уже 2 июля он докладывал в Адмиралтейств-коллегию о прибывшем к нему крестьянине и сообщившем о «5 кораблях размером с "Профетен Юнас", 2 прамах и 400 больших ладьях» в Ниене²²³.

Ил. 10. Неизвестный художник. Портрет К. Руута. Начало XVIII в. (Государственный архив. Стокгольм)

В связи с нехваткой средств, а также учитывая обязательное требование по малой осадке, прошение командующего эскадрой не могло быть удовлетворено в полной мере. Адмиралтейство смогло выделить и снарядить лишь фрегат «Штральсунд». Построенный на верфях одноименного города с учётом малых глубин прибрежных вод Шведской Померании и имевший относительно небольшую осадку, он тем не менее был вооружён 24-фунтовыми орудиями. «Штральсунд» 1 августа покинул Карлскруну и взял курс на Невскую губу. Однако вскоре после выхода дал о себе знать пятнадцатилетний срок службы фрегата, и, как докладывал его командир капитан Михаэль Блум, на переходе в Ревель корпус его давал сильную течь при свежем марсельном ветре. Добравшись до Ревеля 12 августа, «Штральсунд» вынужден был там задержаться для производства необходимого ремонта. В итоге к устью Невы фрегат прибыл лишь к концу августа²²⁴. 15 сентября в своём письме в Адмиралтейств-коллегию Г. фон Нумерс также отметил, что фрегат «слишком старый и ветхий»²²⁵, что в свою очередь заставило Коллегию в начале октября распорядиться отозвать «Штральсунд» обратно в Карлскруну.

Помимо собственно боевых судов, направленных на усиление флотилии, к эскадре К. Руута придавались также торговые суда, на которые возлагались задачи по провизионному обеспечению эскадры. Однако выход данных судов не удалось приурочить к отплытию эскадры. Наливное судно «Херцог фон Курлянд» с грузом воды и пива отправилось вслед за эскадрой 14 мая, противные ветры во время плавания сильно замедлили его продвижение. На Ревельском рейде он встал на якорь лишь 29 мая, а прибыл в распоряжение эскадры 1 июня²²⁶. Провиантский корабль «Персианске Чёпман» покинул Карлскруну 5

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

июня, также задержанный противными ветрами в Ревель, он прибыл только 29 июня; дальнейший путь до Невской губы занял ещё две недели²²⁷. До прибытия указанных судов, суда эскадры К. Руута вынуждены были отчасти пополнять запасы провизии из тех объёмов, которые первоначально предназначались для флотилии и доставлялись провиантскими ладьями из Выборга. Ещё одним судном, прибывшим к эскадре в первой декаде июля с грузом провизии на борту и остававшимся в её распоряжении до 18 июля, была «Виндава»²²⁸.

Общий перечень судов, прибывших из Карлсруны в восточную часть Финского залива в кампанию 1703 г., с росписью там, где это возможно, состава офицерского корпуса приведён в таблице (Табл. 5)²²⁹.

Таблица 5

Судно	Командир	Офицерский состав
«Дельфин»	Флаг шаутбенахта Карла Руута Капитан Херман Виблинг	Обер-лейтенант Закария Оберг Капитан ландмилиции Б. фон Шварцхоф
«Постильйон»	Капитан Юхан Хогт	Обер-лейтенант Адам Алефельт Фендрик ландмилиции Ю. Эггерс
«Снаресвен»	Капитан Карл Маннерфельт	Обер-лейтенант Вильгельм Юлленшеп Лейтенант ландмилиции Л. Фалькенберг
«Профетен Юнас»	Капитан Адам Густаф фон Клик	Лейтенант от артиллерии Густав Хенрик фон Викин Обер-лейтенант Нильс Юерс Унтер-лейтенант Георг фон Ментцер Фендрик ландмилиции О. Валленберг
«Штральсунд»	Капитан Михаэль Блум	Обер-лейтенант Якуб Закриссон Леверентц Унтер-лейтенант Готфрид Ланг
«Скорпион»	Обер-лейтенант Якуб Хоген (с 28.05 перевод на бригантину «Диса») Обер-лейтенант Андерс Сунд (с 28.05)	
«Вэдурен»	Обер-лейтенант Нильс Эренстрём	Унтер-лейтенант Антон Юхан Врангель
«Крефтан»	Обер-лейтенант Эрик Гротер (до 26.05) Обер-лейтенант Ханс Хусман (с 28.05)	Унтер-лейтенант Карл фон Шотинг (до 28.05)
«Хёкен»	Капитан Якуб Крекель	
«Юнгфрун»		
«Персианске Чёпман»		
«Херцог фон Курлянд»	Капитан Йёран Вильхельм Лейонстен	
«Виндау»		

Новость о переходе Ниена в руки русского царя вскоре разошлась по городам Европы. Европейские негоцианты и купцы увидели в этом прекрасную возможность для налаживания торговых связей с Россией уже не через Архангельск, а через новый порт на Балтийском море. В связи с этим немалое число торговых судов, в основном голландских, направились в Финский залив. Согласно докладу Г. фон Нумерса, во второй половине августа двум голландским судам удалось вплотную подойти к невшскому устью, которые попытались связаться с русскими, однако эти попытки были пресечены силами шведской эскадры. Свои действия шведский командующий мотивировал тем, что подозревал наличие контрабандных товаров на этих судах, и отчасти опасением, что после пропуска голландцев в Ниен их суда могут быть захвачены русскими и обращены против него. Это находит подтверждение в рассказе голландского шкипера, изложенном в письме от 12 августа А.Д. Меншикова царю: «Нумерс, вице-адмирал, не пускает их за таким страхом: боится того, что на тех караблях прорубят окна, поставят пушки и возмут в полон»²³⁰. Задерживая суда под предлогом наличия на них контрабанды, Г. фон Нумерс формально не выходил за рамки выполнения просьбы А.Д. Меншикова о пропуске торговых судов нейтральных стран в Ниен при условии отсутствия на них товаров, расцениваемых как запрещённые²³¹. 15 августа вице-адмирал докладывал в Адмиралтейств-коллегию о сложившейся ситуации, запрашивая дальнейшие инструкции в отношении нейтральных судов. Он также писал о задержанных генерал-губернатором Эстляндии Акселем Юлиусом Делагарди в Ревеле 13 голландских судах, подозреваемых в перевозке контрабанды. Адмиралтейство под предлогом отсутствия компетенции в коммерческих вопросах, коими, по их мнению, являлись нейтральные торговые суда, перенаправило задачу по выработке инструкций в Комиссию по обороне. Однако Комиссия не смогла подготовить вразумительный ответ до того, как эскадра ушла из Финского залива.

Количества судов, находящихся в распоряжении Г. фон Нумерса, было достаточно, чтобы перехватывать нейтральные суда, следовавшие непосредственно к устью Невы, но побережья Ингерманландии и Карелии, которые находились в руках русских, контролировать не представлялось возможным. Части судов всё-таки удавалось обходить заслон шведской эскадры. 12 августа А.Д. Меншиков сообщал о сумевших миновать шведскую эскадру шести торговых судах, пришедших к устью реки Сестры в надежде приобрести лес на лесной бирже²³². Из тех 13 голландских судов, задержанных в Ревеле, в ночь с 25 на 26 августа 9 судов тайно снялись с якорей и взяли курс во внутреннюю часть Финского залива. Командующий шведскими войсками в Лифляндии и Эстляндии генерал-майор В.А. Шлиппенбах писал, что подавляющее число изъятых ружей у захваченных в боях русских пленных изготовлено в Голландии и отчасти в Саксонии. В Стокгольме, считая, что контрабанда принимает угрожающие масштабы, направили через своего посланника в Гаагу Юхана Палмквиста ноту о недопустимости таких действий со стороны Голландии и ей оказании помощи царю²³³. Подтверждения фактам торговли огнестрельным оружием через новый российский порт на Балтике не выявлено. Первый торговый голландский корабль достоверно зашёл в порт Санкт-Петербурга в ноябре 1703 года, то есть уже после ухода эскадры Г. фон Нумерса. Его шкипер Я. Хиллебрант привёз груз вина и соли, получив, кроме платы за свой товар в виде груза леса, смол и поташа, также награду в 500 золотых как первооткрывателю Петербурга²³⁴.

Поскольку русские гребные флотилии оставались в устье Невы, а суда шведской эскадры не осмеливались заходить за невшский бар, как таковых столкновений между противниками летом и осенью не было, за исключением нескольких эпизодов с перестрелками отдельных судов эскадры с ходившими вдоль побережья русскими лодками. К примеру, 15 августа в шканечном журнале бригаантины «Крефтан» имеется следующая запись: «...выполнив поворот оверштаг, мы пошли вдоль финской стороны и увидели русских, которые

сплавляли лес, одна ладья была с многочисленными людьми, вооружёнными ружьями, по ней мы сделали множество одиночных орудийных выстрелов и выстрелов с двойными зарядами»²³⁵. Местом этой перестрелки наверняка можно считать устье реки Сестры.

Находившаяся в плавании в Балтийском море бригантина «Хёкен» после захода в Карлскруну и пополнения запасов провианта получила приказ направиться в Финский залив. Покинув базу флота 5 сентября, бригантина прибыла к месту стоянки Ниенской эскадры через десять дней²³⁶. Ещё через два дня, 17 сентября, на её борт взойшёл шатубенахт К. Руут, и «Хёкен» в сопровождении корабля «Хабор» взяла курс обратно на Карлскруну²³⁷. Выяснить причину этого раннего отзыва шатубенахта не представляется возможным. После отбытия К. Руута Г. фон Нумерс вновь сменил свой флагманский корабль, в этот раз избрав фрегат «Дельфин», ранее находившийся под флагом шатубенахта. Помимо распоряжения доставить К. Руута бригантина «Хёкен» также привезла приказ Карла XII, согласно которому местом зимней стоянки флотилии должна была стать Карлскруна²³⁸. Дело в том, что ещё весной 1703 г. вице-адмирал озабочен был вопросом поиска новой гавани для зимней стоянки флотилии. Осознание того, что русские после взятия Нотебурга приложат все усилия к тому, чтобы овладеть Ниеном и получить выход к Балтийскому морю, ставило под угрозу нахождение флотилии в Выборге. По мнению командующего, укрепления Выборга не могли полностью гарантировать защиту судов, а выборгская гавань была слишком открытой для возможного нападения по льду со стороны залива. Своё видение Г. фон Нумерс изложил в письме в Адмиралтейство²³⁹. Вслед за этим письмом последовала длительная переписка между чиновниками. Адмиралтейств-коллегия обратилась за выработкой предложений в Риксрод. Государственный совет предложил избрать местом для зимовки флотилии базу флота в Карлскруне. Коллегия в свою очередь, дабы утвердить такой выбор, обратилась к королю, который повелел, чтобы Г. фон Нумерс оставался в море так долго, насколько позволят обстоятельства и погодные условия, после чего отвёл вверенную ему эскадру на зимовку в Карлскруну²⁴⁰. И именно это приказ был доставлен Г. фон Нумерсу бригантиной «Хёкен».

Вместе с упомянутым приказом Г. фон Нумерс получил инструкции оставаться в Невской губе настолько долго, насколько позволят погодные условия. Ледостав в восточной части Финского залива обычно начинался с середины октября. 8 октября, вынуждаемая ежедневными снеговыми зарядами, обмерзанием такелажа и плавающим льдом, Ниенская эскадра в полном составе снялась с якорей и взяла курс на Карлскруну. Через неделю первые суда начали прибывать в главную базу шведского королевского флота. Однако после ухода эскадры погода в Финском заливе кардинально поменялась, и до конца октября сохранялась теплая и мягкая погода. Это послужило поводом для Адмиралтейств-коллегии выступить с обвинениями по поводу неисполнения Г. фон Нумерсом приказа и раннего оставления театра, о чём был уведомлён монарх. Пространный ответ вице-адмирала от 28 ноября 1703 г. в Комиссию по обороне свёлся к тому, что командующий уверял в своём беспрекословном выполнении приказов и инструкций, а также к тому, что предусмотреть резкую перемену погоды он был не в силах²⁴¹. На этом разбирательство по делу было приостановлено. В итоге санкции в отношении Г. фон Нумерса не были приняты.

С возвращением эскадры на зимовку в Карлскруну Ладужская озёрная флотилия перестала существовать не только фактически, но и формально. Однако повествование было бы не полным, если оставить без внимания тот факт, что планы по возрождению флотилии ещё некоторое время продолжали циркулировать между различными инстанциями шведского правительства. В письме от 13 февраля 1703 г. Г. фон Нумерс предложил организовать новую Ладужскую флотилию, которая, имея в своём составе до тридцати галер и других малых гребных судов, базируясь на Кексгольме, могла бы угрожать противнику с тыла, тем самым

оттягивая на себя часть его сил. Вице-адмирал также сообщал, что закладка двух галер в Кексгольме уже состоялась, однако для продолжения строительства требовались средства, материальные ресурсы и обученные команды²⁴². Однако данным планам не суждено было осуществиться, и в итоге идея не была поддержана президентом Адмиралтейств-коллегии Х. Вахтмейстером, считавшего отвлечение материалов для создания новой флотилии Ладожского озера «абсолютно недопустимым»²⁴³. Приоритетом Коллегии, так же как и Комиссии по обороне и Казначейства, принимавших решения по выделению денежных средств, оставался корабельный флот. С учётом неудачного опыта с первой Ладожской флотилией, в свете всё сильнее раскручивавшегося маховика военной машины, потреблявшей ресурсы Шведского королевства, галеры и прочие малые гребные суда оставались на втором плане вплоть до того момента, когда пришло осознание того, что русский царь, получивший выход в Балтийское море и в кратчайшие сроки организовавший строительство своего прибрежного флота, является хозяином положения в шхерах Финского залива.

Подводя итоги деятельности флотилии, следует подчеркнуть, что, несмотря на сжатые сроки, задача, поставленная Карлом XII по организации флотилии, была выполнена Адмиралтейством с максимально возможным на тот момент результатом. Материальная и ресурсная база одного из сильнейших на начало XVIII столетия флотов позволила осуществить оснащение, приобретение и переброску судов на будущий театр военных действий. Численный состав сформированной флотилии был достаточным для сохранения господства в акватории Ладожского озера в кампаниях 1701 – 1702 г., хотя отсутствие в её составе вооружённых гребных судов с малой осадкой не позволяло навязывать бой русским либо вести преследование отступавшего противника в прибрежных районах. Десантные операции зачастую также оставались без огневой поддержки судов флотилии. Русские же гребные отряды действовали сообразно обстановке, то есть, при неимении опыта ведения войны на море и располагая лишь малыми невооружёнными судами, они предпочитали избегать столкновений на открытой воде. Максимально полно используя численное преимущество и благоприятные погодные условия, русские атаковали отдельные шведские суда, стараясь по возможности быстро сблизиться с противником, лишив последнего возможности использовать корабельные орудия и пойти на абордаж.

Исключительно силами одной флотилии шведы не могли оставаться хозяевами положения в регионе, планы же на проведение совместных операций с сухопутными войсками корпуса А. Крунийорта несколько раз срывались из-за неудачных действий последнего. Помимо прочего, Ладожская флотилия в ситуации, отчасти схожей со шведской флотилией, организованной в Дерпте, оставалась заложником своего географического положения, а именно: отсутствие постоянной укрепленной базы на побережье озера вынуждало командование флотилии по окончании каждой кампании искать пути и способы организации зимовки судов в других, более подходящих для этого гаванях за пределами озера. Нахождение флотилии вдали от основной базы королевского флота только усугубляло её положение, выражаясь в недостаточном снабжении материальными, денежными и человеческими ресурсами.

Бесспорно то, что шведское присутствие на Ладожском озере явилось катализатором для Петра I по ускорению организации собственных озёрных сил, для которых борьба за господство на Ладоге была только первым этапом на пути к более значимой цели — выходу в Балтийское море. И хотя историческая наука не предполагает сослагательного наклонения, рискнём сделать предположение, что даже при условии сохранения потерянных шведами в 1702 – 1703 г. крепостей в Приневье кампания 1703 г. на Ладожском озере для шведской озёрной флотилии, с учётом усилий прилагаемых российским монархом для создания собственного флота, могла бы оказаться отнюдь не лёгкой, а возможно и последней.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Приложение 1

Корабельный состав Ладужской флотилии 1701 – 1702 г.²⁴⁴

(пустые ячейки в таблице означают отсутствие данных,
нулевые значения обозначены прочерком)

Имя	Спуск на воду / Включение в состав флота	Размеры (шведские футы)			Вооружение	
		Длина по штевням	Ширина	Глубина интрюма	Основное	Басы
Корабли / Каты						
«Тор»	1694 / 1701	54	16	7	8–3-фунт. 2–1-фунт.	4–½-фунт.
«Один»	1695 / 1701	68	18	7	10–3 фунт. 2–1 фунт.	3–4-лот.
«Хабор»	1692 / 1701	48	14	7	6	6
Бригантины / Шнявы						
«Ёйя»	27.06.1701	80	18	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.
«Фрига»	1698 / 1701	64	15	6	8	6
«Диса»	1686 / 1701	60	19	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.
«Астрильд»	1699 / 1701	54	12	5	4–1-фунт.	2–¼-фунт.
«Кастор»	24.03.1702	80	20	7	10	10
«Поллукс»	24.03.1702	80	20	6½	10	10
Яхты						
«Катарина»	1696	52	16	7	2	
«Нептунус»	1694	48	14	6	8	–
Эспинги/ дуббель-шлюпки						
«Лаксен»	н/д /1701	54	14	5	6 – 3-фунт.	–
«Гедан»	н/д /1701	50	14	5	6 – 1-фунт.	–
«Аборен»	н/д /1701					

I. ARTICLES

«Ешен»	н/д /1701					
Краеры						
«Чёпман аф Новгород»						
«Санкт-Мария»						
«Санкт-Брита»						

Приложение 2

Корабельный состав Ладужской флотилии / Ниенской эскадры 1703 г.

Имя	Спуск на воду/ Включение в состав флота	Размеры (шведские футы)			Вооружение	
		Длина по штевням	Ширина	Глубина интрюма	Основное	Басы
Фрегаты						
«Дельфин»	11.04.1701	100	25	9	20–6 фунт.	
«Штарльсунд»	1689	120	31	10	16–24 фунт. 12–6 фунт.	6–3 фунт.
«Снаресвен»	14.10.1701	100	25	9½	20–6 фунт.	
«Постильйон»	11.04.1701	100	25	9	20–6 фунт.	
Корабли / Каты						
«Один»	1695 / 1701	68	18	7	10–3 фунт. 2–1 фунт.	3–4-лот.
«Хабор»	1692 / 1701	48	14	7	6	6
«Профетен Юнас»	1698	100	27	10	18–8 фунт. 2–4 фунт.	–
Бригантины / Шнявы						
«Ёйя»	27.06.1701	80	18	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.
«Фрига»	1698 / 1701	64	15	6	8	6
«Диса»	1686 / 1701	60	19	7	8–3-фунт.	4–½-фунт.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

«Астрильд»	1699 / 1701	54	12	5	4–1-фунт.	2–¼-фунт.
«Кастор»	24.03.1702	80	20	7	10	10
«Поллукс»	24.03.1702	80	20	6½	10	10
«Скорпион»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Вэдурен»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Крефтан»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Юнгфрун»	10.04.1703	90	18 ½	5	14–3 фунт.	14–3 фунт.
«Хёкен»	30.11.1701	80	19	7½	8–3 фунт.	8–16 лот.
Эспинги / дуббель-шлюпки						
«Гедан»	н /д / 1701	50	14	5	6–1-фунт.	–
«Аборен»	н /д / 1701					
Торговые суда						
«Персианске Чёпман»	1695 / 1701	91	22	10		
«Херцог фон Курлянд»	1699 / 1701	111	22	12½		
«Виндава»	1701 / 1702	95	24	11		

¹ Елагин С.И. Отчёт капитан-лейтенанта Елагина о занятиях в иностранных архивах летом 1861 года // МС. 1862. №. 1. С. 227–230.

² Его же. Утверждение России на балтийском побережье // МС. 1866. №. 1. Неофиц. ч. С. 109–127.

³ Северная война 1701 – 1721 гг. : сб. документов. Т. 1 : (1700 – 1709). К 300-летию Полтавской победы / под ред. Л.Г. Бескровного и Г.А. Куманева. М., 2009. С. 106, 108–109.

⁴ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. 632 с.

⁵ Munthe A., Karl XII och den ryska sjömakten. Stockholm, 1924 ; Rosen C., von. Bidrag till kännedom om de händelser, som närmast föregingo svenska stromaktsväldets fall, 2:II Försvaret af Östersjöprovinserna. Stockholm, 1936.

⁶ Wolke L.E. Sjöslag och rysshärjningar – Kampen om Östersjön under stora nordiska kriget 1700–1721. Norstedts, 2012.

⁷ Автор настоящего исследования выражает глубочайшую признательность Бенгту Нильссону (Bengt Nilsson), научному сотруднику библиотеки Линчёпингского университета (Швеция), за

всестороннюю помощь в подготовке данной работы. Благодаря Б. Нильссону была получена возможность ознакомиться с большим количеством архивных документов по теме исследования.

⁸ Здесь и далее, кроме случаев оговоренных особо, использованы шведские единицы измерений: шведская миля = 10 688 м, шведский локоть = 0,59380 м, шведский фут = 0,2969 м.

⁹ В 1703 г. после основания Петром I в устье Волхова Новой Ладоги город был переименован в Старую Ладогу.

¹⁰ В настоящей работе рассматриваемый период времени в России и Швеции применялся Юлианский календарь (старый стиль), с тем отличием, что шведский опережал русский на один день. Оба календаря отставали от Григорианского (новый стиль), принятого к тому моменту во многих странах Европы, на 10 и 11 дней соответственно. В представленном исследовании события боевых столкновений датируются по двум календарям: старому и шведскому. В случае если речь идёт о внутренних делах Швеции или

- России, переписке между чиновниками, офицерами и т. д., то даты приведены по календарю соответствующей державы.
- ¹¹ RA. Riksregistraturet, Karl XII t. Strömfelt, Skytte, Horn. Lais. d. 6 mar. 1701.
 - ¹² Ibid. Karl XII t. Amiralitetskollegium. Lais. d. 6 mar. 1701.
 - ¹³ RA. Amiralitetskollegii registratur. 1701. N:o 82, d. 8 apr. S. 532–534.
 - ¹⁴ Лён – единица административно-территориального деления Швеции.
 - ¹⁵ Юхан Аполлов (*швед.* Johan Apolloff), урождённый Иван Григорьевич Опалев, комендант Ниена с 14 апреля 1689 г. по 2 мая 1703 г., старший сын служилого дворянина Г.Ч. Опалева, принявшего шведское подданство после того, как по Столбовскому миру поместья и земли, принадлежавшие их семье, отошли к Швеции.
 - ¹⁶ В настоящее время посёлок Куркиёки.
 - ¹⁷ *Yrjö-Koskinen G.Z.* Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. Helsingssä, 1865. S. 18.
 - ¹⁸ RA. Amiralitetskollegiums kansliet, Amiralitetskollegiums protokoll 1701, A:I, d. 1 majj. 1701. S. 95.
 - ¹⁹ На 1701 г. в состав Адмиралтейств-коллегии входили адмирал-генерал Ханс Вахтмейстер, который являлся её президентом, и три адмирала – Корнелиус Анкарширна, Вернер фон Росенфельт и Фридрих Эверт Таубе.
 - ²⁰ RA. Am. Koll. Registratur. 1701. N:o 82, d. 4 maj. S. 723.
 - ²¹ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 3 majj. 1701. S. 151.
 - ²² KrA. Am. Koll. Kansliet E II с 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Visby af jahten Catarina. d. 8 maj. 1701. S. 392.
 - ²³ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 1 majj. 1701. S. 94.
 - ²⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II с 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 25 majj. 1701. S. 216–217r.
 - ²⁵ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 3 majj. 1701. S. 154.
 - ²⁶ RA. Am. Koll. Reg. 1701. N:o 82, d. 4 maj. S. 726.
 - ²⁷ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 14 jun. 1701. S. 515.
 - ²⁸ Ibid. S. 520.
 - ²⁹ Ibid. d. 27 jun. 1701. S. 657.
- Любопытно, в документе указано, что шнява отныне будет называться «Шелдон», однако это имя вычеркнуто и надписано «Нарва».
- ³⁰ KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 1038.
 - ³¹ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 17 jun. 1701. S. 543.
 - ³² KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 1002.
 - ³³ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 27 jun. 1701. S. 567.
 - ³⁴ Ibid. d. 29 jun. 1701. S. 681.
 - ³⁵ KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 966–984r.
 - ³⁶ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 20 jun. 1701. S. 594.
 - ³⁷ KrA. Flottans arkiv. Nya nummerserien. II Avdelningen, vol. 12 b, 1702. Förteckning på Kongl. Majj:tz Öhrlogz flåtta ...
 - ³⁸ «Профетен Юнас» – 1698 г., «Рушенфельт» – 1700 г., «Волгаст» – 1705 г., «Санкт-Маркус» – 1707 г., «Уттерн» – 1704 г., «Профетен Юнас» – 1704 г., «Санкт-Юханнес Баптиста» – 1705 г.
 - ³⁹ KrA. Am. Koll., Varvskontoret D VI a:9. S. 984–1002r, 1020–1038r.
 - ⁴⁰ Ласт – мера грузовместимости судов, применявшаяся до конца XIX века. Один ласт равнялся 120 пудам, или 1,92 тонны зернового хлеба.
 - ⁴¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II с 1701:3. Stockholm. d. 27 feb. 1701. S. 85–87.
 - ⁴² KrA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 26 jun. 1701. S. 638.
 - ⁴³ Ibid. d. 20 jun. 1701. S. 593.
 - ⁴⁴ Ibid. S. 594.
 - ⁴⁵ Андерс Сунд впоследствии командовал различными судами шведского королевского флота. В 1714 г. был командиром прама «Элефант», флагманского корабля Н. Эреншёльда в Гангутском сражении, во время которого он был смертельно ранен и скончался в русском плену. Пётр I почтил присутствием церемонию похорон мужественного моряка 8 октября 1715 года (*Кротов П.А.* Гангут : сражение и корабли. СПб., 2013. С. 119, 144, 242, 283).
 - ⁴⁶ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 28 jun. 1701. S. 664.
 - ⁴⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II с 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 25 majj. 1701. S. 216–217r.
 - ⁴⁸ В настоящей работе корабельная типология приведена согласно шведским документам. В некоторых случаях одни и те же суда могли именоваться по-разному, как, к примеру, в случае со шнявами и бригаantinaми. Общепринятое в настоящее время отнесение судна к тому или иному типу в соответствии с его парусным вооружением не обязательно отражает ситуацию применительно к шведским судам начала XVIII в. Данный вопрос, заслуживающий отдельного исследования, в рамках настоящей работы рассмотрен не будет.
 - ⁴⁹ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 14 jun. 1701. S. 521.
 - ⁵⁰ Ibid. d. 27 jun. 1701. S. 653–654.
 - ⁵¹ Ibid. d. 29 jun. 1701. S. 682–683.
- Переименование корабля «Путц Век» в «Хабор» состоялось 23 июля.
- ⁵² «Лаксен», «Гедан», «Аборен» и «Ешен» в переводе на русский язык звучали бы как «Лосось», «Щука», «Окунь» и «Ёрш».
 - ⁵³ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 9 jul. 1701. S. 770.

- ⁵⁴ KrA. Krigskollegium Krigskollegii kansli, Krigskollegii brevböcker, 1701:2, d. 25 oct. 1701. S. 1741.
- ⁵⁵ Мера веса в Швеции и некоторых других странах. 1 шиффунт = 170,02 кг.
- ⁵⁶ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:2. Palmgren t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 6 aug. 1701. S. 822.
- ⁵⁷ RA. Am. Koll. Kansliet, Am. Koll. protokoll 1701, A:I, d. 5 jul. 1701. S. 740–741.
- ⁵⁸ Фрегат «Фрёкен Элеонора» построен на верфи Карлскруны Чарльзом Шелдоном, спущен на воду 11 апреля 1701 г., размерения 90×24×9 фут, вооружение в кампании 1701 г. 16 6-фунт., 2 4-фунт, экипаж 93 человека.
- ⁵⁹ RA. Am. Koll. reg. 1701. N:o 82, d. 14 jun. S. 996–998.
- ⁶⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Psilander t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 18 jul. 1701. S. 461.
- ⁶¹ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Lais. d. 23 maj. 1701. S. 394.
- ⁶² RA. M1862. Flottans Handlingar, Sjöexpeditioner Ryska kriget, 1701–1704. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Narva. d. 7 jun. 1701.
- ⁶³ Ibid. Numers t. Karl XII. Nyen. d. 13 jun. 1701.
- ⁶⁴ «Новгородский купец» (рус.).
- ⁶⁵ RA. M1376. Sub. A. Cronhjort t. Schlippenbach. Nyen. d. 5 jun. 1701.
- ⁶⁶ Ibid. Nyen. d. 10 jun. 1701.
- ⁶⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 16 jun. 1701. S. 220–221.
- ⁶⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:2. Husman t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 11 jun. 1701. S. 560–562.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ RA. M1376. Sub. A. Cronhjort t. Schlippenbach. Nyen. d. 10 jun. 1701.
- ⁷¹ Ibid. Cronhjort t. Schlippenbach. Nyen. d. 13 jun. 1701.
- ⁷² RA. Skrivelser till Konungen. Karl XII:s tid, A. 5. Cronhjort t. Karl XII. Nyen. d. 12 jun. 1701.
- ⁷³ Сидоров Д.А. Шведская Дерптская флотилия 1701–1704 г. // Меншиковские чтения : научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2014. Вып. 5 (12). С. 200–201.
- ⁷⁴ Подтверждение данным расчётам содержится в письме Г. фон Нумерса от 17 июня 1702 г., в котором он пишет, что в его распоряжении имелось 300 солдат (RA. M1862. Numers t. Karl XII. «Castor», Nöteborg. d. 17 jun. 1702).
- ⁷⁵ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Nöteborg. d. 16 jun. 1701.
- ⁷⁶ По-видимому, Г. фон Нумерс вёл счёт дням не от выхода из Ниена, а с момента входа в Неву.
- ⁷⁷ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Nöteborg. d. 16 jun. 1701.
- ⁷⁸ Таблица составлена по: RA. Amiralitetskollegiums kansliet, Amiralitetskollegiums protokoll 1701, A:I, d. 3 maj. 1701. s. 151–152; d. 6 jul. 1701. s. 750–753; d. 15 jul. 1701. s. 839; d. 23 jul. 1701. s. 904, d. 24 jul. 1701. s. 876; Ibid. Amiralitetskollegiets med efterföljares kontor. Rullor flottan. Diverse mönsterrullor
- IIa, 1701. Ibid. Sjöexpeditioner, Skeppsmönster-rullor 1701–1721, B:I, d. 5 jul. 1701; Kungliga Örlogsmannasällskapet, Örlogskommenderingar åren 1700–1719, 1720–1786.
- ⁷⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 108.
- ⁸⁰ Шведский фут.
- ⁸¹ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 3–4.
- ⁸² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. På Redeen af Nöteborg. d. 28 jun. 1701. S. 398–399.
- ⁸³ В письме королю Г. фон Нумерс уточнял, что под этой «машиной» он подразумевал разновидность лихтера (RA. M1862. Numers t. Karl XII. Dorpt. d. 4 jan. 1702).
- ⁸⁴ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Jachten «Chatrina», Konowitz. d. 9 jul. 1701; Северная война 1701–1721 гг. ... С. 109.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Ныне Никольский Адриано-Андрусовский монастырь в 25 км от Олонца.
- ⁸⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 16 jul. 1701. S. 400.
- ⁸⁸ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 404.
- ⁸⁹ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Nijen. d. 4 sep. 1701.
- ⁹⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 24 ock. 1701. S. 418r.
- ⁹¹ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 404.
- ⁹² Ibid. S. 403.
- ⁹³ Ibid. S. 405.
- Согласно шканечному журналу бригаантины «Ёйа» (KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 4) вице-адмирал перенёс свой флаг на бригантину с яхты «Нептунус». Такое разночтение можно объяснить ошибкой в идентификации яхт штурмана «Ёйи» Томаса Райалина, ответственного за ведение журнала и только прибывшего к Нотебургу.
- ⁹⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 29 aug. 1701. S. 408.
- ⁹⁵ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 5.
- ⁹⁶ Ibid. S. 5r.
- ⁹⁷ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Göija», Konowitz. d. 19 aug. 1701.
- ⁹⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Konowitz. d. 19 aug. 1701. S. 406r.
- ⁹⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 91–92.
- ¹⁰⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 29 aug. 1701. S. 408.
- Нумерс пишет о 13 захваченных на этой лодке, но очевидно, что в это число также вошли 9 человек, пленённых ранее бригантиной «Диса».
- ¹⁰¹ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigantin 'Göija', Konowitz. d. 19 aug. 1701. S. 407.

- ¹⁰² Бухта у современной деревни Заостровье, лежащей на западном побережье озера напротив острова Коневец.
- ¹⁰³ Таблица составлена по: KrA. Amiralitetskollegium, Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Visby af jahten Catarina. d. 8 maj. 1701. S. 392; Ibid. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 402–405; Ibid. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 23 maj. 1701. S. 216; Ibid. Nyen. d. 23 maj. 1701. S. 221r; KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 4r; KrA. Krigskollegium Krigskollegii kansli, Krigskollegii brevböcker, 1701:2, d. 25 oct. 1701. S. 1741; RA. M1862. Numers t. Karl XII. Nyen. d. 13 jun. 1701.
- ¹⁰⁴ Достоверные данные о командире дубель-шлюпки «Аборен» отсутствуют. Предположение о Х. Шмидте сделано по косвенным признакам. А именно: Х. Шмидт являлся одним из подписантов письма, направленного в Адмиралтейств-коллегию от имени командиров судов «Астрильд», «Гедан», «Аборен», «Ешен», оставленных на зимовку в Нотебурге.
- ¹⁰⁵ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 10 sep. 1701. S. 413r.
- ¹⁰⁶ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 26 feb. 1702.
- ¹⁰⁷ *Елагин С.И.* Утверждение России на балтийском побережье. С. 118.
- ¹⁰⁸ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Nijen. d. 4 sep. 1701.
- ¹⁰⁹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 10 sep. 1701. S. 414.
- ¹¹⁰ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 4 aug. 1701. S. 405r.
- ¹¹¹ Ibid.
- ¹¹² Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 27 aug. 1701. S. 409r–409.
- ¹¹³ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin 'Göija' till ankars ligiande under Riskalax. d. 31 aug. 1701.
- ¹¹⁴ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1701. «Göija». S. 9.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 24 oct. 1701. S. 418r.
- ¹¹⁷ Есть основания считать, что прибывший из Карлсруны в первой декаде сентября на театр военных действий корабль «Один», в связи со скорым окончанием кампании не поднимался в Ладожское озеро, а остался в Ниене в ожидании прибытия туда остальных судов флотилии.
- ¹¹⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 6 nov. 1701. S. 419.
- ¹¹⁹ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Wiborg. d. 8 nov. 1701.
- ¹²⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 12 oct. 1701. S. 414., Nyen. d. 24 oct. 1701. S. 418.
- ¹²¹ RA. Am. Koll. reg. 1701. N:o 82, d. 29 nov. 1701. S. 1813.
- ¹²² *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение военного флота Швеции в Северную войну // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2007. С. 306.
- ¹²³ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin 'Göija' till ankars ligiande under Riskalax. d. 31 aug. 1701.
- ¹²⁴ *Wolke L.E.* Sjöslag och rysshärjningar ... S. 100.
- ¹²⁵ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 27 aug. 1701. S. 414. ¹²⁶ *Wolke L.E.* Op. cit. S. 103.
- ¹²⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 27 aug. 1701. S. 414.
- ¹²⁸ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 12 oct. 1701. S. 416r–416.
- ¹²⁹ *Wolke L.E.* Op. cit. S. 103.
- ¹³⁰ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin 'Göija' i Ladoga Siön. d. 4 maj. 1702.
- ¹³¹ Ibid.
- ¹³² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1701:1. Eldberg t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 28 oct. 1701. S. 229.
- ¹³³ *Сидоров Д.А.* Указ. соч. С. 178–179.
- ¹³⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Dorpat. d. 18 jan. 1702. S. 914.
- Фактическое прибытие этих унтер-офицеров в расположение флотилии не находит подтверждения. А. Роселиус действительно впоследствии служил в Дерптской флотилии в 1704 году, получив звание лейтенанта и командование дубель-шлюпкой «Нарва»; Х. Умбехавен на август 1702 года в списках данной флотилии не числился.
- ¹³⁵ Ibid. Löschem t. Amiralitetskollegium. Dorpat d. 21 mar. 1702. S. 371.
- ¹³⁶ Ibid. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen d. 25 feb. 1702. S. 933.
- ¹³⁷ Ibid. Nyen d. 28 apr. 1702. S. 951.
- ¹³⁸ RA. Am. Koll. Reg. 1702. N:o 83, d. 22 apr. S. 538–539.
- ¹³⁹ Ibid. d. 19 maj. S. 630–631.
- ¹⁴⁰ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin 'Göija' i Ladoga Siön. d. 4 maj. 1702.
- ¹⁴¹ ПИБПВ. СПб., 1889. Т. 2. С. 256.
- ¹⁴² МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 3.
- ¹⁴³ Подробнее см.: *Кротов П.А.* Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга / отв. ред. Н.В. Кирущенко. СПб., 2011. 312 с.
- ¹⁴⁴ Подробнее об архитектуре данных судов см.: *Иванов А.В.* Проблемные вопросы атрибуции и идентификации моделей кораблей: (на примере половинчатой модели 12-пушечного фрегата «Курьер» 1702 г.) // Меншиковские чтения. СПб., 2012. Вып. 3 (10). С. 85–88.
- ¹⁴⁵ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1702. «Göija». S. 36r.

- ¹⁴⁶ Svensk lösen (*швед.*) – сигнал, принятый в шведской армии и на флоте с 1635 г., состоявший из двух подававшихся через короткое время оружейных выстрелов. В военное время использовался в качестве опознавательного сигнала между дружественными подразделениями либо судами. В торжественных случаях использовался как королевский салют и состоял из четырёх выстрелов.
- ¹⁴⁷ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin 'Castor' till ankars mellan Muria och Nöteborg Bank i Ladoga Sjöen. d. 17 jun. 1702.
- ¹⁴⁸ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1702. «Göija». S. 37r–37.
- ¹⁴⁹ Кротов П.А.: 1) Осударева дорога : 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 208 ; 2) Осударева дорога 1702 года : Пролог основания Санкт-Петербурга. С. 215.
- ¹⁵⁰ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Brigantin «Castor» till ankars mellan Muria och Nöteborg Bank i Ladoga Sjöen. d. 17 jun. 1702.
- ¹⁵¹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 135.
- ¹⁵² Кротов П.А. Зарождение регулярного флота на Балтике // История отечественного судостроения. Т. 1 : Парусное деревянное судостроение IX–XIX вв. СПб., 1994. С. 86.
- ¹⁵³ RA. ÅK 243, vol. 90. Lindehielm t. Defensionsskommissionen. d. jul. 15. 1702.
- ¹⁵⁴ По тексту письма невозможно однозначно сказать были эти люди убиты либо погибли в огне.
- ¹⁵⁵ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 135.
- ¹⁵⁶ RA. M1862. Numers t. Karl XII. d. 17 jun. 1702; 3 jul. 1702.
- ¹⁵⁷ Ibid.
- ¹⁵⁸ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1702. «Göija». S. 40r.
- ¹⁵⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 135.
- ¹⁶⁰ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1702. «Göija». S. 44r.
- ¹⁶¹ Ibid. S. 45r.
- ¹⁶² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 974 ; Nyen d. 18 sep. 1702. S. 980.
- ¹⁶³ Ekeskerp (*швед.*). Описывая подобным образом эти суда, Нумерс, вероятно, подразумевал то, что в отличие от других судов флотилии для их постройки использовалась древесина дуба.
- ¹⁶⁴ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Skep «Castor» till ankars utanför Bankar wyd Nöteborg. d. 3 aug. 1702. S. 967.
- ¹⁶⁵ Berg L.O. Karolinsk flotta. Studier // Forum Navale. Nr 25, 1970. S. 20.
- ¹⁶⁶ Письмо от 24 августа 1702 г. (ПИБПВ. Т. 2. С. 388–389); письмо от 6 сентября 1702 г. (Северная война 1701–1721 гг. ... С. 141).
- ¹⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 315 (Материалы для истории русского флота). Оп. 1. Д. 1951. Л. 16.
- ¹⁶⁸ Сидоров Д.А. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁶⁹ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 141 ; KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 973–975 ; RA. M1862. Numers t. Karl XII. d. 17 jun. 1702.
- ¹⁷⁰ Шведское название мыса; в настоящее время мыс официального названия не имеет, на нём расположена деревня Леднёво.
- ¹⁷¹ Вероятно из реки Кобона.
- ¹⁷² Лот – единица измерения массы и веса, равная 3 золотникам, или $\frac{1}{32}$ фунта, или 12,79726 г.
- ¹⁷³ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 975.
- ¹⁷⁴ RA. M1862. Husman t. Riksrådet. Carlsrona. d. 15 sep. 1715.
- ¹⁷⁵ ГСВ. С. 217.
- ¹⁷⁶ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия её в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1, кн. 3. Прил. I, № 24 : Журнал шведских служб, или Боевой формуляр ближнего окольничего Петра Матвеевича Апраксина за 1700–1706 гг. С. 33.
- ¹⁷⁷ Северная война 1701–1721 гг. ... С. 141.
- ¹⁷⁸ Елагин С.И. Утверждение России на балтийском побережье. С. 119.
- ¹⁷⁹ Волынский Н.П. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁸⁰ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nyen. d. 18 sep. 1702. S. 979–980.
- ¹⁸¹ RA. M1862. Numers t. Karl XII. Viborg. d. 2 oct. 1702.
- ¹⁸² Wendt E. Med Nyeneskadern i österled 1708 // Forum Navale. Nr 17, 1960. S. 6–7.
- ¹⁸³ Rosen C., von. Op. cit. S. 106–107.
- ¹⁸⁴ Seekahn (*нем.*).
- ¹⁸⁵ Berg L.O. Op. cit. S. 20.
- ¹⁸⁶ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1702. Numers t. Amiralitetskollegium. Nöteborg. d. 1 sep. 1702. S. 974 ; Nyen d. 18 sep. 1702. S. 980.
- ¹⁸⁷ Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 г. : российская пропагандистская версия и реальные подробности // Петровское время в лицах – 2007. СПб., 2007. С. 149–156 ; Сорокин П.Е. «Небываемое бывает» – морская победа 1703 г. у устья Невы // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. : Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь 2006 г. СПб., 2007. С. 149–152 ; Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 : книга исследований. СПб., 2009. 784 с.
- ¹⁸⁸ ГСВ. С. 104.
- ¹⁸⁹ Шарымов А.М. Указ. соч. С. 421.
- ¹⁹⁰ ГСВ. С. 104.
- ¹⁹¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 13 maij. 1703. S. 1189.

- ¹⁹² Сорокин П.Е. Указ. соч. С. 151.
- ¹⁹³ Там же. С. 150.
- ¹⁹⁴ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Oden». S. 260r.
- ¹⁹⁵ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 13 majj. 1703. S. 1190.
- ¹⁹⁶ Ramsay Jullj. Tsar Peters svenska värja // Historiallinen arkisto toimittanut Suomen historiallinen seura. XXIV:I:7, Helsinki 1914. P. 3.
- ¹⁹⁷ Nilsson B., Emanuel Werner // Blog. The Great Northern War. [Электронный ресурс]. URL: http://members.tripod.com/bengt_nilsson/blog/index.blog/2280079/emanuel-werner/ (дата обращения: 08.09.2016).
- ¹⁹⁸ Юхан Килиан Вильгельмс приходился отцом командиру эспинга «Гедан» обер-лейтенанту Килиану Вильгельмсу.
- ¹⁹⁹ Ден Дж. История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е.Е. Пуяткина, вступ. ст., науч. редакция и уточнение перевода, примеч. П.А. Кротова. СПб., 1999. 192 с.
- ²⁰⁰ Сорокин П.Е. Указ. соч. С. 152.
- ²⁰¹ ГСВ. С. 104.
- ²⁰² Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 г. ... С. 154.
- ²⁰³ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 13 majj. 1703. S. 1189.
- ²⁰⁴ ПИБПВ. Т. 2. С. 163.
- ²⁰⁵ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. II. С. 276.
- ²⁰⁶ ПИБПВ. Т. 2. С. 164.
- ²⁰⁷ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Göija». S. 197.
- ²⁰⁸ ГСВ. Вып. 1. С. 232.
- ²⁰⁹ Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 г. ... С. 153.
- ²¹⁰ ГСВ. С. 233.
- ²¹¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Brigant: Göija till ankars utan för Nyens Redd. d. 18 majj. 1703. S. 1197.
- ²¹² KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Nyen Commendanten. Göija. d. 8 majj. 1703. S. 1199.
- ²¹³ Ramsay Jullj. Op. cit. S. 1–15.
- ²¹⁴ Весслинг явно ошибается: Отто Рудольф фон и цу Шауенбург поступил на русскую службу в чине полковника только в 1704 г. Наиболее вероятной кандидатурой генерала русской армии, принимавшего Т. Весслинга в лагере был Адам Хейнрих фон Шонербек, в 1703 году принятый на русскую службу в чине генерал-поручика.
- ²¹⁵ Вероятно, Т. Весслинг имел в виду капитана Густава Пересветова-Мората, капитана полка генерала Хорна находившегося в Ниене. Густав был женат на дочери коменданта Ю. Аполлова Барбру. Скончался в июне 1704 г. в Нарве.
- ²¹⁶ По-видимому, имеется в виду первый комендант крепости А.Д. Меншиков.
- ²¹⁷ Каролин – шведская серебряная монета, названная по имени изображенного на ней короля (Карла), по распоряжению которого она чеканилась. При Карле XII чеканились монеты в 1, 2 и 4 каролина с весом металла 4,62, 9,25 и 18,49 г. соответственно. Говоря о датском каролине, Т. Весслинг, наверняка, подразумевает серебряную монету аналогичного номинала и веса, отчеканенную в Дании. Шведский дукат – золотая монета весом 3,48 г., которую чеканили при Карле XI.
- ²¹⁸ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Menshikov t. Numers. Schloßburg. d. 10 majj. 1703. S. 1200.
- ²¹⁹ Rosen C., von. Op. cit. S. 108.
- ²²⁰ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Göija». S. 198.
- ²²¹ Rosen C., von. Op. cit. S. 108.
- ²²² МИРФ. Отд. I. № 16. С. 16-18.
- ²²³ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Skepet «Propheten Jonas». d. 2 jul. 1703. S. 1207.
- ²²⁴ Rosen C., von. Op. cit. S. 108.
- ²²⁵ Несмотря на указания на плохое состояние фрегата, он прослужил ещё 10 лет, затонув 29 мая 1713 г. севернее Карлсруны. В 1715 г. Карл XII распорядился, чтобы фрегат был поднят и отбуксирован в Померанию для использования в качестве плавучей батареи. Однако, по всей видимости, из-за падения Штральзунда в конце того же года, этим планам не суждено было сбыться.
- ²²⁶ Rosen C., von. Op. cit. S. 109.
- ²²⁷ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Persianske Cöpmän». S. 135–137r.
- ²²⁸ Ibid. «Oden». S. 267.
- ²²⁹ Таблица составлена по: Kungliga Örlogsmannasällskapet, Örlogskommenderingar åren 1700–1719, 1720–1786 ; Nilsson B. Biografica flottan: En matritel över svenska sjöofficerare 1687–1721 // Bengt Nilssons hemsida [Электронный ресурс]. URL: http://members.tripod.com/Bengt_Nilsson/Biografica/index.htm (дата обращения: 22.07.2016).
- ²³⁰ Шарымов А.М. Указ. соч. С. 660.
- ²³¹ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Menshikov t. Numers. Nyenschantz. d. 10 majj. 1703. S. 1200.
- ²³² Шарымов А.М. Указ. соч. С. 661.
- ²³³ Rosen C., von. Op. cit. S. 109–110.
- ²³⁴ Кротов П.А. Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. СПб., 2001. С. 424.
- ²³⁵ KrA. Sjöexpeditioner Loggböcker: Chefs- och styrmansjournaler, 1703. «Kreftan». S. 225.
- ²³⁶ Ibid. «Höken». S. 233–234.
- ²³⁷ KrA. Am. Koll. Kansliet E II c 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. «Propheten Jonas». d. 15 sep. 1703. S. 1222.
- ²³⁸ Ibid. S. 1221.
- ²³⁹ Ibid. Wyborg. d. 5 mar. 1703. S. 1158.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

²⁴⁰ *Rosen C., von.* Op. cit. S. 110.

²⁴¹ Ibid.

²⁴² КГА. Ам. Колл. Канслиет Е II с 1703. Numers t. Amiralitetskollegium. Wiborg. d. 13 feb. 1703. S. 1147–1148.

²⁴³ *Berg L.O.* Op. cit. S. 22.

²⁴⁴ Приложения составлены по следующим источникам: КГА. Flottans arkiv. Nya nummer-serien. II Avdelningen, vol. 12 b, 1702. Förteckning på Kongl. Maj:tz Öhrlogz flåtta ... ; *Berg L.O.*:

Svenska karlskronaflottans fartyg 1700–1721. En tabellarisk framställning // Forum Navale. Nr 25, 1970. S. 66–85 ; РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 548. Л. 36 («Тор», «Ёйа», «Диса», «Гедан», «Лаксен», «Нептунус») ; РА. М1862. Husman t. Karl XII. Carlsrona. d. 15 sep. 1715 ; *Börjeson H.J.* Lists of men-of-war 1650–1700. Part III, Swedish ships, Danish-Norwegian ships, German ships. Society for Nautical Research occasional publications, no. 5. London, 1974.

А.А. А н д р е е в

ДВА ПИСЬМА О ПРОИСХОЖДЕНИИ БУХАРСКОГО ПОСЛА КУЛИ-БЕКА ТУПЧИ-БАШИ

Без сомнения, бухарский посол Кули-бек¹ был одним из самых одиозных послов из Средней Азии в Россию XVIII в. Он прибыл в пределы Российского государства в 1716 г. с ответственным поручением от Абулфейз-хана, правителя Бухарского ханства (1711 – 1747), основной задачей которого было освобождение бухарских и хивинских купцов, находившихся в заключении. Последние были обвинены в сговоре с Османской империей и калмыками хана Аюки и в подготовке восстания в Астрахани. Помимо этого на первый взгляд невыполнимого пункта, ему, по всей видимости, было дано задание разведать о намерениях и планах российского правителя относительно Средней Азии. Общеизвестно, что начиная с 1713 г. Пётр Первый проявляет большой интерес к государственным образованиям в указанном регионе, что не могло не вызвать ответного беспокойства бухарского правителя Абулфейз-хана. Свидетельством этому можно определённо считать встречу и переговоры Кули-бека с посланником России в Хиву Александром Черкасским (Бековичем)², о чём он сам лично и сообщил Петру I³.

Перед тем как перейти к текстам уникальных по своему содержанию двух документов посольства, необходимо вкратце осветить историю появления в России бухарского «тупчи-баши». Само наименование должности Кули-бека часто фигурирует в российских источниках как часть имени. На самом деле, это всё-таки название должности. В Бухаре, при дворе хана, согласно более поздним бухарским источникам, были две одноимённые должности — «великий тупчи-баши» и «тупчи-баши высокого двора»⁴. Первый заведовал арсеналом хана и имел иногда право «сидеть во время беседы» с государём. Второй охранял высокий двор и был значительно ниже рангом⁵. По какой причине было решено отправить в Россию в качестве «йалчи» (посла) заведующего ханским арсеналом неизвестно. Вероятно, сыграло свою роль происхождение Кули-бека, о котором будет рассказано подробнее на основании его писем.

По прибытии посланника в Астрахань к нему был определён переводчиком и сопровождающим Кутлумбет-мурза Тевкелев⁶, известный впоследствии как участник Персидского похода Петра I и как посол к казахам Младшего жуза для приведения их в подданство России. В документах начала XVIII в. он упоминается как Муртаза Тевкелев. С посланником было «ханских людей 35, ево посольских 15 человек, купчин 10 человек»⁷.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

26 июня 1717 г. посольство прибыло в Санкт-Петербург и было размещено в гостевом доме на Дворянской улице⁸. 3 июля к послу прибыл секретарь царя П.В. Курбатов, он доставил посла в Сенат, где его предполагалось расспросить о целях визита. Кули-бек отказался говорить о «важных секретных делах», ссылаясь на поручение от хана «донести о них лично царю». 11 июля господа сенаторы беседовали с третьим по значимости человеком в посольстве, с купцом Асаном, который в свою очередь сообщил ряд пунктов, по которым приехали договариваться бухарцы. Одним из самых важных был вопрос об освобождении бухарских купцов. Купец в Сенате озвучил следующее: «Которые Бухарской земли торговые люди, ево, ханские, подданные, приезжают в Российское государство, а именно в Астрахань, для торгов, а иные поженясь и живут домами, и тем бухарцам чиняцца обиды, и которые, пожив в Астрахани несколько лет, хотят ехать паки в Бухары, тех не отпускают, а в Бухарские земли русские купцы торгуют свободно и безпошлинно, и никакой им ни одной обиды не чинитца, и отпускают всех из Бухарской земли без задержания. И что такожде и бухарцам, которые желают жить в Российском государстве, [было бы] позволено торговати и жить свободно и безобидно. А которые захотят возвращаться в Бухарские земли, [тех] отпускать не задерживая»⁹.

Об остальном поведал сам посол. В РГАДА (Ф. 109 (Сношения России с Бухарой — (коллекция) из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии)) хранится подробная записка о принятии бухарского посла русским царём. В воскресенье 20 октября 1717 г., «по утру, пред обедней, изволил Его Царское Величество прийти в Сенат и указал у себя быть вышеозначенному послу и купчине на аудиенцию. Посла доставили на карете, принадлежавшей тайному советнику П.П. Шафирову, о двух возницах и з двумя вершинниками. Для купчины была выделена карета царского секретаря П. Курбатова. Дары несть послано 12 человек солдат. Когда посол приехал к крыльцу, встретил его секретарь Курбатов. Царское Величество изволил от верхних палат, стоя против дверей, на вышине и [своём] месте, по обе стороны стояли министры, а подле министров чрез всю палату до самой двери стояли офицеры и царедворцы»¹⁰.

Были соблюдены все формальности ритуала приёма посольств. «Посол пришёл к дверям и, не входя в палаты, учинил Его Царскому Величеству поклонение, став на колени, и говорил Его Царскому Величеству: Сеит Абдул Азиз Мухамет-хан приказал кланяться»¹¹. Потом случилось непредвиденное: участники посольства забыли взять на аудиенцию саму грамоту от Бухарского правителя. Посол «потом хотел было лист изречения принести, есаул его несённого того листа не нашёл и, став на колени, просил Его Царского Величества прощения, [после] принужден был послать для того листа на двор»¹². Не обращая внимания на такое досадное недоразумение, Кули-бек зашёл всё-таки в палату и вновь «поклонился Его Царскому Величеству». Затем, «став на колени говорил, что хан его приказал Его Царскому Величеству од себя поздравить счастливыми викториями, одержанными над шведами»¹³. Государственный вице-канцлер Шафиров спросил посла о здоровье бухарского хана, и после ответа приступили к вручению даров.

После демонстрации подарков Пётр «изволил пойтить в другие палаты, а посол остался в палате» ждать, пока посыльные принесут забытую грамоту. К обеду, когда грамоту принесли, «Царское Величество вышел в палату и посол лист Царскому Величеству понёс, на который [он] свою руку [наложил], а государственный подканцлер принял и сказал послу, что Его Царское Величество выслушать перевод с того царского листа велит»¹⁴. В речи посла, которая была запротоколирована, приводятся пункты, по которым Пётр приказал дать ответ.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

«1) Слышно им, что Его Царское Величество завоевал шведов несколько земель и получил викторию над шведом, а оных шведовских народов славят zelo храбрыми. Того ради его ханская светлость просит из шведского народу девяти человек женского полу.

2) Просят 9 кречетов добрых, ловчих.

3) Ещё просят его ханская светлость, что слышится у них, что в государстве здешнем делают сукна... самые добрыя всяких цветов, которые хотя масло зальются или грязи замазываются, в себя не пушают и цвета не переменяют, дабы несколько аршин оных для пробы к нему прислать.

4) Которые мусульманы гневом отягчены, оных для дружбы отпустить»¹⁵.

Подробности дипломатических отношений России с ханствами Средней Азии и с Бухарским ханством, в частности в период царствования Петра, выходят за рамки нашей темы публикации. Считаю необходимым лишь упомянуть, что бухарский посланник решил практически все поставленные перед ним задачи. Пётр I, в условиях резкого ухудшения отношений с Хивой после неудачной миссии А.Б. Черкасского, решает укрепить связи с Бухарским ханством и отпускает практически всех арестованных бухарских купцов. Одним из важных пунктов переговоров была просьба бухарского правителя о присылке ему «посла, человека разумного»¹⁶. Таковым разумным человеком стал знаменитый впоследствии российский посланник на Востоке, итальянец на русской службе Флорио Беневени. Его и стали готовить к экспедиции «с огромным поспешанием».

Кули-бек получил подарки от русского царя для Абулфейз-хана. Согласно документам, приводимым князем Хилковым, он вёз в Бухару «часы столовые, боевые, с игрою и с репетицією»¹⁷, во 130 рублей и 6 кречетов хороших»¹⁸.

Согласно общепринятой тогда практике, посольства из Хивы, Бухары, а ранее Ургенча, Балха и Герата являлись одновременно и торговыми караванами. Кули-бек не был исключением и активно занимался торговлей в Астрахани, Казани, Москве и Санкт-Петербурге. И здесь его начали преследовать неудачи, в частности, в Астрахани, на границе, у него возникли некоторые проблемы на таможене.

По возвращении в Бухару он стал отчаянно интриговать против российского посла. Флорио Беневени писал в своих репортажах: «При сём доношу Вашему Величеству, что Хан Кули Баши посол, яко бусурман, Вашу царскую милость весьма позабыл и многие непристойные слова про имя Ваше говорит»¹⁹.

Оставив за рамками подробности дипломатической борьбы, имевшей место в Бухаре и Хиве, перейдём собственно к фигуре посланника. Наибольший интерес вызывает сама личность посла. В.Г. Воловников, ссылаясь на данные фондов РГАДА, пишет о том, что Кули-бек был «весьма знающий» о принятом в России «обычае и обхождении»²⁰. Известно, что его мать, Дарья, была русской пленницей в Бухаре и даже сохранила православное вероисповедание²¹. Это подтверждается архивными документами: она была «в полону двадцать два года, терпела нужды и всякие увечья»²². Однако определённо утверждать, что он и в самом деле был знатоком русской действительности, нельзя. Русским языком он, по всей видимости, не владел или знал его плохо. Большинство подписанных им грамот написано на чагатайском языке.

Среди значительного количества грамот посольства Кули-бека, хранящихся в РГАДА (Ф. 9), есть малоизученная челобитная государю от Дарьи Ураковой дочери Ильиной, из содержания которой становится ясно, что она мать Кули-бека²³. Данный документ проливает свет на многие другие вопросы, связанные с происхождением Кули-бека. Челобитная оформлена на одном листе, в верхнем углу лицевой части печать с изображением двуглавого орла, в правом нижнем углу на обороте печать бухарского посла с его именем и

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

датой — 1127 (1715) год, водяные знаки отсутствуют. Сам документ хорошей сохранности, за исключением левого верхнего угла, пострадавшего от плесени. Челобитная была составлена подьячим Монастырского приказа Елизаром Бышковским, который на 42 строчках понятным почерком красочно изложил просьбу матери бухарского посла.

В тексте прошения говорится, что во время восстания башкир 1681–1684 г. Дарья Уракова с мужем, стольником «с подённого корму» князем Фёдором Ураковым (из ново-крещенных дворян, вероятно из башкир)²⁴, и с двумя детьми попадает в плен недалеко от Уфы. Впоследствии муж и дети спаслись. А её, беременную, калмыки «завезли и продали в Бухары», где она и родила сына. «А имя сыну моему, — пишет Дарья Уракова, — Хан Кули-бек Ураков». Сын её имел значительные успехи в карьере при дворе хана. Будучи изначально сыном рабыни, он дослужился до звания *тупчи-баши* и был отправлен в Россию с дипломатической миссией.

В 1704 г. пришедший к власти в Бухаре Убайдулла-хан отправляет в Россию посольство Алим Бека Кочек-бека. Из челобитной становится известно, что Дарья Уракова была возвращена с этим посольством на родину, где её ожидает трагическое известие о смерти мужа в сражении под Нарвой в 1700 г. и начинается череда бедствий её и дочери, Прасковьи Фёдоровны, которые красочно описаны в челобитной. Они потеряли практически всех родственников, вдобавок Прасковья Фёдоровна к этому времени уже дважды успела овдоветь, и несчастным женщинам угрожало нищенское существование и, возможно, голодная смерть. Перспектива возвращения в Бухарское ханство, по видимости, ими не рассматривалась. Единственное, о чём они просили, это отправить их в монастырь.

Монастырь же был ими выбран один из богатейших в России — Вознесенский. Согласно принятым правилам в подобные учреждения не принимали без значительных вступительных взносов. Просьба о пострижении «безвкладно» и о «выдаче кельи» была вполне законна, учитывая испытания, которые прошла Дарья Уракова, но об уникальности прошения свидетельствует тот факт, что без указа государя подобное пострижение было бы невозможным. Пользуясь своим статусом посла, Кули-бек подал челобитную лично, о чём свидетельствует его печать на документе.

К сожалению, нам неизвестно была ли решена участь бедных женщин должным образом. Но из второго публикуемого нами документа становится ясно, что с пострижением матери и сестры посла в монастырь возникли трудности. Второй публикуемый нами документ без определённой даты, но из содержания текста ясно, что указ государев о пострижении был отослан в монастырский приказ, причём с подтверждением, чтобы им были выделены кельи «и удел полная». Кули-бек, обращаясь к секретарям Посольского приказа Михаил Павловичу Шафирову и Михаилу Родионовичу Ларионову, сообщил, что его родственниц «с безместными поверстают», т. е. берут на содержание в монастырь, но на общих основаниях, как бездомных. Бухарский посланник настойчиво просил оказать содействие и заявлял о том, что повторно будет написана челобитная государю²⁵.

За неимением ответных писем послу из Посольского приказа или каких-либо документов из Монастырского приказа, связанных с именем Дарьи Ураковой, мы не можем рассказать о дальнейшей их судьбе.

В итоге, несмотря на незавершенный характер этой истории, мы всё же узнаём, что Хан Кули-бек был на самом деле урождённым князем Ураковым, но вырос в Бухаре, возможно при ханском дворе, не имел сведений о своих родственниках в России и был мало заинтересован в возвращении на родину. Занимая ответственный пост, он успешно провёл дипломатическую миссию и в дальнейшем в Бухаре создавал препятствия для разведывательной деятельности российского посла Флорио Беневини.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

Тем не менее этот случай в значительной степени уникален как для отечественной истории, так и для истории Хивинского ханства. Эти два письма свидетельствуют о высоком уровне этнокультурного и, можно сказать, этноконфессионального взаимодействия в Российском государстве времён Петра Великого. Сын новокрещенного князя, стольника, выросший в Бухаре и воспитанный мусульманином, пытался содействовать пострижению своей матери и сестры в один из богатейших православных монастырей России. Подобные сюжеты всё-таки случались редко.

№ 1

1718 г., февраля 1. – *Челобитная Дарьи Ураковой дочери Ильиной Петру I*

л. 1 ¹Державне[ший] царь, государь милостивейший.

В прошлом во сто девяностом году отложились башкирцы от твоея государския державы, а съединилися с калмыками и воевали украинные города и уезды²⁶. В то же время подходили под город Уфу и разоряли уезды, многих людей побили и в полон побрали, и меня, рабу твою нижеименованную, в полон калмыки взяли беременну и с мужем моим, князем Фёдором Богдановым сыном Ураковым, и муж мой ушёл от них на другой день, а с ним осталось двою детей, сын да дочь в малых летех, а меня, рабу твою, они, калмыки, завезли и продали в Бухары. И была я в полону дватцет два года, терпела нужды всякия и увечья и вышла на Русь з бухарским послом в прошлом семьсот четвертом году. А дитя, которое данесено в моей утробе, родила в Бухарах, сына, и вырастила, и служил он у хана бухарского топчибашею. А ныне до вашего величества от хана бухарского прислан послом, а имя сыну моему хан Кули бек Ураков. А муж мой князь Фёдор Ураков служил вашему величеству трицет пять лет в стольниках с подённого корму, и на многих боях бывал, и ранен многожды, а бился явственню, не щедя головы своей, многих татар убивал, и языки брал, и стада конские и детей боярских, на стороже бывших, отбивал от татар один, и убит на твоей великого государя службе в первом походе под Ругодевым (Первый Нарвский поход, 1700 г. – А.А.), на раскате, от роду в пятьдесят лет. И отец ево, и сын мой князь Стефан Ураков, и многия наши сродичи побиты на твоей великого государя службе. А дочери моей нижеименованной первой муж, а мой зять, князь Василей Иванов сын Шихмамаев, служил вашему величеству в стольниках с подённого ж корму и убит на твоей великого государя службе, под Озовым, а другой муж ея, Роман Тихонов сын Посошков, на службе же умре. А служил вашему величеству верно, сыскал своими харчами в Самарском уезде, в Девичьих горах, серу горючею, самородную, // которая родится меж камня алебаstra. А ныне дочь моя вдовствует многие годы, и обнищалися я, роба твоя, и дочь моя, пострытца на Москве, в Вознесенском девечьем монастыре, что в Кремле-городе, а вк[л]аду нам за скудостию дать нечего, поместья, и вотчин, и дворов московских за нами нет, а без твоего великого государя указу нас, сирот твоих, в монастыре Вознесенском без вклада не пострыгают.

л. 1 об. ную, // которая родится меж камня алебаstra. А ныне дочь моя вдовствует многие годы, и обнищалися я, роба твоя, и дочь моя, пострытца на Москве, в Вознесенском девечьем монастыре, что в Кремле-городе, а вк[л]аду нам за скудостию дать нечего, поместья, и вотчин, и дворов московских за нами нет, а без твоего великого государя указу нас, сирот твоих, в монастыре Вознесенском без вклада не пострыгают.

Всемилоостивейший государь, просим вашего величества: да повелит державство ваше ради своего государского многолетнего здравия, и поминаючи мать свою блаженные памяти благоверную государыню царицу и великую княгиню Наталию Кирилловну, и за мое полонное терпение, и за службы, и за кровь моих сродников, меня, рабу твою, и дочь мою в вышеписаннем монастыре безвкладно пострычь, и в удел против вклатчиц поверстать, и келью дать, чтобы нам, сиротам твоим, меж двор не скитатца и голодною смертию не умереть, а за ваше государское здравие вечно Бога молить.

Вашего величества нижайшие рабы Дарья Ильина дочь, Прасковья княж Фёдорова дочь.

II. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Февраля в 1 1718-го году челобитную писал Монастырского приказа площадной подьячий Елизар Бышковской.¹

²К сему прошению вдова Прасковья Посошкова и вместо матери своей, Дарьи Ильишны, по её велению руку приложила.² //

РГАДА. Ф. 109 (Сношения России с Бухарой). Оп. 1. 1718. Д. 4. Л. 1–10б.
Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк – писарский.

²⁻² Второй почерк – собственноручная подпись П. Посошковой.

№ 2

Без даты. – Письмо Кули-бека в Посольский приказ

Почтенным господам Посольской канцелярии Михаилу Павловичу, Михаилу Радионовичу. л. 79

Посол бухарской поздравление предпосылает.

Прошу вас, мои приятели: по именному Его Царского Величества указу о пострижении моей матери и сестры послан указ государев до вашей особы в Монастырской приказ, а таво против челобитной в указе не написано, чтобы им дать келья и удел полная, а без вашева повеления и в том Приказе таво в указе не написали жа, а без указу в монастыре их з безмесными поверстают, а я у государя сам милости просил, чтобы им было, где галава приклонить и чем кармитца, а не по миру хадить. И, ваша милость, позволте в Монастырской при // каз, также и к игуменье своево дяка послать, чтобы при мне им матери моей и сестре келью отвели и в книгу жалованную имена их записали, а буде вас преслушают, то я нарочно пошлю человека к Его Царскому Величеству и буду просить милости, также и к вышшим господам писать буду, а ка мне какая милость государева есть, ваша особа о том сведомы и просим, о том прикажите. // л. 80

РГАДА. Ф. 109 (Сношения России с Бухарой). Оп. 1. 1718. Д. 1. Л. 79–80.
Публикуется впервые.

¹ Сам посол подписывался в документах таким образом: Хан Кули-бек *тунчи-баши* (РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717. Д. 1. Л. 129).

² О личности А.Б. Черкасского и истории экспедиции в Хивинское ханство см.: *Княжецкая Е.А.* Судьба одной карты : [О географе А.Б. Черкасском]. М., 1964. 119 с., 1 л. карт. : ил., карт. (Географическая серия).

³ ГСВ. М., 2004. Вып. 1. С. 590.

⁴ Маджама ал-аркам : (Предписания фиска). Приёмы документации в Бухаре XVIII в. Факс. рукописи / Мирза Бади-диван ; под ред. А.Б. Вильдановой. М., 1981. С. 98, 99.

⁵ Там же.

⁶ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Л. 44.

⁷ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 44.

⁸ *Хилков Г.Д.* Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 463.

⁹ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 141 об.

¹⁰ Там же. Л. 99.

¹¹ Там же. Л. 100.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 209 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1717 г. Д. 1. Ч. 1. Л. 195.

¹⁷ Механические часы, отбивающие час, четверть часа.

¹⁸ Сборник князя Хилкова. С. 465.

¹⁹ Посланник Петра I на Востоке : посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718 – 1725 годах / под ред. М.Л. Вайс, Н.А. Халфин. М., 1986. С. 75.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ Там же.

II. PUBLICATIONS OF SOURCES

²² РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1718 г. Д. 4. Л. 1.

²³ Там же.

²⁴ Стольники и новокрещенные полковой службы : 1700 г. Л. 484 ; 1701 г. Л. 126 ; 1702 г. Л. 99 // *Захаров А.В.* Информационно-поисковая полнотекстовая система «Боярские списки XVIII века»

[Электронный ресурс]. URL: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (дата обращения: 19.09.2014).

²⁵ РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1718 г. Д. 1. Л. 79.

²⁶ «...во сто девяностом году...» (по летоисчислению от Сотворения мира) – очевидно, речь о башкирском восстании 1681 – 1684 г.

С.А. К о з л о в

РУССКИЕ ПЛЕННЫЕ И ПОЛОНЯНИЧНЫЕ ДЕНЬГИ (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.)*

История налогообложения России неразрывно связана с территориальным расширением государства, активизацией внешней политики, проведением военных кампаний и осуществлением расходов на содержание армии. Начиная с XVI в. власти увязывали геополитические проекты на западном и восточном направлениях с возможностями населения нести дополнительное налоговое бремя и с состоянием государственной казны. Зачастую новые налоги вводились в связи с постоянно возрастающими военными расходами. Одновременно власти стремились за счёт увеличения налоговой нагрузки ликвидировать последствия набегов и нападений, совершаемых на российскую территорию, или оккупации русских земель враждебными государствами.

Одними из самых тяжёлых и болезненных были набеги крымских татар на приграничные территории и их опустошительные походы вглубь страны. На протяжении более чем двух столетий (вплоть до присоединения Крымского ханства к России в 1783 г.) российским властям приходилось мириться с захватом в плен сотен русских людей и продажей их в рабство на невольничьих рынках Кафы и Стамбула. Крымские татары рассматривали русских пленных только как товар, и поэтому основной формой их освобождения был выкуп, все остальные формы («розмен» и т. д.) играли незначительную роль. Выкуп пленных у крымцев мог быть осуществлён следующими способами: 1) русский полон привозили на заранее условленное место, где сперва крымцы проводили «розмен», а за оставшихся брали выкуп. Нередко, захватив на южных окраинах России большой полон, крымцы, расположившись неподалеку, звали жителей разорённых приграничных городков выкупать своих соплеменников; 2) крымские и турецкие послы и иноземные купцы-посредники приводили пленных на выкуп в Москву; русская пословица гласила: гонец из Крыма, как таракан из дыма; 3) российские послы в Крыму и Османской Турции получали денежные средства из казны на выкуп пленных без установления таксы¹.

Выкуп соотечественников из «бусурманского» плена, наряду с частным делом, довольно быстро превратился в важнейшую государственную задачу. Первым актом, направленным

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-01-00066.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

на упорядочение выкупа пленных, принято считать грамоту 1535 г. Ивана IV архиепископу новгородскому Макарию. В ней от имени малолетнего государя повелевалось боярам «сребро дати елико достойт, а хрестьянские души от иноплеменных искупити», а владыке Макарию «в ту мзду самому вкупну быти, по обежному счёту, а в своей архиепископии в Великом Новгороде и Пскове и во окрестных городех своей архиепископии со всех монастырей... собрати семьсот рублей»². По мнению Ю.Л. Гессена, бояре выплатили из государственной казны выкупную сумму, но духовенство возместило расходы³.

Вопрос об организации выкупа пленных, попавших «в полон к бусурманам», Иван IV вынес на обсуждение церковного собора 1551 г. В царском вопросе (10) Стоглавому собору указывалось на то, что «пленных привозят на окуп из орд: бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и беспоместны, и здесь окупиться нечим, а никто не окупит. И тех полонеников, мужей и жен, опять возят назад в бесерменство, а и здесь над ними поругаются всякими скверными богомерзкими. Достойт о сём уложить соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати»⁴. Иван IV стремился передать вопрос о полоняниках в ведение Православной церкви. Высшие церковные иерархи дали царю следующий ответ: «Которых окупят царевы послы в ордах и во Цареграде, или в Крыму, или в Казани, или в Астрахани, или в Кафи, или сами окупятся, и тех всех пленных окупати из царевы казны». При этом они не забыли напомнить: «И пророком рече Бог: "Не щадите серебра человека ради". Христос же не токмо серебра, но и душу свою повелевает по братии положить»⁵. Стоглавый собор придал выкупу пленных характер религиозного долга.

В результате возникает новый государственный сбор, взыскиваемый для выкупа из плена русских людей — полоняничные деньги. Из нерегулярного (как добровольного пожертвования, христианской милостыни) он довольно быстро превратился в систематически взимающуюся подать. С 80-х годов XVI в. предусматривались уже два полоняничных сбора: на выкуп русских людей из плена и на содержание пленных, захваченных российской армией в ходе военных действий (полоняникам-немцам на корм).

Полоняничные деньги собирались в разных объемах. Так, в новгородской платёжной книге, составленной в марте 1586 г., фиксировались все виды налогов, в том числе полоняничные сборы. Норма платежей с поместных и монастырских земель колебалась незначительно: детям боярским полоняникам на окуп — от 13 до 14 денег, полоняникам немцам на корм — от 13 до 14,5 денег⁶. Исключения были в тех случаях, когда обложение составляло сотые доли обжи. К примеру, помещик Спасского Городенского погоста Вотской пятины В. Хвостов с пол-полчети ($\frac{1}{16}$) обжи платил 1 деньгу, т. е. норма с обжи составляла 15,9 деньга⁷.

Как отмечал П.Н. Милюков, полоняничный оклад ещё не установился: на 1581 г. с одного монастырского имения они берутся (в три приёма) в размере 18 рублей 39 копеек с сохи; на 1582 г. с того же имения — 13 рублей 46 копеек, а с другого — 13 рублей 63 копейки с сохи; на 1588 – 1589 г. с двух равных имений поровну по 2 рубля с сохи⁸. По подсчётам Г.В. Абрамовича, величина двух государственных податей — детям боярским-полоняникам на откуп и полоняникам-немцам на корм — на вотчинных, поместных и монастырских землях с 1586 по 1602 г. не менялась и составляла соответственно 13,5 и 14,5 деньга с обжи⁹.

В общей номенклатуре налогов полоняничные деньги во второй половине XVI в. составляли (по подсчётам Н.А. Рожкова) — 4,8 %. Расчёты Г.В. Абрамовича, подвергнувшего критике методику Н.А. Рожкова, оказались сопоставимыми с этими данными — 3,5 %, а вместе со сбором полоняникам-немцам на корм достигали 7,2 %¹⁰.

Помимо уплаты полоняничных денег, население южных рубежей России выполняло засечную повинность, что было вызвано строительством Большой засечной черты — линии укреплений к югу от Оки для защиты от крымской опасности. Уложением о сторожевой

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

службе 1571 г. в степь выдвигались «сторожи» и «станицы» из служилых людей, которые вели разведку и оповещали жителей приграничных городов о появлении крымцев¹¹. Впоследствии данная повинность была заменена денежными платежами и превратилась в городовое и засечное дело (засечные деньги). В 50-е годы – начале 80-х годов XVI в. налоговый сбор составлял 9,6 % от общего размера основных налогов и сборов с сохи¹².

Подсчитать количество соотечественников, попавших в крымский и турецкий полон в XVI в. из-за фрагментарности сведений, сохранившихся в источниках, не представляется возможным. Как отмечал литовский шляхтич и писатель Михалон Литвин (Венцеслав Миколаевич) в сочинении «О правах татар, литовцев и москвитян» (около 1550 г.): «Один иудей, там в Таврике у тех единственных врат её, стоящий во главе таможи, видя, что туда постоянно ввозится бесчисленное множество пленных людей наших, спрашивал у нас, всё так же ли наши земли изобилуют людьми или нет и откуда здесь такое множество смертных»¹³. По образному выражению одного из современников, «воевали саблей, мечом и полоном»¹⁴.

В XVII в. продолжились сборы полоняничных денег для выкупа пленных у крымских татар, турок, Больших и Малых Ногаев. Это было время тяжёлых испытаний для южных окраин России, пограничные уезды оказались выжжены крымцами дотла, и властям пришлось создавать новую укрепленную линию — Белгородскую засечную черту, строительство которой было завершено в 50-е годы XVII в.¹⁵. А.А. Новосельский полагал, что общее количество пленённых татарами русских людей в первую половину XVII в. составляло минимум от 150 до 200 тысяч человек¹⁶. Требовались колоссальные средства для вызволения соотечественников из неволи, и поэтому только благодаря эффективной государственной политике в этом вопросе удалось создать систему поиска и выкупа русских пленников из «бусурманской» неволи.

В документах Посольского приказа, хранящихся в РГАДА (Ф. 123. (Сношения России с Крымом)), отложились «книги росходные... на окуп полонеником», в которых фиксировались не только имена и суммы выплаченных денег, но и сведения о выкупленных людях. О каждом из полоняников в «книге росходной» помещались следующие сведения: фамилия, имя, отчество; территориальное и социальное происхождение или род службы; когда и при каких обстоятельствах был взят в плен; сколько лет провёл в плену; по какой цене, у какого посредника и на какие деньги был выкуплен. При этом информация о том, у кого был выкуплен полоняник, отсутствовала¹⁷.

Однако прежде чем осуществить выкуп пленного, его необходимо было найти на чужбине. С этой целью по инициативе Посольского приказа в Крым направлялись посланники, которым поручалось найти полоняников и подготовить торговую сделку по их избавлению из «бусурманской» неволи. Российские гонцы передавали «полоняничную роспись» крымским и турецким представителям, посещали невольничьи рынки и встречались с продавцами «живого товара». Как отмечал В.Д. Жуков, именно необходимость выкупать пленных объясняет, почему в Крым посольства отправлялись так часто¹⁸. А.С. Лавров считал деятельность московских дипломатов в Крыму консульской службой. Прежде всего это касалось идентификации подданных и систематизации информации о них. Схожие черты исследователь обнаружил в деятельности западноевропейских государственных институтов по выкупу пленников-соотечественников из княжества Магриба¹⁹.

Зачастую организация выкупа пленных требовала кропотливой подготовительной работы, и поэтому осуществление торговой сделки могло растянуться на годы. Вначале в «полоняничной росписи» определялись условия выкупа, т. е. указывалось имя пленного и его договорная цена, что являлось своеобразным обязательством российских властей

перед работорговцем. В свою очередь последний больше не мог продать полоняника на восточных невольничьих рынках. После рассмотрения росписи в Посольском приказе власти выделяли деньги на окуп. Правда, договориться о цене выкупа удавалось не всегда. Посланники оказывались связанными «указной ценой», установленной государством, но угроза продажи пленников в Кафе или Стамбуле заставляла власти идти на уступки и превышать «указную цену». К примеру, в наказе от 19 декабря 1637 г. позволялось, если крымцы за дворянина или сына боярского «учнут просить болши» чем по 10 рублей с каждых 100 четвертей оклада земли, эту ставку можно увеличить в полтора, а в крайнем случае, «будет и на то не уговорятся», в два раза²⁰.

В случае если запрашиваемая сумма во много раз превышала «указную цену», пленникам приходилось обращаться к родственникам с просьбой принять участие в выкупе. Полоняник также оформлял на себя одну или несколько заёмных кабал — договор-обязательство выплатить окуп по возвращении в Россию. Заимодателями выступали в основном татары, но встречались и проживавшие в Крыму караимы, греки, армяне. Нередко доведённый до отчаяния невольник заключал заёмные кабалы, которые не мог выплатить. По возвращении на родину он подавал челобитную на имя государя с просьбой за его «полонское терпение» заплатить окуп. В итоге российские власти вынуждены были выкупать заёмные кабалы пленных; они каждый раз подчеркивали исключительность данного решения и требовали от освобождённых из плена, при финансовой возможности, вернуть в казну потраченные на них деньги. В.Д. Жуков верно заметил: «Ничего подобного такой государственной системе выкупа в других государствах, страдавших от набегов за рабами (Польша, Италия, Испания, некоторые страны Леванта), мы не находим. Это характерная черта особого типа общественного устройства, сложившегося в Московском государстве»²¹.

К середине XVII в. механизм сбора полоняничных денег для вызволения соотечественников из неволи был уже чётко отлажен, что нашло отражение в восьмой главе «О икуплении пленных» Соборного Уложения 1649 г. Полоняничный сбор провозглашался как «общая милостыня» и становился ежегодным и обязательным для большинства населения. В отличие от прошлых сборов с сохи теперь полоняничные деньги собирались подворно «по новым переписным книгам». Посадские люди, церковные и монастырские крестьяне платили 8 денег со двора, черносошные, дворцовые, поместные и вотчинные крестьяне — 4 деньги. Наконец, служилые люди по прибору (т. е. стрельцы, казаки, пушкарки и др.) уплачивали по 2 деньги со двора²².

Власти учитывали все обстоятельства пленения и повелевали «из полону окупить» только тех служилых людей, которые «с бусурманами за православную христианскую веру и за наше государство бились». Воеводам предписывалось давать точные сведения о потерях, сообщать о всех раненых и взятых в плен. Мирное население приграничных территорий власти также постоянно предупреждали: если в случае оповещения о приближении неприятеля они не уйдут со своим имуществом из селений в укреплённые города «в осаду», то будут отданы на произвол судьбы, и «полонное терпенье будет от себя, и из полону государь окупать их и на обмену имать не велит»²³.

Российские власти всячески поощряли побег из плена. Полоняникам удавалось бежать из неволи следующими путями: 1) побег в одиночку; 2) групповой побег; 3) освобождение из плена с помощью вольных казаков, живших по Днепру, Дону, Волге и Тереку. Необходимо отметить, что казачество не только сдерживало опустошительные набеги крымских и турецких отрядов на южные окраины России, но и предпринимало ответные походы на территорию противника, доходя до Бахчисарая и Стамбула. Казаки освобождали из позорного «бусурманского» плена русских людей и являлись признанными посредниками

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

в деле «розмена» и окупа соотечественников из неволи. Наконец, часть полоняников вливалась в казачьи общины, деятельно участвуя в отражении внешних угроз и отстаивании привилегий и вольностей казачества запольных рек.

Сохранились «расспросные речи» бежавших из плена соотечественников, благодаря которым можно воссоздать трагические перипетии судеб невольников. К примеру, в отписке терских воевод 1629 г. приводятся «роспросы» русских полоняников, бежавших на Терек в казачьи станицы. Один из них, «Тренка Иванов, руской человек, а которово города и какой человек отец ево был тово не помнит, взяли ево невелика нагаиские татаровя тому лет з дватцат, и у татар де он жил з год, и татаровя де продали в Кумыки... а те де ево продали кизылбашским людем в Шемаху». Другой пленник «Магаметка, руской человек, калуженин, пахотново человека сын, а русково имяни не помнит, а как отца ево звали, тово не помнит же потому, что взяли ево под Калугою казыевские татаровя осми лет, и жил де он в полону в Казыеве улусе года з два, и... украли его... черкасы, и был у черкас два годы, и... продали ево... кумыком, и в кумыках... жил лет з дватцать, и ис кумык он вышел на Терек»²⁴.

В Соборном Уложении 1649 г. (гл. XX; ст. 34, 66) были расширены и конкретизированы положения статьи 80 Судебника 1550 г., связанные с пленением и самостоятельным возвращением (бегством) холопов из плена. Уложение предусматривало, что холоп, взятый в плен в бою и вышедший из плена, освобождался от холопской зависимости по старому правилу вместе с женой и детьми. Вышедших из плена посадских людей и их детей освобождали от несения тягла, и предоставляли свободу передвижения (гл. XIX; ст. 33). Однако холопы, бежавшие от своих господ прежде, чем попали в плен, при избавлении от полона возвращались прежним владельцам (гл. XX; ст. 34, 35)²⁵.

В Уложении была установлена и примерная такса за выкуп пленного, зависевшая во многом от его социального положения. Так, государственная такса за выкуп дворянина, «взятого в бою», зависела от размеров его поместья (оклада): со ста четвертей оклада по 20 рублей. За тех же из них, кто был взят в полон «не на бою и не на посылках», давали на окуп со ста четвертей земли по 5 рублей. За пленённых московских стрельцов власти готовы были заплатить 40 рублей, а за стрельцов «украинных городов» и за казаков — 25 рублей, за посадских людей — 20 рублей, за «пашенных крестьян и боярских людей» — 15 рублей²⁶. Однако при этом выкуп оставался торговой сделкой и превратился в выгодный промысел для турецких и крымских гонцов, устанавливавших высокие цены.

К примеру, на двух «розменах», проходивших в пограничном местечке Валулки в сентябре 1651 г. и марте 1655 г. было выкуплено 145 полоняников. За каждого из 56 выкупленных служилых по прибору, несших военную службу на засечной черте, российские власти заплатили (средняя цена) по 106 рублей; за 27 служилых по отечеству — по 106 рублей; за 14 крестьян — по 109 рублей; за двух посадских людей — по 115 рублей. Наибольшее количество из выкупленных пленных было связано с южной окраиной (к югу от Оки) — 51,2 % и Северной землей — 31,8 %. Наиболее оперативно выкупались служилые по прибору — половина из них провела в плену менее 5 лет. Дети боярские из-за бюрократических формальностей (предварительного запроса служилого города в Разряд, согласований с Посольским приказом и т. д.) выкупались за период от 5 до 10 лет с момента плена. Наконец, 29 % из числа выкупленных полоняников находились в неволе несколько десятилетий: с 11 до 24 лет — 11 человек, с 25 до 40 лет — 5 человек²⁷.

Российские власти допускали выкуп пленных товарами. В 1671 г. появился указ, разрешавший греческим торговцам-посредникам, привозившим взятых ими на окуп пленных, выдавать соответствующее вознаграждение соболями из Сибирского приказа²⁸.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

При этом возможности государственной казны по выкупу соотечественников из плена напрямую зависели от суммы собираемого ежегодно налога — полоняничных денег. Выкупом пленных в разное время занимались центральные учреждения — Большой Дворец и Большой Приход. В XVII в. полоняничный сбор подлежал отсылке в Посольский приказ, ведавший иностранными делами. Денежные средства поступали из Владимирской, Галицкой, Костромской, Устюжской, Новгородской четей, Казанского и Большого Дворцов, Монастырского, Пушкарского, Стрелецкого приказов и других учреждений. С 1670 г. Посольскому приказу был подчинён Полоняничный приказ (Приказ полоняничных дел), ведавший военнопленными. Он эффективно функционировал до 1678 г. и был упразднён в связи с передачей дел о полоняниках в Земский приказ.

По подсчётам П.Н. Милюкова, в 1656 – 1664 г. сумма собранных полоняничных денег колебалась от 5,5 до 30 тысяч рублей, но, благодаря тому что Посольский приказ расходовал на выкуп пленных гораздо меньше, чем получал, в ведомстве в иные годы накапливался остаток до 70 тысяч рублей, а с поступлениями текущего года достигал 82,5 тысяч рублей. Кроме того, помимо обязательного сбора для окупа пленных поступали пожертвования «по душе» от частных лиц²⁹.

Сбор полоняничных денег (как и других государственных податей) возлагался на крестьянскую и посадскую общины, землевладельцев и местную администрацию. Сбор налога начинался по государеву указу, который, как правило, издавался ежегодно. Собранные деньги отправлялись в Москву, куда с ними выезжали специально выбранные целовальники-«посыльщики»³⁰.

Суммы полоняничных денег, поступавших в государеву казну, фиксировались в книгах сбора денег и платёжных отписях. К примеру, в архиве Кирилло-Белозерского монастыря сохранились «книги збора денег на окуп пленных с монастырские вотчины Белозерского, Вологодского и Пошехонского уезда» (октябрь 1665 – 9 марта 1666 г.)³¹. Их изучение позволяет проследить процесс сбора полоняничных денег в крупной монастырской вотчине.

В преамбуле к книгам сбора денег отмечалось: в октябре 1665 г. строитель старец Аврамей Логинов с подворья в Москве писал властям о том, что «по указу великого государя платил он в ево, великого государя, казну» с монастырской вотчины Кирилло-Белозерского монастыря с «крестьянских и з бобыльских дворов пленным на окуп» «з двора по осми денег», а также «на расход от описей» с десяти дворов по четыре деньги. Полоняничные деньги в селах с деревнями (волостях) собирали крестьянские сборщики и сдавали их назначенному монастырской администрацией «збирать те деньги» службе Максимке Григорьеву, он же «писал книги збору пленным на окуп»³².

В «книгах збору пленным на окуп» перечислены волости, количество дворов, собранная с них денежная сумма и имена крестьян сборщиков. Так, например, в Волоке Славинском учтено 429 дворов крестьянских «да четыре двора поповые, четыре двора дьячковых». Староста Василий Петров заплатил 18 рублей 11 алтын 2 деньги. В Рукине Слободке — 233 двора крестьянских, 2 двора поповых, 2 двора дьячковых. Староста Денис Микулин заплатил 9 рублей 31 алтын 3 деньги. В Ярбозеро — 55 дворов крестьянских, 2 двора поповых, 2 двора дьячковых. Максимко Евтифеев заплатил 2 рубля 13 алтын. В Романовой Слободке — 130 дворов крестьянских, 3 двора поповых, 3 двора дьячковых. Приказчик Иван Алтуфьев заплатил 5 рублей 23 алтына 2 деньги. В Елизарове Раменье — 65 дворов крестьянских, двор попов, двор дьячков. Крестьянин Захарко Дмитриев заплатил с 52 дворов 2 рубля 6 алтын. Замолотчик старец Феодосей писал, что 15 крестьянских дворов пусты: «...крестьяне совсем збрали в мир и взять де тех денег не на ком». В Великоселье —

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

20 дворов крестьянских. Фёдор Михайлов заплатил 28 алтын. По сравнению с 1664 г. было «недонято» с двух бобыльских дворов, так как «бобыли скитаются в мире и денег брать не на ком». В Танице — 28 дворов крестьянских, 2 дворов бобыльских, двор попов. Староста Траска Степанов заплатил 1 рубль 10 алтын.

Всего было собрано полоняничных денег с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря на сумму 146 рублей 16 алтын 2 деньги. По соборному приказу эти деньги 9 марта 1666 г. были отданы казначею старцу Тимофею, который их «принял и руку приложил».

Последняя запись в «книгах збора денег на окуп пленных с монастырские вотчины Белозерского, Вологодского и Пошехонского уезда» (октябрь 1665 – 9 марта 1666 г.) гласила: «До того ж збору денег донять подмонастырных приходов с поповых и 3 дьяковых с 7 дворов. Да подмонастырных слобод на монастырских людех со 178 дворов 7 рублей 13 алтын. А добирать те деньги по росписи велено казначею старцу Тимофею»³³.

Динамику поступлений полоняничных денег с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря с 1649 по 1672 г. позволяют проследить списки с платежных отписей³⁴. По государеву указу в казну в Приказ Большого дворца (1649 – 1651 г.) и Монастырский приказ (с 1652 г.) ежегодно собиралось полоняникам на окуп по 8 денег с дворов крестьян, бобылей, а также попов, дьячков и монастырских слуг. С 1649 по 1658 г. с 3813 крестьянских и бобыльских дворов Кирилло-Белозерской вотчины ежегодно в казну на окуп пленных собиралось 152 рубля 17 алтын 2 деньги. В 1659, 1660 и 1661 г. с 3855 дворов (включая 42 двора каргопольской вотчины) собирали по 154 рубля 6 алтын 4 деньги. В 1662 г. с 3945 дворов собрали 157 рублей 26 алтын 4 деньги. С 1665 по 1671 г. с 3885 дворов ежегодно собирали 155 рублей 13 алтын 2 деньги; в 1672 г. с 3861 дворов собрали 154 рубля 14 алтын 4 деньги. Наконец, за весь рассматриваемый период с 60 дворов монастырских слуг (служных дворов) ежегодно собирали 2 рубля 13 алтын 2 деньги³⁵. Как видим, совокупный денежный сбор на окуп пленным с вотчины Кирилло-Белозерского монастыря зависел от числа живущих дворов. При этом крестьяне, бобыли, священники, дьячки, монастырские слуги платили одинаково по 8 денег.

Сведений о взимании полоняничных денег с черносошного крестьянства и посадского населения Поморья (Европейского Севера и Приуралья) до середины XVII в. в источниках не обнаружено. Это дало основание М.А. Мацуку утверждать, что налог был введён на рассматриваемой территории государства решением Земского собора 1648/1649 г., которое было внесено в Соборное Уложение 1649 г. (гл. VIII; ст. 1)³⁶. О взимании полоняничных денег с налогоплательщиков Поморья сохранилось мало известий. К примеру, первое упоминание об окладе сбора на окуп пленным на Вятке относится к 1674 г.; он составлял в год по 267 рублей 64 копейки. Первые сведения об уплате полоняничных денег вятчанами сохранились за 1653/54 г. В этом и следующем году налога было принято «с Вятки, со всех пяти городов, с посадов и с уездов с посацких людей и с уездных крестьян и с Каринской волости с татар, и с чуваш, и с остяков» — 208 рублей 10 копеек. В 1656/57 г. вятчане уплатили 209 рублей 54 копейки. Следующие данные о взимании на Вятке полоняничных денег относятся к 1673/74 г., когда тяглецами было уплачено 245 рублей 51 копейка. Недобор составил 22 рубля 13 копеек. В 1677/78 г. государева казна получила с Вятских уездов 196 рублей 10 копеек полоняничных денег. Сохранившиеся данные об уплате вятчанами налога свидетельствуют, что несмотря на небольшой размер сбора, имелись недоимки. По мнению М.А. Мацука, недобранные полоняничные деньги с обнищавших вятчан не правились, а были в конце концов списаны³⁷.

В Поморье полоняничные деньги собирались до 1679 г. В результате фискальной реформы многочисленные налоги и сборы были отменены. Царским указом с боярским приговором от 27 ноября 1679 г. предписывалось: «...градским и уездным людям сбор... данных

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

и полоняничных, четвертных, и пищальных, и малых ямщин... и на иные ни на какие мелкие расходы денежных доходов, которые они платили наперед сего... в разных приказах, и, сверх того, по воеводским прихотям, для многих их податей и тягостей отставить»³⁸. Одновременно вводился единый прямой налог — стрелецкие деньги. Однако отменены были полоняничные деньги только для черносошных крестьян и посадского населения Поморья.

Большинство российских налогоплательщиков продолжали ежегодно платить сбор полоняникам на окуп, но отныне он был объединён с ямскими деньгами и его величина сокращена. Сохранились платежные отписи в приёме в государеву казну ямских и полоняничных денег с деревень Курмышского уезда, принадлежащих помещикам Юрловым. Как явствует из первой по времени платежной записи от 17 мая 1681 г., «по государеву цареву и великого князя Фёдора Алексеевича Всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу и по приказу воеводы Емельяна Матвеевича Засецкого принял на Курмыш в приказной избе в государеву казну подьячий Андриюшка Соловьев на нынешней, на 189-й год Степана Матвеева сына Юрлова деревни Свиначовы, а Семаково то же, с задворного и крестьянских с трёх дворов, Бориса Матвеева сына Юрлова с дву дворов, Михаила Матвеева сына Юрлова с трёх дворов, Якима Михайлова сына Юрлова с трёх дворов да казанца Андрея Микитина сына Юрлова деревни Брехановской, а Красное Селцо то же, с задворного и крестьянских с пяти дворов ямских и полонных по десяти денег с двора. И в приходную книгу записал платить денги Якимов крестьянин Юрлова Мишка Панкратьев. К сей отписи воевода Емельян Матвеевич Засецкой печать свою приложил»³⁹. Как видно, в числе налогоплательщиков наряду с крестьянами упомянуты «задворные» — крестьяне, которые в переписных книгах 1678 г. с целью сокращения числа тяглых дворов записывались во дворах соседей или родственников.

В последующих платежных отписках (1683, 1686, 1692) фиксировались сборы только с деревни Свиначовой помещика С.М. Юрлова⁴⁰. Так, 8 декабря 1692 г. «по указу великих государей взято на Курмыш, в приказную избу, в их великих государей казну Курмышского уезду Имзинского стану Степана Матвеева сына Юрлова деревни Свиначовы, а Семаково то же, с трёх дворов ямских и полонянных денег... по десети денег з двора. К сей отписи столник и воевода князь Иван Степанович Засекин печать свою приложил»⁴¹. Как видно, норма платежа осталась прежней, но «задворные» (как налогоплательщики) не упоминаются. Возможно, упомянутые в платежной отписке 1681 г. родственники-помещики С.М. Юрлова не уплатили со своих дворов.

О масштабах недоимок ямских и полоняничных денег свидетельствует именной указ с боярским приговором от 22 апреля 1686 г. В указе отмечалось, что за десять лет (с 1676 по 1686 г.) «по старому и по новому окладу» недоимки ямских и полоняничных денег с городов составили 6495 рублей 21 алтын. Кроме того, за текущий год следовало уплатить 6595 рублей 29 алтын 4 деньги. Общая сумма платежа налога достигала 13091 рубль 17 алтын 2 деньги. Власти повелели «те деньги из доимок выбрать, а на ослушниках доправить» и прислать в Ямской приказ. Однако «доимочные деньги» не были собраны и воеводам пришлось оправдываться: «...уездные люди чинятся ослушны, ямских и полоняничных денег не платят, а иные де помещики и вотчинники после переписных книг крестьянские и бобыльские дворы перевели в иные города, а земли свои покинули впусте»⁴². Но подобные доводы не убедили и указом великих государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича предписывалось: «...которые воеводы в городех денежных доходов на указные сроки не сберут и к Москве сполна не пришлют, и те деньги велено править на них, воеводах, да на них же велено, сверх того, править пеня»⁴³.

16 июня 1686 г. последовал именной указ с боярским приговором, повелевавший уплатить недоимки за прошлые годы (с 1680 по 1686 г.) и «впредь имать» ямские и

III. СТАТЬИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

полоняничные деньги по гривне (20 денег) со двора «с митрополичьих, архиепископских и епископских домовых детей боярских, с монастырских слуг и служебников и со всяких работников, с их бобыльских изб и келей»⁴⁴. Через два месяца, 16 августа, поступила коллективная челобитная «великим государям» от архимандритов, игуменов, строителей, келарей и казначеев с братиею от разных монастырей. В ней челобитчики сообщали, что «их домех изстари живут домовые природные дети боярские и слуги и служебники», которые на государевых службах «в польских и немецких землях» «многие побиты, и в полон поиманы, и переранены», а домовые люди — повары и конюхи — работают в архиерейских домах, и «с тех де дворов изстари и до ныне никаких государевых податей ни в которой приказ, оприч городских мостовых денег, не имывано, и в окладе ни для каких податей не бывали»⁴⁵. Церковные иерархи и монастыри просили государей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича не включать в тягло домовых детей боярских, монастырских слуг и всяких работных людей и не взимать с них ямских и полоняничных денег, чтобы «от того врознь не разбрелись и домам бы их архиерейским в безлюдстве не быть». Власти приняли компромиссное решение. Сбор «доимочных денег» за прошлые годы был приостановлен, но прежде они повелели уплатить установленную ранее «доимку» в 431 рубль 13 алтын 2 деньги⁴⁶. Налоговые сборщики также «доправили» (за 1680 – 1685 г.) со 148 дворов слуг, служебников, конюхов, поваров и «со всяких работников» вотчины Спасо-Ярославского (Ярославского Спасо-Преображенского) монастыря 74 рубля. От уплаты ямских и полоняничных денег освободили лишь монастырских служек и служебников, чьи дворы были сломаны и «дворовая их земля в посад отдана»⁴⁷. Одновременно «великие государи» указали и Боярская дума приговорила «со архиерейских с домовых детей боярских, и с монастырских слуг, и служебников, и всяких чинов работных людей» ямские и полоняничные деньги с 1687 г. «и впредь имать по переписным книгам» по 20 денег с двора⁴⁸.

Несмотря на принимаемые властями меры, направленные на повышение эффективности сбора налога, недобор ямских и полоняничных денег повсеместно нарастал. В именном указе с боярским приговором от 14 августа 1688 г. отмечалось, что «донять с городов» удалось 969 рублей 5 алтын и повелевалось для правежу городов, которые не уплатили денег «сполна», направить подьячих Ямского приказа с московскими стрельцами. Воеводам, не приславшим «доимочных денег» и проявившим непослушание, послали государевы грамоты с предупреждением: «...а буде они тех денег в Москве в Ямской приказ всех сполна к сроку не вышлют, и те доимочныя деньги доправить на них, воеводах, и на людех их, и на крестьянах»⁴⁹. Пройдет более десяти лет и для сбора недоимок «с Луховского и Шуйского уездов» власти, как и прежде в сентябре 1701 г., направят из Ямского приказа сборщика С.Ф. Бестужева, ему отведут «на пасадах съезжей и постоялые дворы»⁵⁰.

Собирать ямские и полоняничные деньги продолжали и в первое десятилетие XVIII в. К примеру, в 1707 г. в Шуе в приказной избе было принято с вотчины стольника Я.Т. Собакина сельца Иванова Борисоглебской волости Шуйского уезду с 25 дворов 41 алтын 4 деньги. Заплатил налоговый сбор староста Данило Иванов⁵¹. 14 октября 1708 г. в государеву казну «взяли деньги» с вотчин М.Н. Чирикова, деревни Костяновой, в Ростовском уезде с 4 дворов крестьянских «по десяти денег з двора и того шесть алтын четыре деньги». Заплатил налоговый сбор крестьянин С.Б. Мальгин⁵².

В ведомостях о налогах в 10-е годы XVIII в. ямские и полоняничные деньги входили в состав постоянных («ординарных», «окладных», «табельных») налогов. Они являлись старыми («приказными») сборами, взимавшимися по 5 копеек с помещичьих и по 10 копеек с церковных и монастырских крестьян и сохранили своё название до конца существования подворного обложения в России (1724 г.)⁵³.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

Итак, на протяжении длительного времени (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.) сбор полоняникам на окуп прошёл следующую трансформацию: из нерегулярного добровольного пожертвования к ежегодно взимавшейся подати (полоняничные деньги) затем превратился в объединённый налог — ямские и полоняничные деньги, и наконец — в архаичный мелкий сбор с многочисленными недоимками.

Ликвидация полоняничного налога во многом была обусловлена международно-правовым регулированием военного плена России с Османской империей. Для обеспечения безопасности южных границ страны Пётр I совершил Азовские походы 1695 и 1696 г. Турецкая крепость пала, и Азов стал опорным пунктом России на южных рубежах. 3 июля 1700 г. между воюющими государствами было заключено перемирие. Турецкая сторона брала на себя обязательство «прежестокими указами» добиться, чтобы находившийся в вассальной зависимости крымский хан «и вообще татарские народы и орды» «повиновались и покорялись статьям мирным» и впредь «ни с малою или с великою воинскою силою на страны, и на города, и на села владения его царского величества московского... не ходить, и неприятельств и напусков да не творят, и в полон да не берут, и скота да не отгоняют, ни тайно, ни явно убытка и урону да не наносят, ни иным каким ни есть образом да не докучают, но совершенною крепостию и радением соседства согласие обоей стороны да блюдут».

Статья IX Константинопольского трактата провозглашала взаимный «честный размен» и «без цены освобождение» пленных, кроме тех, кто принял в России православие, а в Турции «учинився мусульманами». Полоняники, которые находились в частном владении, должны были быть освобождены «мерным и честным окупом», и российские власти получили право направлять своих представителей для сыска и выкупа таких пленных, разрешая «всякой спор приличною честностию и приусердствованием меж странами»⁵⁴.

Дальнейшее развитие вопрос об освобождении русских пленных «из бусурманского плена» получил в Прутском договоре 1711 г. Согласно русско-турецкому соглашению все без исключения пленные возвращались, несмотря на их число, без окупа и «поголовного розмена», что не только подтверждало, но и заметно расширяло в этой части действие статей Константинопольского трактата 1700 г.⁵⁵ Принцип обмена пленных «всех и без всякого изъятия», «без размены и без выкупа за деньги» был закреплён в Белградском договоре (1739) (артикул 7) и Кючук-Кайнарджийском договоре (1774) (арт. 25) о вечном мире и согласии между Российской империей и Оттоманской Портой⁵⁶.

После подписания 8 апреля 1783 г. Екатериной II Манифеста «о принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под Российскую державу» окончательно был «истреблен корень» «стократного разорителя» пограничных территорий и работорговца русских полоняников на восточных рынках «живого товара»⁵⁷. Глава Военной коллегии Г.А. Потемкин с восторгом писал императрице: «Земли на которые Александр и Помпей, так сказать, лишь поглядели, те Вы привязали к скипетру российскому, а таврический Херсон — источник нашего христианства, а потому и людскости (то есть человечности, гуманности – С.К.). Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской»⁵⁸.

- ¹ Лохвицкий А.В. О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). М., 1855. С. 26–27.
 - ² ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 294.
 - ³ Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. Пг., 1918. Вып. 1. С. 12.
 - ⁴ Российское законодательство X – XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 270.
 - ⁵ Там же. С. 350, 351.
 - ⁶ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Кн. 11. Л. 78, 264 об., 322, 332, 334, 345, 365 об., 445, 449.
 - ⁷ Там же. Л. 375.
 - ⁸ Милоков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства : Рецензия на книгу А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892. С. 66–71.
 - ⁹ Абрамович Г.В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI – первой четверти XVII века // История СССР. 1972. № 3. С. 76.
 - ¹⁰ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 230 ; Абрамович Г.В. Государственные повинности владельческих крестьян ... С. 76.
 - ¹¹ Боярский приговор о станичной и сторожевой службе (16 февраля 1571 г.) // Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук. СПб., 1890. Т. 1 : Разрядный приказ. 1571 – 1634. С. 2–5.
 - ¹² Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси ... С. 230–231.
 - ¹³ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 71.
 - ¹⁴ Цит. по: Шмидт С.О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А.А. Новосельского. М., 1961. С. 34.
 - ¹⁵ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008. С. 14–15.
 - ¹⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. ; Л., 1948. С. 436.
 - ¹⁷ Жуков В.Д. «Крымские полоняники» и их выкуп в 50-х годах XVII в. : К истории колонизации южной окраины Московского государства // Вестник Российского университета Дружбы народов. 2012. № 4. С. 34–35.
 - ¹⁸ Жуков В.Д. Общая милостыня. Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII века // Родина. 2014. № 11. С. 96.
 - ¹⁹ Лавров А.С. Военный плен и рабство на границах Османской империи и Российского государства в 17 – начале 18 века // ГИИМ. Доклады по истории 18 века. DNI Moskau : Vortrage zum 18. Jahrhundert № 5 (2010). С. 42.
 - ²⁰ Цит. по: Жуков В.Д. Общая милостыня. С. 97.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии / подгот. текста Л.И. Ивиной ; коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха. Л., 1987. С. 27, 28.
 - ²³ Цит. по: Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. С. 1415.
 - ²⁴ РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). 1629 г. Д. 1. Л. 71, 79.
 - ²⁵ Соборное Уложение 1649 года. С. 102–117, 307, 326, 339.
 - ²⁶ Там же. С. 27–28, 173.
 - ²⁷ Жуков В.Д. «Крымские полоняники» ... С. 36–39.
 - ²⁸ Гессен Ю.Л. Пленные в России с древних времен. С. 27–29, 38.
 - ²⁹ Милоков П.Н. Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 53.
 - ³⁰ Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацкило М.К. История налогов в России IX – начало XX века. М., 2006. С. 58.
 - ³¹ РГАДА. Ф. 1441 (Кирилло-Белозерский монастырь). Оп. 1. Д. 492.
- Материалы из архива Кирилло-Белозерского монастыря предоставила З.В. Дмитриева.
- ³² Там же. Л. 2.
 - ³³ Там же. Л. 3, 4, 4 об., 5 об., 7 об., 9–10.
 - ³⁴ Там же. Д. 223 (Отписи Монастырского, Стрелецкого, Ямского и других приказов в приёме денег и хлеба за 1616 – 1672 гг.). 147 л.
 - ³⁵ Там же. Л. 39–51.
 - ³⁶ Мацук М.А. Фискальная политика Русского государства и черносошное крестьянство Восточного Поморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998. Ч. 1–2. С. 164.
 - ³⁷ Там же. С. 171–172, 176–177.
 - ³⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. С. 220.
 - ³⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 156 (Юрловы). Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
 - ⁴⁰ Там же. Л. 37, 46, 73.
 - ⁴¹ Там же. Д. 73. Л. 1.
 - ⁴² ПСЗ. Т. II. С. 769.
 - ⁴³ Там же.
 - ⁴⁴ Там же. С. 808.
 - ⁴⁵ Там же. С. 814.
 - ⁴⁶ Там же. С. 829–830.
 - ⁴⁷ Там же. С. 797.
 - ⁴⁸ Там же. С. 815.
 - ⁴⁹ Там же. С. 941–942.

III. ARTICLES ON ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- ⁵⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 21 (В.А. Борисов). Д. 744. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Д. 762. Л. 1.
- ⁵² Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
- ⁵³ *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России : 1719 – 1728 гг. Л., 1982. С. 22–23.
- ⁵⁴ ПСЗ. Т. IV. С. 66–72.
- ⁵⁵ Там же. С. 715.
- ⁵⁶ Там же. Т. X. С. 901–902 ; Т. XIX. С. 965–966.
- ⁵⁷ Там же. Т. XXI. С. 897–898.
- ⁵⁸ Екатерина II и Г.А. Потемкин : Личная переписка 1769 – 1791 / изд. подгот. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 180.

Е.А. А н д р е е в а

ПРОИЗВОДСТВО «ГОЛЛАНДСКОЙ» ПЛИТКИ В РОССИИ В ПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ:

легенды и факты*

Первое упоминание об интерьерах, отделанных расписной фаянсовой плиткой, сделанной в Нидерландах, относится ко времени правления царевны Софьи: её фаворит князь В.В. Голицын в 80-е годы XVIII в. облицевал этим материалом стены спальни в своём дворце в Москве, в Охотном ряду (сейчас на этом месте здание Государственной думы Российской Федерации)¹.

Широкое распространение голландская плитка получила уже при Петре I в Санкт-Петербурге. 1 ноября 1713 г. царь отправил в Амстердам русскому министру в Гааге Б.И. Куракину распоряжение купить и прислать в город на Неве от 10 до 12 тысяч голландских расписных фаянсовых плиток. Корабль из Гааги, вооружённый 56 пушками, отправился в Санкт-Петербург 10 февраля 1714 г.² В следующем году царь распорядился прислать ещё 10 тысяч плиток: «...вели приказать отпустить самые лучшие, которыми окна выкладывают и чтоб по оным синеню краскою было написано»³. Вероятно, именно эти заказанные царём 10 тысяч плиток вёз Н.А. Сенявин на корабле «Де Страфорт», который вышел из Амстердама в Санкт-Петербург 19 июня 1716 г.⁴ Поскольку помещения, облицованные плитками в Зимнем дворце, начали строить с 1716 г., а самые ранние документы об облицовке помещений плиткой датируются 1718 г.⁵, можно заключить, что эти плитки предназначались для Летнего дворца.

На корабль «Де Страфорт» было погружено 20 ящиков по 500 плиток в каждом. Документ (см. сноску 5) содержит редкую информацию — описание и стоимость плиток. 1200 штук было «самых добрых, лазоревых», очень дорогих — по 110 гульденов за 1000 штук, то есть бело-синих, вероятно, с высоким качеством росписи и сделанных в Роттердаме или Амстердаме. Ещё 1400 плиток обозначены как «ландшхапен метлели». Они были почти в два раза дешевле — по 60 гульденов за 1000 штук. На них были изображены пейзажи. Что означает «метлели», пока не ясно. 1400 «сих же з гвоздичными цветами» по той же цене, то есть пейзажи с угловыми заполнениями «гвоздика». Такие плитки производились в Амстердаме⁶. Ещё 1000 плиток были «с караблями не в округлости», стоимостью

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-04-00148.

IV. ARTICLE ON THE HISTORY OF ART

по 55 гульденов за 1000 шт., на них были изображены корабли, но не вписаны в круглую рамку. 1100 «сих же в округлости» были дороже — по 62 гульдена за 1000 шт. Плитки с изображением кораблей с рамками и без них, скорее всего, были сделаны в Роттердаме или переехавшими на рубеже XVII – XVIII веков из Роттердама в Амстердам мастерами. Ещё 1900 плиток «ландшапен», то есть с пейзажами, стоили 55 гульденов за 1000. Вероятно, они были среднего качества росписи; возможно, были сделаны в Утрехте или Фрисландии. Везли также 1900 белых плиток, судя по всему, без росписи. Их стоимость была 26 гульденов за 1000 штук⁷.

Помимо дворцов Петра I, голландская плитка проникала во дворцы петербургской знати. По всей видимости, первым стал дворец генерал-адмирала Ф.М. Апраксина на Адмиралтейском острове, в который в 1714 г. из Нидерландов через купца Х. Брандта было заказано «1000 плиток ценинных, по белой земле синий кулер»⁸, то есть с синей росписью на белом фоне.

Следующим, вероятно, был дворец петербургского генерал-губернатора А.Д. Меншикова на Васильевском острове, интерьеры которого с 1717 г. отделялись плиткой⁹.

Таким образом, впервые голландская фаянсовая плитка попадает в Петербург в 1714 – 1718 г. Вместе с тем на сегодняшний день в литературе широко распространено мнение о том, что в Петровское время производилась русская «голландская» плитка. В части работ говорится о налаживании производства в Подмосковье, в других — под Петербургом.

Рассмотрим происхождение каждой из этих версий.

Практически все работы, посвящённые керамическим отделочным материалам, начинают своё повествование с событий, изложенных в труде архимандрита Леонида (Кавелина)¹⁰. Архимандрит цитирует документы, согласно которым по царскому указу от 30 ноября 1709 г. в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь (ныне находится в г. Истра Московской обл., в 40 км к северо-западу от Москвы) были присланы два шведских пленных гончарных мастера — Ян Флегнер и Кристиан. Эти мастера сделали образцы, которые царю не понравились. В августе 1710 г. последовал царский указ: «...велено шведам, которые отданы в Воскресенской монастырь, ныне сделать немедленно швецким манером печных изразцов гладких, белых, а по них травы синеею краскою, как у князь Матфея Петровича Гагарина, из добрые земли, а не с такие, что образец казали, чтоб были в деле чисты, 10 печей». Из текста следует, что хотя образцы Петру I не понравились, он всё же распорядился, чтобы эти пленные шведы сделали большое количество изразцов — на 10 печей. Вероятно, они сделали изразцы не тем «манером»¹¹. И в указе царь подробно объясняет, какие изразцы ему нужны: такие, как в доме князя М.П. Гагарина, — гладкие (то есть не рельефные), где на белом фоне роспись синей краской с изображением растений и цветов. Речь идёт о московском доме князя М.П. Гагарина на Тверской ул. (не сохранился), который был построен архитектором Л.Ф. Фонтана в 1707 – 1708 г.

В «Полном собрании законов Российской империи» и в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» за соответствующие годы эти царские указы отсутствуют¹². В точности передачи их текстов приходится доверять архимандриту Леониду. Хотелось бы отметить, что, активно пересказывая из работы в работы эту историю, многие авторы черпают информацию не из работы священнослужителя, а из пересказа этой истории последующими авторами, главным образом из монографии и статьи Н.В. Султанова¹³ и статьи Н.В. Воронова¹⁴.

Вместе с тем следует отметить, что Н.В. Воронов не различает понятий «изразец» и «плитка», поэтому в его труде заказанные царём «изразцы» становятся «плиткой»: «Пётр решил наладить производство подобных же плиток в России, для чего 30 ноября 1709...

IV. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА

в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь были присланы для гончарной работы «два человека швецкого полону — Ян Флегнер и Кристиан»¹⁵. Эта история о налаживании в 1709 г. Ново-Иерусалимском монастыре производства плитки кочует из одной работы в другую. Так, С.И. Баранова, ссылаясь на статью архимандрита Леонида, приходит к выводу, что пленным шведам в 1709 г. «приказано делать живописные **плитки** (здесь и далее выделено нами. — Е.А.) и изразцы "на манер галанских"»¹⁶.

Исследователи не акцентируют внимание на том, что делать голландские плитки Пётр I нанимает не голландцев, а шведов. Производилась ли в Швеции плитка? Нам удалось изучить этот вопрос во время стажировки в Швеции, работая в архивах и библиотеках Стокгольма и Упсалы и в Музее керамики и фарфора в Густавсберге¹⁷. В Швеции не производили плитку, а производство изразцов там было налажено довольно давно. В форме и конструкции изразцовых печей Швеции соединялись традиции Дании и Северной Германии. Обычно печи состояли из нескольких ярусов и ниш и устанавливались на чугунном основании. Изразцы, как и в Германии, изначально были рельефными, чаще всего покрыты коричневой или зелёной поливой. Позднее стали делать плоские прямоугольные изразцы, где на белом фоне наносилась роспись. К концу XVII — началу XVIII в. под влиянием белоголубого нидерландского фаянса изразцы стали расписывать синей, кобальтовой краской¹⁸.

* * *

Другие авторы развивают тему о налаживании в Санкт-Петербурге в Петровское время плиток, «трудно отличимых» от голландских.

По всей видимости, начало этому тезису было положено заметкой М.А. Тихомировой «Возрождение Монплезира», опубликованной в 1956 г., где читаем: «Считалось, что кафли были привезены из Голландии, но это утверждение было опровергнуто архивными документами. Установлено, что кафли для Монплезира изготовлялись в 1719 — 1722 годах на Новых Невских и Стрельнинских кирпичных заводах учившимися в Голландии русскими мастерами Иваном Алабыным, Иваном Жеребцовым, Алексеем Ливонским, Фёдором Григорьевым, Иваном Степановым и другими»¹⁹.

Статья не содержит справочный аппарат. На чём же основывался автор? В фонде «Канцелярии от строений» РГИА нам встречались документы, в которых содержатся сведения об упоминаемых М.А. Тихомировой мастерах. Исследователь была знакома с несколькими из этих документов²⁰. Здесь подчеркнём два момента. Во-первых, имена мастеров, выявленные М.А. Тихомировой, будут приводиться во всех работах по голландской плитке. Во-вторых, как показывает анализ источников, а также исследование В.А. Коренцита и И.И. Сергиенко, мнение М.А. Тихомировой о том, что все эти мастера учились в Нидерландах ошибочно. Туда был отправлен только гончарный мастер Иван Прокофьевич Алабын, который вместе с двумя другими учениками Славяно-греко-латинской академии, Ермолаем Кравцовым и Данилой Овсянниковым, обучался в Амстердаме «делу» цветников и садовых урн. В документах об обучении нет сведений о том, чтобы он обучался изготовлению плитки, что, впрочем, этого не исключает. Кроме того, следует отметить, что эти три ученика обучались всему процессу производства: выделке глиняной формы, обжигу, покрытию глазурью, росписью, повторному обжигу²¹.

Из многочисленных документов фонда «Канцелярии от строений» следует, что Иван Жеребцов, Алексей Ливонский, Фёдор Григорьев и Иван Степанов были не гончарами, а живописцами. Они работали на Новых кирпичных заводах, на Гончарном дворе, в 1715 — 1720 г. и расписывали изразцы²². Нам удалось обнаружить документ, согласно которому в 1720 г. эти живописцы подрядилась к другим работам: выкрасить и вызолотить железную решетку

IV. ARTICLE ON THE HISTORY OF ART

в Петергофе²³. Кроме того, нет источников о том, что они обучались в Нидерландах. Как отсутствуют и сведения о том, что эта бригада изготавливала облицовочные плитки, и в частности в 1719–1720 г. плитки для Монплезира. Вместе с тем большое количество документов содержат ведомости о количестве и типах расписанных ими печных изразцов²⁴.

В своей статье М.А. Тихомирова опубликовала фотографии плиток с надписью «Кафельные плитки русской работы первой половины XVIII в.». Перед нами архитектурные пейзажи и пасторальные сцены, обрамлённые в «большой круг» с угловыми заполнениями, называемыми в нидерландской специальной литературе «голова быка», и одно изображение корабля в «большом круге» с угловым заполнением «паук»²⁵. Анализ сопоставления изображений этих плиток с голландскими расписными плитками приводит к однозначному выводу — это достаточно распространённые по сюжету плитки, сделанные в начале XVIII в. Часть из них, например корабль, изготовлены в Роттердаме, другие, возможно, в Амстердаме или Утрехте²⁶.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что М.А. Тихомирова называет плитки «кафлями». Возможно, автор, полагая, что так в то время называли плитки, приняла сведения, содержащиеся в документах об изготовлении изразцов, за изготовление плитки. Отсюда и происходит вывод об изготовлении плиток для Монплезира на Новых заводах в 1719 г. –20-х годах XVIII в.²⁷. Здесь следует отметить, что массовое изучение источников привело к однозначному выводу: источники чётко различают изразцы (образцы, кафли, кахли) и плитку²⁸.

В 1968 г. вышел альбом «Русские изразцы». Во вступительной статье к альбому Ю.М. Овсянников утверждал, что в Санкт-Петербурге, на Невском кирпичном заводе, началось «слепое копирование» голландских плиток, которое продлилось недолго. Плиток было выпущено «небольшое количество». Автор называет имена уже знакомых нам мастеров: Фёдор Григорьев и Алексей Ливонский. По мнению Ю.М. Овсянникова, именно эти мастера делали плитки для Монплезира. По всей видимости, эти сведения, сократив количество мастеров, Ю.М. Овсянников почерпнул из труда М.А. Тихомировой. По его мнению, первоначально русские мастера «точно перенесли узор с голландских плиток на типично русские изразцы», а потом на основе иностранных рисунков стали создавать свои композиции и узоры. В качестве доказательства автор упоминает изразцы, хранящиеся в Краеведческом музее Великого Устюга, на которых изображены «голландские домики, мельницы и корабли, повторяющие плитки Брауншвейгской мануфактуры». Кроме того, по мнению Овсянникова, одна из печей Летнего дворца облицована изразцами «с рисунками на голландский манер»²⁹.

Брауншвейгская мануфактура — это, судя по всему, основанная герцогом Антоном Ульрихом в 1707 г. «Porcelainfabrik nach Delfischer Art» (Фарфоровая фабрика делфтского искусства), на которой с 1710 г. началось производство плиток³⁰. Обратим внимание читателя на то, что Ю.М. Овсянников не видит разницу между двумя облицовочными керамическими материалами: изразцами и плиткой, поскольку в качестве доказательства налаживания производства русских «голландских» плиток приводит изображения на изразцах Великого Устюга, а также на изразцах печи в Летнем дворце Петра I в Санкт-Петербурге.

Остановимся подробно на этой печи. Судя по всему, автор имел в виду сохранившуюся в Кофейной комнате (бывшей Токарне) Летнего дворца печь с рельефными бело-синими изразцами. Изучение формы изразцов, росписи на них и их сравнение с нидерландскими, немецкими плитками, а также с немецкими печными изразцами позволили сделать следующий вывод: роспись изразцов на печи в Летнем дворце совпадает не с голландскими плитками, а с немецкими печными изразцами. Например, идентичными по форме и росписи изразцами с такими же колонками облицована печь в Херенхаусе в Нойштадте-ам-Рюбенберге (Neustadt am Rübenberge), сделанная в Гамбурге около 1700 года³¹.

IV. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Версию о производстве плиток в России развивает в своём, ставшем классическим альбоме по изразцам С.А. Маслих. Фраза о том, что «в 1719 – 1720-х гг. эти мастера делали облицовочные плитки наподобие делфтских для керамических панелей Монплезира в Петергофе», повторяет вывод М.А. Тихомировой, однако отсылка к её работам С.А. Маслих не делает. Далее исследователь повторяет её вывод: «Обученные в Голландии русские гончары в совершенстве овладели техникой иноземной росписи, и изготовленные ими для Монплезира облицовочные плитки трудно отличимы от выполненных голландскими мастерами в Делфте»³².

Л.П. Дорофеева в свою очередь, утверждает: «Частично их (плитки. – Е.А.) привозили из Голландии... их производство было налажено также в Петербурге и наиболее плодотворно — на кирпичных заводах Стрельны»³³. Автор также полагает, что в 1716 – 1720 г. гончарные мастерские на казённых и частных заводах Санкт-Петербурга и окрестностей «производили десятки тысяч печных изразцов и стенных плиток»³⁴. Вместе с тем в документе, на который ссылается автор, речь идёт о получении этими мастерами денег за роспись печных изразцов: «По указу великаго государя и по выпискам за подписанием князя Алексея Михайловича Черкаскаго живописцом, которые обретаются при Новых кирпичных заводах у писма обрасцов, давано заделных денег с прошлого [1]715 году по нынешней [1]718 год, а имянно Ивану Жеребцову, Фёдору Григорьеву, Ивану Степанову, Алексею Ливонскому за писмо оных обрасцов по 2 денги, а за наугольники за полтора»³⁵.

По мнению Л.П. Дорофеевой, Меншиковский дворец «отделялся не только привозными плитками. Изготавливались и расписывались плитки также в гончарных мастерских при кирпичных заводах Санкт-Петербурга и окрестностей»; именно на Стрельнинских заводах трудились голландские мастера, которые обучали русских гончаров, а кроме того, «группа русских художников была послана на обучение в Голландию и с 1719 года работала самостоятельно на Гончарном дворе в Стрельне». Для подтверждения своих слов автор цитирует документ, обратившись к которому, мы находим сведения об очередной поставке в дом А.Д. Меншикова изразцов³⁶.

Плитки без рамок с угловым мотивом «паук» Л.П. Дорофеева объединила в серию «архитектурный пейзаж» и высказала осторожное предположение, что часть этих плиток сделана в России, на Новых и Стрельнинских кирпичных заводах³⁷. Мы обратились за консультацией к голландским коллегам, которые установили, что эти плитки имеют нидерландское, а не русское происхождение и были изготовлены в Утрехте³⁸.

В отношении плиток с изображением кораблей Л.П. Дорофеева также делает вывод, что часть из них сделана в России. В качестве подтверждения своих слов автор пишет без ссылки на источник: «В архивах были найдены счета за оплату "кафеля" гончарам Стрельнинского кирпичного завода, указывающие на их участие в декорировании дворца изразцами»³⁹. Автор не указывает шифр источника, но, как уже отмечалось выше, под «кафелем» в документах обозначались изразцы, а не плитки. Следует отметить также, что Л.П. Дорофеева допускает смешение терминов: пишет об изображении кораблей на плитках, приводит цитату о «кафеле» и тут же говорит об отделке помещений «изразцами».

Более осторожна в суждениях Е.М. Баженова. По её мнению, «первые сведения об отечественных стенных плитках, доставленных в Зимний дворец с Новых кирпичных заводов, мы встречаем в документах 1724 года»⁴⁰. В указанном автором документе читаем: «1724-го октября в 26 день... приказали к починке в доме Его Императорскаго Величества в полатах... отпустить... а имянно кафли, что есть с Новых заводов от порутчика Матова...». Здесь речь идёт об изразцах, что видно из других документов в этом деле. Например: «А на вышписанную работу... надобно... обрасцов живописных...»⁴¹.

IV. ARTICLE ON THE HISTORY OF ART

Вместе с тем, в отличие от М.А. Тихомировой и Л.П. Дорофеевой, Е.М. Баженова не пишет о том, что выявленные в ходе археологических работ на месте Зимнего дворца плитки русского производства. По мнению автора, «ни архивные данные, ни исследование участка не внесли ясности в их (русских плиток. — Е.А.) характеристику»⁴².

Следует обратить внимание на то, что до сих пор в литературе продолжается терминологическая путаница и распространено мнение о русском происхождении плитки, которой облицованы петербургские и пригородные дворцы⁴³.

* * *

В одной из своих статей Л.П. Дорофеева называет имя мастера, который мог наладить в России производство плиток. Автор связывает царское распоряжение от 1713 г. о присылке мастера из Делфта с прибытием в 1718 г. в Петербург Петра (Питера) Эггбрехта, причём исследователь называет его «известным мастером дельфтского фаянса»⁴⁴. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Создатель фарфора Йохан Фридрих Бёттгер (Johann Friedrich Böttger) с 1708 г. проводил опыты на мануфактуре в Дрездене и в 1709 г. открыл состав фарфоровой массы. После получения твердого фарфора, его производство в начале 1710 г. было переведено в замок Альбрехтсбург в Мейсен. На дрезденскую мануфактуру был приглашён голландский мастер Петер Эггбрехт (Peter Eggebrecht), который в то время работал управляющим на Королевской фаянсовой мануфактуре Корнелиуса Функе (Cornelius Funcke) в Берлине. В 1712 г. Эггбрехт взял дрезденскую фабрику в аренду. В 1718 г. русское правительство заключило с Эггбрехтом договор на 2 года. Мастер работал в Петербурге два года. В это время дрезденской фабрикой руководила его жена Анна Элизабет. В декабре 1720 г. мастер возвратился в Германию⁴⁵. По договору этот «порцеллиный» мастер и должен был делать «порцелины» исключительно для царя, а также обучать ремеслу русских учеников⁴⁶. Сведения о том, какие именно изделия делал в России П. Эггбрехт и делал ли он плитку, отсутствуют. По мнению И.И. Сергеевко, это связано было с засекреченностью деятельности мастера, поскольку Пётр I стремился узнать секрет производства фарфора⁴⁷.

Вместе с тем известно, что на мануфактуре в Дрездене производилась плитка. Ещё до приезда П. Эггбрехта в 1710 г. на фабрику для налаживания производства голландской плитки был нанят некий голландский мастер Рюллениер (Rüllener), который оказался самозванцем. Он не был голландцем, а был выходцем из Бранденбурга и «ничего не знал о производстве плиток». Было сделано 20 тысяч плиток, но все они оказались бракованными — с них сходила глазурь. Именно для организации производства плиток и был нанят П. Эггбрехт⁴⁸.

Таким образом, работавший в России в 1718 – 1720 г. Петер Эггбрехт был специалистом по голландской плитке. Вероятно, он налаживал в Санкт-Петербурге производство плитки, но подтвердить это документально или самими изделиями невозможно. По всей видимости, как правильно заметила И.И. Сергеевко, русского царя намного больше интересовал вопрос о создании фарфора.

* * *

Р.В. Реброва, ссылаясь на статью Е.М. Баженовой, осторожно пишет о том, что «русские самостоятельно пробовали наладить производство плитки на черепичных и кирпичных заводах». Она ставит вопрос об отсутствии в Санкт-Петербурге белой глины, необходимой для производства фаянса⁴⁹. Следует отметить, что в этой статье впервые в научной литературе говорится о выявленных образцах плитки, сделанной в России, а также опубликована фотография одного из них. Эти плитки (автор не приводит их количество) были обнаружены

IV. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА

в подвале Эрмитажного театра в 1976–1978 г., то есть на месте Зимнего дворца Петра I: «...черепок русской плитки толще, отличается от голландской составом эмали, стилем росписи, тесто серое, с красными и жёлтыми вкраплениями. Проведение химико-технологической экспертизы, сравнивающей эталонные голландские экземпляры и найденные русские образцы, также выявило отличия в составе эмали и глины». Р.В. Реброва отмечает, что состав эмали русских плиток отличается от голландских более высоким содержанием свинца и пониженным содержанием олова. Далее в сноске автор называет русские плитки почему-то «стрельнинской серией»⁵⁰ и приходит к следующему выводу: «Судя по малочисленности найденных фрагментов, попытка заменить голландскую плитку русской не осуществилась»⁵¹.

Этот вывод подкрепляется выявленными нами источниками. Документы хранятся в фонде «Канцелярии от строений» РГИА, в архивном деле (объёмом 481 лист), которое, судя по листу использования, было знакомо и М.А. Тихомировой, и Е.М. Баженовой. Здесь содержится «Переписка с комиссарами, архитекторами и подрядчиками» за 1717–1718 г. В дело подшиты многочисленные ведомости о мастерах и выполненных ими работах. В ноябре 1717 г. на Гончарном дворе при Новых кирпичных заводах⁵² значатся: «Плитники малоумеющие — пять и кирпичники у дела плиток умеющие — два». За октябрь 1717 г. они сделали 4600 плиток. Последующие ведомости перечисляют только работников, упоминаний о сделанных изделиях нет. Так, в ведомости декабря 1717 г.: «Плиточного дела учеником у вышеписанной работы малоумеющим пяти»; в январе 1718 г. значится: «...у гончарной работы плитного дела учеником малоумеющим пяти»⁵³.

Следует отметить, что в следующем архивном деле, в котором подшита «Переписка с комиссарами, архитекторами и подрядчиками» за 1718–1719 г., сведений о плиточниках и производстве плиток не обнаружено. Но есть, к примеру, сведения о том, что в 1719 г. «Зимней дом Царского Величества... пять полат убраны плитками заморскими»⁵⁴.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что в 1709–1710-х г. в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре расписная плитка не производилась. В Санкт-Петербурге в Петровское время не было налажено массовое производство плитки «малоотличимой» от голландской. Архивные источники и выявленные плиточные обломки позволяют сделать вывод о том, что в 1717 г. на Новых кирпичных заводах были предприняты попытки наладить производство плиток силами двух кирпичников, которые, по всей видимости, делали глиняную форму и производили первый (утильный) обжиг изделия. Покрыть же изделие глухой глазурью (эмалью), расписать плитку красками по необожжённой глазури и произвести второй обжиг изделия должны были пять «малоумеющих» учеников. В октябре 1717 г. было сделано 4600 русских плиток. Возможно, найденные на месте Зимнего дворца Петра I фрагменты были из этой партии. Поскольку контракт с Петером Эгтбрехтом был подписан только в июне 1718 г., а приехал он в Санкт-Петербург в конце того же года, можно смело говорить о том, что к налаживанию производства этих плиток голландский мастер отношения не имеет.

Технико-технологический анализ русских плиток, а также сравнение качества глазури и росписи этих плиток с голландскими позволяют говорить о том, что они и внешне, и по составу черепка, толщине, качеству и стилистике росписи, качеству глазури сильно отличались от своих нидерландских прототипов.

Тем не менее состояние источниковой базы на сегодняшний день не позволяет ответить на вопросы о том, как эта сделанная на Новых кирпичных заводах партия русских плиток была воспринята государём, была ли она использована для облицовки каких-либо помещений или каминов, были ли предприняты ещё попытки, помимо этой партии, изготовить плитку на этих заводах или на других, например в Стрельне.

- ¹ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Появление голландской расписной фаянсовой плитки в России во второй половине XVII – начале XVIII в. : историография вопроса // *Петербургский исторический журнал*. СПб., 2016. № 4 (в печати).
- ² ПБИПВ. М., 2003. Т. XIII. Вып. 2. № 6290. С. 152. Черновик начала письма, собственноручно написанный Петром I, см.: Там же. № 6288. С. 150. Там же. Примеч. к № 6290. С. 491 ; *Сергеенко И.И.* Голландские мастера-керамисты и их русские ученики // *Россия и Нидерланды в XVII–XX вв. : Новые исследования и актуальные проблемы: Материалы международной научной конференции (Институт всеобщей истории РАН, 15–16 мая 2013 г.)*. М., 2014. С. 111.
- ³ *Сергеенко И.И.* Голландские мастера-керамисты и их русские ученики. С. 111.
- ⁴ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 28. Л. 723 об. Автор выражает огромную благодарность Т.А. Лаптевой, предоставившей выписки из документа. Источник был обнаружен А.Г. Каминской, выписки из него опубликованы Г.В. Михайловым (*Михайлов Г.В.* Зимние дворцы Петра I : Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 98, 169. Сн. 267).
- ⁵ *Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов: Коллекция Государственного Эрмитажа // *Музей-4 : Художественные собрания СССР*. М., 1983. С. 66.
- ⁶ *Phuis J.* De Nederlandse tegel. Decors en benamingen. 1570–1930 = The Dutch Tile. Designs and Names. 1570–1930 / Third, revised and enlarged edition. Leiden, 2013. S. 540.
- ⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 28. Л. 723 об.
- ⁸ *Саверкина И.В.* Быт петербургского общества 1-й четверти XVIII века : (по материалам фонда Ф.М. Апраксина в ЦГА ВМФ) // *Петербургские чтения (к юбилею города) : Тезисы докладов конференции*. СПб., 1992. С. 85.
- ⁹ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Появление голландской расписной фаянсовой ... (в печати).
- ¹⁰ См., например: *Султанов Н.В.* Изразцы в древнерусском искусстве // *Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, издаваемые А. Прохоровым*. СПб., 1885. Ч. IV. С. 22–23 ; *Воронов Н.В.* Русские изразцы XVIII века // *Памятники культуры. Исследование и реставрация*. М., 1960. Вып. 2. С. 193–195 ; *Сергеенко И.И.* Сюжеты и орнаменты русских изразцов XVIII века // *Памятники русской народной культуры XVII – XVIII вв.* М., 1990. С. 31 ; *Баранова С.И.* Русский изразец : Записки музейного хранителя. М., 2011. С. 300.
- ¹¹ *А. Леонид (Кавелин)*. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре. 1656–1759 г. // *Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее / под ред. Г.Д. Филимонова*. М., 1876. № 1–12. IV. Смесь. С. 84–86.
- ¹² ПБИПВ. М. ; Л., 1950. Т. 9. (январь – декабрь 1709 года). Вып. 1. 527 с. ; М., 1956. Т. 10 (январь – декабрь 1710 года). 870 с. ; ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV (1700 – 1712). 888 с.
- ¹³ *Султанов Н.В.*: 1) Изразцы в древнерусском искусстве. С. 23 ; 2) Древнерусские красные изразцы // *Археологические известия и заметки*. 1894. № 2. С. 369–397.
- См., например: *Маслих С.А.* Русское изразцовое искусство XV – XIX веков. М., 1983. С. 23 ; *Михайлова О.Э.* Материалы к вопросу о развитии русского изразцового производства первой половины XVIII века и его связей с голландскими изразцами // *Прикладное искусство Западной Европы и России : Материалы и исследования : Сборник научных трудов*. Л., 1983. С. 76–79.
- ¹⁴ См., например: *Дутов А.А.* Декоративное оформление печей в Петровскую эпоху // *ТГЭ. [Т.] 78 : Петровское время в лицах – 2015 : Материалы научной конференции / науч. ред. И.В. Саверкина*. СПб., 2015. С. 173 ; *Реброва Р.В.* Петербургский печной изразец XVIII века. Стиль росписей : (к вопросу об атрибуции) // *Меншиковские чтения – 2015 : Материалы Российской научной конференции / отв. ред. П.А. Кротов*. СПб., 2015. Вып. 10. С. 105–106.
- ¹⁵ *Воронов Н.В.* Русские изразцы XVIII века. С. 194.
- ¹⁶ *Баранова С.И.* Русский изразец. С. 300.
- ¹⁷ Автор выражает глубокую благодарность Шведскому институту, благодаря которому удалось осуществить эту исследовательскую работу в 2003 и 2004 годах (Visby program).
- ¹⁸ *Tunander B., Tunander I., Tunander P.* Svenska kakelugnar. Stockholm, 1999. S. 12, 14, 21, 25, 31, 118–119, 133–135, 137–138.
- ¹⁹ *Тихомирова М.А.* Возрождение Монплезира // *Декоративное искусство СССР*. М., 1956. Вып. 11, ноябрь. С. 27.
- См. об этом также: *Гессен А., Тихомирова М.* Работы по реставрации дворца Монплезира в Петродворце // *Теория и практика реставрационных работ*. М., 1972. Сб. 3. С. 18.
- ²⁰ См., например, листы использования: РГИА. Ф. 467 (Канцелярия от строений Е. И. В. домов и садов). Оп. 1. Кн. 5-д ; Кн. 18-а ; Там же. Оп. 4. Ед. хр. 18, 19, 212, 213, 215, 216, 514, 797.
- ²¹ «Выписка по прошениям урного дела мастера Ивана Алабина о награждении его чином и

IV. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА

- прибавкою жалованья. 1743 г., генваря 25» // РГИА. Ф. 470 (Гоф-интендантская контора). Оп. 4 (Раздел внутренней описи : 87/521). Ед. хр. 16. Л. 1–14 ; Там же. Ед. хр. 19. № 44. Л. 349–354 ; Там же. Ф. 467. Оп. 4. Ед. хр. 215. Л. 1–3, 14 ; Там же. Ед. хр. 216. Л. 7–8 ; *Коренцвит В.А., Сергеев И.И.* О майоликовых вазах-цветниках из раскопок Летнего сада и о керамисте Петровского времени И.П. Алабине // Памятники культуры. Новые открытия : Письменность. Искусство. Археология. 1982. Л., 1984. С. 516–528.
- ²² РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4-г. № 190. Л. 358. Кн. 10-в. № 134. Л. 674–674 об. ; Оп. 4. Ед. хр. 106. Л. 49 об. ; Ед. хр. 213. Л. 19–19 об.
- ²³ Там же. Оп. 4. Ед. хр. 19. № 41. Л. 336–337.
- ²⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 4^г. № 190. Л. 358–358 об. ; Кн. 10-в. № 134. Л. 674–674 об. ; № 135. Л. 676–676 об. ; Оп. 4. Ед. хр. 106. Л. 49 об. ; Ед. хр. 213. Л. 19–20 ; Ед. хр. 216. Л. 18–18 об.
- ²⁵ Подробнее см.: *Phuis J.* De Nederlandse tegel. 521, 550–557.
- ²⁶ Ibid. S. 385, 552–553 ; *Sprangers P.* Utrechtse tegels : 1600 – 1900. Utrecht, 2013. S. 77.
- ²⁷ См. подробнее о терминологии: *Андреева Е.А.* Появление голландской расписной фаянсовой ... (в печати).
- ²⁸ См., например: Переписка с комиссарами и подрядчиками об изготовлении на заводах кирпича, о вывозе его с заводов и выплате денег живописцам изразцов. 1718–1719 гг. // РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Ед. хр. 213. Л. 19–20 ; Книга учёта изразцов для строительства Зимнего дворца. 1720–1721 гг. // Там же. Ед. хр. 514. Л. 1–5 ; Ед. хр. 24. Л. 114–114 об., 120, 125 об.–126, 134, 143 ; Ед. хр. 974. Л. 4–5 об. ; «Опись Кронштацкого дому». 1728 г. // Там же. Оп. 2. Кн. 68-а. Л. 214 об. ; Ф. 470. Оп. 5. Ед. хр. 85. Л. 184.
- ²⁹ *Овсянников Ю.М.* Вступительная статья // Русские изразцы / сост. и автор вступ. статьи Ю.М. Овсянников. [Альбом]. Л., 1968. С. 31.
- ³⁰ *Stahl S.* Deutsche Fliesen : Fayence-Fliesen des 18. Jahrhunderts. Braunschweig, 1977. S. 26.
- ³¹ Kachelofen (mi07589d05) / Bildindex der Kunst & Architektur. URL: http://www.bildindex.de/?pGesamt:fayence%20pGesamt:m%FCnden#14_mi07589_d05 (дата обращения: 20.04.2016).
- ³² *Маслих С.А.* Русское изразцовое ... С. 23.
- ³³ *Дорофеева Л.П.* Изразцы в архитектурно-декоративном решении интерьеров дворца А.Д. Меншикова // ТГЭ. [Т.] XXIII : Из истории русской культуры. Л., 1983. С. 145.
- ³⁴ *Дорофеева Л.П.* «Музей голландских плиток» во дворце А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / под ред. Г.В. Вилинбахова, Н.П. Копаневой. СПб., 2003. Вып. 1. С. 117.
- ³⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Ед. хр. 213. 1718–1719 г. Л. 19.
- ³⁶ *Дорофеева Л.П.*: 1) Плитковые интерьеры. Вид на восток из «Кабинет из прихожей» // *Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова : Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. № 113. С. 114 ; 2) Южная стена // Там же. № 147. С. 145.
- ³⁷ *Дорофеева Л.П.* Плитки серии «Архитектурный пейзаж» // *Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова : Художественная культура эпохи. № 143. С. 141.
- ³⁸ *Sprangers P.* Utrechtse tegels. S. 30.
- Автор выражает огромную благодарность своим постоянным консультантам Я. Плайсу и П. Спрангесу.
- ³⁹ *Дорофеева Л.П.* Плитки серии «Голландские корабли и боты» // *Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова : Художественная культура эпохи. № 181–189. С. 157.
- ⁴⁰ *Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах в интерьерах первых Зимних дворцов ... С. 66.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Кн. 44^в. № 115. Л. 844, 845.
- ⁴² *Баженова Е.М.* Изразцы в интерьерах в интерьерах первых Зимних дворцов ... С. 66.
- ⁴³ См., например : *Леонтьев А.Г.*: 1) Страницы послевоенного восстановления Петергофа. История Петербурга. 2010. № 1 (53). С. 16 ; 2) Дворец Марли в Нижнем парке Петергофа – от Малых палат Петра I к музею культуры Петровского времени (к истории строительства и воссозданий) // Памятник архитектуры – от дворца к музею : Сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2013. С. 134.
- ⁴⁴ *Дорофеева Л.П.* «Музей голландских ... С. 117.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 4^г. № 178. Л. 341–341 об. ; Оп. 4. Ед. хр. 106. Л. 46 об. ; Контракт, заключённый министром при Прусском дворе А.Г. Головкиным с порцелинным мастером Эггебрехтом о принятии последнего на русскую службу в Берлине, 11 июня 1718 г. // Императорский фарфоровый завод. 1744 – 1904 / под ред. Н.Б. фон Вольфа. [СПб., 1906]. С. 3–4 ; *Сергеев И.И.*: 1) Керамика первой четверти XVIII столетия в Петербурге (из истории зарубежных связей) // Забелинские чтения–1997. М., 1998. С. 250–251 ; 2) Голландские мастера-керамисты и их русские ученики. М., 2014. С. 120–122 ; The Grove Encyclopedia of Decorative Arts / Ed. by Gordon Campbell. Oxford, 2006. Vol. 1. P. 329.
- С.И. Баранова также упоминает, что в это же время Пётр I «пытался организовать производство фарфора» и о том, что голландский мастер П. Эггебрехт, работавший в Дрездене, с 1710 г. руководил фаянсовой фабрикой в Санкт-Петербурге. Безусловно, здесь описка в дате появления мастера в Санкт-Петербурге (*Баранова С.И.* Русский изразец. С. 315. Ст. 2).

IV. ARTICLE ON THE HISTORY OF ART

⁴⁶ Контракт, заключённый министром при Прусском дворе А.Г. Головкиным с порцелинным мастером Эгтебрехтом С. 3.

⁴⁷ *Сергеенко И.И.* Голландские мастера-керамисты и их русские ученики. С. 120–121.

⁴⁸ *Stahl S.* Deutsche Fliesen. S. 29.

⁴⁹ *Реброва Р.В.* Интерьеры с голландской плиткой в Зимнем дворце Петра I : (по материалам археологических исследований) // Меншиковские чтения – 2015 : научный альманах. СПб., 2015. С. 208.

⁵⁰ Там же. С. 213. Сн. 12.

⁵¹ Там же.

⁵² Эта мануфактура, согласно А.И. Богданову, была переведена из Тосно ближе к Санкт-Петербургу, на левый берег Невы (это место находилось в 10 верстах от города) (*Богданов А.И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 184). См. также : *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга : Историко-коведческое исследование. СПб., 2003. С. 201, 204.

⁵³ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Ед. хр. 18. Л. 354 об.–355, 362, 380, 391.

⁵⁴ Там же. Ед. хр. 19. Л. 856.

Р.В. Р е б р о в а

ПУТЕШЕСТВИЯ ПЕЧИ И ГОЛЛАНДСКОЙ ПЛИТКИ ИЗ ДОМА ПЕТРА I В НАРВЕ*

Дом Петра I в Нарве, построенный в XVII веке и переживший Вторую Мировую войну, был разрушен в 1959 году, в год завершения проекта его реставрации. Весь период своего существования дом претерпевал несколько поновлений, но основное его переустройство пришлось на начало XVIII в., то есть на время, когда в нём останавливался Пётр I, и середину XVIII в. В дальнейшем в интерьерах дома делали только косметический ремонт, это касается также и его печей. В настоящее время всю существовавшую отделку интерьеров дома можно увидеть только на довоенных фотографиях и частично определить по археологическим находкам.

Существует несколько версий о том, применялась ли в Доме Петра I отделка голландскими плитками, так любимая Петром I и использованная им для отделки дворцов в Санкт-Петербурге. Археологический материал, единственный, помимо нескольких сохранившихся фотографий, на который можно опираться при получении информации о декоре, даёт противоречивые и не совсем корректные данные. Большое количество изразцов¹ и голландских плиток, найденных при шурфовке в послевоенных развалах Дома Петра I² при проведении проекта восстановления в 1957 – 1958 годах и во время раскопок 1990 – 1991 годов, сданы краеведами и археологами в Нарвский музей и хранятся в его фондах. Находки, полученные от краеведов и в ходе работ при попытке восстановления Дома Петра I в 1957 – 1958 годах, стратиграфически не привязаны, не имеют полевых номеров и только по легенде относятся к дому Петра I.

Среди голландской плитки из фондов Нарвского музея можно выделить несколько её типов. На большинстве изображены библейские сюжеты из Нового и Ветхого заветов, такие как «Снятие с креста», «Преображение», «Убийство Авеля Каином» (*Ил. 1*), небольшое количество рисунков с пасторальными сценами и с городскими пейзажами. Все изображения в большом круге, с угловыми заполнениями – «голова быка» и «гвоздика».

Анализируя рисунки центральных изображений и угловых заполнений, можно выделить 4 типа плиток, 3 из них с угловым заполнением «голова быка», последний, четвертый —

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-04-00148.

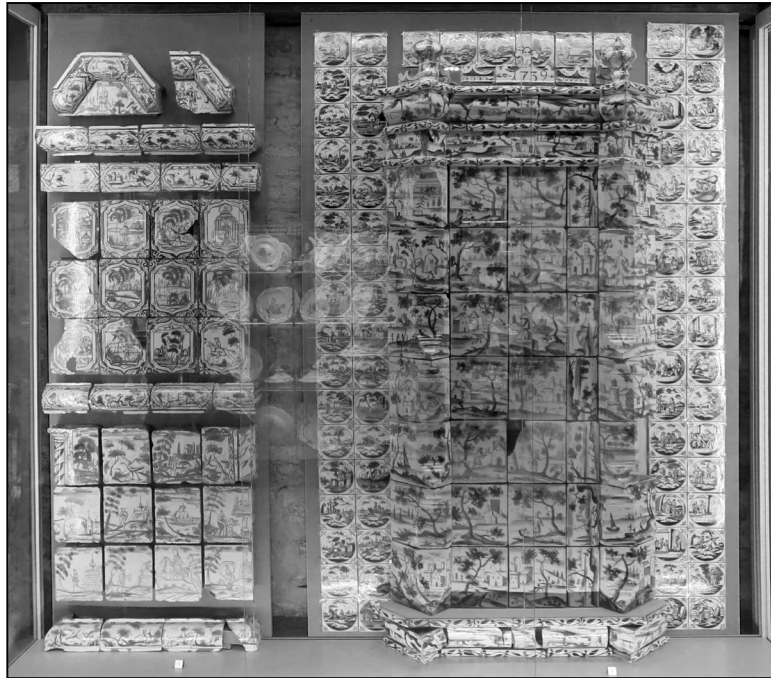

Ил. 1–6. Плитки из фондов Нарвского музея (происходят, по легенде, из Дома Петра I): 1) Убийство Авеля Каином 2) Угловое заполнение – «голова быка». Роттердам. 1725 – 50-е годы XVIII в. 3) Угловое заполнение – «голова быка». Амстердам. 40-е годы XVIII в. 4) Угловое заполнение – голова быка. Харлингген. Вторая половина XVIII в. 5) Угловое заполнение – «гвоздика». Амстердам, 40-е годы XVIII в. (Фото автора). 6) Плитка в экспозиции Таллинского городского музея (происходит, по легенде, из дома купца Генти на улице Суур в Нарве). Детали (Фото А.В. Серова)

с угловым заполнением «гвоздика». Время и место изготовления их варьируется с 1725 до 50-х годов (Роттердам)³, 40-е годы (Амстердам), 90-е годы (Харлингген) XVIII в. Все три типа плитки с угловым заполнением «голова быка» сделаны в разных городах. Самый ранний, более тонкой кисти в росписи и с угловым заполнением, изготовлялся в Роттердаме (Ил. 2)⁴; второй с угловым заполнением более широких и грубых линий, выполнен в Амстердаме в 40-е годы (Ил. 3); третий тип плитки с угловым заполнением «голова быка» сделан в Харлинггене во второй половине XVIII в. (Ил. 4). Плитки с угловым заполнением «гвоздика» сделаны в Амстердаме в период 20 – 50-х годов (Ил. 5)⁵.

Наличие большого количества археологической плитки с широким временным диапазоном изготовления и производителя даёт некоторое основание предполагать, что голландская плитка в доме Петра I была. Остаётся пока открытым вопрос, когда она появились в доме Петра I и в домах богатых нарвских обывателей.

Есть ещё один факт, который доказывает возможное присутствие в декоре дома Петра I голландской плитки. Наибольшее количество из хранящихся в Нарвском музее её археологических образцов (тип плитки с угловым заполнением «голова быка», произведённый в Амстердаме в 40-е годы), происходящих, по легенде, из Дома Петра I, совпадает с плитками, выставленными в Таллинском городском музее совместно с печкой (Ил. 6, 7, 8). Печь и плитки, имитирующие стену вокруг неё в экспозиции, являются единым комплексом и происходят из Нарвы (Ил. 7). У нарвских археологических плиток и таллинских на

Ил. 7. Печь и плитка в экспозиции Таллиннского городского музея. Происходит, по легенде, из дома купца Генти на улице Суур в Нарве. Общий план (Фото А.В. Серова)

экспозиции идентичен тип углового мотива, манера и линия его рисунка, сюжеты изображения в большом круге — библейские, рисунки в большом круге также совпадают по качеству исполнения.

Появлению голландских плиток с изразцовой печью из Нарвы в экспозиции Таллиннского городского музея в 2014 г. предшествовала почти столетняя история их перемещений. Она началась, возможно, в промежутке между второй четвертью XVIII в. и 1865 г. и завершилась в XX в. в двух местах: в Таллинском городском музее и в церкви Рахукогудус в местечке Тудулинна.

Издание фотографий под названием «Изменяя прошлое будущего» обнародовало массу архивных материалов, посвящённых Нарве. Среди них крайне важной для исследователей керамики, в частности изразцов и плитки, является фотография (*Ил. 9*), значащаяся в этом каталоге как «Интерьер Дома Петра I»⁶. На ней изображена печь с бело-голубыми изразцами растительного орнамента, стенки вокруг печи декорированы голландской плиткой. К сожалению, вид из окна комнаты, также запечатлённого на фотографии, не читается и не проясняет месторасположения дома, определение которого сразу же сняло бы вопросы о доме происхождения плитки и печи.

Сопоставляя вышеупомянутую фотографию и экспонат в экспозиции Таллиннского городского музея — часть печи в окружении плиток, имитирующих стену (*Ил. 7*), становится ясно, что это одна и та же печь. Считается, что она была сооружена по просьбе торговца Генти (Genti; Jenti) в его собственном доме на ул. Суур в городе Нарва. Согласно дате, указанной на центральном изразце (*Ил. 8*), годом её изготовления является 1739. В

Ил. 8. Центральный изразец с датой от печи в экспозиции Таллиннского городского музея. Происходит, по легенде, из дома купца Генти на улице Суур в Нарве (Фото А.В.Серова)

XVIII в. в Нарве были мастера, которые занимались изготовлением и росписью изразцов, и возможно, это печь местного производства⁷. Плитка, обрамляющая её на стенах, относится по времени изготовления к 40-м годам (Амстердам)⁸, что логично совпадает со временем изготовления печи. На ней изображены библейские сюжеты и пасторальные сцены, вписанные в большой круг, угловое заполнение у всех — «голова быка». Исследователи керамики считали, что печь «с улицы Суур» происходит из дома Петра I. Возможно, печь была установлена в доме Петра I в то время, когда в нём жил комендант Нарвы. Затем, до 1865 г., когда Дом перешёл в ведение Нарвского археологического общества⁹, она могла быть перенесена в дом торговца Генти, что отчасти подтверждается совпадением плиток с археологическим материалом.

По сведениям хранителя Таллиннского городского музея Кристины Хиесалу, капитан Оскар Тоомара (Тоомага)¹⁰ купил печь и плитки из дома купца Генти в 1937 г. Такое происхождение вещей указывал потомок семьи Тоомара при передаче их в музей. В 1939 г. капитан О. Тоомара перевозит печь с голландскими плитками из Нарвы в таллинскую квартиру, для того чтобы украсить столовую. Об этом говорится в заметке газеты «Rahvaleht» (Народная газета), вышедшей 11 сентября 1939 г. в Таллине. Печь была перевезена целиком, плиток было 450 штук¹¹. Затем потомки О. Тоомара передали печь и плитки на хранение в Таллинский городской музей в 1968 г.

В том же 1939 г. строится церковь в местечке Тудулинна, в 96 км от Нарвы, по проекту архитектора Э. Сахариазе (*Ил. 10*). По одной из версий, часть плитки из дома на улице Суур, точнее 750 штук, О. Тоомара дарит церкви для отделки межоконных проёмов¹². Это вполне логично, так как на плитке изображены библейские сюжеты (*Ил. 11*). Забавным является тот факт, что голландцы практически никогда не использовали плитку с подобными сюжетами для отделки церквей, она служила, как и остальная плитка, для предохранения стен от влаги и использовалась в основном в хозяйственных или подвальных помещениях. О том, что О. Тоомара являлся благотворителем строительства церкви, говорится в заметке в газете «Eesti kirikud» № 35 от 1 сентября 1939 г.; также его дар зарегистрирован на сайте государственного регистра памятников культуры¹³. По другой версии, плитку покупает на аукционе, прошедшем в Нарве в 1937 г., житель города Трейльманн (1881 – 1940) и дарит уже упоминавшейся церкви Рахукогудус в Тудулинна¹⁴.

В настоящее время в церкви, в простенках между окон, сохранилось 518 плиток (*Ил. 10*). Сопоставляя плитки из церкви и из Таллиннского городского музея, становится очевидным, что они точно происходят из одного места, то есть из нарвского дома купца Генти на улице Суур. По рисунку и типу плитки с ними совпадает и археологическая плитка из дома Петра I. Таким образом, можно почти утвердиться в предположении, что все они изначально были в Доме Петра I, где были установлены в 1739 г.

Существует также снимок в книге Конрада Штрауса¹⁵ (*Ил. 13*), где, скорее всего, также запечатлена печь уже знакомая по фотографии из книги «Изменяя прошлое будущего», ныне экспонируемая в Таллинском городском музее. Печь на снимке совпадает по профилю, месту расположения — в углу, стены по сторонам от неё также декорированы

Ил. 9. Фотография возможного интерьера Дома Петра I. Из издания «Изменяя прошлое будущего» (*Juhan Maiste, Matis Rodin, Madis Roosalu*. Katalog / koostajad [Tallinn]: Eesti Kunstiakadeemia Restaureerimiskool, 2005. – 111 lk. : il. C. 50)

голландскими плитками. В отличие от предыдущей упоминаемой фотографии печи «из Дома Петра I», опубликованной в 2005 г., печь не привязывается Конрадом Штраусом к конкретному дому. В подписи к иллюстрации (tafel 96,1) он обозначает её как «печь из одного из домов Нарвы». Более подробные фотографии той же печи приводятся в его книге, в таблице под номером 99. По рисункам на изразцах с этой страницы и по описанию, приводимому на странице 170, где говорится и о голландской плитке, окружающей печь, становится понятно, что это печь из нынешней экспозиции Таллинского городского музея. К. Штраус, работавший в годы Второй Мировой войны в Нарве, в музее¹⁶, не мог неправильно описать интерьеры Дома Петра I, то есть приписать интересующую нас печь и

IV. ARTICLE ON THE HISTORY OF ART

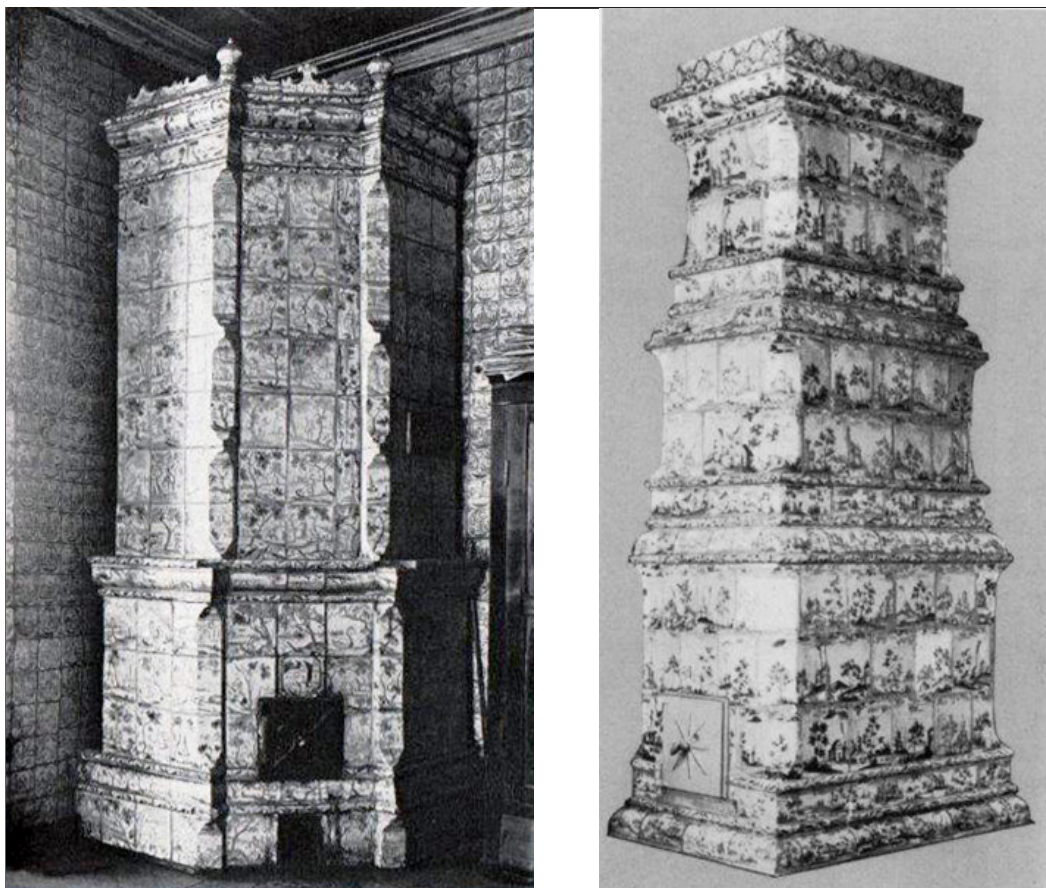

Ил. 10. Интерьер церкви в местечке Тудулинна (Эстония).
Современное состояние (Фото С.А. Андреева)

голландскую плитку другому помещению. Следовательно, в 1937 – 1939 годах «наша печь с плиткой» находилась уже в доме купца Генти. Если и происходило её перемещение из Дома Петра I, то ранее. Прямым доказательством того, что она находилась в Доме Петра I, может служить только идентичность археологических плиток с экспонируемыми. Однако они являются тиражным материалом, поэтому это доказательство не бесспорно.

Ил. 11–12. Плитка из церкви в местечке Тудулинна (Эстония).
Современное состояние (Фото С.А. Андреева)

Ил. 13. Фотографии печей из «одного нарвского дома» из книги К. Штрауса «Die Geschichte der Töpferzunft vom Mittelalter bis zur Neuzeit und die Kunsttöpfereien in Alt-Livland (Estland und Lettland)» (Basel, 1969)

Итак, с большой долей вероятности в экспозиции Таллинского городского музея находятся печь и плитка из Дома Петра I. На это указывает их совпадение по большому количеству признаков с подобным археологическим материалом из фондов Нарвского музея, происходящем, по легенде, из Дома Петра I. То, что дом был снесён, не может останавливать допущения подобного вывода, так как печь и плитка переезжали из Нарвы в Таллин и в церковь в местечко Тудулинна. Значит, подобный же переезд мог быть осуществлён и ранее в Нарве из Дома Петра I на улице Рютли на соседнюю улицу Суур в дом купца Генти.

¹ Архив Комитета по охране памятников. Таллин N.R. 32 09.04.1957. Peeter I maja Narvas objektid looduses teostatud uurimistood. Koide III. Tallinn.

² Никитюк А.Н. Отчёт «Об археологическом надзоре при производстве земляных работ в охранной

зоне исторического центра Нарвы, участок по адресу: Ратушная пл. д. 2. 2012. Рукопись.

³ Атрибуция Йохана Каммерманса (Johan Kamermans). Выражаю ему свою признательность за консультацию.

IV. ARTICLE ON THE HISTORY OF ART

- ⁴ *Jager, Ingrid de; Schadee, Nora.* Tegels uit Rotterdam. 1609 – 1866. Rotterdam, 2009. S. 129.
- ⁵ *Pluis, Jan.* De Nederlandse Tegel. Decors en benamingen. 1570 – 1930. Leiden, 2013. 712 S. Выражаю Яну Плайсу (Jan Pluis) признательность за консультацию.
- ⁶ Изменя прошлое будущего : [каталог / koostajad *Juhan Maiste, Matis Rodin, Madis Roosalu.* [Tallinn] : Eesti Kunstiakadeemia Restaureerimiskool, 2005. 111 lk. : ill. C. 50.
- ⁷ *Strauss, Konrad.* Die Geschichte der Töpferzunft vom Mittelalter bis zur Neuzeit und die Kunsttöpfereien in Alt-Livland (Estland und Lettland). Basel, 1969. S. 169.
- ⁸ Атрибуция Яна Плайса (Jan Pluis).
- ⁹ Документы : Из истории Нарвского музея. 1863 – 1950 // REfdb.ru. URL: <http://refdb.ru/ook/1940617.html> (дата обращения: 05.08.2016).
- ¹⁰ Самому О. Тоомара принадлежали в Нарве дома № 7 и 9 на улице Херманни.
- ¹¹ Rahvaleht. 11.09.1939. Таллин. Скан любезно предоставлен хранителем Таллинского городского музея Кристиной Хиэссалу (Kristiina Hiiasalu.)
- ¹² *Коченовский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура // Олег Коченовский. Таллин : Валгус, 1991. 303 с.: ил. 27, С. 214/
- ¹³ Kähelkivid 525 tk., Hollandi töö, 18.saj. I pool (glasuuritud keraamika) // Kultuurimälestiste riiklik register. URL: <https://register.muinas.ee/public.php?menuID=monument&action=view&id=6810> (дата обращения: 11.08.2016).
- ¹⁴ Информация предоставлена хранителем Нарвского музея С.А. Андреевой.
- ¹⁵ *Strauss, Konrad.* Die Geschichte der Töpferzunft vom Mittelalter bis zur Neuzeit und die Kunsttöpfereien ... Tafel 96,1. S. 170.
- ¹⁶ *Чудинова М.В.* Нарвский музей в годы II Мировой войны // Нарва. Осколки истории. URL: http://tellis.ucoz.ru/publ/narvskij_muzej_v_gody_ii_mirovoj_vojny/3-1-0-482 (дата обращения: 05.08.2016).

В.А. А р т а м о н о в

«КОНЕЦ ИСТОРИЧЕСКОМУ ДОЛГОТЕРПЕНИЮ»:

рецензия на труд В.Е. Возгрина «История крымских татар».
(СПб. : Нестор ; История, 2013. Т. 1–4)

Так можно назвать четырёхтомную работу профессора, доктора исторических наук, члена Датской Королевской академии наук, представителя Крымско-татарского меджлиса в Петербурге В.Е. Возгрина.

Широкий диапазон его интересов — в своё время им были написаны труды по истории Дании, Гренландии, гренландских эскимосов и дипломатических отношений России с Европой в 1697 – 1710 г.

В четырёх томах, продолжающих концепции его прежних работ¹, подняты большие пласты исторического материала и используется много источников. Освещена структура ханства, описаны его города, природа, сельское хозяйство, ремёсла, религия. Познавательны собранные автором наблюдения путешественников. Автором использована богатая историография на разных языках, но доказательная сила ссылок слаба из-за их иллюстративности, так как он часто ссылается на политизированные антитатарские работы послевоенного сталинского времени² или тенденциозные статьи горбачёвской «перестройки».

Объёмная панорама истории Крыма от античности и до возвращения крымских татар на полуостров в 90-е годы не может не производить впечатления, однако пристрастность, некритическое отношение к исторической литературе и источникам, неточности, ошибки и попытка охватить все сферы жизни народа — всё это пошло в ущерб научности. Работа приобрела характер тенденциозной публицистики³.

Благородная миссия исследователя — доброжелательность к истории любого народа. Научная этика предписывает не растревлять, а врачевать исторические раны, не увеличивая «пространство ненависти», которой и так переполнена Земля.

Слова В.Е. Возгрина: «с терпимостью мы и в XXI в. связываем более всего надежд на будущее» — противоречат содержанию всех томов. Автор комплиментарен к любым этносам, оставившим след в Причерноморье, начиная с древнейших времён, кроме русских, которые, как он пишет, с VIII в. н. э. и на «много столетий вперёд» стремились к захвату Крыма и «уничтожению автохтонного населения завоеванных территорий» (1. 237)⁴. Крымские татары и «полурабы-великороссы» — непримиримые «антиподы», так как первые получили от русских то же, что индейцы от янки и евреи от немцев (1. 9, 10). Они были насильственно ввергнуты «в гниль и грязь империи великорусских рабов» (2. 340). «История

России — история многовекового террора»; у русских — «всенародная любовь к палачам, не ржавеющая и после их смерти» (1. 42). «Манихейская природа великорусского менталитета», его «видовая суицидность», «этнопсихиатрические отклонения в массе сельских общин России», «культ мёртвых в массовом подсознании великороссов» (1. 9, 46, 69, 83) — такова суть русского национального характера. Кроме «зверской манеры обращения с окружающим миром», «вспышек вражды и междоусобиц между общинами», иного типа межчеловеческих контактов 70 % русских людей не знали (1. 31).

Четыре тома «строились» под знаком «величайшей трагедии крымско-татарской нации» — депортации 1944 г., описание которой построено, среди прочего, и на трёх сотнях воспоминаний и сообщений, собранных автором в период с 1986 по 2012 г. Цель труда — укрепить самосознание крымских татар, «вложить в руки народа его историю», разбить фальсификаторов и сформировать базу для «национально-освободительного движения».

«Русскую идею» в Крыму Возгрин сформулировал так: солдаты из России приходили «на чуждую им крымскую землю, что в XVIII, что в XX в., **вовсе не для того, чтобы превращать крымцев в рабов. Они приходили, чтобы превращать их — в трупы**» (3. 150).

Войны всегда бесчеловечны. В наше время реально мыслящий человек может сопереживать населению после присоединения ханства к России в 1783 г. и тяжёлой судьбе этносов, выселенных с полуострова в мае 1944 г. Но точно так же можно сострадать и бедам украинцев, русских, адыгов и молдаван, страдавших от разорительных набегов ханов Крыма⁵. Через Крым с 1463 по 1794 г. прошло около 3 млн. «дорогостоящего живого товара» — русских, польских, украинских, кавказских и поволжских рабов⁶. Автор же с лёгкостью пишет, что рабы «сами собой падали» в руки крымцев: «Выдающийся лидер во всеобщей истории мусульманского мира» Девлет Гирей I (1551 — 1577) устроил на Москву 14 походов и «**крымские рати, почти не встречая сопротивления, легко входили в рыхлое тело южных областей расселения великороссов и, взяв то, что само падало в руки, возвращались домой**» (1. 430,600).

Этногенез крымских татар и специфика их военного дела изложены верно. Можно не возражать против идеализации основного народа ханства (достоинство, уравновешенность, целомудрие, милосердие к несчастным, кротость, умеренность, воздержанность, чистоплотность), но вряд ли разумно противопоставлять татар русским мужикам и аристократам (!), живших в «невыносимой грязи» (2. 280)⁷.

Россия демонизируется, как наследственный враг ханства, которое «превосходило Российскую империю древностью, падишахским статусом правителя и правотой своего дела» (2. 362, 745).

Автор утверждает, что Золотая Орда «безболезненно сливалась с населением поглощаемых ею земель» и «была выдвинута тюрко-исламским миром для защиты своего духовного состояния от экспансии глубоко отсталой и агрессивной Москвы» (1. 264,426)⁸.

Только сбоем сознания можно объяснить постулат, что именно в Крыму первоначально «установилась президентская форма правления», а потом, «с известными усовершенствованиями и в Америке», причём «президент-хан», «хозяин-государь» был «эффективнее президента классического англосаксонского типа» (1. 514,515, 521), что «Гирей в Крыму был выше безродных османских султанов» (1. 334), крымско-татарский народ стоял гораздо выше османского в смысле мусульманского просвещения» (1. 510), что «Крымская великая держава» при хане Менгли Гирее I (1445 — 1515) имела «четвертьмиллионную армию»⁹. Если в России не сложилось общенациональной народной культуры в XX в. (2. 339), то Крым, где цвёл «ренессансный уровень гуманизма» (1. 362), был «культуртрегером» для державы царей. С домусульманских времён и в течение 340 лет ханства (1443 — 1783) поколение за

поколением воспитывалось «в самом открытом и толерантном обществе эпохи в духе мирного сосуществования» при исключительной терпимости, всечеловеческом гуманизме ислама и культурном диалоге междивизиационного масштаба» (1. 345, 355, 362). Ханство включалось в великую Средиземноморско-понтийскую цивилизацию, выстроило подобие «Золотого Века мира и красоты» и сотворило оптимальную модель народной жизни (2. 338). Через генуэзско-византийские колонии «в атмосфере... президентского правления первых ханов аура либерализма и вольного цветения искусств, книжной учёности и гуманистической философии распространялась отсюда на всё Причерноморье... Крым был для России единственным источником поступления практически всей современной византийской и античной культуры» (1. 382). Россия «получала из Крыма всё, что была не в состоянии создать сама. «Век за веком Крым оставался для будущих колонизаторов не только окном в мир, но и самим миром» (1. 386). Генезис крымско-татарской нации завершился на исходе Средневековья — **раньше, чем во многих европейских регионах**. «Малообразованные и неинтеллигентные властители России интуитивно чувствовали «стадиально-историческое превосходство задавленной нищеты и бесправием, интеллектуально истощённой эмиграциями и разгромами духовных очагов небольшой крымско-татарской нации над поработившим её огромным российским этносом». Вот почему «цепные псы ВКП(б)» подвергли фальсификации историю Крыма (3. 808–810).

Если русские переняли от Византии «смертельную ненависть и зависть к Западу», а «исконная агрессивность» и «расползание великороссов по двум материкам» («гигантская империя никак не успокаивалась»), являются «исключительно этнопсихологическим качеством» русских, (1. 31, 32). то следует ли считать «пацифистскими» Британскую, Испанскую, Османскую, Французскую и Японскую империи?¹⁰

Ошибочно положение автора, что военные акции ханства, начиная с Мехмед Гирея I (1515 – 1523), были направлены однозначно против России, так как «не было противника опаснее и целеустремлённее в своей многовековой экспансии, чем русские» с «их подсознательной установкой на агрессию» (1. 419, 420). В историографии давно утвердилась концепция В.Д. Смирнова, в соответствии с которой ханство, не допуская усиления ни России, ни Польши, стремилось поддерживать слабейшего соперника. Это нашло отражение и в трудах тех российских историков, которые признают наступательный характер московской внешней политики в Дешт-и-Кипчаке: А.Л. Хорошкевич, Д. Исхаков и др. (*Здесь и далее по со- бытиям XVI в. указания историка А.В. Виноградова*).

Вообще в разделе «Внешняя политика ханства» игнорируется важнейшее направление политики ханства с момента его возникновения — отношения с Польско-Литовским государством. Связи Крыма с Шведской короной выделяются в особый раздел, но ограниченный периодом Великой Северной войны, хотя сам автор вполне обоснованно относит установление контактов Крыма и Швеции к 70-м годам XVI в., а в других разделах его труда пишется о планах крымско-шведского союза в 80 – 90-х годах XVI в. По мнению В.Е. Возгрин, в российской историографии до сих пор доминирует «обветшавшая точка зрения» А.А. Новосельского об изначально агрессивной, «хищнической по сути» внешней политики Крыма вообще и по отношению к Русскому государству особенно («первый миф российской и советской историографии»). Обличается и традиция изображать Крымское ханство как «послушное орудие Порты» в Восточной Европе и «ударную силу» османов против Москвы («второй миф»). В этой связи автор с сарказмом пишет о «некоем проекте крымско-турецкого комплота, касающегося тюркской экспансии в северном направлении за счёт захвата русских земель... На самом деле здесь всё было с точностью до наоборот» (1. 426).

Реальной и чётко сформулированной концепции внешней политики Крыма В.Е. Возгрин не даёт. Периодизация внешней политики Крыма отсутствует. Динамика отношений Крыма с Русским и Польско-Литовским не рассмотрена. Заслуживает внимания лишь не вполне внятно сформулированный тезис о «балансе сил между враждовавшими Польшей и Москвой», которое было способно «дать если не гарантию безопасности Порте и Крыму, то существенное облегчение их внешнеполитического положения». Целиком и полностью оправдываются крымские нападения на Русское государство как «превентивные удары»: единственно возможное средство «сдерживания противника» с целью предотвращения колонизации восточной части Дешт-и-Кипчака и вообще как единственное средство противодействия «московской агрессии».

В красочных характеристиках крымских ханов отсутствует главное — показ Гиреев как жестоких и дальновидных правителей, находившихся под перманентной угрозой смещения с престола Портой¹¹, как ведущих непрерывную борьбу за сохранение своей власти, способных на смелые политические маневры как в отношении соседей в Восточной Европе, так и Стамбула. Хан не обладал в Крыму практическим единовластием (1. 510)¹². При ханах существовал «диван», орган власти, именуемый в русской посольской документации «Ближняя дума».

Автор фрагментарно и непоследовательно излагает историю взаимоотношений ханов с могущественными фамилиями Крыма, представители которых традиционно входили в состав дивана, — Ширинами, Аргынами, Баринами, Кипсаками, а в дальнейшем — Дивеевыми, Яшлавскими («Сулешевыми»), Кулюковыми. Не показана роль кланов казанской эмиграции и черкесских князей в политической системе Крыма XVI в. Обойдены вниманием целые поколения незаурядных полководцев и дипломатов из крымской знати — карачи-беки крымских мангытов: Тимур, Дивей, Арсанай, беки из рода Яшлавских: Аппак, Сулеш, Мурад, Ахмед-паша.

Увлечшись описанием крымских походов на Москву, В.Е. Возгрин забыл о вкладе крымцев в победы османов над персами в ходе ирано-турецких войн, об участии их в войнах Порты против Габсбургов. Не упомянута такая победа крымцев, как разгром кабардинского князя Темрюка Идарова при Ахупсе в 1570 г. Описание военных действий изобилует неточностями, особенно в отношении вооружённых сил Османской империи. Отряды янычар формировались не из «пленных воинов», а из мальчиков, отобранных у подневольных народов. «Налогом кровью» считали христиане такое турецкое «девширме», а не идилией безопасности и освобождения от воинского набора (1. 34).

Походы 1571 – 1572 г. на Русское государство считаются ответом на присоединение к нему Нижнего и Среднего Поволжья. При этом констатируется, что «при всей своей успешности поход 1571 г. привёл лишь к промежуточному результату». Под окончательным результатом автор, очевидно, понимает водворение Гиреев в Казани и Астрахани. Разгром крымской орды при Молодях (27 июля – 3 августа 1572 г.), когда погибло несколько Гиреев и цвет крымской знати, а Дивей-карача-бек крымских мангытов попал в плен, игнорируется. Провал похода 1572 г. будто бы явился следствием «случайности»: Ивану Грозному «удалось перехитрить хана, послав к своим воеводам письмо, что якобы собрал огромное войско и скоро ударит по татарам» (1. 605)¹³.

Вообще изложение истории русско-крымских отношений 70 – 90-х годов XVI в. в разделе «Крым в середине XVI – середине XVII вв.» даётся в усечённом виде при демонстративном отсутствии ссылок на источники. Общие итоги «московской политики» Девлет Гирея I автор оценивает весьма позитивно, так как ему «удалось обеспечить бесперебойное поступление дани от уstraшённой Москвы». Видимо, автору неизвестно, что «великие поминки»

отправлялись в Крым только с «большими послами» (в последний раз с А.Ф. Нагим в 1563 г.), а все предшествующие нападениям годы, отправлялись только «лёгкие поминки» с гонцами. Впрочем, после разгрома при Молодях даже «лёгкие поминки» были посланы только в 1574 г. Разные точки зрения историков о том, являлись ли «поминки» данью, игнорируются.

Не вдаваясь в изменения расстановки сил в Восточной Европе, В.Е. Возгрин констатирует, что «в 1576 г. Иван Грозный вернулся к идее союза с Девлет Гиреем». На самом деле «вернулся к идее» крымский хан, прислав гонцов в Москву, которые, правда в устной форме, сказали царю об отказе крымской стороны от претензий на Казань и Астрахань. Позицию наследника Девлет Гирея I, хана Мухаммед Гирея II (1577 – 1584), в отношении Москвы автор внятно не обозначает, но косвенно связывает отказ хана от конфронтации с русским государством с участием Крыма в ирано-турецкой войне. Династический кризис Гиреев 1577 – 1588 г., не обозначая его конкретно, правомерно рассматривается, как бедствие, ибо благодаря водворению в Астрахани в 1586 г. Мурад Гирея создалась возможность «вассалитета Крыма Московскому царству». И этому ничего не мог противопоставить «истый суфий и мудрый аскет» хан Ислам Гирей II. Здесь умалчивается принесение шерти в Москве Мурад Гиреем (за себя и двух братьев — «законного» хана Сеадет Гирея II и Сафа Гирея) царю Фёдору Иоанновичу.

Преодоление кризиса В.Е. Возгрин логично связывает с воцарением Гази Гирея II, которому даётся восторженная характеристика: «В характере этого человека слились черты солдата, блестящего администратора, истинного рыцаря духа, одного из образованнейших людей Крыма». Тот факт, что для водворения в Бахчисарае «рыцарю духа» пришлось (с согласия Порты) инспирировать заговор крымской знати с целью отравления «истого суфия и мудрого аскета» Ислам Гирея II, во внимание не принимается. Резня сторонников отравленного хана, устроенная вернувшимися в Крым по тайному сговору с «рыцарем духа» сторонниками Мухаммед Гирея II, тем более не упоминается.

В работе отмечается, что новому хану Гази Гирею II «пришлось много повоевать, среди прочего, и с русским царём Фёдором Ивановичем». При этом реальное изложение «московского направления» внешней политики Гази Гирея II отсутствует. Констатируется лишь, что Гази Гирею II «нужно было поставить царя на место и Гирей не стал откладывать столь актуальную задачу в долгий ящик». Период русско-крымских отношений 1588 – 1591 г. охарактеризован однозначно: «подготовка войны, в том числе и дипломатическая». Сложные ходы хана в 1588 – 1591 г. сводятся только к двум моментам: «была достигнута договорённость о невмешательстве поляков в крымские дела», — под которой автор, вероятно, понимает провалившиеся переговоры крымского посольства в Варшаве зимой 1590 – 1591 г. и «союз с шведским королём». Далее уточняется, что шведский король Юхан III, который уже «почти 20 лет вёл с Москвой бесконечную Ливонскую войну, обещал оживить боевые действия и оттянуть на себя большую часть русского войска». Доказательств крымско-шведского союза, кроме невнятного сообщения «Нового Летописца», не имеется. Переговоры как таковые имели место, и далее Возгрин справедливо сообщает, «что об этих переговорах узнали в Кремле», не уточняя, что это было сделано по приказу хана через своего неофициального эмиссара посольскому дьяку А.Я. Щелкалову.

Поход Гази Гирея II на Москву окончился поражением и отступлением 4 июля 1591 г. Возгрин, опуская детали, оценивает это как крупный успех, закреплённый удачным нападением калги Фетх Гирея 1592 г. Следствием этого было достигнутое где-то «на юге» (во время посольского съезда под Ливнами осенью 1593 г.) «очередного соглашения о постоянной регулярной отправке в Крым московской дани». Так интерпретируется принесение шерти разменным послом Яшлавским соглашения об отказе сторон от враждебных действий. То

V. REVIEWS

обстоятельство, что в заключённом в апреле 1594 г. русско-крымском договоре вопрос о «поминках», как и во всех без исключения русско-крымских договорах XVI в., даже не упоминался, В.Е. Возгрина, вероятно, не известно, так же как и то, что действительно весьма значительные денежные суммы были отправлены тогда в Крым в результате обмена тайными (непредъявляемыми послами на официальных аудиенциях) посланиями между Гази Гирем II и Б.Ф. Годуновым. Это были так называемые «запросные деньги», предназначавшиеся Гази Гирею II на случай его бегства из Крыма при смещении Портой. Это было закреплено секретным соглашением («тайным делом») достигнутым в Москве его личным эмиссаром Ямгурчеем-аталыком. Официальные «поминки», правда, были увеличены, но такие мелочи не автора не интересуют, главное — «с Москвой дела были улажены». В.Е. Возгрин даже соглашается «с некоторыми исследователями» (вероятно с Д.В. Лисейцевым и А.В. Виноградовым), что «дело шло к военному союзу Бориса Годунова и Гази Гирея», не уточняя, правда, против кого конкретно этот союз направлен¹⁴.

Автор пишет об огромных ханских доходах, источниками которых были дворцовые вотчины, таможенные пошлины, продажа военных трофеев, подати с ногайцев, доходы с колодцев, поборы с иноверцев, десятины с хлеба, скота, соли и дань-«поминки» с России и Речи Посполитой¹⁵. Если ханы Крыма имели такое изобилие зерновых, скота, сливочного масла, рыбы, леса, которые шли на экспорт, то почему на вырученные средства кроме мечети Хан-Джами (1552) выдающегося зодчего Синана в Евпатории и скромного Хан-сарая в Крыму не было создано чего-либо похожего на архитектуру Самарканда, Бухары или Гранадского эмирата? Ведь все известные крымские культовые постройки имеют камерный вид, не сравнимый, например, с великолепием Альгамбры. Дома в Бахчисарае лепились из тростника и глины, а в степной части полуострова люди жили в юртах в XIX в. вряд ли потому, что татарин в материальном благосостоянии не видел цели бытия (2. 538)¹⁶. Возгрин упрекает «Московию» в «южной реконкисте» — в том, что она интенсивно осваивала пустоши, закладывала сёла и городки на юге, защищая их гигантскими наступательными линиями (1. 653–654). Автор не объяснил причин «нежелания ханов территориально расширяться... против наследственного врага тюркского мира — Москвы» (1. 426–427), чтобы ликвидировать угрозу, исходящую от русских засек. Он не ответил на вопрос, почему ханство не осваивало Дикое поле, не создало централизованной системы управления и не воздвигало крепостей. Вряд ли все доходы ханства поглощались административными и оборонными расходами¹⁷. Автор мог бы указать, что строительству крепостей препятствовала древняя кочевая традиция. Владения Золотой Орды, Крымского ханства, калмыков и казахов, защищались всем населением и не нуждались в укрепленных твердынях.

Верно, что русские, как «раса сугубо сухопутная», не использовали вплоть до Петра Великого возможности моря, но и крымские татары (при «островной психологии, с духом единой команды») на полуострове, окружённом со всех сторон водой, в отличие от бывших кочевников-турок, вообще не завели флота. Если производство холодного и огнестрельного оружия, пороховые заводы в Кафе полностью удовлетворяли потребности в боеприпасах, а карабинов только на вывоз производилось 2000–2500 стволов в год (1. 409), то почему военное искусство крымского войска было ниже, чем у Чингисхана? Почему оно не могло брать даже деревянные городки на Украине и отправлялось в набег только с саблями, «с двумя десятками стрел» и копьевидными палками, обожжёнными на огне?

Приемлем тезис профессора о том, что в Крыму **«феодалных отношений в обычном понимании этого термина никогда не было»** (1. 480). В ханстве земля принадлежала не бею, но «бейскому роду», и это являлось следами «древнего положения о принадлежности земли всему племени». «Мурзы и беи не отличались завышенными бытовыми

потребностями», «в ханском Крыму люди были лично свободны, патриархальной солидарностью были проникнуты все социальные прослойки и классы». Все татары были военнообязанными с правом свободного ношения оружия, **установленном раньше, чем в США (!?)** (1. 482, 484, 487–488, 491)¹⁸. Католический миссионер К. Дюбаи писал, что из Кафы в первой половине XVIII в. ежегодно вывозилось по 20 тыс. рабов. «Постоянно давая такое занятие крымскому населению, турки уничтожили в нём стремление к мирной трудовой жизни, приучив жить за счёт добычи» (В.Д. Смирнов). Сравнивая близость этнопсихологии крымских татар с украинскими и донскими казаками (угон скота, добыча полона, жажда войны), Возгрин сопоставляет их с древними германцами времён Тацита, презиравших «пóтом добывать то, что может быть приобретено кровью» (1. 634). Но он не заметил, что по таким признакам **в средневековом Крыму (как и у казаков вплоть до конца XVIII в.), был строй, близкий к «военной демократии» времён Великого переселения народов**. Вместо констатации этого, доктор исторических наук пишет, что взамен феодализма в мире только в Англии и Крымском ханстве была создана «автономная самосовершенствующаяся система» и такую политическую систему «привезли в Крым в войлочных кибитках кочевников задолго до Хаджи Гирея как неоценённый до сих пор дар политической мысли Азии» (1. 513).

Неприемлемы экстравагантные сентенции типа: «христианская мораль астральна (!?), надчеловечна, нечеловечна и по форме и по содержанию» (1. 384). Русские — это «патологически агрессивные наследники мародёра и храмового грабителя Владимира Святого» (1. 87). «Царь (!?) Иван III Великий правил в Московском "тюркофобском государстве"» (1. 319). «Большевизм стал возможен благодаря... патриарху Никону» (1. 50). «Ханам Крыма не было равных не только в Причерноморье, но и далеко за его пределами»; турецкие султаны «были столь же низкородны, как и московские "цари"» и «новоиспечённые всероссийские императоры-полукровки» (1. 523–524). «Бесчеловечная власть» в России из века в век сохраняла воровство, взятки, доносы, и это стало «второй натурой... великороссов» (1. 478, 479). «Теория классовой борьбы — миф, измышленный, мрачнейшей из неоманихейских философий, марксизмом-ленинизмом», «превозносившим вековое проклятие Руси — коллективные формы труда, быта и низовой культуры» (1. 44, 54, 490). «Бандитская деятельность "интеллигентов"», народовольцев, — это «национальная этнопсихопатия» (1. 56). «Ленинизм в начале XX в. и позже идейно... сливался с черносотенством» (2. 759), а суть идей черносотенцев... оформлялась в этническом подсознании... генетически унаследованных великорусским общинным менталитетом» (2. 761). Ленин и большевики, выпустившие «рафинированно-манихейское насилие и самозванство», были «тифозными вшами, расплзшимися с его идеями по телу империи, а потом и других стран и материков» (1. 67). В 1918 г. «над Крымом завывали ледяные метели средневекового Московского государства». (3. 32). «Подлый бег» большевистских руководителей от немцев в 1918 г. и такой же бег от немцев в 1942 г. (3.54). Гитлеровцы переняли советский опыт массовых репрессий по отношению к евреям (3. 173).

Помимо этого, качество работы снижается из-за многочисленных фактических ошибок: а) при изложении государственного строя и территориального устройства Крыма; б) при описании внутри- и внешнеполитической истории Крыма; в) при изложении общего хода военных конфликтов в Восточной Европе, в которых участвовало Крымское ханство.

Вот некоторые из них.

Буджак не был частью Крымского государства (2. 469), а с 1526 г. был в составе Османской империи.

В сражении под Конотопом 28 июня – 10 июля 1659 г. русские потеряли не 30 тыс., а 4769 чел.¹⁹.

V. REVIEWS

Не верно писать о «новом антитурецком союзе христианских государств» в 1683 г., инициировавшем Великую турецкую войну 1683 – 1699 г. (1. 690). Стамбул первым начал подготовку к полному завоеванию Венгрии с 6 августа 1682 г., Габсбурги же вели себя вяло и нерешительно перед началом османской агрессии²⁰.

Москва не вступила в Священную Лигу в 1686 г. (1. 691), но заключила союз только с Речью Посполитой.

Перекоп (Ор-Капы) не был захвачен русскими в 1697 г.

Никаких военных операций Петра I в Саксонии ни в 1707 г. (1. 729), ни позже не было.

При отступлении Русской армии к верхнему Днепру в 1708 г., разорялась полоса земли в Великом княжестве Литовском, чтобы задержать наступление шведов на Москву. Шведы так и не перешли русскую государственную границу, «установленную Андрусовским миром» (на самом деле перемирием). При отступлении гетманская Украина не разорялась «петровскими поджигателями» (1. 730)²¹ и «кровавой вакханалии» там не было.

После молниеносного взятия мазепинского «гнезда измены» — Батурина 2 ноября 1708 г., отряд Меншикова торопился как можно скорее уйти от наступающих шведов. Времени у драгун «заживо сдирать кожу или сажать на кол в [сожжённом] Батуристине» мазепинцев (1. 734) не было²². Резиденция Карла XII в Молдавии после бегства из-под Полтавы была не в Бендерах, а около с. Варницы.

Деревоземляная крепость Новобогородицкая (Самара) была заложена не в 1703, а перед вторым походом В.В. Голицына на Крым в 1688 г.²³.

Во время турецко-русской войны 1710 – 1711 г. Пётр Великий не ставил цель овладения Босфором и Дарданеллами (1. 742). Был план дойти только до Дуная.

Характерной чертой работы является карикатурное изображение русских монархов. Традиционны эскапады в отношении Ивана Грозного и Петра Великого, который, помимо всего прочего, «жёл книги еретиков на спинах их усердных читателей» (1. 339).

Одиозны утверждения автора и при изложении истории крымско-татарского народа после падения Крымского ханства.

Вопреки тезису Возгрина об изначально извечной культурной пропасти между полярно-противоположными цивилизациями крымцев и русских, после 1783 г. **сформировалась крымско-татарская лояльность и даже «верность верховному властителю»**. Включение мурз и беев в состав русского дворянства и русский культурный круг было действенным средством отсечения пуповины, связывающей Крым с Турцией. Крымские татары были освобождены от обязательной военной службы и подушной подати. В войну 1787 – 1791 г. на русской стороне верно и храбро на добровольческой основе в своей традиционной одежде служили 3 конных крымско-татарских полка. 4 крымско-татарских полка, сформированные в 1807 г., достойно сражались в битве при Бородино. В 1812 г. «при феномене презрения и зависти (?) русских к татарам» (2. 531) не вспыхнуло никаких бунтов и было собрано 314 тыс. рублей пожертвований (2. 479)²⁴. Значительная часть крымских татар помогала Русской армии в Крымской войне и в честь их заслуг в 1863 г. был сформирован отдельный отряд, подчинявшийся непосредственно императору²⁵. Спокойный отдых царской семьи в Ливадии обеспечивался почётным Крымско-татарским полком.

Для татар не было введено крепостничество, как на Украине, и они остались лично свободными. Произошло существенное смягчение зависимости рядового татарского населения от мурз. Элите Крыма оставались привилегии, и она приспособлялась к образу жизни русского дворянства, перенимая язык, одежду и стиль жизни. Уважались культурные особенности мусульман, оставлено свободное отправление культа. Мусульманское духовенство освобождалось от налогов, а высшему — предоставлялось содержание от государства. В результате

оно без колебаний поддерживало русское правительство вплоть до Февральской революции 1917 г. «Кооптированные» властью татарские верхи в XIX в. в значительной мере обрусели²⁶. Однако «многотерпеливость», «опасная и вредная мягкость, доброта, податливость и уступчивость» крымских татар Возгриным порицается как национальный позор (2. 601–606, 760, 876): «Крымские татары понесли от своего вечного всепрощения огромный ущерб... национального масштаба. Достоинство традиционной терпимости обратилось в свою противоположность, став недостойным Человека... Это позорное пятно... пока не смыто» (2. 613)²⁷.

* * *

В целом изложение прошлой судьбы Крыма «заквашено» на непримиримом отторжении истории России. Возгрин указывает: массам России следует осознать, что «в великорусской среде сохранилось огромное число людей Средневековья, живых окаменелостей, выпавших из истории» (1. 47)²⁸. В то время когда в Европе «закладывались основы современной атлантической цивилизации», Иван Грозный с его архаическим примитивизмом проводил слепую агрессивную внешнюю политику (1. 594). В 1654 г. Украина отказалась от «плодотворного союза с Крымом» и заключила «совершенно безумный Переяславский стовор», который положил начало тотальному лишению Украины политических и экономических свобод и воцарению крепостного права (1. 655, 657). «Московские каратели и насильники» в XVII в. рассчитывали рано или поздно раздавить ханство всей своей мощью (1. 650). Россия уже с XVII в. готовилась к депортации 1944 г. (1. 677, 678). Антикрымская программа Ю. Крижанича — «психомаргинала-психопата» такого же склада, как Пётр I, Гитлер и Сталин, была полностью выполнена в XVIII – XX в. Россия в конце XVII в. сопоставима с Крымом по военному и экономическому потенциалу (1. 695)²⁹. «Первобытное и бесприбыльное расселение по "Дикому полю" парализовало развитие русского общества» (1. 705–706). Неверно, что перед Полтавской битвой «часть крымского войска остановилась в Кобеляках (в 50 км от Полтавы), а часть выдвинулась к р. Самаре... и не сдвинулась с места до августа [1709 г.]» (1. 735 – 736)³⁰. Автор принимает за истину пропагандистские данные источников и уверен, что весной 1709 г. (когда армия Карла XII была обессилена), был реален шведско-татарский поход на Москву при содействии наследника Мазепы Ф. Орлика, который якобы, «как полководец, обладал чрезвычайно высоким авторитетом во всей Европе», а «талантливый» провидец и «политически нестигаемый» Девлет Гирей II, «к незаурядному политическому дару которого» прониклась уважением вся Европа, создал проект «много-сторонней системы... единственно способной предотвратить... агрессию России на черноморском и балтийском направлениях» (1. 739–741).

Как террор, геноцид и репетицию крымской депортации 1944 г., автор трактует вывод христиан (31 тысячи армян и греков) из Крыма «палачом-карателем А.В. Суворовым» в Азовскую губернию в 1777 – 1778 г. (2. 368–371). На самом деле вывод христиан преследовал цель подрубить экономику ханства. Отношения татар с христианами были не такими уж благостными, если в 1771 г. жители Кафы, узнав о приближении единоверцев-русских, громили дома татар и турок, а «потомственные каратели татарофобы-греки» в конце XVIII в., в 1807, в 1812 годах «и позже подавляли малейшие признаки недовольствия коренных жителей» (2. 452).

Непримирим автор к «звериному сердцу Екатерины II». Когда она провела в 1783 г. аннексию Крыма, наступила ужасающая катастрофа природы — сведение леса, упадок виноделия, «оголтелое разрушение» оккупантами городов и сёл, разгром и надругательство над памятниками Крыма. Были созданы бараки российского «освенцима культуры» (2. 401, 402). «Стервятники»-чиновники и офицеры «растаскивали древние мечети и кладбища на материал» (2. 462).

Если до начала русской оккупации крымские татары ощущали себя «последней частью великой Золотой Орды», то теперь Крым был «с кровью выдран из тюрко-персидского культурного тела и попал под власть неверных» (2. 430). Оскорбление мёртвых было нужно, чтобы вынудить к эмиграции 70 тысяч крымских татар (2. 413, 421). Возмущение автора велико: как Европа допустила незаконный акт насильственного захвата Россией суверенного государства? Как удалось «безжалостному и слепому агрессору», провести аннексию? Почему «разбойничьему захвату» не сопротивлялся коренной народ Крыма? (2. 341). Здесь В.Е. Возгрин, упуская из вида союз Австрийской монархии и России, а также войну Франции и Англии в Северной Америке, солидарен с известным ненавистником России А. Кюстином — «коленопреклонённый раб грезил о мировом господстве» (2. 343). Но ведь можно взять и шире исторический диапазон: Чингисхан объединил Северную Евразию с востока до запада, а русские цари с XV – XVI в., повторили то же самое, двигаясь с запада на восток!

Автор противопоставляет «мародёрство оккупантов» (из свиты Екатерины Великой во время её путешествия в Тавриду), «шаривших по [татарским] крестьянским домикам» в поисках яиц, молока и сыра, высшим чинам гитлеровской армии, которые «по крымско-татарским курятникам никогда не шарили» (2. 441).

Запустение Крыма («Пепелище»), о котором сокрушается профессор, было временным. После войны 1787 – 1791 г. началось возрождение экономической жизни Крыма. Давно уже развеяна В.С. Лопатиным легенда о «потёмкинских деревнях», но в очередной раз повторяется легенда о «масштабном моделировании» деревень «прожжённым мастером коварной лживой политики» Г.А. Потёмкиным. И ни слова не сказано о строительстве Севастополя и Симферополя, военно-морского флота и др. Однако контрасту нравственности между крымскими татарами и русскими уделено много места. Если в России было «семейное нравственное гниение» (2. 321), то в Крыму торжествовала высокая сила семейных привязанностей, отсутствие феодального порабощения одних татар другими, любовь к детям, забота об их гигиене, свобода женщин, восходящая к монгольским временам и т. д. Татарка — жена и мать, не была рабочим скотом и не «влезала в хомут» после замужества (2. 293–340). Аполитичность крымско-татарского крестьянства, «физическая деградация — прямой результат русского господства над бывшим ханством» (2. 429, 690).

В первой половине XIX в. «русские колонизаторы» не воспользовались высокой культурой Крыма, но «выжгли» её (2. 559–564). Во время войны 1853 – 1856 г. вклад крымских татар в оборону Крыма был немалым, но если англичане, французы, сардинцы вели себя как благородные цивилизаторы, то от «бесчинств русской солдатни» и казаков жителям татарских деревень приходилось в панике убегать. Исход в конце 50–60-х годов XIX в. затронул, по разным источникам, от 140 до 190 тысяч населения (2. 644).

Известна благодарность болгар России за освобождение от османского ига в войне 1877 – 1878 г., но по оценке Возгрина, Россия (наряду с другими странами) приняла тогда участие «в растаскивании Османской империи..., напоминавшем *пиршество гиен*» (2. 812). Славянофильство представляло собой «научный расизм», в панславизме были «агрессивные, разрушительные черты», но *пантюркизм — это конструктивное явление* (2. 693, 801–802).

XX век принёс коренному народу Крыма ещё большие испытания: «Переворот 1917 г. отбросил Россию назад в нормальную для великорусской традиции... глубокую архаику» (1. 85). «Типично русский, дикий разнузданный бунт, залил Крым кровавой грязью» (2. 899, 900). Суть чудовищных преступлений советской власти была «в рабском сознании огромного этноса» (2. 902, 904).

Автор гордится национально-освободительным движением крымских татар, которых заботили не абстрактные «всечеловеческие мотивы... а положение забитых российской колонизацией крымских татар» (3. 112). В 1917 – 1918 г. на первом курултае была создана «первая в истории человечества мусульманская демократическая республика» (2. 917), но можно было бы упомянуть, что это произошло после русских революций начала XX в. Только «независимая и национальная Крымская республика гарантировала от межнациональных конфликтов» (3. 113). «Кровавая партия», победившая в октябре 1917 г. «принесла новый, тотальный колониализм... новую ступень бесчеловечности, пролетарский колониализм» (3. 121,127). В Гражданской войне белые были «образцом подлинно гражданской глубоко патриотичной и нравственной позиции» (3. 6), красные же убивали придерживающихся нейтральной позиции и классовых врагов (3. 5). Автор неправ, утверждая, что концлагеря впервые были созданы в Советской России в 1918 г. «с целью умерщвления классового чуждого элемента» (3. 165). Впервые они создавались англичанами в войне против буров 1899 – 1902 г.

В 1921 г. между коренным народом и «красными колониальными властями» были «вспышки взаимной холодной ненависти». В соответствии с «людоедскими директивами Ильича» начались «зверства и насилия "ленинской гвардии"» (3. 158, 205, 209).

Марионеточная Крымская АССР (1921 – 1944), где проводилась татаризация, так и осталась «оккупированной колонией» (3. 206, 209). «Культурный погром слова, двойная ломка графики» (перевод в 1928 – 1929 г. письменности с «отвечавшей чувству прекрасного» арабицы на латиницу, а потом на кириллицу) на самом деле был процессом русификации (3. 763, 765).

Коммунистическая пропаганда вбила в голову самого бесправного народа земли чувство хозяина, и «этот духовный наркотик делал людей счастливыми». (3. 659). «Красный террор 1920 – 1921 г., искусственный голод 1921 – 1923 г., репрессии при раскулачивании стали очередным геноцидом крымско-татарской нации. Число жертв превысило «соответствующие демографические перемены в любой российской области» (4. 145).

Страдания крымских татар в середине и во второй половине XX в. перекрыли всё мыслимое³¹. Коренной народ Крыма в отличие от «большевизированного» имперского народа был «абсолютно непричастен» к войне 1941 – 1945 г., он не «разделял предвоенного милитаристского энтузиазма» и был принесён в жертву московским «агрессивным планам захвата Румынии и Турции» (4. 132). «Коммуно-фашистская идеология проиграла в собственном стане». «Палачи-большевики и нацисты» были одинаковы в своём поведении. СССР и гитлеровский Третий Рейх, «коммуно-фашизм», «гитлеро-сталинский социализм» были не только схожи (4. 4–5), но фашизм был гуманнее Советов. Коммунистическая «партия палачей» была несравнима даже с гитлеровской (1. 47).

Известно, что сотрудничество с нацистами было почти на всей оккупированной территории СССР. К прискорбию, в Прибалтике, на Украине и в России (!) ныне набирает силу оправдание коллаборационизма. Не является исключением и профессор Петербургского университета: так как СССР был вторичным образованием по отношению к народам, его составляющим, то в войне с гитлеровской Германией крымским татарам было целесообразно жертвовать этим вторичным фактором. Большевики и фашисты беспощадно истребляли друг друга «ради смерти» (4. 137–138), а крымско-татарский народ хотел выжить.

Уничтожение продовольствия перед наступающим врагом в 1941 г. Возгрин считает преступлением и «откровенным принесением народа Крыма в жертву государству» (4. 33). Советы после голодного периода 1939 – 1940 г., летом 1941 г. вывезли или уничтожили продукты, скот, технику и преступно обрекли народ на голод и вымирание (4. 132)³².

V. REVIEWS

По Возгину, полицейские службы в Крыму поддерживали необходимый порядок. С января 1942 г. вербовались татарские добровольцы для нацистской армии (8–20 тыс.). Группы самообороны создавались в сёлах против мародёров-партизан, реквизировавших имущество и продукты, которые были «чужды Крыму» и «физически уничтожали части мирного населения».

Фашисты отличались дисциплинированностью и корректностью к женщинам-татаркам. Генерал-фельдмаршал Э. Манштейн «был противником сплошной ликвидации советских пленных» в отличие от члена военного совета Л.З. Мехлиса, приказывавшего «кончать пленных фашистов». Генеральный комиссар округа «Крым» А. Фрауенфельд обеспечил расцвет крымско-татарской культуры в 1942 – 1944 г. Работали очаги культуры, театры, учительские курсы, музыкальные училища, музеи, шёл нормальный учебный процесс в школах и ремесленных училищах, выпускались газеты. Фашисты выделяли татарам пахотную землю, виноградники, семенное зерно, тракторы, молотилки, скот (в том числе племенной), платили за урожай марками, организовывали бесплатные медицинские консультации, музыкальные вечера и танцы и целыми подразделениями помогали крестьянам косить, молотить, пахать. Они увеличили и передали в индивидуальное пользование обширные сельскохозяйственные площади. В связи с богатым урожаем пшеницы в 1942 г. цены на зерно к концу оккупации снизились более чем в 50 раз! (4. 64–68). Кроме добровольческих татарских отрядов, причиной создания которых была сама советская власть, лишившая людей хлеба, с немцами сотрудничало около 30000 из местного населения (4. 97–99). По сути, это была «третья сила», боровшаяся «с обоими тоталитарными режимами» (4. 134).

Немецкие источники практически полностью согласуются с такой характеристикой Возгина. На первом заседании татарского комитета в Симферополе 3 января 1942 г. говорилось о большой чести выступить вместе с немцами против «общего злейшего врага». Согласно немецким данным, в Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре и других местах состоялись молитвы мусульман за победу фюрера, к 15 февраля 1942 г. в 203 населённых пунктах и в 5 лагерях для военнопленных было завербовано 9225 татар-добровольцев³³. По данным Возгина, в партизанских отрядах было 598 татар (4. 117), в декабре 1943 г. из Крыма было готово бежать 30–40 тыс. чел., но успело бежать только 17700 чел. (4. 217).

Глава о депортации крымцев в 1944 г. писалась с неистовостью: «Едва окончилось немецко-румынское присутствие в Крыму, как вернувшийся режим, явно истосковавшийся по крови невинных жертв, с новой яростью впустил свои когти в тело измученного коренного народа» (4. 152). Поднялась «эскалация великодержавного шовинизма» и «психопатологическая аномалия русского этноса — слепая ненависть» (4. 232–234, 241–242).

В геноциде татар 1944 г. обвиняется весь русский народ: осуществлялось «сознательное умерщвление (геноцид) более трети народа, совершенное господствующим этносом». За первый год депортации погибло 46,2 % от общей численности народа (4. 203). Всего было вывезено 191044 татар³⁴.

Можно повторить, что нормальный человек сочувствует страданиям любого народа. Но можно вспомнить (никоим образом не оправдывая явления), что принудительное переселение больших масс людей было стандартным явлением в истории человечества. Монголы Чингисхана гнали разноплеменную волну на Восток, города Золотой Орды и империи Тимура строились подневольным людом. Испанцы изгнали всех арабов из Испании. Правительство США в 1942 г. депортировало 110 тысяч японцев со всего западного побережья Тихого океана, а также вдоль границы с Мексикой. Перед началом Второй Мировой войны, когда японцы 7 июля 1937 г. вторглись в Китай (а Корея с 1910 по 1945 г. была колонией Японской империи), в августе 1937 г. «в целях

V. РЕЦЕНЗИИ

предупреждения японского шпионажа» вышло советское постановление о выселении 172 тысяч корейцев из Приморья в Узбекистан. 24 июля 1944 г. произошло выселение турок-месхетинцев из приграничных с Турцией районов Грузии.

* * *

Не покаяние, а изгнание русских из Крыма — «государственного образования, по-прежнему имеющего статус независимого ханства» (2. 385–386), — таков основной вывод В.Е. Возгрина. Выставлен полный счёт русской истории, поставлены все точки над «i». Каждая строка в четырёх томах — оружие беспощадной информационной войны против «извечной империи зла», жить с рядом с которой всегда было смертельно опасно для небольших государств из-за особого склада этнической психологии русских (2. 425).

Возгрин «предрёк» духовную гибель страны и русского «этнуса-паразита» «вследствие упорного и нераскаянного кощунства» (1. 86).

Эта работа — пособие по изучению накаляющейся в последнее время русофобии и подспорье для идеи, что массовые преступления великорусского этноса против человечности, не имеющие срока давности, подлежат суду международного трибунала «Нюрнберг-2». В накалённой атмосфере Крыма, который, как пишет автор, «и поныне весь — сплошная кровоточащая рана», она сыграет роль пороховой бочки.

Людям опасно жить ненавистью и местью. Груз прошлого не должен остановить устремленность в будущее — мирное сожительство мусульман, тюрков и славян вполне возможно. Крым — общая родина для равноправных граждан всех национальностей. Зовущий к крови рефрен «Не забудем, не простим!» гуманнее сменить на лозунг «Мир, добро и вместе в будущее!».

¹ Возгрин В.Е.: 1) Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. 446 с.; 2) Империя и Крым: Долгий путь к геноциду. Бахчисарай, 1994. 43 с.

² Особенно часто цитируется: *Надинский П.Н.* Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1952. Ч. 1. 230 с.; Очерки по истории Крыма: Крым в период Великой Октябрьской Социалистической революции, иностранной интервенции и гражданской войны (1917 – 1920 гг.). Симферополь, 1957. Ч. 2. 303 с.

³ Допускается и недоброкачественное цитирование. К примеру, ссылаясь на крупного немецкого историка А. Каппелера, он пишет, что в России «расизм по признаку крови» начался с 1798 г., стал потом «общероссийской традицией» и «расцвёл в терроре 1930-х» (1. 45, 2. 453–454, 551). А. Каппелер же писал иначе: «Постепенно понятие "инородцы"... потеряло своё исконное нейтральное значение... [и стало служить] для пренебрежительного отграничения от охваченного теперь идеей национализма "государственного народа" всех "чужих", принадлежащих к иному роду, племени, образу жизни, а потенциально и к другой расе» (*Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М., 2000. С. 126).

⁴ Здесь и далее первая цифра означает номер тома, вторая — страницу.

⁵ Например, в 1605 – 1633 г. на юг Речи Посполитой было совершено 26 набегов (то есть почти ежегодно). Было разорено 72 городских предместья, сожжено больше половины (2245) сёл, количество убитых и угнанных в рабство (согласно реестрам и люстрациям, сохранившимся в книгах Львовского городского суда и Львовском архиве) составило 128869 чел. Вслед за набегами вспыхивал голод, болезни, разорялись ремёсла, панские и крестьянские хозяйства. В целом до 1648 г. общие демографические потери, вызванные татарскими набегами, составили около 300 тыс. чел. (*Horn M.* Skutki ekonomiczne najazdow Tatarskich z lat 1605–1633 na Rus Czerwona. Wroclaw etc., 1964. С. 92–94).

⁶ Ссылка автора на: A.W. Fisher'a в *Canadian-American Slavic Studies*, 1972. Vol. 6. (1. 393–410, 431–440).

⁷ Этические основы крымскотатарской нации, пишет Возгрин, не пострадали от «мерзости и грязи (русского) колониального быта», от контакта с «гносными и общепризнанно пропойными

- манерами русского крестьянства» (2. 270, 272). Дана антирусская ссылка на пристрастного англичанина, воевавшего в 1855 г. в Крыму.
- ⁸ Известно, как чингизиды в 1236–1239 г. расправились и не оставили камня на камне от исламской Волжской Булгарии. Силы же первого московского князя Даниила (1261–1303) были крайне слабы. Возгрин ошибается, когда пишет, что сразу после извращения Руси от «ужасного татаро-монгольского ига» (1480) по Судебнику 1497 г. (а не 1498!) на Руси было введено «долгожданное рабство и крестьяне были наконец-то намертво прикреплены к земле феодалов» (1. 281). Историк А.А. Зимин утверждал, что «кабальное холопство» вытеснило «полное холопство», знаменуя новый шаг к изживанию остатков рабства на Руси.
- ⁹ Сам автор указал, что по подсчётам травяной массы степная часть полуострова могла прокормить только 70 тыс. населения (1. 214).
- ¹⁰ Поволжские татары, украинцы, мордва и др. точно также перемещались на восток. Автор с удовольствием цитирует (1. 706) хлёсткие слова К. Маркса о том, что Пётр Великий сочетал «захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательские тенденции монгола-властелина» (Разоблачение тайной дипломатической истории // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 11).
- ¹¹ С середины XV в. по 1783 г. средний срок правления ханов составлял 5 лет. За 1700–1720 г. турки 8 раз сменили правителей Бахчисарая (*Ben-nigsen A. Le Khanat de Crimée dans les Archives du musée du Palais de Topkapı. Paris, La Haye, 1978. P. 361–370*).
- ¹² Политическая структура ханства представляла децентрализованную монархию, которая управлялась ханами, членами их семей, татарскими и ногайскими феодалами (*Kolodziejczyk D. Divided Sovereignty in the Genghisid States as Exemplified by the Crimean Khanate : «Oriental Despotism» à rebours? // Acta slavica japonica. 2012. Vol. 32. P. 1–21*).
- ¹³ На самом деле войско М.И. Воротынского, треть которого была вооружена огнестрельным оружием, насчитывало (вместе с даточными и казаками М. Черкашенина) 35 тыс. чел. и было растянуто на 150 км от Калуги до Каширы. У Девлет Гирея было до 40 тысяч воинов, а вместе с ногайцами и черкесами около 50 тысяч (*Пенской В.В. Русско-крымская война 1568–1574 гг. Белгород, 2009. С. 76–78, 104*).
- ¹⁴ Любопытно было бы в будущем вывести общий баланс мирных отношений и военного противоборства России и Крыма за XVI–XVIII в.
- ¹⁵ В 1769 г. вместе с поступлениями от Порты всего получалось 3 млн. пиастров или гульденов. Г.Э. Тунманн считал, что перед Карловицким миром 1699 г. Россия и Польша платили по 100000 рейхсталеров (140000 руб. золотом). См.: *Тунмани [Г.Э]. Крымское ханство / пер. с нем. издания 1784 г. Симферополь, 1991. С. 28*.
- ¹⁶ «Эстетика асимметрии» городов Крыма и бахчисарайского Хан-сарая противопоставляется автором Петербургу, Лувру, Тюильри и «зловому, сатанинскому, прославляющему рабство» (А. Кюстин) Московскому Кремлю и симметричным городам Западной Европы вместе с «коммуно-фашистским» проектом Т. Кампанеллы, предтечи «сталинско-гитлеровских лагерей» (2. 37–38, 42).
- ¹⁷ Кроме Ор-Капы, ханы не создали укрепленных пунктов ни на польской, ни на русской границе. Азов, Очаков и четыре форта на нижнем Днепре – Тавань, Газикерман, Исламкерман и Мюба-реккерман были турецкими.
- ¹⁸ В таком случае, люди первобытнообщинного строя тоже «обгоняли» США.
- ¹⁹ Автор не мог учесть кандидатскую диссертацию И.Б. Бабулина, защищённую в 2013 г., но мог бы использовать его работу, изданную в 2009 г. См.: *Бабулин И.Б. Князь Семён Пожарский и Конотопская битва. СПб., 2009. 168 с.*
- ²⁰ *Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683–1699 гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в 17 в. М., 2001. С. 238–243.*
- ²¹ См.: *Артамонов В.А. Полтавское сражение. М., 2009. С. 184–185.*
- Ф.И. Соймонов тоже писал о разорении только белорусской земли: царь «принял путь свой к [верхнему] Днепру».
- ²² Здесь В.Е. Возгрин вторит измышлениям украинских националистических историков. Опровержение см.: *Артамонов В.А. Полтавское сражение. М., 2009. С. 392.*
- ²³ См.: *Хроніка 2000. Дніпропетровські виміри історичної долі. Дніпропетровськ, 2008. Вип. 73. С. 127–128.*
- ²⁴ Вопреки Возгину: крымско-татарские полки не участвовали в сражениях при Аустерлице и Ватерлоо (2. 477).
- ²⁵ О лояльности крымско-татарского населения свидетельствовал генерал Тотлебен. См.: *Габаев Г. Крымские татары под русскими знамёнами : Краткая историческая справка // Журнал Императорского русского Военно-исторического общества. 1913. № 3. С. 131–137 ; Zenkovsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge, Mass. 1960. P. 124.*
- Цит. по: *Jobst K.S. Die Perle des Imperium : der russische Krim-Diskurs im Zarenreich. Konstanz, 2007. S. 251–252.*
- ²⁶ *Jobst K.S. Die Perle des Imperium ... S. 96–98, 350.*
- ²⁷ Следует ли смывать его нетерпимостью и войной?

- ²⁸ В отличие от «классовой паранойи», русских крымцам была свойственна национальная сплочённость. «Крестьяне не могли жить без помещичьей плети» (2. 515, 517, 678).
- ²⁹ Здесь необходимо было привести количественные параметры.
- ³⁰ Автор в данном случае ссылается на дезинформацию двух перебежчиков из шведского (не крымского лагеря!). 28 июня остатки разбитых шведов пришли в Кобеляки на Ворскле, но никаких татар там не встретили. Не упоминают о них ни генерал А.Л. Левенгаупт в своих записках, ни квартирмейстер А. Юлленкрук.
- ³¹ Автор ошибается, что «благодаря пакту Молотов - Риббентроп появилась возможность аннексии Чехословакии» (!?) (4. 7). Пакт был заключён 23 августа 1939 г., гитлеровцы вошли в Судеты 1 октября 1938 г., а аннексия Чехии и Моравии произошла 15 марта 1939 г.
- ³² Известно, что Франция, сдавшая Гитлеру весь свой военный и экономический потенциал и не испытывавшая тысячной доли страданий народов СССР в войне 1941 – 1945 г., необычайно усилила гитлеровскую машину смерти.
- ³³ «Большинство татарского населения выражает практически готовность сражаться... но в отдельных районах призыв к борьбе с оружием в руках не всегда находит должное понимание... Татары из западной части Крыма, особенно из районов Бахчисарая и ближайших пригородов Симферополя, несмотря на большое первоначальное воодушевление, всё же не хотели, чтобы их использовали

вне своих населённых пунктов». Татары восточной части Крыма, Судака, Карасубазара, Старого Крыма и особенно Северного Крыма «почти все поголовно заявляли, что они готовы немедленно с оружием в руках бороться с общим врагом». «Применение татарских рот в боевых действиях показывает, что они в основном действуют хорошо... В стычках с партизанами татары действовали умело... Они гордятся, что носят немецкую форму... В кругах интеллигенции... мечтают о Гроссрейхе (империи) всех мусульман вплоть до районов Кавказа... Русское население чувствует себя частично подавленным ввиду движения татар» (*Литвин Г.А.* Крымско-татарские формирования : документы Третьего Рейха свидетельствуют // Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 89–95).

- ³⁴ Вопреки автору, цели «уничтожения татар, как этноса» (4. 288), противоречит (пусть и не выполнявшаяся) «Записка» Берии от 10 мая 1944 г., в которой предписывалось иметь в эшелонах по 1 врачу и 2 медсестры, горячее питание и кипятки. Прибывающих в Узбекистан следовало наделить приусадебными участками и помочь стройматериалами, давать ссуду в 5000 руб. с рассрочкой на 7 лет, бесплатно выделять муку, крупы и овощи в июне – августе 1944 г. в счёт скота, оставленного в Крыму. Автор указывает, что при выселении татарские женщины смогли забрать драгоценности, серьги, кольца, броши, жемчуг, которые были потом отобраны узбеками (4. 274).

Архив СПбИИ РАН	Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)
ВЕ	Вестник Европы: журнал
ВИ	Вопросы истории: журнал
ВМОИДР	Временник Московского общества истории и древностей российских
ВС	Военный сборник
ВТС	Верховный Тайный совет
ГАНО (г. Арзамас)	Государственный Архив Нижегородской области, г. Арзамас, государственное учреждение
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ГИИМ	Германский исторический институт в Москве
ГАК	Государственная Адмиралтейская коллегия
ГМИИ им А.С. Пушкина	Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
ГСВ	Гистория Свейской войны: (Подённая записка Петра Великого)
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ДАИ	Дополнения к «Актам историческим»
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИВ	Исторический вестник: журнал
ИЗ	Исторические записки
ИОС	История отечественного судостроения
Ея И. В.	Ея Императорское Величество
ИОС	История отечественного судостроения
ЛОИИ	Ленинградского отделения Института истории АН СССР
МИРФ	Материалы для истории русского флота
МС	Морской сборник
НИЦ	Научно-исследовательский центр
ОДАММ	Описание дел Архива Морского министерства
ОЗ	Отечественные записки: журнал
ОМС	Общий морской список
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПБИБВ	Письма и бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 года
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РА	Русский архив: журнал

РАХ	Российская Академия художеств (Москва)
РБС	Русский биографический словарь
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГА ВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РПЦ	Русская Православная церковь
РС	Русская старина: журнал
Сб. ВИМ	Сборник военно-исторических материалов
Сб. РИО	Сборник Императорского Русского исторического общества
СПбГУКИ	Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
СПб ГУП	Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
СПБИН РАН	Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
УрО РАН	Уральское отделение Российской Академии наук (Екатеринбург)
ФГУП	Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак»
ЦАНО	Центральный архив Нижегородской области
ЦВММ	Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)
ЦГА ВМФ	Центральный государственный архив военно-морского флота
ЧОИДР	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
KrA	Krigsarkivet; Военный архив Швеции (Стокгольм)
RA	Riksarkivet; Государственный архив Швеции (Стокгольм)

Михаил Олегович Акишин

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НИИЧ Новосибирского государственного университета (Новосибирск). akishin-mo@yandex.ru

Екатерина Александровна Андреева

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Отдел «Дворец Меншикова») (Санкт-Петербург). eandreeva@yandex.ru

Артём Алексеевич Андреев

кандидат исторических наук, доцент кафедры Этнополитологии факультета Политологии СПбГУ, младший научный сотрудник Отдела «Дворец Меншикова» ГЭ (Санкт-Петербург). gal7gas@yandex.ru

Владимир Алексеевич Артамонов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН (Москва). ovara@mail.ru

Иван Герасимович Дуров

доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор Академии военных наук, полковник (Нижний Новгород). ivan_durov@list.ru

Александр Вячеславович Иванов

художник-реставратор ЦВММ (Санкт-Петербург). vestnik.gsm@yandex.ru

Сергей Александрович Козлов

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, член Международной федерации журналистов (Санкт-Петербург). sakozl@rambler.ru

Павел Александрович Кротов

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до начала XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, академик Академии военно-исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Меншиковский институт» (Санкт-Петербург). pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Michail O. Akishin

doctor of history, candidate of legal sciences, senior lecturer, Chief researcher of Laboratory of the humanities of scientific research department of Novosibirsk State University (Novosibirsk)

Ekaterina A. Andreeva

candidate of historical sciences, Senior Researcher of the State Hermitage (Menshikov Palace Department) (St. Petersburg)

Artyom A. Andreev

candidate of historical sciences, junior research associate of ethnical political studies chair of political studies department of St. Petersburg State University, junior research associate of Menshikov Palace Department (St. Petersburg)

Vladimir A. Artamonov

candidate of historical sciences, senior research associate, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Ivan G. Durov

doctor of historical sciences, candidate of military sciences, professor, the Academy of Military Sciences, retired colonel (Nizhniy Novgorod)

Alexander V. Ivanov

artist-restorer, Central Naval Museum (St. Petersburg)

Sergei A. Kozlov

doctor of historical sciences, professor, head of history, philosophy and cultural studies department of Higher School of Technology and Energy Engineering of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, member of international federation of journalists (St. Petersburg)

Pavel A. Krotov

doctor of historical sciences, professor, Department of Russian History before XX century, Institute of History, St. Petersburg State University, Academician of Academy of Military-Historical Sciences, director of the Research Center «Menshikov Institute» (St. Petersburg)

Алексей Владимирович Морохин

кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения исторического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). alexmorohin@yandex.ru

Юрий Митрофанович Попов

кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга запаса, преподаватель ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж). bars9713@rambler.ru

Роксана Викторовна Реброва

кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). rox-rebr@yandex.ru

Дмитрий Александрович Сидоров

независимый исследователь, переводчик (Новый Уренгой). dasidorov@rosneft.ru; d_sidoroff@mail.ru

Alexei V. Morokhin

candidate of historical sciences, associate professor, Department of the Historiography and Source Study, Faculty of History, Nizhniy Novgorod State University (Nizhniy Novgorod)

Yury M. Popov

candidate of historical sciences, Captain I rank retired, teacher of Military Science and Education Center The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy (Voronezh)

Roxana V. Rebrova

candidate of art history, researcher of State Hermitage (St. Petersburg)

Dmitriy A. Sidorov

freelance researcher, interpreter (Novy Urengoy)

УДК 344.3(47)“1700/1721”

Акишин М. О. Военно-судебная реформа Петра Великого // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 11–32. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье исследуются основные этапы военно-судебной реформы Петра Великого и особенности инквизиционной формы процесса. Важнейшие акты военно-судебной реформы – «Уложение» Б.П. Шереметева, «Краткий артикул» А.Д. Меншикова и «Краткое изображение процессов» – были результатом рецепции европейского права. Суд отделялся от органов военного управления, закреплялся коллегиальный порядок рассмотрения дел с участием профессионального юриста – аудитора. Законом устанавливалась инквизиционная форма процесса, в соответствии с которой «кригсрехты» стали орудием проведения политики верховной власти. Военное право строго соблюдалось на практике. Это способствовало действиям российской армии, согласно законам и обычаям войны, укреплению воинской дисциплины.

Ключевые слова: Великая Северная война, военный суд, инквизиционная форма процесса, судебная практика.

Akishin M. O. Military legal reform of Peter the Great.

Abstract: The article describes essential benchmarks of military justice reform of Peter the Great and peculiarities of inquisitorial methods of its implementation. The most important acts of the reform – «Ulozhenie» by B.P. Sheremetev, «Short Articles» by A.D. Menshikov, and «Short Proceeding's Presentation» – had been resulted from reception of European law. The court had been separated from the military administration and introduced collegial order of proceedings with participation of professional lawyer – an auditor. The law laid down inquisitorial format of the proceeding whereby the «kriegsrechts» became the means of making sovereign power policy. As a practical matter military law had been strictly followed. Thereof it contributed to the Russian Army operations and enhanced military discipline.

Keywords: the Great Northern War, court martial, inquisitorial format of the proceeding, court practice.

УДК 355.48(1-924.71:47)“14/15”

Артамонов В.А. Державное противостояние Крымского ханства и Княжества (Царства) Всея Руси в XV–XVI в. // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 33–41. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Автор, кратко рассматривая взаимоотношения разрозненной, удельной Руси с восточными и южными соседями, а скорее историю поражений и раздоров, убедительно доказывает, что без опоры на сильную державную власть добиться независимости невозможно, а на примере московско-крымских отношений показывает, как Россия, со второй половины XV в. набирая силу и военную мощь, к XVIII в. становится независимым государством.

Ключевые слова: Московское княжество, Русское государство, Крымское ханство, Иван III, Менгли Герай, Иван IV, Девлет Герай.

Artamonov V.A. Sovereign standoff between Crimean Khanate and Russian Principality in XV–XVI centuries.

ABSTRACTS

Abstract: The author in brief form describes the relationship (mostly losses and contentions) of separated Russia with eastern and southern neighbors and therefore provides convincing proof of impossibility to set independence without support of supreme power. The given example of Moscow-Crimea relations demonstrates the way Russia since the second half of XV century by gaining strength and military power becomes an independent state.

Keywords: Moscow Principality, Russian State, Crimean Khanate, Ivan III, Mengli Geray, Ivan IV, Davlet Geray.

УДК 369.542:[355.33+35.08](470+571)"17"

Дуров И.Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и статских чинов, служивших в центральных, губернских и уездных учреждениях Российской империи в XVIII в. // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 42–102. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Автор, изучая и анализируя нормативно-законодательные акты, изданные и выявленные им архивные источники, приходит к выводу, что система пенсионного обеспечения отставных военных и статских чинов на протяжении XVIII в. неуклонно менялась, т. к. руководство империи этому вопросу уделяло постоянное и особое внимание, а пенсия — это пожалованный монархом и только им установленный размер денежных средств от окладного должностного жалования, полученный в основном как поощрение за продолжительную и достойную службу военного и статского чина.

Ключевые слова: Российская империя, Пётр I, Екатерина II, Павел I, пенсионное обеспечение отставных военных и статских чинов.

Durov I.G. Pension coverage of retired military and civilians whom saw services in central, guberniya and uyezd institutions of the Russian Empire of XVIII century.

Abstract: On the basis of study and analysis of the author of normative and legislative acts published and uncovered archival sources he comes to conclusion that pension coverage of retired military and state men during XVIII century had been subject to constant adjustment as the government paid special attention to such matters. The pension used to be certain amount of monies as the part of remuneration fee granted by the sovereign exclusively and mostly as the stimulation for the long-term and diligent service as a military or civilian.

Keywords: Russian Empire, Peter I, Catherine II, Pavel I, pension coverage of retired military and civilians.

УДК 629.53(47)"1722"

Иванов А.В. Первое мемориальное судно Москвы – галера «Струг москворецкий» // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 103–128. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: На основании выявленных документов установлены размеры и реконструирован облик первого мемориального судна Москвы – галеры «Струг москворецкий», на котором в 1722 г. Пётр I совершил путешествие по Волге. Галера была построена в Москве путём оборудования речного традиционного струга корабельным подмастерьем Ф.П. Пальчиковым и участвовала в Персидском походе 1722 г. Позже галера была приведена в Москву и установлена в качестве мемориального судна под Даниловым монастырём, где сохранялась до 1748 г. После 1749 г. галерный ученик Есипов выполнил с галеры обмерный чертёж, а затем модель, которая сохранилась до настоящего времени. Модель

использовалась в проектных работах при подготовке к путешествию Екатерины II по Волге в 1767 г. Автором на основе сравнительного анализа источников показано, что модель Есипова только очень отдаленно отражает реально построенное судно.

Ключевые слова: Пётр Великий, Екатерина II, галера «Струг москворецкий», Ф.П. Пальчиков, Персидский поход 1722 г., верейка, плезир-яхта, мемориальное судно, галера «Тверь».

Ivanov A.V. The first memorial vessel of Moscow – galley «Strug Moskvoretskiy».

Abstract: On the basis of uncovered documents it has become possible to determine dimensions and reconstruct the appearance of the first memorial vessel of Moscow – galley «Strug Moskvoretskiy», the vessel used by Peter I in 1722 for his voyage down the river Volga. The galley was built in Moscow by shipwright apprentice F.P. Palchikov by means of re-equipment of conventional river strug. The galley took part in Persian Campaign of 1722. Later the galley was taken upriver to Moscow to become a memorial vessel stationed at Danilov monastery. At that site the galley had been preserved until 1748. After 1749 galley shipwright apprentice Esipov took off her dimensions and constructed a model that survived to these days. The model was utilized for designing purposes while preparation of Catherine II voyage down Volga in 1767. Comparative analysis of the sources allows the author to come to the conclusion that the model bears only vague resemblance with actual vessel built.

Keywords: Peter the Great, Catherine II, galley «Strug Moskvoretskiy», F.P. Palchikov, Persian Campaign of 1722, wherry, pleasure yacht, memorial vessel, galley «Tver».

УДК [339.165.4+347.799.62+355.353](47:261.24)“12/1725”

Кротов П.А. Борьба России за свободное судоходство на Балтийском море в XIII – первой четверти XVIII в. // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 129–140. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В середине XIII – XV столетиях русские купцы были лишены возможности свободного торгового мореплавания на Балтийском море. Швеция, города Ганзейского союза, Ливония препятствовали установлению торговли по морю русскими купцами. Вместе с созданием единого Русского государства в конце XV в. власти страны начинают долгую борьбу за свободное развитие торговли с европейскими странами по Балтийскому морю. Надёжно разрешить эту проблему с помощью заключения межгосударственных договоров, военных побед на суше, как показал исторический опыт, в «случае России» было невозможно. Только создание на Балтике регулярного Российского военно-морского флота при Петре Великом дало стране возможность свободно развивать торговое судоходство на европейских морях.

Ключевые слова: Российское государство, Пётр Великий, Балтийское море, торговое судоходство, Санкт-Петербургский порт, военно-морской флот.

Krotov P.A. The struggle of Russia for unconfined shipping in the Baltic Sea in XIII – first quarter of XVIII centuries.

Abstract: In the middle of XIII – XV centuries Russian merchants had been deprived of the opportunity of free mercantile seafaring in the Baltic Sea. Sweden, Hanseatic towns, Livonia had been opposing Russian maritime trade. Along with the establishment of single Russian State the government had commenced the long-term struggle for the unconfined trade with European States. Certain problem solution by means of conclusion of interstate treaties, military on land victories as proved by time was not the case for Russia. Only the creation of Russian active navy during Peter's the Great reign offered the opportunities to evolve mercantile seafaring at European seas.

Keywords: Russian State, Peter the Great, Baltic Sea, mercantile shipping, the port of St. Petersburg, Russian Navy.

УДК [342.511.8:327.51](47:436)"1711"

Морохин А.В. Эпизод из истории «брачной дипломатии» Петра I эпохи Северной войны // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 141–151. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В работе на основании ряда новых источников рассматривается вопрос о неудачной попытке Петра I при помощи состоявшегося в 1711 г. династического брака заключить военно-политический союз России с Австрией.

Ключевые слова: Пётр I, Карл VI, дипломат А.А. Матвеев, царевич Алексей Петрович, династический брак, внешняя политика.

Morokhin A.V. The episode from the history of the «marriage diplomacy» of Peter I during the Great Northern War.

Abstract: In this research on the basis of a number of new sources the unsuccessful attempt of Peter I with the help of the dynastic marriage (1711) to enter into a military and political alliance between Russia and Austria has been discussed.

Keywords: Peter I, Charles VI, diplomat A.A. Matveev, tsarevich Alexei Petrovich, dynastic marriage, foreign policy.

УДК 323.31:[355.332::359.2](47)"1741/1743"

Попов Ю.М. Возвращение к петровским нормам службы дворян в начале правления Елизаветы Петровны // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 152–162. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье говорится о постепенном отходе от идеологии служения, установленной для дворянского сословия Петром I, при его преемниках. Итогом такой деятельности стал кризис, сложившийся к началу войны со Швецией (1741–1743), связанный с недоукомплектованностью кораблей флота командным составом. Показаны меры руководства страны во главе с Елизаветой Петровной, направленные на успешное и скорейшее решение этой проблемы.

Ключевые слова: Пётр I, Елизавета Петровна, идеология служения, дворянское сословие, законодательство.

Popov Y.M. Reversion to the norms of Peter the Great of noblemen services during the early reign of Elizabeth of Russia.

Abstract: The article describes steady divergence from the ideology of service set forth for the nobility by Peter I by his successors. Such activity resulted in a crisis related to understaffing of navy ships at the outbreak of war with Sweden 1741–1743. The actions taken by Elizabeth of Russia aimed at successful and prompt handling of this problem have been discussed.

Keywords: Peter I, Elizabeth, service ideology, nobility, legislation.

УДК 355.353.3(485):355.48(282.247.212)“1701/1703”

Сидоров Д.А. Шведская Ладожская флотилия 1701 – 1703 г. // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 163–217. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Шведская Ладожская флотилия, созданная по приказу Карла XII в 1701 г., была призвана обеспечить надёжную оборону шведских границ и территорий в регионе. Практически две полных кампании флотилия контролировала ситуацию на этом театре военных действий. С потерей шведских городов-крепостей в Приневье в 1702–1703 г. флотилия фактически прекратила своё существование. Привлечение шведских архивных документальных источников позволяет более детально рассмотреть события, происходившие на Ладожском озере, на начальном этапе Великой Северной войны. Присутствие шведской флотилии на озере выступило в качестве катализатора для Петра I по ускорению организации собственных озёрных сил и подготовке к более значимой цели – выходу в Балтийское море.

Ключевые слова: Шведский флот, Великая Северная война, Ладожское озеро, Гидеон фон Нумерс, Нотебург, Ниен.

Sidorov D.A. Swedish Ladoga Flotilla 1701 – 1703.

Abstract: Swedish Ladoga flotilla established according to the order of Charles XII in 1701 was to ensure safeguard of Swedish frontiers and territories in the region. In practice for almost two complete campaigns the flotilla remained the master of the theater. The fall of Nöteborg and Nyen in 1702-03 virtually resulted in flotilla's discontinuance. Swedish archival sources made it possible to provide more detailed description of the activities of the flotilla at these early stages of the Great Northern War. Swedish presence at the Lake contributed greatly to acceleration of Peter the Great to establish own lake forces and the preparation to a major target – access to the Baltic Sea.

Keywords: Swedish Navy, the Great Northern War, Lake Ladoga, Gideon von Numers, Nöteborg, Nyen.

УДК 341.713(093)(575+47)“17”

Андреев А.А. Два письма о происхождении бухарского посла Кули-бека тупчи-баши // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 218–224. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Статья представляет собой публикацию двух документов начала XVIII в., связанных с судьбою известного бухарского посла Кули-бека тупчи-баши. На основании представленных челобитных рассматривается уникальный сюжет о жизни Дарьи Ураковой, матери посла, и о нём самом, как об урожденном Хане Кули-беке Уракове, выросшем при дворе Бухарского хана и ставшем впоследствии начальником арсенала хана и его представителем в России.

Ключевые слова: Кули-Бек тупчи-баши, посольство, Вознесенский монастырь, Посольский приказ, Бухарское ханство.

Andreev A.A. Two letters on the ancestry of Bukhara ambassador Quli-beq Tupchi-boshi.

Abstract: The current paper is devoted to two unique documents dated by early XVIII century. Two letters describe some episodes related to the fate of the famous ambassador from the Bukhara Khan Quli-beq Tupchi-boshi and his mother. According to the content of the letters we see that his original name was Quli-beq Urakov and his father, as well as his mother were of Russian origin.

Keywords: Quli-beq Tupchi-boshi, ambassade, Voznesensk monastery, Ambassadorial prikaz, Bukhara Khanate.

УДК [355.257.7:336.2](47)“1550/1730”

Козлов С.А. Русские пленные и полоняничные деньги (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.) // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 225–236. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье рассмотрена история плена в России в контексте бинарной структуры налоги-войны. Показано, как российские власти стремились за счёт увеличения налоговой нагрузки ликвидировать последствия набегов и нападений, совершаемых крымскими татарами на приграничные территории юга России. Рассмотрена трансформация сбора полоняникам на окуп на протяжении длительного времени (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.). От нерегулярного добровольного пожертвования к ежегодно взимавшейся подати (полоняничные деньги), затем он превратился в объединённый налог – ямские и полоняничные деньги, и, наконец, стал архаичным мелким сбором с многочисленными недоимками, который из государственной ведомости о налогах исчез после введения подушной подати.

Ключевые слова: Российское государство, русские пленные, налоги, налоговая документация, военные расходы.

Kozlov S.A. Russian Prisoners and Polonyanichnye Dengi (second half of XVI – the 20s of XVIII).

Abstract: The article examines history of captivity in Russia in the context of the tax-and-war binary structure. It describes how Russian authorities tried to eliminate consequences of the raids and attacks of the Crimean Tatars on Russia's southern border territories at the account of tax increase. It examines the long-time transformation (second half of XVI – the 20s of XVIII) of the tax imposed on population to buy out Russian prisoners. The tax transformed from an improvised voluntary donation to an annual tax (polonianichnye dengi), later it became an integrate tax (yamskiye and polonianichnye dengi), and eventually turned into a minor archaic fee with payment defaults, and even this fee disappeared from the tax collection sheet after introduction of head tax (podushnaya podat).

Keywords: Russian State, Russian prisoners, taxes, tax accounting, military costs.

УДК 728.82(47)“1700/1725”

Андреева Е.А. Производство «голландской» плитки в России в Петровское время : легенды и факты // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 237–246. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В Петровскую эпоху в Россию пришла мода на новое отделочное решение интерьеров – голландскую расписную фаянсовую плитку. Благодаря бурной и разносторонней деятельности Петра I в стране появилось много новых производств, а старые были частично или полностью реорганизованы. Налаживать различные производства царь приглашал иностранных специалистов. Это коснулось и керамического производства – строительного (кирпич, черепица) и отделочного (печные изразцы, различная керамическая утварь, садовые вазы и т. д.). В историографии бытует мнение о налаживании в первой четверти XVIII в. в России производства «голландской» расписной фаянсовой

плитки. В настоящей статье не только разбираются все существующие на сегодняшний день в литературе версии о налаживании производства плитки, но и приводятся новые неизвестные ранее сведения по этому вопросу.

Ключевые слова: Историография, голландская плитка, фаянс, Нидерланды, Санкт-Петербург, Новые кирпичные заводы, Пётр I, Петер Эггбрехт.

Andreeva E.A. Manufacturing of Dutch tiles in Russia during the times of Peter the Great: facts and myths.

Abstract: Peter the Great epoch has witnessed the fashion for new interior finishing – Dutch painted faience tile. Thanks to turbulent and versatile activity of Peter I many new factories appeared in the country and the old ones underwent had been partially or completely reorganized. The Tsar invited foreign specialists to establish manufacturing. That was also true for ceramic manufacturing – construction branch (bricks, roof tiles) and finishing works branch (stove glazed tiles, ceramic ware, garden urns, etc). There is an opinion in historiography on setting up production of «Dutch» painted faience tiles during the first quarter of XVIII century. The article not only analyzes all existing versions but provides new facts on the subject never published before.

Keywords: Historiography, Dutch tiles, faience, delftware, delft blue, Netherlands, St.-Petersburg, New brickyards, Peter I, Peter Eggebrecht.

УДК 728.82(474.2)”1700/1750”

Реброва Р. В. Путешествия печи и голландской плитки из Дома Петра I в Нарве // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 247–254. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье рассматривается история появления голландской плитки в домах обывателей города Нарвы в первой половине XVIII века. Поднимается вопрос о существовании голландской плитки в декоре Дома Петра I. Описывается история перемещений голландской плитки и печи из одного из домов Нарвы по Эстонии.

Ключевые слова: Дом Петра I, Нарва, голландская плитка, изразцы, Тудулинна, Оскар Тоомара. Таллинский городской музей, Нарвский музей, археология.

Rebrova R.V. The travel of a stove and Dutch tiles from the House of Peter I in Narva.

Abstract: The article describes the story of appearance of Dutch tiles in the houses of Narva residents during the first half of XVIII century. The issue of Dutch tiles as a part of decoration of the House of Peter I has been brought up. The article tells the story of traveling around Estonia of Dutch tiles and a stove from a house in Narva.

Keywords: House of Peter I, Narva, Dutch tiles, glazed tile, Tudulinna, Oskar Toomara, Tallinn city museum, Narva museum, archeology.

УДК 94(1-924.71)(=512.145)(049.32)

Артамонов В.А. «Конец историческому долготерпению»: рецензия на труд В.Е. Возгрин «История крымских татар» (СПб., : Нестор ; История, 2013. Т. 1–4) // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2016. — Вып. 7 (17). — С. 255–269. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Рецензент считает, что автор четырёхтомного издания «История крымских татар» В.Е. Возгрин, несмотря на использование источников и историографии на разных языках, не только не смог предоставить доказательную базу своей концепции, направленной непосредственно против России, но и, ссылаясь на политизированные

ABSTRACTS

антитатарские работы послевоенного сталинского времени, статьи горбачёвской «перестройки», устаревшие, неактуальные издания, допускает многочисленные фактические ошибки и неточности, фрагментарно и непоследовательно излагает историю взаимоотношений России и Крыма, опуская одни факты и подчёркивая другие. Цель труда – укрепить самосознание крымских татар, вложив «в руки народа его историю». Однако, по мнению рецензента, эта работа — пособие для разжигания накаляющейся в последнее время русофобии.

Ключевые слова: В.Е. Возгрин, «История крымских татар», Российское государство, Крымское ханство.

Artamonov V.A. «The end of historical long-sufferance» – review of V.E. Vozgrin's book «The History of Crimean Tatars».

Abstract: The reviewer considers that the author of four volume book «The History of Crimean Tatars» despite the use of various sources and historiography in different languages not only failed to provide sufficient body of evidence of his own concept aimed primarily against Russia but referring to politically charged anti-tatar studies from Stalin's epoch, the articles of Gorbachev's Perestroika and other outdated and obsolete sources allows numerous errors in facts and omissions. The author inconsequently and fragmentarily represents the history of relations between Russia and Crimea by omitting one facts and highlighting the others. The goal of the research is to strengthen the self-actualization of Crimean Tatars by means of giving the «nation's history into the peoples hands». However according to reviewer's opinion this book can be considered as a manual for stirring up of heated Russophobia in these latter days.

Keywords: V.E. Vozgrin, «The History of Crimean Tatars», Russian State, Crimean Khanate.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ФОНДА А.Д. МЕНШИКОВА

Председатель – **Д.А. ГРАНИН**, писатель, общественный деятель (Санкт-Петербург)

Первый заместитель председателя – **А.В. БАКЛАНОВ**, чл.-корр. РАХ, проф. Академического ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и Рос. гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена, гл. худож. Дизайнерского центра ФГУП «Гознак», нар. худож. РФ (Санкт-Петербург)

Заместитель председателя – **В.Д. СОЛОВЬЕВ**, гл. ред. «Петербургского телетекста», чл. Союза журналистов (Санкт-Петербург)

Главный научный редактор – **П.А. КРОТОВ**, дир. НИЦ «Меншиковский институт», чл. редкол. издательской программы «Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова», д. чл. АВИН, д-р ист. наук, проф. каф. истории России с древнейших времен до XX века ист. фак. СПбГУ, чл. Совета Д 212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при СПбГУ; чл. редкол. сборника материалов ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург)

Научный редактор – **В.А. АРТАМОНОВ**, зав. Московским отделением НИЦ «Меншиковский институт», чл. редкол. ежегодника «Единорог», канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИРИ РАН (Москва)

Научный редактор – **В.Н. ЗАХАРОВ** д-р ист. наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН по научной работе (Москва)

Научный редактор – **С.А. КОЗЛОВ**, д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории, философии и культурологии СПбГУРП, чл. редкол. журнала «Новый часовой», вице-президент Петровского о-ва историков бумаги, чл. Международного о-ва изучения XVIII в., чл. Санкт-Петербургского союза журналистов, чл. МФЖ (Санкт-Петербург)

Научный редактор – **Д.А. РЕДИН**, д-р ист. наук, зав. каф. истории России, председатель диссертационного совета по ист. наукам УрГУ, ведущий науч. сотр., чл. диссертационного совета по ист. наукам ИИА УрО РАН, чл. Объединенного совета по гуманитар. наукам УрО РАН, зам. гл. ред. журнала «Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки»; чл. редкол. журнала «Уральский исторический вестник» (ИИА УрО РАН) (Екатеринбург)

Научный редактор – **Ю.Н. СМЕРНОВ**, д-р ист. наук, проф., декан ист. факультета, зав. каф. документо-ведения, чл. диссертационного совета по ист. наукам СамГУ, чл. редкол. журнала «Самарский земский сборник» (Самара)

Технический редактор – **И.Е. ПРОЗОРОВ**, канд. пед. наук, преп. каф. информационной аналитики СПбГУКИ, гл. библиограф Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского; чл. редкол. информационно-аналитического сборника о русском зарубежье «Берега» (Санкт-Петербург)

Художник – **А.А. БРЫНЗА** (Санкт-Петербург)

Дизайнер – **А.А. СОЛОДОВ** (Санкт-Петербург)

Администратор – **С.В. ФИЛИППОВ** (Санкт-Петербург)

Директор изд-ва «XVIII век» – **Г.В. ГУБЕНКОВА** (Санкт-Петербург)

Научное издание
Меншиковские чтения – 2016

Технический редактор, корректор
И.Е. Прозоров

Перевод на английский язык
Д.А. Сидоров

Обложка
А.А. Брынза

Макет и верстка
Г.В. Губенкова

Подписано в печать 01.11.2016. Формат 70×100^{1/8}
Усл.-печ. л. 25,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1733. Цена свободная

Издательство «XVIII век»
193124 Санкт-Петербург, ул. 2-я Советская, д. 27/2, лит. А, пом. 48-Н
E-mail: fondmen@mail.ru
Сайт: <http://fondmenschikova.spb.ru>
Тел/факс: (812) 541 01 08

Отпечатано в типографии изд-ва ООО «3-Т»
196247 Санкт-Петербург, Ленинский пр., д. 153-А
E-mail: monacordigroup@gmail.com
Тел./факс: + 7 (812) 612 20 36